ВОСТОЧНАЯ ВОЙНА

и

БРЮССЕЛЬСКАЯ КОНФЕРЕНЦІЯ

1874—1878 г.

ВОСТОЧНАЯ ВОЙНА

и

БРЮССЕЛЬСКАЯ КОНФЕРЕНЦІЯ

1874—1878 г.

Suum cuique.

Ф. Мартенса,

Профессора Спб. университета и члена Института междунар. права.

DK
228

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Министерства Путей Сообщенія (А. Бенке), по Фонтанкѣ № 99.
1879.

195010.

ДОБЛЕСТНОЙ

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Минувшая война вызвала цѣлую литературу, посвященную разработкѣ техническихъ вопросовъ военнаго дѣла и собиранію любопытныхъ данныхъ относительно различныхъ выдающихся происшествій и дѣятелей войны. Только до сихъ поръ, насколько намъ извѣстно, еще не появилось сочиненіе, посвященное изложенію полной исторіи послѣдней войны, съ точки зрѣнія военнаго дѣла и военныхъ операцій.

Восполнить этотъ пробѣлъ не есть задача настоящаго труда; нѣтъ, трудъ этотъ имѣетъ совершенно другую цѣль.

Современная война не есть неограниченная никакими требованіями человѣколюбія физическая борьба между государствами и не представляется безпощаднымъ взаимнымъ истребленіемъ воюющихъ народовъ. Напротивъ, „Красный Крестъ“ долженъ охранять во время военныхъ дѣйствій неприкосновенность раненыхъ и больныхъ воиновъ, и существующіе обычаи и законы войны имѣютъ назначеніемъ напоминать войскамъ требованія, которыя имъ ставятъ современная культура и цивилизація. На этомъ основаніи мы въ правѣ поставить, въ наше время, каждому воюющему вопросъ: соблюдалъ ли онъ, въ про-

долженіе военныхъ дѣйствій, правила и обычаи, обязательность которыхъ онъ не отрицаетъ? Исполняли ли дѣйствующія войска предписанія, имѣющія цѣлью ограничить бѣдствія войны, охранять, по мѣрѣ возможности, жизнь мирныхъ жителей непріятельской страны и поставить предѣлъ разнузданнымъ страстямъ?

Въ разрѣшеніи этихъ вопросовъ заключается *внутренняя* исторія каждой войны. Изложенію *этой* исторіи минувшей войны между Россіею и Турціею посвященъ настоящій нашъ трудъ.

Всѣмъ намъ памятны тѣ гнусныя обвиненія въ совершеніи самыхъ возмутительныхъ звѣрствъ, которыя распространялись, во все продолженіе войны, насчетъ нашихъ войскъ. Съ особеннымъ рвеніемъ туркофилы Западной Европы старались доказать, что Россія, созвавшая въ 1874 году брюссельскую международную конференцію для выясненія обычаевъ войны и ограниченія ея бѣдствій, въ 1877 году совершенно будто бы забыла о своемъ великодушномъ починѣ и никакихъ правилъ войны не признавала. Восточную войну и брюссельскую конференцію старались поставить въ ближайшую между собою связь, съ цѣлью констатировать полнѣйшее противорѣчіе между словомъ и дѣломъ, провозглашеніемъ великодушныхъ началъ и дѣйствительнымъ ихъ примѣненіемъ.

Дѣйствительно, между минувшею войною и брюссельскою конференціею существуетъ тѣсная органическая связь. Цѣль послѣдней войны—освобожденіе христіанскаго населенія Балканскаго полуострова и уничтоженіе порядка, основаннаго на дикомъ произволѣ и неограниченныхъ

никакими законами насиліяхъ. Цѣль брюссельской конференціи—спасеніе невинныхъ жертвъ войны, ограниченіе дикаго произвола и охраненіе интересовъ человѣколюбія и правъ современной цивилизаціи путемъ выясненія обязательныхъ для войскъ правилъ войны. Россія одна выступила дѣйствительною защитницею угнетаемыхъ христіанъ; ей одной принадлежитъ великодушный починъ въ созваніи брюссельской конференціи. Всѣмъ стараніямъ Россіи на благо христіанъ систематически противодѣйствовала Англія; дѣло брюссельской конференціи не увѣнчалось полнымъ успѣхомъ, благодаря энергическому противодѣйствію той же Англіи. Минувшая война, приведшая къ берлинскому трактату, была признана „роздыхомъ“ на пути къ полному освобожденію христіанскихъ народовъ Турціи. Мы убѣждены, что брюссельская конференція всегда будетъ имѣть значеніе „перевала“ въ исторіи практическихъ попытокъ ограничить бѣдствія войны, согласно требованіямъ человѣколюбія и интересамъ самихъ сражающихся войскъ.

Руководствуясь этими соображеніями, мы сдѣлали первую попытку представить исторію минувшей войны съ точки зрѣнія соблюденія обычаевъ и законовъ войны, провозглашенныхъ на брюссельской конференціи и обыкновенно признаваемыхъ воюющими цивилизованными народами. Въ первыхъ двухъ главахъ мы старались выяснить нашъ основной взглядъ на войну вообще и выработанныя практикою и исторіею правила войны. При изложеніи образа дѣйствій нашихъ войскъ въ непріятельской странѣ и на полѣ сраженія, мы воспользовались фактами, собранными нами въ продолженіе войны изъ самыхъ

разнообразныхъ источниковъ. Англійская періодическая литература дала намъ наибольше данныхъ для опроверженія взведенныхъ на наши арміи возмутительныхъ клеветъ.

Передавая на судъ читателей этотъ трудъ, на составленіе котораго мы могли располагать только свободнымъ отъ другихъ занятій временемъ въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ, мы желали принести дань нашего безпредѣльнаго уваженія нашей храброй и доблестной арміи.

Никогда русскій солдатъ не выказывалъ больше беззавѣтной храбрости, какъ въ минувшую войну; никогда наши войска не обнаруживали больше нравственнаго мужества въ борьбѣ съ возбужденными войною страстями; никогда общій нравственный уровень ихъ не стоялъ такъ высоко, и никогда, ни въ одной западно-европейской войнѣ, не одержано столько побѣдъ человѣколюбіемъ надъ насиліемъ, любовью къ ближнему надъ чувствомъ ненависти къ врагу и сознаніемъ своего нравственнаго долга надъ сознаніемъ своей силы,—какъ въ прошлую войну со стороны русскихъ войскъ.

Если настоящею книгою мы прибавили хоть одинъ камень къ памятнику, сооружаемому въ честь и славу русскаго солдата и арміи, то мы почтемъ трудъ нашъ вознагражденнымъ сторицею.

Ф. Мартенсъ.

26-го января 1879 г.

Содержаніе

ГЛАВА I.

Война и право.

Что такое война?—Различныя опредѣленія.—Мнѣнія Демэстра, Прудона, Гердера, Эмиль-де-Жирардена, Трейтчке и другихъ.—Недостатки опредѣленій войны со стороны представителей науки международнаго права. — Взглядъ фонъ-Клаузевица.—Война, какъ историческій процессъ и борьба между народами.—Причины и цѣли войны. — Отношеніе ея къ праву.—Что такое право войны? . . . . . Стр. 1

ГЛАВА II.

Война и законъ.

Война между цивилизованными народами подчиняется законамъ и обычаямъ, выработавшимся на практикѣ. — Кодификація этихъ законовъ въ интересахъ самихъ воюющихъ государствъ.—Противоположное мнѣніе фонъ-Гартмана и Рюстова.—Это мнѣніе опровергается фактами и не раздѣляется замѣчательными военными дѣятелями.—Ошибочность взгляда нѣкоторыхъ писателей по международному праву на кодификацію военныхъ законовъ 47

ГЛАВА III.

Брюссельская конференція 1874 года.

Задача брюссельской конференціи.—Опыты, сдѣланные до нея для ограниченія бѣдствій войны и кодифицированія законовъ и обычаевъ войны.—Полевыя инструкціи Либера.—Женевская конвенція 1864 года.—Историческая роль Россіи въ этомъ вопросѣ.—Декларація Екатерины II 1780 года.—С.-Петербургская военная конференція 1868 г.—Опытъ фран-

Стр.

ко-германской войны 1870—1871 г.—Брюссельская конференція: ея происхожденіе, личный составъ, труды и результаты.—Причины неокончанія дѣла брюссельской конференціи. 87

ГЛАВА IV.

Отъ мира къ войнѣ.

Безъ правильнаго пониманія цѣли послѣдней войны нельзя справедливо оцѣнить поведеніе русскихъ войскъ во время военныхъ дѣйствій.—Раздѣленіе исторіи дипломатическихъ переговоровъ за послѣдніе три года на три періода —Причины герцеговинскаго возстанія.—Политика Россіи, Австро-Венгріи и Англіи.—Консульская коммиссія.—Нота графа Андраши.—Болгарское возстаніе.—Берлинскій меморандумъ.—Война Турціи съ Сербіею и Черногоріею. — Рѣчь Государя Императора.—Константинопольская конференція. — Причины ея неудачи.—Лондонскій меморандумъ.—Объявленіе Россіею войны Турціи 142

ГЛАВА V.

Россія и Турція какъ воюющія державы.

Объявленіе войны.—Открытіе военныхъ дѣйствій.—Отношенія, возникающія вслѣдствіе войны между воюющими государствами.—Обязанность ихъ соблюдать законы и обычаи войны.—Взглядъ Турціи на эти законы и обычаи. — Какъ относилась къ нимъ Россія?—Сенатскій указъ отъ 12-го мая 1877 года.—Его историческое и юридическое значеніе.—Разборъ его постановленій.—Временное положеніе о военноплѣнныхъ 2-го іюля 1877 года.—Основныя его начала. — Другія распоряженія русскаго правительства.—Декларація Института международнаго права отъ 12-го сентября 1877 года 219

ГЛАВА VI.

Русская армія въ непріятельской странѣ.

Чѣмъ лучше всего обезпечивается соблюденіе законовъ и обычаевъ войны?—Взаимныя обвиненія.—Отзывы иностранцевъ о нашей арміи.—Вступленіе на непріятельскую землю.—Военная оккупація.—Прокламація къ жителямъ Болгарскаго края отъ 10-го іюня 1877 года. — Воззрѣнія опыта и теоріи на права и обязанности оккупаціонной арміи.—Постановленія брюссельской конференціи. — Образъ дѣйствія русскихъ

Стр.
властей на непріятельской территоріи въ отношеніи: 1) мѣстнаго общественнаго порядка и законовъ и 2) частныхъ лицъ и ихъ собственности. — Реквизиціи и контрибуціи по брюссельской деклараціи и по распоряженіямъ русскихъ властей. 296

ГЛАВА VII.

Русская армія на полѣ сраженія.

Въ какихъ взаимныхъ отношеніяхъ состоятъ сражающіяся войска?—Ограничены ли они въ выборѣ средствъ нанесенія другъ другу вреда?—Постановленіе с.-петербургской деклараціи 1868 года относительно разрывныхъ пуль.—Брюссельская конференція. — Противъ кого непосредственно должны быть направлены военныя дѣйствія?—Кого считать воюющею стороною? — О некомбатантахъ вообще и корреспондентахъ газетъ въ особенности.—О волонтерахъ или добровольцахъ.— О поголовномъ возстаніи населенія.—Историческій опытъ и современная теорія.—Осада и бомбардированіе. — Шпіоны.— Парламентеры.—О капитуляціяхъ и перемиріи.—О репрессаліяхъ. 401

ГЛАВА VIII.

О раненыхъ и больныхъ воинахъ и военноплѣнныхъ.

I. Связь между судьбою раненыхъ и больныхъ воиновъ и положеніемъ военноплѣнныхъ. — Женевская конвенція 1864 года и дополнительныя статьи 1868 года. — Содержаніе конвенціи и культурное ея значеніе.—Опытъ войны франко-германской 1870 года и брюссельская конференція 1874 года.— «Красный Крестъ» и «Красный Полумѣсяцъ» во время минувшей войны.—Почему нельзя было ожидать отъ турокъ исполненія конвенціи?—Факты, доказывающіе необходимость гарантій, обезпечивающихъ уваженіе «Краснаго Креста».— Протестъ Германіи и другихъ державъ противъ нарушенія турецкими войсками женевской конвенціи.

II. Кто считается военноплѣннымъ?—Постановленія брюссельской конференціи.—Положеніе русскихъ военноплѣнныхъ въ Турціи.—Число ихъ.—Судьба турецкихъ военноплѣнныхъ въ Россіи.—Правила временнаго положенія о военноплѣнныхъ 1877 г.—Число и распредѣленіе внутри Россіи.—Отношеніе къ нимъ русскаго общества.—Общій выводъ 491

ГЛАВА IX.

Объ отношеніяхъ воюющихъ государствъ къ нейтральнымъ державамъ.

Стр.

Вопросы относительно правъ нейтральныхъ, возбужденные въ продолженіе минувшей войны.—Раздѣленіе.—Распоряженія нейтральныхъ государствъ.—Столкновенія съ подданными нейтральныхъ государствъ во время военныхъ дѣйствій на сушѣ.—Доктора изъ нейтральныхъ странъ.—Англійскіе офицеры на турецкой службѣ.

Распоряженія воюющихъ державъ относительно войны на морѣ. — О минныхъ заграждeніяхъ. — О блокадѣ русскихъ береговъ.—Столкновеніе Турціи съ Италіей.—Подвозъ военной контрабанды.—Столкновеніе Греціи съ Турціей. — Призовое судопроизводство 558

Приложенія . . . . . 1—46

Глава I.

Война и право.

Что такое война? — Различныя опредѣленія. — Мнѣнія Демэстра, Прудона, Гердера, Эмиль-де-Жирардена, Трейтчке и другихъ. — Недостатки опредѣленій войны со стороны представителей науки международнаго права. — Взглядъ фонъ-Клаузевица. — Война, какъ историческій процессъ и борьба между народами. — Причины и цѣли войны. — Отношеніе ея къ праву. — Что такое право войны?

Исторія человѣчества есть ничто иное, какъ безпрерывный рядъ кровопролитныхъ войнъ, побѣдъ, пораженій и мирныхъ трактатовъ. Война является для народовъ какъ средствомъ пріобрѣтенія условій физическаго существованія, такъ и щитомъ ихъ національной чести и славы. Если война у народовъ дикихъ есть законное средство для захвата собственности врага и совершеннаго его истребленія, если для нихъ она служитъ занятіемъ наиболѣе почетнымъ и достойнымъ человѣка, то, напротивъ, народы цивилизованные единогласно сходятся въ своемъ приговорѣ надъ войною, какъ самымъ страшнымъ зломъ и бѣдствіемъ, уничтожающимъ плоды многихъ лѣтъ мирной дѣятельности и отнимающимъ жизнь у мил-

ліоновъ людей. Если народы первобытные боготворили войну, если по понятіямъ великихъ воиновъ древняго міра—римлянъ—копье (hasta) было символомъ права собственности, если еще въ средніе вѣка война была «закономъ феодализма» и нормальнымъ состояніемъ международной и государственной жизни, то, напротивъ, изъ современныхъ народовъ ни одинъ не считаетъ возможнымъ открыто признавать войну единственною цѣлью своихъ стремленій и вполнѣ цѣлесообразнымъ средствомъ для разрѣшенія возникающихъ столкновеній. Нѣтъ, общественное мнѣніе все болѣе и болѣе возстаетъ противъ законности войны. Парламенты и народныя собранія единогласно провозглашаютъ третейское разбирательство наиболѣе достойнымъ средствомъ для разрѣшенія международныхъ споровъ. Замѣчательные мыслители и публицисты энергически проповѣдуютъ необходимость устройства международнаго третейскаго трибунала. Такимъ образомъ можно подумать, что современная цивилизація несовмѣстима съ международною рѣзнею, и война осуждена не только христіанскою любовью, но и наукою, и совѣстью цивилизованныхъ народовъ.

Между тѣмъ, дѣйствительная жизнь наталкиваетъ насъ на факты, приводящіе къ совершенно другимъ заключеніямъ. Правда, что у колыбели человѣческаго рода воспѣвались гимны въ честь войны и храбрыхъ воиновъ; безспорно, что лучшія творенія поэзіи и искусства, унаслѣдованныя нами отъ древнихъ, классическихъ народовъ, представляются ничѣмъ инымъ, какъ торжественнымъ воспѣваніемъ подвиговъ полководцевъ и пластическимъ изображеніемъ народныхъ героевъ; несомнѣнно, что въ войнахъ древнихъ народовъ вполнѣ отражались весь складъ ихъ міровоззрѣнія и весь строй общественной и государственной ихъ жизни. Но не менѣе истинно, безспорно и несом-

нѣнно, что и современные цивилизованные народы по справедливости гордятся своими героями, воспѣваютъ *представителей своей военной славы*, чествуютъ защитниковъ своей національной чести и ставятъ памятники павшимъ на полѣ брани и ведшимъ народъ къ побѣдамъ и славѣ. «Никогда не было въ исторіи», говоритъ знаменитый современный мыслитель, «народа, сколько нибудь замѣчательнаго, который бы въ началѣ своей жизни не придавалъ *слишкомъ* большаго значенія военной славѣ и почестямъ»[1]). Но этого мало. Мы можемъ прибавить, что никогда ни въ древности, ни въ средніе вѣка народы не восторгались такъ военными подвигами, какъ въ настоящее время. Никогда народные герои не пользовались большею любовью своихъ согражданъ, какъ у современныхъ народовъ; никогда слава ихъ не дѣлалась такъ скоро удѣломъ тѣхъ, честь которыхъ они защищали; никогда народъ не чувствуетъ сознательнѣе силы соединяющихъ его нравственныхъ и политическихъ узъ, какъ во время войны. Вотъ почему современные народы совершенно сходятся съ народами древняго міра въ томъ, что истинный народный герой—не только защитникъ ихъ славы и чести, но и воплощеніе ихъ національнаго духа, ихъ характера, ихъ хорошихъ и дурныхъ качествъ.

I.

Но какъ согласить эти «увлеченія» военными подвигами съ любовью къ миру, которою, безъ сомнѣнія, проникнуты цивилизованные народы? Какъ объяснить, что неизчислимыя жертвы и бѣдствія войны, вызывающія ужасъ и отвращеніе, не въ состояніи предупредить возникновеніе войнъ? Если война безвоз-

[1]) *Stein*. Die Lehre vom Heerwesen, 1872, S. 5.

вратно истребляетъ плоды долголѣтняго мирнаго труда, если она безпощадно убиваетъ и уродуетъ людей, имѣющихъ, въ качествѣ честныхъ защитниковъ своей родины, неотъемлемое право на уваженіе, то какимъ же образомъ возможно восторгаться побѣдами и чествовать героевъ? Къ лицу ли, въ особенности нашему филантропическому вѣку, предаваться ликованію изъза гибели десятковъ тысячъ людей во время одного сраженія и радоваться опустошенію, можетъ быть весьма продолжительному, страны, бывшей лучшимъ нашимъ покупателемъ на экономическомъ рынкѣ? Вѣдь третейское разбирательство международныхъ столкновеній уже давно провозглашено представителями цивилизованныхъ народовъ лучшимъ средствомъ для поддержанія мира. Почему же еще ведутся войны? Какое онѣ имѣютъ право на дальнѣйшее существованіе въ области международныхъ отношеній?

Всѣ эти вопросы давнымъ-давно задаетъ себѣ человѣчество, но до сихъ поръ оно не нашло удовлетворительнаго ихъ разрѣшенія. Уже давно народы пришли къ тому сознанію, что война—«Божій судъ» и неустранима до тѣхъ поръ, пока не устранятся ея причины. Давно лучшіе умы человѣчества трудились надъ изобрѣтеніемъ средствъ для совершеннаго уничтоженія войнъ и для водворенія, въ отношеніяхъ между государствами, господства правды и справедливости.

Но до сихъ поръ всѣ эти попытки остались только доказательствами ограниченности человѣческаго ума, порочности международнаго порядка и шаткости людскихъ отношеній. Всегда война разрушала то, что создано было миромъ; всегда война устраивала основы будущаго мира; всегда въ войнѣ обнаруживалась жизненная сила народовъ и опредѣлялось ихъ положеніе на поприщѣ міровыхъ событій.

«Война», говоритъ греческій философъ Гераклитъ,—

«творецъ, начало всѣхъ вещей». Война была предметомъ культа и отвращенія. Противоположность въ оцѣнкѣ и пониманіи войны нисколько не присуща только нашему времени. Нѣтъ, уже въ самыя отдаленныя времена мы встрѣчаемся съ весьма разнообразными взглядами на войну. «Никто настолько не безразсуденъ», говоритъ отецъ исторіи, Геродотъ, «чтобы предпочесть войну миру. Вѣдь во время войны отцы хоронятъ дѣтей, во время же мира—дѣти отцовъ». Но въ то же время даже древніе народы сознавали значеніе войны, какъ орудія распространенія культуры и торговыхъ оборотовъ[1]).

Однако только въ XIX столѣтіи противорѣчія, вызываемыя войною, достигли небывалаго развитія. Никогда война не имѣла такихъ ожесточенныхъ и сильныхъ противниковъ между мыслителями, какъ въ текущемъ столѣтіи, потому что никогда она не была настолько разрушительна, какъ въ вѣкъ скорострѣльныхъ ружей и милліонныхъ армій. Чѣмъ болѣе война международная ставитъ на карту всѣ высшія блага, жизнь и честь воюющихъ государствъ, чѣмъ болѣе отъ нея страдаютъ всѣ слои общества и всѣ подданные, тѣмъ понятнѣе та ненависть, которую она вызываетъ, и тѣмъ законнѣе попытки положить предѣлъ происходящимъ отъ нея бѣдствіямъ. Вотъ почему едва ли возможно отъискать вопросъ болѣе спорный, нежели вопросъ о законности и необходимости войны.

Вотъ какъ смотрѣлъ на международную войну знаменитый сардинскій мыслитель Демэстръ.

«Война», говоритъ онъ, «сама по себѣ божественна, потому что она—законъ міра.

---

[1]) *Laurent.* Histoire du droit des gens et des relations internationales II. 140 etc. — *Wiskemann.* Der Krieg, Leiden, 1870 S. 37.

«Война божественна, какъ въ таинственной славѣ, ее окружающей, такъ и въ томъ не менѣе необъяснимомъ влеченіи, которое мы къ ней чувствуемъ...

«Война божественна, благодаря порядку ея объявленія. Какъ часто тѣ, которыхъ считаютъ виновниками войны, сами увлечены обстоятельствами!

«Война божественна по своимъ результатамъ, безусловно не поддающимся предначертаніямъ людей» [1]).

Этотъ гимнъ войнѣ вышелъ изъ-подъ пера писателя, трезвый умъ котораго всегда возбуждалъ удивленіе. Демэстръ набожно преклоняется предъ войною, какъ олицетвореніемъ высшей, сверхъестественной силы. Онъ обоготворяетъ войну, онъ видитъ въ ней перстъ Божій, онъ объявляетъ богохульникомъ каждаго, кто осмѣливается сомнѣваться въ божественномъ происхожденіи войны, вмѣстѣ съ ея бѣдствіями, раззореніями и грудами человѣческихъ тѣлъ. Всякая война, будь она начата самымъ легкомысленнымъ и преступнымъ образомъ, всегда должна быть разсматриваема, какъ проявленіе высшей силы и дѣло Промысла. Если стать на точку зрѣнія Демэстра, то совершенно напрасны всѣ старанія ограничить число войнъ и поставить нѣкоторый предѣлъ проистекающимъ изъ нихъ страшнымъ бѣдствіямъ. Если войны всегда были неминуемы, если можно успокоиться ссылкою на «божественное» ихъ происхожденіе, если мы совершенно безсильны предупреждать возникновеніе легкомысленныхъ войнъ, если Демэстръ не знаетъ международныхъ войнъ, въ которыхъ бы можно было видѣть какое либо поруганіе вѣчныхъ началъ справедливости и святыхъ принциповъ нравственности и права,—въ такомъ случаѣ остается народамъ *только*

[1]) *De Maistre.* Soirées de St. Pétersbourg, II, p. 20 (Bruxelles, 1844).

воспѣвать войнѣ хвалебные гимны, жить войною и работать только для войны.

Нѣтъ, такое мнѣніе не можетъ быть справедливо. Оно до такой степени противорѣчитъ несомнѣннымъ фактамъ и нашимъ самымъ сокровеннымъ чувствамъ, что согласиться съ нимъ нельзя. Вмѣсто того, чтобъ успокоивать свою совѣсть на томъ, что война—«Божій судъ», что за нею признано «божественное» происхожденіе, народы обязаны болѣе и болѣе убѣждаться въ томъ, что въ дѣйствительности война—результатъ ихъ собственныхъ стремленій, ихъ страстей и заблужденій, ихъ добродѣтелей и пороковъ. Война всегда была выраженіемъ той степени умственнаго и культурнаго развитія, на которой находятся воюющіе народы. Всегда войны служили явными доказательствами невозможности мирнаго сосуществованія народовъ, и неоднократно являлись онѣ въ исторіи результатомъ неограниченнаго самолюбія, болѣзненнаго развитія страсти къ завоеванію чужихъ земель и къ захвату чужой собственности. Нѣтъ сомнѣнія, что многія войны дѣйствительно были орудіями распространенія новыхъ началъ культуры и образованности. Безспорно также, что войны неоднократно приводили къ новому сплоченію частей расшатаннаго государственнаго организма, и потому, имѣли самое благотворное вліяніе на общественный строй воюющихъ народовъ.

Но не слѣдуетъ, въ то же время, забывать, что международная война также часто приводила народы, безъ всякой съ ихъ стороны вины или возможности тому препятствовать, на край гибели. Хорошо, если обнаруженныя войною общественныя язвы, могутъ быть излечиваемы по наступленіи мира, но, къ сожалѣнію, быкновенно война оконченная содержитъ въ себѣ зародышъ новой войны и для упроче-

нія мира требуется еще много новыхъ жертвъ и лишеній.

Итакъ, взглядъ Демэстра на войну есть ничто иное, какъ возведеніе въ аксіому теоріи совершившихся фактовъ. «Божественнымъ» происхожденіемъ можно оправдывать всякую войну, можно извинять всевозможныя опустошенія и преступленія, но никакъ нельзя убѣдить народы въ томъ, что война не служитъ доказательствомъ порочности чувствъ воодушевляющихъ ихъ въ отношеніи другъ друга и несообразности установленнаго общественнаго и международнаго порядка. Если Демэстръ находилъ возможнымъ воспѣвать божественность войны и требовать безусловной покорности предъ ея приговоромъ, то, напротивъ, Джонъ Ст. Милль утверждаетъ, что «было бы оскорбленіемъ читателя подвергать обсужденію предъ нимъ безнравственность завоевательныхъ войнъ или самаго завоеванія, происходящаго изъ законной войны». На этотъ счетъ не можетъ быть двухъ мнѣній между «честными людьми» (honest people)[1]).

Какая непроходимая пропасть между точкою зрѣнія пьемонтскаго патріота и взглядомъ знаменитаго англійскаго мыслителя!

Однако, не смотря на всю односторонность воззрѣнія Демэстра, оно находило въ новѣйшее время нѣсколько весьма даровитыхъ защитниковъ. Казалось бы, періодъ мира, воцарившійся въ Европѣ послѣ 1815 года, и общее желаніе народовъ залечить раны, нанесенныя нескончаемыми войнами въ началѣ нынѣшняго столѣтія, должны были охладить воинственный жаръ писателей. Правда, только послѣ 1854 года, когда снова открывается цѣлый рядъ новыхъ между-

[1]) *Mill's* Dissertations and Discussions, London 1867, t. III, p. 171.

народныхъ войнъ, число безусловныхъ защитниковъ войны въ литературѣ замѣтно увеличивается. Практика оказала самое рѣшительное вліяніе на теорію, люди меча—на людей пера. Если первые жизнью и кровью запечатлѣваютъ свои убѣжденія, то послѣдніе только словомъ и писаніемъ громятъ своихъ противниковъ, возводя въ апоѳеозъ и войну, и ея бѣдствія.

Къ такимъ ярымъ защитникамъ войны принадлежитъ Прудонъ, трудъ котораго «La guerre et la paix» представляетъ собою самый назидательный примѣръ заблужденія свѣтлаго ума и большаго таланта. Этотъ французскій мыслитель также исходитъ изъ того положенія, что «война божественна, т. е. первобытна, существенна для жизни, для самого человѣка и общества». Этого мало. Война также идеальна: она—«откровеніе правосудія. «Война», восторженно восклицаетъ Прудонъ, «это—наша исторія, наша жизнь, вся наша душа; это—*законодательство, политика*, государство, отечество, общественный строй, международное право, поэзія, богословіе; еще разъ, это—*все*».[1])

Прудону, дошедшему въ своемъ экстазѣ до этого положенія, оставалось сдѣлать еще только одинъ шагъ, чтобы возвести право физической силы на степень идеала для человѣческаго общества. И дѣйствительно, французскій мыслитель не останавливается на этомъ: онъ открыто объявляетъ, что существуетъ *право силы* (droit de la force), на основаніи котораго сильнѣйшій имѣетъ право на предпочтеніе предъ слабѣйшимъ, на лучшее вознагражденіе, хотя бы слабый былъ прилежнѣе, умнѣе, человѣколюбивѣе и старше. «На чьей сторонѣ сила, на той сторонѣ—правда»[2]).

---

[1]) *Proudhon*. La guerre et la paix. Bruxelles. 1861, tome I, p. 30, 53, 62, 107.

[2]) *Proudhon*, ibid, p. 203, 137.

Трудно зайти въ защитѣ войны дальше Прудона. Но именно въ этой послѣдовательной и неумолимой логикѣ заключается неотрицаемая прелесть всего остроумнаго и полнаго свѣтлыхъ мыслей труда французскаго писателя. Онъ не остановился на полпути; онъ не боялся ни криковъ филантроповъ, ни нападковъ своихъ безчисленныхъ враговъ. Прудонъ положилъ въ основаніе своего труда софизмъ и развилъ его самымъ послѣдовательнымъ образомъ до крайнихъ предѣловъ.

Въ этомъ состоитъ его заслуга, и этимъ онъ самъ осудилъ свой взглядъ и собственными руками разрушилъ зданіе, возведенное имъ съ такимъ остроуміемъ и несомнѣннымъ талантомъ.

Весь софизмъ Прудона и вся его аргументація основываются на той идеѣ, что тамъ, гдѣ *сила*, тамъ и *право*, *правда* и *справедливость*. Это положеніе является у него основнымъ. Съ нимъ онъ приступаетъ къ разсмотрѣнію всѣхъ отдѣльныхъ вопросовъ права войны. Между тѣмъ нигдѣ, во всемъ своемъ сочиненіи, онъ не даетъ себѣ даже труда доказывать разумность этой мысли. Она является у него, на первыхъ же страницахъ, какъ Deus ex machina: никто не понимаетъ, откуда взялась эта основная идея, и никто не знаетъ, чѣмъ ее доказываетъ авторъ.

Между тѣмъ именно на этомъ смѣшеніи идеи правды и справедливости съ понятіемъ физической силы основывается вся аргументація Прудона. Но стоитъ ли доказывать, что сила и справедливость далеко не равнозначащія понятія? Неужели ежедневный опытъ и исторія международныхъ войнъ не представляютъ достаточно убѣдительныхъ доказательствъ тому, что нерѣдко сила надругается самымъ возмутительнымъ образомъ надъ законными правами и вѣчными принципами правды и справедливости? Нѣтъ, *эта* истина

не требуетъ доказательствъ. Вся исторія полна такими фактами, при воспоминаніи о которыхъ кровь стынетъ въ жилахъ, становится страшно за человѣчество и убѣждаешься въ справедливости словъ мизантропа Гоббеза: homo homini lupus. Если согласиться съ основнымъ положеніемъ Прудона, то мы должны признать справедливыми и законными такія вопіющія преступленія, какъ Сицилійскую вечерню, Варѳоломееву ночь, убіеніе Наполеономъ I герцога Энгіенскаго, всѣ войны Людовика XIV и Наполеона I. Малого того. Мы должны, въ такомъ случаѣ, также преклониться предъ божественнымъ правомъ турокъ систематически убивать и истреблять всѣхъ своихъ христіанскихъ подданныхъ. Или, можетъ быть, христіанское населеніе Турціи *только* потому имѣетъ право на неприкосновенность жизни и чести, что за него постоянно заступалась такая могущественная держава, какъ Россія? Приходить къ подобному заключенію значитъ горько насмѣхаться надъ судьбою несчастной райи. Между тѣмъ оно логически вытекаетъ изъ софизма Прудона, на основаніи котораго турки до тѣхъ поръ имѣютъ право избивать христіанъ, надругаться надъ честью ихъ женъ и дочерей и расхищать ихъ собственность, пока сами христіане не въ силахъ будутъ дать имъ отпоръ и прогнать своихъ вѣковыхъ мучителей въ Азію.

Если ложность основнаго положенія Прудона доказана, то нѣтъ надобности опровергать всѣ выведенныя изъ него заключенія. Онъ самъ до того увлекается своимъ софизмомъ, что считаетъ возможнымъ утверждать, что война—все, и что ею исчерпывается вся человѣческая жизнь. Прудонъ усматриваетъ въ войнѣ не только борьбу между государствами изъ-за своихъ интересовъ и претензій; нѣтъ, она, по его глубокому убѣжденію, кладетъ основы и общественному

строю, и государству, и законодательству, и политикѣ. Этого мало. Прудонъ объявляетъ, что въ войнѣ должны искать свои основныя положенія также международное право и поэзія. И этого мало. Война, пресерьезно утверждаетъ нашъ софистъ, служитъ также основою богословія!

Таково воззрѣніе Прудона на войну. Его трудъ, не смотря на коренной его недостатокъ, представляется, однако, замѣчательнымъ не только по силѣ логики и остроумія автора; онъ заслуживаетъ полнаго уваженія еще и потому, что только Прудонъ открыто и честно выставилъ тѣ положенія, къ которымъ должны были придти всѣ сторонники войны, какъ лучшаго средства для окончанія международныхъ распрей. Какъ несравненно ниже Прудона стоятъ тѣ современные мыслители, которые съ гораздо меньшимъ талантомъ проповѣдуютъ его же идеи!

Нѣтъ сомнѣнія, что къ числу наиболѣе выдающихся публицистовъ современной Германіи принадлежитъ извѣстный историкъ и берлинскій профессоръ фонъ-Трейтчке. Въ одномъ изъ своихъ талантливо написанныхъ «историческихъ и политическихъ этюдовъ» Трейтчке накидывается, со свойственною ему яростью, на всѣхъ сторонниковъ «слѣпаго миролюбія», которое оскорбительно для нашихъ мыслительныхъ способностей и недостойно «нравственной силы нашего вѣка». Виновниками такого преступнаго миролюбія объявляетъ Трейтчке «матеріализмъ нашего корыстнаго вѣка и жрецовъ маммона изъ манчестерской школы». Нѣтъ, война есть вмѣстѣ и практическая, и теоретическая необходимость, и въ то же время требованіе политической логики. Предъ «величіемъ» войны колѣнопреклоняется Трейтчке, и требовать отмѣны войны значитъ, по его словамъ, посягнуть на самыя святыя чувства человѣка и изуродовать человѣ-

ческую природу. «Неужели», восклицаетъ онъ, «такова дѣйствительно цѣль, къ которой должна стремиться развивающаяся культура?»[1])

Весьма краснорѣчиво доказываетъ фонъ-Трейтчке свою мысль. Только трудно сказать, вызваны ли это краснорѣчіе и ярость однимъ обожаніемъ войны, или же чувствомъ ненависти къ тѣмъ политическимъ его противникамъ, которые не находили возможнымъ восторгаться прусскимъ военнымъ режимомъ. Между тѣмъ противъ нихъ именно были направлены всѣ громы даровитаго публициста. Желая доказать, что Пруссія должна имѣть огромную и всегда готовую армію и что члены прусской палаты совершаютъ преступленіе, отказывая правительству въ требуемыхъ суммахъ, Трейтчке пускается въ возведеніе войны въ апоѳеозъ. Но едва ли для этой частной цѣли нужно было обвинять своихъ противниковъ въ матерьялизмѣ, пустомъ либерализмѣ и чуть не въ государственной измѣнѣ. Можно думать, не безъ нѣкотораго основанія, что если бы въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, когда сочинена была разбираемая статья, соціализмъ уже сдѣлался общественнымъ бичемъ, то противники войны были бы приравнены къ соціалистамъ. И за что? За то, что они стояли за законныя права народнаго представительства! Между тѣмъ остается еще недоказаннымъ, что противники военныхъ реформъ прусскаго министра фонъ-Роона дѣйствительно были такими матерьялистами и безусловными противниками войны, какими ихъ рисуетъ фонъ-Трейтчке.

Впрочемъ весь восторгъ, всѣ восклицанія и громкія фразы этого публициста на счетъ величія войны и испорченности нашего вѣка, желающаго ограни-

---

[1]) *H. v. Treitschke*, Historische und politische Aufsätze. Neue Folge, Lpz. B. II, S. 782 u. flg.

чить число войнъ, нисколько не въ состояніи пріобрѣсти значеніе убѣдительныхъ доказательствъ. Страницы, посвященныя фонъ-Трейтчке на возвеличеніе войны, только доказываютъ одно, а именно, что современные народы не раздѣляютъ его взгляда и современная цивилизація стремится къ установленію въ области международныхъ отношеній болѣе цѣлесообразнаго порядка[1]).

Было бы безполезно останавливаться еще на другихъ восторженныхъ защитникахъ войны quand-même. Всѣ они повторяютъ общія мѣста о необходимости войны и о творческомъ значеніи права силы. Если сторонники теоріи Мальтуса усматриваютъ въ международной войнѣ великое благо и спасеніе человѣческаго рода отъ голодной смерти, то это совершенно понятно съ ихъ точки зрѣнія. Если нѣкоторые мыслители, признающіе дарвинизмъ послѣднимъ словомъ науки, объявляютъ «борьбу за существованіе» (struggle for life) верховнымъ закономъ не только физическаго міра, но и всего соціальнаго строя, то естественно, что международная война, въ ихъ глазахъ, точно также является такимъ фактомъ, дѣйствіе котораго не долж-

---

[1]) Наконецъ, къ сторонникамъ прославленія войны, какъ осуществленія права, можно также причислить Гегеля. Но съ особеннымъ рвеніемъ доказывалъ въ послѣднее время эту мысль нѣмецкій учитель Лассонъ въ двухъ своихъ трудахъ, изъ которыхъ одинъ изданъ въ 1868 году, подъ заглавіемъ «Идеалъ культуры и война», а другой въ 1871 году, подъ заглавіемъ: «Принципъ и будущность международнаго права». Въ обоихъ этихъ сочиненіяхъ проводится мысль, что международныя отношенія, по самому своему существу, не могутъ быть подчинены никакимъ законамъ и война, безпрерывная, безпощадная и неограниченная представляется Лассону нормальнымъ состояніемъ международныхъ отношеній.

но быть ни ограничиваемо, ни направляемо[1]). Война, какъ «борьба за существованіе», есть дѣйствіе органическаго закона, который не поддается никакому вліянію. Она приводитъ къ самымъ безпощаднымъ раззореніямъ, къ ужаснымъ бѣдствіямъ и страшному взаимному истребленію людей, которые, говоря словами Трейтчке, другъ друга не только не знаютъ и не ненавидятъ, но даже питаютъ чувства взаимнаго уваженія. Въ этомъ усматриваетъ Трейтчке величіе войны; въ этомъ многіе естествоиспытатели и юристы видятъ только осуществленіе великаго закона о борьбѣ за существованіе[2]).

Такимъ образомъ, теорія «борьбы за существованіе» возвращаетъ человѣчество обратно къ временамъ Гоббеза и Спинозы, которые уже въ XVII вѣкѣ провозглашали тотъ же самый принципъ, выдаваемый въ концѣ XIX столѣтія за великое открытіе, сдѣланное на благо страждущаго человѣческаго рода. Вѣдь уже Спиноза положилъ въ основаніе всего своего міровоззрѣнія и всей своей политической философіи принципъ, на основаніи котораго борьба между людьми настолько же неизбѣжна и законна, насколько она законна вообще въ органическомъ мірѣ. Большія рыбы, говорилъ онъ, пожираютъ малыя, потому что сильнѣе. «Всякое же существо имѣетъ отъ природы на-

---

[1]) Извѣстный естествоиспытатель *Егерь* говорилъ во время войны 1870 г.: «Herzerfrischend und gliedstärkend ist der jetzige Krieg nicht blos für Alt und Jung, Mann und Weib, die jetzt handeln und leiden, kämpfen und bluten, opfern und beten, jauchzen und weinen!» Ученый профессоръ, наконецъ, выставляетъ, какъ аксіому, что «право есть только сила; всякій прогресъ—нарушеніе права!» (См. «Neue freie Presse» отъ 10 ноября 1870 г. и «Oesterreichsche Oekonomist» (№ 47—1870 г.).

[2]) Срав. замѣчательно свѣтлыя мысли, изложенныя *v. Baer* въ его «Reden». St. Petersburg Th. II, S. 241, 435.

столько права, насколько оно обладаетъ силою для существованія и дѣятельности»[1]).

Стало быть не нова теорія борьбы за существованіе.

Если Гераклитъ утверждалъ, что борьба переходная ступень къ гармоніи и согласію, если изъ этой борьбы онъ выводилъ устройство всей вселенной, то онъ, какъ оказывается, выразилъ мысль, получившую въ концѣ XIX вѣка цѣну ходячей монеты и непоколебимой истины.

Но тѣ, которые ставятъ эту мысль въ основаніе закона, права и всего соціальнаго строя умышленно низводятъ человѣка на степень лютаго звѣря, лишая его всѣхъ благородныхъ инстинктовъ, всѣхъ возвышенныхъ стремленій, всякаго уваженія къ праву тамъ, гдѣ этого не требуетъ его матеріальная польза. Понимая въ *этомъ* смыслѣ борьбу за существованіе, мы должны признать международную войну такимъ же неизбѣжнымъ взаимнымъ истребленіемъ народовъ, какое будто бы существуетъ въ природѣ[2]).

Борьба существуетъ какъ въ мірѣ физическомъ, такъ и въ мірѣ духовномъ. Но не эта борьба цѣль природы и жизни человѣка. «Вся исторія природы», говоритъ нашъ знаменитый естествоиспытатель, «ничто другое, какъ исторія поступательнаго торжества духа надъ матеріею»[3]).

---

[1]) *Spinoza.* Tractatus politicus, cap. II, § 3.... «unamquamque rem naturalem tantum jus ex natura habere, quantum potentiae habet ad existendum et operandum.» (Ed. Bruderis, Lipsiae 1844, II, p. 54).

[2]) Впрочемъ справедливость требуетъ сказать, что самъ Дарвинъ употребляетъ терминъ «борьба за существованіе» только въ виду его «удобства» и какъ «метафору».—«Происхожденіе видовъ», стр. 51 (переводъ Рачинскаго). См. *Schaeffle.* Bau und Leben des socialen Körpers. Tübingen 1878, Bd. II, S. 31.

[3]) *Baer.* Reden, II, 246.

Борьба за существованіе въ области соціальной жизни должна быть также рядомъ побѣдъ духа надъ матеріею, права надъ физическою силою, порядка надъ безначаліемъ, справедливости надъ безправіемъ. На основаніи этого закона и въ области международныхъ отношеній, мало по малу, должны водвориться право и справедливость тамъ, гдѣ существуютъ произволъ и насиліе.

Международная же война должна обратиться въ борьбу, въ которой сознаніе своей физической силы никогда не заглушитъ голоса совѣсти и разума.

Но даже современныя войны между высоко цивилизованными народами еще не достигли этой высоты: въ нихъ, во имя борьбы за существованіе, совершаются часто звѣрства и опустошенія, неоправдываемыя ни военною необходимостью, ни голосомъ совѣсти. Понятно, что еще болѣе ужасное зрѣлище представляли войны предшествовавшихъ столѣтій.

II.

Совершенно естественно, что ужасы войны должны были, поэтому, уже давно возбудить вопросъ: неужели нельзя уничтожить международную войну и заставить народы жить въ мирѣ и любви другъ къ другу.

Дѣйствительно, попытки были сдѣланы въ этомъ направленіи, начиная съ древнихъ временъ до настоящей минуты. Уже въ древности практиковался международный судъ для разрѣшенія международныхъ распрей [1]). Въ пользу этого средства предупрежденія войнъ и въ настоящее время происходитъ весьма сильная агитація. Но до сихъ поръ добытые результаты оказались весьма незначительными.

---

[1]) *Laurent.* Histoire, II, p. 128 et suiv. *Wiskemann.* Der Krieg. S. 77 u. flg.

Однако это средство признавалось нѣкоторыми мыслителями слишкомъ недостаточнымъ. Они занялись сочиненіемъ великолѣпныхъ трактатовъ о водвореніи «вѣчнаго мира». Надъ разрѣшеніемъ этой задачи потрудились набожный аббатъ Сенъ-Пьеръ и такой глубокій мыслитель какъ Кантъ. Но проекты эти остались только новыми доказательствами того непреложнаго закона, согласно которому умъ человѣческій берется сперва за разрѣшеніе задачъ ему недоступныхъ, а потомъ только обращается къ тѣмъ, которыя и ближе къ нему и больше соотвѣтствуютъ его способностямъ.

Рядомъ съ этими изысканіями объ учрежденіи «вѣчнаго мира» не перестаютъ высказываться ожесточенныя нападенія на международную войну вообще. Не только составители проектовъ вѣчнаго мира были заклятыми врагами войны. Нѣтъ, число ихъ велико и мы ихъ встрѣчаемъ въ древности, въ средніе вѣка и въ новое время. Но особенно въ нынѣшнемъ столѣтіи, благодаря усталости отъ постоянныхъ войнъ въ началѣ вѣка и небывалому развитію международныхъ торговыхъ оборотовъ, война противъ войны приняла огромные размѣры. Были учреждены «общества мира», были распространены спеціальныя изданія съ цѣлью пропагандировать повсюду чувство отвращенія къ международной войнѣ и было обнародовано много сочиненій, въ которыхъ международной войнѣ безусловно отказывается въ правѣ на существованіе [1]).

Всѣ эти разсужденія безусловныхъ противниковъ сводятся, въ концѣ концовъ къ тому, что война ужасна, незаконна, страшна и нецѣлесообразна. Такъ Гердеръ

---

[1]) Объ экономическихъ послѣдствіяхъ и о потерѣ людей во время войнъ нынѣшняго столѣтія см. *Leroy-Beaulieu.* Recherches économiques et historiques sur les guerres contemporaines. 1869.

нисколько не затрудняется объявить, что «наиболѣе знаменитыя имена міра принадлежатъ убійцамъ человѣческаго рода, коронованнымъ или стремящимся къ захвату престоловъ палачамъ» [1]). Въ этомъ же смыслѣ и почти въ такихъ же сильныхъ выраженіяхъ осудилъ войну завоевательную Ламартинъ и Джонъ Ст. Милль [2]). Съ большею еще силою высказался противъ войны весьма извѣстный французскій публицистъ Эмиль де-Жирарденъ.

«Война», восклицаетъ онъ, «это—убійство; война—кража.

«Это убійство, это кража, совершаемыя народами по наущенію и приказанію правительствъ».

«Это убійство, это кража, спасающія отъ эшафота посредствомъ тріумфальной арки» [3]).

Кажется, этихъ словъ достаточно, чтобъ видѣть, насколько Жирарденъ дошелъ въ своей ненависти къ войнѣ до послѣднихъ предѣловъ ослѣпленія и публицистическаго задора. Идти дальше, очевидно нельзя. Если Демэстръ и Трейтчке дошли до обоготворенія войны, то наоборотъ Жирарденъ и Гердеръ низвели ее на степень позорящихъ преступленій.

III.

Изложеніе обоихъ совершенно противоположныхъ взглядовъ на международную войну указываетъ на явную невозможность какого нибудь между ними примиренія. Безусловно восторгаясь войною, нельзя требовать никакихъ ограниченій ея дѣйствія: все что совершается во время войны хорошо, потому что божественно. Съ другой стороны, если безусловно осу-

[1]) *Schäffle.* Bau und Leben. II, 363.

[2]) *Mill's* Dissertations and discussions, III, 170.

[3]) *Emile de Girardin.* Le désarmement européen. (*Proudhon* I, 98).

дить войну, приравнивая ее къ самому тяжкому преступленію, нельзя, ни въ какомъ случаѣ, оправдать ее и признать неминуемою, законною и справедливою.

Но замѣчательно, что несмотря на абсолютную противоположность обоихъ воззрѣній, они все таки сходятся въ одномъ, а именно, въ непризнаніи *права* войны. Для сторонниковъ перваго мнѣнія, война какъ величественная борьба между орудіями Божьяго Промысла, не можетъ подчиняться дѣйствію людскихъ законовъ. Во время военныхъ дѣйствій можетъ говорить за беззащитныя жертвы войны только голосъ совѣсти и христіанской религіи. О законѣ и правѣ войны не можетъ быть рѣчи. Право войны, по мнѣнію Прудона, не совокупность нормъ, опредѣляющихъ поведеніе воюющихъ народовъ, нѣтъ, право войны есть «сводъ процессуальныхъ законовъ силы». Война, по его опредѣленію, есть возстановленіе и осуществленіе посредствомъ оружія права силы. Если же Прудонъ и говорилъ о законахъ войны, то онъ подъ ними разумѣлъ только правила, установленныя грубою силою.

Но страннымъ можетъ казаться, что безусловные противники войны также не признаютъ существованія ни права, ни законовъ войны. Однако, эта странность есть логическій выводъ изъ основнаго ихъ положенія. Если война, сама по себѣ, преступленіе, то нельзя же согласиться съ тѣмъ, что существуетъ право на совершеніе этого преступленія; нельзя допустить, что совершеніе этого преступленія должно быть опредѣлено и охранено закономъ; нельзя сознаться, что воюющій имѣетъ какія нибудь законныя права и обязанности. Преступленіе есть отрицаніе всякаго права и всякаго закона. Если война преступленіе, то смѣшно требовать отъ сторонниковъ такого воззрѣнія доказательствъ въ пользу существованія законовъ и обы-

чаевъ войны. Если же они (подобно Гердеру) все-таки считаютъ возможнымъ говорить о правѣ во время войны, то въ этомъ можно видѣть доказательство и мягкосердечія и человѣколюбія, но только не логики и послѣдовательности.

Между тѣмъ, несмотря на громы противниковъ войны и агитаціи различныхъ «обществъ мира», война все-таки существуетъ и число полей сраженія увеличивается съ каждымъ годомъ въ цивилизованной Европѣ. Но этого мало. Не только возникаютъ войны и происходятъ кровопролитныя битвы, но сами воюющія державы постоянно обвиняютъ другъ друга въ нарушеніи какихъ-то «установленныхъ обычаевъ войны». Желая доказать фактическое существованіе этихъ обычаевъ, воюющіе обращаются съ мольбами къ безпристрастному суду нейтральныхъ государствъ. Мало того: даже заключаются между цивилизованными народами спеціальныя обязательства именно на случай войны, дѣйствіе которыхъ начинается только съ момента объявленія войны. Такіе положительные факты очевидно указываютъ на то, что насколько войны неизбѣжны, настолько неотрицаемо сознаніе народовъ въ существованіи извѣстныхъ правилъ, которыми они, по крайней мѣрѣ, нравственно обязаны руководствоваться въ продолженіе военныхъ операцій.

И вотъ съ этими неотрицаемыми фактами должны были встрѣтиться какъ изслѣдователи международнаго права, такъ и военные писатели. Ученые, посвятившіе себя спеціальному изученію международныхъ отношеній, по необходимости должны были разрѣшить вопросъ: существуетъ ли вообще право войны? Наука международнаго права, обязанная выяснить юридическія нормы для международныхъ отношеній, не могла же оставить въ сторонѣ отношенія между

воюющими народами. Военные же, изучающіе практику и теорію военнаго дѣла, должны были коснуться вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ сражающихся армій и правъ ихъ въ отношеніи непріятельской территоріи и ея населенія.

То и другое было сдѣлано. Война не только составляетъ предметъ изученія науки международнаго права, но именно ей, ея ужасамъ и бѣдствіямъ, наука эта обязана своимъ существованіемъ. Въ самомъ разгарѣ Тридцатилѣтней войны «отецъ международнаго права» написалъ свой классическій трудъ: «О правѣ войны и мира». Колыбель этой науки освѣщалась зарею отъ пожаровъ, произведенныхъ варварскою ордою искателя приключенія Мансфельда и разбойническою арміею Тилли. Наука международнаго права увидѣла свѣтъ, въ то самое время, когда Валленштейнъ, во главѣ цесарскихъ войскъ, предпринялъ систематическое и безпощадное опустошеніе протестантскихъ земель. Окрѣпла, развилась и воспитывалась эта наука въ тѣ времена, когда Мелакъ считался героемъ, наводненіе французскими войсками мирной Голландіи геройскимъ подвигомъ, и нападеніе на Марію Терезію, вопреки данному клятвенному обѣщанію, рыцарскимъ поступкомъ.

Эта мрачная обстановка не могла не оказывать вліянія на изслѣдователей международнаго права. Первый лепетъ этой науки былъ заглушенъ неумолкаемою пушечною пальбою; первые ея шаги были остановлены развалинами раззоренныхъ и подожженныхъ городовъ и селеній; первый ея призывъ къ милости и состраданію въ отношеніи побѣжденнаго врага, былъ встрѣченъ побѣдителемъ съ насмѣшкою и презрѣніемъ. Но она не унывала. Лучшіе ея представители были убѣждены въ томъ, что наступитъ время, когда голосъ совѣсти не будетъ заглушаться чувствомъ без-

предѣльной ненависти, когда признаніе въ непріятелѣ человѣка заступитъ мѣсто звѣрскаго ожесточенія, когда надъ областью неограниченнаго господства грубой силы и злодѣйствъ воцарится правда и справедливость. Международное право—наука будущности, идеала. Она вѣритъ въ лучшее будущее. Она вѣкъ свой боролась противъ равнодушія однихъ и легкомысленнаго пренебреженія другихъ. Она убѣждена въ томъ, что вѣрными ея защитниками и лучшими примѣнителями ея истинъ будутъ тѣ, которые уразумѣли потребности народовъ и проникнуты глубокимъ уваженіемъ къ законнымъ правамъ ихъ. И въ этомъ она не ошиблась. Кто былъ въ Тридцатилѣтней войнѣ наиболѣе выдающимся представителемъ новыхъ началъ вѣротерпимости и самымъ опаснымъ врагомъ католическаго абскурантизма? Густавъ-Адольфъ. Кто жизнью своею закрѣпилъ актъ объ освобожденіи христіанскихъ народовъ Западной Европы отъ деспотической власти римской куріи? Шведскій король. Кто одинъ во время этой войны напоминалъ своимъ войскамъ о человѣколюбіи и уваженіи къ жизни и чести несчастныхъ мирныхъ обывателей непріятельской страны? Это былъ тотъ, кто голову свою положилъ на полѣ сраженія при Люценѣ.

Неотлучными и самыми вѣрными совѣтниками шведскаго короля были Евангеліе и книга Гуго Гроція: «О правѣ войны и мира». Это первый, но не послѣдній примѣръ тому, что можно быть великимъ полководцемъ и героемъ, нисколько не переставая быть человѣкомъ, съ душою и сердцемъ.

Странно было бы отрицать, что наука международнаго права не имѣла никакого вліянія на разрѣшеніе международныхъ распрей и способъ веденія международныхъ войнъ. Но, съ другой стороны, не подлежитъ также сомнѣнію, что добытые наукою резуль-

таты слишкомъ не соотвѣтствуютъ потраченнымъ на ея разработку способностямъ и силамъ. Сколько замѣчательныхъ умовъ посвятили себя спеціальному разъясненію законовъ мирнаго сожитія народовъ и опредѣленію правилъ обязательныхъ для воюющихъ державъ! Между тѣмъ сколь часто и теперь еще труды этихъ спеціалистовъ признаются ненужнымъ хламомъ со стороны тѣхъ, для кого они предназначались.

По нашему крайнему разумѣнію такое взаимное отношеніе между теоріею права международной войны и практикою военнаго дѣла объясняется тремя главными причинами: во-первыхъ, трудностью самаго предмета, во-вторыхъ, отсутствіемъ желанія, со стороны ученыхъ юристовъ, обращать надлежащее вниманіе на неотложныя потребности военныхъ дѣйствій и, наконецъ, въ-третьихъ, полнѣйшимъ пренебреженіемъ военныхъ дѣятелей къ тѣмъ самымъ законамъ и обычаямъ войны, за нарушеніе которыхъ они должны бы отвѣтствовать предъ своимъ высшимъ начальствомъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что первая причина представляется наиболѣе существенною. Дѣйствительно, война является такою ужасною борьбою физическихъ и нравственныхъ силъ народовъ, она до такой степени расходится съ понятіями и порядками мирнаго состоянія, что можно отчаяваться въ возможности установленія какихъ бы то ни было правилъ для ограниченія военныхъ дѣйствій. Но не упали духомъ дѣятели науки международнаго права. Огромное большинство ихъ придерживается, въ отношеніи войны, того взгляда, что она не отдѣляется цѣлою непроходимою пропастью отъ состоянія мира. Напротивъ, почти всѣ корифеи этой науки единогласно сравниваютъ отношеніе права войны къ международному праву во время мира, съ отношеніемъ существующимъ между гражданскимъ су

допроизводствомъ и гражданскимъ правомъ. Война, по ихъ опредѣленію, есть ничто иное какъ процессъ или тяжба между народами. Подобно же тому какъ гражданская тяжба, въ порядкѣ судопроизводства, подчиняется установленнымъ законамъ, точно также для разрѣшенія тяжбы между государствами существуютъ конкретныя юридическія нормы.

Основываясь на словахъ знаменитаго англійскаго философа Бэкона, глава современной школы англійскихъ писателей по международному праву, Филлиморъ, опредѣляетъ войну какъ «страшную тяжбу (litigation) между государствами». Точно также знаменитѣйшій современный авторитетъ международнаго права Блюнчли, признавая войну «вооруженною самопомощью» государства, утверждаетъ, что «война вообще споръ о публичномъ правѣ между государствами въ качествѣ воюющихъ сторонъ». Въ этомъ же самомъ смыслѣ выражаются почти всѣ замѣчательные писатели [1]).

Исходя изъ этого основнаго положенія юристы, по силѣ самыхъ вещей, должны были придти къ такимъ положеніямъ, которыя на дѣлѣ, во время войны, оказывались совершенно непримѣнительными. Люди же военнаго дѣла, убѣдившись въ «непрактичности» одного какого-либо «закона войны», пришли къ заключенію, что все «право войны» есть «теорія» и результатъ праздныхъ измышленій «кабинетныхъ ученыхъ». Такимъ образомъ и на этомъ предметѣ долженъ былъ обнаружиться вѣковой споръ

---

[1]) Срав. *Phillimore's* Commentaries upon International Law, t. III, p. 2,78 (2 ed. London 1873). *Bluntschli.* Das moderne Völkerrecht, § 510 u. flg. (3-te Aufl. Nördlingen 1878). *Heffter.* Europäisches Völkerrecht § 121 u. flg. *Neumann.* Grundriss des heutigen europäischen Völkerrechts. 2-e Aufl. Wien 1877. S. 94. *Fiorilli.* Del concetto della guerra. Napoli 1872, p. 14.

между теоріею и практикою, наукою и опытомъ, логикою ума и логикою фактовъ. Послѣдствіемъ такого антагонизма были ошибочные выводы, съ одной стороны, и незнаніе своихъ правъ и обязанностей, съ другой.

IV.

Нетрудно доказать, что международная война не есть споръ только о *правѣ* между воюющими государствами. Война гораздо чаще представляется на дѣлѣ результатомъ непримиримой противоположности *интересовъ* и стремленій. Вообще говоря, гораздо рѣже возникали войны изъ-за нарушенія однимъ изъ договорившихся государствъ своего положительнаго обязательства, нежели изъ противодѣйствія встрѣчаемаго народомъ въ преслѣдованіи своихъ политическихъ цѣлей и интересовъ. Поэтому, опредѣлять войну, какъ споръ о правѣ, представляется не вполнѣ основательнымъ: такое опредѣленіе идетъ въ разрѣзъ съ положительно установившимся опытомъ. Цѣль этого опредѣленія самая благородная: споръ о правѣ не можетъ не происходить въ предѣлахъ права. Отсюда слѣдуетъ, что всѣ явленія войны, всѣ малѣйшія распоряженія военнаго начальства, всѣ движенія войскъ должны быть опредѣлены точнымъ и юридическимъ образомъ. Но ежедневный опытъ показываетъ, что это фактически невозможно [1]). Точно также весьма немного сходства между гражданскимъ процессомъ, совершающимся по извѣстному опредѣленному порядку судопроизводства, и войною между независи-

---

[1]) Въ первомъ нашемъ трудѣ: «О правѣ частной собственности во время войны». (Спб. 186), стр. 100) мы также придерживались вышеизложеннаго господствующаго въ литературѣ международнаго права мнѣнія.

мыми и никому не подчиняющимися государствами. Разница существенная и громадная.

Между тѣмъ ошибочность опредѣленія права войны, даннаго наукою международнаго права, значительно лишила ее довѣрія въ глазахъ военныхъ писателей и вообще военныхъ людей. Если основная точка зрѣнія невѣрна, то не могутъ быть основательны и всѣ выводы. Если фундаментъ не твердъ, должно рушиться все зданіе.

Такимъ образомъ многіе замѣчательные представители военныхъ наукъ не могутъ понять, что такое *право* войны? Для нихъ существуетъ только война, какъ борьба между войсками или вооруженными силами государствъ, имѣющая цѣлью полное уничтоженіе силы сопротивленія непріятеля. Нельзя не замѣтить, что въ особенности въ послѣднее время нѣкоторые военные писатели (какъ Рюстовъ и Гартманъ) начали самую ожесточенную войну противъ всѣхъ попытокъ подвести войну и отношенія воюющихъ подъ какія бы ни было юридическія нормы.

Однако, если вникнуть въ разсужденія самихъ военныхъ писателей о существѣ и цѣли войны, то нельзя не придти къ убѣжденію, что они сами, въ сущности, нисколько не отрицаютъ права войны, но только иначе понимаютъ самую войну. Для военнаго спеціалиста на первомъ планѣ стоятъ стратегическія и тактическія условія военныхъ операцій; для юриста же, наоборотъ, прежде всего важно уяснить себѣ тѣ внѣшнія, жизненныя, юридическія отношенія, которыя устанавливаются войною между воюющими народами.

Такимъ образомъ оказывается, что въ концѣ концовъ признаютъ право, законы и обычаи войны какъ юристы, такъ и военные. Не могутъ не признать ихъ, оставаясь послѣдовательными, ни восторженные

поклонники неограниченной и «божественной» войны, ни неутомимые противники всякой войны.

Этотъ выводъ можетъ казаться до такой степени парадоксальнымъ, въ особенности для тѣхъ военныхъ писателей, которые самымъ категорическимъ образомъ отрицали возможность существованія какого либо права во время войны, что необходимо доказать его.

Знаменитый прусскій стратегъ генералъ фонъ-Клаузевицъ, пользуется заслуженнымъ авторитетомъ въ военной литературѣ. На его опредѣленіе войны принято ссылаться, чтобы сразу опрокинуть всѣ толки о правѣ и законахъ во время военныхъ дѣйствій Но въ чемъ же заключается это опредѣленіе?

«Война, говоритъ знаменитый стратегъ, «есть ничто иное, какъ политическое *средство*, *орудіе*», которымъ государство стремится къ достиженію своихъ цѣлей. «Война есть продолженіе политическихъ отношеній и потому, ничего самостоятельнаго сама по себѣ не представляетъ». «Если», прибавляетъ Клаузевицъ въ другомъ мѣстѣ, «война такъ относится къ политикѣ, то она должна заимствовать у послѣдней ея характеръ»[1]). Таковы тѣ изрѣченія военнаго авторитета, которыя еще недавно были приведены противъ возможности установленія законовъ войны[2]).

Но насъ эти опредѣленія приводятъ къ совершенно другимъ выводамъ. Если на основаніи словъ Клаузевица отрицать возможность права войны, то сперва необходимо доказать, что между *политикою* и *правомъ* нѣтъ ни малѣйшаго соотношенія. Этого мало. Необходимо доказать, что политика и право взаимно другъ друга исключаютъ.

---

[1]) *Clausewitz*. Hinterlassene Werke. Berlin 1832, Bd. 1, S. 26 u. flg.; Bd. III, 139.

[2]) *Rüstow*. Kriegspolitik und Kriegsgebrauch 1876, S. 2 u. flg.

Для каждаго знакомаго съ современнымъ состояніемъ государственнаго быта цивилизованныхъ народовъ этотъ вопросъ не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Повсюду признано какъ аксіома, что политика государства должна быть *законом*ѣ*рна* или согласна съ правомъ и устройствомъ страны. Поэтому основаніе политики совершенно то же, что и основаніе положительнаго права. Это же право есть *предѣлъ* политики. Наконецъ, если политика предназначена для достиженія опредѣленныхъ цѣлей, то послѣднія опредѣляются правомъ или закономъ[1]).

Намъ кажется, что сознаніе этой неразрывной связи между политикою и правомъ постоянно проявляется во всѣхъ разсужденіяхъ самого Клаузевица. На основаніи его словъ, война, какъ политическій актъ или орудіе политики, точно также должна подчиняться опредѣленіямъ права. Если война дѣйствительно есть «*продолженіе* политическихъ сношеній (Verkehr)» между воюющими государствами, то отсюда логически слѣдуетъ, что если во время *мира* сношенія между государствами подлежатъ дѣйствію права, то нѣтъ никакого основанія предполагать, что во время *войны* право совершенно исчезаетъ. Продолженіе сношеній приводитъ къ продолженію дѣйствія права. Нигдѣ Клаузевицъ не говоритъ, что во время мира нѣтъ между народами никакихъ законовъ и никакого права. Лишая категорическимъ образомъ войну какого бы то ни было «самостоятельнаго» характера, этотъ геніальный писатель, вмѣстѣ съ тѣмъ, политику мира оставлялъ въ тѣснѣйшей связи съ политикою войны и право мира сохранялъ въ органическомъ отношеніи къ праву войны. Подобно тому какъ государ

[1]) Срав. *Holtzendorf.* Principien der Politik. 1869, S. 102 etc. *Bluntschli.* Politik als Wissenschaft. 1876 S. 6 etc.

ственная политика, съ момента возникновенія войны, должна измѣняться, точно также право международное во время мира становится немыслимымъ въ примѣненіи къ воюющимъ государствамъ. Весьма мѣтко выражаетъ эту мысль самъ Клаузевицъ въ словахъ: «Война имѣетъ свою собственную грамматику, но у нея нѣтъ своей собственной логики». Эта же логика, обязательная для государствъ, во время мира и войны, требуетъ отъ нихъ уваженія чужихъ правъ, если они желаютъ обезпечить уваженіе своихъ собственныхъ.

Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что не только Клаузевицъ не видитъ въ войнѣ возвращенія воюющихъ народовъ въ первобытное состояніе (état naturel) полнаго безправія, но также и другіе военные писатели, отрицавшіе первоначально всякое право войны, вслѣдъ затѣмъ нисколько не затрудняются подробнѣйшимъ образомъ доказывать существованіе обычаевъ и законовъ войны.

На основаніи этихъ соображеній, мы считаемъ себя въ правѣ, во имя логики и здраваго смысла, причислить Клаузевица и тѣхъ новѣйшихъ военныхъ писателей, которые, неосновательно ссылаясь на него, отрицаютъ право войны, не къ противникамъ войны вообще, не къ школѣ Демэстра и Прудона, но къ длинному ряду писателей, стоявшихъ за правду даже во время военныхъ дѣйствій.

Такимъ образомъ разборъ самыхъ противоположныхъ воззрѣній привелъ насъ, въ концѣ концовъ, къ тому выводу, что война, при данныхъ обстоятельствахъ, неизбѣжна и имѣетъ разумное основаніе. Точно также мы считаемъ доказаннымъ, что война, даже съ точки зрѣнія военныхъ наукъ, не можетъ быть освобождена отъ подчиненія извѣстнымъ пра-

виламъ, соблюденіе которыхъ обыкновенно предпи сываетъ также здравая политика.

Теперь остается высказать нашъ собственный взглядъ на войну и ея право.

V.

«Нѣтъ ничего болѣе важнаго въ жизни», справедливо говоритъ знаменитый прусскій стратегъ, «какъ точно опредѣлить точку зрѣнія, съ которой, оставаясь вѣрнымъ ей, мы должны понимать и обсуждать вещи»[1]). Постараемся также выяснить здѣсь, въ немногихъ словахъ, ту точку зрѣнія, которой мы постоянно намѣрены держаться.

На основаніи историческаго опыта нельзя не согласиться, что распри между народами въ порядкѣ вещей. Война представляется, поэтому, такимъ положительнымъ историческимъ фактомъ, котораго отрицать нельзя. Этотъ фактъ указываетъ на то, что причины войны лежатъ глубоко, отчасти въ самой человѣческой природѣ, отчасти во внѣшнемъ мірѣ. Подобно, тому, какъ вся общественная жизнь слагается изъ суммы тѣхъ стремленій, желаній, чувствъ и интересовъ, которые преслѣдуются индивидуами, также точно и международныя отношенія состоятъ въ постоянномъ преслѣдованіи народами сознанныхъ ими цѣлей. Если же при такихъ обстоятельствахъ столкновенія противоположныхъ интересовъ и стремленій неизбѣжны, то распри между народами могутъ исчезнуть только тогда, когда государства отрекутся отъ своей самостоятельности и отъ политическихъ своихъ интересовъ. Но послѣднее немыслимо. Каждый народъ представляетъ собою личность, одаренную природою и способностями и пороками, и выра

[1]) *Clausewitz.* Vom Kriege, III, 142.

жающуюся въ опредѣленныхъ культурныхъ стремленіяхъ и политическомъ строѣ. Характеристическая особенность даннаго народа, залогъ его прогрессивнаго развитія, роль его на поприщѣ всемірной исторіи далеко не зависятъ отъ одного географическаго положенія занимаемой имъ страны или отъ климатическихъ условій. То и другое представляются только *условіями*, но не причинами. Нѣтъ, духовная личность народа и, вмѣстѣ съ тѣмъ, міровое его значеніе, опредѣляются высотою его культурнаго развитія и безупречностью его нравственныхъ идеаловъ. Одного умственнаго развитія, одного накопленія огромнаго запаса свѣдѣній еще недостаточно для полнаго развитія народа. Исторія указываетъ намъ на народы, которые, стоя по умственному своему развитію несравненно выше всѣхъ остальныхъ, были, однако, погрязши въ болотѣ своихъ пороковъ и застывши въ нравственной пустотѣ, и потому, должны были уступить свое мѣсто молодымъ народамъ. Исторія римской и византійской имперій всегда будетъ самымъ назидательнымъ тому примѣромъ. Только тотъ народъ имѣетъ право на историческую роль и на существованіе, который, не останавливаясь въ своемъ умственномъ развитіи, никогда не понижаетъ нравственнаго своего уровня настолько, чтобы лишиться вѣры въ лучшее будущее, въ свою жизненную силу и въ свои нравственные идеалы.

Между тѣмъ, степень культурнаго развитія народа непремѣнно отражается на складѣ общественной его жизни, и свойство нравственныхъ его идеаловъ, по необходимости, кладетъ печать на основанія государственной его организаціи. Общественная жизнь народа, основанная на началѣ эксплоатаціи безсильнаго сильнымъ, указываетъ на нравственное растлѣ-

ніе народа и служитъ критеріемъ разумности государственнаго его быта.

Въ область же международныхъ отношеній каждый народъ вступаетъ со всею совокупностью своихъ индивидуальныхъ интересовъ, воззрѣній и стремленій, подобно тому какъ каждый членъ общества вноситъ въ него, въ видѣ вклада, свои способности и свои интересы. Если разсматривать съ этой точки зрѣнія *общество народовъ*, борьба интересовъ и взаимныя столкновенія представляются дѣйствіемъ непреложнаго закона. Подобныя столкновенія неизбѣжны до тѣхъ поръ, пока не будутъ выяснены границы мирнаго взаимодѣйствія народовъ, пока не будутъ опредѣлены, съ общаго согласія, предѣлы свободы дѣйствія каждаго, пока не отъищется общая нейтральная почва для параллельнаго развитія преслѣдуемыхъ государствами интересовъ. Въ области международныхъ отношеній также имѣетъ полное примѣненіе тотъ великій законъ общественной жизни, который Герингъ выражаетъ въ словахъ: «Каждый существуетъ для міра и міръ для каждаго»[1]). Эта великая мысль лежитъ также въ основаніи международныхъ отношеній. Чѣмъ болѣе народы проникаются сознаніемъ того, что полное развитіе всѣхъ ихъ способностей и силъ возможно только при взаимной другъ другу помощи и безусловномъ уваженіи къ правамъ и условіямъ жизни другихъ народовъ, тѣмъ меньше будетъ коллизій ихъ интересовъ и тѣмъ меньше будутъ нарушаться ихъ собственныя права.

Но это время еще не наступило. До сихъ поръ совершенно забываютъ въ области международныхъ отношеній, что, если мы одерживаемъ одну побѣду за другою надъ внѣшнею природою, если мы

[1]) *Ihering*. Der Zweck im Recht, Lpz., 1877, Bd. I, S. 99.

этимъ путемъ ограничиваемъ вредное вліяніе страшныхъ явленій природы и спасаемъ свою жизнь и собственность, то это потому, что мы неустанно изучаемъ законы природы и стараемся проникнуть въ самыя сокровенныя ея тайны. Мы забываемъ, что чѣмъ больше мы познаемъ себя, свои недостатки и способности, чѣмъ больше мы проникаемся сознаніемъ того, что если міръ существуетъ для насъ, то и мы для міра, тѣмъ большую мы будемъ имѣть власть надъ нашими страстями, помыслами и дѣйствіями, тѣмъ ярче, во мракѣ умственнаго застоя и нравственнаго растлѣнія, насъ окружающаго, будетъ свѣтить нашъ нравственный идеалъ—залогъ нашего развитія и руководящее начало нашей жизни.

Но когда же къ международнымъ отношеніямъ примѣняли именно этотъ законъ? Когда же было время, что полное, всестороннее изученіе международной жизни, ея законовъ и условій составляли заботу каждаго, могущаго имѣть вліяніе на ходъ и направленіе международныхъ отношеній?

Мы этого времени не знаемъ. Напротивъ, пренебреженіе къ этимъ жизненнымъ вопросамъ, презрѣніе или великодушная снисходительность къ наукѣ международнаго права, фаталистическое преклоненіе предъ совершившимся фактомъ, полнѣйшее непониманіе какъ своихъ собственныхъ *дѣйствительныхъ* интересовъ въ области международныкъ отношеній, такъ и законныхъ правъ другихъ народовъ — вотъ основанія господствующаго въ настоящее время направленія. Съ великимъ рвеніемъ и прилежаніемъ изучаются малѣйшія проявленія органическаго міра; съ неимовѣрною тщательностью изслѣдуются естествоиспытателями всякая пылинка какого-нибудь растенія и всѣ поперечныя и параллельныя слеги гранитита какой-нибудь мѣстности, а явленія международной жизни до сихъ

норъ еще считаются недостойными ни всесторонняго изученія, ни точнаго опредѣленія. Всѣ согласны въ томъ, что миръ лучше войны, что необходимо содѣйствовать развитію торговыхъ и мирныхъ сношеній между народами, что желательно установить въ области международныхъ отношеній лучшій, болѣе твердый, порядокъ, но много ли дѣлается для достиженія этой цѣли — этотъ вопросъ рѣдко даже возникаетъ. Нѣтъ сомнѣнія, что народы европейскіе конца XIX вѣка несравненно лучше знаютъ другъ друга, чѣмъ это было въ прошломъ столѣтіи. Однако, сколько существуетъ и теперь еще предразсудковъ и предубѣжденій, которыя заставляютъ видѣть въ другомъ народѣ «непримиримаго» своего врага! Между тѣмъ такія понятія мало по малу пускаютъ въ сознаніи народа глубокіе корни, они наслѣдуются однимъ поколѣніемъ отъ другаго, входятъ въ нравы и, наконецъ становятся аксіомою для «*національной*» политики и предметомъ «политическихъ стремленій».

Этого мало. Даже теперь, въ концѣ XIX вѣка, гордящагося своею высокою культурою и цивилизаціею, цѣну ходячей монеты имѣетъ мнѣніе, что область международныхъ отношеній самою природою предназначена быть ареною неограниченнаго произвола и подвиговъ физической силы. Нѣтъ области, съ которою соприкасались бы болѣе важные интересы человѣчества, но нѣтъ также поприща, на которомъ произволъ и грубая сила имѣли бы большій просторъ и свободу. Все на земномъ шарѣ подчиняется опредѣленнымъ законамъ — только отношенія между народами ихъ не знаютъ. Здѣсь вмѣсто закона господствуетъ беззаконіе; вмѣсто права—произволъ!

Но этого мало. Такое воззрѣніе господствуетъ не только въ «публикѣ», нѣтъ: оно поддерживается и распространяется «жрецами» той отрасли человѣче-

скаго знанія, которая посвятила себя изученію всѣхъ явленій соціальной жизни. Юристы въ состояніи написать объемистые ученые трактаты о правѣ домохозяина на воздухъ, окружающій его собственность; они всѣ согласны въ томъ, что государственная жизнь народа не мыслима при господствѣ произвола и отсутствіи юридическаго порядка; они снисходительно соглашаются даже съ тѣмъ, что современные народы, для совершеннаго своего развитія и достиженія своихъ жизненныхъ цѣлей, непремѣнно должны находиться въ постоянныхъ и правильно организованныхъ сношеніяхъ другъ съ другомъ. Наконецъ, современная юриспруденція сама основывается на томъ положеніи, что предметомъ ея изученія должны быть всѣ внѣшнія отношенія и всѣ явленія общественной жизни, въ самомъ широкомъ смыслѣ, которыя поддаются юридическому анализу. Къ таковымъ они не могутъ не относить также отношенія между государствами, вызванныя жизненными потребностями народовъ. Но несмотря на признаніе того факта, что отношенія международныя вполнѣ внѣшняго, *юридическаго* свойства и что смѣшно считать ихъ только нравственными, огромное большинство юристовъ все-таки неохотно соглашается допустить господство права въ области международныхъ отношеній. Многіе отрицаютъ существованіе международнаго права, а еще меньше число тѣхъ, которые считаютъ возможнымъ опредѣлить юридическими нормами отношенія между воюющими народами. Война, по ихъ мнѣнію, состояніе неограниченнаго произвола и самыхъ ужасныхъ насилій.

Такое воззрѣніе на международныя отношенія въ особенности господствуетъ въ германской юридической литературѣ. Объясненіе же этого мнѣнія нельзя не видѣть въ томъ опредѣленіи права, которое вы-

ставляется лучшими современными юристами Германіи, во главѣ которыхъ стоитъ знаменитый романистъ Герингъ. Мнѣніе этой школы можно выразить въ немногихъ словахъ: основаніе права—сила. *Право безъ силы — мечта!* Чтобы додуматься до этой великой истины, человѣчеству понадобилось нѣсколько тысячелѣтій!

По словамъ Геринга *право* и *сила* два неразрывно связанныя другъ съ другомъ понятія. «Понятіе о правѣ, говоритъ онъ, не есть понятіе логики, но чистое понятіе о силѣ»[1]). Тамъ, гдѣ нѣтъ силы, нѣтъ принужденія, не можетъ быть рѣчи о правѣ. И какъ въ области международныхъ отношеній нѣтъ верховной силы и власти, которой подчинялись бы государства, то ясно, что не можетъ быть также ни права международнаго вообще, ни права войны въ особенности.

Это мнѣніе представляется до такой степени удобнымъ и согласнымъ съ опытомъ жизни, что она не могла не получить авторитета абсолютной истины у юристовъ, умственный горизонтъ которыхъ отмѣченъ римскимъ Codex juris, съ одной стороны, и сводомъ законовъ отечества, съ другой. Если имъ вѣрить, то древніе римляне уже предвидѣли потребности, нравственныя и правовыя воззрѣнія, культурныя задачи и общественные и государственные порядки христіанскихъ народовъ XIX вѣка. Этотъ классическій народъ долженъ быть не только нашимъ учителемъ при первыхъ шагахъ въ жизни, но по его понятіямъ о правѣ должны быть скроены наши воззрѣнія на условія соціальной жизни, основанія государственнаго быта и законы международныхъ отношеній.

Несмотря, однако на всю несообразность, и про-

[1]) *Ihering.* Der Kampf um's Recht. 1872. S. 8 etc. Wien. — Der Zweck im Recht, I, 318.

тивоестественность такого вѣчнаго господства началъ римскаго права, мнѣніе, что основаніе права—сила, успѣло вкорениться въ Германіи и распространиться далеко за ея предѣлы. Въ новѣйшее время, къ стыду науки международнаго права, даже нѣкоторые изъ тѣхъ, которые спеціально посвятили себя ея изученію, находятъ возможнымъ утверждать, что право войны немыслимо, потому что во время военныхъ дѣйствій должна царствовать исключительно грубая сила[1]).

Согласиться съ этимъ взглядомъ мы не можемъ. Мнѣніе, что сила есть основаніе права, мы признаемъ недостойнымъ человѣка, опаснымъ для общественнаго и государственнаго быта и пагубнымъ для международной жизни. Мало этого. По нашему крайнему разумѣнію и убѣжденію, взглядъ Геринга идетъ въ разрѣзъ съ положительными фактами и съ законами прогрессивнаго развитія человѣческой жизни.

Такой принципъ недостоинъ человѣка, потому что заставляетъ его отречься отъ своей нравственной независимости, своей личной свободы и отъ вѣры въ окончательное и неизбѣжное торжество права надъ насиліемъ, закона надъ анархіею и порядка надъ произволомъ. Если, дѣйствительно, всегда на сторонѣ физической силы право, то человѣку, надъ священнѣйшими правами котораго совершаются самыя возмутительныя преступленія, остается только безусловно преклониться и просить «аманъ». Если это такъ, то логика требуетъ отъ насъ признать совершенно законными тѣ страшныя злодѣйства, которыя турки, благодаря своей силѣ и власти, совершали надъ безоружными и несчастными болгарами.

[1]) *Funck-Brentano et Sorel.* Précis du droit des gens. Paris 1877, p. 496. Срав. *Funck-Brentano.* La civilisation et ses lois, Paris 1876. p. 379.

Опаснымъ представляется разбираемое мнѣніе также и для внутренняго порядка государства, потому что основаніе правильнаго его развитія заключается въ уваженіи къ закону. Законъ же, вообще говоря, не создаетъ правъ и не выдумываетъ ихъ. Неприкосновенность жизни и чести не потому признается *правомъ* каждаго, что охраняется уголовнымъ закономъ, а потому, что каждый имѣетъ, на основаніи своей природы, неотъемлемое право на свою жизнь и честь. Законъ долженъ *охранять* права, но онъ не есть источникъ всей совокупности правъ, принадлежащихъ лицу.

Въ особенности пагубнымъ оказывается эта теорія въ примѣненіи къ международнымъ отношеніямъ. Здѣсь она оправдываетъ самыя возмутительныя правонарушенія настолько, насколько потерпѣвшіе отъ нихъ не въ состояніи давать отпоръ или требовать удовлетворенія, во имя своей *силы*, но не права! Если бы сила дѣйствительно должна была быть верховнымъ началомъ въ области международной жизни, то необходимо согласиться съ тѣмъ, что безусловно всѣ опустошенія, звѣрства и мученія представляются совершенно законными средствами войны. Въ такомъ случаѣ логика предписываетъ признать курдовъ, увѣчившихъ раненыхъ, мучившихъ и грабившихъ мирныхъ обывателей, только лучшими исполнителями права войны.

Стоитъ только послѣдовательно развивать эту прискорбную теорію о правѣ, чтобы убѣдиться въ полной ея несостоятельности. Въ самомъ дѣлѣ, вся эта теорія очевидно основывается на недоразумѣніи. Порядокъ охраненія права здѣсь смѣшивается съ самымъ правомъ и дѣлается органическою, составною его частью. Между тѣмъ, если право можетъ быть охраняемо силою, властью или принужденіемъ, то изъ этого никакъ еще не слѣдуетъ, что эта сила, власть

и принужденіе непремѣнно входятъ въ понятіе о правѣ, что право безъ нихъ немыслимо. Смѣшно было бы отрицать *право* кредитора на уплату должной ему суммы въ томъ случаѣ, если это право неосуществимо, потому что у должника не оказывается никакого имущества. Въ данномъ случаѣ право кредитора все-таки существуетъ, можетъ быть признано судомъ и быть защищаемо всею властью государства.

Вотъ почему мы отказываемся стать подъ знамя, на которомъ красуются слова: «Право безъ силы—мечта!» Мы исходимъ изъ того основнаго положенія, что подобно человѣческой личности, народъ есть также источникъ извѣстныхъ неотъемлемыхъ правъ. Подобно тому, какъ жизненныя отношенія внутри государства должны быть изучаемы, выяснены и опредѣлены юридическими нормами, точно также отношенія между народами подлежатъ дѣйствію конкретныхъ законовъ. Если справедливо мнѣніе, что тамъ гдѣ нѣтъ сознанія обязанности, нѣтъ и сознанія права [1]), то очевидно задача жизни и науки придти къ сознанію этихъ взаимныхъ правъ и обязанностей. Совершенно непонятнымъ представляется намъ пріемъ, заключающійся въ установленіи этого сознанія въ области частной, общественной и государственной жизни и въ отрицаніи возможности такого сознанія между цивилизованными народами. Подобно тому, говорятъ намъ, какъ не можетъ быть рѣчи о правахъ въ отношеніи лютаго звѣря, несознающаго никакихъ обязанностей, точно также смѣшно доказывать, что народы имѣютъ какія-нибудь права во время войны [2]).

---

[1]) *Funck-Brentano.* La civilisation et ses lois, p. 34.

[2]) *ibidem* p. 379. Этотъ же самый авторъ издалъ черезъ годъ вышеприведенное сочиненіе по международному праву, которое есть собственно «право» между «лютыми звѣрями!»

Но это право войны все-таки существуетъ и заключается въ совокупности тѣхъ обычаевъ и законовъ, которые опредѣляютъ дѣйствія государствъ и ихъ вооруженныхъ силъ во время войны. Это право неотрицаемо настолько, насколько неотрицаема сама война. Она имѣетъ за собою историческій опытъ нѣсколькихъ вѣковъ, сознаніе всѣхъ цивилизованныхъ народовъ и неподкупное чувство правды и справедливости.

Дѣйствительно, право войны существуетъ съ тѣхъ поръ какъ государства пришли къ сознанію своихъ обязанностей въ отношеніи другъ друга. Оно постоянно развивалось и измѣнялось сообразно измѣненію культурныхъ понятій народовъ. Во имя этого права *требуется* отъ побѣдителя неприкосновенность жизни и чести мирныхъ обывателей непріятельской страны; во имя этого права даже пораженный врагъ остается человѣкомъ, заслуживающимъ уваженія и сочувствія.

Не легко найти примѣръ лучше подтверждающій силу того міроваго закона, на основаніи котораго вся исторія природы и человѣческой культуры проявляется въ поступательномъ торжествѣ духа надъ матеріею, какъ именно развитіе права войны. Только мало-по-малу утверждается сознаніе его существованія и чувствуется его дѣйствіе. Первоначально, во времена древняго міра, война дѣйствительно является безпощаднымъ взаимноистребленіемъ. Народы классическаго міра не могли сознавать своихъ взаимныхъ правъ и обязанностей, потому что не понимали человѣка, какъ субъекта неотъемлемыхъ правъ. Но въ то время, когда сами народы еще не дошли до этого сознанія, когда физическая сила была верховнымъ рѣшителемъ судьбы человѣка и его правосостоянія, когда только *гражданинъ* считался правоспособнымъ, а всякій чу-

жеземецъ былъ врагомъ и стоялъ внѣ защиты закона,—тогда религія представляется намъ предвозвѣстницею новыхъ, лучшихъ порядковъ, тогда она вселяла въ душу народовъ чувство милости къ врагу и уваженія къ человѣку. Въ эту эпоху чувство человѣколюбія и гуманности поддерживается авторитетомъ религіи и бѣдствія войны ограничиваются голосомъ пробужденной совѣсти. Велика и незабвенна въ этомъ отношеніи заслуга христіанства, религіи любви и всепрощенія.

Но по мѣрѣ развитія культуры и цивилизаціи, по мѣрѣ того, какъ въ государствахъ утверждается уваженіе къ человѣку, къ его личной свободѣ, стремленіямъ, чувствамъ и правамъ, область международныхъ отношеній и войны мало-по-малу подчиняется опредѣленнымъ правиламъ и порядку. Народы, положившіе въ основаніе всего своего общественнаго строя и культуры уваженіе къ человѣку, какъ къ человѣку, не могутъ не признавать въ другихъ народахъ извѣстныхъ неотъемлемыхъ правъ. Благодаря этому обстоятельству грубой силѣ ставятся, во время войны, опредѣленныя границы не только во имя религіи или человѣколюбія, но, выработывается сознаніе объ извѣстныхъ обычаяхъ и законахъ войны, несоблюденіе которыхъ со стороны непріятеля ведетъ къ репрессаліямъ и даетъ потерпѣвшему право на удовлетвореніе.

Вотъ какимъ путемъ право войны выработывалось въ теченіи вѣковъ и вотъ почему оно имѣетъ обязательную силу. Чѣмъ больше во время войны разгораются страсти и взаимная ненависть воюющихъ, чѣмъ больше шумомъ сраженій голосъ совѣсти и чувство человѣколюбія заглушаются, чѣмъ больше, однимъ словомъ, физическая сила—матерія—ближе къ неограниченному господству, тѣмъ сильнѣе должно

высказываться въ народахъ сознаніе права и тѣмъ ближе и полнѣе должно быть окончательное торжество идеи правды и справедливости.

На этомъ основаніи мы убѣждены въ томъ, что чѣмъ выше нравственный идеалъ даннаго народа, тѣмъ гуманнѣе онъ будетъ во время войны, тѣмъ добросовѣстнѣе онъ будетъ подчиняться правиламъ и законамъ войны. Каждая война есть выраженіе нравственнаго и умственнаго развитія воюющихъ народовъ. Чѣмъ выше у даннаго народа и то и другое, тѣмъ неотложнѣе его обязанность уважать права своего противника. Народъ, который можетъ искренно сочувствовать страданіямъ другихъ, и рѣшиться на пожертвованіе своею собственною жизнью для спасенія угнетаемыхъ, не можетъ не уважать права войны и не сочувствовать всякимъ попыткамъ къ ограниченію страшныхъ послѣдствій международной борьбы. Можно ему приписывать всевозможныя преступленія, можно самымъ систематическимъ и искуснымъ образомъ распространять на его счетъ клеветы и обвиненія въ самыхъ возмутительныхъ звѣрствахъ, *доказать* ихъ никто не будетъ въ состояніи, ни сочинители клеветъ, ни услужливые ихъ распространители. Войска всегда были вѣрнымъ отраженіемъ умственнаго и нравственнаго состоянія народовъ и всегда въ нихъ выражался общественный строй и порядокъ государства. Армія же народа, положившаго на алтарь войны свою жизнь за освобожденіе своихъ братьевъ отъ нестерпимаго ига, не можетъ забывать своей высоко гуманной миссіи. Такая армія можетъ потерпѣть пораженія, она можетъ быть подвергнута страданіямъ и лишеніямъ, обыкновенно превышающимъ человѣческія силы, но никогда она не запятнаетъ звѣрствами и варварствами знамя, врученное ей народомъ, какъ символъ его чести и славы. Всегда въ

войскахъ такого народа прирожденное чувство снисхожденія къ жертвамъ войны будетъ подкрѣпляемо сознаніемъ обязанности уважать обычаи и право войны.

VI.

Вотъ та точка зрѣнія, съ которой мы намѣрены разсматривать наиболѣе выдающіяся явленія послѣдней войны, насколько они касаются международнаго права во время военныхъ дѣйствій.

Признавая войну при существующихъ отношеніяхъ между государствами совершенно неизбѣжною, мы однако, въ то же время, утверждаемъ, что право войны не есть вымыселъ досужей фантазіи, а результатъ историческаго опыта и современнаго состоянія международной жизни. Будучи глубоко убѣждены въ томъ, что наступитъ время, когда война *дѣйствительно* станетъ исключеніемъ и когда государства найдутъ болѣе цѣлесообразное средство для улаженія возникающихъ между ними распрей, мы увѣрены, что до того времени, по мѣрѣ большаго ознакомленія и взаимнаго пониманія народовъ, право войны представляется единственнымъ средствомъ отнять у войны ея звѣрскій характеръ и ограничить связанныя съ нею бѣдствія.

Мало того. Мы позволяемъ себѣ думать, что когда сознаніе права войны сдѣлается достояніемъ каждаго защитника отечества, когда нарушеніе его предписаній будетъ исключительнымъ фактомъ, когда сами арміи убѣдятся, что исполненіе общепризнанныхъ обычаевъ войны нисколько не въ состояніи парализовать успѣшный ходъ военныхъ операцій, — тогда чувство солидарности между народами укрѣпится надежнымъ образомъ и силою самихъ вещей число войнъ международныхъ должно уменьшиться.

Итакъ, сознаніе солидарности между народами долж-

но развиваться по мѣрѣ развитія внутренней, общественной ихъ жизни. Наступитъ также въ области международной жизни время, когда исполнится великій законъ соціальной жизни, когда «каждый народъ будетъ существовать для міра и міръ для него». Мы надѣемся, что недалеко то время, когда защитники неограниченной, грубой, физической силы въ области соціальной жизни будутъ поставлены къ позорному столбу и, когда понятіе о правѣ лишится своего современнаго матеріалистическаго толкованія и содержанія. Мы вѣримъ въ окончательное торжество права даже тамъ, гдѣ оно нарушается самымъ дерзкимъ образомъ, потому что вѣримъ въ *идеальную* силу права.

Въ самомъ дѣлѣ нашъ «практическій» вѣкъ, который цѣль человѣческой жизни видитъ въ легкой наживѣ и накопленіи всевозможныхъ матеріальныхъ благъ, и средство для достиженія этой цѣли находитъ въ превратно понимаемой теоріи «борьбы за существованіе», не можетъ застынуть на той низкой ступени пониманія права, которое ложно выдается за единственно разумное и вѣрное. Это безусловное преклоненіе предъ физическою силою соотвѣтствуетъ прошедшимъ временамъ, но идетъ въ разрѣзъ съ будущими. Правда, мы склонны изучать и обращать исключительное вниманіе на прошлое, забывая, что и будущее имѣетъ свои права. Но такое направленіе не можетъ продолжаться; оно противорѣчитъ основному закону развитія всей культуры и современной цивилизаціи. Этотъ же законъ есть законъ прогресса, поступательнаго и неудержимаго развитія человѣка, общества, государства и международной жизни. Развитіе не можетъ заключаться въ возвращеніи вспять; оно не мыслимо при господствѣ физической силы и преклоненіи предъ нею; оно невозможно при

отсутствіи права и порядка. Прогрессъ мыслимъ только въ поступательномъ движеніи впередъ: его цѣль и его *идеалы* въ будущемъ.

Прогрессъ безъ идеаловъ—мечта!

Право же прикованное къ скалѣ прошлой, застывшей жизни и лишенное основанія въ будущемъ, должно обратиться въ насиліе и произволъ.

Право безъ идеаловъ — фактъ. Четырехсотлѣтній деспотизмъ турокъ надъ христіанскою райей также—фактъ.

Такимъ образомъ и праву войны также присуща извѣстная идеальная сторона: его полное развитіе — дѣло будущаго, но въ этомъ нельзя видѣть ея слабость или недостатокъ, напротивъ, лучшій залогъ окончательнаго его торжества. Подобно тому какъ не можетъ быть стертъ съ лица земли народъ, вѣрющій въ свою жизненную силу и стремящійся къ осуществленію своихъ національныхъ и идеальныхъ цѣлей, точно также должно восторжествовать, въ концѣ концовъ, право надъ физическою силою какъ въ сферѣ государственной, такъ и въ области международной жизни.

Глава II.

Война и законъ.

Война между цивилизованными народами подчиняется законамъ и обычаямъ, выработавшимся на практикѣ.—Кодификація этихъ законовъ въ интересахъ самихъ воюющихъ государствъ.—Противоположное мнѣніе фонъ-Гартмана и Рюстова.—Это мнѣніе опровергается фактами и не раздѣляется замѣчательными военными дѣятелями. — Ошибочность взгляда нѣкоторыхъ писателей по международному праву на кодификацію военныхъ законовъ.

Подъ правомъ обыкновенно разумѣютъ совокупность законовъ или юридическихъ нормъ. Если существуетъ право войны, то можно-ли сомнѣваться въ существованіи опредѣленныхъ законовъ. Но что такое законъ?

Старинное опредѣленіе Монтескье и теперь еще лучше многихъ новыхъ. «Законы, говоритъ онъ, суть тѣ необходимыя отношенія (rapports), которыя вытекаютъ изъ природы вещей и въ этомъ смыслѣ всѣ существа подчинены законамъ»[1]). Если вмѣсто слова «отношенія» поставить слово «правило» или «нормы», то мы получимъ полное понятіе объ опредѣленіи

[1]) *Montesquieu.* De l'esprit des lois, liv, I, chap. I, 2.

Монтескье. Онъ дѣйствительно, во всемъ своемъ классическомъ трудѣ, постоянно старается выяснить существующія жизненныя отношенія, вникнуть въ историческій ихъ смыслъ и разумное назначеніе, съ цѣлью уразумѣть тѣ законы, которымъ они подчиняются. Съ этой точки зрѣнія не трудно понять задачу законодательной власти въ государствѣ. Если всѣ жизненныя отношенія имѣютъ свои законы, вытекающіе изъ самой ихъ природы, если всѣ люди связаны въ отношеніи другъ друга опредѣленными правами и обязанностями, то задача законодателя должна заключаться во всестороннемъ изученіи этихъ реальныхъ отношеній и въ точномъ опредѣленіи вытекающихъ изъ нихъ и соотвѣтствующихъ имъ законовъ.

Примѣняя этотъ же самый пріемъ къ международнымъ отношеніямъ, необходимо согласиться, что они точно также должны имѣть свои особенные законы, соотвѣтственные особенной ихъ природѣ и назначенію. Если отношенія мирныя между народами подлежатъ дѣйствію извѣстныхъ законовъ, то, какъ мы видѣли выше, нѣтъ никакого основанія отрицать существованіе правилъ, обязательныхъ для нихъ во время войны. Стало быть, необходимо только, чтобы законы, присущіе международнымъ отношеніямъ, были бы выяснены и опредѣлены точнымъ образомъ.

Но здѣсь представляется затрудненіе, составляющее отличительную особенность процесса формулированія международныхъ законовъ. Отношенія между государствами основываются на идеѣ полнѣйшей независимости. Они не могутъ признавать надъ собою ни верховной, ни законодательной, ни судебной власти. Они сами властны и не подчиняются постороннему авторитету. Если нѣтъ этой взаимной независимости государствъ, не можетъ быть рѣчи о сношеніяхъ *между* ними.

Отсюда слѣдуетъ, что въ области международныхъ отношеній законы, долженствующіе имѣть для государствъ обязательную силу, могутъ быть установлены не иначе какъ посредствомъ обоюднаго между ними соглашенія. Такое соглашеніе можетъ быть констатируемо въ установившихся международныхъ *обычаяхъ*, или оно можетъ еще лучше быть выражено въ международномъ *договорѣ*. Но было бы совершенно ошибочно думать, что правила для международныхъ отношеній существуютъ настолько, насколько они формулированы въ обычаяхъ или договорахъ. Подобное заключеніе совершенно противорѣчитъ понятію о законѣ, выводимомъ изъ существа самыхъ жизненныхъ отношеній и соотвѣтствующемъ свойствамъ ихъ природы.

Однако нѣтъ сомнѣнія, что для предупрежденія, насколько возможно, споровъ между государствами относительно взаимныхъ ихъ правъ и обязанностей, весьма желательно, чтобы они согласились общими силами выяснить обязывающія ихъ юридическія нормы. Имѣется полное основаніе думать, что, чѣмъ лучше будетъ достигнута эта цѣль, чѣмъ меньше сомнѣнія относительно смысла и содержанія подлежащаго къ примѣненію международнаго закона, тѣмъ лучше для самихъ народовъ и тѣмъ правильнѣе могутъ установиться возникшія между ними сношенія. Было бы крайне опрометчиво предполагать, что отсутствіе твердыхъ правилъ всегда будетъ выгодно для того государства, которое въ данную минуту имѣетъ на своей сторонѣ физическую силу. Сила не есть право, но всегда обоюдоострый мечъ: государство, бывшее въ данное время сильнымъ, при другихъ обстоятельствахъ можетъ оказаться совершенно безсильнымъ. Наконецъ, если отношеніямъ между народами дѣйствительно присущи конкретныя правила, если они

вытекаютъ изъ ихъ природы, то нельзя не заключить, что безъ этихъ правилъ международныя отношенія не могутъ ни установиться, ни развиваться. Между тѣмъ, ежедневный опытъ убѣждаетъ всякаго, что сношенія между народами, вызванныя неотложною ихъ потребностью всесторонне развивать свои физическія и умственныя силы, принимаютъ съ каждымъ годомъ все большіе размѣры и достигли въ настоящее время небывалаго развитія.

Всѣ эти соображенія кажутся намъ настолько вѣскими, что нельзя сомнѣваться ни въ пользѣ, ни въ крайней необходимости опредѣленія самими государствами, посредствомъ взаимнаго соглашенія, юридическихъ нормъ, которыя они признаютъ для себя обязательными. Казалось бы еще меньше могло быть сомнѣнія насчетъ этого вопроса по отношенію къ самимъ воюющимъ государствамъ. Война представляется такимъ страшнымъ бѣдствіемъ и до такой степени возбуждаетъ животныя страсти человѣка, что только сознаніе права и закона можетъ служить въ этомъ случаѣ надлежащимъ тормазомъ, сдерживающимъ порывы къ совершенію непростительныхъ варварствъ и по возможности ослабляющимъ ужасныя послѣдствія войны.

Вотъ почему международное соглашеніе съ цѣлью установленія правилъ войны или, другими словами, *кодификація* обычаевъ войны, представляется намъ никакъ не меньше настоятельною задачею цивилизованныхъ государствъ, чѣмъ кодификація международныхъ законовъ во время мира. Только посредствомъ выясненія въ *законѣ* понятія о воюющихъ сторонахъ можно отчасти предупредить излишнія жестокости, ограничить случаи примѣненія возмутительныхъ репрессалій, которыя обыкновенно обрушиваются на голову лицъ совершенно безвинныхъ, не бывшихъ въ со-

стояніи ни совершить преступленія, за которое наказываются, ни предупредить его совершеніе.

Такимъ образомъ точное опредѣленіе законовъ войны, или ихъ кодификацію, нельзя не признать ближайшею цѣлью всѣхъ попытокъ, направленныхъ къ уменьшенію страшныхъ бѣдствій, происходящихъ отъ международныхъ столкновеній.

Однако такое воззрѣніе никакъ нельзя считать господствующимъ ни въ средѣ военныхъ, ни въ средѣ публицистовъ и юристовъ. Еще въ самое послѣднее время, по поводу въ особенности работъ брюссельской конференціи 1874 года, громко было провозглашено, какъ непреложная истина, что кодификація военныхъ законовъ не только немыслима, но что она даже крайне нежелательна.

I.

Съ особенною энергіею и несомнѣннымъ авторитетомъ высказывался, въ самое послѣднее время, въ этомъ именно смыслѣ почтенный прусскій кавалерійскій генералъ фонъ-Гартманъ, въ статьяхъ, напечатанныхъ въ извѣстномъ нѣмецкомъ журналѣ: «Deutsche Rundschau» (1877 г.). Аргументація этого автора крайне проста и выражается въ положеніи, что не можетъ быть ни права, ни законовъ войны; слѣдовательно не можетъ быть и рѣчи о кодификаціи послѣднихъ.

Авторъ постоянно исходитъ изъ сопоставленія предписаній «идеализма международнаго права» съ требованіями «военнаго реализма». Этотъ же реализмъ войны дѣлаетъ совершенно невозможнымъ установленіе какихъ бы то ни было непреложныхъ правилъ или законовъ. Война есть безпощадная борьба между народами, и всѣ гуманныя попытки къ ограниченію ея бѣдствій должны исчезнуть предъ неумолимою серьезностью военныхъ операцій.

Казалось бы, что съ этой точки зрѣнія международная война конца XIX столѣтія должна превратиться въ такую безпощадную рѣзню и безпрерывный рядъ опустошеній, которыми ознаменовались въ исторіи подвиги войскъ «бича Божьяго», Аттиллы. Можно было бы думать, что Гартманъ вообще не признаетъ никакихъ предѣловъ для власти воюющихъ, никакого тормаза для страстей разъяреннаго войска, и что прусскій генералъ храднокровно готовъ оправдывать и дорѣзываніе раненыхъ, и сажаніе на колъ женщинъ и дѣтей.

Нисколько! Логика заставляетъ Гартмана быть извергомъ,—здравый смыслъ и чувства человѣколюбія останавливаетъ руку, готовую, кажется, бить и истреблять безпощадно.

Этотъ военный писатель не только признаетъ существованіе извѣстныхъ обычаевъ войны (Kriegsgebrauch), но краснорѣчиво доказываетъ, что соблюденіе ихъ требуется честью и совѣстью цивилизованной арміи. «Образованность, говоритъ онъ, сдѣлавшаяся безсознательною собственностью народа; совѣсть, непроизвольно подсказывающая сердцу человѣка; долгъ, установленный какъ непреложный законъ жизни; послушаніе приказаніямъ, требующимъ слѣпаго исполненія; дисциплина, ставящая дѣйствія отдѣльнаго лица въ опредѣленныя границы,— вотъ тѣ силы, которыя должны содѣйствовать проведенію мирной культуры въ область войны». Притомъ, прибавляетъ онъ, вѣдь современныя арміи составляются изъ всѣхъ слоевъ народа, и потому онѣ не могутъ не поддаваться вліянію «правосознанія и правовыхъ воззрѣній» своей родины. Наконецъ, по его же словамъ, «правосознаніе и основныя правила морали» непремѣнно должны управлять всѣми дѣйствіями сражающихся.

Трудно лучше доказать настоятельную необходимость кодификаціи законовъ войны, чѣмъ это сдѣлано въ только-что приведенныхъ словахъ противника ея.

Въ самомъ дѣлѣ, если «образованность» (Gesittung) должна ограничивать бѣдствія войны, то необходимо, чтобы она предписывала извѣстныя правила и намѣтила опредѣленныя границы для дѣйствій воюющихъ. Если образованность или культура будетъ ограничиваться только однимъ сожалѣніемъ о безвозвратно погибшихъ жертвахъ варварства и произвола, то она является самою злою насмѣшкою надъ самыми дорогими и святыми чувствами человѣческаго сердца. Если совѣсть и сознаніе долга должны также служить ограниченіями бѣдствій войны, то необходимо, чтобы эта совѣсть давала себя чувствовать и чтобъ на дѣлѣ проявлялось сознаніе долга. Для достиженія же этой цѣли необходимо, чтобы дѣйствующія на войнѣ лица ясно представляли себѣ то, чего требуютъ отъ нихъ долгъ и совѣсть. Слѣдовательно, прежде всего должно опредѣлить, что такое законъ войны и какіе выработались въ настоящее время военные обычаи. Намъ представляется совершенно непонятнымъ, какая это совѣсть, которая не знаетъ, что дозволено и что запрещено, и какое это сознаніе долга, лишенное сознанія своихъ правъ и обязанностей.

Кромѣ того, нельзя, какъ мы видѣли выше, говорить о сознаніи долга и обязанности, если нѣтъ на противной сторонѣ сознанія права, и наоборотъ. Отсюда слѣдуетъ, что обѣ воюющія стороны должны быть проникнуты одинаковымъ сознаніемъ своего долга, и, только при этомъ условіи, исполненіе своихъ правъ съ одной стороны обезпечитъ соблюденіе соотвѣтственныхъ обязанностей, съ другой. Стало

быть, необходимо принять мѣры, во имя образованности, совѣсти и сознанія долга, къ тому, чтобы у обѣихъ воюющихъ сторонъ чувство совѣсти и долга находилось въ возможномъ согласіи. Такое же согласіе можетъ существовать только между народами, состоящими болѣе или менѣе на одинаковой ступени образованности или цивилизаціи и не различающимися существенно другъ отъ друга понятіями о нравственности и правѣ. Вотъ почему невозможно было ожидать отъ турокъ соблюденія правилъ и обычаевъ войны, выработавшихся общими усиліями христіанскихъ и цивилизованныхъ народовъ. Наконецъ въ области международныхъ отношеній одинаковость сознанія и пониманія взаимныхъ правъ и обязанностей можетъ быть достигнута только путемъ соглашенія между государствами.

То же самое должно сказать относительно военной дисциплины и слѣпаго повиновенія приказаніямъ начальства. Какъ то, такъ и другое дѣйствительно будутъ тормазами произвола во время войны, если начальство и нижніе чины *сознательно* относятся къ тому, что предписываетъ имъ совѣсть или чувство справедливости и что требуется отъ нихъ военною необходимостью. Дисциплина же въ одной арміи, не встрѣчая взаимности въ другой, непріятельской, легко можетъ уступить мѣсто сознанію необходимости прощать такіе поступки, которые извиняются единственно поведеніемъ непріятеля.

Наконецъ, если войска, по утвержденію Гартмана, должны быть проникнуты правосознаніемъ того народа, изъ нѣдръ котораго они вышли, если они обязаны добросовѣстно соблюдать основные принципы морали и нравственности, то законамъ войны дана самая твердая, реальная почва. Да, дѣйствительно, войска являются представителями правосознанія сво-

его народа, они уносятъ съ собою на войну всѣ тѣ нравственные идеалы и культурныя воззрѣнія, которые составляютъ лучшее достояніе каждаго народа; но это-то правосознаніе современныхъ цивилизованныхъ народовъ, эти-то нравственные принципы и сознаніе своего долга и предписываютъ войскамъ ослаблять, по мѣрѣ возможности, бѣдствія войны и добросовѣстнымъ образомъ исполнять обычаи и законы ея.

Было бы явною клеветою противъ правосознанія современныхъ народовъ сказать, что они не знаютъ никакихъ правилъ и обычаевъ войны. Самымъ добросовѣстнымъ и авторитетнымъ свидѣтелемъ въ пользу существованія такихъ обычаетъ войны является самъ генералъ Гартманъ. При тщательномъ разборѣ правъ воюющихъ относительно занятой ими непріятельской территоріи, военноплѣнныхъ и частныхъ лицъ, почтенный авторъ постоянно ссылается на установившіеся обычаи войны, указывая на порядки, теперь выработавшіеся, въ сравненіи съ тѣми, которые были въ средніе вѣка и еще въ прошломъ столѣтіи.

Между тѣмъ логика и здравый смыслъ согласны въ томъ, что если *дѣйствительно* существуетъ для современныхъ высоко цивилизованныхъ народовъ какія нибудь ограничительныя правила или обычаи, обязательные для нихъ во время войны, то необходимо ихъ выяснить, опредѣлить и обезпечить однообразное ихъ примѣненіе.

Въ точно такія же самопротиворѣчія, какъ фонъ-Гартманъ, впадаетъ другой современный военный писатель, швейцарскій полковникъ Рюстовъ, въ борьбѣ противъ законовъ войны. Но разница между обоими писателями замѣчается не только въ томъ, что прусскій генералъ во всемъ своемъ этюдѣ остается на высотѣ науки, между тѣмъ какъ Рюстовъ постоянно

спускается въ подземелье неприличнаго полемическаго задора, но, главнымъ образомъ, они различаются силою своей аргументаціи и знаніемъ условій войны. Прусскій генералъ больше сказалъ въ своихъ краткихъ статьяхъ, нежели Рюстовъ въ цѣломъ томѣ [1]).

Швейцарскій полковникъ съ явнымъ цинизмомъ насмѣхается надъ требованіемъ, чтобы воюющія державы и ихъ вооруженныя силы соблюдали какія-то правила войны. Въ принципѣ, утверждаетъ онъ, воюющему дозволено *все*, и онъ можетъ употреблять какія угодно средства для нанесенія вреда своему врагу. Такъ, завоеватель, на основаніи «господствующаго *закона*» (sic!), можетъ «мало по малу и при употребленіи смягчающихъ средствъ, обрѣзывать населенію (на завоеванной территоріи) *уши*» (!).

Правда, Рюстовъ весьма великодушно находитъ такое обрѣзываніе ушей у населенія занятой территоріи т. е. подчиненіе населенія власти завоевателя всѣми возможными средствами, «слишкомъ жестокимъ», но онъ признаетъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ, такія звѣрства неизбѣжными.

Этотъ образчикъ, кажется, достаточно характеризуетъ пріемъ и точку зрѣнія Рюстова. Изъ сказаннаго видно, что здѣсь не можетъ быть и рѣчи о какихъ бы то ни было ограниченіяхъ военной власти или о существованіи какихъ нибудь обычаевъ войны. Вѣдь разсужденія о правѣ или законахъ войны авторъ объявляетъ «разглагольствованіями пустоголовыхъ юристовъ» и «галиматьею».

Но каково должно быть удивленіе каждаго читающаго сочиненіе Рюстова, если, послѣ всѣхъ этихъ

[1]) Болѣе подробный разборъ книги Рюстова: «Kriegspolitik und Kriegsgebrauch» (Zürich 1876) написанъ мною для V тома «Сборника государственныхъ знаній», стр. 38 и слѣд. См. также статьи *гр. Л. А. Камаровскаго* въ «Юридическомъ Вѣстникѣ» за 1878 годъ.

громкихъ фразъ и неприличныхъ выходокъ противъ права войны, онъ видитъ, что самъ швейцарскій полковникъ то и дѣло вдается въ разсужденіе объ обычаяхъ войны, признавая ихъ обязательными? Онъ нисколько не отрицаетъ обязательной силы правилъ войны, установленныхъ международными трактатами.

Этого мало. На послѣднихъ страницахъ своего труда Рюстовъ, забывая цѣль своей аргументаціи и всѣ свои громкіе протесты, находитъ возможнымъ объявить, что посредствомъ международнаго соглашенія можно будетъ обратить обычаи войны (Kriegsgebrauch) въ законы войны (Kriegsgesetz)! Когда военные обычаи будутъ кодифицированы, они могутъ, по словамъ этого писателя, получить обязательную силу.

Но сила юридическаго обычая вытекаетъ изъ постояннаго приложенія одного и того же правила къ существенно-одинаковымъ отношеніямъ. Самъ же Рюстовъ доказалъ, что существуютъ извѣстные военные обычаи. Отсюда слѣдуетъ, что послѣдніе обязательны настолько, насколько вообще обязательны юридическіе обычаи. Слѣдовательно, кодификація военныхъ обычаевъ никакъ не есть условіе обязательности ихъ. Она только лучше ихъ опредѣлитъ, выяснитъ и обезпечитъ одинаковое ихъ пониманіе и соблюденіе со стороны воюющихъ государствъ. Противъ же кодификаціи Рюстовъ, собственно говоря, ничего не имѣетъ. Такимъ образомъ всѣ его нападки на право и законы войны представляются только непонятною страстью бороться противъ вѣтряныхъ мельницъ.

II.

Разборъ мнѣній двухъ новѣйшихъ военныхъ писателей по вопросу о кодификаціи обычаевъ и правилъ войны доказалъ, что относительно этого вопроса су-

ществуютъ, даже въ средѣ самихъ военныхъ, весьма разнообразныя воззрѣнія. Мы надѣемся, что намъ удалось выставить въ надлежащемъ свѣтѣ тѣ самопротиворѣчія и неясности, которыми изобилуютъ разсужденія Гартмана и Рюстова. Мы лично убѣждены, что труды обоихъ писателей какъ нельзя болѣе наглядно подтверждаютъ необходимость соглашенія между государствами съ цѣлію опредѣлить свободу дѣйствій своихъ вооруженныхъ силъ во время войны.

Однако, быть можетъ, ошибочно прилагать къ аргументаціи военныхъ писателей всѣ правила логическаго и послѣдовательнаго мышленія. Можетъ быть фонъ-Гартманъ и Рюстовъ, только выразили тотъ взглядъ на попытки опредѣлить обычаи и законы войны, который господствуетъ вообще въ военномъ сословіи. Весьма даже вѣроятно, что настоятельная необходимость разрѣшенія этой задачи далеко не всѣми военными сознается и одобряется. Вотъ почему позволительно думать, что въ разсужденіяхъ прусскаго генерала и швейцарскаго полковника слышится только отголосокъ мнѣнія, имѣющаго много сторонниковъ въ арміяхъ европейскихъ государствъ.

Такое предположеніе имѣетъ свое законное основаніе уже потому, что кодификація военныхъ обычаевъ есть все-таки «нововведеніе», что̀ уже служитъ къ ея осужденію. Съ другой стороны, непріязнь нѣкоторыхъ военныхъ дѣятелей ко всѣмъ попыткамъ внести большую точность и опредѣленность въ управленіе событіями на театрѣ войны и дѣйствіями самихъ военныхъ, настолько же понятна и естественна, насколько общеизвѣстно убѣжденіе нѣкоторыхъ администраторовъ, что ихъ «свобода дѣйствія» ни въ какомъ случаѣ не должна быть ограничена какимъ нибудь положительнымъ закономъ. Эта «свобода дѣй-

ствія» и дѣятельность «по усмотрѣнію» иногда выставляются аксіомою современныхъ политическихъ наукъ и опорою государственнаго порядка. Вотъ почему и кодификацію военнаго права склонны признавать такимъ невозможнымъ посягательствомъ на свободу дѣйствія и распорядительную власть военныхъ дѣятелей. Исходя же изъ этой ложной точки зрѣнія, не трудно придти къ заключенію, что вообще нѣтъ никакой практической надобности въ опредѣленіи тѣхъ обычаевъ, которые «изстари» и безъ того будто бы соблюдаются войсками всякаго цивилизованнаго государства.

Но такая точка зрѣнія совершенно неосновательна. Свобода дѣйствія нисколько не нарушается тѣмъ, что точнѣе опредѣляется правило, которое въ дѣйствительности уже существуетъ, и которое обѣ стороны намѣрены добросовѣстнымъ образомъ исполнять. Такое ограниченіе свободы имѣетъ мѣсто только, въ томъ случаѣ, если, напротивъ, воюющіе намѣрены совсѣмъ не соблюдать никакихъ правилъ или обычаевъ войны.

Но, въ самомъ ли дѣлѣ въ интересѣ армій, чтобы обычаи войны оставались предметомъ нескончаемыхъ споровъ между воюющими? Дѣйствительно ли военныя операціи могутъ пострадать отъ того, что дѣйствіямъ войскъ будутъ поставлены границы, выработанныя самою военною практикою и вѣками? Справедливо ли мнѣніе, что существующее въ настоящее время разногласіе насчетъ обязательности того или другаго обычая войны нисколько невредно и неопасно для армій?

Факты, не «разногольствованія», и практика военная, а не «мудрствованія» теоріи, несомнѣнно доказываютъ неотложную необходимость во время мира разъяснить силу такихъ правилъ войны, отъ которыхъ

зависятъ весьма часто жизнь не одного лица, но судьба цѣлаго населенія и тысячъ людей. Множество можно привести достовѣрныхъ историческихъ фактовъ, вполнѣ подтверждающихъ рѣшительное несогласіе воюющихъ насчетъ обязательности того или другаго военнаго обычая.

Остановимся на нѣсколькихъ фактахъ изъ исторіи войнъ XIX столѣтія.

Когда въ 1812 году, генералъ-адъютантъ баронъ Винцингероде былъ взятъ въ плѣнъ французами, подъ начальствомъ Мортье, Императоръ Александръ I писалъ, между прочимъ, князю Кутузову: «Даже турки и азіатскіе народы умѣютъ уважать выѣзжающихъ на переговоры. Но, кажется, всѣ правила, доселѣ свято чтимыя и во время самой революціонной войны соблюдаемыя, нынѣ презрѣны и уступили мѣсто своеволію Наполеона. Если вы, до полученія сего повелѣнія, не требовали обратно генерала Винцингероде, захваченнаго не взирая на переговорный знакъ, который онъ имѣлъ въ рукахъ, предписываю вамъ послать нарочнаго парламентера, съ изъясненіемъ, что онъ взятъ противъ всѣхъ правилъ, въ войнѣ соблюдаемыхъ, и что слѣдуетъ его возвратить».

Эти замѣчательныя слова Императора Александра I свидѣтельствуютъ о существованіи извѣстныхъ «свято чтимыхъ правилъ войны», соблюдаемыхъ даже турками и азіатскими народами, но нарушенныхъ въ то время французами. Между тѣмъ, Наполеонъ и маршалъ Мортье были убѣждены, что взявъ въ плѣнъ барона Винцингероде, они нисколько не нарушили дѣйствительно признаваемыхъ на войнѣ правилъ и обычаевъ. Оба они полагали, что такъ какъ Винцингероде вошелъ въ Москву, находившуюся еще въ рукахъ французовъ, *не имѣя съ собою трубача*, и вообще не исполнивъ всѣхъ требуемыхъ отъ парламен-

теровъ условій, то онъ не могъ претендовать на свою личную неприкосновенность. Правда, баронъ Винцингероде, приближаясь къ Кремлю, велѣлъ сопровождавшему его казаку привязать къ пикѣ бѣлый платокъ, но, по мнѣнію маршала Мортье, этого было недостаточно для пользованія привилегіею парламентера. На этомъ основаніи баронъ былъ взятъ въ плѣнъ и вмѣстѣ съ французами вышелъ изъ Москвы.

Но совершенно иначе понималъ Императоръ Александръ I военный обычай относительно парламентеровъ: по его мнѣнію присутствіе трубача не необходимо для охраненія личности переговорщика. Желая освободить изъ плѣна генерала Винцингероде, Императоръ повелѣлъ предложить Наполеону обмѣнять его на французскаго генерала Феріера, находившагося въ плѣну у насъ. Притомъ Кутузовъ долженъ былъ впередъ объявить французамъ, на случай если бы, паче чаянія, Наполеонъ вознамѣрился посягнуть на жизнь Винцингероде, что «жизнь генерала Феріера будетъ отвѣчать за сохраненіе Винцингероде». Вслѣдствіе такого распоряженія французскій генералъ долженъ былъ постоянно находиться при аванпостахъ, чтобы немедленно и «*непремѣнно*» быть растрѣленнымъ, какъ только князь узнаетъ о смерти Винцингероде. Мало того: Кутузову было еще повелѣно объявить французамъ, что «впредь *пять* французовъ будутъ отвѣчать за *одного* носящаго русскій мундиръ и лишеннаго жизни» [1]).

Этотъ любопытный эпизодъ изъ исторіи отечественной войны чрезвычайно поучителенъ. На немъ совершенно наглядно можно видѣть, до какой степени были противоположны мнѣнія двухъ цивилизован-

[1]) *Михайловскій - Десятовскій.* Описаніе Отечественной войны 1812 г., томъ I, стр. 212.

ныхъ воюющихъ сторонъ о военномъ обычаѣ, который существовалъ уже у народовъ древняго міра. Съ незапамятныхъ временъ личность парламентера признается неприкосновенною, если онъ исполнилъ извѣстныя установіяся путемъ обычая формальности.

Но весь вопросъ заключается именно въ томъ: какія такія формальности? Долженъ ли парламентеръ быть сопровождаемъ трубачемъ, или нѣтъ? Требуется ли, чтобы парламентеръ предварительно испросилъ разрѣшенія непріятеля явиться въ его лагерь? Обязательно ли для него носить какой нибудь внѣшній отличительный знакъ, напримѣръ, бѣлый флагъ, или нѣтъ?

Всѣ эти вопросы, отъ разрѣшенія которыхъ зависитъ судьба отдѣльныхъ лицъ и даже исходъ самой войны, останутся предметомъ споровъ между воюющими сторонами, если онѣ предварительно не условятся и не согласятся между собою. Въ случаѣ же разногласія, сторона, считающая себя обиженною, прибѣгаетъ къ репрессаліямъ, чрезъ что война все болѣе и болѣе принимаетъ видъ войны между дикими племенами.

Приведемъ другой, не менѣе любопытный примѣръ изъ исторіи войны 1873 года. Извѣстно, что партизанскій отрядъ Люцова былъ вѣроломнымъ образомъ захваченъ въ плѣнъ и члены его были по парно скованы, какъ каторжники, и посланы подъ конвоемъ въ Савоію. Наполеонъ и маршалъ Бертье находили возможнымъ оправлывать свое поведеніе въ данномъ случаѣ законами и обычаями войны. Маститый же нашъ историкъ г. Богдановичъ называетъ это дѣло «вопіющимъ» и утверждаетъ, что плѣнные были захвачены «вопреки народному праву»[1]).

---

[1]) *Богдановичъ*. Исторія войны 1813 г. Спб. т. I, стр. 356.

Однако справедливость требуетъ сказать, что мнѣніе г. Богдановича даже въ настоящую минуту далеко не раздѣляется всѣми военными. Всѣмъ, напримѣръ, памятенъ ожесточенный споръ, возникшій во время войны 1870 года между Франціею и Германіею, о законности войны партизанскими отрядами.

Въ прусскомъ «Правительственномъ Вѣстникѣ», отъ 27-го августа 1870 года, мы находимъ объявленіе о томъ, что такъ какъ, «на основаніи принциповъ международнаго права» французскіе вольные стрѣлки (franc-tireurs) могутъ считаться законными врагами только въ томъ случаѣ, если они имѣютъ правительственное разрѣшеніе на военныя дѣйствія, подчиняются французскимъ военнымъ законамъ и находятся подъ начальствомъ французскихъ офицеровъ, то всѣ вольные стрѣлки, неудовлетворяющіе приведеннымъ условіямъ, разсматриваются какъ разбойники. Какая же участь ожидаетъ, по военнымъ законамъ, разбойниковъ, извѣстно каждому.

На основаніи этого распоряженія германскаго высшаго начальства хватали французскихъ вольныхъ стрѣлковъ и обыкновенно подвергали ихъ не военному плѣну, но разстрѣлянію [1]).

Понятно, что французское правительство и народъ были возмущены такимъ толкованіемъ установившихъ-

[1]) Срав. «Mannheimer Journal» отъ 24 октября 1870 года, «Kreuzzeitung» отъ 4 октября 1870 г. «Augsburger Allgemeine Zeitung» (Beilage) № 280, 1870 г. Во время франко-германской войны мы жили близъ французской границы и собирали изъ всевозможныхъ источниковъ факты для характеристики поведенія обѣихъ воюющихъ сторонъ. Этими набросками мы воспользуемся въ настоящемъ трудѣ и, само собою разумѣется, безъ всякой предвзятой мысли или желанія унизить того или другого изъ воюющихъ. Не можемъ также не рекомендовать превосходный трудъ объ этой войнѣ *Rolin-Jacquemyns*: La guerre actuelle dans ses rapports avec le droit international. Bruxelles 1870.

ся между цивилизованными народами военныхъ обычаевъ, но прусское правительство, напротивъ, оставалось при томъ убѣжденіи, что оно хорошо понимаетъ основные принципы международнаго права.

Вообще, война франко-германская представляетъ намъ множество такихъ взаимныхъ обвиненій и споровъ, которые хладнокровно разбирать воюющимъ во время самой ожесточенной борьбы, само собою разумѣется, положительно невозможно. Между тѣмъ эти взаимныя обвиненія въ нарушеніи «установленныхъ» законовъ войны только еще болѣе разжигаютъ страсти и приводятъ къ возмутительнымъ жестокостямъ. При этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что война 1870 года происходила между двумя націями, которыя съ полнымъ правомъ считаютъ себя высоко-образованными. Если же между воюющими народами, стоящими на такой высотѣ культурнаго развитія, не могло установиться согласія относительно обязательности военныхъ обычаевъ, то чего же можно было ожидать отъ турокъ, курдовъ и башибузуковъ?

Дѣйствительно, послѣдняя война между Россіею и Турціею представляетъ столько самыхъ возмутительныхъ нарушеній несомнѣнныхъ постановленій трактатовъ и общепризнанныхъ обычаевъ войны, что если принять эту войну за образецъ международной борьбы въ концѣ XIX вѣка, то нельзя не отчаяваться за будущее. Турки не только не исполняли постановленій женевской конвенціи, но не соблюдали даже никакихъ обычаевъ войны. Впрочемъ, если сама блистательная Порта не имѣла правильнаго понятія о женевской конвенціи, то какъ же можно было требовать знакомства съ нею или знанія законовъ войны отъ самихъ турецкихъ войскъ?

Вотъ почему, какъ мы увидимъ впослѣдствіи подробнѣе, турки, по свидѣтельству туркофильствую-

щихъ корреспондентовъ газетъ, не только замучивали до смерти раненыхъ и уродовали ихъ, но даже не соблюдали такихъ обычаевъ войны, которые извѣстны племенамъ Средней Африки и Австраліи и свято соблюдаются ими. Они неоднократно стрѣляли по парламентерскому флагу, разстрѣливали, какъ шпіоновъ, непріятелей, открыто пришедшихъ въ ихъ лагерь. Такъ поступилъ Мухтаръ-гази-паша съ двумя каракапахами, конвоировавшими военную почту изъ русскаго лагеря подъ Карсомъ въ отрядъ генерала Тергукасова. Норманъ, корреспондентъ «Times», находившійся въ турецкомъ лагерѣ, возмущается казнью обоихъ каракапаховъ въ качествѣ шпіоновъ и доказываетъ, что они ни въ какомъ случаѣ не подходили подъ категорію шпіоновъ, потому что были захвачены въ плѣнъ далеко отъ турецкаго лагеря и нисколько не были переодѣты и не скрывали своего назначенія. Норманъ полагаетъ, что этотъ поступокъ турецкаго главнокомандующаго не только противенъ «всякому чувству справедливости», но нарушаетъ «всѣ законы войны» (all military law) [1]).

Но турки и Мухтаръ-паша не безъ основанія могли возразить, что благодаря *именно* Англіи до сихъ поръ еще не опредѣлено точнымъ образомъ, какой законъ войны дѣйствительно существуетъ и въ какой степени онъ обязателенъ. Благодаря именно англійскому правительству, даже тотъ изъ воюющихъ, который желалъ бы самымъ добросовѣстнымъ образомъ сообразоваться съ обычаями и законами войны, долженъ встрѣтить затрудненія въ полномъ ихъ пониманіи и толкованіи обязательной ихъ силы. Вѣдь англійское правительство находило ненужнымъ продолжать дѣло

[1]) *Norman.* Armenia and the campaign of 1877. London 1878, p. 195, 222.

брюссельской конференціи, которая будто бы занялась изобрѣтеніемъ «нововведеній» въ области права войны. Правда, статьи брюссельской декларації относительно шпіоновъ совершенно согласны съ воззрѣніемъ на нихъ Нормана, и само англійское правительство вынуждено было признать ихъ согласными съ существующею военною практикою[1]), но пока, благодаря Англіи, воюющіе будутъ продолжать вѣшать и разстрѣливать, какъ шпіоновъ, лицъ, совершенно не подходящихъ подъ это понятіе. Такое положеніе вещей не прекратится раньше, чѣмъ сами государства опредѣлятъ, путемъ взаимнаго соглашенія, законы войны, обязательность которыхъ для нихъ несомнѣнна.

Впрочемъ, въ отношеніи турокъ такое международное соглашеніе едва ли достигло бы цѣли. Если они не находили нужнымъ исполнять постановленія женевской конвенціи, то трудно думать, чтобы они болѣе добросовѣстно исполняли какую нибудь другую международную конвенцію, еще болѣе сложную и болѣе трудно исполнимую.

Такое возраженіе совершенно справедливо уже потому, что при баснословной безпечности турецкаго правительства войска едва ли что нибудь узнали бы о существованіи какихъ нибудь международныхъ соглашеній насчетъ обычаевъ или правилъ войны, а требовать отъ войскъ исполненія правилъ, которыхъ они не знаютъ и не понимаютъ, довольно трудно. Но есть еще другое, гораздо болѣе существенное, обстоятельство, указывающее на то, что вообще нельзя ожидать отъ турокъ соблюденія тѣхъ обычаевъ войны, которые цивилизованные христіанскіе народы признаютъ для себя обязательными.

---

[1]) Срав. извѣстную депешу лорда Дерби отъ 20 января 1875 года.

Главнымъ основаніемъ всѣхъ отношеній между цивилизованными народами все-таки останутся солидарность, по существу, культурныхъ понятій и стремленій и общность правосознанія и нравственныхъ воззрѣній. «Чувство справедливости», котораго англичанинъ Норманъ не нашелъ въ военномъ лагерѣ Мухтара-паши, все-таки возвыситъ свой голосъ въ средѣ цивилизованныхъ народовъ. О правѣ не можетъ быть рѣчи тамъ, гдѣ не сознается обязанность. Никогда турки, стоящіе уже 400 лѣтъ военнымъ лагеремъ въ Европѣ, не сознавали своихъ обязанностей въ отношеніи христіанскихъ народовъ, никогда ихъ не связывали съ христіанскимъ и цивилизованнымъ міромъ ни общность правосознанія, ни одинаковое міровоззрѣніе, ни общія культурныя стремленія. Христіанскій міръ остался въ глазахъ правовѣрнаго турка міромъ гяуровъ, которые не могутъ имѣть равныхъ правъ съ послѣдователями пророка[1]).

При такихъ обстоятельствахъ представляется совершенно неестественнымъ и излишнимъ какое-нибудь международное соглашеніе съ турками насчетъ правилъ войны. Подобное соглашеніе, при данныхъ обстоятельствахъ, было бы настолько же цѣлесообразно, насколько было бы практична и полезна конвенція о военныхъ законахъ, заключенная съ хивинцами или китайцами. Если намъ возразятъ, что Оттоманская имперія на парижскомъ конгрессѣ 1856 года самымъ торжественнымъ образомъ была признана цивилизованною державою и включена въ число

---

[1]) Срав. *Eugenio Alberi.* Relazioni degli Ambasciatori Veneti al Senato. Serie III Firenze 1840 — 55. Vol. I, p. 322, 450 etc. *D'Ohsson.* Tableau général de l'Empire Ottoman. Paris 1824, vol. V, p. 64, 80; vol, 1, p. 43.—Мое сочиненіе: «О консулахъ и консульской юрисдикціи на Востокѣ». С.-П.Б. 1873, стр. 188 и слѣд.

государствъ, признающихъ обязательную силу международнаго права, то мы, нисколько не думая отрицать этого положительнаго факта, позволимъ себѣ откровенно сознаться, что большей *фикціи* и большаго насилія надъ здравымъ смысломъ мы не знаемъ.

Итакъ было бы крайне опрометчиво выводить изъ фактовъ послѣдней войны заключеніе, будто бы кодификація военныхъ обычаевъ вообще немыслима и безполезна. Нѣтъ, эта война служитъ новымъ и весьма убѣдительнымъ доказательствомъ въ пользу международнаго опредѣленія законовъ войны, въ которой участвуютъ цивилизованные народы. Поэтому, говоря о необходимости кодификаціи законовъ войны, мы *исключительно* имѣемъ въ виду народы образованные т. е. такіе, которые связаны между собою общимъ правосознаніемъ и существенно одинаковымъ міровоззрѣніемъ. Если же Турція желала бы присоединиться къ подобнаго рода международнымъ соглашеніямъ, то въ такомъ случаѣ отъ нея нельзя не потребовать *особенныхъ* гарантій въ дѣйствительномъ соблюденіи, во время войны, законовъ, которые она сама признала для себя обязательными. Въ противномъ случаѣ могло бы повториться то, что случилось въ началѣ послѣдней войны съ женевскою конвенціею 1864 года.

Турція присоединилась къ этой конвенціи еще въ 1865 году. Въ 1876 году начинается война турокъ съ сербами и черногорцами, въ продолженіе которой турецкое правительство ничего не знаетъ о «Красномъ Крестѣ» и женевской конвенціи. Въ апрѣлѣ 1877 года возникаетъ война Турціи съ Россіею и только тогда турецкое правительство спохватилось, что «Красный Крестъ» непремѣнно возбудитъ фанатизмъ его армій и потому долженъ быть замѣненъ «Краснымъ Полумѣсяцемъ». Слѣдовательно, въ продолже-

ніе *двѣнадцати* лѣтъ турецкое правительство столь близко брало къ сердцу принятое на себя исполненіе торжественнаго международнаго договора, что даже и не подумало о положительной невозможности выполнить его постановленія. Вотъ обращикъ практической пользы заключаемаго съ Оттоманскою имперіею международнаго договора.

Однако, не взирая ни на какіе факты, Турція, на основаніи существующихъ международныхъ обязательствъ, является полноправнымъ членомъ союза европейскихъ цивилизованныхъ государствъ. Въ виду этого обстоятельства мы юридически обязаны приложить къ ней тотъ же самый масштабъ, который существуетъ для христіанскихъ народовъ. Мы въ правѣ и обязаны требовать отъ турецкихъ армій соблюденія правилъ, принятыхъ въ остальныхъ европейскихъ войскахъ. На основаніи фикціи, изобрѣтенной парижскимъ конгрессомъ 1856 года и неотмѣненной берлинскимъ ареопагомъ 1878 года, Турція—цивилизованная страна, и ея вооруженныя силы *обязаны* дѣйствовать во время войны сообразно признаваемымъ христіанскою Европою обычаямъ и законамъ.

При такихъ обстоятельствахъ совершенно понятно, что въ интересахъ цивилизованной державы, находящейся въ войнѣ съ Турціею, должно заранѣе выставить тотъ общій масштабъ, по которому она могла бы, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, точно опредѣлить, какое правило войны подверглось нарушенію со стороны турецкихъ войскъ. Чѣмъ менѣе турки въ состояніи будутъ оспаривать дѣйствительную обязательность даннаго правила, чѣмъ меньше будетъ сомнѣнія относительно смысла и содержанія даннаго военнаго закона, тѣмъ болѣе неопровержимо будетъ обвиненіе со стороны потерпѣвшей цивилизованной державы и тѣмъ неотразимѣе будетъ ея требованіе

объ удовлетвореніи. Такая твердая почва особенно нужна для такой державы, какъ Россія, которая во время войны съ Турціею всегда должна быть готова увидѣть общественное мнѣніе просвѣщенной христіанской Западной Европы союзникомъ своего врага. Отсутствіе же точно опредѣленныхъ правилъ и законовъ даетъ возможность досужей фантазіи враговъ Россіи взводить на ея доблестныя арміи обвиненія въ нарушеніи такихъ будто бы общепризнанныхъ обычаевъ войны, которые никогда не существовали или если и существовали, то совершенно умышленно извращаются.

На основаніи всѣхъ изложенныхъ соображеній и въ виду приведенныхъ положительныхъ фактовъ, намъ кажется совершенно невозможнымъ серьозно говорить о вредѣ или безполезности кодификаціи обычаевъ или законовъ войны.

Напротивъ, крайняя необходимость безотлагательно, посредствомъ международнаго соглашенія, разрѣшить всѣ сомнѣнія насчетъ обязательности того или другаго правила войны сознается многими замѣчательными военными дѣятелями и, притомъ, такими, которые во всякомъ случаѣ въ состояніи выдержать сравненіе съ фонъ-Гартманомъ или полковникомъ Рюстовымъ. Брюссельская конференція, созванная съ этою цѣлью, навсегда останется лучшимъ тому доказательствомъ. Если она до сихъ поръ еще не привела къ положительному результату, то этимъ нисколько не опровергается тотъ фактъ, что въ предварительныхъ и окончательныхъ ея трудахъ принимали участіе такіе военные дѣятели, компетентность которыхъ стоитъ выше всякаго сомнѣнія.

Имѣется полное основаніе думать, что русскій проектъ конвенціи, представленный на обсужденіе брюссельской конференціи и составленный, по от-

зыву знатоковъ, «съ полнымъ знаніемъ дѣла и большою добросовѣстностью» [1]), точно также подвергся тщательному изученію со стороны военныхъ спеціалистовъ. Не слѣдуетъ также упускать изъ виду, что самымъ даровитымъ и убѣжденнымъ защитникомъ русскаго проекта на конференціи явился прусскій генералъ Фойгтъ-Рецъ, обширныя познанія котораго и огромный практическій опытъ служили неистощимымъ арсеналомъ доказательствъ въ пользу необходимости кодификаціи военныхъ обычаевъ. Этого мало. Военные представители другихъ государствъ точно также не отрицали пользы установленія военныхъ законовъ, и если-бы не было постороннихъ политическихъ соображеній и вліяній, то смѣемъ думать, что соглашеніе между *одними* военными вскорѣ обратилось бы въ совершившійся фактъ.

Кромѣ того, внѣ брюссельской конференціи дѣло кодификаціи обычаевъ войны находило себѣ въ средѣ военныхъ весьма компетентныхъ и авторитетныхъ защитниковъ.

Въ 1872 году вышло на голландскомъ языкѣ сочиненіе «*О правѣ войны*», принадлежащее компетентному перу нынѣшняго военнаго министра Нидерландскаго королевства Денъ Бэръ Португэль. Доказавъ всю шаткость нынѣшняго крайне неопредѣленнаго взгляда на право войны, авторъ выражаетъ свое убѣжденіе, что «многія начала, будучи шаткими и нуждающимися въ настоящее время въ опредѣленности и точности, могутъ получить твердое основаніе не иначе, какъ посредствомъ созванія международнаго конгресса» [2]). Нельзя не прибавить,

---

[1]) Срав. *Lueder.* Der neueste Codifications-Versuch auf dem Gebiete des Völkerrechts. Erlangen 1874, S. 13.

[2]) *Den Beer Portugael.* Het Oorlogsrecht. Breda 1872, p. 35.

что отъ своего убѣжденія авторъ не отрекся и послѣ брюссельской конференціи, на которой его отечество было на сторонѣ противниковъ начатаго Россіею дѣла[1]).

Съ неменьшимъ жаромъ возстаетъ противъ поведенія бельгійскаго правительства на брюссельской конференціи и защищаетъ необходимость кодификаціи военныхъ законовъ бельгійскій генералъ Бріальмонъ [2]). Наконецъ можно еще указать на другаго весьма извѣстнаго бельгійскаго военнаго писателя Вандевельда, который точно также отказывается понять доводы, обыкновенно приводимые въ пользу необходимости оставить этотъ вопросъ въ нынѣшнемъ шаткомъ его положеніи.

Наконецъ—at last but not at least—самъ полковникъ Рюстовъ, доказывая въ своемъ вышеупомянутомъ трудѣ существованіе извѣстныхъ обычаевъ войны, полными руками черпаетъ свои доказательства изъ актовъ брюссельской конференціи.

Да, вообще, если самому ярому защитнику нынѣшняго шаткаго положенія вещей поставить вопросъ: признаетъ ли онъ существованіе какихъ нибудь обычаевъ или правилъ войны, то онъ долженъ или совершенно ихъ отвергнуть, или же согласиться, что

---

[1]) Г. Португэль открыто высказался за дѣло брюссельской конференціи на сессіи Института международнаго права въ Гаагѣ въ 1875 году. Съ особеннымъ жаромъ осуждаетъ онъ поведеніе своего правительства, защищая свое собственное убѣжденіе, въ этюдѣ»: Neerland's belang bij de conferentien te Brussel en St. Petersburg. Breda 1875. Въ частномъ письмѣ ко мнѣ отъ 3-го декабря 1875 года г. Португэль, бывши тогда начальникомъ нидерландскаго штаба, заявляетъ, что онъ убѣжденъ «de coeur et d'âme que la Déclaration de Bruxelles sera un bienfait pour l'humanité».

[2]) L'Angleterre et les petits Etats à la conférence de Bruxelles par le général T... (Brialmont). Bruxelles 1875.

они существуютъ. Если онъ отвѣтитъ въ первомъ смыслѣ, то по законамъ логики и требованіямъ здраваго смысла, обязанъ оправдывать всевозможныя звѣрства и жестокости, отъ которыхъ во время войны можетъ пострадать онъ самъ или его товарищи по оружію. Если же отвѣтъ будетъ въ пользу обязательности конкретныхъ законовъ войны, то лучшимъ источникомъ для ознакомленія и изученія ихъ отнынѣ всегда будутъ служить труды брюссельской конференціи. Середины здѣсь нѣтъ. Лучшимъ же подтвержденіемъ правильности такой постановки вопроса служатъ труды и воззрѣнія самыхъ непримиримыхъ противниковъ малѣйшей попытки *констатировать* силу закона въ области военныхъ дѣйствій.

III.

На основаніи вышесказаннаго мы въ правѣ заключить, что наиболѣе авторитетные военные спеціалисты не только констатируютъ существованіе извѣстныхъ обычаевъ и законовъ войны, но въ то же время признаютъ пользу и необходимость болѣе точнаго ихъ опредѣленія посредствомъ международнаго соглашенія.

Въ виду такого факта можно думать, что всѣ безъ исключенія представители науки международнаго права единодушно желаютъ, чтобы эта цѣль была скорѣе достигнута. Кому, какъ не юристамъ, содѣйствовать по мѣрѣ силъ водворенію закона тамъ, гдѣ господствуетъ неограниченный произволъ? Кому, какъ не послѣдователямъ Гуго Гроція, сочувствовать всякой попыткѣ направленной къ тому, чтобы смягчить бѣдствія войны и поставить опредѣленныя границы грубой силѣ? Неужели не прошло еще время когда *желѣзная дисциплина полководцевъ* была проникнута большимъ человѣколюбіемъ и большимъ

уваженіемъ къ идеѣ правды и справедливости, нежели проникнуты ею въ настоящее время представители науки?

Къ чести науки мы должны сознаться, что въ настоящее время огромное большинство наиболѣе выдающихся ея представителей совершенно сходятся во взглядѣ на разбираемый вопросъ съ вышеупомянутыми военными спеціалистами, защищавшими дѣло брюссельской конференціи. Несомнѣнно преобладаетъ въ средѣ ученыхъ юристовъ убѣжденіе, что не къ лицу имъ, теоретикамъ, доказывать практическую невозможность того, что самими людьми практики признается удобоисполнимымъ и желательнымъ. Несогласно съ высокимъ достоинствомъ науки стоять за господство неограниченнаго произвола и насилій, если сами воюющія государства заявляютъ о своей готовности преклониться предъ началами права войны, которыя будутъ приняты по взаимному соглашенію цивилизованныхъ народовъ.

Въ чемъ собственно состоитъ мнѣніе современной науки международнаго права о вопросѣ кодификаціи правилъ или законовъ войны, лучше всего видно изъ слѣдующаго факта. Послѣ закрытія брюссельской конференціи, извѣстный «Институтъ международнаго права», состоящій изъ наиболѣе выдающихся современныхъ спеціалистовъ этой науки, учредилъ комиссію для всесторонняго изученія трудовъ конференціи. Въ этой комиссіи были членами такіе писатели какъ: Блюнчли, профессоръ гейдельбергскаго университета, Манчини, бывшій министръ юстиціи Итальянскаго королевства, Ролэнъ-Жакмэнъ, нынѣшній министръ внутреннихъ дѣлъ Бельгіи, и извѣстный англійскій юристъ Моунтэгью-Бернаръ, бывшій оксфордскій профессоръ, Парье, прежній предсѣдатель французскаго государственнаго совѣта, и другіе.

Первый вопросъ, поставленный на разрѣшеніе комиссіи, былъ слѣдующій: «Желательно ли опредѣлить (réglementer), посредствомъ международнаго соглашенія между различными цивилизованными государствами, законы и обычаи войны?»

На этотъ вопросъ, не одинъ изъ двѣнадцати членовъ комиссіи, бывшихъ каждый научнымъ представителемъ какого нибудь европейскаго или американскаго государства, не отвѣчалъ отрицательно. Всѣ были согласны, что такая кодификація въ высшей степени желательна, полезна и возможна. Только англійскій членъ Моунтэгью-Бернаръ находилъ необходимымъ сдѣлать нѣкоторыя ограниченія. Въ 1856 году этотъ писатель горячо поднялъ вопросъ о кодификаціи военныхъ обычаевъ [1]). Въ 1874 году за это дѣло взялась Россія и, притомъ, совершенно въ духѣ, предложенномъ этимъ англійскимъ писателемъ. Но англійское правительство открыто возстало противъ предположенія Россіи. Моунтэгью-Бернаръ не отрекся отъ своего прежняго взгляда, но значительно его смягчилъ, согласно требованіямъ времени и обстоятельствъ [2]).

Такимъ образомъ, въ принципѣ всѣ члены комиссіи были совершенно между собою согласны. Наконецъ, нельзя не прибавить, что на сессіи Института международнаго права въ Гаагѣ, въ 1875 году, заключеніе комиссіи было принято общимъ собраніемъ членовъ Института и, притомъ, огромнымъ большинствомъ голосовъ [3]).

---

[1]) Въ «Oxford Essays» 1856 году отпечатана превосходная статья *Mountague-Bernard*: «The growth of law and usages of war».

[2]) Срав. Revue de droit international t. VI, p. 521.

[3]) Annuaire de l'Institut de droit international 1877, p. 90 et suiv.

Этотъ фактъ достаточно рельефно обрисовываетъ направленіе, господствующее въ современной наукѣ международнаго права, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, выясняетъ взглядъ ея на вопросъ о кодификаціи обычаевъ и законовъ войны. На основаніи этого факта, мы имѣемъ полное право утверждать, что то государство, которое съ успѣхомъ доведетъ до конца дѣло брюссельской конференціи будетъ имѣть право не только на признательность народовъ, страданія которыхъ оно облегчитъ, но также на первое мѣсто въ средѣ государствъ, понимающихъ дѣйствительныя цѣли современной цивилизаціи и уважающихъ законныя желанія цивилизованныхъ народовъ.

Однако справедливость требуетъ сказать, что еще и въ настоящее время, въ литературѣ, вопросъ поднятый брюссельскою конференціею все-таки имѣетъ противниковъ, изъ которыхъ нѣкоторые съ жаромъ, достойнымъ лучшаго дѣла, защищаютъ принципъ, что чѣмъ больше совершается жестокостей и варварства во время войны, тѣмъ лучше охраняются интересы человѣколюбія и права.

Но прежде, чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію этого крайняго воззрѣнія, не мѣшаетъ замѣтить, что нѣкоторые изъ современныхъ писателей международнаго права вообще отрицаютъ возможность кодификаціи какихъ бы то ни было международныхъ законовъ. По ихъ мнѣнію еще не наступило время для разрѣшенія этой чрезвычайно трудной задачи [1]). Если согласиться съ этимъ взглядомъ, то, само собою разумѣется, менѣе всего можетъ быть рѣчи о кодификаціи законовъ войны. Если прочія части между-

[1]) *Bulmerincq.* Praxis, Theorie und Codification des Völkerrechts. 1874, S. 180.—*Neumann.* Grundriss des heutigen europäischen Völkerrechts. 2-te Aufl. 1877. S. V.

народнаго права представляются въ такой степени мало разработанными, что кодифицировать ихъ нѣтъ никакой возможности, то, казалось-бы, еще менѣе право войны можетъ быть изложено въ формѣ свода или международной обязательной конвенціи. Но благодаря одному изъ тѣхъ счастливыхъ противорѣчій въ которыя иногда впадаютъ писатели, не всѣ, сомнѣвающіеся въ возможности кодификаціи международнаго права вообще, признаютъ неосуществимымъ дѣло, предпринятое Россіею на брюссельской конференціи[1]). Такъ, профессоръ Нейманъ самымъ категорическимъ образомъ заявляетъ: «да, желательно и даже необходимо опредѣлить законы и обычаи войны, вопреки или даже вслѣдствіе тѣхъ огромныхъ затрудненій, которыя тому противоставляются. Нельзя регламентировать ни бури, ни землетрясеній, ни изверженій вулкановъ, но необходимо поставить предѣлы, насколько возможно—и въ этомъ вопросѣ возможное совпадаетъ съ необходимымъ—самой страшной страсти человѣка, войнѣ»[2]).

Въ такое счастливое самопротиворѣчіе, какъ Нейманъ, не впали англійскіе юристы, занявшіеся разрѣшеніемъ поставленнаго вопроса только *послѣ* брюссельской конференціи: они категорически отрицаютъ возможность точнаго установленія обычаевъ войны. Съ особенною силою высказались въ этомъ смыслѣ сэръ Траверсъ-Тьюссъ и оксфордскій профессоръ Голландъ[3]).

---

[1]) *Bulmerincq.* Die Nothwendigkeit eines allgemein verbindlichen Kriegsrechts. (Holtzendorf's Jahrbuch II, 1). *Neumann.* Grundriss, S. 100.

[2]) Revue de droit international, t. VI, p. 456.

[3]) *Travers-Twiss* въ журналѣ «The Hour» за май 1875 года. *Holland.* A lecture on the Brussels Conference of 1874. Oxford. 1876, p. 22.

Оба они согласны въ томъ, что еще не наступило время для кодификаціи обычаевъ и законовъ войны. «То что, называютъ законами войны», говоритъ сэръ Траверсъ-Тьюссъ, «существуетъ въ пользу сильнѣйшаго; изложить ихъ въ какую либо эпоху, въ актѣ какого нибудь европейскаго конгресса, значитъ остановить движеніе совершающееся въ прогрессивномъ и тихомъ развитіи практики войны. Это развитіе, если его не остановятъ искусственнымъ образомъ, совершится на благо слабѣйшаго, подъ вліяніемъ тѣхъ же самыхъ благотворныхъ причинъ, которымъ мы обязаны быстрымъ развитіемъ цивилизаціи и мирными отношеніями между народами».

Такимъ образомъ заключеніе международной военной конвенціи не только не смягчитъ бѣдствій войны, но даже остановитъ прогрессивное движеніе практики войны на пути ея къ большей гуманности и цивилизаціи. Съ этой точки зрѣнія необходимо придти къ тому заключенію, что попытка кодифицировать законы войны есть ничто иное, какъ скрытное желаніе усилить власть сильнѣйшаго и увеличить господство произвола во время войны. Россія, созвавшая брюссельскую конференцію, въ сущности только желала усилить власть воюющаго и увеличить бѣдствія войны. Англія, возставшая противъ дѣла брюссельской конференціи, является въ дѣйствительности защитницею великихъ принциповъ цивилизаціи и великодушнымъ поборникомъ правъ всѣхъ угнетенныхъ и страждущихъ!

Такое толкованіе великодушной иниціативы Россіи представляется въ такой степени оригинальнымъ, что мы не знаемъ, чему больше удивляться, изобрѣтательности ли упомянутаго англійскаго юриста въ защитѣ политики его правительства, или же, его политической находчивости въ разрѣшеніи вопроса права.

Мнѣнію Траверсъ-Тьюсса о роли Англіи на брюссельской конференціи интересно будетъ противопоставить взглядъ другаго англійскаго же современнаго юриста:

«Какъ англичанинъ, я могу только сожалѣть, что наше отечество, которое до сихъ поръ всегда стояло во главѣ всѣхъ движеній на пользу гуманности и прогресса, заняло положеніе (по отношенію къ брюссельской конференціи), которое привело къ тому, что парализованы и извращены предложенія, направленныя къ смягченію неизбѣжныхъ послѣдствій войны»[1]).

Кто безпристрастно и безъ предвзятой мысли относится къ дѣлу брюссельской конференціи, тотъ не можетъ усомниться въ томъ, которое изъ этихъ мнѣній англійскихъ юристовъ болѣе основательно. Если основательно мнѣніе Траверсъ-Тьюсса о томъ, что точное опредѣленіе военныхъ законовъ можетъ остановить прогрессивное развитіе военныхъ дѣйствій на пути къ большей гуманности, то необходимо согласиться, что съ тѣхъ поръ какъ государственные законы обезпечиваютъ неприкосновенность жизни человѣка, эта жизнь подвергается гораздо большимъ опасностямъ. Съ тѣхъ поръ, какъ законодательства поставили точные предѣлы самоуправству подданныхъ, остановилось движеніе впередъ на пути къ охраненію правъ и интересовъ слабѣйшихъ; съ тѣхъ поръ какъ государство посредствомъ закона старается уничтожить или предупредить эксплоатацію слабаго сильнымъ, бѣднаго богатымъ, рабочаго хозяиномъ,—оно собственно утверждаетъ только владычество сильнѣйшаго и узаконяетъ порабощеніе неимущаго и угнетеннаго.

---

[1]) *Oke Manning's.* Commentaries on the Law of Nations ed. by *Sheldon Amos.* London 1875, p. XLIV.

Достаточно указать на выводъ, къ которому долженъ придти Траверсъ-Тьюссъ, чтобъ убѣдиться въ полнѣйшей несостоятельности его воззрѣнія. До сихъ поръ всѣ были убѣждены въ томъ, что неопредѣленность законовъ войны и шаткость военныхъ обычаевъ, въ особенности, опасны для слабѣйшихъ и беззащитныхъ, которые, не только не въ состояніи физическою силою отстаивать свои права, но даже не имѣютъ возможности опереться на прочно установленные законы и обычаи войны для защиты своихъ нарушенныхъ правъ. Отнынѣ, благодаря Траверсъ-Тьюссу, можно быть увѣреннымъ, что въ спорѣ о дѣйствительномъ существованіи какого-нибудь правила войны, всегда слабѣйшій одержитъ верхъ надъ сильнѣйшимъ своимъ противникомъ.

Но рядомъ съ этимъ крайне оригинальнымъ доводомъ, Траверсъ-Тьюссъ и Голландъ не могутъ одобрить установленія обычаевъ войны на томъ основаніи, что вообще еще не пришло время для этого дѣла. Этотъ доводъ совершенно понятенъ въ устахъ англичанъ, которые не сочувствуютъ кодификаціи внутреннихъ, государственныхъ законовъ своей родины, признавая ее крайне опасною операціею надъ юридическими воззрѣніями своего народа. Но нельзя согласиться съ тѣмъ, чтобъ этотъ *англійскій* взглядъ на кодификацію былъ обязателенъ для другихъ. Если упомянутые англійскіе юристы утверждаютъ, что еще не наступило время для составленія свода международныхъ законовъ войны, то напротивъ Манчини, неопровержимыми доводами доказываетъ «призваніе» (vocazione) именно нашего вѣка для преобразованія и кодификаціи международнаго права [1]).

[1]) *Mancini.* Vocazione del nostro secolo per la riforma e la codificazione del diritto delle genti. Roma 1874 p. 45 e seg.

При этомъ нельзя не припомнить, что когда въ началѣ нынѣшняго столѣтія былъ возбужденъ вопросъ о кодификаціи національныхъ законовъ, между прочимъ, знаменитый Савиньи точно также отрицалъ, за его несвоевременностью, возможность исполнить эту задачу. Между тѣмъ опытъ главнѣйшихъ континентальныхъ государствъ неопровержимо доказалъ, что они способны были на разрѣшеніе поставленной задачи, и вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ же самый опытъ убѣждаетъ, что кодификація государственныхъ законовъ нисколько не препятствовала дальнѣйшему измѣненію и развитію права.

То же самое мы имѣемъ право предположить и въ отношеніи законовъ войны. Точное ихъ опредѣленіе самими государствами не только ограничитъ бѣдствія войны въ предѣлахъ возможности, но вмѣстѣ съ тѣмъ послужитъ основаніемъ для дальнѣйшихъ попытокъ на этомъ пути. Труденъ первый шагъ. Но существуетъ мнѣніе, что вообще никакихъ попытокъ для ограниченія бѣдствій войны дѣлать не слѣдуетъ, потому что чѣмъ больше бѣдствій влечетъ за собою война, тѣмъ лучше; чѣмъ больше пострадаютъ отъ нея воюющіе народы, чѣмъ ужаснѣе будетъ она для жизни, чести и собственности мирныхъ и безоружныхъ обитателей непріятельской страны, тѣмъ совершеннѣе будутъ охранены интересы человѣколюбія и справедливости... Это чудовищное мнѣніе до такой степени странно, что трудно вѣрить, чтобы оно могло быть когда либо высказано. Каково же должно быть наше удивленіе, когда мы узнаемъ, что этотъ взглядъ защищается не постарѣвшимъ въ битвахъ воиномъ, не въ чаду ожесточенной борьбы и подъ вліяніемъ разнузданныхъ страстей, но что это гуманное воззрѣніе принадлежитъ представителю науки международнаго права и выработалось въ дипло-

матическихъ гостиныхъ и за рабочимъ столомъ въ кабинетѣ ученаго?

Извѣстному сѣверо-американскому дипломату и писателю Бичъ-Лауренсу принадлежитъ честь провозгласить во второй половинѣ XIX вѣка теорію, которая находитъ себѣ примѣненіе развѣ только въ войнахъ между курдами, папуанцами и среднеафриканскими неграми[1]).

Это любопытное воззрѣніе на войну и на попытки кодификаціи военныхъ законовъ доказывается слѣдующимъ образомъ.

Война, говоритъ Бичъ-Лауренсъ, дѣйствительно самый ужасный бичъ человѣчества; но народы гораздо болѣе страдаютъ отъ послѣдствій войны, нежели отъ непосредственнаго ея дѣйствія. Для того же, чтобы война была непродолжительна, необходимо, чтобы она была ужасна. Война должна быть ужасна, чтобы возбудить отвращеніе къ себѣ въ народахъ и монархахъ. Вотъ почему онъ отъ души радовался всѣмъ новымъ изобрѣтеніямъ и техническимъ приспособленіямъ, дѣлающимъ орудія войны все болѣе смертоносными. Эти-то изобрѣтенія и усовершенствованія для истребленія человѣческаго рода дѣйствительно оказываютъ услугу народамъ тѣмъ, что, благодаря имъ, война все болѣе и болѣе увеличиваетъ число своихъ жертвъ, умножаетъ страданія народовъ и сама сокращаетъ свою продолжительность.

Исходя изъ этой точки зрѣнія, американскій писатель совершенно послѣдовательно возстаетъ противъ петербургской декларации 1868 года, воспрещаю-

---

[1]) *Beach-Lawrence* въ «Albany Law journal» отъ 9 января 1875 г. и въ Revue de droit international, VI, p. 526. — Впрочемъ, того же мнѣнія французскій публицистъ *Morin* (L'armée de l'avenir; nouveau système de guerre, 1875).

щей употребленіе разрывныхъ пуль. Онъ находитъ, что это запрещеніе можетъ поставить главнокомандующаго въ необходимость или нарушить его, т. е. употреблять разрывныя пули вѣсомъ ниже 400 граммъ, или же, «компрометтировать безопасность своей арміи» (sic!)[1])

Таково мнѣніе Бичъ-Лауренса. Оно до такой степени парадоксально и до такой степени возмущаетъ нравственное чувство, что подробно доказывать полнѣйшую его несостоятельность совершенно безполезно.

Положеніе, что чѣмъ ужаснѣе война, тѣмъ она менѣе продолжительна, становится, прежде всего, въ непримиримое противорѣчіе съ положительными фактами. Историческій опытъ прошлыхъ вѣковъ убѣждаетъ, напротивъ, что въ тѣ времена, когда воюющія стороны не знали мѣры въ своихъ варварскихъ и опустошительныхъ наклонностяхъ, войны, несомнѣнно, продолжались несравненно дольше, чѣмъ въ настоящее время. Есть полное основаніе думать, что возобновленіе тридцатилѣтнихъ или даже семилѣтнихъ войнъ представляется совершенно немыслимымъ въ наше время. Настолько же немыслимо, чтобы кто либо изъ воюющихъ, въ борьбѣ между цивилизованными державами, осмѣлился совершать въ настоящее время такія преступленія противъ чести женщинъ и мирныхъ обывателей на непріятельской территоріи, которыя въ XVII столѣтіи признавались согласными съ военными обычаями.

Но разбираемое мнѣніе страдаетъ еще другимъ недостаткомъ, который, по нашему убѣжденію, стоитъ только-что указанной ошибки. Этотъ взглядъ подка-

[1]) Вѣроятно авторъ полагаетъ, что пули льются на полѣ сраженія или во время даже самой битвы.

шиваетъ въ самомъ корнѣ всякое упованіе на лучшее будущее, всякую вѣру въ наступленіе лучшаго, болѣе человѣческаго порядка въ области международныхъ отношеній, всякое убѣжденіе въ возможности разумнаго развитія и усовершенствованія человѣка. Не столько страшны въ этомъ воззрѣніи тѣ ужасы, которые рисуетъ фантазія автора, сколько страшны тотъ нравственный идеалъ и тѣ цѣли, которые указываются имъ человѣческому роду. Нравственный идеалъ цивилизованнаго народа долженъ заключаться въ неустанномъ изобрѣтеніи средствъ для взаимнаго истребленія людей! Какъ великъ сторонникъ этого воззрѣнія, англійскій лордъ Дондональдъ, предложившій своему правительству какой-то изобрѣтенный смертоносный газъ, который стоитъ только распространить въ непріятельской странѣ, чтобы извести все населеніе цѣлой области, вмѣстѣ со всѣми женщинами и дѣтьми[1])! Этотъ благородный лордъ дѣйствительно достигъ той идеальной цѣли, которая ставится Бичъ-Лауренсомъ для дѣятельности цивилизованныхъ народовъ.

Вотъ къ чему приводитъ это парадоксальное воззрѣніе на войну и на попытки кодифицированія ея законовъ. Едва ли мы ошибаемся, высказывая наше глубокое убѣжденіе, что никогда ни одинъ военный, будь онъ практическій дѣятель или писатель, не въ состояніи былъ бы высказать подобную чудовищную мысль. Тѣ, которые сами видѣли во-очію ужасы войны, понимаютъ, что она—такое страшное зло, которое человѣкъ не можетъ не ненавидѣть всѣмъ существомъ и всею душою. Они сознаютъ свой священный долгъ положить свою жизнь на полѣ сраженія,

[1]) См. *мое* «Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами», т. IV, ч. II, стр. 956.

потому что до сихъ поръ еще не отыскано другаго средства для защиты правъ и чести ихъ родины, но никогда не рѣшатся сказать, что единственную и идеальную цѣль жизни народа составляетъ изобрѣтеніе средствъ для увеличенія бѣдствій войны.

Напротивъ, въ уменьшеніи бѣдствій войны, насколько это возможно при извѣстныхъ обстоятельствахъ, заключается конечная цѣль стремленій правительства и общества. Точное же опредѣленіе обычаевъ и законовъ войны представляется пока однимъ изъ самыхъ цѣлесообразныхъ средствъ въ этомъ направленіи.

Въ виду всего вышеизложеннаго, мы считаемъ себя въ правѣ утверждать, что обязательность опредѣленныхъ обычаевъ и законовъ есть положительный фактъ, который не опровергнутъ ни военными писателями, ни спеціалистами по международному праву. Если же такіе законы несомнѣнно существуютъ, то очевидна необходимость точно опредѣлить ихъ и, на основаніи международнаго соглашенія, изложить въ обязательной формѣ свода или конвенціи. Доводы, приведенные до сихъ поръ противъ кодификаціи военныхъ законовъ и обычаевъ, опровергаются настоятельными потребностями самой войны и оказываются несостоятельными съ точки зрѣнія логики. Они имѣли бы какой нибудь смыслъ, если бы противники кодификаціи рѣшились сказать, что нѣтъ никакихъ обычаевъ войны и нѣтъ никакихъ предѣловъ для грубой силы непріятеля. Тѣмъ же писателямъ, которые, то доказываютъ, что война подлежитъ опредѣленнымъ законамъ, впрочемъ, весьма различно толкуемымъ, то утверждаютъ, что нельзя смягчить ужасовъ войны и выяснить этихъ законовъ[1]), не

[1]) *Funck-Brentano et Sorel.* Précis du droit ces gens, p. 253, 260, 496 et suiv.

мѣшало бы напомнить слова Прудона, что «люди, уважающіе себя, не обращаются другъ съ другомъ во время войны, какъ съ разбойниками и лютыми звѣрями»[1]). «Война, говоритъ Прудонъ, есть актъ торжественнаго суда, судебный приговоръ».

Хотя Прудонъ понималъ войну между народами совершенно своеобразно, но, во всякомъ случаѣ, онъ сознавалъ ея нравственное величіе и былъ проникнутъ большимъ уваженіемъ къ праву и достоинству человѣка, нежели тѣ, которые видятъ въ войнѣ исключительно дикое, неограниченное никакими законами и формами, взаимное истребленіе воюющихъ между собою народовъ.

[1]) *Proudhon.* La guerre et la paix, t. I, p. 132, 350.

Глава III.

Брюссельская конференція 1874 года.

Задача брюссельской конференціи. — Опыты, сдѣланные до нея для ограниченія бѣдствій войны и кодифицированія законовъ и обычаевъ войны.—Полевыя инструкціи Либера. — Женевская конвенція 1864 г. — Историческая роль Россіи въ этомъ вопросѣ.— Декларація Екатерины II 1780 г. — С.-Петербургская военная конференція 1868 г. — Опытъ франко-германской войны 1870—1871 г.—Брюссельская конференція: ея происхожденіе, личный составъ, труды и результаты.—Причины неокончанія дѣла брюссельской конференціи.

На полѣ сраженія подъ Лейпцигомъ, когда послѣ побѣды, одержанной союзными войсками надъ Наполеономъ, предстояло занять несчастный городъ Лейпцигъ, императоръ Александръ, подъѣхавъ къ войскамъ графа Витгенштейна, сказалъ: «Ребята! Вы вчера дрались, какъ храбрые воины, какъ непобѣдимые герои; будьте же сегодня великодушны къ побѣжденнымъ вами непріятелямъ и къ несчастнымъ жителямъ города. Вашъ Государь этого желаетъ, и если вы преданы мнѣ, въ чемъ я увѣренъ, то вы исполните мое приказаніе»[1]).

[1]) *Богдановичъ*. Исторія царствованія императора Александра I, т. IV, стр. 298.

То же самое великодушіе, которымъ были проникнуты только-что приведенныя слова, вызвало къ жизни и брюссельскую конференцію, имѣвшую цѣлью опредѣленіе обязательныхъ во время войны между цивилизованными народами обычаевъ и законовъ. Въ основаніе этой международной конференціи легло убѣжденіе, что, пока сами государства не согласятся насчетъ содержанія и обязательности военныхъ законовъ, нареканіямъ и взаимнымъ обвиненіямъ не будетъ конца во время войны. Никакія инструкціи или наказы, изданные отдѣльно воюющимъ государствомъ для своихъ войскъ, никакіе авторитеты науки международнаго права не предупредятъ ни поступковъ, явно противныхъ обычаямъ войны, ни репрессалій, къ которымъ вынуждены будутъ обращаться воюющія войска для защиты своихъ правъ. Полевыя инструкціи или наказы войскамъ тогда въ состояніи будутъ устранить существующіе въ настоящее время поводы къ обвиненіямъ, если они согласны между собою во взглядѣ на обязательность обычаевъ и законовъ войны. Если же такого согласія нѣтъ между инструкціями, даваемыми воюющими державами своимъ войскамъ, то ими нисколько не закрываются двери для нареканій, ожесточенныхъ нападковъ или репрессалій. На этомъ основаніи полевыя инструкціи только тогда въ состояніи вполнѣ достигнуть своего назначенія, если въ основаніи ихъ лежитъ одинаковый взглядъ. Этого же достигнуть нельзя иначе, какъ посредствомъ предварительнаго обмѣна мыслей между государствами, и этотъ обмѣнъ, при доброй волѣ договаривающихся, не можетъ не привести ко взаимному соглашенію.

Только при наличности такого соглашенія между государствами, наказы войскамъ, разъясняющіе обязательное для нихъ поведеніе на непріятельской тер-

ріи, будутъ дѣйствительными наставленіями и, вмѣстѣ съ тѣмъ, тормазами, предупреждающими поступки, не вызываемые рѣшительно никакою военною необходимостью.

Что же касается такъ-называемыхъ «общепризнанныхъ авторитетовъ» науки международнаго права, то за ними, во всякомъ случаѣ, можно признать только нравственное значеніе и авторитетъ. Притомъ, какъ показываютъ дипломатическіе акты, въ которыхъ воюющія стороны ссылались, для защиты своихъ претензій, на эти научные авторитеты, обоимъ воюющимъ нетрудно было находить у одного и того же авторитета, и иногда на одной и той же страницѣ, положенія, признающія правильными распоряженія каждаго изъ нихъ. Стало быть, эти «общепризнанные авторитеты» никакъ не рѣшали ожесточенныхъ споровъ между воюющими державами.

Брюссельская конференція имѣла задачею дать общее основаніе для распоряженій воюющихъ государствъ, относящихся какъ непосредственно къ военнымъ дѣйствіямъ противъ непріятеля, такъ и къ тѣмъ лицамъ и имуществамъ, которыя играютъ въ войнѣ исключительно пассивную роль. Этого мало. Брюссельская конференція должна была привести къ тому, что европейскія правительства уже во время мира примутъ мѣры для ознакомленія своихъ войскъ съ тѣми правами и обязанностями, которыя они должны соблюдать для защиты интересовъ своей родины и для охраненія неприкосновенности чести и славы своего народа.

«Чѣмъ болѣе — сказано въ русскомъ циркулярѣ отъ 17 апрѣля 1874 года, послужившемъ приглашеніемъ европейскихъ державъ на конференцію — развивается въ настоящее время солидарность, предназначенная приблизить и соединить народы, какъ члены

одной общей семьи, чѣмъ болѣе, съ другой стороны, военная ихъ организація имѣетъ назначеніемъ придать ихъ распрямъ характеръ борьбы между вооруженными націями, тѣмъ болѣе оказывается необходимымъ опредѣлить точнѣе, чѣмъ до сихъ поръ, законы и обычаи, согласные съ состояніемъ войны, для того чтобы ограничить ея послѣдствія и уменьшить ея бѣдствія, насколько это возможно и желательно. Въ виду этой цѣли кажется необходимымъ, посредствомъ взаимнаго соглашенія, установить правила, которыя должны быть обязательны какъ для самихъ правительствъ, такъ и для армій, на основаніи полнѣйшей взаимности».

Вотъ какъ понимало само наше правительство задачу, поставленную имъ брюссельской конференціи. Вотъ почему мы, на основаніи уже однихъ словъ апрѣльскаго циркуляра, въ правѣ сказать, что только явная недобросовѣстность и недоброжелательство могли видѣть въ задачѣ конференціи составленіе «code d'invasion» и санкцію права грубой силы.

I.

Брюссельская конференція была наиболѣе значительною попыткою, сдѣланною до сихъ поръ для кодификаціи обычаевъ и законовъ войны. Она заключила въ предметъ своего обсужденія почти всѣ вопросы права войны.

Но нельзя не указать на другія попытки въ этомъ же направленіи, предшествовавшія конференціи и свидѣтельствующія о томъ, что идея, положенная въ основаніе апрѣльскаго циркуляра, представляется только выраженіемъ сознанной весьма многими настоятельной потребности. Брюссельская конференція не явилась въ видѣ Deus ex machina, не будучи вызванною къ жизни никакими законными желаніями и

не имѣя корней въ прошедшемъ. Нѣтъ, будучи только послѣдовательнымъ развитіемъ уже давно сознанной идеи, брюссельская конференція не можетъ не имѣть вліянія въ будущемъ. Развѣ знаменитая декларація Екатерины II отъ 28 февраля 1780 года относительно морскаго международнаго права не была проникнута тою же идеею, которой брюссельская конференція обязана своимъ происхожденіемъ? Развѣ въ 1780 году Англія не объявила всему міру, начала русской декларации зловредными выдумками и «нововведеніями»? Но развѣ та же Англія не объявила на парижскомъ конгрессѣ 1856 года тѣ же самые принципы вѣчными истинами международнаго права и согласными съ идеею правды и справедливости?

Только постороннимъ политическими вліяніями можно объяснить неоконченность работъ брюссельской конференціи. Но насколько она была подготовлена одинаковыми по цѣли попытками — можно видѣть изъ слѣдующихъ фактовъ.

Въ то время, когда по поводу франко-германской войны въ Европѣ обсуждали вопросъ о томъ, какимъ способомъ предупредить нескончаемыя пререканія между воюющими державами насчетъ обязательныхъ обычаевъ войны, народъ, практическій смыслъ котораго вошелъ въ поговорку, уже рѣшилъ его весьма удовлетворительнымъ образомъ.

Когда въ 1861 году возникла въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки междоусобная война, выдвинувшая на первый планъ замѣчательную личность Линкольна, вашингтонское правительство не ограничилось лишь организаціей сильной боевой арміи въ самое короткое время, чтобы принудить возставшіе южные штаты подчиняться союзной законной власти. Ужасныя насилія, неизбѣжныя въ особенности во вре-

мя междоусобной войны, которыя совершались войсками, убѣдили президента Линкольна въ необходимости точно опредѣлить законы и обычаи войны, признаваемые обязательными во время международныхъ войнъ. Онъ былъ убѣжденъ, что, каковъ бы ни былъ исходъ начатой войны, во всякомъ случаѣ, въ интересахъ какъ сѣверныхъ, такъ и южныхъ штатовъ, ограничить ея бѣдствія и предупредить излишнія насилія и произволъ. Линкольнъ призналъ себя нравственно-обязаннымъ напомнить своимъ воинамъ, что даже въ непріятелѣ они должны уважать человѣческую личность и достоинство.

Согласно съ этимъ убѣжденіемъ Линкольна, по порученію его, извѣстнымъ американскимъ писателемъ Либеромъ былъ составленъ проектъ устава международныхъ обычаевъ и законовъ. Проектъ этотъ былъ вслѣдъ затѣмъ обсужденъ въ комиссіи, состоявшей изъ военныхъ лицъ, и обнародованъ въ формѣ «*Полевыхъ инструкцій для армій Соединенныхъ Штатовъ*» (Instructions for the government of the United States in the field)[1]). Въ этомъ наказѣ, состоящемъ изъ 157 статей, опредѣляются, между прочимъ: предѣлы и существо военной власти на непріятельской территоріи, права и обязанности войскъ въ отношеніи къ частнымъ и безоруженнымъ лицамъ, частной и государственной собственности, раненымъ и больнымъ, дезертирамъ и мародерамъ и т. п.

Такимъ образомъ, Сѣверо-Американскимъ Штатамъ, и въ частности президенту Линкольну, принадлежитъ честь почина въ точномъ опредѣленіи обычаевъ и законовъ войны. Эта первая правительственная попытка кодифицировать обычаи войны и выяснить въ цѣ-

[1]) Эти инструкціи напечатаны, въ видѣ приложенія, въ книгѣ *Bluntschli.* Das moderne Völkerrecht.

ломъ сводѣ обязательныя для войскъ правила, существенно содѣйствовала гуманному образу веденія войны со стороны Сѣверныхъ Штатовъ. Но, къ сожалѣнію, не смотря на неотрицаемую практичность и цѣлесообразность принятой Линкольномъ мѣры, она до самаго послѣдняго времени не вызвала подражанія со стороны европейскихъ правительствъ. Послѣ 1863 года въ Европѣ велось нѣсколько войнъ, и постоянно возникали споры объ обязательности конкретныхъ военныхъ обычаевъ, но все-таки ничего подобнаго сѣверо-американскимъ инструкціямъ не было издано ни однимъ изъ воевавшихъ правительствъ. Только Россія, въ началѣ послѣдней войны, сдѣлала шагъ на томъ же самомъ пути.

Казалось бы, что, въ виду такого положительнаго факта, нельзя отрицать пользы даже такой односторонней кодификаціи военныхъ законовъ, все-таки доводимыхъ такимъ способомъ до свѣдѣнія войскъ. Можно считать безспорнымъ, что такія инструкціи *невполнѣ* достигаютъ своей цѣли вслѣдствіе несходства своего содержанія у воюющихъ сторонъ; но все-таки войска будутъ имѣть нѣкоторыя понятія о своихъ правахъ и обязанностяхъ.

Другого мнѣнія придерживается вышеупомянутый прусскій военный писатель фонъ-Гартманъ. Онъ полагаетъ, что примѣръ Соединенныхъ Штатовъ неубѣдителенъ, такъ какъ тамъ велась война междоусобная, а не международная. Между тѣмъ, странно, что такой серьозный писатель не знаетъ, что междоусобная война всегда гораздо больше вызываетъ въ воюющихъ чувство ненависти и возбуждаетъ страсти, чѣмъ война между независимыми народами. Слѣдовательно, при междоусобной войнѣ гораздо труднѣе найти въ обычаяхъ и законахъ войны надлежащія границы для произвола и насилій. Обыкновенно въ междоусобной

войнѣ оказывается даже невозможнымъ примѣнять международные военные законы,—въ такой степени расходятся обѣ воюющія стороны во взглядахъ на взаимныя свои права и обязанности: чаще всего одна воюющая сторона считаетъ себя законнымъ правительствомъ, имѣющимъ несомнѣнное право разсматривать своего противника, какъ бунтовщика, подлежащаго дѣйствію уголовныхъ законовъ страны, а не международнаго права.

Равнымъ образомъ, нельзя согласиться съ мнѣніемъ прусскаго генерала, будто для войскъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ такая инструкція дѣйствительно была необходима или полезна на томъ основаніи, что эта республика не имѣла ни постоянной арміи, ни военныхъ традицій, ни метода войны (Kriegsmethode), ни развитыхъ военныхъ наукъ. Самый злѣйшій врагъ Франціи не станетъ отрицать того, что эта страна имѣетъ издавна постоянное войско, военныя традиціи и весьма развитыя военныя науки, а между тѣмъ во время войны 1870 года германское военное начальство постоянно обвиняло французскую армію въ нарушеніи всѣхъ установившихся обычаевъ войны и даже постановленій женевской конвенціи. Тѣ же самыя обвиненія противъ германскихъ войскъ высказывались со стороны «правительства національной обороны». Между тѣмъ, кто на свѣтѣ сомнѣвается въ военной выдержкѣ и широкомъ военномъ образованіи германскихъ войскъ?

Но во время именно франко-германской войны весьма часто нарушались войсками или отдѣльными отрядами «свято чтимыя» правила войны не по наклонности къ варварствамъ, но *исключительно* по незнанію этихъ правилъ. Можно считать несомнѣннымъ фактомъ, что огромное число французскихъ солдатъ, не говоря уже о дикихъ тюркосахъ, не имѣло ни-

какого понятія о постановленіяхъ женевской конвенціи. Во время мира правительства обыкновенно посвящаютъ все свое вниманіе на организацію и приготовленіе своихъ войскъ къ бою, забывая познакомить армію съ тѣми обычаями войны, за несоблюденіе которыхъ воюющее правительство отвѣчаетъ какъ предъ судомъ своей собственной совѣсти, такъ и предъ судомъ общественнаго мнѣнія нейтральныхъ державъ.

Очевидно, что ни военныя традиціи, ни военная выправка, ни военныя науки недостаточны для охраненія доброй славы цивилизованнаго войска и для исполненія постановленій международныхъ трактатовъ или соблюденія законовъ и обычаевъ войны.

При такомъ положеніи вещей изданіе для войскъ инструкцій, подобныхъ сѣверо-американскимъ, далеко не представляется излишнею роскошью ни въ одномъ изъ современныхъ цивилизованныхъ государствъ; но было бы ошибочно думать, что онѣ совершенно достигаютъ поставленной цѣли: обезпечить со стороны *обоихъ* воюющихъ одинаковый взглядъ на обычаи и законы войны и добросовѣстное ихъ исполненіе.

Другимъ весьма знаменательнымъ шагомъ впередъ на указанномъ пути къ ограниченію бѣдствій войны представляется *женевская конвенція* 1864 года относительно раненыхъ и больныхъ воиновъ. Извѣстно, что внѣшними причинами для созванія международной конференціи въ Женевѣ, въ 1864 году, для обсужденія судьбы раненыхъ на полѣ сраженія, послужили тѣ ужасныя страданія, которымъ подвергались они, благодаря недостаточности средствъ медицинской помощи въ войскахъ, и необезпеченности судьбы врачей и госпиталей во время военныхъ дѣйствій. Подписанная въ 1864 году, представителями только двѣнадцати державъ, женевская конвенція опредѣля-

етъ нейтральность госпиталей, какъ постоянныхъ, такъ и временныхъ, признаетъ неприкосновенность лицъ, посвятившихъ себя уходу за больными и ранеными воинами, и призываетъ всѣхъ частныхъ лицъ и обывателей страны, служащей театромъ военныхъ дѣйствій, оказывать всякую помощь раненымъ, за что они сами и ихъ жилища будутъ пользоваться неприкосновенностью со стороны непріятеля[1]). Наконецъ неизлишне будетъ прибавить, что къ конвенціи 1864 года были составлены въ 1868 году дополнительныя статьи (articles additionnels), имѣющія цѣлью развивать постановленія конвенціи и распространить основныя ея начала также на морскую войну. Но эти дополнительныя статьи до сихъ поръ не получили силы общеобязательнаго международнаго акта.

Какъ бы мы ни смотрѣли на женевскую конвенцію, во всякомъ случаѣ слѣдующія двѣ ея заслуги остаются безспорными: во-первыхъ, «Красный Крестъ» сдѣлался у европейскихъ народовъ символомъ христіанской любви и гуманности, подъ сѣнію котораго сотни тысячъ людей находятъ убѣжище отъ непріятельскихъ пуль и спасеніе отъ неминуемой смерти; во-вторыхъ, не менѣе безспорно, что женевская конвенція представляется одною изъ самыхъ удачныхъ попытокъ для международнаго опредѣленія законовъ и обычаевъ войны.

Довольно любопытно, что до сихъ поръ писатели исключительно останавливались на первой заслугѣ женевской конвенціи, совершенно забывая о второй. Между тѣмъ, уже давно вырабатывался во время войны между цивилизованными или христіанскими народами взглядъ на раненаго врага, какъ на имѣю-

[1]) *Moynier.* Etude sur la convention de Genève. Paris 1870, p. 105 et suiv.

щаго право на уваженіе и состраданіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, на пощаду со стороны побѣдителя. Уже рыцарскій духъ среднихъ вѣковъ усвоилъ себѣ этотъ взглядъ, установленію котораго въ значительной степени содѣйствовали церковь и тѣ изъ ея служителей, которые дѣйствительно были проникнуты великими, вѣчно истинными, идеями христіанской религіи. Начиная же съ XVI столѣтія, вошло въ обычай заключать между воюющими государствами спеціальные договоры относительно раненыхъ воиновъ и больныхъ, благодаря которымъ цѣлыя мѣстности, извѣстныя своими цѣлебными водами, признаются неприкосновенными. Достаточно сказать, что въ теченіе времени съ 1581 по 1864 годъ заключено между европейскими державами подобнаго рода трактатовъ на благо раненыхъ не менѣе какъ 291 [1]). Въ этихъ договорахъ Россія неоднократно является участвующею стороною.

Эти факты, конечно, должны были сами собою навести на ту мысль, что женевская конвенція далеко не является такимъ нововведеніемъ, которое не имѣетъ никакихъ корней въ прошедшемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они подтверждаютъ, что эта конвенція только развиваетъ и точнѣе опредѣляетъ обычаи и законы войны, мало по малу выработавшіеся въ теченіе послѣднихъ вѣковъ. Съ этой точки зрѣнія нельзя не признать женевскую конвенцію весьма удачнымъ по своимъ благотворнымъ результатамъ опытомъ кодификаціи военныхъ законовъ. Ей удалось не только получить формальное признаніе со стороны почти всѣхъ цивилизованныхъ государствъ, но, вмѣ-

[1]) *Lueder*. Die Genfer Convention, Erlangen 1876. Срав. также *Casenove*. La guerre et l'humanité au XIX siècle, Paris 1869, p. 1 et suiv.

стѣ съ тѣмъ, обезпечить за собою серьозное значеніе и обязательную силу во время военныхъ дѣйствій.

Правда, опытъ новѣйшихъ войнъ доказалъ, что женевская конвенція требуетъ немедленнаго пересмотра и существенныхъ улучшеній какъ въ редакціи, такъ и въ содержаніи своихъ постановленій [1]), но никто не въ состояніи отрицать огромной практической ея пользы. Во всякомъ случаѣ она останется памятникомъ побѣды права надъ произволомъ, человѣколюбія надъ варварствомъ, здраваго смысла и разума надъ животными, дикими инстинктами. Наконецъ, даже злѣйшій врагъ женевской конвенціи не въ состояніи будетъ доказать фактами, что, благодаря провозглашеннымъ ею принципамъ, война лишилась своего «величія» и военныя дѣйствія необходимой энергіи. Развѣ «Красный Крестъ», охраняющій во время самой ожесточенной борьбы госпитали, наполненные ранеными и больными, отъ непріятельскихъ пуль, не лучшее доказательство господства идеи надъ грубою силою? Развѣ тотъ же «Красный Крестъ», останавливающій руку, поднятую для нанесенія послѣдняго удара павшему врагу, не есть торжество права надъ насиліемъ и чувства любви надъ дикою страстью и ненавистью? Развѣ, однимъ словомъ, вся женевская конвенція не служитъ самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ тому, что «реализмъ войны» во многихъ отношеніяхъ совмѣстимъ съ «идеализмомъ международнаго права»? Вотъ въ чемъ заключается важная заслуга этого международнаго акта и несомнѣнное его значеніе въ исторіи права и культуры.

---

[1]) См. протоколы брюссельской конференціи 1874 г. отъ 10 и 11 августа. Срав. также *Schmidt-Ernsthausen.* Das Princip der Genfer Convention. Berlin 1874.

Послѣ заключенія женевской конвенціи 1864 года починъ во всѣхъ попыткахъ, направленныхъ къ ограниченію бѣдствій войны, исходитъ отъ Россіи: Россія созвала въ 1868 году въ С.-Петербургѣ военную международную конференцію для запрещенія разрывныхъ пуль и въ 1874 году брюссельскую конференцію для опредѣленія обычаевъ и законовъ войны вообще.

Дѣйствуя на поприщѣ кодификаціи международныхъ законовъ, наше отечество не всегда достигало поставленной себѣ окончательной цѣли: политическій антагонизмъ и непонятная подозрительность европейскихъ державъ воздвигали всевозможныя затрудненія. Но исторія попытокъ, совершенныхъ Россіею на благо всѣхъ народовъ, убѣждаетъ насъ въ томъ, что, съ одной стороны, выясненіе началъ международнаго права входитъ въ задачи русской національной политики и что, съ другой стороны, въ концѣ концовъ провозглашенныя Россіею идеи завоевываютъ себѣ общее признаніе даже со стороны тѣхъ державъ, которыя первоначально выступали непримиримыми ихъ врагами.

Укажемъ на самый разительный примѣръ.

Подобно тому, какъ до настоящаго времени права и обязанности воюющихъ государствъ составляютъ предметъ постоянныхъ споровъ и взаимныхъ обвиненій, точно также права нейтральныхъ народовъ подвергались въ прошломъ столѣтіи самымъ разнообразнымъ толкованіямъ и постояннымъ нарушеніямъ.

Въ то время какъ нейтральные народы настаивали на признаніи за ними неотъемлемаго права продолжать торговлю съ воюющими государствами, нѣкоторые изъ самихъ воюющихъ считали себя въ правѣ воспретить нейтральнымъ державамъ какія бы то ни было торговыя сношенія съ ихъ непріятелемъ. Осо-

бенно произвольными дѣйствіями въ отношеніи нейтральной торговли постоянно отличалась Англія, опирающаяся на свое могущество на морѣ. Англійскіе каперы не переставали захватывать нейтральныя суда, и найденная на нихъ собственность, принадлежащая подданнымъ непріятельскаго государства, всегда признавалась англійскими же судьями законнымъ призомъ, въ то время, когда почти всѣ остальныя государства провозглашали тотъ несомнѣнный международный законъ, что нейтральный флагъ покрываетъ непріятельскій грузъ. Кромѣ того, блокаду нейтральныя державы признавали обязательною въ томъ случаѣ, если ею дѣйствительно преграждался доступъ въ блокируемое мѣсто. Великобританія же, напротивъ, просто объявляла нейтральнымъ правительствамъ, что берега или гавани противника ея блокированы, не думая выставлять никакихъ военныхъ силъ для прегражденія къ нимъ доступа. На всѣ протесты нейтральныхъ державъ Англія постоянно возражала, что не знаетъ защищаемыхъ ими общепризнанныхъ началъ международнаго права, но что ея взглядъ на морскую войну и обязанности нейтральныхъ народовъ во время войны основывается на разумѣ и вѣчныхъ началахъ правды и справедливости [1]).

Чтобы положить конецъ всякимъ сомнѣніямъ относительно правъ нейтральныхъ народовъ и предѣлъ насиліямъ со стороны могущественной Англіи, императрица Екатерина II обнародовала знаменитую де-

---

[1]) *Phillimore's.* Commentaries upon International Law, t. III, p. 300 etc. — *Creasy.* First platform of International Law, p. 661.— *Gessner.* Le droit des neutres sur mer, p. 246 et suiv.—*Мое* сочиненіе: «О правѣ частной собственности во время войны». Спб. 1869 г., стр. 241 и слѣд.

кларацію отъ 28 февраля 1780 г., въ которой приглашала европейскія державы къ поддержанію слѣдующихъ началъ:

1) нейтральные корабли свободно могутъ продолжать торговлю съ воюющими державами;

2) непріятельская собственность подъ нейтральнымъ флагомъ пропускается неприкосновенно;

3) предметами военной контрабанды признаются только исчисленные въ статьяхъ 10 и 11 трактата 1766 г. Россіи съ Англіею и

4) для дѣйствительности блокады требуется явная опасность нарушить ее.

Порвозгласивъ эти «вѣчныя и наиболѣе справедливыя» начала, императрица Екатерина II заключила вслѣдъ за тѣмъ съ отдѣльными европейскими державами конвенціи, на основаніи которыхъ договаривающіяся стороны признаютъ обязательную силу вышеприведенныхъ принциповъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, обязываются защищать ихъ всѣми силами отъ всякаго нарушенія. На основаніи этихъ конвенцій былъ заключенъ знаменитый «*союзъ вооруженнаго нейтралитета*».

Но на этомъ императрица Екатерина II не желала остановиться. На основаніи документовъ, хранящихся въ нашихъ архивахъ, не подлежитъ сомнѣнію, что императрицу сильно занимала мысль о составленіи *общенароднаго кодекса*, въ которомъ были бы опредѣлены обязательныя для всѣхъ народовъ, во время морской войны, правила [1]). Только неблагопріятныя

[1]) Въ мартѣ 1782 г. русское правительство вручило цесарскому послу, графу Кобенцлю: «Exposé comparatif de différens arrangemens pris par les Puissances neutres et belligérantes pour la sûreté du commerce et de la navigation neutres». Эта записка должна была служить основаніемъ для дальнѣйшихъ переговоровъ по составленію «общенароднаго кодекса». Срав. *мое* «Собраніе трактатовъ и конвенцій», томъ II, стр. 131.

политическія обстоятельства помѣшали исполненію этого грандіознаго плана.

Само собою разумѣется, что Англія не могла не возставать всѣми своими силами противъ провозглашенныхъ Россіею началъ. Не только въ 1780 году англійское правительство, когда ему торжественно была сообщена февральская декларація, отказалось признать выставленныя въ ней начала справедливыми, но до послѣдняго времени оно придерживалось того же взгляда. Англійскіе писатели и государственные дѣятели не упускали случая, чтобы уронить несомнѣнное значеніе предпринятаго Екатериною II дѣла и доказать, что сама императрица не понимала важности провозглашенныхъ ею принциповъ [1]).

Между тѣмъ, начатое Россіею дѣло не только не пропало безслѣдно, но все болѣе и болѣе крѣпло. Начала Екатерининской декларации до такой степени были согласны съ правосознаніемъ цивилизованныхъ народовъ, что на парижскомъ мирномъ конгрессѣ 1856 года они были торжественнѣйшимъ образомъ провозглашены обязательными международными законами. Подъ парижскою декларацією 1856 года, повторившею начала Екатерининской декларации, находятся также подписи уполномоченныхъ Англіи. Такимъ образомъ, «новый русскій международный кодексъ»—какъ Филлиморъ теперь еще называетъ, не безъ злости, Екатерининскую декларацію —.былъ, въ

---

[1]) Вся англійская литература съ особеннымъ удовольствіемъ приводитъ пресловутый разговоръ (7 (18) декабря 1780 г.) императрицы Екатерины съ англійскимъ посломъ Гаррисомъ, въ которомъ она ужасно обрадовала своего собесѣдника словами, что «Neutralité armée» есть «Nullité armée». Англичанинъ въ своемъ восторгѣ не замѣтилъ, какъ искусно его морочила императрица. Срав. Diaries und Correspondence of Sir *James Harris* (Earl of Malmesbury) London 1845, t. I, p. 304.

концѣ концовъ, признанъ лучшимъ выраженіемъ основныхъ началъ морскаго международнаго права. Этотъ любопытный историческій примѣръ не можетъ не навести на многія соображенія въ виду новѣйшихъ попытокъ, дѣлаемыхъ Россіею, къ выясненію спорныхъ законовъ международнаго права во время войны. Англія и здѣсь явилась самымъ рѣшительнымъ противникомъ, объявляя эти попытки такими же «нововведеніями» и измышленіямм русской дипломатіи, каковыми были, по ея мнѣнію, принципы декларацiи 1780 года. Въ отношеніи этой декларацiи, какъ мы видѣли, Англія уже принесла повинную на парижскомъ конгрессѣ 1856 года. Можетъ быть, не далеко и то время, когда измѣнится точно также взглядъ англійскаго правительства на цѣль брюссельской конференціи,

Предшественницею брюссельской конференціи является военная конференція созванная, по почину русскаго правительства, въ С.-Петербургѣ, въ концѣ 1868 года. Между обоими этими международными собраніями находится органическая, неразрывная связь: оба они имѣли цѣлью смягчить бѣдствія войны и тѣмъ исполнить положительныя желанія цивилизованныхъ народовъ, но, между тѣмъ какъ петербургская конференція привела къ заключенію формальнаго международнаго акта и достигла поставленной цѣли, труды брюссельской конференціи не удостоились до сихъ поръ формальной санкціи со стороны европейскихъ державъ. Извѣстно, что петербургская конференція 1868 года была созвана съ цѣлію запретить употребленіе въ европейскихъ арміяхъ разрывныхъ пуль. Честь почина этого дѣла принадлежитъ военному министру, генералъ-адъютанту графу Д. А. Милютину.

Въ отношеніи военнаго министра къ государствен-

ному канцлеру, отъ 4 мая 1868 г., указывается на опыты, произведенные въ русской и иностранныхъ арміяхъ надъ разрывными пулями безъ капсюля, воспламененіе и разрывъ которыхъ происходятъ послѣ удара въ предметъ, имѣющій незначительную плотность (напр. хлѣбъ, тѣло животныхъ и т. п.). Въ случаѣ разрыва такой пули внутри человѣка, рана будетъ смертельная и очень мучительная, такъ какъ эти пули разлетаются на десять и болѣе осколковъ. Сверхъ того, составныя части ударнаго пороха, весьма вредно дѣйствуя на человѣческій организмъ, совершенно безполезно увеличиваютъ страданія.

«Но по достиженію этихъ результатовъ», продолжаетъ генералъ-адъютантъ графъ Милютинъ», «военное министерство остановилось на обсужденіи вопроса о томъ, можетъ ли быть оправдано всеобщее введеніе разрывныхъ пуль какими нибудь боевыми требованіями».

Военный министръ отвѣтилъ отрицательно на этотъ вопросъ. Разрывныя пули, причиняющія людямъ и лошадямъ совершенно излишнія страданія, онъ объявилъ «чисто-варварскимъ средствомъ, не оправдываемымъ никакими боевыми требованіями».

«Война есть неизбѣжное зло», заключаетъ военный министръ, «которое желательно сдѣлать сколько возможно менѣе жестокимъ для человѣчества, и потому нѣтъ причины вводить такія смертоносныя средства, которыя только увеличиваютъ бѣдствія и страданія людей безъ всякой пользы для прямой цѣли войны. Оружіе должно быть употребляемо для того, чтобы ослабить непріятельскую армію. Вполнѣ достаточно, если большое число людей у непріятеля выбудетъ изъ строя; но было бы варварствомъ усиливать страданія раненыхъ, выбывающихъ изъ строя». «Воюющія стороны ни въ какомъ случаѣ не должны

допускать болѣе зла, чѣмъ сколько нужно для достиженія цѣли. Всѣ страданія и всякій нанесенный ущербъ, которые не ослабляютъ противника, безполезны и не должны быть допускаемы».

На основаніи этихъ соображеній, генералъ-адъютантъ графъ Милютинъ призналъ необходимымъ посредствомъ международнаго соглашенія изгнать разрывныя пули изъ употребленія во всѣхъ случаяхъ, за исключеніемъ стрѣльбы изъ ружей и скорострѣльныхъ пушекъ (mitrailleuse), для дѣйствія противъ зарядныхъ и патронныхъ ящиковъ.

Предложеніе русскаго правительства вступить въ соглашеніе по этому предмету и назначить своихъ представителей на военную международную конференцію въ С.-Петербургѣ было принято всѣми европейскими державами. Въ послѣднихъ числахъ октября 1868 года открылись засѣданія международной конференціи, подъ предсѣдательствомъ военнаго министра. Въ третьемъ же засѣданіи конференціи была подписана декларація, на основаніи которой «договаривающіяся стороны обязуются, въ случаѣ войны между собою, отказаться взаимно отъ употребленія какъ сухопутными, такъ и морскими войсками снарядовъ, которые, при вѣсѣ менѣе 400 граммовъ, имѣютъ свойство взрывчатости или снаряжены ударнымъ или горючимъ составомъ» [1]).

Таковъ результатъ военной международной конференціи 1868 года. Нельзя не замѣтить, что, несмотря на то, что этотъ торжественный актъ былъ подписанъ представителями всѣхъ главнѣйшихъ европейскихъ державъ и Персіи,—далеко не всѣ одинаковымъ

---

[1]) См. подробное изложеніе хода работъ петербургской конференціи въ *моемъ* «Собраніи трактатовъ и конвенцій», т. IV, часть II, стр. 953 и слѣд.

образомъ понимали цѣль и задачи конференціи. Во введеніи декларації 1868 года уполномоченные объявляютъ, что «успѣхи цивилизаціи должны имѣть послѣдствіемъ уменьшеніе, по возможности, бѣдствій войны; что единственная законная цѣль, которую должны имѣть въ виду государства во время войны, состоитъ въ ослабленіи военныхъ силъ непріятеля».

Эти мотивы декларації совершенно различно понимались членами конференціи.

Одни изъ нихъ, будучи проникнуты сознаніемъ великодушной мысли, высказанной русскимъ правительствомъ, желали дать ей наибольшее развитіе и воспользоваться случаемъ для изгнанія изъ военной практики всѣхъ вообще средствъ борьбы, которыхъ нельзя не признать варварскими; другіе, напротивъ, желали предоставить воюющимъ державамъ неограниченную свободу въ выборѣ средствъ борьбы. Первое мнѣніе энергически поддерживалъ военный представитель прусскаго правительства, второе—англійскій уполномоченный.

«Намъ кажется прежде всего», писало прусское правительство въ нотѣ 29-го іюня (10-го іюля) 1868 года въ С.-Петербургъ, въ отвѣтъ на русское приглашеніе на конференцію, «что правительства должны будутъ дѣйствовать въ направленіи, данномъ декларацією парижскаго конгресса отъ 16-го апрѣля 1856 года опредѣленію международныхъ отношеній, если они воспользуются настоящимъ случаемъ для того, чтобы придать торжественное и всеобщее утвержденіе нѣкоторымъ аналогичнымъ началамъ, уже давно провозглашеннымъ международнымъ правомъ, иногда признаваемымъ и въ трактатахъ, заключенныхъ между тою или другою державою, и приведеннымъ болѣе или менѣе въ исполненіе».

Согласно съ этими соображеніями Пруссія пред-

ложила значительно расширить рамки петербургской конференціи, полагая, что тогда еще лучше будетъ достигнута цѣль предпринятаго Россіею дѣла.

Совершенно иначе смотрѣла на это дѣло Англія. Она не обинуясь объявила, что не можетъ допустить такого расширенія первоначальной программы конференціи, находя его «несогласнымъ съ англійскими интересами». Англія должна рызсчитывать на научныя средства и техническія открытія для восполненія своихъ боевыхъ силъ. Стало быть, открытіе лорда Дондональда, состоящее въ поголовномъ умерщвленіи обывателей цѣлой непріятельской области посредствомъ распространенія смертоноснаго газа, дѣлаетъ честь духу изобрѣтательности и патріотизма англійскаго народа.

Прусское правительство, ненашедшее надлежащей и всеобщей поддержки со стороны другихъ державъ, взяло назадъ свое гуманное предложеніе, а международная конференція рѣшила только одинъ вопросъ, возбужденный Россіею насчетъ однѣхъ разрывныхъ пуль.

Однако не безполезно замѣтить, что прусское предложеніе встрѣтило полнѣйшее сочувствіе не только со стороны Россіи, но также Италіи, Швейцаріи, Бельгіи, Голландіи, Даніи, Португаліи, Баваріи, Виртемберга и даже Турціи. Слѣдовательно, всѣ эти европейскія державы дѣйствительно признали необходимымъ подвергнуть обсужденію отношенія между воюющими государствами, насколько эти отношенія касаются средствъ войны. Всѣ эти державы были согласны въ томъ, что существующая неопредѣленность не соотвѣтствуетъ цѣли войны въ томъ видѣ, какъ она сознается совѣстью цивилизованныхъ народовъ. Всѣ эти правительства изъявили свою готовность лучше опредѣлить взаимныя права и обязанности

воюющихъ, съ цѣлью поставить право войны въ согласіе съ правосознаніемъ народовъ и поднять его на высоту современной цивилизаціи и культуры.

Только Англія осталась вѣрна девизу своей національной политики: «Pereat mundus, fiat—causa Britannorum!»

II.

Подписанная въ 1868 году петербургская декларація относительно разрывныхъ пуль весьма скоро получила примѣненіе къ дѣлу. Меньше, чѣмъ черезъ два года послѣ подписанія декларації, возникла война между Франціею и Германіею, въ продолженіе которой разрывныя пули дѣйствительно не были употребляемы воюющими державами. Правда, слышались обвиненія въ нарушеніи этого международнаго акта, но они остались недоказанными. Ни одинъ изъ воюющихъ не отрицалъ обязательности декларації и не рѣшался употреблять разрывныя пули вѣсомъ меньше опредѣленнаго размѣра. Воюющія стороны были согласны между собою относительно *принципа*, недопускающаго употребленія разрывныхъ пуль. Оставалось только доказать факты дѣйствительнаго нарушенія принятаго закона. Приведенные же факты не были настолько неоспоримы, чтобы съ перваго же взгляда утвердить убѣжденіе въ справедливости взаимныхъ обвиненій. Вотъ почему эти обвиненія въ нарушеніи петербургской декларації постепенно были оставлены самими воюющими сторонами.

Совершенно въ иномъ видѣ представлялись обвиненія въ нарушеніи законовъ и обычаевъ войны, относительно точнаго смысла которыхъ существуютъ самыя противоположныя мнѣнія. Въ циркулярной нотѣ отъ 9-го января 1871 года, въ отвѣтъ на такую же ноту графа Шодорди, графъ Бисмаркъ катего-

рически обвиняетъ французское правительство въ томъ, что оно даетъ своимъ войскамъ предписанія «противныя какъ всѣмъ обычаямъ войны, принятымъ христіанскими народами, такъ и всякому чувству военной чести». Графъ заявляетъ, что «правительство національной обороны» вызвало въ жизнь силы, которыя оно не въ состояніи сдержать и «сохранить въ предѣлахъ международнаго права и традиціонныхъ военныхъ обычаевъ Европы»[1]).

Еще въ болѣе энергическихъ словахъ были заявлены, со стороны французскаго правительства, обвиненія противъ германскихъ войскъ. «Пруссія», пишетъ въ циркулярной нотѣ отъ 29-го ноября 1870 года графъ Шодорди къ представителямъ Франціи при нейтральныхъ дворахъ, «не только нарушила законы наиболѣе чтимые человѣчествомъ, она не исполнила самыхъ торжественныхъ своихъ обязательствъ. Она ведетъ въ настоящее время свои войска, преобразованныя въ полчища разбойниковъ (hordes de pillards), къ войнѣ истребленія»[2]). Пруссаки не только обвинялись въ самыхъ возмутительныхъ нарушеніяхъ женевской конвенціи, но и въ несоблюденіи установленныхъ между цивилизованными государствами обычаевъ войны, какъ-то: въ систематическомъ грабежѣ, въ поджогѣ жилищъ мирныхъ обывателей, въ казни защитниковъ отечества и т. п.

Неминуемымъ же послѣдствіемъ этихъ «нарушеній» были: со стороны германскаго военнаго начальства — «примѣненіе съ крайнею суровостью права войны», со стороны же французскаго — употребленіе репрессалій.

Вотъ чѣмъ объясняется то, что война франко-гер

---

[1]) *Archives diplomatiques*, 1871, IV, p. 1317.

[2]) *Archives diplomatiques*, 1871, III, p. 1082.

манская отличалась такими жестокостями и репрессаліями, которыя во всякомъ случаѣ не служатъ къ чести XIX вѣка.

Между тѣмъ обѣ воюющія стороны рѣшительно не могли согласиться насчетъ тѣхъ обычаевъ войны, на обязательную силу которыхъ онѣ ссылались. Постановленія женевской конвенціи также подвергались серьознымъ нарушеніямъ, главнымъ образомъ по той причинѣ, что лица, долженствовавшія ихъ примѣнять, имѣли о нихъ или крайне шаткія понятія, или не имѣли никакихъ. Если же войска не знаютъ постановленій трактата, получившаго силу положительнаго закона, то какимъ образомъ можно требовать отъ нихъ знанія никѣмъ неопредѣленныхъ обычаевъ или права войны?

Вотъ почему, во время франко-германской войны и по окончаніи ея, въ западно-европейской литературѣ стало появляться нѣсколько весьма краснорѣчивыхъ воззваній къ правительствамъ, приглашавшихъ положить конецъ существующему въ этомъ вопросѣ мраку ранѣе, чѣмъ возникнетъ новая война. Кромѣ того, учреждаются въ Западной Европѣ частныя общества (напримѣръ, парижское общество для улучшенія быта военноплѣнныхъ), которыя вырабатываютъ цѣлые уставы относительно правилъ войны и повергаютъ ихъ на благосклонное разсмотрѣніе правительствъ.

Справедливость требуетъ сказать, что нигдѣ періодическая печать не настаивала съ такою энергіею на необходимости сдѣлать то, что сдѣлала брюссельская конференція въ 1874 году, какъ... въ *Англіи*. Въ продолженіе войны 1870 — 1871 г. въ главнѣйшихъ англійскихъ періодическихъ изданіяхъ постоянно появлялись статьи, въ которыхъ обвинялась Германія не только въ самыхъ ужасныхъ жестокостяхъ, но, въ

то же время, указывались и средства предупредить ихъ на будущее время. Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ вниманія статьи извѣстнаго англійскаго военнаго писателя Гамлея (Hamley), появившіяся въ «Times» за 1870 годъ.

Прежде чѣмъ указать на другія заявленія англійской печати, мы обязаны заплатить долгъ уваженія извѣстному англійскому юристу Моунтэгью-Бернаръ, который еще въ 1856 году указывалъ на неотложную необходимость положить конецъ господствующей анархіи въ правѣ войны. Въ своей вышеприведенной замѣчательной статьѣ [1]) нынѣшній членъ тайнаго совѣта королевы съ убѣдительнымъ краснорѣчіемъ доказываетъ, насколько необходимо, чтобы милосердіе во время войны могло основываться на «законахъ, выработанныхъ опытомъ и утвержденныхъ практикою». Только при этомъ условіи «нѣжный (gentle) голосъ человѣколюбія выростетъ въ приказаніе».

Обычаи войны неопредѣленны и несовершенны, и обязательность ихъ покоится на весьма сомнительномъ авторитетѣ. Нельзя же основываться для опредѣленія обязательной силы военныхъ обычаевъ на общественномъ мнѣніи дня. Отсюда выводитъ Бернаръ заключеніе, легшее въ основаніе брюссельской конференціи: «Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что необходимо долженъ существовать установленный и утвержденный сводъ (body) обычаевъ и традицій, который былъ бы въ состояніи настолько же давать отпоръ порывамъ народныхъ страстей, насколько господствовать надъ произволомъ войскъ, находящихся на театрѣ войны. Тогда только истинныя начала, на основаніи которыхъ война можетъ быть ведена правомѣр-

[1]) *Mountague-Bernard.* The growth of laws and usages of war. (Oxford Essays 1856).

нымъ образомъ (lawfully), будутъ извѣстны и понятны всѣмъ».

Но почтенный англійскій ученый не ограничивается заявленіемъ своей задушевной мысли. Онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, обращается къ родинѣ съ воззваніемъ взять на себя починъ въ этомъ важномъ дѣлѣ и оказать услугу человѣчеству, потому что Англія меньше всѣхъ другихъ европейскихъ государствъ пострадала отъ бѣдствій войны, но всегда гордилась своимъ великодушіемъ и благородствомъ.

«Англія», заключаетъ Моунтэгью-Бернаръ, «дѣйствительно должна бы послужить въ этомъ дѣлѣ образцомъ для всего міра и призадуматься подвергать другихъ бѣдствіямъ, отъ которыхъ она сама счастливымъ образомъ была пощажена».

Изъ этихъ словъ почтеннаго англійскаго писателя видно, насколько еще въ 1856 году онъ признавалъ ближайшею задачею правительствъ кодифицировать обычаи и законы войны, и, если въ 1874 году, *послѣ* брюссельской конференціи, онъ отчасти отрекся отъ своего прежняго убѣжденія, полагая, что всѣ обычаи войны «отлично знакомы» европейскимъ арміямъ и полной кодификаціи ихъ нежелательно, то мы позволяемъ себѣ, въ случаѣ выбора между воззрѣніемъ 1856 года и 1874 года, выразить полное наше сочувствіе только первому, болѣе старому и, по всей вѣроятности, свободному отъ всякаго посторонняго вліянія. Этого мало. Мы даже охотно признали бы этого англійскаго ученаго «духовнымъ отцомъ» брюссельской конференціи, если бы онъ самъ не открещивался отъ этой чести.

Во всякомъ случаѣ Моунтэгью-Бернаръ талантливо развивалъ уже въ 1856 году мысль, которая, по поводу франко-германской войны находила такой сочувственный откликъ въ англійской печати и обществѣ.

Послѣ вышеупомянутыхъ статей Гамлея заслуживаютъ особеннаго вниманія статьи одного англійскаго публициста, напечатанныя въ январской и апрѣльской книжкахъ журнала «*Quarterly Review*» за 1871 годъ. Въ статьяхъ: «*О нашествіи на Францію*» и «*Политическіе уроки войны*» авторъ жестоко осуждаетъ поведеніе германскихъ войскъ на французской территоріи. Но въ статьѣ: «*О военныхъ обычаяхъ*» тотъ же писатель вновь изучаетъ мѣры, принимавшіяся германскимъ военнымъ начальствомъ въ отношеніи французовъ, съ цѣлью указать на средства къ устраненію тѣхъ страшныхъ бѣдствій, которыми была такъ богата война 1870 года. Онъ весьма краснорѣчиво доказываетъ, что такъ какъ новыя войны въ Европѣ неизбѣжны, то нравственный долгъ правительствъ состоитъ въ томъ, чтобы ограничить, насколько возможно, страданія и насилія, связанныя съ войною. Единственнымъ цѣлесообразнымъ средствомъ представляется, по его мнѣнію, немедленное разрѣшеніе вопроса: какіе обычаи войны имѣютъ дѣйствительно обязательную силу?

«Чѣмъ болѣе вѣроятно», говоритъ авторъ, «что войны отъ времени до времени будутъ вновь возникать, тѣмъ болѣе необходимо попытаться достигнуть какого бы то ни было *соглашенія* относительно точнаго разрѣшенія вопроса: «какіе военные обычаи должны быть признаны обязательными?»

На основаніи сказаннаго англійскій публицистъ предлагаетъ заключить между европейскими державами конвенцію, точно опредѣляющую законы и обычаи войны. Онъ полагаетъ, подобно Бернару, что въ особенности въ интересахъ Англіи содѣйствовать разрѣшенію этого вопроса. Мало того: онъ даже исчисляетъ тѣ вопросы, которые непремѣнно должны быть опредѣлены предлагаемою имъ конвенціею. За-

мѣчательно, что брюссельская декларація 1874 года удовлетворяетъ не только по формѣ, но и по существу требованіямъ, высказаннымъ въ 1871 г. этимъ англійскимъ писателемъ.

Не менѣе категорически высказался въ пользу необходимости заключенія международной конвенціи относительно обычаевъ и законовъ, другой англійскій писатель Друпъ [1]). Этотъ авторъ подробно разсматриваетъ крайне спорный вопросъ о вольныхъ стрѣлкахъ или волонтерахъ и, въ концѣ концовъ, также приходитъ къ убѣжденію, что необходимо скорѣе рѣшить вопросы относительно законовъ войны.

«Война», говоритъ Друпъ, «все-таки, по необходимости, является ужаснымъ бѣдствіемъ, даже если она ведется съ соблюденіемъ всѣхъ условій, охраняющихъ неприкосновенность несражающихся, военноплѣнныхъ и раненыхъ, и принятыхъ нашимъ гуманнымъ вѣкомъ. Но ужасы войны значительно увеличиваются, если къ первоначальной распрѣ, разрѣшаемой воюющими законною борьбою, присоединяется еще новый споръ относительно *порядка* веденія войны». Неизбѣжныя репрессаліи, къ которымъ прибѣгаютъ въ подобныхъ случаяхъ воюющія стороны, «болѣе увеличиваютъ взаимную ненависть, нежели первоначальная причина возникновенія войны».

Вотъ почему Друпъ, еще въ 1870 году, обратилъ вниманіе лондонскаго юридическаго общества на спорные вопросы права войны и доказывалъ необходимость заключенія международной конвенціи, «подобной парижской и женевской конвенціямъ». «Только

[1]) *Droop*. On the relations between an invading army and the inhabitants, and the conditions under which irregular troops are entitled to the same treatment as regular soldiers. (Papers read before the Juridical Society). London 1871.

подобное международное соглашеніе», заключаетъ свой интересный этюдъ англійскій юристъ, «представляется единственнымъ средствомъ для установленія болѣе гуманныхъ правилъ войны».

Но этими современными англійскими писателями не прекращается рядъ англійскихъ защитниковъ кодификаціи военныхъ законовъ и обычаевъ. Необходимо еще указать на одного англійскаго публициста-Сотерландъ *Эдвардса*, который на мѣстѣ изучилъ событія франко-германской войны, и на основаніи этого личнаго опыта приходитъ точь въ точь къ такому же заключенію какъ Друпъ и другіе англійскіе писатели. Сотерландъ Эдвардсъ пришелъ къ тому убѣжденію, что соглашеніе между «великими военными державами» относительно обычаевъ войны значительно ограничило бы ея бѣдствія. На возраженіе противъ заключенія военной международной конвенціи состоящее въ томъ, что нѣтъ гарантіи въ дѣйствительномъ исполненіи ея предписаній, Эдвардсъ совершенно справедливо отвѣчаетъ, что правила относительно парламентерскаго флага, врачебнаго персонала, разрывныхъ пуль и т. п. также не имѣютъ никакой особенной гарантіи. Но, утверждаетъ онъ, несмотря на то, эти постановленія рѣдко нарушались. «Провозглашеніе началъ», заключаетъ Эдвардсъ, «согласныхъ съ духомъ времени, уже обезпечиваетъ въ извѣстной степени ихъ исполненіе»[1]).

Относительно обычаевъ и законовъ войны существуетъ полная неопредѣленность между воюющими государствами, и Сотерландъ Эдвардсъ приводитъ множество фактовъ изъ франко-германской войны въ подтвержденіе тому, что *подобное положеніе вещей*

[1]) *Sutherland Edwards*. The Germans in France. London 1874, p. 286 etc.

приводитъ къ самымъ вопіющимъ злоупотребленіямъ силы и недостойно цивилизованныхъ народовъ.

Наконецъ, справедливость требуетъ сказать, что Сотерландъ Эдвардсъ горячо защищалъ свое мнѣніе и дѣло брюссельской конференціи, несмотря на враждебное положеніе, которое было принято Англіею по отношенію къ почину Россіи въ этомъ вопросѣ.

Читатель согласится съ нами, что едва ли можно убѣдительнѣе приведенныхъ англійскихъ публицистовъ доказать гуманность иниціативы Россіи въ попыткѣ кодифицировать обычаи войны. Мы останавливались, главнымъ образомъ, на англійской литературѣ потому, что она наиболѣе обогатилась, вслѣдъ за франко-германскою войною, заявленіями о необходимости скорѣйшаго уничтоженія господствующей неопредѣленности и безначалія. Съ другой стороны, голосъ англійскихъ писателей еще потому заслуживаетъ особеннаго вниманія, что это голосъ людей, изучившихъ отчасти на мѣстѣ военныя событія и правительство которыхъ оставалось нейтральнымъ во время этой войны. Наконецъ — at last but not at least—вѣдь Англія все-таки страна, въ которой интересы права и цивилизаціи, казалось бы, всегда должны были находить себѣ поддержку, а не противодѣйствіе.

Впрочемъ, подобные отзывы появлялись не только въ англійской печати отъ времени до времени, но и въ итальянской и германской литературѣ. Такъ мы указали выше на рѣчь знаменитаго итальянскаго государственнаго дѣятеля Манчини, въ которой онъ признаетъ за нашимъ временемъ особенное «призваніе» (vocazione) на поприщѣ кодификаціи международнаго права вообще и права войны въ особенности.

Въ самомъ разгарѣ франко-германской войны извѣстный германскій философъ Тренделенбургъ ука-

залъ на высокую цѣль стремленій современныхъ европейскихъ государствъ—заключеніе международнаго соглашенія относительно обычаевъ войны[1]).

Всѣ эти заявленія приводятъ насъкъ тому заключенію, что мысль, вызвавшая созваніе брюссельской конференціи, до такой степени гуманна и послѣдовательно вытекаетъ изъ опыта новѣйшихъ войнъ, что она рано или поздно должна была бы возникнуть, если бы даже русское правительство и не приняло на себя почетнаго почина въ этомъ дѣлѣ. Потребность въ точномъ опредѣленіи законовъ или обычаевъ войны настолько же была настоятельна, насколько и согласна съ воззрѣніями вполнѣ компетентныхъ лицъ, изучавшихъ факты послѣднихъ войнъ не только съ точки зрѣнія военнаго дѣла. Мы можемъ даже сказать, что эта мысль сознавалась общественнымъ мнѣніемъ Европы, насколько оно обнаруживалось въ печати до созванія Россіею международной конференціи въ Брюсселѣ. Не безъ основанія можно думать, что если бы не Россія, то навѣрно какая нибудь другая европейская держава взяла бы на себя, въ ближайшемъ будущемъ, иниціативу въ этомъ вопросѣ.

Такимъ образомъ Россіи принадлежитъ честь возбужденія и направленія дѣла, въ правильномъ разрѣшеніи котораго должно видѣть залогъ предупрежденія излишнихъ насилій и произвола въ международныхъ войнахъ.

Извѣстный французскій писатель заявилъ, что сѣверо-американскія инструкціи даютъ Линкольну право на вѣчную славу[2]). Мы позволяемъ себѣ думать,

---

[1]) *Trendelenburg.* Lücken im Völkerrecht. Lpz. 1870, S. 58. См. также *Bluntschli.* Das moderne Völkerrecht in dem französisch-deutschen Kriege von 1870. Heidelberg. 1871. *Hälschner* въ «Deutsche Blätter», März 1872. S. 170 etc.

[2]) *Bluntschli.* Droit international codifié. Préface de *Laboulaye.*

что брюссельская конференція займетъ не послѣднее мѣсто въ исторіи Россіи.

III.

Относительно исторіи происхожденія брюссельской конференціи 1874 года и мотивовъ, вызвавшихъ ее въ жизнь, сложилась въ Западной Европѣ цѣлая легенда. Если одни, понимавшіе великодушныя намѣренія Государя Императора, видѣли въ созваніи этой конференціи только желаніе принести существенную пользу дѣлу человѣчности во время войны [1]), то другіе, напротивъ, не упускали случая отыскать какія нибудь затаенныя причины и заднія мысли въ великодушной инціативѣ Россіи. Между прочимъ, съ замѣчательною ловкостью былъ пущенъ во французской и англійской періодической печати слухъ, что князь Бисмаркъ придумалъ эту конференцію съ цѣлью обезпечить за собою законное право распоряжаться во Франціи въ случаѣ новой войны. Русскій проектъ открыто объявлялся «code d'invasion», который былъ предварительно составленъ въ Берлинѣ и который прусское правительство не находило, будто бы, возможнымъ и приличнымъ само предложить на разсмотрѣніе европейскихъ державъ [2]). По истинѣ у страха глаза велики! Французамъ казалось, что послѣ войны 1870 года имъ повсюду были разставлены искусною рукою «желѣзнаго князя» сѣти и ловушки. Они до такой степени были объяты страхомъ предъ Пруссіею, что имъ и въ голову не приходило сравнить постановленія русскаго проекта объ обычаяхъ и за-

[1]) *Monteil.* Le congrès de Bruxelles. Paris 1876. — *Lucas.* La conférence internationale de Bruxelles. Paris 1874. — *Безобразовъ.* Брюссельская конференція для установленія правилъ войны. 1875.

[2]) Срав. *Laveleye.* Les actes de la conférence de Bruxelles. Bruxelles 1875, p. 4, 7.

конахъ войны съ поведеніемъ германскаго военнаго начальства на французской территоріи. Изъ такого сравненія они непремѣнно увидѣли бы, насколько статьи русскаго проекта, въ случаѣ новой войны съ Франціею, могутъ, при добросовѣстномъ ихъ исполненіи, ограничить произволъ сильнѣйшаго и значительно охранить интересы мирнаго населенія завоеванной территоріи. Французскимъ публицистамъ, чуявшимъ повсюду прусскія «интриги», не пришла мысль даже подумать о томъ, что, напримѣръ, русскій проектъ, при опредѣленіи правъ вольныхъ стрѣлковъ, скорѣе принялъ взглядъ французскаго правительства, нежели германскаго военнаго начальства.

Придти къ такого рода заключеніямъ значило, съ одной стороны, отречься отъ своихъ предразсудковъ и предвзятыхъ идей, съ другой, изучить представленный на усмотрѣніе европейскихъ правительствъ и обнародованный русскій проектъ, долженствовавшій лечь въ основаніи трудовъ созванной международной конференціи; но отреченіе отъ предразсудковъ требовало сознательнаго отношенія къ самому себѣ и къ реальнымъ фактамъ—чего не было у этихъ алармистовъ. Еще меньше было у нихъ желанія добросовѣстно изучить проектъ изъ 71 статьи.

Притомъ, успѣхъ, выпавшій на долю этихъ сочинителей легендъ былъ до такой степени неожиданно блестящъ, что трудно было имъ отказаться отъ мысли, что они въ самомъ дѣлѣ спасли не только отечество, но и Европу, что они съ достоинствомъ разъиграли роль гусей Капитолія. Не только во Франціи, но даже въ Бельгіи, Голландіи и, въ особенности, въ Англіи стали распространяться всевозможные нелѣпые слухи насчетъ *дѣйствительной* цѣли созванной международной конференціи, такъ что общественное мнѣніе Европы искусственнымъ образомъ

было настроено скорѣе противъ, нежели за предпринятое Россіей дѣло. Вотъ почему стоило только какому нибудь государственному дѣятелю выказать недовѣріе къ брюссельской конференціи, чтобъ прослыть за великаго государственнаго мужа и безстрашнаго спасителя отечества.

Другая легенда, не менѣе странная, заключается въ томъ, что будто Россія заимствовала эту идею у другихъ, раньше предложившихъ европейскимъ державамъ собраться на конференціи для обсужденія законовъ войны. Россія, такъ сказать, «перебила» у нихъ инціативу въ этомъ дѣлѣ [1]). Говоря такимъ образомъ обыкновенно имѣютъ въ виду парижское «общество для улучшенія быта военноплѣнныхъ» (Société pour l'amélioration du sort des prisonniers de guerre), основанное въ 1872 году. Въ началѣ 1874 года исполнительный комитетъ представилъ этому обществу проектъ, могущій служить основаніемъ для международнаго устава о военноплѣнныхъ [2]). Въ концѣ марта мѣсяца того же года этотъ проектъ былъ препровожденъ предсѣдателемъ общества на заключеніе европейскихъ правительствъ, вмѣстѣ съ предложеніемъ подвергнуть его обсужденію на международномъ конгрессѣ въ Брюсселѣ. Между тѣмъ, въ началѣ апрѣля 1874 года русское правительство объявило о своемъ намѣреніи пригласить европейскія державы на обсужденіе составленнаго имъ международнаго свода обычаевъ и законовъ войны. Изъ этихъ данныхъ выводили, что русское правительство только воспользовалось предложеніемъ парижскаго общества съ цѣлью приписать себѣ честь инціативы въ этомъ вопросѣ.

---

[1]) См. «*Augsburger Allgemeine Zeitung*» 1874, № 240.

[2]) «Projet pouvant servir de base à un Règlement international relatif aux prisonniers de guerre».

Не наступило еще время для изложенія полной исторіи брюссельской конференціи, и не намъ ее представить.

Въ настоящее время мы, однако, имѣемъ полное право положительно констатировать слѣдующіе факты.

Во-первыхъ, по меньшей мѣрѣ за два года до созванія брюссельской конференціи, мысль о кодификаціи законовъ и обычаевъ войны уже обсуждалась въ С.-Петербургѣ. Затѣмъ въ нашей періодической печати (см. передовую статью «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» отъ 26-го января 1873 г.) указывалось на необходимость изданія свода законовъ войны. «Наканунѣ введенія у насъ всеобщей воинской повинности», говорится въ только-что упомянутой статьѣ, «потребность въ законномѣрномъ опредѣленіи правъ и обязанностей войска бросается въ глаза. Нельзя не желать, чтобы каждый защитникъ отечества не только шелъ на войну подготовленнымъ и вооруженнымъ по всѣмъ правиламъ современнаго военнаго искусства, но былъ бы, вмѣстѣ съ тѣмъ, проникнутъ сознаніемъ той истины, что война не есть физическая борьба между народами, не ограниченная никакими предписаніями нравственности и права».

Во-вторыхъ, намъ положительно извѣстно, что уже въ самомъ началѣ 1874 года обсуждался въ компетентныхъ сферахъ вопросъ о собраніи международной конференціи для опредѣленія законовъ войны.

Въ-третьихъ, уже въ самомъ началѣ марта мѣсяца разсматривался въ С.-Петербургѣ первоначальный проектъ, предназначенный для сообщенія европейскимъ державамъ. Когда былъ здѣсь полученъ проектъ парижскаго общества относительно военноплѣнныхъ, первоначальный русскій проектъ былъ уже готовъ. Слѣдовательно, о какомъ нибудь заимствованіи не можетъ быть и рѣчи.

Полагаемъ, что приведенныхъ положительныхъ факковъ достаточно, чтобы оцѣнить по достоинству распространившіяся въ Западной Европѣ сказки. Но, съ другой стороны, нельзя не признать весьма знаменательнымъ тотъ фактъ, что въ Петербургѣ и Парижѣ единовременно составляются проекты, имѣвшіе болѣе или менѣе одинаковую цѣль: смягчить бѣдствія войны посредствомъ опредѣленія ея законовъ и обычаевъ. Только между французскимъ частнымъ проектомъ и русскимъ правительственнымъ имѣется существеннѣйшее различіе: первый, по принципу, касается только судьбы военнноплѣнныхъ; второй имѣлъ цѣлью обнять всѣ главнѣйшіе вопросы права войны.

Рѣшившись принять на себя инициативу въ вопросѣ о кодификаціи обычаевъ и законовъ войны, Россія могла выбрать для достиженія поставленной цѣли три различные пути, изъ которыхъ каждый имѣетъ свои хорошія стороны.

Во-первыхъ, наше правительство могло бы ограничиться обнародованіемъ наказа о военныхъ законахъ и обычаяхъ, обязательнаго для русскихъ войскъ во время войны съ тѣми государствами, которыя впередъ объявятъ о своемъ согласіи предписать своимъ войскамъ тѣ же правила въ отношеніи русскихъ армій и подданныхъ. Въ такомъ случаѣ иностранныя державы, желающія обезпечить за своими подданными, въ войнѣ съ Россіею, права и преимущества, провозглашенныя нашимъ правительствомъ, были бы вынуждены присоединиться къ сдѣланной имъ деклараціи.

Этотъ путь, какъ мы имѣли случай видѣть выше, особенно рекомендуется англійскимъ юристомъ Моунтэгью-Бернаромъ. Но мы также старались выяснить всѣ неудобства такихъ односторонніхъ инструкцій, не находящихся въ полномъ согласіи съ инструкція-

ми противной воюющей стороны. Если же во время войны между данными государствами состоится соглашеніе относительно обычаевъ войны, то оно, по всей вѣроятности, будетъ облечено въ форму международнаго акта. Если же въ мирное время такого согласія не установилось, то трудно себѣ представить, чтобы обмѣнъ мыслей насчетъ наказовъ для войскъ былъ возможенъ послѣ начатія военныхъ дѣйствій.

Второй путь состоитъ въ томъ, что Россія могла сообщить свой проектъ военнаго свода всѣмъ иностраннымъ державамъ безъ исключенія, войдя предварительно въ формальное соглашеніе съ тѣми державами, съ которыми оно наиболѣе вѣроятно, въ виду общности политическихъ интересовъ и военной организаціи. Предположимъ, напримѣръ, что великія военныя державы Европы совершенно были бы согласны съ постановленіями русскаго проекта и, благодаря прочности соединяющихъ ихъ общихъ политическихъ интересовъ во всѣхъ вопросахъ извѣстной практической важности, немедленно были бы готовы подписать предложенную конвенцію,—тогда поставленная цѣль также была бы достигнута. Если же великія державы, въ войнахъ между собою, обязываются соблюдать конкретныя правила, ограничивающія ихъ дѣйствія, то понятно, насколько малыя государства заинтересованы воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобы обезпечить свои права въ случаѣ непріятельскаго нашествія. Не присоединиться къ великимъ державамъ, согласнымъ между собою, было бы со стороны второстепенныхъ государствъ прямымъ наложеніемъ руки на жизненные интересы и права своихъ собственныхъ подданныхъ. Если кому будетъ непосредственно выгодно господство права во время войны, такъ это именно націямъ политически

слабымъ; для великихъ же державъ точно опредѣленные военные законы составляютъ прежде всего нѣкоторое самоограниченіе, хотя въ сущности также совершенно согласное съ ихъ разумными интересами. Неограниченный произволъ не можетъ быть, въ своихъ конечныхъ результатахъ, никому выгоденъ, и территоріи великихъ державъ не застрахованы на вѣчныя времена отъ возможности непріятельскаго нашествія.

Этотъ путь имѣетъ свои очень хорошія стороны: онъ скорѣе обезпечиваетъ достиженіе цѣли, потому что соглашеніе между великими военными державами гораздо скорѣе возможно, въ виду солидарности интересовъ и сознанія грозящей имъ опасности отъ неопредѣленности «общепризнанныхъ» обычаевъ войны. Переговоры по такому вопросу съ второстепенными державами можетъ утвердить въ нихъ странное убѣжденіе, что великія державы только и думаютъ объ ихъ погибели и выбрали средствомъ международную конвенцію объ обычаяхъ войны. Если такое убѣжденіе существуетъ — не смотря на всю свою странность—то задача малыхъ державъ, при участіи въ переговорахъ, можетъ только состоять въ сопротивленіи установленію подобнаго соглашенія между великими державами и въ стремленіи по возможности «провалить» самое дѣло.

При такихъ обстоятельствахъ участіе незначительныхъ государствъ въ обсужденіи военной международной конвенціи можетъ быть только вредно. Но все-таки полное устраненіе ихъ можетъ имѣть мѣсто лишь при существованіи явныхъ доказательствъ ихъ желанія только затормазить успѣшный исходъ начатаго дѣла. Въ такомъ случаѣ второй путь представляется какъ pis-aller въ сравненіи съ третьимъ.

Этотъ послѣдній путь состоитъ въ приглашеніи

всѣхъ державъ на конгрессъ для обсужденія возбужденнаго вопроса, и нѣтъ сомнѣнія, что онъ наиболѣе соотвѣтствуетъ духу нашего времени и ближайшій къ цѣли. Но, съ другой стороны, нельзя отрицать, что этотъ именно путь представляется сопряженнымъ съ наибольшими затрудненіями и препятствіями.

Русское правительство, великодушно желая сдѣлать предложенную имъ военную конвенцію общимъ достояніемъ всѣхъ цивилизованныхъ народовъ, выбрало этотъ послѣдній путь, но на первомъ же шагу должно было встрѣтить затрудненія и враждебное настроеніе.

Въ открыто враждебное положеніе къ поднятому Россіею вопросу стала Англія. Если всѣ другія европейскія державы сочувственно приняли предложеніе русскаго правительства, то с.-джемскій кабинетъ, напротивъ, объявилъ, что «онъ твердо рѣшился не вступать ни въ какія разсужденія о правилахъ международнаго права, управляющихъ отношеніями между воюющими, и не заключать никакихъ новыхъ обязательствъ, никакихъ новыхъ договоровъ какого бы то ни было рода на счетъ общихъ принциповъ».

Сверхъ того, англійское правительство требовало отъ русскаго, а равно и отъ всѣхъ другихъ европейскихъ правительствъ, положительнаго удостовѣренія въ томъ, что на конференціи будутъ обсуждаться только вопросы, затронутые въ русскомъ проектѣ, и ни въ какомъ случаѣ не будетъ рѣчи объ отношеніяхъ между воюющими на морѣ. Таково содержаніе депеши лорда Дерби, отъ 4 іюня 1874 г., къ лорду Лофтусу, англійскому послу въ Петербургѣ.

Послѣ такихъ заявленій со стороны англійскаго правительства, казалось бы, проще всего оставить Англію на своемъ островѣ и не требовать ея уча-

стія въ обсужденіи вопросовъ, которые, въ виду особеннаго географическаго положенія этого государства, мало ея касаются. Притомъ исторія международныхъ отношеній вполнѣ подтверждаетъ, что никогда Англія не только не содѣйствовала, но, напротивъ, всегда противодѣйствовала всѣмъ попыткамъ ограничить бѣдствія войны посредствомъ выясненія правъ и обязанностей воюющихъ сторонъ въ отношеніи другъ друга и въ отношеніи нейтральныхъ государствъ. Всегда Англія была защитницею самаго неограниченнаго произвола и для того, чтобы нанести вредъ своему противнику, никогда не стѣснялась въ средствахъ. Стоитъ только вспомнить поведеніе Англіи по отношенію къ Екатерининской декларации 1780 г.; стоитъ возобновить въ памяти великіе подвиги англійскаго флота, во время крымской войны, въ Балтійскомъ и Черномъ моряхъ противъ рыбачьихъ лодокъ и беззащитныхъ городовъ. Напримѣръ, изъ донесенія генералъ-губернатора великаго княжества Финляндскаго отъ 20 іюля 1855 г. видно, что англичане не только сожгли около 20 коммерческихъ кораблей, застигнутыхъ ими врасплохъ въ Ништадской гавани, но даже лодки и собственность бѣдныхъ рыбаковъ подвергались уничтоженію и разграбленію [1]).

Насколько такой взглядъ на войну дѣйствительно согласенъ со взглядомъ англійскаго народа и составляетъ одну изъ традицій англійской національной политики—видно изъ того, что и теперь еще англійскіе государственные люди и болѣе замѣчательные юристы совершенно откровенно признаютъ цѣль военныхъ дѣйствій въ томъ, чтобы «*заставить*» подданныхъ непріятельскаго государства идти противъ сво-

[1]) *Soetbeer.* Sammlung officieller Actenstücke in Bezug auf Schifffahrt und Handel in Kriegszeiten. Neue Folge I. 1855. Hamburg, S. 10.

его собственнаго правительства и принудить его къ подписанію мира. Всѣ ужасы, всѣ жестокости, всѣ варварства противъ подданныхъ непріятельскаго государства безусловно дозволены, если только этимъ способомъ можно заставить подданныхъ предать свое собственное правительство и совершить преступленіе государственной измѣны!

Вотъ въ какихъ выраженіяхъ и съ какою откровенностью выражаетъ эту мысль извѣстный современный англійскій юристъ: «Лишенія, которымъ подвергаются подданные (воюющаго государства), гоненія, на нихъ обрушивающіяся, и требованія, имъ поставляемыя, представляются *естественными средствами къ исправленію честолюбія и страстей правителей*» [1]).

Намъ кажется, что, въ виду такихъ фактовъ, скромное желаніе Моунтэгью-Бернара и Окъ Маннинга, чтобы Англія стояла во главѣ цивилизованныхъ народовъ, стремящихся къ ограниченію бѣдствій войны и старающихся съ этою цѣлью опредѣлить ея законы и обычаи, дѣлаетъ имъ лично честь, но неосуществимо, потому что противорѣчитъ всѣмъ сложившимся преданіямъ англійской политики. Зато совершенно правильно понялъ Филлиморъ великодушные порывы англійскаго генія и высокую нравственную цѣль систематическаго сопротивленія Англіи всѣмъ попыткамъ ограничить бѣдствія войны.

При такихъ обстоятельствахъ отношеніе Англіи къ брюссельской конференціи становится совершенно понятнымъ. Нельзя же думать, что англійская политика уже въ 1874 году поставила себѣ цѣлью во всѣхъ вопросахъ, безъ исключенія, занимать враждебное Россіи положеніе.

---

[1]) *Phillimore's.* Commentaries, 2 ed., t. I, p. XXVIII.

Можно думать, что эта послѣдняя мысль руководила русскимъ правительствомъ въ его отвѣтѣ на англійскую депешу отъ 4 іюня. Оно не видѣло основанія для такой систематической вражды и не хотѣло вѣрить въ дѣйствительность преклоненія Англіи предъ неограниченнымъ произволомъ во время международной войны.

Въ отвѣтной депешѣ отъ 2 (14) іюля 1874 г. русское правительство увѣряетъ Англію въ томъ, что собирающаяся въ Брюсселѣ конференція ни въ какомъ случаѣ не выступитъ изъ предѣловъ, начертанныхъ русскимъ проектомъ. «Отсюда слѣдуетъ», продолжаетъ русская депеша, «что ни военныя дѣйствія на морѣ, ни морскія войны, ни отношенія между воюющими на морѣ, ни вообще общепризнанныя начала международнаго права не будутъ нами ни возбуждаемы, ни затрогиваемы».

Дать большаго удовлетворенія Англіи, само собою разумѣется, было положительно невозможно; отвѣчать болѣе ясно и категорически на поставленный вопросъ представляется совершенно немыслимымъ.

Получивъ эти обѣщанія, Англія согласилась назначить своего делегата на брюссельскую конференцію, поручивъ ему не принимать никакого участія въ преніяхъ и не подписывать никакихъ актовъ. Представитель Англіи добросовѣстнѣйшимъ образомъ исполнилъ возложенное на него порученіе: во время засѣданій конференціи, продолжавшейся болѣе мѣсяца, онъ не произносилъ ни одного слова при обсужденіи статей русскаго проекта. Невольно возникаетъ вопросъ: не повредило ли это краснорѣчивое молчаніе англійскаго делегата успѣху брюссельской конференціи больше, нежели могло бы повредить полнѣйшее отсутствіе представителя Англіи?

Какъ бы ни было, въ началѣ іюля мѣсяца откры-

тіе конференціи было обезпечено: всѣ европейскія державы дали свое согласіе на назначеніе своихъ делегатовъ. Сѣверо-Американскіе Штаты, также получившіе приглашеніе на конференцію, остались на почвѣ теоріи Монрое, предписывающей имъ уклоняться отъ участія въ дѣлахъ, которыя прежде всего касаются однихъ европейскихъ народовъ. Вашингтонское правительство также не принимало участія въ военной международной конференціи въ Петербургѣ по поводу запрещенія разрывныхъ пуль.

При такихъ обстоятельствахъ 15 (27) іюля 1874 года состоялось торжественное открытіе конференціи, засѣданія которой продолжались каждый день, за исключеніемъ воскресныхъ и табельныхъ, вплоть до 27 (15) августа. Послѣ открытія бельгійскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, графомъ Аспрмонъ-Линденомъ, конференціи, первый уполномоченный Россіи, баронъ А. Г. Жомини, предложилъ собранію избрать въ предсѣдатели перваго уполномоченнаго Бельгіи, барона Ламбермона. Послѣ отклоненія послѣднимъ отъ себя этой чести, въ виду того, что Россіи исключительно принадлежитъ иниціатива и великодушная мысль, положенная въ основаніе созванной конференціи, въ предсѣдатели единогласно былъ избранъ баронъ Жомини [1]).

Во второмъ засѣданіи, по предложенію перваго австро-венгерскаго делегата, было опредѣлено назначить коммиссію для предварительнаго изученія всѣхъ

[1]) Вотъ списокъ всѣхъ членовъ конференціи, въ порядкѣ окончательнаго протокола 27 августа: *Россія*: баронъ А. Г. Жомини, генералъ-майоръ Г. А. Лееръ и проф. Ф. Ф. Мартенсъ; *Германія*: генералъ-майоръ Фойгтъ-Рецъ, генералъ-майоръ Леопродъ, майоръ баронъ Велькъ, баронъ Соденъ и проф. Блюнчли; *Австро-Венгрія*: графъ Хотекъ, генералъ-майоръ баронъ Шёнфельдъ; *Бельгія*: баронъ Ламбермонъ, Федэръ и Моккель; *Данія*: Ведель, полковникъ

статей русскаго проекта. Въ составъ этой коммиссіи должно было войти по одному представителю отъ каждаго государства, который могъ бы чередоваться съ тѣмъ или другимъ изъ своихъ товарищей. На этой коммисіи лежалъ весь трудъ брюссельской конференціи; и въ средѣ ея все болѣе и болѣе рельефно выразились тѣ вліянія, которыя привели въ концѣ концовъ къ тому, что оказалось невозможнымъ подписать окончательную формальную конвенцію.

Неизлишне будетъ указать здѣсь на одинъ фактъ, который явно бросается въ глаза при внимательномъ чтеніи протоколовъ брюссельской конференціи. По первоначальному намѣренію европейскихъ державъ, каждая изъ нихъ должна была назначить по одному дипломату и по одному военному, въ виду того, что русскій проектъ затрогиваетъ и «высшіе политическіе интересы» въ своихъ опредѣленіяхъ взаимныхъ правъ и обязанностей воюющихъ государствъ. Но три державы (Германія, Бельгія и Россія) назначили, кромѣ того, по одному спеціалисту по международному праву. При внимательномъ чтеніи русскаго проекта международной военной конвенціи нельзя не придти къ тому выводу, что всѣ затронутые вопросы касаются прежде всего военныхъ цѣлей, затѣмъ международнаго права и, наконецъ, въ весьма незначительной степени такъ называемыхъ «высшихъ политическихъ интересовъ».

Между тѣмъ, при разсмотрѣніи протоколовъ ком-

Брунъ; *Испанія*: герцогъ Тетуанъ, генералъ Сервертъ и контръ-адмиралъ de la Пецуэла; *Франція*: баронъ Бодъ и генералъ Арнодо; *Англія*: генералъ-майоръ Горсфордъ; *Греція*: Маносъ; *Италія*: баронъ Бланкъ и графъ Ланца; *Голландія*: фанъ-Ландсберге и фанъ-деръ-Шрикъ; *Португалія*: д'Антасъ и генералъ Пальмейримъ; *Швеція*: Штафъ; *Швейцарія*: полков. Гаммеръ; *Турція*: Каратеодори и Эдхемъ.

миссіи оказывается, что дипломаты играли въ ней, безъ сомнѣнія, первую роль рядомъ съ военными, хотя во главѣ послѣднихъ стояла такая замѣчательная личность, какъ прусскій генералъ Фойгтъ-Рецъ. Но этого мало: всѣ главнѣйшія затрудненія и преграды къ благополучному окончанію конференціи выходили отъ членовъ,—дипломатовъ, считавшихъ себя обязанными, во имя высшихъ соображеній, защищать права своего отечества—права, на которыя, впрочемъ, никто не думалъ посягать. Можно думать, что соглашеніе между одними военными было бы достигнуто скорѣе и результатъ конференціи болѣе соотвѣтствовалъ бы возложеннымъ на нее надеждамъ.

Въ девятнадцати засѣданіяхъ коммисія всесторонне разбирала всѣ статьи русскаго проекта, начиная, прежде всего, съ тѣхъ, которыя меньше всего могли возбуждать разногласія и непримиримые споры.

Весь русскій «проектъ международной конвенціи касательно законовъ и обычаевъ войны» раздѣляется на четыре отдѣла:

I-й—о правахъ воюющихъ сторонъ въ отношеніи другъ друга;

II-й—о правахъ воюющихъ сторонъ въ отношеніи частныхъ лицъ;

III-й—о сношеніяхъ между воюющими сторонами, и, наконецъ,

IV-й—о репрессаліяхъ.

Первый отдѣлъ содержитъ въ себѣ 7 главъ, въ которыхъ говорится: 1) о военной власти на непріятельской территоріи; 2) о томъ, кто долженъ считаться воюющею стороною, и о комбатантахъ и некомбатантахъ; 3) о дозволенныхъ и недозволенныхъ средствахъ вредить непріятелю; 4) объ осадѣ и бомбардированіи; 5) о шпіонахъ; 6) о военноплѣнныхъ и 7) о некомбатантахъ и раненыхъ.

Во *второмъ* отдѣлѣ опредѣляются: во 1-хъ, власть военная въ отношеніи къ частнымъ лицамъ и во 2-хъ, вопросъ о реквизиціяхъ и контрибуціяхъ. Затѣмъ *третій* отдѣлъ касается средствъ сообщенія между воюющими сторонами, парламентеровъ и капитуляцій. *Послѣдній* же отдѣлъ состоитъ всего только изъ трехъ статей. Во всемъ проектѣ 71 статья.

Наконецъ для полноты слѣдуетъ еще прибавить, что въ самомъ началѣ проекта поставлены пять общихъ положеній, въ которыхъ выраженъ основной взглядъ на международную войну, какъ онъ неоднократно былъ высказанъ въ правительственныхъ актахъ и господствуетъ въ наукѣ международнаго права. Въ виду чисто-теоретическаго характера этихъ основныхъ принциповъ, они не были обсуждаемы на конференціи. Весьма вѣроятно, что цѣль ихъ заключалась только въ томъ, чтобы предупредить всякое сомнѣніе въ гуманности взгляда и намѣреній, вызвавшихъ въ жизнь самый проектъ [1]).

На основаніи же вышеупомянутаго предложенія предсѣдателя конференціи и коммисіи, послѣдняя приступила прежде всего къ обсужденію наименѣе спорныхъ частей русскаго проекта. Она начала съ статей о средствахъ наносить вредъ непріятелю, потомъ перешла къ статьямъ о парламентерахъ, о капитуляціяхъ, военноплѣнныхъ и о раненыхъ и больныхъ воинахъ. Только по обсужденіи этихъ вопросовъ, не возбуждавшихъ никакихъ особенно рѣзкихъ разногласій, коммисія приступила къ изученію тѣхъ статей русскаго проекта, которыя оказались наиболѣе спорными и наиболѣе трудными для немедлен-

[1]) См. *приложеніе* № 1. Отзывы знатоковъ о русскомъ проектѣ были весьма лестны: *Lueder.* Der neueste Codifications-Versuch, S. 13.—*Lucas.* La Conférence de Bruxelles, p. 2 (2—de tirage).—*Laveleye.* Les actes de la Conférence de Bruxelles, p. 9.

наго разрѣшенія. Сюда относятся отдѣлы, касающіеся правъ и власти оккупаціонной арміи въ предѣлахъ непріятельскаго государства и правъ мирныхъ обывателей занятой территоріи на участіе въ активныхъ военныхъ дѣйствіяхъ. При разсмотрѣніи именно этихъ вопросовъ дипломатическая точка зрѣнія неоднократно одерживала верхъ надъ воззрѣніями, основывающимися на военномъ опытѣ вѣковъ и неотложныхъ требованіяхъ самой войны. Здѣсь оказалось наиболѣе удобнымъ выступать въ ореолѣ защитника священныхъ правъ народной обороны.

Не смотря на то, что первый уполномоченный Россіи неоднократно и весьма энергично возставалъ противъ того мнѣнія, что будто бы русскій проектъ имѣетъ цѣлью посягнуть на «неотмѣнимыя» права народной обороны, не смотря на то, что положительными фактами было доказано въ засѣданіяхъ коммисіи, что нынѣ существующіе обычаи войны несравненно строже и жестче въ сравненіи съ статьями русскаго проекта,—не смотря на все это, члены коммисіи не могли согласиться ни насчетъ объема правъ оккупаціонной арміи, ни относительно условій для народныхъ возстаній противъ непріятельской власти. Это разногласіе не исчезло и въ общихъ засѣданіяхъ конференціи, въ которыя были переданы результаты работъ учрежденной коммисіи.

Въ первомъ же засѣданіи конференціи отъ 26 августа, въ которое былъ внесенъ отчетъ о занятіяхъ коммисіи, баронъ Жомини призналъ необходимымъ еще разъ поставить на подобающее имъ мѣсто эти постоянныя увѣренія нѣкоторыхъ членовъ конференціи въ томъ, что ихъ правительства любятъ миръ и не могутъ сочувствовать стараніямъ, направленнымъ къ расширенію (sic!) правъ сильнаго воюющаго насчетъ слабаго противника.

«Нѣкоторые изъ господъ делегатовъ», заявилъ первый уполномоченный Россіи, «признавали нужнымъ неоднократно заявлять объ исключительно-миролюбивыхъ намѣреніяхъ своихъ правительствъ,— намѣреніяхъ, вытекающихъ изъ особеннаго ихъ положенія, которое создали для нихъ политическія, историческія и географическія условія».

«Отъ имени нашего отечества мы можемъ увѣрить васъ, М.М. Г.Г., въ томъ же самомъ. Россія—великая держава, великая своимъ могуществомъ, своимъ пространствомъ, своимъ единствомъ и своимъ народнымъ духомъ. Не смотря на это, она искренно предана интересамъ мира. Величина ея устраняетъ всякую мысль о завоеваніяхъ или наступательныхъ войнахъ, а оборонительная ея сила такъ велика въ настоящее время, что ей нечего опасаться какого бы то ни было нападенія. Поэтому наше правительство съ полнѣйшимъ безкорыстіемъ предложило созваніе этой конференціи и представило на ея обсужденіе свой проектъ. Оно руководствовалось тою мыслью, что существуютъ весьма важные вопросы, требующіе разрѣшенія въ видахъ общаго блага. Россія чувствуетъ себя слишкомъ солидарною съ интересами всѣхъ, чтобы не исполнять обязанностей, вытекающихъ для нея изъ почетнаго и сильнаго положенія, занимаемаго ею въ Европѣ».

Эти слова чрезвычайно мѣтко опредѣляютъ дѣйствительную цѣль брюссельской конференціи и намѣренія русскаго правительства, характеризуя, въ то же время, въ немногихъ, но вѣскихъ словахъ, образъ дѣйствій представителей такихъ государствъ, какъ Бельгія и Голландія, которые всѣми силами старались уронить дѣло брюссельской конференціи въ общественномъ мнѣніи Европы.

Здѣсь не мѣсто представить подробный анализъ

всѣхъ постановленій и мнѣній, высказанныхъ на конференціи. Впослѣдствіи при изученіи дѣйствій русскихъ и турецкихъ армій во время послѣдней войны, мы постоянно будемъ имѣть въ виду принципы, изложенные въ проектѣ декларації относительно обычаевъ и законовъ войны, составленный брюссельскою конференціею. Изложеніе здѣсь содержанія этого акта не освободило бы насъ отъ необходимости повторить его впослѣдствіи [1]).

Изъ вышепредставленной характеристики преній и хода занятій брюссельской конференціи можно было заключить, что она не приведетъ къ немедленному подписанію общеобязательнаго международнаго акта. Разногласія были до такой степени существенны, что совершенно необходимо было предоставить высшимъ правительствамъ вновь подвергнуть всестороннему обсужденію разсмотрѣнные на конференціи вопросы и рѣшить какой дальнѣйшій путь долженъ быть избранъ для достиженія окончательно поставленной цѣли. Поэтому составленный на конференціи «проектъ декларації объ обычаяхъ и законахъ войны» не могъ получить обязательной силы юридическаго акта. Подписи всѣхъ членовъ конференціи, не исключая подписи генерала Горсфорда, встрѣчаются только подъ «окончательнымъ протоколомъ» (Protocole final), подписаннымъ въ Брюсселѣ 27 августа. Этимъ актомъ констатируются возникшія разногласія и сообщаются на дальнѣйшее усмотрѣніе европейскихъ державъ всѣ протоколы конференціи, вмѣстѣ съ приложеніями. Но въ этомъ «окончательномъ протоколѣ» встрѣчается также упоминаніе о томъ, что всѣ,

[1]) См. мою статью въ іюньской книжкѣ «Военнаго Сборника» за 1875 г. подъ заглавіемъ: «Брюссельская декларація о законахъ и обычаяхъ войны» и *приложеніе* № 2.

безъ исключенія, члены конференціи согласно признавали крайнюю необходимость точнѣе опредѣлить и пересмотрѣть установившіеся обычаи и законы войны. Всѣ они раздѣляютъ, въ этомъ отношеніи, взглядъ русскаго правительства и съ благоговѣніемъ признаютъ благотворность великодушнаго почина Государя Императора.

Кромѣ того, «единодушно было признано», констатируетъ окончательный протоколъ, «что развитіе цивилизаціи должно привести къ смягченію, насколько возможно, бѣдствій войны, и что единственная законная цѣль, которую государства должны себѣ ставить во время войны состоитъ въ ослабленіи непріятеля, безъ причиненія ему безполезныхъ страданій».

Послѣ подписанія этого акта конференція была закрыта. Члены ея открыто выразили надежду собраться вновь въ Петербургѣ для заключенія уже окончательнаго формальнаго договора, на основаніи новыхъ инструкцій отъ своихъ правительствъ. Русское правительство точно также нисколько не имѣло основанія отчаяваться въ достиженіи своей первоначальной цѣли, въ особенности въ виду того, что общественное мнѣніе Россіи и Западной Европы мало-по-малу лучше стало понимать все практическое значеніе и великодушную цѣль предпринятаго Россіею дѣла.

Циркулярною депешею отъ 26-го сентября 1874 г., наше правительство предложило державамъ, принимавшимъ участіе въ трудахъ брюссельской конференціи, сообщить ему всѣ свои замѣчанія и улучшенія, которыя онѣ находятъ полезными сдѣлать въ проектѣ составленной военной декларации. По полученіи всѣхъ этихъ данныхъ, русское правительство было бы въ состояніи рѣшить, насколько можно будетъ достигнуть окончательнаго практическаго ре-

зультата посредствомъ обмѣна деклараций, или составленія новаго проекта, или, наконецъ, созванія новой международной конференціи.

Европейскія правительства не замедлили послѣдовать этому приглашенію насколько оно касалось новаго всесторонняго изученія трудовъ брюссельской конференціи. Намъ положительно извѣстно, что въ различныхъ западно-европейскихъ государствахъ были учреждены особенныя коммиссіи изъ вполнѣ компетентныхъ лицъ, для изученія проекта брюссельской декларации объ обычаяхъ и законахъ войны. Въ нѣкоторыхъ государствахъ эти коммиссіи весьма скоро успѣли окончить свою работу и представить свои заключенія на усмотрѣніе высшаго правительства. Въ другихъ государствахъ дѣло затянулось до начала 1875 года, когда положительный отказъ со стороны Англіи и вслѣдъ затѣмъ возникновеніе герцеговинскаго возстанія, лѣтомъ 1875 года, по необходимости должны были пріостановить скорѣйшее рѣшеніе возбужденнаго Россіею вопроса.

Всѣмъ извѣстна депеша лорда Дерби отъ 20 января 1875 г., въ которой онъ излагаетъ причины, заставляющія англійское правительство уклониться на будущее время, отъ всякаго участія въ продолженіи занятій брюссельской конференціи. Нельзя сказать, чтобъ на этой конференціи представитель Англіи принималъ, по крайней мѣрѣ открыто, малѣйшее участіе въ обсужденіи обычаевъ и законовъ войны. Слѣдовательно, въ этомъ отношеніи январская нота лорда Дерби ничего новаго не приноситъ и только заявляетъ о рѣшеніи англійскаго правительства продолжать свою прежнюю политику въ отношеніи возбужденнаго Россіею вопроса. Но эта нота въ томъ смыслѣ любопытна, что содержитъ въ себѣ откровенное из-

ложеніе взгляда Англіи на международную войну и объясняетъ тѣ мотивы, которые лежатъ въ основаніи ея отказа принимать участіе въ предположенной въ Петербургѣ новой международной военной конференціи.

Опровергнуть здѣсь доводы англійской депеши въ пользу необходимости оставить неограниченнымъ произволъ воюющихъ и поддерживать господствующую, въ настоящее время, шаткость въ пониманіи обычаевъ и законовъ войны, представляется совершенно излишнимъ въ виду того, что выше было не разъ говорено о своеобразномъ и средневѣковомъ воззрѣніи Англіи на войну. Вся депеша лорда Дерби есть ничто иное какъ отрицательная, пристрастная и неудачная критика трудовъ брюссельской конференціи. Англійское правительство видитъ не пользу въ кодификаціи военныхъ законовъ и обычаевъ, но положительный вредъ. Такимъ образомъ, оно даже опровергаетъ своего собственнаго уполномоченнаго на конференціи, который, своею подписью подъ «окончательнымъ протоколомъ» подтвердилъ, что, напротивъ, посредствомъ пересмотра и лучшаго опредѣленія обычаевъ и законовъ войны, значительно можно ограничить ея бѣдствія и насилія.

Итакъ какъ генералъ Горсфордъ подписалъ «окончательный протоколъ» только послѣ полученія на то формальнаго разрѣшенія отъ лорда Дерби, то остается неизвѣстнымъ какого собственно мнѣнія было англійское правительство,

Кромѣ того, разборъ англійской депеши превосходно сдѣланъ въ отвѣтной нотѣ государственнаго канцлера отъ 24-го января (5-го февраля) 1875 года. Этотъ отвѣтъ до такой степени побѣдоносно и убѣдительно опровергаетъ всѣ доводы англійскаго мини-

стра иностранныхъ дѣлъ и съ такою безпощадною логикою обнаруживаетъ всю ложность принятой имъ точки зрѣнія, что даже сами англійскіе писатели не могутъ не признать его «блестящимъ» (admirable) дипломатическимъ актомъ [1]).

Такова исторія брюссельской конференціи. Въ виду вышеуказанныхъ обстоятельствъ, петербургская военная конференція не могла состояться, такъ какъ вниманіе Россіи и великихъ европейскихъ державъ скоро было поглощено новыми смутами на Балканскомъ полуостровѣ. Понятно, что когда возстаніе въ Герцеговинѣ и Босніи стало принимать угрожающіе европейскому миру размѣры, дѣло брюссельской конференціи должно было отступить на второй планъ. Возникновеніе же Восточной войны, дѣйствіе которой продолжается до сихъ поръ, несмотря на заключеніе берлинскаго трактата, само собою разумѣется, совершенно пріостановило продолжавшіеся между европейскими державами переговоры о заключеніи формальнаго акта съ изложеніемъ обязательныхъ, во время войны, законовъ и обычаевъ.

Несмотря на эти неблагопріятныя обстоятельства труды брюссельской конференціи никогда не будутъ забыты, всегда будутъ имѣть благодѣтельное вліяніе на военныя дѣйствія, и никогда не могутъ быть вычеркнуты изъ исторіи русской политики, направленной къ достиженію истинно гуманныхъ и великодушныхъ цѣлей. Такое значеніе было торжественнымъ образомъ признано за иниціативою русскаго правительства институтомъ международнаго права т. е. тѣмъ обществомъ ученыхъ и государственныхъ дѣятелей, которое имѣетъ въ своей средѣ лучшихъ

[1]) *Oke Manning's* Commentaries, p. XXXII (by Sheldon Amos).

современныхъ писателей цивилизованнаго міра по международному праву.

Въ 1875 году, въ августѣ мѣсяцѣ, въ Гаагѣ имѣла мѣсто обыкновенная сессія этого института. На основаніи полученныхъ генеральнымъ секретаремъ, Ролэнъ-Жакмэномъ, письменныхъ отвѣтовъ, отъ членовъ общества, на превосходно составленный имъ сводъ вопросовъ, этотъ замѣчательно даровитый бельгійскій публицистъ составилъ докладъ, въ которомъ, съ неумолимою логикою и рѣдкимъ остроуміемъ, защищается дѣло брюссельской конференціи и доказывается вся неосновательность аргументаціи англійскаго правительства. Предложенныя общему собранію института резолюціи приняты были огромнымъ большинствомъ голосовъ. Меньшинство составили одни англійскіе члены[1]).

Въ этихъ резолюціяхъ, институтъ международнаго права, не только высказывается за кодификацію законовъ войны вообще, но кромѣ того, съ чувствомъ безпредѣльнаго уваженія къ великодушной иниціативѣ Государя Императора, объявляетъ, что составленный въ Брюсселѣ проектъ военной декларації заключаетъ въ себѣ «практическіе, гуманные и прогрессивные принципы».

Но любопытнѣе всего слѣдующее заявленіе института: «При сравненіи съ правомъ войны, излагаемымъ въ самыхъ новѣйшихъ сочиненіяхъ, брюссельскій проектъ, какъ по отношенію къ вопросамъ имъ затронутымъ, такъ и по своему существу, стоитъ *на высотѣ современной науки*».

Таковъ отзывъ института международнаго права,

[1]) Annuaire de l'Institut de droit international, 1877, p. 133 et suiv.

а между тѣмъ англійское правительство доказываетъ, что русскій проектъ и брюссельская декларація заключаютъ въ себѣ такія «нововведенія» въ области международнаго права и провозглашаютъ такія новыя правила, которыя не имѣютъ подъ собою ни практической, ни теоретической почвы.

Остается рѣшить вопросъ, кто лучшій судья въ этомъ дѣлѣ: англійское правительство или общество состоящее изъ лучшихъ современныхъ писателей по международному праву Европы и Америки?

Глава IV.

Отъ мира къ войнѣ.

Безъ правильнаго пониманія цѣли послѣдней войны нельзя справедливо оцѣнить поведеніе русскихъ войскъ во время военныхъ дѣйствій. — Раздѣленіе исторіи дипломатическихъ переговоровъ за послѣдніе три года на три періода.—Причины герцеговинскаго возстанія.—Политика Россіи, Австро-Венгріи и Англіи.—Консульская коммиссія. — Нота графа Андраши.—Болгарское возстаніе. — Берлинскій меморандумъ.—Война Турціи съ Сербіею и Черногоріею.—Рѣчь Государя Императора.—Константинопольская конференція.—Причины ея неудачи.—Лондонскій меморандумъ. — Объявленіе Россіею войны Турціи.

Переговоры между европейскими державами о продолженіи дѣла, начатаго на брюссельской конференціи, были прерваны вновь возникшими смутами на Балканскомъ полуостровѣ. Возстаніе христіанской райи противъ турецкихъ насилій возникло первоначально въ герцеговинской деревушкѣ, чтобы мало по малу распространиться на Боснію, привести затѣмъ къ войнѣ между Сербіею и Черногоріею и Турціею и, наконецъ, чтобы вызвать Россію на борьбу съ Оттоманскою имперіей.

Хотя цѣль настоящаго труда заключается прежде всего въ изученіи права войны и распоряженій рус-

скаго военнаго начальства, основанныхъ на принципахъ брюссельской декларации, намъ кажется все-таки необходимымъ изложить, хотя въ самомъ краткомъ очеркѣ, ходъ дипломатическихъ переговоровъ, приведшихъ къ разрыву между Россіею и Турціею. Иначе нельзя понять ни цѣли послѣдней войны, ни направленія дѣйствій русскихъ армій, ни мѣропріятій русскаго правительства въ занятыхъ турецкихъ провинціяхъ, ни имѣть правильнаго взгляда на исторію восточнаго вопроса за три года, предшествовавшіе объявленію войны. Притомъ, исторія этого весьма небольшаго промежутка времени до такой степени интересна и представляетъ столько характеристическихъ особенностей, что чрезвычайно поучительно прослѣдить всѣ перепетіи дипломатическихъ переговоровъ съ 1875 по 1877 г. Эти переговоры не только привели къ великой войнѣ, въ продолженіе которой наше молодое войско имѣло случай показать предъ глазами всего міра, какъ хорошо *оно* понимаетъ обычаи и законы войны, но, кромѣ того, они имѣли результатомъ коренную перекройку политической карты Южной Европы.

Правда, дипломатическіе переговоры за упомянутый промежутокъ времени уже неоднократно были изложены болѣе компетентными и искусными писателями, чѣмъ мы, но, насколько намъ извѣстно, подобными очерками богата только западно-европейская литература, а никакъ не русская. Между тѣмъ подобный очеркъ, кажется, совершенно необходимъ для поддержанія органической связи въ нашемъ изложеніи. Кромѣ того, позволяемъ себѣ думать, что краткость нашей характеристики будетъ служить смягчающимъ вину обстоятельствомъ предъ судомъ компетентной и строгой критики.

Наконецъ, не излишне замѣтить, что для нашего историческаго очерка мы воспользуемся исключитель-

но обнародованными официальными актами [1]) и литературными произведеніями, появившимися въ послѣднее время по этому вопросу. Мы не намѣрены, ни полемизировать, ни восхвалять политику того или другого правительства, ни нападать, ни читать нравоученія тому или другому государственному дѣятелю. Задача наша будетъ состоять въ безпристрастномъ и объективномъ изложеніи дипломатическихъ переговоровъ за послѣдніе три года предъ возникновеніемъ войны. Положительные же факты послужатъ лучшею характеристикою и справедливою оцѣнкою нравственной личности и политическихъ способностей самихъ дѣятелей.

Весь этотъ историческій очеркъ мы раздѣляемъ на три періода: *первый*—съ начала герцеговинскаго возстанія до берлинскаго меморандума; *второй*—съ берлинскаго меморандума до константинопольской конференціи и, наконецъ, *третій*—съ этой конференціи до объявленія войны Турціи Россіею.

I.

Когда лѣтомъ 1875 г. по Европѣ разнеслось первое извѣстіе о возстаніи въ Герцеговинѣ, ни правительства, ни общественное мнѣніе не придали вначалѣ этому движенію особеннаго значенія. Вся исторія четырехсотлѣтняго существованія турецкаго владычества въ Европѣ есть безпрерывный рядъ возстаній, бунтовъ, кровопролитныхъ усмиреній и безпощадной рѣзни. Въ особенности же на долю нынѣшняго столѣтія выпало быть свидѣтелемъ постоянныхъ возстаній со стороны христіанскаго населенія Турціи противъ власти вѣковыхъ его угнетателей. Оно и понятно. По мѣрѣ того какъ разлагался государствен-

[1]) Особенно богатый матеріалъ дали намъ англійскіе Blue books.

ный организмъ Турціи, изъ него должны были выдѣляться и давать отростки тѣ здоровые элементы, которые онъ не въ состояніи былъ ни привить къ напитанной человѣческою кровью турецкой почвѣ, ни акклиматизировать подъ мрачнымъ небомъ турецкаго деспотизма. По мѣрѣ того какъ выяснялось, что единственною цѣлью турецкаго владычества въ Европѣ служитъ неограниченная ни божескими, ни людскими законами эксплоатація подвластныхъ христіанскихъ племенъ, послѣднія, силою непреложнаго историческаго закона, должны были стремиться къ полному освобожденію и къ лучшей жизни. Исторія неизгладимыми чертами отмѣтила законъ, на основаніи котораго народъ, покорившій подъ свою власть другіе народы, только тогда въ состояніи удержать ее за собою, когда самъ онъ не останавливается въ собственномъ прогрессивномъ своемъ развитіи. Степень культурнаго и политическаго развитія завоевателя всегда опредѣляла степень прочности его власти надъ покоренными. Всемірное владычество римлянъ должно было пасть предъ новыми, полными жизненныхъ силъ, но варварскими народами, потому что римляне сами остановились на пути своего общественнаго и политическаго развитія [1]).

Никогда политическое владычество одного народа надъ другимъ не можетъ быть прочно, если оно основано исключительно на одной грубой силѣ и могуществѣ. Дѣйствительное и прочное политическое господство немыслимо безъ культурнаго превосходства и поступательнаго движенія впередъ на пути общественнаго и государственнаго развитія. Между тѣмъ, турки не только не развивались и не старались удерживать за собою культурное превосходство надъ по-

[1]) Срав. *Arnold.* Cultur und Recht der Römer. Berlin 1868, S. 21.

коренными ими христіанскими народами, но, напротивъ, неудержимо стремились къ разложенію и постепенно лишались тѣхъ здоровыхъ жизненныхъ элементовъ, благодаря которымъ они нѣкогда въ состояніи были удержать верхъ надъ Византійскою имперіею. Вотъ почему нѣтъ никакой надобности искать источниковъ смутъ въ Турціи въ какихъ-то чужеземныхъ интригахъ и маккіевеллистическихъ планахъ какого нибудь ловкаго дипломата. Причины этихъ смутъ лежатъ въ самой Турціи: онѣ не прекратятся раньше прекращенія незаконнаго и неестественнаго господства мусульманъ надъ христіанами. На основаніи Корана нельзя установить прочнаго государственнаго порядка для христіанъ. Исламъ не можетъ существовать рядомъ съ христіанскою религіею. Турки-мусульмане и не могутъ признать равныхъ правъ за христіанами. Это такія избитыя истины, что пора понять ихъ и не забывать [1]). Если же еще и въ настоящее время, послѣ четырехсотлѣтняго горькаго опыта, нѣкоторые «знатоки» Турціи и ислама продолжаютъ утверждать, что это государство способно развиваться и имѣетъ право, въ силу своихъ культурныхъ задатковъ, на господство надъ христіанами [2]), то подобное мнѣніе дѣлаетъ честь тѣмъ дружескимъ чувствамъ къ туркамъ, которыми оно вызвано, но ни въ какомъ случаѣ нельзя его признать согласнымъ ни съ истиною, ни съ неопровержимыми фактами, засвидѣтельствован-

---

[1]) Срав. *Krehl.* Beiträge zur Charakteristik der Lehre vom Glauben im Islam. Lpz. 1877.—*Amari* I diplomi arabi, p. XXVII. *Lorimer* Does the Coran supply an ethical basis on which a political superstructure can be raised? Edinburgh. 1878. См. также *мое* сочиненіе: «О консулахъ и консульской юрисдикціи», стр. 538 и слѣд.

[2]) Срав. *Vàmbery.* Ueber die Reformfähigkeit der Türkei. Budapest 1877. Contra: *Hellwald.* Die Umgestaltung des Orients als Culturfrage. 1878.

ными кровью милліоновъ жертвъ турецкаго варварства.

Между тѣмъ, какъ только герцеговинское возстаніе стало принимать все большіе и большіе размѣры, нашлись услужливые друзья турокъ, которые съ энергіею, достойною лучшаго дѣла, распространяли по Европѣ самыя возмутительныя извѣстія, какъ насчетъ дѣйствительныхъ цѣлей этого возстанія, такъ и относительно причинъ, благопріятствовавшихъ постоянному его развитію. Не смотря на то, что даже англійскіе консулы и корреспонденты самымъ положительнымъ образомъ доказывали, что *единственная* причина возмущенія—турецкія притѣсненія и злодѣйства надъ безоружными христіанами [1]),—все-таки не скоро слухи о происках какихъ-то «панславистскихъ комитетовъ» лишились кредита на политическомъ рынкѣ Западной Европы. Но мы ссылаемся на авторитетъ, едва ли подлежащій сомнѣнію. «Къ несчастію справедливо», сказалъ въ 1875 году самъ султанъ Абдулъ-Азисъ, «что причины, вызывающія смуту въ средѣ христіанскаго населенія, лежатъ въ незаконныхъ дѣйствіяхъ нѣкоторыхъ неспособныхъ должностныхъ лицъ и, въ особенности, въ тѣхъ насиліяхъ, которыя себѣ позволяютъ алчные откупщики податей въ надеждѣ на большія выгоды» [2]).

Въ виду такого категорическаго заявленія со стороны самаго турецкаго правительства, нельзя не признать совершенно напрасными всѣ усилія туркофиловъ отыскивать причины герцеговинскаго возстанія

---

[1]) Срав. «Times» отъ 15 декабря 1875 г.—*Staatsarchiv.* № 5673. (т. XXX). *Gallenga.* Two years of the Eastern Question. London 1877 t. I, p. 112, 312 etc.

[2]) *Malcolm Mac Coll.* Three years of the Eastern Question. London 1878, p. 49.

внѣ самихъ турецкихъ порядковъ. Не менѣе несправедливымъ должно признать мнѣніе, согласно которому вся вина въ распространеніи возстанія падаетъ на сосѣднія единоплеменныя съ инсургентами княжества и на Австро-Венгрію. Требовать отъ сербовъ и черногорцевъ, чтобы они равнодушно смотрѣли на поголовное избіеніе, близъ своихъ границъ, своихъ братьевъ по вѣрѣ и по происхожденію, значило бы требовать совершенно невозможнаго и сверхъестественнаго. Насколько было бы безразсудно требовать, чтобы Нарента остановилась въ своемъ теченіи, настолько же было наивно ожидать, что теченіе народныхъ чувствъ, связывающихъ неразрывными узами славянъ Балканскаго полуострова, приняло бы направленіе, согласное съ тѣми великодушными принципами европейской политики, которые требуютъ систематическаго избіенія христіанъ для блага и мира цивилизованной и христіанской Европы. Но не только на Черногорію и Сербію обрушивались обвиненія въ потворствѣ герцеговинскому возстанію: лордъ Дерби посадилъ на скамью подсудимыхъ также само австро-венгерское правительство, прямо объявивъ, что, пока это правительство не запретитъ своимъ органамъ открыто оказывать поддержку инсургентамъ, до тѣхъ поръ всѣ попытки великихъ европейскихъ державъ для усмиренія герцеговинскаго возстанія останутся совершенно напрасными [1]). Мало того: австро-венгерское правительство не только обвинялось въ поддержкѣ возстанія, но, по словамъ англійскихъ свидѣтелей, все возстаніе въ Босніи было подготовлено будто бы католическимъ духовенствомъ, которое удачно воспользовалось извѣстнымъ путешествіемъ австрійскаго императора, въ началѣ 1875 года, по Далмаціи для

[1]) *Malcolm Mac Coll.* Three years, p. 43.

распространенія идеи о возможности присоединенія славянскихъ земель къ Австро-Венгріи. Англичане даже не затруднились назвать это путешествіе чѣмъ-то въ родѣ политической и военной рекогносцировки [1]).

Всѣ эти обстоятельства не имѣли бы никакого дѣйствія на внутренній строй Турціи, если бы онъ не представлялъ собою массу легко воспламеняющагося матеріала. Еще весьма недавно въ Турціи каждый христіанинъ, уплатившій слѣдующую съ него подать, получалъ въ видѣ квитанціи бумагу такого содержанія: «Предъявитель сего христіанинъ, уплатившій поголовную подать, имѣетъ право носить, въ теченіе года, голову на плечахъ» [2]). Подобнаго рода квитанціи теперь отмѣнены, но сущность дѣла отъ этого нисколько не измѣнилась: все-таки головы христіанъ крѣпки на ихъ плечахъ до тѣхъ поръ, пока какому нибудь турку не вздумается снять ихъ ударомъ меча.

Вотъ въ чемъ кроется настоящая причина герцеговинскаго возстанія, принявшаго въ августѣ 1875 года весьма серьозные размѣры и грозившаго нарушеніемъ общеевропейскаго мира уже настолько, что дальнѣйшее равнодушное отношеніе великихъ европейскихъ державъ къ вспыхнувшему пожару представлялось очевидно невозможнымъ. Онѣ должны были вмѣшаться въ это дѣло тѣмъ энергичнѣе, чѣмъ осязательнѣе обнаруживалось полнѣйшее безсиліе турецкаго правительства въ борьбѣ со своими непокорными подданными. Это вмѣшательство дѣйствительно имѣло мѣсто и привело къ учрежденію европейской консульской коммисіи; но на первыхъ же порахъ обнаружилось разногласіе между шестью великими европей-

---

[1]) *Staatsarchiv.* № 5555.

[2]) См. превосходно написанный этюдъ *Катакази:* Politique anglaise en Orient. Paris 1877, p. 13.

скими державами относительно основанія и цѣли такого вмѣшательства во внутреннія дѣла Оттоманской имперіи. Это разногласіе не только не стушевалось въ продолженіе трехлѣтнихъ международныхъ переговоровъ, но, напротивъ, все болѣе и болѣе оттѣнялось, заострялось и, наконецъ, привело къ вооруженному столкновенію Россіи съ Турціею, непосредственнымъ послѣдствіемъ котораго могла бы быть общеевропейская война, если бы не состоялся берлинскій конгрессъ.

На этомъ основаніи, прежде всего, необходимо, чтобы понять логическое развитіе всѣхъ послѣдующихъ замѣшательствъ, уяснить себѣ положеніе, занятое каждою изъ великихъ европейскихъ державъ по отношенію къ восточному вопросу.

Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ европейскія державы сходились только въ одномъ пунктѣ, а именно—въ необходимости мира. Поэтому ни одна изъ нихъ не могла не желать, чтобы турецкое правительство само удовлетворило справедливыя желанія возставшихъ христіанъ и этимъ путемъ положило конецъ всѣмъ опасеніямъ за сохраненіе общеевропейскаго спокойствія. Но, въ виду явнаго нежеланія Порты положить предѣлъ насиліямъ и вымогательствамъ своихъ чиновниковъ и мусульманскихъ подданныхъ, герцеговинское возстаніе не только распространилось на Боснію и настолько организовалось, чтобы давать отпоръ турецкимъ войскамъ, но и поставило на очередь грозный восточный вопросъ. Согласіе между великими державами насчетъ сохраненія мира не могло имѣть никакого практическаго значенія, потому что онѣ совершенно расходились въ пониманіи средствъ, ведущихъ къ этой цѣли. Необходимо было не только *желать* удовлетворенія со стороны турецкаго правительства законныхъ требованій христіанъ, но нужно

было еще рѣшиться *заставить* его подчиниться тому, чего требовали отъ него благо христіанъ и спокойствіе Европы.

Въ этомъ именно пунктѣ великія европейскія державы совершенно расходились и этимъ разногласіемъ весьма искусно воспользовалось турецкое правительство для достиженія своихъ собственныхъ темныхъ цѣлей.

Изъ всѣхъ шести великихъ европейскихъ державъ восточный вопросъ затрогиваетъ, главнымъ образомъ, интересы только трехъ: Россіи, Австро-Венгріи и Англіи. Германія не имѣетъ никакихъ видовъ на Оттоманскую имперію, и судьба христіанскаго населенія, томящагося подъ ярмомъ турокъ, интересуетъ германскій народъ настолько же платоническимъ образомъ, насколько избіеніе какого нибудь индійскаго племени въ Сѣверной Америкѣ. Только одного настоятельно желала Германія: сохранить миръ и въ мирѣ развивать свои коммерческіе обороты. Что касается Франціи, то эта держава играла когда-то такую блестящую роль на живописныхъ берегахъ Босфора, что въ былое время только подъ французскимъ флагомъ и можно было пользоваться въ предѣлахъ Турціи правомъ поселенія и неприкосновенностью жизни и собственности—насколько то и другое признавалось турками за «франками», т. е. иностранцами[1]). Но эти времена безвозвратно прошли и никогда не возвращались болѣе, ни въ царствованіе Наполеона I, ни въ эпоху крымской войны. Послѣ же погрома 1870 года, само собою разумѣется, Франція должна была исключительно посвятить себя возстановленію порядка внутри страны и залечиванію глубокихъ ранъ, на-

[1]) Срав. *Charrière.* Négotiations de la France dans le Levant, t. I. Introd. p. IV, XVII, XX, XXII et suiv.

несенныхъ французскому народу и его обаянію (prestige) въ Европѣ германскимъ мечемъ. Этотъ періодъ внутренняго преобразованія, ожесточенной борьбы политическихъ партій и постоянныхъ смѣнъ министерствъ продолжался еще въ 1875 году и не прекратился по настоящее время. При такихъ условіяхъ, нѣтъ ничего удивительнаго, что французская политика не играла никакой выдающейся роли: она самымъ добросовѣстнымъ образомъ стремилась къ тому, чтобы посредствомъ своихъ посредничествующихъ услугъ принести пользу себѣ и дѣлу мира. Сохраненія этого мира искренно желалъ французскій народъ, и къ этой цѣли были направлены усилія французскаго правительства вплоть до начала послѣдней войны. Франція не желала, ни завоеванія какой нибудь турецкой территоріи, ни избіенія христіанскихъ подданныхъ султана, ни возникновенія общеевропейской войны. Напротивъ, этой войны она опасалась и желала ее предупредить всѣми силами. Къ сожалѣнію, даже для достиженія этой цѣли требовалось большей энергіи въ поддержаніи неотъемлемыхъ человѣческихъ правъ христіанской райи. Шарьеръ съ гордостью утверждаетъ, что исторія Франціи на Востокѣ есть ничто иное, «какъ исторія цивилизаціи и христіанства». И дѣйствительно, французы XVI вѣка до такой степени были проникнуты сознаніемъ своего нравственнаго достоинства и своей роли передовыхъ защитниковъ интересовъ христіанскаго міра, что, когда король Франциск I заключилъ союзъ съ Солиманомъ II противъ Карла V, они смѣло говорили, что дружба эта съ турецкимъ султаномъ не лишена позора. «Французы», пишетъ современный венеціанскій посланникъ при французскомъ дворѣ, «не могли слышать, не краснѣя, разсказовъ о жестокостяхъ, которыя совершаются турками на всѣхъ берегахъ Сре-

диземнаго моря, за исключеніемъ французскихъ»[1]). Эти отдаленныя времена, когда искреннее состраданіе къ ближнимъ заставляло краснѣть при одной мысли о жестокостяхъ, совершаемыхъ надъ беззащитными братьями о Христѣ, и содрогалось сердце цѣлаго народа, не знавшаго даже страдальцевъ и связаннаго съ нимъ лишь общностью человѣческой природы и религіозныхъ вѣрованій,—эти времена прошли безвозвратно. Такая наивность недостойна нашего высокопросвѣщеннаго XIX вѣка! Теперь можно даже найти въ центрѣ Франціи, въ Парижѣ, органы общественнаго мнѣнія, которые съ умиленіемъ смотрятъ на бѣдныхъ черкесовъ и башибузуковъ, избіеваемыхъ самымъ звѣрскимъ образомъ безоружными и беззащитными болгарами! Дойти до такого помраченія ума и всѣхъ человѣческихъ чувствъ не въ состояніи были французы XVI столѣтія. Эта честь выпала на долю нѣкоторыхъ органовъ современной печати.

Не менѣе второстепенна была роль Италіи въ дипломатическихъ переговорахъ по восточному вопросу. Если вспомнить, что сами итальянцы обязаны своимъ единствомъ принципу національности и что въ трудахъ лучшихъ политическихъ писателей постоянно доказывается то положеніе, что каждая нація, связанная въ одно цѣлое общностью племеннаго происхожденія, языка и религіи, должна составлять одно государство, то можно было бы ожидать отъ этого народа искреннѣйшаго сочувствія цѣлямъ, которыя преслѣдовались возставшими герцеговинцами. Вѣдь не далеко за горами времена короля «Бомба», который истязалъ свой народъ, томилъ въ темницахъ, пропитанныхъ гнилью и сыростью, наполненныхъ все-

[1]) *Ranke*. Französische Geschichte im XVI und XVII Jahrhundert. Bd. I, S. 116

возможными гадами, людей, которые были виновны только въ томъ, что любили свой народъ и ненавидили тирана. Гладстонъ въ своихъ безсмертныхъ письмахъ о порядкахъ Неаполитанскаго королевства, совершилъ полный переворотъ въ общественномъ мнѣніи Англіи въ пользу Италіи и оказалъ неоцѣненную заслугу дѣлу освобожденія итальянцевъ. Все это было еще такъ недавно, что отъ современной Италіи нельзя было не ожидать энергическаго содѣйствія и искренняго сочувствія дѣлу несчастныхъ христіанъ на Балканскомъ полуостровѣ. Дѣйствительно, это сочувствіе неоднократно обнаруживалось въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ. Но достигло ли оно той степени, чтобы изъ платоническаго сочувствія перейти въ энергическую защиту правъ христіанъ—это вопросъ, на который событія отвѣчаютъ отрицательно.

Италія, устами своихъ государственныхъ дѣятелей, постоянно выражала участіе къ несчастной судьбѣ балканскихъ христіанъ; она выражала желаніе видѣть удовлетвореннымъ ихъ законныя требованія; она съ ужасомъ вспоминала о звѣрствахъ и злодѣяніяхъ, безнаказанно совершаемыхъ турецкими палачами надъ безгласными жертвами ихъ дикихъ страстей,—но дальше этого Италія не пошла. Она также написала на знамени своей политики: «миръ—во что бы то ни стало», но совершенно забыла, что миръ могъ быть сохраненъ только посредствомъ энергическаго воздѣйствія на турецкое правительство и, при полномъ сочувствіи судьбѣ христіанскихъ райевъ и законнымъ цѣлямъ русской политики, итальянское правительство никогда не рѣшалось сказать вѣское слово за дѣло, которому оно не могло, въ принципѣ, не сочувствовать. Оно добровольно стушевывалось и отступило на задній планъ, несмотря на то, что по географическому своему положенію, историческимъ тра-

диціямъ и культурнымъ задаткамъ, Италія должна бы была быть представительницею идеи свободы и европейской цивилизаціи на Востокѣ [1]).

Но мы нисколько не желаемъ выразить, въ какой бы то ни было формѣ, осужденіе политикѣ Италіи. Нѣтъ, мы желаемъ только констатировать два факта, неподлежащіе, по нашему крайнему разумѣнію, никакому сомнѣнію: во-первыхъ, нельзя было сохранять европейскаго мира только одними увѣреніями христіанъ Турціи въ чувствахъ состраданія и сожалѣнія; во-вторыхъ, рѣдко когда-либо для Италіи представлялись болѣе благопріятныя обстоятельства играть на Востокѣ роль вполнѣ соотвѣтствующую ея блестящимъ историческимъ преданіямъ. Объединенная и свободная, она могла быть на Востокѣ только защитницею принципа національности, интересовъ цивилизаціи и свободы. Въ этой роли она не встрѣтила бы, при существующихъ условіяхъ, ни противодѣйствія со стороны Франціи, ни нападенія со стороны Австро-Венгріи, а встрѣтила бы только энергическое содѣйствіе и сильную помощь со стороны Россіи.

Такимъ образомъ взаимныя отношенія между Россіею, Австро-Венгріею и Англіею должны были дать направленіе всѣмъ событіямъ и дипломатическимъ переговорамъ не только потому что интересы этихъ трехъ державъ наиболѣе затрогиваются восточнымъ вопросомъ, но также и по той причинѣ, что Германія, Франція и Италія добровольно,—во имя мира Европы,—удалились на второй планъ.

---

[1]) *Heyd.* Le colonie commerciali degli Italiani in Oriente nel medio evo. Venezia e Torino 1866. 2 vls.

II.

Обращаясь теперь къ опредѣленію положенія Россіи по отношенію къ восточному вопросу, намъ нѣтъ надобности останавливаться здѣсь подробно на вопросѣ, который въ продолженіе послѣднихъ трехъ лѣтъ самымъ тщательнымъ образомъ обсуждался въ нашей періодической печати, и мы сами старались посильно содѣйствовать уразумѣнію того историческаго пути, по которому слѣдовала политика Россіи въ особенности въ продолженіе первой половины настоящаго столѣтія[1]). Здѣсь, поэтому, мы ограничимся только немногими замѣчаніями.

Нѣтъ сомнѣнія, что парижскій трактатъ 1856 года составляетъ эпоху въ исторіи восточнаго вопроса, вообще, и въ исторіп восточной политики Россіи, въ особенности[2]). Парижскій мирный трактатъ поставилъ турецкихъ подданныхъ христіанъ подъ коллективную защиту великихъ европейскихъ державъ вмѣсто прежняго единичнаго протектората Россіи. Было бы возмутительно толковать пресловутую девятую статью парижскаго трактата въ томъ смыслѣ, что она возбраняетъ христіанскимъ державамъ заступаться, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, за христіанское населеніе Балканскаго полуострова. Подобное толкованіе этой статьи было бы равносильно произнесенію смертнаго приговора, или, хладнокровному

---

[1]) См. нашъ «Etude historique sur la politique russe dans la question d'Orient.» 1877 (Gand), переведенный также на нѣмецкій языкъ и вызвавшій, въ особенности въ Германіи, самыя ожесточенныя нападки со стороны туркофильской печати. Срав. статью Шпрингера (австрійскаго исторіографа) въ «*Im neuen Reich*» 1877, № 43 и «*Augsburger Allg. Zeitung*» 1878, №№ 58 и 61.

[2]) *Ancien diplomate.* Etude diplomatique sur la guerre de Crimée. Paris 1874 (2 vls.), chap. VI et VII.

предоставленію христіанскихъ подданныхъ Турціи на истязанія и произволъ турецкихъ мучителей [1]).

Впрочемъ исторія двадцати лѣтъ послѣ парижскаго конгресса вполнѣ подтверждаетъ то положеніе, въ силу котораго великія европейскія державы *обязаны* вмѣшиваться въ дѣла Турціи, если того требуютъ спасеніе христіанъ и миръ Европы, но, къ сожалѣнію, обыкновенно Россія должна была обращать вниманіе цивилизованной Европы на стоны и крики истязуемыхъ христіанъ, въ противномъ случаѣ они навѣрно никогда не потревожили бы слуха и не дѣйствовали бы на нервы западно-европейскихъ народовъ. Но русское правительство, послѣ 1856 года, не только не уставало доводить до свѣдѣнія великихъ державъ извѣстія о внутреннемъ неизбѣжномъ разложеніи Оттоманской имперіи; оно самымъ добросовѣстнымъ образомъ указывало при этомъ и на то единственное средство спасенія, которое еще оставалось у турецкаго правительства.

Оттоманская имперія, писалъ въ августѣ 1860 года князь Горчаковъ, не можетъ быть спасена иначе, какъ только посредствомъ единодушнаго рѣшенія великихъ державъ *заставить* Порту вступить на путь справедливости». Къ сожалѣнію, всѣ эти предостереженія оставались безъ послѣдствій. Если Россія предлагала назначить европейскую международную коммиссію для изслѣдованія дѣйствительнаго положенія христіанскаго населенія Турціи, нѣкоторые контрагенты парижскаго трактата совѣтовали, подъ рукою, Портѣ поспѣшить назначеніемъ, съ тою же повидимому цѣлью, турецкой коммиссіи. Если русское правительство указывало на неотложную необ-

[1]) Срав. превосходный трудъ *Rolin-Jacquemyns*. Le droit international et la question d'Orient. Gand. 1876, p. 37.

ходимость принудить, въ крайнемъ случаѣ, султана къ принятію дѣйствительныхъ мѣръ для улучшенія быта своихъ христіанскихъ подданныхъ, то подобное предложеніе разсматривалось какъ попытка присвоить себѣ вновь первую роль на Востокѣ и возвратить себѣ прежнее исключительное право протектората. При этомъ совершенно упускали изъ виду ту простую истину, что если Россія сама и, притомъ, настоятельнѣйшимъ образомъ приглашаетъ великія европейскія державы дѣйствовать за одно съ нею въ отношеніи Оттоманской имперіи, если она даже, въ виду высокой цѣли, готова была предоставить этимъ державамъ первое слово, то смѣшно говорить о какихъ-то затаенныхъ цѣляхъ и тщеславіи русской политики. Эти цѣли были ясны для каждаго, кто не смотрѣлъ умышленно на русскую политику сквозь призму своихъ предразсудковъ; это тщеславіе представляется ничѣмъ инымъ, какъ бредомъ разъигравшейся фантазіи. Но Россія должна была считаться съ этими закоренѣлыми предразсудками и русская политика не могла упускать изъ виду ни предубѣжденій, ни силы воображенія западно-европейскихъ народовъ, обнаруживающейся немедленно когда рѣчь заходитъ о восточномъ вопросѣ. Какіе глубокомысленные планы приписываются русской политикѣ! Какіе неимовѣрно хитрые и маккіавеллистическіе замыслы видятъ тамъ, гдѣ все такъ просто, естественно и открыто!

Между тѣмъ подозрительность къ восточной политики Россіи—общая характеристическая черта политики всѣхъ западно-европейскихъ державъ въ восточномъ вопросѣ. Но кто же терпитъ отъ этой подозрительности? Несчастные христіане! Кому вредитъ наиболѣе духъ недовѣрія, которымъ проникнута Западная Европа въ отношеніи русской политики? Ис-

тязуемой райи! Какъ помочь такому невозможному положенію вещей и какъ изъ него выйти? Мы знаемъ только одно средство: пусть сама Западная Европа добросовѣстно и честно возьмется за дѣло дѣйствительнаго освобожденія балканскихъ христіанъ и тогда она увидитъ найдетъ ли она помощи или противодѣйствія со стороны «ненасытной» Россіи, только и строющей ковы насчетъ турецкихъ владѣній для исполненія евангелія русской національной политики— духовнаго завѣщанія Петра Великаго!

Все это было бы смѣшно, еслибъ не отозвалось такъ тяжело на невинныхъ жертвахъ дикихъ идей, которыя, однако, по настоящее время, составляютъ неисчерпаемый источникъ какъ для обвиненій, такъ и для политическихъ программъ. Вотъ почему въ 1860 году могла состояться, на основаніи рѣшенія парижской международной конференціи, даже вооруженное вмѣшательство во внутреннія дѣла Турціи. Въ Сирію былъ отправленъ для водворенія порядка французскій оккупаціонный корпусъ. Но это было сдѣлано для сирійскихъ христіанъ, которые не единовѣрцы русскаго народа, и въ Сиріи, находящейся внѣ обыкновенной сферы дѣйствія русской политики. Когда затѣмъ, по случаю кандійскаго возстанія въ 1867 году, Россія опять настаивала на принятіи общихъ мѣръ для блага всего христіанскаго населенія Турціи, эти настоянія остались безъ практическаго результата. На островѣ Кандіи возстали православные христіане. Вмѣшательство же западно-европейскихъ державъ, рѣшившихъ созвать новую конференцію въ Парижѣ, имѣло исключительною цѣлью препятствовать открытой войнѣ между Греціею и Турціею.

Въ виду такихъ фактовъ весьма естественно, что герцеговинское возстаніе могло быть встрѣчено, со

стороны Западной Европы, только съ чувствомъ досады и недовѣрія. Досада объясняется какъ тѣмъ, что на политическомъ горизонтѣ показывались громовыя тучи, такъ и недоумѣніемъ почему христіанскіе подданные султана, уже привыкшіе, въ продолженіе четырехсотъ лѣтъ, къ турецкимъ истязаніямъ, вдругъ вздумали протестовать и даже сопротивляться съ оружіемъ въ рукахъ. Какъ будто уже нельзя было болѣе сносить турецкихъ насилій и оскорбленій! Недовѣріе же не менѣе понятно по той причинѣ, что инсургенты-славяне возложили всю свою надежду на единоплеменный русскій народъ.

Не взирая на эту досаду и недовѣріе Западной Европы, политика Россіи, съ самаго начала герцеговинскаго возстанія, пошла по пути, намѣченному историческими преданіями и народнымъ чувствомъ. Правда, нельзя не сказать, что хотя въ принципѣ почти всѣ были согласны въ томъ, чего требуютъ интересы и преданія Россіи, всетаки для достиженія поставленной цѣли указывались весьма различныя средства. Если мы не ошибаемся и вѣрно поняли настроеніе русскаго общества въ началѣ герцеговинскаго возстанія, то существовали троякаго рода воззрѣнія.

Одно заключалось въ томъ, что всякое вмѣшательство въ это дѣло со стороны Россіи должно быть признано совершенно излишнею и непростительною тратою народныхъ силъ и матеріальныхъ средствъ. Другое мнѣніе, также требовало невмѣшательства, но только до поры до времени, пока не выяснится лучше отношеніе западно-европейскихъ державъ къ герцеговинскому возстанію. Наконецъ, третье воззрѣніе настаивало на немедленномъ и энергическомъ вмѣшательствѣ въ дѣла Турціи, не жалѣя ни крови, ни денегъ.

Каждый изъ этихъ трехъ взглядовъ имѣетъ свои хорошія стороны и относительное достоинство, но каждый изъ нихъ не лишенъ также весьма существенныхъ недостатковъ въ приложеніи своемъ къ дѣйствительной политической жизни. Съ особенною рельефностью достоинства и недостатки въ первомъ и послѣднемъ мнѣніи. Относительно перваго можно думать, что оно было проникнуто, прежде всего, заботливостью о сохраненіи мира и, вмѣстѣ съ тѣмъ, драгоцѣнной крови русскаго народа. Но защитники этого мнѣнія, можетъ быть, не поставили себѣ достаточно опредѣленно вопросъ: да въ состояніи ли вообще Россія оставаться нейтральною и безучастною зрительницею событій, совершающихся на Балканскомъ полуостровѣ? Не доказываетъ ли, напротивъ, историческій опытъ, что русскій народъ, съ тѣхъ поръ, какъ онъ проникся сознаніемъ своей исторической роли, никогда не забывалъ горестной судьбы своихъ единовѣрныхъ братьевъ подъ турецкимъ ножомъ? Развѣ императоръ Александръ I, не силою самихъ обстоятельствъ, противъ своей воли, былъ вынужденъ прекратить, во время возстанія грековъ, дипломатическія сношенія съ Портою и приготовиться къ открытой борьбѣ?

Сторонники послѣдняго воззрѣнія болѣе стояли на исторической почвѣ, но менѣе считались съ тогдашними политическими условіями. Они отлично знали прошлое, недостаточно понимали настоящее и меньше всего старались заглянуть въ будущее. Имъ ставили въ упрекъ, что не взирая на современныя политическія отношенія, въ которыя поставлена Россія, они желаютъ вызвать войну въ то время, когда вся Европа еще была увѣрена въ мирномъ исходѣ возникшаго замѣшательства. Еслибъ Россія послѣдовала совѣту приверженцевъ этого «крайняго» воззрѣ-

нія, то—какъ утверждаютъ ихъ противники—Россія стояла бы не только совершенно одна въ качествѣ нарушительницы общеевропейскаго мира, но, сверхъ того, имѣла бы противъ себя всю Западную Европу. Наконецъ, Турція, истощенная продолжительною и неудачною войною въ Герцеговинѣ и Босніи, истратившая сотни милліоновъ на войну съ Сербіею и Черногоріею, была всетаки еще въ состояніи дать отпоръ Россіи въ продолженіе девяти мѣсяцевъ, слѣдовательно, если бы война была объявлена раньше весны 1877 года, то оборона была бы еще серьезнѣе.

Эти возраженія, само собою разумѣется, не вполнѣ выдерживаютъ критики, но нельзя не признать за ними значительной доли истины. Дѣйствовать въ международныхъ отношеніяхъ ex abrupto, внезапно, безъ надлежащей подготовки и всесторонняго взвѣшиванія всѣхъ обстоятельствъ не подобаетъ правительству великой державы. Даже самый злѣйшій врагъ Россіи не могъ бы доказать, что русское правительство подготовило герцеговинское возстаніе и ждало только его начала, для нападенія на Турцію.

Наконецъ третье воззрѣніе подкупаетъ, съ перваго разу, своею осторожностью и строгою обдуманностью. Сторонники его не требовали полнаго невмѣшательства, но они также не совѣтывали немедленнаго объявленія войны Оттоманской Имперіи. Они предлагали только Россіи не выдвигаться на первый планъ въ началѣ дипломатическихъ переговоровъ между западно-европейскими державами и Турціею, но посмотрѣть сначала къ какимъ результатамъ онѣ придутъ и насколько удачно будетъ разрѣшено ими умиротвореніе. Когда же великія западно-европейскія державы убѣдятся на дѣлѣ, что онѣ сами, безъ содѣйствія Россіи, ничего не могутъ сдѣлать, когда онѣ самими обстоятельствами будутъ вынуждены

просить Россію о вмѣшательствѣ, тогда только долженъ наступить благопріятный моментъ для энергическаго вмѣшательства русской политики и тогда только Россія будетъ имѣть полную возможность поднять на небывалую высоту, въ глазахъ христіанскаго населенія Турціи, свой нравственный авторитетъ и политическое значеніе.

Этому воззрѣнію нельзя отказать въ обдуманности и въ тонкости соображенія, но въ то же время нельзя не сказать, что оно покоится на такихъ предположеніяхъ, въ которыя трудно вѣриться и надѣяться на которыя и строитъ на нихъ цѣлый планъ дѣйствія, по меньшей мѣрѣ, рисковано. Для осуществленія этого плана необходимо, во-первыхъ, чтобы русскій народъ продолжалъ закрывать глаза предъ неслыханными злодѣйствами турокъ или оставался бы глухъ къ воплямъ и стонамъ христіанъ. Во-вторыхъ, потребовались бы, чтобъ западно-европейскія державы въ самомъ дѣлѣ, безъ всякихъ настояній со стороны Россіи, сдѣлали попытки для спасенія христіанской райи. Какъ первое, такъ и второе предположеніе слишкомъ рѣзко противорѣчитъ историческому опыту и положительнымъ фактамъ. Никогда русскій народъ не выполнитъ роли Фабія Кунктатора, никогда западно-европейскія державы не согласились бы сами добровольно придти на помощь христіанамъ противъ турокъ. Напротивъ, гораздо болѣе имѣется основаній предполагать, что во имя европейскаго мира, Западная Европа согласилась бы оказать всевозможную помощь туркамъ противъ христіанъ. Наконецъ, въ третьихъ, разсматриваемое воззрѣніе грѣшитъ еще тѣмъ, что неопредѣленный и убійственно томительный порядокъ вещей долженъ былъ бы продолжаться до безконечности, а не два года, какъ это было на самомъ дѣлѣ.

Спрашивается: какое же изъ всѣхъ этихъ трехъ мнѣній было принято русскимъ правительствомъ?

На этотъ вопросъ даетъ отвѣтъ правительственное сообщеніе отъ 17-го октября 1875 г. Въ немъ говорится, что Россія въ союзѣ съ двумя сосѣдними имперіями непреклонно стремится къ сохраненію спокойствія и мира въ Европѣ. «Но учавствуя въ этомъ союзѣ Россія не принесла въ жертву ему того сочувствія, которое питала постоянно къ угнетенному христіанскому населенію Турціи и которое раздѣляла съ нею и, безъ сомнѣнія, раздѣляетъ и теперь вся христіанская Европа. Жертвы, принесенныя русскимъ народомъ для христіанъ Турціи, такъ велики, что даютъ Россіи право заявить объ этомъ сочувствіи и нынѣ предъ лицомъ всей Европы».

Это законное право Россіи было признано всѣми великими державами, согласившимися послать въ Герцеговину консульскую комиссію, которая должна была содѣйствовать «примиренію инсургентовъ съ правительствомъ». Сверхъ того, дружескія представленія Россіи, въ союзѣ съ остальными державами имѣли ближайшимъ своимъ послѣдствіемъ — «добровольное обнародованіе Е. В. Султаномъ ираде, дарующаго христіанскимъ подданнымъ его значительныя облегченія въ налогахъ, равноправность съ мусульманами на судѣ и лучшее административное устройство». Однако, къ сожалѣнію, опытъ показалъ, что правительственныя мѣры Порты далеко не всегда приводятся въ исполненіе и, «сочувственныя христіанамъ заявленія воли султана остаются безслѣдными, и что тѣ, сравнительно ничтожныя права, которыми пользуются христіане нѣкоторыхъ мѣстностей Турціи, были даны имъ вынужденно вслѣдствіе настоящей европейской дипломатіи». Поэтому современныя европейскіе кабинеты, не имѣя возмож-

ности относиться къ правительственнымъ актамъ, обнародованнымъ султаномъ, съ полнымъ довѣріемъ, пригласили Порту дать «осязательныя доказательства твердой и непреклонной рѣшимости своей выполнить точно нынѣшнія торжественныя обязательства относительно христіанъ».

Наиболѣе знаменательны и наибольшее впечатлѣніе на общественное мнѣніе Россіи и Европы произвели заключительныя слова октябрьскаго правительственнаго сообщенія.

«Во всякомъ случаѣ, можно быть увѣреннымъ, что бѣдственный порядокъ вещей, продолжавшійся доселѣ въ Турціи въ ущербъ интересамъ Порты, подданныхъ ея и Европы, *должена будетъ прекратиться*».

Это завленіе нашего правительства точно опредѣляетъ ту почву, на которую оно встало. Въ силу историческихъ преданій, Россія не могла оставаться пассивною зрительницею совершающихся на Балканскомъ полуостровѣ событій; находясь въ дружескихъ отношеніяхъ со всѣми великими державами и зная свойственную имъ подозрительность къ восточной своей политикѣ, она желала дѣйствовать до послѣдней возможности сообща съ ними; будучи убѣждена, что только горестное состояніе христіанскаго населенія вызвало возстаніе въ Герцеговинѣ, русское правительство твердо рѣшилось *«во всякомъ случаѣ»* измѣнить тогдашнее положеніе въ турецкихъ провинціяхъ.

Такія задачи Россія поставила восточной своей политикѣ и разрѣшеніе ихъ оказалось возможнымъ лишь посредствомъ кровопролитной войны.

Обращаясь теперь къ опредѣленію положенія Австро-Венгріи по отношенію къ герцеговинскому вопросу, мы замѣчаемъ, что оно, въ началѣ, было скорѣе благопріятно для возставшихъ христіанъ и

вызвало со стороны лорда Дерби вышеприведенное обвиненіе австро-венгерскаго правительства въ явномъ подтворствѣ и поддержкѣ возстанія въ Герцеговинѣ и Босніи.

Географическое положеніе Австро-Венгріи, ея непосредственное сосѣдство съ провинціями Оттоманской Имперіи и общность племеннаго происхожденіе, соединяющая части народонаселенія габсбургской имперіи съ христіанскимъ населеніемъ Турціи —все это такіе элементы, которые должны были лечь въ основаніе восточной политики вѣнскаго кабинета. Цѣли же этой политики, по отношенію къ Турціи, уже давнымъ давно опредѣлены знаменитымъ княземъ Кауницемъ, который, считая себя въ дружбѣ и союзѣ съ Турціею, въ то же время признавалъ себя въ правѣ захватить при первомъ удобномъ случаѣ ту или другую область. Стоитъ только припомнить исторію присоединенія Буковины къ австрійскимъ владѣніямъ [1]). Начиная же съ конца прошлаго столѣтія подозрительность къ русской политикѣ становится аксіомою для австрійскихъ государственныхъ людей, а тайное или открытое противодѣйствіе видамъ русской политики на Востокѣ является постоянною руководящею нитью въ дѣйствіяхъ вѣнскаго кабинета. Даже когда отношенія Россіи къ Австріи были, повидимому, самыя дружескія, какъ, напримѣръ, во время царствованія императоровъ Александра I и Франца I, все-таки русской политикѣ приписывались такіе виды насчетъ Турціи, которые никакъ не могутъ согласиться съ жизненными интересами Австріи.

Въ то время, когда по словамъ Татищева, «вся по-

[1]) Срав. *мое* «Собраніе трактатовъ и конвенцій», томъ II, стр. 1 и слѣд.

литика Австріи была основана на характерѣ императора Франца и управлялась умомъ князя Меттерниха», восточный вопросъ постоянно составлялъ камень преткновенія для полнаго и искренняго сближенія между Россіею и Австріею [1]).

Согласно съ этими принципами дѣйствовалъ вѣнскій кобинетъ и во время крымской войны, послѣдствіемъ чего былъ—убійственный для Австріи нейтралитетъ Россіи въ такія минуты ея жизни, когда величайшіе интересы, и самое существованіе габсбургской монархіи, были поставлены на карту. Но, малопо малу, Австрія приходитъ къ сознанію, что безъ согласія Россіи она не въ состояніи ничего сдѣлать въ Турціи, и, начинаетъ видѣть въ тѣсномъ союзѣ съ Россіею лучшій залогъ безопасности своихъ владѣній въ будущемъ. Союзъ трехъ Императоровъ провозглашался, съ 1873 года, оплотомъ европейскаго мира и незыблемымъ основаніемъ международной политики Австро-Венгріи, Германіи и Россіи.

На основаніи же нѣкоторыхъ положительныхъ данныхъ, можно было бы заключить, что австрійская политика въ восточномъ вопросѣ дѣйствительно прониклась еще ранѣе заключенія союза трехъ Императоровъ убѣжденіемъ, что только рука объ руку съ Россіею она въ состояніи надлежащимъ образомъ охранять свои интересы и вполнѣ достигнуть своихъ политическихъ цѣлей въ отношеніи Турціи. Только при взаимномъ дружескомъ содѣйствіи цѣлямъ восточной политики, союзъ 1873 года имѣлъ для Россіи и Австріи необходимую прочность и разумное основаніе. Только при этомъ условіи Россія могла

---

[1]) Срав. *мое* «Собраніе трактатовъ», т. IV, ч. I, стр. 402.—Также *Pervolf.* Die slavisch-orientalische Frage. Prag 1878, S. 74 etc.

видѣть какую нибудь цѣну въ дружбѣ и союзѣ съ Австро-Венгріею.

Казалось бы, что уже въ 1866 году вѣнское правительство поняло въ этомъ именно смыслѣ основанія сближенія съ Россіею. Бывшій тогда министръ иностранныхъ дѣлъ Австріи, баронъ Бейстъ, объявилъ русскому посланнику, графу Штакельбергу, что онъ готовъ содѣйствовать развитію автономіи христіанскаго населенія Турціи и установленію самоуправленія (self-government), ограниченнаго только васальностью въ отношеніи къ Портѣ. «Это будетъ», утверждалъ баронъ Бейстъ, «лучшимъ средствомъ для сохраненія мира между султаномъ и райями, и Австрія вполнѣ заинтересована, чтобъ достигнуть этого результата и устранить чрезъ это возможность общаго пожара, котораго она не можетъ желать» [1]). Князь Горчаковъ призналъ барона Бейста, на основаніи приведенныхъ словъ «первымъ изъ австрійскихъ и современныхъ государственныхъ людей», которые въ состояніи возвыситься надъ мелкими интересами и чувствомъ зависти въ такомъ важномъ вопросѣ, какъ восточный. Однако, извѣстно, что вскорѣ самъ баронъ Бейстъ опять пошелъ по старой, избитой колеѣ австрійской политики меттерниховскихъ преданій.

Только графу Андраши выпала доля доказать на дѣлѣ, во время самаго грознаго кризиса восточнаго вопроса, насколько современная Австро-Венгрія дѣйствительно отказалась отъ политическихъ идеаловъ князя Кауница и Тугута, и насколько высоко она цѣнитъ дружбу и союзъ Россіи. Справедливость требуетъ сказать, что въ Вѣнѣ дѣйствительно, въ про-

[1]) Депеша графа Штакельберга отъ 16-го ноября 1866 г. (Annuaire diplomatique de l'Empire de Russie 1868, p. 233.

долженіе всего перваго періода нынѣшнихъ замѣшательствъ на Балканскомъ полуостровѣ, знали цѣну этой дружбѣ и этому союзу съ Россіею и поддерживали ихъ вопреки всѣмъ пропскамъ, направленнымъ къ тому, чтобы ихъ нарушить.

Когда вышеупомянутое сообщеніе русскаго правительства было истолковано, вмѣстѣ съ другими обстоятельствами, въ смыслѣ возникшаго разногласія между Россіею и Австро-Венгріею, въ «Wiener Zeitung» появилось 10-го ноября 1875 г. сообщеніе, подтверждающее существованіе полнаго единодушія между тремя императорскими правительствами. Россія же, съ своей стороны, признала необходимымъ новымъ правительственнымъ заявленіемъ отъ 5-го ноября положить конецъ всѣмъ толкамъ о томъ, что будто бы союзъ между тремя сѣверными имперіями разстроился и пересталъ существовать.

Изъ этихъ правительственныхъ заявленій уже можно заключить объ отношеніяхъ, существовавшихъ въ началѣ герцеговинскаго возстанія между Россіею и Австро-Венгріею. Какія же задачи себѣ поставила австрійская политика можно видѣть наглядным образомъ изъ пресловутой ноты графа Андраши отъ 30-го декабря 1875 года, къ разсмотрѣнію которой мы обратимся впослѣдствіи. Здѣсь же неизлишне будетъ замѣтить, что, во-первыхъ, этотъ любопытный актъ представляется, во всякомъ случаѣ, результатомъ предварительнаго соглашенія между тремя сѣверными имперіями и, во-вторыхъ, цѣль политики Австро-Венгріи выражена въ немъ слѣдующими словами: «порядокъ вещей, дѣлающій невозможнымъ существованіе рядомъ населеній, воевавшихъ между собою съ такимъ ожесточеніемъ, не можетъ утвердиться иначе какъ подъ условіемъ полнѣйшаго уравненія христіан-

ской религіи, предъ закономъ и на дѣлѣ, съ исламомъ».

Эта же цѣль не могла быть достигнута иначе какъ при полномъ освобожденіи христіанъ отъ турецкаго ига, потому что до тѣхъ поръ, пока у турокъ еще оставалась хотя одна пушка, они никогда добровольно не согласились бы на равенство свое съ христіанами. На этомъ основаніи можно думать, что въ концѣ 1875 года цѣль австро-венгерской политики состояла въ окончательномъ лишеніи турокъ власти надъ христіанами. Само собою разумѣется, что подобной цѣли Россія могла только сочувствовать и пока она оставалась руководящею нитью австро-венгерской политики, союзъ и дружба между Россіею и Австро-Венгріею существовали на дѣлѣ и не были только дипломатическими фразами.

Наибольшее вліяніе на возникновеніе послѣдней войны имѣла, безъ сомнѣнія, Англія. Вотъ почему необходимо вполнѣ уяснить, какія собственно цѣли поставило себѣ англійское правительство во время всѣхъ дипломатическихъ переговоровъ.

Всякій знающій исторію европейской культуры и цивилизаціи не можетъ не признать за англійскимъ народомъ великихъ и неотъемлемыхъ заслугъ. Государственные порядки Англіи служили недостигаемыми образцами для континентальныхъ народовъ; изученіе общественнаго и государственнаго устройства Англіи было школою для континентальныхъ мыслителей и государственныхъ дѣятелей, дѣйствительно познававшихъ свое призваніе. Идея свободы и безусловное уваженіе къ чужимъ правамъ лежатъ въ основаніи всего государственнаго строя этого народа. Этого мало: англійскіе писатели и политическіе дѣятели, не обинуясь, объявляютъ, что Англія всегда и повсюду стояла за эту свободу, всегда и повсюду объ-

являла войну произволу, всегда и повсюду была представительницею высшей цивилизаціи и культуры.

Такую благородную роль приписывалъ Англіи даже членъ министерства лорда Биконсфильда. Въ маѣ 1878 года Гаторнъ Гарди произнесъ въ Брадфортѣ рѣчь, въ которой онъ въ слѣдующихъ замѣчательныхъ словахъ опредѣляетъ цивилизующее вліяніе «великой» Англіи. «Англія», съ паѳосомъ восклицаетъ одна изъ опоръ биконсфильдской политики, «насаждаетъ сѣмена культуры во всемъ мірѣ, цивилизуетъ весь міръ, разноситъ по всему свѣту свою религію и свои законы, показывая себя повсюду тѣмъ, чѣмъ она есть у себя дома—защитницею свободы и справедливости! Англія не можетъ равнодушно смотрѣть на то, чтобы другіе народы подвергались какимъ нибудь несправедливостямъ».

Какіе великодушные принципы! Какая увлекательная рѣчь! Но если эти слова въ устахъ англійскаго министра не были ораторскимъ маневромъ, имѣвшимъ цѣлью ввести въ заблужденіе благодушныхъ слушателей, то едва ли когда либо Англія могла лучше доказать на дѣлѣ свою любовь къ свободѣ и справедливости, какъ не во время переговоровъ о судьбѣ возставшихъ противъ турецкаго деспотизма христіанъ. Нѣтъ ни одного международнаго вопроса, который до такой степени служитъ выраженіемъ непримиримой борьбы между добромъ и зломъ, свободою и рабствомъ, правомъ и произволомъ, варварствомъ и цивилизаціею—какъ Восточный вопросъ. Въ этомъ вопросѣ можно сдѣлать выборъ только между турками и христіанами, между турецкимъ деспотизмомъ и правомъ христіанъ на свою жизнь, между любовью къ башибузукамъ и сочувствіемъ къ несчастнымъ райямъ. Слѣдовательно, Англія, которой Гаторнъ Гарди и другіе англичане приписываютъ такія благородныя

стремленія, никакъ не могла ни сочувствовать туркамъ, ни поддерживать турецкій деспотизмъ, ни оправдывать злодѣйствъ башибузуковъ, ни восторгаться великими подвигами черкесовъ.

Лучшія преданія англійскаго народа, его честь и нравственное достоинство не могли допустить и мысли о томъ, чтобы англійская цивилизація когда либо могла служить опорою азіатскаго невѣжества, что судьба Англіи будетъ неразрывно связана съ судьбою Оттоманской имперіи, что англійскія деньги и силы израсходуются на поддержаніе въ Европѣ царства невѣжества, произвола и преступленій. Такого позора не могъ желать Англіи даже самый злѣйшій ея врагъ, и какъ грустно должно быть такое направленіе современной англійской политики для тѣхъ, кто, подобно намъ, привыкъ относиться съ неподдѣльнымъ уваженіемъ къ англійскому народу и къ его историческому прошлому!

Впрочемъ, въ самой Англіи лучшіе ея умы совершенно иначе понимаютъ ея роль въ восточномъ вопросѣ, роль, которая ей подобаетъ по ея культурному развитію и на основаніи прошлаго. Такіе замѣчательные государственные дѣятели, какъ оба Питты, Фоксъ, Боркъ, лордъ Голландъ, Макинтошъ, Каннингъ, Пиль, Абардинъ, Гладстонъ, лордъ Россель, Лоу и Джонъ Брайтъ, также признаютъ за Англіею великую цивилизующую миссію, и полагаютъ, что она должна получить примѣненіе прежде всего въ отношеніи турокъ.

Съ неменьшимъ краснорѣчіемъ, чѣмъ Гладстонъ въ настоящее время, возставалъ Боркъ, еще въ концѣ прошлаго столѣтія, противъ всякаго оскорбительнаго для англійскаго народа союза съ угнетателями христіанской райи. «Все святое, все нравственное и гуманное требуетъ отвращенія ко всему, что можетъ

содѣйствовать распространенію этой варварской и разрушительной (wasteful) Оттоманской имперіи. Всякую христіанскую державу необходимо предпочесть этимъ все разрушающимъ варварамъ (туркамъ).... Никогда я прежде не слыхалъ, что Оттоманская имперія когда либо разсматривалась какъ членъ политической системы Европы»[1]).

Но нашему времени выпала счастливая доля видѣть Турцію полноправнымъ членомъ семьи европейскихъ цивилизованныхъ народовъ и любоваться неразрывною дружбою правительства «перваго защитника христіанской религіи» съ тѣми же самыми турками, которыхъ Боркъ имѣлъ неосторожность обозвать дикими варварами. Ни религія, ни нравственность, ни цивилизація нисколько не препятствовали тому, чтобы въ концѣ XIX столѣтія неразлучные друзья, Англія и Турція, подавъ другъ другу руки, умиленно созерцаютъ поля Болгаріи, Босніи и Герцеговины, усѣянныя костями убитыхъ и замученныхъ христіанъ. Но, если вѣрить Гаторну Гарди, Англія всетаки повсюду защитница интересовъ цивилизаціи, правды и справедливости! Не такъ понимали великіе государственные люди Англіи конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія историческую роль Англіи!

Однако, можетъ быть современная Турція не та уже что была въ концѣ прошлаго вѣка? Можетъ быть турки, въ продолженіе нынѣшняго столѣтія, постоянно развивались, образовывались и шли впередъ на пути цивилизаціи и культуры? Можетъ быть, при такихъ условіяхъ за Турціею необходимо признать право на жизнь и даже на почетное мѣсто въ средѣ

[1]) Срав. *Malcolm Mac Col.* Three jears of the Eastern Question, p. 32 etc.

цивилизованныхъ народовъ? Въ такомъ случаѣ, само собою разумѣется, должны также пасть всѣ обвиненія, возводимыя противъ турокъ въ насиліяхъ надъ христіанскими ихъ подданными.

На этотъ вопросъ мы позволимъ себѣ отвѣчать словами современнаго, весьма извѣстнаго, англійскаго политика, котораго никакъ нельзя обвинить въ туркофобствѣ. «Я полагаю», сказалъ онъ, «вопросъ о паденіи Турецкой имперіи только вопросъ времени и, по всей вѣроятности, не очень далекаго времени. Турки окончили свою роль въ исторіи; для нихъ было свое время и прошло. *Я не могу объяснить себѣ иначе, какъ только вліяніемъ старыхъ дипломатическихъ преданій, рѣшимость прежнихъ государственныхъ людей стоять за турецкое господство, будь оно справедливо или несправедливо.* Мнѣ кажется, что мы дѣлаемъ самимъ себѣ враговъ изъ племенъ, которыя весьма скоро должны сдѣлаться господствующими въ восточной Европѣ; мнѣ кажется, что мы препятствуемъ развитію такихъ странъ, процвѣтаніе которыхъ для насъ—великихъ всемірныхъ торговцевъ—было бы весьма выгодно, и мнѣ кажется, что мы такъ поступаемъ вопреки всѣмъ земнымъ благамъ, какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ»[1]).

Читатель согласится, что въ этой рѣчи каждое слово—золото. Нельзя съ большею ясностью ума и логики доказать преступность политики, поставившей себѣ цѣлью поддерживать во что бы то ни стало иго турокъ надъ христіанами; нельзя съ большею силою доказывать всю безразсудность той политики, которой придерживались лордъ Дерби и Дизраэли по отношенію къ герцеговинскому возстанію; нельзя

---

[1]) *Malcolm Mac Col.* Three years, p. 3 .

съ большею безпощадностью осуждать всю восточную политику современнаго англійскаго правительства.

Честь такого свѣтлаго пониманія дѣйствительныхъ интересовъ Англіи и слава такого справедливаго осужденія политики лорда Дерби за 1875 по 1877 годъ принадлежитъ—самому же лорду Дерби! Вышеприведенныя слова произнесены были имъ въ 1864 году, въ Кингсъ Линнѣ. Но вся дѣятельность лорда Дерби, во время послѣднихъ лѣтъ, была именно направлена къ тѣмъ же самымъ незаконнымъ цѣлямъ и отличалась тою же близорукостью, которую въ 1864 году ставилъ въ упрекъ другимъ англійскимъ политикамъ.

Совершенно немыслимо, чтобъ лордъ Дерби въ 1875 году больше вѣрилъ въ жизненную способность Турціи, чѣмъ четырнадцать лѣтъ тому назадъ, въ продолженіе которыхъ турецкое правительство, на глазахъ всей Европы, все болѣе и болѣе приближалось къ краю пропасти.

Чѣмъ же объяснить, что тотъ же самый лордъ Дерби, въ 1864 году, энергически протестовавшій противъ содѣйствія туркамъ въ угнетеніи племенъ, которымъ принадлежитъ будущность, въ новѣйшее время могъ такъ систематически поддерживать принципъ неограниченнаго господства турокъ и вѣру въ возможность неприкосновенности Оттоманской Имперіи? Какимъ образомъ тотъ самый лордъ Дерби, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ признавалъ *только* за христіанскимъ населеніемъ Турціи право на жизнь и на будущность, находилъ возможнымъ два года тому назадъ оправдывать всѣ злодѣйства башибузуковъ и брать подъ свою защиту «несчастныхъ» черкесовъ?

Нѣкоторые англійскіе публицисты объясняютъ такое поведеніе лорда Дерби крайнею нетвердостью характера и шаткостью его убѣжденій. Другіе ищутъ

объясненія этого явленія въ превосходствѣ не столько ума, сколько характера лорда Биконсфильда, принадлежащаго къ племени, которое, по словамъ Тацита, отличается тѣмъ, что члены его «въ отношеніи другъ друга обнаруживаютъ непреклонную вѣрность и никогда неизсѣкающее милосердіе, въ отношеніи же всего остальнаго свѣта непреодолимую ненависть».

Наконецъ, огромное большинство публицистовъ согласно въ томъ, что всѣ преграды, воздвигнутыя англійскою политикою для умиротворенія турецкихъ областей безъ войны, имѣютъ своимъ источникомъ безпредѣльное недовѣріе и «непреодолимую ненависть» къ Россіи.

Легко можетъ быть, что каждая изъ этихъ трехъ причинъ дѣйствительно повліяла на ходъ дипломатическихъ переговоровъ. Не споримъ, что если онѣ дѣйствительно имѣли приписываемое имъ вліяніе, то весьма понятно, почему лордъ Дерби все дальше и дальше шелъ по пути тѣхъ самыхъ отжившихъ дипломатическихъ традицій, которыя онъ такъ краснорѣчиво осуждалъ въ 1864 году. Только одного мы не понимаемъ: откуда могло взяться такое безпредѣльное недовѣріе Англіи къ видамъ русской политики? Какъ себѣ объяснить то чувство «непреодолимой ненависти» къ Россіи, которое приписывается «геніальному» руководителю англійской политики? Россія протянула свою дружескую руку всѣмъ державамъ, въ томъ числѣ и Англіи, приглашая ихъ соединиться съ нею на защиту угнетенныхъ и преслѣдуемыхъ. Русская политика предоставляла починъ каждому европейскому правительству въ изысканіи средствъ для скорѣйшаго умиротворенія возставшихъ турецкихъ областей. Гдѣ же тутъ основаніе для не-

довѣрія? Гдѣ причина этой непонятной непреодолимой ненависти?

Но, можетъ быть, это недовѣріе англійской политики основывается на томъ убѣжденіи, что эта варварская Россія только и думаетъ о новыхъ захватахъ и завоеваніяхъ? Можетъ быть, благородныя чувства англійскаго народа глубоко были возмущены мыслію, что русское правительство только потому такъ горячо заступилось за христіанскихъ райевъ, что надѣялось присоединить ихъ къ себѣ и на мѣсто турецкой власти поставить свой собственный «азіатскій и варварскій порядокъ»? Вотъ почему чувство справедливости и уваженіе къ правамъ чужихъ народовъ заставили Англію выступить защитницею турецкаго правительства. Вотъ почему Англія, въ продолженіе всего послѣдняго кризиса, все-таки является представительницею интересовъ цивилизаціи: она спасла весь юго-востокъ Европы отъ русскаго завоеванія!

Вотъ истинное объясненіе англійской политики!

Хотѣлось бы вѣрить въ *такое* объясненіе политики Англіи въ Восточномъ вопросѣ, да только тому мѣшаютъ факты, доказывающіе совершенно противное. Кромѣ того, даже сами англичане совершенно другаго мнѣнія насчетъ дѣйствительныхъ тенденцій англійской національной политики.

Насколько современная Англія дѣйствительно уважаетъ права другихъ народовъ, видно изъ того, что правительство лорда Биконсфильда не задумалось весною 1877 г., во время глубочайшаго мира и безъ всякаго законнаго основанія, присоединить къ англійскимъ владѣніямъ Трансваальскую республику въ Южной Африкѣ [1]). Если, по мнѣнію голландскихъ юристовъ, такой «разбойничій поступокъ» англійска-

[1]) Срав. «The Annexation of the Transvaal». London 1878.

го правительства нарушаетъ всѣ принципы международнаго права и насмѣхается надъ чувствомъ правды и справедливости, то другаго мнѣнія, разумѣется, самъ лордъ Биконсфильдъ. Если Англія воздвигала всевозможныя преграды дѣлу брюссельской конференціи, то она, разумѣется, только руководилась чувствомъ состраданія къ несчастнымъ жертвамъ войны и только желала, посредствомъ узаконенія неограниченнаго произвола и оправданія всѣхъ насилій, ограничить бѣдствія войны и спасти жизнь невинныхъ и безоружныхъ ея жертвамъ. Если, стало быть, Англія и въ Восточномъ вопросѣ открыто брала сторону башибузуковъ и турокъ, то только изъ желанія защищать несчастныхъ христіанъ отъ Россіи!

Но справедливы ли, въ устахъ англичанина, эти обвиненія противъ Россіи? Въ правѣ ли Англія выставлять себя защитницею интересовъ всей Европы противъ Россіи, какъ державы наиболѣе завоевательной?

Членъ англійскаго парламента, лучше насъ знающій свою родину и ея прошлое, отвѣчаетъ за насъ на поставленные вопросы.

«Утверждаютъ», говорилъ 9-го февраля 1878 года въ Палатѣ Общинъ членъ ея Ричардъ, «что Россія держава тщеславная и наступательная, которую слѣдуетъ унизить. *Но подобное обвиненіе въ устахъ Англіи производитъ на меня впечатлѣніе такое, какое произвелъ бы протестъ дьявола (devil) противъ порочности человѣческаго рода.* Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ни одного государства, которое было бы заражено большимъ честолюбіемъ, чѣмъ Англія, которое больше бы отнимало земель у слабыхъ, больше бы порабощало иностранныхъ народовъ и больше бы уничтожало національностей».

Таковъ приговоръ члена англійскаго парламента

не только надъ современною политикою своего правительства, но и надъ всѣмъ традиціоннымъ ея направленіемъ. Замѣчательно, до какой степени съ этимъ взглядомъ англичанина сходится мнѣніе извѣстнаго германскаго историка фонъ Трейтчке .«Пусть», говоритъ онъ, «какъ угодно высоко думаютъ объ англійской свободѣ,—въ международномъ общеніи современная Англія, безъ сомнѣнія, держава застоя. Ея международное положеніе—очевидный анахронизмъ. Оно обязано своимъ происхожденіемъ тѣмъ старымъ благодатнымъ временамъ, когда международныя войны разрѣшались еще морскими битвами и полчищами наемныхъ войскъ, когда верхомъ государственной мудрости считалось, нахрапомъ устраивать себѣ во всѣхъ частяхъ свѣта, не обращая вниманія на естественныя и историческія условія, удобныя морскія крѣпости и морскія стоянки. Въ вѣкъ національныхъ государствъ и великихъ народныхъ армій подобная космополитическая коммерческая держава не можетъ долго существовать; неминуемо наступитъ время, когда Гибралтаръ будетъ принадлежать испанцамъ, Мальта—итальянцамъ, Гелголандъ—нѣмцамъ и Средиземное море — народамъ прибрежнымъ» [1]).

Скоро ли наступитъ то время, о которомъ мечтаетъ нѣмецкій публицистъ, мы не знаемъ. Желательно ли чтобы меньше и хуже думали объ англійской свободѣ — это вопросъ спорный, но отъ души желаемъ, чтобы скорѣе наступило то время, когда англійскій народъ не станетъ покровительствовать головорѣзамъ и злодѣямъ, въ родѣ турецкихъ башибузуковъ и курдовъ, и когда Англія не станетъ отказывать другимъ

---

[1]) *Treitschke.* Die Türkei und die Grossmächte 1876, S. 674 (изъ «Preussische Jahrbücher», Bd. XXXVII).

народамъ въ правѣ на неприкосновенность своей жизни и чести. Мы знаемъ и вполнѣ увѣрены, что когда Англія сдѣлается *дѣйствительною* защитницею свободы и врагомъ всякаго произвола въ области международныхъ отношеній, она отречется отъ мысли, освобожденныхъ изъ-подъ ига рабства, вновь возвращать подъ ножъ дикихъ изверговъ. Мы знаемъ и увѣрены, что каждый признаетъ тогда за англійскимъ народомъ почетное мѣсто въ средѣ европейскихъ народовъ, и искренно будетъ радоваться наступленію такого поворота въ англійской политикѣ.

III.

На основаніи всего сказаннаго о политикѣ Англіи, намъ кажется, что не можетъ быть сомнѣнія въ направленіи, избранномъ англійскимъ министерствомъ по отношенію къ герцеговинскому возстанію. Впрочемъ самъ лордъ Дерби счелъ полезнымъ совершенно откровенно выразиться насчетъ дѣйствительной цѣли англійской политики.

«Я долженъ объявить вашему превосходительству», писалъ лордъ Дерби въ Константинополь сэру Генри Эллиоту 19-го мая 1876 года, «что правительство ея величества, со времени возстанія въ Босніи и Герцеговинѣ, *парализовало* (*deprecated*) *дипломатическое вліяніе другихъ державъ на дѣла Оттоманской имперіи*» [1]).

Въ виду такой благородной цѣли англійской поли-

---

[1]) Parlamentary papers № 3, p. 191. (Срав. *Malcolm Mac Col*, Three years, p. 70).

Вотъ въ подлинникѣ это классическое признаніе: «I have to point out to your Excellency, that Her Majesty's Government have, since the outbreak of the insurrection in Bosnia and the Herzegovina, deprecated the diplomatic action of the other Powers in the affairs of the Ottoman Empire».

тики совершенно понятно почему всѣ дипломатическіе переговоры европейскихъ державъ съ Портою должны были только поднять спесь оттомановъ и окончиться полною неудачею. Можно жалѣть только о томъ, что цѣль англійской политики не была понята раньше надлежащимъ образомъ, тогда, можетъ быть, не было бы истрачено столько чернила, меньше было бы пролито крови и меньше потеряно времени.

Бросимъ взглядъ на общій ходъ дипломатическихъ попытокъ умиротворить возставшія турецкія провинціи, посредствомъ давленія на Порту.

Первою попыткою является учрежденіе въ августѣ 1875 г. международной консульской коммиссіи съ назначеніемъ вступить въ непосредственные переговоры съ инсургентами и разспросить ихъ объ условіяхъ примиренія съ турецкимъ правительствомъ.

Эта консульская коммиссія только вновь подтвердила, что безчинства и беззаконія турецкихъ властей вызвали возстаніе христіанскаго населенія, которое, однако, въ это время нисколько не мечтало о полномъ освобожденіи изъ-подъ турецкаго деспотизма. Инсургенты, при произнесеніи имени султана, снимали свои шапки и приписывали всѣ свои бѣдствія турецкимъ чиновникамъ и алчнымъ откупщикамъ съ ихъ заптіями, отъ которыхъ они желали быть освобождены на будущее время[1]).

Всѣ консулы были согласны предложить турецкому коммиссару планъ реформъ, который долженъ былъ обсуждаться въ Рагузѣ, при участіи предводителей инсургентовъ съ коммиссаромъ и при посредничествѣ консуловъ. Но англійскій членъ коммиссіи, консулъ Гольмсъ, не приступилъ къ этому рѣшенію, потому что въ данныхъ ему инструкціяхъ отъ 24-го

[1]) Срав. *Staatsarchiv*, №№ 5565 и 5566.

августа было сказано, между прочимъ, чтобы онъ избѣгалъ всѣми средствами сдѣлать какой-нибудь шагъ, который въ глазахъ турецкихъ властей или инсургентовъ, могъ бы имѣть «видъ общаго дѣйствія» (united action). Лордъ Дерби же, съ своей стороны, объявляетъ сэру Элліоту, что англійское правительство съ неохотою (with reluctance) приступило къ учрежденію консульской коммиссіи, идея которой принадлежитъ тремъ сѣвернымъ державамъ. Только по просьбѣ самого турецкаго правительства консулу Гольмсу было поручено принять участіе въ коммиссіи, которая не привела ни къ какому положительному результату[1]).

Между тѣмъ возстаніе принимало все большіе размѣры и становилось все болѣе опаснымъ для европейскаго мира. Безсиліе турецкаго правительства усмирить возмутившіяся провинціи силою оружія становилось съ каждымъ днемъ все болѣе очевиднымъ. Законодательныя и административныя мѣры принятыя Портою, были встрѣчены съ недовѣріемъ со стороны инсургентовъ. Ни фирманъ 1-го сентября, устанавляющій на бумагѣ лучшій порядокъ судопроизводства, ни ираде отъ 2-го октября, уменьшающій количество налоговъ и податей въ пользу мирнаго населенія, ни, наконецъ, ираде отъ 12-го декабря, провозглашающій самые либеральные принципы и вводящій весьма обширныя реформы,—всѣ эти акты нисколько не остановили ходъ военныхъ дѣйствій въ Босніи и Герцеговинѣ[2]).

Тогда Россія, Австро-Венгрія и Германія рѣшились

---

[1]) См. депешу лорда Дерби къ сэру Элліоту отъ 24-го августа 1875 г. (*Staatsarchiv*, № 5558). Также: *Documenti diplomatici* 1876, p. 36.

[2]) Срав. *Staatsarchiv*, №№ 5567, 5575, 5576 — 5579.

на болѣе серьезный шагъ, съ цѣлью положить вовремя конецъ развивающемуся въ турецкихъ областяхъ движенію. Графу Андраши было поручено составлять планъ такихъ реформъ, которыя непремѣнно должны быть введены турецкимъ правительствомъ на пользу христіанскихъ подданныхъ.

Этотъ планъ реформъ былъ изложенъ въ извѣстной нотѣ графа Андраши отъ 30-го декабря 1875 г., сообщенной, прежде всего, правительствамъ Англіи, Франціи и Италіи съ приглашеніемъ настоять въ Константинополѣ на принятіи этихъ реформъ для Босніи и Герцеговины. Этотъ замѣчательный дипломатическій актъ[1]), послужившій въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ матеріаломъ для всевозможныхъ соображеній и выводовъ со стороны періодической печати Европы, во всякомъ случаѣ, самымъ положительнымъ образомъ, признаетъ за Европою *право* вмѣшиваться во внутреннія дѣла Турціи. Цѣль этого акта, достигнуть того, чтобы «Порта *обязалась* въ отношеніи Европы привести въ исполненіе» предложенныя ей великими европейскими державами преобразованія.

Содержаніе ноты заключается въ слѣдующихъ пяти пунктахъ, предложенныхъ къ исполненію Портѣ:

1) полная свобода вѣроисповѣданій;

2) отмѣна откупа податей;

3) улучшеніе состоянія земледѣльцевъ;

4) учрежденіе мѣстной коммиссіи, составленной на половину изъ мусульманъ и христіанъ, для наблюденія за исполненіемъ вводимыхъ реформъ и, наконецъ,

5) употребленіе взимаемыхъ налоговъ на пользу самихъ областей.

---

[1]) *Staatsarchiv*, 1876, Bd. XXX, S. 22 u. flg.

Извѣстно, что Франція и Италія, безъ особенныхъ затрудненій, согласились поддержать ноту графа Андраши. Англія также присоединилась къ ней, но только весьма неохотно и съ явнымъ намѣреніемъ парализовать ея дѣйствіе. Англійское правительство, прежде всего, не видѣло надобности въ этой нотѣ, полагая, что турецкій ираде отъ 12-го декабря есть «le couronnement de l'édifice» всѣхъ желательныхъ для Турціи преобразованій[1]). Оно ничего не видѣло новаго въ этомъ планѣ, составленномъ по предварительному соглашенію между тремя императорскими дворами. Оно было убѣждено, что въ Турціи дѣйствительно существуетъ полная свобода религіи. Наконецъ, исходя изъ того положенія, что «интересы Англіи и Австро-Венгріи въ Восточномъ вопросѣ всегда были одинаковы», и что сама Порта проситъ о присоединеніи Англіи, лордъ Дерби, нотою отъ 25-го января 1876 г. къ графу Бейсту, сообщилъ о рѣшеніи англійскаго правительства оказать «общую поддержку» (general support) предъ турецкимъ правительствомъ[2]).

Турецкое правительство, нотою отъ 13-го февраля, согласилось исполнить всѣ предложенныя преобразованія, за исключеніемъ только пятаго пункта.

Однако, понятно, что инсургенты не могли согласиться положить оружіе въ виду однихъ лишь обѣщаній. Горькій опытъ научилъ ихъ, что правительство султана все обѣщаетъ, но ничего не исполняетъ. Поэтому, возставшіе христіане не могли принять ноты графа Андраши, противъ содержанія которой они также выставили весьма вѣскія возраженія. Мы же-

---

[1]) *Staatsarchiv*, 1876, № 5579.

[2]) *Ibid.*, № 5584. Срав. рѣчь Дизраэли въ палатѣ общинъ въ засѣданіи 31-го іюля 1876 г.—*Catacazy*. Politique anglaise, p. 49.

лаемъ свободы, сказали они, которая была бы гарантирована всѣми европейскими державами[1]).

Тогда, въ апрѣлѣ 1876 года, на барона Родича было возложено порученіе устроить свиданіе съ предводителями инсургентовъ и уговорить ихъ принять предложенныя реформы. Свиданіе дѣйствительно имѣло мѣсто въ Суторинѣ, но не привело ни къ чему, потому что инсургенты не считали возможнымъ, послѣ потоковъ пролитой крови, опять добровольно предаться въ руки своихъ старыхъ угнетателей. Они выставили свои собственныя условія[2]), которыя, однако, не были приняты въ соображеніе австро-венгерскимъ правительствомъ, между тѣмъ, какъ князь Горчаковъ полагалъ, что напрасно не подвергли ихъ внимательному обсужденію на совѣтѣ великихъ европейскихъ державъ[3]).

Въ такомъ положеніи находились восточныя дѣла въ началѣ апрѣля мѣсяца. Между тѣмъ, военныя дѣйствія возобновились въ Босніи и Герцеговинѣ; турецкое правительство и сэръ Эллiотъ открыто обвиняли Черногорію въ поддержкѣ возстанія; англійскій посолъ въ Константинополѣ не призадумался даже объявить, что центромъ возстанія представляется русское генеральное консульство въ Рагузѣ[4]). Тогда Порта рѣшилась совершить нападеніе на Черногорію. Узнавъ изъ телеграммы генералъ-адъютанта Игнатьева объ этомъ намѣреніи, государственный канцлеръ, утромъ 10 (22) апрѣля, пригласилъ къ себѣ представителей пяти великихъ державъ въ Петербургѣ и сообщилъ имъ о рѣшеніи Государя Императо-

[1]) *Staatsarchiv*, 1876, № 5588—5590.

[2]) *Ibid.*, № 5591 и 5592.

[3]) Депеша лорда Лофтуса къ лорду Дерби отъ 14-го апрѣля 1876 г.

[4]) *Staatsarchiv*, 1876, №№ 5633, 5637 и 5628.

ра ни въ какомъ случаѣ не допускать нападенія на мирную Черногорію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ предложилъ посламъ передать своимъ правительствамъ желаніе Россіи, чтобы они также протестовали въ Константинополѣ противъ исполненія задуманнаго Портою плана[1]).

Франція, Германія, Австро-Венгрія и Италія исполнили это желаніе. Только Англія не находила возможнымъ сдѣлать это, въ виду торжественнаго увѣренія турецкаго правительства, что у него никогда даже и мысли не было совершить нападеніе на Черногорское княжество[2]).

Этотъ фактъ послужилъ, нѣкоторымъ образомъ, прелюдіею къ исторіи берлинскаго меморандума. Здѣсь впервые выступаетъ тактика англійскаго правительства, состоящая въ томъ, чтобы отклонить отъ себя всякое участіе въ какой бы ни было мѣрѣ, предложенной Россіею. Пока инціатива въ попыткахъ къ умиротворенію Южной Европы была въ рукахъ Австро-Венгріи, сентъ-джемскій кабинетъ находилъ возможнымъ поддерживать ихъ, потому что, какъ говоритъ лордъ Дерби, интересы Англіи и Австріи всегда были «однородны» (identical) въ Восточномъ вопросѣ. Когда выступила на первый планъ Россія, Англія не сочла нужнымъ церемониться: она совершенно открыто отказала въ какой бы то ни было поддержкѣ съ своей стороны. Но, справедливость требуетъ сказать, что какъ во время предводительства Австро-Венгріи, такъ и съ момента выступленія на первый планъ Россіи, англійское правительство оставалось вѣрно своей цѣли: парализовать всѣ попытки умиро-

---

[1]) Депеша лорда Лофтуса къ лорду Дерби отъ 22-го апрѣля 1876 г. (*Staatsarchiv*, № 5662).

[2]) *Staatsarchiv*, 1876, №№ 5663 и 5664.

творенія со стороны континентальныхъ державъ и только, смотря по обстоятельствамъ, оно измѣняло свои стратегическіе маневры и тактическія движенія.

IV.

Въ началѣ мая 1876 г., по случаю проѣзда черезъ Берлинъ Государя Императора, туда пріѣхалъ и графъ Андраши. Послѣ совѣщанія между канцлерами трехъ сѣверныхъ союзныхъ имперій былъ составленъ актъ извѣстный подъ названіемъ «*берлинскаго меморандума*», составленіе котораго въ принципѣ было уже рѣшено еще до того времени, когда было получено въ Берлинѣ извѣстіе объ убійствѣ консуловъ въ Салоникахъ и о готовящейся революціи въ самомъ Константинополѣ.

Содержаніе этого историческаго акта заключалось въ слѣдующемъ.

Для охраненія жизни подданныхъ европейскихъ державъ и христіанскаго населенія въ Турціи необходимо, чтобы великія державы, по общему соглашенію, отправили эскадры военныхъ судовъ къ турецкимъ берегамъ. И такъ какъ убійство иностранныхъ консуловъ, на глазахъ турецкихъ властей, является новымъ доказательствомъ полнѣйшаго безсилія турецкаго правительства, то державы-посредницы обязаны немедленно принять энергическія мѣры для усмиренія боснійско-герцеговинскаго возстанія. Въ противномъ случаѣ всякое посредничество окажется совершенно излишнимъ и неспособнымъ предупредить общій пожаръ на Балканскомъ полуостровѣ. Вотъ почему необходимо установить извѣстныя гарантіи для дѣйствительнаго осуществленія задуманныхъ для блага христіанской райи реформъ. Необходимо, чтобы Оттоманская имперія была *принуждена* исполнить свои обязательства по отношенію къ Европѣ.

Положительныя же мѣры, предложенныя меморандумомъ заключались: 1) въ заключеніи перемирія между инсургентами и турецкими войсками; 2) въ необходимости снабдить возвращающихся на родину христіанъ матеріаломъ для возстановленія жилищъ и церквей; 3) въ обязанности турецкаго коммиссара дѣйствовать въ согласіи съ коммиссіею, подлежащею учрежденію на основаніи ноты графа Андраши; 4) въ сосредоточеніи турецкихъ войскъ въ нѣсколькихъ опредѣленныхъ пунктахъ; 5) въ правѣ мусульманъ и христіанъ сохранять свое оружіе и 6) въ признаніи за консулами права наблюденія за исполненіемъ этихъ преобразованій и за водвореніемъ выселенцевъ. Изъ этихъ шести мѣръ, первая представляется только предварительнымъ и неотложнымъ условіемъ для принятія какихъ бы то ни было мѣръ, между тѣмъ какъ въ пяти остальныхъ пунктахъ собственно заключается все содержаніе меморандума.

Но огромное значеніе этого акта содержится собственно въ послѣднихъ заключительныхъ его словахъ, въ которыхъ выражена мысль, что, въ случаѣ неудачи этой попытки водворить миръ, три императорскія правительства рѣшились «присовокупить къ ихъ дипломатическимъ усиліямъ санкцію соглашенія насчетъ мѣръ, которыя окажутся необходимыми, въ интересахъ общаго мира, для удержанія зла и предупрежденія его развитія»[1]).

Этотъ меморандумъ былъ сообщенъ 13-го мая посламъ Англіи, Франціи и Италіи въ Берлинѣ съ приглашеніемъ препроводить его на заключеніе ихъ правительствъ. Правительства французское и итальянское приняли это предложеніе. Англія рѣшительно отказалась.

---

[1]) *Staatsarchiv*, Bd. XXX, S. 270.

Здѣсь не мѣсто обсуждать достоинства и недостатки берлинскаго меморандума. Если одинъ современный англійскій публицистъ сознается, что онъ не знаетъ акта «болѣе справедливаго по своему характеру, болѣе торжественнаго по своему тону, болѣе честнаго по своей цѣли и болѣе свободнаго отъ малѣйшей задней мысли»[1]), то, напротивъ, англійское правительство находило въ меморандумѣ только ошибки, недостатки и несообразности. Послѣ того какъ французское и австро-венгерское правительства убѣдительнѣйшими доводами доказали англійскому всю несостоятельность его возраженій[2]), здѣсь было бы безполезно заняться ихъ опроверженіемъ. Въ видѣ образчиковъ силы аргументаціи лорда Дерби можно указать на слѣдующія критическія замѣчанія[3]).

Лордъ Дерби не находитъ возможнымъ заставить турецкаго коммиссара совѣтоваться съ проектированною коммиссіею на томъ основаніи, что чрезъ это пострадалъ бы авторитетъ султана.

Перемиріе, по словамъ благороднаго лорда, было невозможно, потому что имъ нарушались бы планы военныхъ операцій турецкихъ войскъ.

Нельзя было признать за христіанами право носить оружіе, потому что они навѣрно напали бы на мусульманъ и «столкновеніе» между ними было бы неизбѣжно. Благородный лордъ предупреждаетъ возможность коллизіи очень простымъ способомъ: онъ разрѣшаетъ вооруженнымъ мусульманамъ наброситься на безоружныхъ и беззащитныхъ христіанъ! Вѣдь берлинскій меморандумъ, признавая за христіанами и мусульманами право носить оружіе, имѣлъ цѣлью

---

[1]) *Malcolm Mac Col*, Three years, p. 61.

[2]) *Staatsarchiv*, Bd. XXXII, S. 54.

[3]) *Staatsarchiv*, № 5688.

предоставить первымъ право, которымъ они никогда не пользовались подъ турецкимъ владычествомъ и, такимъ образомъ, дать христіанамъ возможность по крайней мѣрѣ обороняться. Лордъ Дерби же гораздо проще разрѣшаетъ вопросъ: онъ признаетъ за мусульманами *исключительное* право убивать и увѣчить христіанъ.

Изъ этихъ примѣровъ видно насколько совершенно безполезнымъ трудомъ было бы опровергать странныя возраженія лорда Дерби противъ берлинскаго меморандума.

Но здѣсь представляется другой вопросъ, который до сихъ поръ еще не былъ, насколько намъ извѣстно, разъясненъ надлежащимъ образомъ. Весьма многіе объясняютъ отказъ Англіи приступить къ берлинскому меморандуму тѣмъ обстоятельствомъ, что она ничего не знала о переговорахъ, происходившихъ между тремя канцлерами въ Берлинѣ и безъ участія англійскаго посла. Такое невниманіе къ Англіи ставятъ даже въ упрекъ Россіи, обвиняя ее въ томъ, что она желала именно такимъ способомъ составленія меморандума «унизить» англійское правительство.

Такого рода обвиненія не выдерживаютъ ни малѣйшей критики, въ виду слѣдующихъ положительныхъ фактовъ.

Во-первыхъ, всей Европѣ было извѣстно, что только отъ трехъ союзныхъ имперій исходили всѣ положительныя мѣры, направленныя къ умиротворенію турецкихъ областей. Онѣ предложили учрежденіе консульской комиссіи и, по предварительному между ними соглашенію, была составлена нота графа Андраши. Но кто же возбранялъ англійскому правительству взять на себя иниціативу въ томъ или другомъ мѣропріятіи на пользу сохраненія европейскаго ми-

ра? Очевидно, никто. Напротивъ, неоднократно лорду Дерби было предлагаемо взять на себя этотъ починъ, но всегда получался отвѣтъ, что для этого еще не наступило время. Тогда еще не знали, что вся цѣль англійской политики заключается единственно въ томъ, чтобы парализовать дѣйствія другихъ державъ и, такимъ образомъ, дать туркамъ возможность исполнить свои «военные планы» насчетъ вырѣзыванія христіанъ.

Во-вторыхъ. Англійское правительство приступило хотя неохотно, къ учрежденію консульской комиссіи и присоединилось къ нотѣ графа Андраши. Почему же такой рѣзкій отказъ долженъ былъ выпасть на долю берлинскаго меморандума? Вѣроятно потому, что онъ былъ составленъ по иниціативѣ и мысли русскаго правительства.

Въ третьихъ. Положительными актами можно доказать, что англійское правительство еще въ то время, когда меморандумъ находился, такъ сказать, въ зародышномъ состояніи, было предупреждено русскимъ правительствомъ о томъ, что предполагалось сдѣлать въ Берлинѣ. Изъ депеши лорда Дерби къ лорду Лофтусу *8-го мая* (нов. ст.) 1876 г. видно, что уже *4-го мая* графъ Шуваловъ извѣстилъ англійскаго министра иностранныхъ дѣлъ о предстоящемъ, *чрезъ недѣлю*, свиданіи трехъ канцлеровъ въ Берлинѣ для обсужденія мѣръ, которыя должны быть приняты для сохраненія европейскаго мира. Графъ прямо поставилъ англійскому министру вопросъ: «What further steps ought to be taken?» (что еще остается сдѣлать?). Онъ возбудилъ вопросъ объ оккупаціи возмутившихся турецкихъ областей, признавая ее, впрочемъ, подлежащею весьма серьознымъ возраженіямъ. Наконецъ русскій посолъ прямо объявилъ, что во всякомъ случаѣ мѣры, которыя должны быть приняты,

будутъ результатомъ соглашенія не между тремя только державами, но шестью [1]).

Еще болѣе точныя извѣстія получило англійское правительство отъ своего представителя въ Петербургѣ, въ депешѣ отъ 9-го мая (нов. ст.), который уже подробнѣе указываетъ на предметъ предстоящихъ берлинскихъ совѣщаній. Этого мало: лордъ Лофтусъ прибавляетъ, «я глубоко убѣжденъ, что главное желаніе Императора Александра сохранить миръ и его политика въ Восточномъ вопросѣ безусловно безкорыстна (perfectly desinterrested), и что единственная цѣль ея — содѣйствовать умиротворенію турецкихъ провинцій и поддержанію Оттоманской имперіи». «Я также убѣжденъ», прибавилъ лордъ, «что князь Горчаковъ не стремится ни къ какимъ особеннымъ выгодамъ для Россіи на пути, имъ избранномъ» [2]). Таковы факты, которые положительно подтверждаютъ, что англійское правительство раньше другихъ было предупреждено о цѣли берлинскихъ совѣщаній. Но, не смотря на всѣ эти положительныя доказательства того, насколько Россія высоко цѣнитъ общность дѣйствія съ Англіей; не смотря на категорическое заявленіе англійскаго посла въ Петербургѣ, что всѣ стремленія Россіи направлены только къ сохраненію мира,—англійское правительство положительно отвергло берлинскій меморандумъ, который, вслѣдствіе этого, уже не могъ произвести надлежащаго дѣйствія на Порту. Если можно упрекнуть три императорскія правительства въ чемъ нибудь по отношенію къ берлинскому меморандуму, такъ это развѣ въ томъ, что они, безъ Англіи, не согласились привести его въ исполненіе.

---

[1]) *Staatsarchiv*, 1876, № 5672.

[2]) *Ibid.* 1877, № 5674.

Когда въ 1840 году, Франція не желала присоединиться къ лондонской конвенціи относительно Египта, принятой Англіею, Россіею, Австріею и Пруссіею, лордъ Пальмерстонъ объявилъ: «Если, изъ пяти державъ, четыре согласны между собою насчетъ своего образа дѣйствія, между тѣмъ какъ пятая рѣшилась дѣйствовать въ совершенно другомъ направленіи, было бы безразсудно требовать, чтобы другія четыре отреклись, изъ уваженія къ пятой, отъ своихъ убѣжденій, въ которыхъ онѣ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе утверждаются и которыя касаются вопроса жизненной важности для высшихъ и будущихъ интересовъ Европы [1])».

Наконецъ, лучшую критику страннаго образа дѣйствія Англіи въ отношеніи берлинскаго меморандума можно найти въ рѣчи самого лорда Биконсфильда, произнесенной 8-го февраля 1876 г. въ палатѣ общинъ въ отвѣтъ на упреки, сдѣланные ему по поводу принятія ноты графа Андраши.

Если бы, доказывалъ Дизраэли, мы не приняли этой ноты, Англія была бы совершенно изолирована «Между тѣмъ, я долженъ вамъ сказать, что это не такое положеніе, котораго слѣдовало бы желать нашей родинѣ». Если бы мы не присоединились къ австрійской нотѣ, что бы тогда было? «Не подлежитъ сомнѣнію, что султанъ бы ее отвергнулъ».

«Палата должна понять», сказалъ Дизраэли, «что наше отечество приняло бы на себя большую отвѣтственность, усвоивъ себѣ политику, которую оно не въ состояніи было бы довести до конца». Если бы султанъ отвергъ ноту, вслѣдствіе нашего отказа, и вслѣдствіе этого имѣлъ противъ себя всю Европу, мы не могли бы ему сказать: «Мы вамъ

[1]) *Rolin-Jaequemyns*. La question d'Orient, 1876, p. 28.

дали этотъ совѣтъ, но не въ состояніи придти вамъ на помощь».

«*Было ли бы разумно*», заключаетъ первый министръ Англіи, «*оставлять султана въ такомъ положеніи и воспользоваться вопросомъ объ управленіи такой незначительной провинціи, какъ Герцеговина, для того, чтобы поставить на карту всю судьбу Турецкой имперіи?*» Я не думаю, что было какое нибудь основаніе выбрать этотъ путь».

Читатель, надѣемся, согласится съ нами, что дѣйствительно трудно болѣе мѣтко доказать всю несостоятельность отказа Дизраэли приступить къ берлинскому меморандуму, какъ это сдѣлалъ тотъ же самый Дизраэли въ только-что приведенныхъ словахъ.

Между тѣмъ, послѣдствія неудачнаго исхода берлинскихъ совѣщаній были въ высшей степени пагубны для Европы и самой Оттоманской имперіи, потому что непосредственно повлекли за собою новыя замѣшательства на Балканскомъ полуостровѣ.

Въ самомъ Константинополѣ дворцовая революція низвергнула съ престола султана Абдулъ-Азиса и возвела на его мѣсто Мурада V. Абдулъ-Азисъ, благодаря историческимъ ножницамъ, переселился въ лучшій міръ. Лѣтомъ 1876 года на политическомъ горизонтѣ показывается заря новаго конституціоннаго порядка правленія Турціи; Мидхатъ-паша уже пишетъ турецкую Magna charta libertatum подъ диктовку его неразлучныхъ друзей—софтовъ.

Между тѣмъ, вновь возгорѣлась ожесточенная борьба между инсургентами Босніи и Герцеговины, съ одной стороны, и турецкими войсками, съ другой. Сербія и Черногорія открыто вооружаются и готовятся идти на помощь своимъ несчастнымъ братьямъ. Въ Болгаріи происходитъ неописанная, небывалая, пого-

ловная рѣзня христіанъ, которая сперва отрицается англійскимъ посломъ въ Константинополѣ и отчасти даже приписывается винѣ самихъ беззащитныхъ христіанъ, будто бы вызывающихъ на то мусульманъ.

Описывать здѣсь избіеніе христіанъ въ Болгаріи, послѣ краснорѣчивыхъ страницъ, посвященныхъ Гладстономъ[1]), однимъ изъ благороднѣйшихъ англійскихъ государственныхъ людей, описанію неслыханныхъ злодѣйствъ, безнаказанно совершенныхъ лютыми звѣрями, именуемыми башибузуками и черкесами, представляется здѣсь невозможнымъ. Точно также болѣе или менѣе извѣстны, отношеніе англійскаго правительства къ болгарскимъ ужасамъ и взрывъ негодованія, вызванный въ англійскомъ народѣ потворствомъ со стороны правительства безнаказанности злодѣйствъ совершаемыхъ противъ болгаръ[2]). Но всѣ англійскіе митинги, адресы и протесты противъ политики правительства нисколько не остановили его на томъ пути, по которому оно шло съ безпримѣрнымъ хладнокровіемъ, равно какъ не остановили хода событій всѣ манифестаціи англійскаго общества, дѣйствительно возмущеннаго поведеніемъ турокъ.

Убѣдившись несомнѣнными фактами, что великія европейскія державы отчасти не могутъ, отчасти не хотятъ, протянуть руку помощи христіанамъ, два маленькія славянскія княжества объявляютъ войну Турціи. Сербія — 30 го іюня; Черногорія — 1-го іюля [3]).

Было бы несправедливо думать, что послѣ неудачи съ берлинскимъ меморандумомъ, русское правитель-

---

[1]) *Gladstone.* Bulgarian horrors and the question of the East. London in 8°, 32 pp. 1876.

[2]) Срав. *Gallenga.* Two years of the Eastern Question, t. II, p. 185 etc. *Malcolm Maccol.* Three years, p. 75 etc.

[3]) *Brunswick.* Recueil de documents diplomatiques relatifs à la Serbie. Constantinople 1876, p. 83 et suiv.

ство опустило руки и отказалось отъ всякой дальнѣйшей попытки потушить пожаръ загорѣвшійся на югѣ Европы. Нѣтъ, оно не переставало обращать вниманіе великихъ державъ на крайнюю необходимость принять какія нибудь положительныя мѣры для спасенія христіанскаго населенія Турціи и сохраненія, этимъ единственнымъ средствомъ, мира Европы. Поэтому въ продолженіе іюня мѣсяца, русское правительство, съ особенною настойчивостью, добивалось содѣйствія Англіи къ достиженію этой цѣли. Лорду Дерби были предложены самыя разнообразныя комбинаціи: съ особенною энергіею настаивала Россія на устройствѣ, на Балканскомъ полуостровѣ, автономныхъ маленькихъ княжествъ[1]).

На всѣ предложенія англійское правительство постоянно имѣло только одинъ отвѣтъ, выраженный, въ депешѣ лорда Дерби къ лорду Лофтусу, отъ 14-го іюня: «Ничего, я полагаю, не остается дѣлать, какъ допустить возобновленіе борьбы, пока успѣхъ не окажется, болѣе или менѣе рѣшительнымъ образомъ, на той или другой сторонѣ»[2]). Англія сама никакихъ способовъ для сохраненія мира не представляла и, въ то же время, энергично разрушала попытки, которыя были дѣлаемы съ этою цѣлью. Объ автономныхъ княжествахъ она не считала возможнымъ говорить, потому что еще недостаточно было пролито крови и окончательный успѣхъ еще не оказывался на сторонѣ христіанъ. Противъ автономіи Босніи и

---

[1]) Депеша князя Горчакова къ графу Шувалову отъ 2 (14) іюня 1876 г. Депеша лорда Дерби къ лорду Лофтусу отъ 14 іюня 1876 г. (*Staatsarchiv*, № 5716, 5715, 5720, 5721 и 5727)

[2]) Вотъ эти знаменательныя слова: «Nothing, I thought, remained, except to allow the renewal of the struggle, until success should have declared itself more or less decisively on one side o the other».

Герцеговины возражала также Австро-Венгрія, находя, въ то же время, возможнымъ обратить Болгарію въ автономное княжество, потому что она «болѣе къ тому созрѣла»[1]).

Вся эта благотворная дѣятельность лорда Дерби, на благо христіанъ и европейскаго мира, приводила въ восторгъ лорда Биконсфильда, который въ рѣчи своей отъ 20-го сентября 1876 г., произнесенной въ Айльсбэри, воскликнулъ: «Хотѣлось бы знать какой европейскій министръ столько сдѣлалъ (для установленія правильныхъ отношеній между султаномъ и его христіанскими подданными), какъ лордъ Дерби и такимъ же дѣйствительнымъ образомъ». (!!) Дѣйствительно, трудно сказать, какимъ образомъ «политика dolce far niente» могла быть выставляема какъ заслуга предъ Европою и остается только удивляться лирическому восторгу перваго министра Англіи.

Война между Сербіею и Оттоманскою имперіею обнаружила въ полномъ блескѣ симпатіи русскаго народа къ своимъ задунайскимъ братьямъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, доказала, что, въ концѣ концовъ, ни сербы, ни черногорцы не въ состояніи выдержать продолжительную борьбу съ турками. Если черногорцы выказывали свою традиціонную храбрость въ борьбѣ съ невѣрными, то сербамъ, очевидно, трудно было устоять предъ натискомъ всѣхъ оттоманскихъ силъ.

Не позже какъ 24-го августа, князь Миланъ просилъ о посредничествѣ великихъ европейскихъ державъ съ цѣлію прекращенія военныхъ дѣйствій. Это желаніе было исполнено, но посредническія услуги великихъ державъ не скоро должны были увѣнчаться успѣхомъ. Порта предложила такія унизительныя

[1]) *Staatsarchiv*, Bd. XXXI, № 5724.

для сербовъ условія мира, которыя былъ бы въ правѣ поставить только побѣдитель окончательно сломившій своего врага. Поэтому перемирія въ началѣ сентября, собственно не было заключено; только по настояніямъ посредничествующихъ державъ, Сербія, Черногорія и Турція согласились фактически прекратить военныя дѣйствія.

Съ этого времени Англія отчасти отказывается отъ своей пассивной роли въ дипломатическихъ переговорахъ: она даже выступаетъ на первый планъ, дѣлаетъ предложенія и составляетъ проекты—съ цѣлью спасти Турцію и дать удовлетвореніе общественному мнѣнію англійскаго народа, возмущеніе котораго противъ турецкихъ порядковъ возрастало съ небывалою быстротою. Правда, сэръ Элліотъ дѣлалъ все, что могъ, для того, чтобы успокоить англійскій народъ и доказать ему, что болгарское возстаніе не болѣе какъ дѣло русскаго посольства въ Константинополѣ[1]). Наконецъ, онъ даже согласился, что возстаніе это было подавлено слишкомъ жестокими мѣрами, но, Англія не можетъ допустить въ Турціи вредныхъ для нея перемѣнъ, хотя бы это стоило жизни 10,000 или 20,000 людямъ, погибающимъ во время усмиренія![2]).

Но лордъ Дерби, находясь въ Лондонѣ, не могъ совершенно свободно отъ всякихъ недостойныхъ государственнаго человѣка предразсудковъ относиться къ движенію общественнаго мнѣнія Англіи. Поэтому, въ депешѣ къ сэру Элліоту отъ 5-го сентября, онъ пишетъ слѣдующее: «Мой долгъ извѣстить васъ,

---

[1]) *Staatsarchiv*, Bd. XXXI, № 5873.

[2]) Депеша Элліота отъ 4-го сентября 1876 г. Вотъ его слова: «But the necessity which exists for England to prevent changes from occurring here which would be most detrimental to ourselves, *is not affected by the question whether it was 10000 or 20000 persons who perished in the suppression*».

что послѣдній остатокъ сочувствія, которое прежде здѣсь питали къ Турціи, окончательно исчезъ благодаря послѣднимъ прискорбнымъ событіямъ въ Болгаріи»[1]). Такимъ образомъ, извѣстная перемѣна въ англійской политикѣ является только вынужденнымъ, исторгнутымъ отъ англійскаго правительства удовлетвореніемъ общественнаго мнѣнія народа, но никакимъ образомъ не дѣйствительнымъ и существеннымъ измѣненіемъ восточной политики Англіи. Волны бушующаго, въ печати и на митингахъ, общественнаго мнѣнія угрожали опасностью самому правительству, вслѣдствіе чего оно желало успокоить свой собственный народъ, но нисколько не желало спасать христіанъ отъ турецкаго ножа. Въ виду *этой* цѣли англійской политики становятся понятными всѣ попытки, сдѣланныя Англіею для примиренія Сербіи съ Портою.

Въ началѣ сентября англійское правительство предложило Портѣ перемиріе на время «не менѣе одного мѣсяца». Это предложеніе не было принято и Порта выставила невозможныя условія мира. Тогда Англія сама предложила, 18-го сентября, Портѣ условія мира, заключавшіяся: 1) въ сохраненіи status quo, вообще говоря (speaking roughly), для Сербіи и Черногоріи; 2) въ подписаніи Портою протокола, которымъ она обязуется ввести въ Босніи и Герцеговинѣ «систему мѣстной или административной автономіи», подъ которою никакъ не слѣдуетъ подразумѣвать «вассальнаго государства» (tributary State) и 3) въ предоставленіи «подобныхъ же гарантій» противъ дурнаго управленія въ Болгаріи. Но турецкое правительство не признало возможнымъ принять эти крайне умѣренныя предложенія, и возобновленіе военныхъ

[1]) *Staatsarchiv*, Bd. XXXI, № 5796.

дѣйствій оказалось тѣмъ болѣе неизбѣжнымъ, что Сербія и Черногорія не могли положиться на такое фактическое, неопредѣленное никакимъ срокомъ перемиріе.

Тогда Россія признала необходимымъ заговорить съ Турціею, языкомъ болѣе вразумительнымъ. На совѣщаніи, происходившемъ въ началѣ іюля въ Рейхштадтѣ между Государемъ Императоромъ и императоромъ Францомъ-Іосифомъ, въ свитѣ которыхъ находились князь Горчаковъ и графъ Андраши, казалось, установилось полное соглашеніе между Россіею и Австріею насчетъ общихъ дѣйствій противъ Турціи[1]). По мѣрѣ же того, какъ сербско-турецкая война вызывала наружу силу братскаго сочувствія русскаго народа къ своимъ задунайскимъ елиновѣрцамъ, по мѣрѣ того, какъ звѣрства турецкихъ войскъ вызывали чувства общаго отвращенія къ турецкимъ порядкамъ, русское правительство все болѣе и болѣе убѣждалось въ настоятельной необходимости, посредствомъ употребленія силы и энергіи, принудить Порту къ пріостановленію кровопролитія.

«Мы удерживались до сихъ поръ», объявилъ государственный канцлеръ англійскому послу 25-го августа, «отъ всякой иниціативы; мы не вмѣшивались, мы ждали, чтобы Европа дѣйствовала, но, если ничего не будетъ сдѣлано, если это кровопролитіе продолжится и если Императоръ, мой августѣйшій Государь, мнѣ повелитъ взять перо въ руки, я вамъ ручаюсь, что оно будетъ обмокнуто въ чернила, соотвѣтствующія достоинству и могуществу имперіи.» «Но», прибавилъ князь Горчаковъ, «это не будетъ война[2]).

[1]) *Staatsarchiv*, Bd. XXX, № 5771.

[2]) Депеша лорда Лофтуса къ лорду Дерби отъ 25-го августа 1876 г. (*Staatsarchiv*. Bd. XXXI, № 5787).

Когда же турецкое правительство затруднилось принять крайне умѣренныя и неопредѣленныя условія мира, предложенныя ей Англіею, Россія признала, что наступилъ моментъ дѣйствовать болѣе энергично. Въ концѣ сентября прибылъ въ Вѣну графъ Сумароковъ-Эльстонъ съ особеннымъ порученіемъ отъ имени Государя Императора, и 26-го сентября графъ Шуваловъ предложилъ англійскому правительству, въ случаѣ непринятія Портою предложенныхъ условій мира, слѣдующія мѣры: 1) занять австрійскими войсками Боснію и русскими Болгарію и 2) ввести союзный флотъ въ Босфоръ[1]).

Но это крайне практическое предложеніе не встрѣтило надлежащей поддержки: Австро-Венгрія объявила, что «всякая оккупація турецкой территоріи неудобна»[2]), между тѣмъ какъ Англія находила, что введеніе европейскихъ эскадръ въ Босфоръ было бы противно международнымъ трактатамъ, къ которымъ она всегда питала неограниченное уваженіе.

При такихъ условіяхъ неудивительно, что военныя дѣйствія между славянскими княжествами и Турціею должны были возобновиться сами собою. Не менѣе понятно, что и Россія, *дѣйствительно* желавшая положить конецъ кровопролитію и не для виду только предлагавшая различныя мѣропріятія, должна была заговорить съ Портою болѣе энергичнымъ тономъ, который изъ-поконъ вѣка только и понимается въ Константинополѣ. Этимъ обстоятельствомъ была вызвана телеграмма государственнаго канцлера къ графу Шувалову отъ 3-го октября изъ Ливадіи, предлагавшая европейскимъ державамъ заставить (imposer) обѣ воюющія стороны согласиться

---

[1]) *Staatsarchiv.* Bd. XXXI, № 5828.

[2]) *ibid.*, № 5847.

принять перемиріе на *шесть недѣль*, въ продолженіе которыхъ посредничествующія державы могли бы обсудить положеніе дѣлъ.

Тогда Порта прибѣгла къ стратегической хитрости, которая дѣлаетъ честь дипломатическому ея искуству, но обнаруживаетъ въ то же время замѣчательное непониманіе дѣйствительнаго положенія вещей. Порта согласилась на заключеніе сперва *пятимѣсячнаго* перемирія, а потомъ даже и шестимѣсячнаго [1]). Россія не могла принять такого перемирія, потому что такое шестимѣсячное неопредѣленное положеніе вещей было бы разорительно не только для воюющихъ княжествъ, но для всей Россіи и Европы. На шестинедѣльномъ или двухмѣсячномъ перемиріи русское правительство продолжало настаивать, рѣшительно отказываясь принять турецкое предложеніе [2]). Италія была совершенно такого же мнѣнія, и Германія также находила, что шестинедѣльный срокъ былъ достаточенъ для прекращенія военныхъ дѣйствій [3]). Когда же турецкое правительство выказывало явное свое намѣреніе воспользоваться этимъ разногласіемъ въ лагерѣ самихъ державъ-посредницъ для окончательнаго уничтоженія Сербіи, генералъ Игнатьевъ, именемъ Государя Императора, представилъ 19 (31) октября Портѣ ультиматумъ, которымъ заявилъ, что выѣдетъ изъ Константинополя со всѣмъ посольствомъ, если въ продолженіе сорока восьми часовъ турецкое правительство не согласиться заключить «дѣйствительное» и «безусловное» перемиріе на шесть недѣль или два мѣсяца [4]). Порта вняла этому языку и въ назначен-

[1]) *Staatsarchiv*, Bd. XXXI, №№ 5857 и 5863.
[2]) *Ibidem*, №№ 5860, 5868, 5869, 5878 и 5880.
[3]) *Ibidem*, № 5883.
[4]) *Ibidem*, Bd. XXXI, № 5891.

ный срокъ заявила о своемъ согласіи исполнить предложенное ей требованіе [1]).

Такая блестящая побѣда русской политики не особенно понравилась въ Лондонѣ, но Россія не могла дѣйствовать иначе, потому что отказъ Турціи принять первоначальный срокъ перемирія былъ «пощечиною», данною Европѣ [2]). Послѣ принятія ультиматума Россія желала только одного: скорѣйшаго созванія международной конференціи, предложенной еще въ сентябрѣ мѣсяцѣ Англіею [3]). Россія далека была отъ желанія отдѣлиться въ Восточномъ вопросѣ отъ другихъ великихъ державъ. Въ особенности она желала дѣйствовать въ одномъ направленіи съ Англіею.

Съ полною искренностью и твердою рѣшимостью Государь Императоръ соблаговолилъ высказать англійскому послу свое желаніе въ достопамятномъ разговорѣ, происходившемъ въ Ливадіи 18 (30) октября. Государь рѣшительнымъ образомъ отрекся отъ малѣйшаго намѣренія присоединить Константинополь или завоевать Индію. Онъ желалъ только одного: дѣйствительнаго улучшенія быта несчастныхъ христіанскихъ подданныхъ Турціи. Для достиженія этой цѣли Россія всегда будетъ дѣйствовать заодно съ Англіею и со всѣми остальными великими державами [4]).

---

[1]) *Staatsarchiv*. № 5892. Срав. депешу сэра Эллиота отъ 2-го ноября 1876 г. (№ 5893).

[2]) Знаменитая депеша лорда Лофтуса изъ Ливадіи отъ 30-го октября 1876 г. (*Staatsarchiv*, № 5896).

[3]) Депеша государственнаго канцлера къ графу Шувалову отъ 7-го ноября 1876 г. (№ 5921 и 5895).

[4]) Дополненіемъ къ депешѣ лорда Лофтуса служитъ письмо государственнаго канцлера къ графу Шувалову отъ 22-го октября (3-го ноября) 1876 г.

Трудно было выказывать большую любовь къ миру и большее уваженіе къ законнымъ интересамъ Англіи и Западной Европы, чѣмъ это было сдѣлано 18-го октября въ Ливадіи.

Но глава англійскаго правительства всетаки счелъ возможнымъ, девять дней спустя, 27-го октября (9-го ноября), имѣя въ карманѣ депешу лорда Лофтуса отъ 18-го (31-го) октября, произнести на банкетѣ лорда-мэра рѣчь, пропитанную злобою и недоброжелательствомъ въ отношеніи Россіи [1]). Лордъ Биконсфильдъ вновь выставляетъ верховною цѣлью своей политики сохраненіе цѣлости и неприкосновенности Оттоманской имперіи. Второстепеннымъ же дѣломъ представляется улучшеніе быта христіанъ. Ноту графа Андраши, которую онъ прежде самъ одобрилъ и защищалъ, теперь онъ признаетъ весьма непрактическою мѣрою.

Особенно любопытны слѣдующія слова графа Биконсфильда въ настоящую минуту, во время завоеванія Англіею Афганистана [2]): «Миръ — особенность англійской политики. Англія не есть держава наступательная, потому что нѣтъ ничего, чего бы она могла желать. Она не замышляетъ о захватѣ ни городовъ, ни областей».

Естественно, что впечатлѣніе, произведенное въ Россіи рѣчью главнаго руководителя англійскою политикою, должно было быть чрезвычайно тяжелымъ. Рѣчь эта убѣждала въ томъ, что не смотря на собраніе въ Константинополѣ международной конференціи, Англія все-таки будетъ парализовать всѣ мѣры, направленныя къ дѣйствительному улучшенію невыносимаго положенія христіанскихъ подданныхъ Турціи. Но разъиграть въ Константинополѣ комедію и посмѣ-

---

[1]) *Staatsarchiv*, Bd. XXXI, № 5911.

[2]) Писано въ концѣ ноября 1878 года.

яться надъ горькою судьбою христіанскаго населенія Турціи, Россія очевидно не могла. Она была готова, въ случаѣ неуспѣшнаго исхода международной конференціи и новаго отступленія великихъ европейскихъ державъ предъ силою инерціи Оттоманской имперіи, дѣйствовать самостоятельно и рѣшительно.

Было желательно, чтобы еще до открытія конференціи Англія и вся Западная Европа знали бы положеніе, принятое Россіею на будущее время.

Рѣчь Государя Императора, произнесенная 29-го октября, въ Москвѣ, при пріемѣ московскаго дворянства и городскаго общества послужила руководящею нитью для всѣхъ послѣдующихъ дипломатическихъ переговоровъ:

«Благодарю васъ, господа, за чувства, которыя вы «желали мнѣ выразить по случаю настоящихъ поли- «тическихъ обстоятельствъ. Они теперь болѣе разъ- «яснились, и потому я готовъ принять вашъ адресъ «съ удовольствіемъ.

«Вамъ уже извѣстно, что Турція покорилась моимъ «требованіямъ о немедленномъ заключеніи перемирія, «чтобы положить конецъ безполезной рѣзнѣ въ Сер- «біи и Черногоріи. Черногорцы показали себя въ этой «неравной борьбѣ, какъ всегда, истинными героями. «Къ сожалѣнію, нельзя того же сказать про сербовъ, «не смотря на присутствіе въ ихъ рядахъ нашихъ «добровольцевъ, изъ коихъ многіе поплатились «жизнью за славянское дѣло.

«Я знаю, что вся Россія, вмѣстѣ со мною, прини- «маетъ живѣйшее участіе въ страданіяхъ нашихъ бра- «тій, по вѣрѣ и по происхожденію; но для меня истин- «ные интересы Россіи дороже всего, и я желалъ бы «до крайности щадить дорогую русскую кровь.

«Вотъ почему я старался и продолжаю стараться «достигнуть мирнымъ путемъ дѣйствительнаго улуч-

«шенія быта всѣхъ христіанъ, населяющихъ Балкан-«скій полуостровъ. На-дняхъ должны начаться совѣ-«щанія въ Константинополѣ между представителями «шести великихъ державъ для опредѣленія мирныхъ «условій.

«Желаю весьма, чтобы мы могли придти къ обще-му соглашенію. Если же оно не состоится и я уви-«жу, что мы не добьемся такихъ гарантій, которыя «обезпечивали бы исполненіе того, что мы въ правѣ требовать отъ Порты, то я имѣю твердое намѣре-«ніе дѣйствовать самостоятельно и увѣренъ, что въ такомъ случаѣ вся Россія отзовется на мой призывъ, «когда я сочту это нужнымъ и честь Россіи того по-«требуетъ. Увѣренъ также, что Москва, какъ всегда, «подастъ въ томъ примѣръ. Да поможетъ намъ Богъ «исполнить наше святое призваніе!»

Это державное слово разсѣяло весь туманъ, сосредоточивавшійся около Восточнаго вопроса, и точно намѣтило путь, по которому пойдетъ Россія.

Циркуляромъ 1-го (13-го) ноября 1876 г. государственный канцлеръ извѣстилъ Западную Европу о мобилизаціи части русской арміи.

V.

Послѣ того какъ перемиріе между воюющими на Балканскомъ полуостровѣ сторонами сдѣлалось совершившимся фактомъ, мысль поданная еще въ началѣ сентября, о созваніи международной конференціи, могла теперь осуществиться. Эта мысль не принадлежала англійскому правительству, но она была имъ формулирована въ видѣ точнаго предложенія. Небезъинтересно, что графъ Андраши, больше всѣхъ другихъ, предъявлялъ возраженія противъ созванія этой конференціи, доказывая, что это международное собраніе не приведетъ къ благополучному концу и

Россія, силою обстоятельствъ, вынуждена будетъ объявить войну.

По заключеніи перемирія, англійское правительство, по настоянію Россіи, сдѣлало формальное предложеніе европейскимъ великимъ державамъ назначить своихъ уполномоченныхъ на конференцію въ Константинополѣ. Въ циркулярной депешѣ лорда Дерби отъ 4-го ноября основаніями для совѣщаній были выставлены слѣдующія:

1. независимость и неприкосновенность территоріи Оттоманской имперіи;

2. декларація о томъ, что государства не ищутъ и не будутъ искать никакихъ территоріальныхъ выгодъ, никакого исключительнаго вліянія, никакой привилегіи въ пользу своей торговли, недоступной также для всякой другой державы;

3. основанія для примиренія остаются тѣ же, что были опредѣлены 21-го сентября т. е.,

a) сохраненіе, вообще говоря, statu quo для Сербіи и Черногоріи;

b) подписаніе Портою протокола, на основаніи котораго она обязуется ввести въ Босніи и Герцеговинѣ систему мѣстной или административной автономіи;

c) подобныя же гарантіи должны быть предоставлены Болгаріи противъ дурнаго управленія [1]).

Возраженія, приведенныя Россіею противъ узкости этой программы, не нашли надлежащей поддержки, со стороны другихъ державъ, и потому, были взяты обратно [2]). Австро-Венгрія находила, что эта программа слишкомъ широка: она откровенно высказала вои опасенія по поводу несчастной «автономіи»

---

[1]) *Staatsarchiv*, Bd. XXXI, № 5903.

[2]) *ibid.* № 5907.

которую англійское правительство придумало для турецкихъ провинцій [1]). Что касается Порты, то она также первоначально протестовала противъ созванія конференціи, и сэръ Элліотъ въ лирическихъ выраженіяхъ передалъ чувства турецкаго правительства, объявившаго, что прискорбно для него видѣть своего лучшаго друга, въ лагерѣ своихъ враговъ [2]).

Замѣчательно, что Порта уже 8-го ноября 1876 г. объявила, что если конференція не окончится успѣшно, война съ Россіею не только будетъ неизбѣжна, но даже законнымъ и неизбѣжнымъ послѣдствіемъ разногласій, обнаружившихся во время совѣщаній.

Въ началѣ ноября шесть великихъ европейскихъ державъ назначили своихъ уполномоченныхъ на константинопольскую конференцію. Кромѣ Россіи и Италіи, всѣ другія державы имѣли, рядомъ съ своимъ постояннымъ представителемъ при Портѣ, еще особеннаго уполномоченнаго на конференціи. Таковымъ отъ Англіи былъ маркизъ Сэлисбери, статсъ-секретарь по дѣламъ Индіи.

Это назначеніе вызвало большія надежды не только въ средѣ либеральной партіи Англіи, но также въ той части общества Западной Европы, которая болѣе справедливо относилась къ законнымъ требованіямъ христіанской раи. Маркизъ Сэлисбери, на пути въ Константинополь, объѣхалъ столицы всѣхъ западно-европейскихъ великихъ державъ. Вездѣ, а въ особенности въ Берлинѣ, Парижѣ и Римѣ, онъ встрѣчалъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ искреннее сочувствіе къ судьбѣ забалканскихъ христіанъ. Въ данныхъ ему инструкціяхъ, написанныхъ вѣроятно не лордомъ Дерби, ему было вмѣнено въ обя-

---

[1]) *Staatsarchiv.* № 5905.

[2]) *ibid.* № 5910, 5914.

занность стараться всѣми средствами положить конецъ злоупотребленіямъ и произволу, вошедшимъ въ плоть и кровь турецкихъ правительственныхъ порядковъ [1]).

По прибытіи въ Константинополь, лордъ Сэлисбери имѣлъ, прежде всего, весьма длинныя объясненія съ генералъ-адъютантомъ Игнатьевымъ, которыя привели къ замѣтному сближенію между обоими государственными людьми. Русскій посолъ сообщилъ англійскому первому уполномоченному свой проектъ устройства турецкихъ провинцій, служившій основаніемъ совѣщаній конференціи [2]). Согласно этому проекту, Болгарія должна была составить одну провинцію, съ исключеніемъ Варны, Адріанополя и Водены. Губернаторы должны быть христіане, назначаемые Портою, съ одобренія державъ, на 5 лѣтъ. Областныя совѣщательныя собранія должны быть избираемы кантональными собраніями, и послѣднія непосредственно народомъ. Иррегулярныя войска должны быть распущены и турецкія войска сосредоточены только въ опредѣленныхъ укрѣпленіяхъ. Мусульмане должны были быть обезоружены, христіанамъ дана амнистія. Порта должна была подписать протоколъ, возлагающій на нее обязанность ввести всѣ проектированныя реформы. Учрежденная международная коммисія должна была наблюдать за введеніемъ реформъ и окончательно выработать всѣ подробности. Для исполненія ея рѣшеній было предложено образовать особенную жандармерію изъ 6,000 бельгійцевъ или итальянцевъ, которые находились бы въ исключительномъ распоряженіи коммисіи.

---

[1]) *Staatsarchiv*. Bd. XXXI, № 5923.

[2]) Депеша маркиза Сэлисбери отъ 8-го декабря (*Staatsarchir*, № 5933).

Съ особенною энергіею воспротивился этому проекту графъ Андраши, находя его болѣе потворствующимъ «панславистскимъ и русскимъ» стремленіямъ, чѣмъ соотвѣтствующимъ интересамъ Европы [1]). Англійское правительство также имѣло, съ своей стороны, существенныя возраженія. Такимъ образомъ, еще до начала засѣданій конференціи между главными заинтересованными державами существовали разногласія, которыми Турціи стоило только ловко воспользоваться, чтобы обратить дѣло конференціи въ сюжетъ для водевиля.

Наконецъ 11 декабря (нов. ст.) открылись въ русскомъ посольствѣ предварительныя совѣщанія конференціи, на которыя не были приглашены уполномоченные Турціи. Первоначально Россія предложила вовсе не допускать турецкаго уполномоченнаго къ участію въ совѣщаніяхъ, но потомъ было рѣшено раздѣлить совѣщанія конференціи на два отдѣленія: въ первомъ, подъ предсѣдательствомъ русскаго посла, должны были участвовать исключительно представители великихъ европейскихъ державъ; во второмъ, выработанный ими проектъ реформъ долженъ былъ подвергнуться обсужденію въ полномъ собраніи конференціи, подъ предсѣдательствомъ турецкаго уполномоченнаго, и не въ русскомъ посольствѣ.

Предварительныя совѣщанія продолжались съ 11-го по 22 декабря и привели къ составленію весьма подробнаго, но крайне не систематическаго, проекта реформъ и измѣненій внутренняго порядка Турціи [2]). Были опредѣлены условія мира между Сербіею, Черногоріею и Турціею, и были составлены уставы мѣстнаго устройства Босніи, Герцеговины и Болгаріи.

[1]) Депеша сэра Буканана отъ 11 декабря (*Staatsarchiv*, Bd. XXXI, № 5935).

[2]) Annuaire diplomatique de l'Empire de Russie, 1877, p. 305 et suiv.

Наконецъ, 23 (11) декабря открыто было Савфетомъ-пашею первое засѣданіе полнаго собранія конференціи. Въ этотъ же самый день была обнародована знаменитая турецкая конституція Мидхата-паши, которою открылась новая эра въ исторіи Оттоманской имперіи, окончательно вошедшей, благодаря этому акту, въ составъ цивилизованныхъ конституціонныхъ государствъ.

Общія собранія конференціи закончились 20 (8) января 1877 г. полнѣйшимъ, небывалымъ фіаско европейской дипломатіи въ борьбѣ съ азіатскою хитростью и упорствомъ. Не смотря на то, что представители европейскихъ державъ дошли въ своихъ уступкахъ Портѣ до крайнихъ предѣловъ, не смотря на всѣ ихъ старанія склонить турецкое правительство къ согласію на принятіе тѣхъ остатковъ первоначальнаго проекта, которые ни въ какомъ случаѣ не могли предупредить въ будущемъ повтореніе великихъ подвиговъ черкесовъ и башибузуковъ, Мидхатъ-паша остался неумолимъ въ своемъ non possumus! Никакія предостереженія и угрозы маркиза Сэлисбери и генералъ-адъютанта Игнатьева не въ состояніи были поколебать волю знаменитаго реформатора и обновителя Оттоманской имперіи.

Константинопольская конференція разошлась ни съ чѣмъ. Порта рѣшительно отвергла всѣ предложенія.

Такое ослѣпленіе Турціи казалось, съ перваго взгляда, совершенно непонятнымъ. Во всей менѣе туркофильствующей европейской печати можно было встрѣтить весьма глубокомысленныя варіяціи на тэму: «Quem Deus perdere vult, prius dementat». Но въ настоящее время, не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія насчетъ причинъ такого рѣшительнаго отказа со стороны Порты покориться постановленіямъ всей Европы.

Такими причинами являются, главнымъ образомъ, слѣдующія двѣ: во-первыхъ, непоколебимое убѣжденіе турецкаго правительства въ томъ, что между самими великими державами нѣтъ, собственно говоря, ни полнаго согласія на счетъ навязываемыхъ ему условій мира и преобразованій, ни тѣни согласіи насчетъ мѣръ, которыя слѣдуетъ принимать противъ Турціи, въ случаѣ отказа ея подчиниться постановленіямъ конференціи. Во-вторыхъ, справедливость требуетъ сказать, что само англійское правительство, самымъ добросовѣстнымъ образомъ, содѣйствовало полному фіаско созванной, по его же собственному почину, международной конференціи.

Не только второй англійскій уполномоченный, сэръ Элліотъ, всѣми средствами старался парализовать успѣшный исходъ конференціи и смягчить предъ турецкими «любезными» министрами силу категорическихъ предостереженій своего товарища, маркиза Сэлисбери. Этого мало. Самъ лордъ Дерби дѣлалъ все что былъ въ состояніи, чтобъ успокоить турецкихъ министровъ насчетъ невыгодныхъ послѣдствій ихъ отказа.

Англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ уже 19-го (7-го) декабря, слѣдовательно, до начала общаго собранія конференціи, извѣщаетъ турецкаго посла въ Лондонѣ, что «правительство Ея Величества рѣшило, что Англія не будетъ ни принимать участія въ принудительныхъ мѣропріятіяхъ, въ сухопутныхъ или морскихъ, противъ Порты, ни согласиться на нихъ.» Понятно, что великій визирь поспѣшилъ выразить лорду Дерби свою «глубочайшую признательность» за такое объявленіе [1]). Но не менѣе понятно, что при

[1]) Срав. *Malcolm Maccol.* Three years of the Eastern Question, p. 176.

такихъ обстоятельствахъ турецкое правительство еще болѣе утвердилось во мнѣніи, что ему нечего опасаться отъ отказа подчиниться рѣшеніямъ конференціи.

Засѣданіе конференціи, отъ 8-го (20-го) января 1877 г., было послѣднимъ и Турція вышла съ торжествомъ: западно-европейскія великія державы, отчасти преклонялись предъ мужествомъ турецкаго правительства, отчасти удивлялись его ослѣпленію на пути къ своей погибели. Онѣ даже не рѣшились прервать всѣ дипломатическія сношенія съ Турціею. Только начальники миссіи при Портѣ и первые уполномоченные на конференціи выѣхали изъ Константинополя.

Только Россія, не могла, ни на одну минуту сомнѣваться насчетъ дальнѣйшихъ своихъ дѣйствій въ отношеніи Турціи. Рѣчь Государя Императора, произнесенная въ Москвѣ, точнѣйшимъ образомъ намѣтила путь, по которому пойдетъ Россія, если конференція не придетъ къ умиротворенію Балканскаго полуострова. Но прежде чѣмъ приступить къ рѣшительнымъ мѣрамъ противъ Турціи, Россія, циркуляромъ отъ 19-го (31-го) января [1]), выразила великимъ державамъ свое желаніе знать, что же онѣ намѣрены предпринять теперь, когда Турція выказала полнѣйшее равнодушіе къ законнымъ ихъ интересамъ и справедливымъ желаніямъ.

Такимъ образомъ, доказываетъ январьскій циркуляръ, послѣ дипломатическихъ переговоровъ продолжавшихся больше года съ цѣлью умиротворить Востокъ, эта цѣль не только недостигнута, но положеніе ухудшилось, благодаря еще большему развитію страстей и новымъ потокамъ крови. «Турція не обращаетъ никакого вниманія ни на свои прежнія обязательства, ни на свои обязанности въ качествѣ члена ев-

[1]) Annuaire diplomatique de l'Empire de Russie, 1877, p. 487.

ропейскаго концерта, ни на единодушныя заявленія великихъ державъ.»

Отвѣты великихъ державъ на русскій запросъ напрасно заставили себя ждать. Лордъ Дерби находилъ, въ февралѣ мѣсяцѣ, что обстоятельства такъ существенно измѣнились, вслѣдствіе низверженія Мидхатапаши, что можно забыть о константинопольской конференціи. Между тѣмъ, возстаніе турецкихъ христіанъ все болѣе и болѣе разросталось, вся Россія съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидала неминуемаго объявленія войны; русская армія ежечасно ждала въ Бессарабіи приказанія перейти границу.

«Въ виду такого опаснаго положенія дѣла» совершенно справедливо говоритъ Ролэнъ-Жакмэнъ, «европейская дипломатія показала себя — мы не опасаемся это сказать, безусловно ниже своего назначенія»[1]). Англійское правительство усмотрѣло наконецъ лучшій исходъ въ томъ, чтобы дать Портѣ еще 12 мѣсяцевъ срока для введенія проектированныхъ ею самою великихъ преобразованій.

Наконецъ, въ началѣ марта генералъ-адъютантъ Игнатьевъ объѣхалъ столицы Германіи, Австро-Венгріи, Франціи и Англіи съ цѣлью добиться подписанія протокола, который долженъ былъ имѣть значеніе «окончательнаго протокола», констатирующаго согласіе между великими европейскими державами насчетъ необходимости ввести въ Турціи реформы, предложенныя константинопольскою конференціею. И дѣйствительно 19-го (31-го) марта былъ подписанъ въ Лондонѣ протоколъ, къ которому прибавлены въ видѣ приложеній, три деклараціи: Россіи, Англіи и Италіи

Этотъ актъ представляется любопытнымъ во многихъ отношеніяхъ. Въ началѣ онъ констатируетъ пол-

[1]) *Rolin-Jaequemyns.* Les événements d'Orient, p. 162.

ное согласіе великихъ державъ насчетъ необходимости ввести въ Босніи, Герцеговинѣ и Болгаріи реформы, выработанныя константинопольскою конференціею и «принятыя Портою съ тѣмъ, чтобы она сама вводила ихъ въ дѣйствіе». Эти послѣднія слова возбуждаютъ вопросъ: когда же Порта приняла эти преобразованія?

Затѣмъ принимается державами къ свѣдѣнію, что Порта заключила миръ съ Сербіею, и онѣ находятъ желательнымъ, чтобы Черногорія получила территоріальное приращеніе и свободу судоходства по рѣкѣ Боянѣ.

Далѣе Порта приглашается къ разоруженію и добросовѣстному выполненію мѣръ, требуемыхъ условіями дѣйствительнаго улучшенія судьбы христіанскаго населенія. Наконецъ, если этого улучшенія не послѣдуетъ, если турецкое правительство еще разъ обманетъ надежду великихъ европейскихъ державъ, въ такомъ случаѣ послѣднія предоставляютъ себѣ право рѣшить, (d'aviser) какія мѣры должны быть приняты для охраненія благоденствія христіанскаго населенія и интересовъ всеобщаго мира.

Декларація графа Шувалова, отъ того же числа, объявляетъ, что если миръ будетъ заключенъ съ Черногоріею, если Порта согласится привести свои войска въ мирное положеніе и если она серьознымъ образомъ рѣшится принять упомянутыя въ самомъ протоколѣ реформы, то пусть она пришлетъ въ Петербургъ особеннаго уполномоченнаго для соглашенія по вопросу о разоруженіи.

Англійское правительство, съ своей стороны, объявило, что если этотъ протоколъ не приведетъ къ миру, то оно сочтетъ его лишеннымъ всякаго значенія и обязательной силы (comme nul et non avenu). Замѣчательно, что Англія опредѣлила цѣль этого про-

токола не въ улучшеніи быта христіанъ, но въ достиженіи «взаимнаго разоруженія Россіи и Турціи и *мира* между ними[1])». До сихъ поръ всѣ дипломатическіе переговоры имѣли единственною цѣлью спасти христіанъ отъ ножа турокъ; въ самомъ же протоколѣ ни единымъ словомъ не упоминается о необходимости разоруженія для Россіи; ни въ дѣйствительности, ни на основаніи протокола между Россіею и Турціею еще не было войны и, слѣдовательно, не было никакой надобности лорду Дерби говорить о необходимости возстановленія мира между Россіею и Турціею.

Наконецъ Италія объявила, что она признаетъ обязательную силу лондонскаго протокола настолько, насколько онъ будетъ соблюдаться. Это само собою разумѣется, и потому, можно сомнѣваться въ необходимости такого заявленія со стороны итальянскаго правительства.

Если принять въ соображеніе всѣ эти дополненія, оговорки и самое содержаніе протокола, то несовсѣмъ лишеннымъ основанія покажется утвержденіе извѣстнаго бельгійскаго публициста, что всѣ эти акты представляются наиболѣе противорѣчивыми изъ всѣхъ, когда либо придуманныхъ дипломатами [2]). Но Ролэнъ-Жакмэнъ, кажется, упустилъ изъ виду, что эти противорѣчія обнаруживаются въ особенности при сопоставленіи текста протокола съ содержаніемъ англійской и русской декларацій. Между тѣмъ, весьма вѣроятно, что декларація графа Шу-

[1]) Annuaire diplomatique, 1877, p. 490 et suiv.

[2]) *Rolin-Jacquemyns*. Les événements d'Orient... «et nous ne croyons pas aller trop loin, en disant que ce document et ses annexes constituent un des ensembles d'actes les plus extraordinairement contradictoires que jamais ait enfanté l'imagination des diplomates». (p. 163).

валова была только вызвана странною деклараціею лорда Дерби.

Во всякомъ случаѣ не подлежитъ, въ настоящую минуту, никакому сомнѣнію, что Порта отвергла даже лондонскій протоколъ, подписанный уполномоченными всѣхъ великихъ державъ, главнымъ образомъ по той причинѣ, что Англія, въ декларацiи лорда Дерби, открыто нарушила то единогласіе между державами, которое должно было быть констатировано именно этимъ протоколомъ. Самъ Савфетъ-паша откровенно признался итальянскому повѣренному въ дѣлахъ въ томъ, что декларація лорда Дерби уничтожила всѣ опасенія насчетъ послѣдствій отказа принять протоколъ[1]). Между тѣмъ, даже самъ Мидхатъ-паша не затруднился публично заявить, что, по его мнѣнію, лондонскій протоколъ рѣшительно ни въ чемъ не посягаетъ на неприкосновенность и независимость Оттоманской имперіи. Порта все-таки отвергла его съ «дерзостью и спесью, которыя едва-ли были бы къ лицу наиболѣе могущественной державѣ въ свѣтѣ[2])».

Послѣ этого не для чего было продолжать дипломатическіе переговоры. Циркулярною депешею отъ 11-го апрѣля государственный канцлеръ объявляетъ Европѣ о томъ, что русскимъ войскамъ приказано перейти турецкую границу, и 12-го апрѣля 1877 г. издается Высочайшій манифестъ о войнѣ противъ Турціи. Какъ циркулярная депеша, такъ и Высочайшій манифестъ неопровержимыми доводами доказываютъ, что, послѣ категорическаго отказа Порты положить конецъ невыносимому положенію христіанскаго населенія, и въ виду нежеланія великихъ европейскихъ

[1]) Documenti diplomatici concernenti il Protocolo di Londra, p. 15.

[2]) *Malcolm Maccol.* Three years, p. 205 (Письмо Мидхата-паши въ «Morning Post»).

державъ заставить Турцію подчиниться волѣ и справедливымъ требованіямъ Европы, Россія должна была сдержать свое слово и дѣйствовать самостоятельно.

Въ виду всѣхъ вышеизложенныхъ обстоятельствъ, представляется просто непонятнымъ, какимъ образомъ могло англійское правительство, въ депешѣ отъ 1-го мая 1877 г. къ лорду Лофтусу, обвинить Россію въ нарушеніи мира, парижскаго трактата 1856 г. и лондонской конвенціи 1871 г. Этого мало: Англія считала себя даже въ правѣ объявить Россію державою, поставившею себя внѣ «европейскаго концерта» и неосновательно нарушившею миръ.

Все это утверждалъ лордъ Дерби послѣ того, какъ первый уполномоченный на константинопольской конференціи категорически объявилъ, что вся отвѣтственность за послѣдствія упорства Порты «падаетъ только на султана и его совѣтниковъ!» Да развѣ самъ лордъ Дерби не утверждалъ неоднократно, во время переговоровъ осенью 1876 г., что если Порта не согласится на собраніе конференціи и заключеніе перемирія съ Сербіею и Черногоріею, то война съ Россіею совершенно неизбѣжна?

Россія не нашла нужнымъ удостоить англійскую депешу отъ 1-го мая какимъ либо отвѣтомъ и съ неменьшею рѣшительностью устранила подсказанную Портѣ новымъ англійскимъ посломъ, сэромъ Ляйардомъ, мысль просить о посредничествѣ великихъ державъ, въ силу статьи VIII парижскаго трактата 1856 г.

Русское правительство полагало, что о какомъ либо посредничествѣ между нимъ и Портою, послѣ всѣхъ предшествовавшихъ дипломатическихъ переговоровъ, не можетъ быть и рѣчи.

Глава V.

Россія и Турція какъ воюющія державы.

Объявленіе войны.—Открытіе военныхъ дѣйствій.—Отношенія, возникающія вслѣдствіе войны между воюющими государствами.—Обязанность ихъ соблюдать законы и обычаи войны.—Взглядъ Турціи на эти законы и обычаи.—Какъ относилась къ нимъ Россія?—Сенатскій указъ отъ 12 мая 1877 г.—Его историческое и юридическое значеніе.—Разборъ его постановленій.—Временное положеніе о военноплѣнныхъ 2-го іюля 1877 года.—Основныя его начала.—Другія распоряженія русскаго правительства.—Декларація института международнаго права отъ 12 сентября 1877 года.

Обнародованіемъ циркуляра государственнаго канцлера отъ 11-го апрѣля и Высочайшаго манифеста отъ 12-го апрѣля Россія, торжественнымъ образомъ, объявила себя въ войнѣ съ Оттоманскою имперіею. Русское правительство признало необходимымъ извѣстить объ этомъ событіи еще спеціальною нотою, отъ 12 апрѣля, турецкаго повѣреннаго въ дѣлахъ въ Петербургѣ, Тевфика-бея, которому, вмѣстѣ съ тѣмъ, предписало взять свои паспорты. «Что же касается турецкихъ подданныхъ въ Россіи», продолжаетъ нота, «то тѣ изъ нихъ, которые пожелаютъ покинуть страну, могутъ это сдѣлать; тѣ же, которые пред-

почли бы оставаться, могутъ вполнѣ разсчитывать на покровительство законовъ».

Днемъ раньше, т. е. 11-го апрѣля, русскій повѣренный въ дѣлахъ въ Константинополѣ, г. Нелидовъ, отъ имени своего правительства объявилъ Портѣ, что, во-первыхъ, дипломатическія сношенія между Россіею и Турціею прерваны; во-вторыхъ, германскіе консулы приняли на себя защиту интересовъ русскихъ подданныхъ, и, въ-третьихъ, онъ сдѣлалъ оговорку насчетъ теченія законныхъ сроковъ относительно неоконченныхъ судебныхъ дѣлъ. Вслѣдъ затѣмъ, и въ тотъ же самый день, г. Нелидовъ выѣхалъ изъ Константинополя въ сопровожденіи всего личнаго состава какъ посольства, такъ и консульства [1]).

Турецкое правительство, сообщая о всемъ этомъ своему представителю въ Петербургѣ, приказываетъ ему также выѣхать и сдѣлать оговорку насчетъ судебныхъ правъ и претензій оттоманскихъ подданныхъ въ Россіи, которые впослѣдствіи были поручены особенному покровительству посла и консуловъ Англіи въ Россіи. Но любопытенъ тотъ фактъ, что турецкое правительство не находило нужнымъ признать за русскими подданными право продолжить свое пребываніе на турецкой территоріи, какъ это было сдѣлано русскимъ правительствомъ въ отношеніи турецкихъ подданныхъ. Впрочемъ, насколько намъ извѣстно, поголовнаго изгнанія русскихъ подданныхъ изъ предѣловъ Турціи, по случаю войны, не послѣдовало.

Однако совершенно невѣроятнымъ представляется тотъ фактъ, что, не смотря на всѣ только-что изложенные акты, турецкое правительство все-таки находило возможнымъ обвинить Россію въ томъ, что она

---

[1]) Депеша турецкаго министра иностранныхъ дѣлъ отъ 23 (11) апрѣля 1877 г. (*Staatsarchiv*, Bd. XXXII, № 6,398).

начала военныя дѣйствія *безъ* объявленія войны! Такое обвиненіе можетъ казаться совершеннымъ абсурдомъ въ виду представленныхъ документальныхъ данныхъ, но тѣмъ не менѣе оно было высказано турецкимъ правительствомъ въ депешѣ къ представителю его въ Лондонѣ отъ 13 (25) апрѣля. Оно объявило сообщеніе, сдѣланное Тевфику-бею въ Петербургѣ, «анормальнымъ и противнымъ правиламъ всегда соблюдаемымъ всѣми цивилизованными народами». Руководствуясь «чувствомъ человѣколюбія» блистательная Порта просила о посредничествѣ великихъ державъ, согласно ст. VIII парижскаго трактата 1856 г., между тѣмъ какъ Россія съ «презрѣніемъ» относится ко всѣмъ своимъ «международнымъ обязательствамъ». Этого мало: самъ султанъ жаловался вновь назначенному англійскому послу, сэру Ляйарду, на то, что Россія начала «войну безъ предварительнаго объявленія ея» (without previous declaration of war)[1]).

Въ виду такихъ заявленій турецкаго правительства, не знаешь чему больше удивляться—недобросовѣстности или наивности его. Въ самомъ дѣлѣ, послѣ всѣхъ вышеупомянутыхъ заявленій русскаго правительства, обвиненіе его въ начатіи войны безъ формальнаго ея объявленія, нельзя не признать крайне дерзкимъ поступкомъ, могущимъ служить образцомъ тому, къ какимъ средствамъ прибѣгала, во время послѣдней войны Турція, для того чтобы распространять въ Европѣ самыя возмутительныя небылицы насчетъ Россіи и защитниковъ ея чести и правъ.

Но поступокъ турецкаго правительства оказывается еще болѣе непростительнымъ, если имѣть въ виду слѣдующія два обстоятельства: во-1-хъ, торжественное объявленіе войны вышло изъ международной прак-

[1]) *Staatsarchiv*, Bd. XXXII, №№ 6,406 и 6,407.

тики еще со временъ парижскаго трактата 1763 года, и, во-2-хъ, всѣ наиболѣе авторитетные современные писатели международнаго права признаютъ объявленіе совершенно излишнею формальностью по той простой причинѣ, что трудно себѣ представить, чтобы въ настоящее время международная война могла возникнуть совершенно внезапно, моментально, какъ какой нибудь Deus ex machina[1]). Благодаря развитію международныхъ сношеній и гласности малѣйшее недоразумѣніе, возникшее между данными правительствами, немедленно дѣлается извѣстнымъ и эксплуатируется биржею въ томъ или другомъ смыслѣ. Уже въ началѣ XVIII вѣка замѣчательные юристы доказывали совершенную безполезность объявленій войны, на основаніи именно того несомнѣннаго факта, что война не можетъ возникать безъ всякихъ поводовъ и помимо предварительныхъ натянутыхъ международныхъ отношеній и предшествовавшихъ дипломатическихъ переговоровъ[2]).

Правда, въ серединѣ XVII столѣтія, «отецъ международнаго права», Гуго Гроцій, настаивалъ на необходимости торжественнаго объявленія войны, но Портѣ, по меньшей мѣрѣ, не слѣдовало забывать, что мы живемъ въ концѣ XIX вѣка, когда между *дѣйствительно* цивилизованными народами установились другія воззрѣнія на «международныя обязательства и правила». Что же касается «чувства чело-

[1]) *Phillemore's* Commentaries upon International Law, t. III, p. 85 etc.—*Abdy's Kent.* Commentary: «in modern times the practice of a solemn declaration made to the enemy has fallen into disuse» (p. 188).—*Creasy.* First platform, p. 405.—*Bluntschli.* Modernes Völkerrecht § 522—527.—Le droit international théorique et pratique, t. II, p. 28 etc.

[2]) См. классическое разсужденіе по этому вопросу *Bynkershoeck.* Qaestiones juris publici, lib. I, cap. II.

вѣколюбія», нарушеннаго Россіею тѣмъ, что она будто бы не объявила надлежащимъ образомъ войны, то едва ли подобаетъ правительству, приказавшему вырѣзать все населеніе Болгаріи, учить другихъ дѣлу «гуманности или человѣколюбія».

Вотъ почему Ролэнъ-Жакмэнъ, въ началѣ своихъ превосходныхъ этюдовъ о франко-германской войнѣ 1870 года, имѣлъ полное основаніе сказать, что «Франція *возобновила*, съ цѣлью опредѣлить начало военныхъ дѣйствій, обычай, который казался вышедшимъ изъ употребленія, т. е. объявить войну» [1]). Но какимъ же образомъ происходило это объявленіе войны? Оно заключалось въ томъ, что 19-го іюля 1870 г. французскій повѣренный въ дѣлахъ, Лесуръ, передалъ прусскому правительству ноту, въ которой Франція объявляетъ себя обязанною принять военныя мѣры противъ Пруссіи. Никакого другаго торжественнаго объявленія войны не было, и никогда прусскому правительству и въ голову не приходила мысль обвинять правительство Наполеона III, по этому поводу, въ несоблюденіи правилъ, исполняемыхъ всѣми цивилизованными народами. Равно ни одному публицисту не приходило въ голову признать поведеніе французскаго правительства незаконнымъ.

Между тѣмъ, Россія сообщила своевременно о начатіи военныхъ дѣйствій какъ въ Константинополѣ, такъ и въ Петербургѣ [2]).

---

[1]) Revue de droit international, 1870, p. 656.

[2]) Англійскій туркофильскій юристъ. *Голландъ* справедливо говоритъ: «depuis plus d'un siècle on a généralement commencé les guerres sans déclaration quelconque. C'est donc un fait digne de remarque que la guerre russo-turque fut déclarée par une dépêche formelle remise entre les mains du chargé d'affaires turc à St.-Pétersbourg». (Revue de droit international, 1868, № II, p. 177).

I.

Такъ долго остановились мы на этомъ первомъ фактѣ въ началѣ открытo враждебныхъ дѣйствій между Россіею и Турціею потому, что уже на немъ совершенно рельефно выступаетъ тотъ образъ дѣйствій, котораго турецкое правительство придерживалось въ продолженіе всей войны. Оно распространяло по всей Европѣ сказки о самыхъ гнусныхъ преступленіяхъ, совершаемыхъ будто бы русскими войсками на поляхъ сраженія, и приписывало русскому правительству самыя возмутительныя нарушенія всѣхъ «правилъ, признанныхъ цивилизованными народами», и всевозможныя посягательства на «чувство человѣколюбія». Мы увидимъ, что не было такого звѣрства, не было такой жестокости, не было такого преступленія, которыя, безъ зазрѣнія совѣсти, не приписывались бы русской арміи и ея начальству. Но только-что приведенный фактъ, относящійся къ объявленію войны, совершенно естественно вызываетъ вопросъ, если турецкое правительство, въ виду всѣхъ упомянутыхъ актовъ, все-таки находило возможнымъ обвинить Россію предъ всею Европою въ нарушеніи общепризнанныхъ началъ международнаго права, то что же удивительнаго, если оно, во время войны, также выдумывало всевозможныя обвиненія противъ русскихъ войскъ? Если Порта, имѣя въ рукахъ декларацію Нелидова и зная о нотѣ, врученной Тевфикубею, все-таки не затруднялась утверждать, что война *не* объявлена, то ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ что во время войны она неустанно измышляла такіе факты, которые совершенно немыслимы, и отрицала, напротивъ, «подвиги» своихъ войскъ, которые были, наоборотъ, засвидѣтельствованы совершенно безпристрастными очевидцами. Между тѣмъ нѣтъ со-

мнѣнія, что во время военныхъ дѣйствій нѣтъ никакой физической возможности о всемъ составлять акты и свидѣтельствовать ихъ надлежащимъ образомъ; притомъ же турецкое правительство, не признавшее декларацію Нелидова «настоящимъ» объявленіемъ войны, нисколько не затруднялось впослѣдствіи отрицать такіе факты, о которыхъ были составлены формальные акты, подписанные подданными нейтральныхъ государствъ.

Вотъ съ какой точки зрѣнія исторія объявленія войны заслуживаетъ такого особеннаго вниманія.

Какъ бы то ни было, послѣ 12-го апрѣля 1877 года Россія и Турція фактически находились въ войнѣ другъ съ другомъ, и потому любопытно знать, какъ смотрѣли обѣ державы на свои взаимныя права и обязанности въ качествѣ воюющихъ сторонъ. Выяснить, прежде всего, этотъ вопросъ представляется совершенно необходимымъ для того, чтобы имѣть масштабъ для критическаго анализа всѣхъ послѣдующихъ событій. Не зная, насколько вообще Россія и Турція признавали себя связанными «правилами, соблюдаемыми всѣми цивилизованными народами», нельзя вообще оцѣнивать поведенія ихъ войскъ во время военныхъ дѣйствій. Положимъ, напримѣръ, что обѣ воюющія стороны не признаютъ ни обязательности заключенныхъ на случай войны международныхъ актовъ, ни необходимости соблюдать какіе бы то ни было обычаи и законы войны. Допустимъ, что обѣ воюющія державы совершенно согласны въ томъ, что «in arma silent leges», т. е. что война не знаетъ никакихъ обязательныхъ законовъ, никакихъ границъ дикому произволу, никакихъ препонъ для разнузданныхъ страстей: по мнѣнію обоихъ воюющихъ, война—неограниченная никакими филантропическими теоріями физическая борьба.

Въ такомъ случаѣ взаимныя отношенія между воюющими народами были бы до-нельзя *просты*, *естественны* и *практичны*. Каждый воюющій далъ бы тогда своимъ войскамъ слѣдующій общедоступный наказъ: рѣжьте, убивайте, раззоряйте и опустошайте все и вся на непріятельской землѣ! Всякій согласится, что въ такомъ случаѣ не могло бы быть и рѣчи о какихъ-то обычаяхъ и законахъ войны. A la guerre comme à la guerre! Но удобства такого положенія вещей заключаются не только въ томъ, что оба воюющіе могли бы давать полную свободу животнымъ своимъ инстинктамъ, но они могли бы поставить своимъ войскамъ на видъ, какъ вознагражденіе за понесенныя лишенія и страданія, разграбленіе непріятельскихъ городовъ и безоружныхъ обывателей непріятельской страны. Нѣтъ, наибольшія выгоды такого простаго отношенія къ войнѣ заключаются въ томъ, что всякія обвиненія въ нарушеніи какихъ-то женевскихъ конвенцій и законовъ войны пали бы сами собою: если нѣтъ никакихъ постановленій трактатовъ и никакихъ военныхъ законовъ, подлежащихъ соблюденію во время войны, то, очевидно, нечего нарушать Тогда все позволено, все законно!

Однако до такой простоты отношеній во время войны современныя цивилизованныя государства еще не дошли и не додумались. Напротивъ, мы видимъ, что эти отношенія все болѣе и болѣе усложняются. Мы видимъ, что цивилизованные народы признаютъ самымъ торжественнымъ образомъ, существованіе извѣстныхъ установившихся обычаевъ и законовъ войны. Если, по мнѣнію однихъ, эти обычаи войны вызываются только необходимостью поддерживать военную дисциплину, а по убѣжденію другихъ—требованіями человѣколюбія и условіями культуры, то чрезъ это самый фактъ нисколько не отрицается. Кромѣ

того, мы знаемъ, что существуютъ спеціальные международные договоры, которые вступаютъ въ силу только въ моментъ объявленія войны, какъ, напримѣръ, женевская конвенція относительно раненыхъ и больныхъ воиновъ; а этотъ положительный фактъ служитъ неопровержимымъ доказательствомъ тому, что современныя цивилизованныя государства никакъ не смотрятъ на международную войну, какъ на состояніе полнѣйшаго беззаконія и господства неограниченнаго произвола.

И дѣйствительно, объявленіе войны, по понятіямъ современныхъ народовъ, никакимъ образомъ не возвращаетъ ихъ въ естественное, первобытное состояніе, когда всякое насиліе было геройскимъ подвигомъ и всякій произволъ дозволенъ закономъ. Нѣтъ, война современная не прекращаетъ даже всѣхъ обязательственныхъ отношеній между враждующими государствами: она только пріостанавливаетъ дѣйствіе такихъ договоровъ, исполненіе которыхъ во время войны, очевидно, невозможно. Къ таковымъ относятся всякіе коммерческіе трактаты, всѣ конвенціи о выдачѣ преступниковъ, о консулахъ и т. п. Точно также современныя воюющія государства предоставляютъ судамъ и подданнымъ непріятельской державы опредѣленный срокъ для свободнаго удаленія изъ предѣловъ непріятельской территоріи. Такъ поступили три воюющія державы, т. е. Франція, Англія и Россіи во время войны 1853 по 1856 годъ: онѣ предоставили для отплытія изъ своихъ гаваней непріятельскимъ судамъ шестинедѣльный льготный срокъ. Этому же примѣру послѣдовали другія державы во время всѣхъ послѣднихъ войнъ. Что же касается непріятельскихъ подданныхъ, то установился обычай, на основаніи котораго ихъ не изгоняютъ, но, напротивъ, признаютъ за ними право на спокойное проживаніе тамъ, гдѣ

ихъ застигла война. Прискорбное исключеніе изъ этого общаго правила составляетъ только распоряженіе французскаго правительства, изгнавшаго въ 1870 году всѣхъ подданныхъ германскихъ государствъ изъ Франціи; но всеобщее негодованіе, вызванное этимъ распоряженіемъ во всемъ цивилизованномъ мірѣ, можетъ только служить новымъ подтвержденіемъ дѣйствительно установившагося на этотъ предметъ взгляда.

Наконецъ, во время самой войны, никогда цивилизованное государство не отрицало существованія и обязательности извѣстныхъ обычаевъ или правилъ войны. Напротивъ, воюющія державы не уставали обвинять другъ друга въ неоднократныхъ нарушеніяхъ этихъ правилъ и, не получивъ удовлетворенія, прибѣгали къ самымъ ужаснымъ респрессаліямъ.

Такимъ образомъ, отношенія между воюющими государствами не представляются столь простыми, какъ этого желали бы, можетъ быть, весьма многіе. Эти отношенія не заключаются только въ однихъ опустошеніяхъ, раззореніяхъ и истребленіяхъ. Нѣтъ, они подлежатъ извѣстнымъ, выработавшимся въ продолженіе вѣковъ, правиламъ и должны быть поставлены въ извѣстные предѣлы, соблюденіе которыхъ требуется какъ собственною пользою, такъ и нравственнымъ достоинствомъ и чувствомъ чести человѣка.

При такихъ обстоятельствахъ, обязанности во время военныхъ дѣйствій каждаго современнаго воюющаго государства Европы сложнѣе обязанностей дикихъ среднеафриканскихъ племенъ. Цивилизованныя государства, заключившія международное обязательство на случай войны, очевидно, нравственно и юридически обязаны ихъ исполнять. Для этого же прежде всего необходимо, чтобы лица, на долю которыхъ выпадаетъ фактическое исполненіе такихъ междуна-

родныхъ обязательствъ, не только знали о существованіи ихъ, но, въ то же время, были поставлены въ возможность ихъ исполнять. Вотъ почему несомнѣнная обязанность всѣхъ правительствъ, подписавшихъ женевскую конвенцію, довести ея постановленія *своевременно*, слѣдовательно, не въ самый моментъ объявленія войны, но раньше, до свѣдѣнія своихъ войскъ. Только при этомъ условіи можно будетъ въ значительной степени предупредить нарушеніе правъ, признанныхъ за «Краснымъ Крестомъ» и лицами и учрежденіями, находящимися подъ его охраною.

Къ сожалѣнію, не всѣ правительства, подписавшія женевскую конвенцію, находили нужнымъ познакомить съ нею свои войска во время мира и включить ее въ предметъ военнаго обученія. Этимъ обстоятельствомъ объясняются прискорбныя нарушенія женевской конвенціи, приводившія въ 1870 году французовъ и нѣмцевъ все къ большему и большему взаимному ожесточенію. Только такой порядокъ вещей можетъ намъ объяснить, почему даже фельдшера и лица санитарныхъ отрядовъ знали о женевской конвенціи настолько, что простодушно называли ее «*рыбою*», не имѣя возможности отвѣчать на вопросъ: въ какихъ моряхъ она водится!

То же самое незнаніе господствуетъ въ европейскихъ арміяхъ и относительно петербургской декларации 1868 года, запрещающей употребленіе разрывныхъ пуль. Намъ кажется, что если *этотъ* порядокъ вещей долженъ считаться нормальнымъ и оставаться неизмѣннымъ, то было бы гораздо достойнѣе цивилизованныхъ государствъ на будущее время не заключать никакихъ женевскихъ конвенцій, но безпощадно убивать и до смерти замучивать раненыхъ воиновъ, которые все-таки могутъ впослѣдствіи поправиться, убѣ-

жать на родину и снова вступить въ ряды ея защитниковъ.

Но на это современныя государства не находятъ возможнымъ согласиться; напротивъ, они не только подтверждаютъ новыми заявленіями свое намѣреніе добросовѣстно исполнять постановленія женевской конвенціи, но также соблюдать установившіеся обычаи и законы войны. Такъ въ послѣднее время бывало, что воюющія державы, въ самомъ началѣ военныхъ дѣйствій, объявляютъ о своемъ твердомъ намѣреніи соблюдать постановленія парижской декларації 1856 года и руководствоваться запрещеніемъ относительно разрывныхъ пуль. Такъ, между прочимъ, поступили французское и германское правительства въ началѣ войны 1870 года[1]).

Такого рода заявленія полезны, но недостаточны. Они полезны въ томъ отношеніи, что устраняютъ всякое сомнѣніе насчетъ дѣйствительнаго намѣренія воюющихъ исполнять принятыя на себя обязательства. Въ международныхъ отношеніяхъ, гдѣ нѣтъ охраняющаго исполненіе обязательствъ суда, честное обѣщаніе даннаго государства, лишній разъ высказанное, исполнять эти обязательства добросовѣстнымъ образомъ, никогда не мѣшаетъ, но никакъ не слѣдуетъ выводить изъ такого рода заявленій воюющихъ государствъ, что *только* вслѣдствіе этихъ заявленій, международный актъ, заключенный на случай военныхъ дѣйствій, получаетъ обязательную силу. Было бы ошибочно утверждать, что, напримѣръ, парижская декларація относительно морскаго международнаго права, подписанная Франціею уже въ 1856 году, получила для войны 1870 года обязательную силу только вслѣдствіе заявленія императорскаго правительства

[1]) *Archives diplomatiques*, 1871—1872, I, p. 243, 252.

отъ 22-го іюля 1870 г. Актъ, подписанный государствомъ, сохраняетъ для него обязательную силу до тѣхъ поръ, пока не наступятъ обстоятельства, лишающія его фактическаго или юридическаго значенія.

Подобнаго рода заявленія все-таки крайне недостаточны, хотя бы они и были дѣйствительно вызваны добросовѣстнымъ желаніемъ обезпечить исполненіе извѣстныхъ международныхъ обязательствъ. Будучи изданы только въ моментъ объявленія войны, эти законы часто лишаютъ дѣйствующихъ войскъ, до которыхъ они прежде всего относятся, возможности надлежащимъ образомъ усвоить себѣ ихъ содержаніе. Даже нельзя требовать отъ войскъ, чтобъ они, въ самомъ разгарѣ военныхъ дѣйствій, вполнѣ были проникнуты возвышенною цѣлью постановленій, имѣющихъ задачею останавливать поднятую для удара саблю и заставлять молчать пушки тамъ, гдѣ того требуютъ интересы человѣкоюбія, охраняемые «Краснымъ Крестомъ» на бѣломъ полѣ. Такимъ образомъ подобныя распоряженія, дѣлаемыя въ моментъ объявленія войны, не вполнѣ достигаютъ цѣли.

Наконецъ, никогда, даже вплоть до послѣдняго времени, цивилизованныя воюющія государства не находили нужнымъ ознакомить войска, во время мира, съ обязательными для нихъ обычаями и законами войны[1]). Даже въ приказахъ, обыкновенно отдаваемыхъ высшимъ военнымъ начальствомъ предъ самымъ началомъ военныхъ дѣйствій, говорится только въ

[1]) Франція занимаетъ въ этомъ вопросѣ особенное мѣсто. Послѣ брюссельской конференціи 1874 г. изученіе обычаевъ и законовъ войны вошло въ предметъ обученія французскихъ офицеровъ. Для французскихъ военныхъ училищъ изданъ: «Manuel de droit international à l'usage des officiers de l'armée de terre (2 éd. Paris 1878. in 16°, p. 131. Этотъ учебникъ основанъ на трудахъ брюссельской конференціи.

общихъ чертахъ объ обычаяхъ войны, но напрасно было бы искать въ нихъ точнаго опредѣленія этихъ обычаевъ.

II.

Въ такомъ положеніи находился занимающій насъ вопросъ, въ моментъ объявленія послѣдней войны. Спрашивается теперь: какъ же отнеслись Турція и Россія къ своимъ обязанностямъ въ качествѣ воюющихъ государствъ? Какія приняли онѣ мѣры для того, чтобъ ознакомить свои войска съ обязательными для нихъ постановленіями трактатовъ, обычаевъ и законовъ войны?

Мы обязаны, прежде всего, поставить этотъ вопросъ относительно Турціи, потому что она въ самый моментъ объявленія войны считала себя въ правѣ напомнить Россіи о существованіи «правилъ, соблюдаемыхъ всѣми цивилизованными народами». Въ то время когда турецкія и русскія войска еще не успѣли обмѣняться выстрѣлами, мы должны были выслушать урокъ о томъ, какъ слѣдуетъ понимать «чувства человѣколюбія», первымъ защитникомъ котораго выступилъ турецкій султанъ. Нельзя конечно учиться исполненію своихъ обязанностей, во время войны у такой державы, какъ Россія, которая уже въ началѣ войны заслужила быть поставленною (и кѣмъ?—*Турціею*!) къ позорному столбу, въ качествѣ нарушительницы общепризнанныхъ началъ международнаго права!

И дѣйствительно, Турція не только была въ правѣ, но была *обязана* считать себя цивилизованною европейскою державою, войска которой должны были соблюдать обычаи и законы войны. Статьѣ VIII парижскаго трактата 1856 г., на которую ссылалась Порта въ началѣ войны, съ цѣлью потребовать посредничества великихъ державъ,—предшествуетъ ста-

тья VII, которая гласитъ, что «блистательная Порта признается учавствующею въ выгодахъ общаго права и союза державъ европейскихъ». Турція торжественно введена въ 1856 году въ число государствъ, признающихъ обязательность европейскаго международнаго права.

Это постановленіе парижскаго трактата не можетъ, разумѣется, считаться признаніемъ за Турціею однихъ *правъ*, вытекающихъ изъ международнаго союза цивилизованныхъ государствъ, безъ возложенія на нее соотвѣтственныхъ *обязанностей*. Между тѣмъ, вся послѣдняя война доказала, самымъ осязательнымъ образомъ, что этихъ-то именно обязанностей Турція не понимаетъ, не сознаетъ и исполнять не въ состояніи. Но гдѣ нѣтъ сознанія обязанностей, тамъ не можетъ быть и пользованія правами. Турецкое же правительство рѣшительно не приняло никакихъ мѣръ для ознакомленія своихъ войскъ съ тѣми обязанностями, которыя налагаютъ на нихъ постановленія трактатовъ и существующіе международные обычаи и законы. Правда, на словахъ, турецкое правительство всегда выражало самые великодушные принципы и всегда было готово обвинять другихъ въ нарушеніи несомнѣнныхъ началъ международнаго права и всѣхъ требованій гуманности. Такъ, въ засѣданіи брюссельской конференціи отъ 21-го августа, оба турецкіе делегаты: Каратеодори-эффенди и Эдхемъ, сдѣлали торжественное заявленіе отъ имени своего правительства въ пользу «возвышенныхъ» началъ русскаго проекта военной конвенціи. «Все, что въ состояніи очеловѣчить войну», объявили они, «смягчить разрушительныя и ужасныя ея послѣдствія, напередъ имѣетъ право на сочувствіе правительства, котораго мы имѣемъ честь быть представителями, и,

мы въ правѣ теперь же дать вамъ въ этомъ отношеніи самое положительное завѣреніе».

Такимъ образомъ даже русскій проектъ 1874 г., содержащій въ себѣ изложеніе главнѣйшихъ обычаевъ и законовъ войны, могъ бы послужить турецкому правительству, по меньшей мѣрѣ, напоминаніемъ того, что такіе обычаи существуютъ и должны быть соблюдаемы войсками. Наконецъ, оно имѣло въ своихъ рукахъ всѣ протоколы брюссельской конференціи, на которой оно было представляемо такимъ дѣльнымъ и знающимъ юристомъ и дипломатомъ, какъ Каратеодори-эффенди. Всѣ эти обстоятельства, кажется, должны были напомнить турецкому правительству его святѣйшую обязанность—въ войнѣ съ цивилизованными войсками принять мѣры для соблюденія своими собственными арміями постановленій женевской конвенціи и существующихъ правилъ войны.

Но, въ дѣйствительности, никакихъ подобныхъ распоряженій со стороны турецкаго правительства сдѣлано не было. Турецкія войска не только не имѣли понятія о какихъ бы то ни было обычаяхъ и законахъ войны, но они даже не знали, что существуетъ какая-то конвенція, запрещающая стрѣлять по лазаретамъ и обезпечивающая неприкосновенность жизни раненыхъ и больныхъ воиновъ. Порта совершенно предоставила на благоусмотрѣніе своихъ дикихъ ордъ, набранныхъ изъ пустынь Аравіи и изъ среды варварскихъ племенъ Малой Азіи, дѣйствовать противъ русскихъ войскъ такъ, какъ имъ предписываютъ и Коранъ, и собственная дикость. Казалось бы, что именно въ виду такого состава оттоманскихъ войскъ и свойственнаго мусульманскимъ народамъ фанатизма, тѣмъ болѣе необходимо было ознакомить ихъ съ обязанностями, которыя налагаютъ на Тур-

цію парижскій трактатъ 1856 г. и торжественныя заявленія самого турецкаго правительства, сдѣланныя не позже, какъ на брюссельской конференціи 1874 г.

Но и этого мало. Оказалось, что высшее турецкое правительство не только не доводило до свѣдѣнія своихъ войскъ постановленій женевской конвенціи, но даже само не имѣло правильнаго понятія объ ея постановленіяхъ. Въ депешѣ министра иностранныхъ дѣлъ Савфета-паши къ швейцарскому союзному совѣту отъ 16-го ноября 1876 г. встрѣчается слѣдующая фраза: «Подписывая женевскую конвенцію, Турція обязалась уважать военно-походные лазареты общества «Краснаго Креста» и оказывать имъ свое покровительство, и въ то же время пріобрѣла право учреждать, съ своей стороны, общества, преслѣдующія ту же цѣль и руководящіяся тѣми же правилами». Между тѣмъ, въ женевской конвенціи вовсе нѣтъ рѣчи о подобнаго рода обществахъ, которыя сами собою возникали въ различныхъ европейскихъ государствахъ.

Если, такимъ образомъ, самъ турецкій министръ иностранныхъ дѣлъ, въ депешѣ, спеціально трактующей о женевской конвенціи, обнаруживаетъ полное ея незнаніе, то ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что турецкія войска не имѣли никакого понятія о постановленіяхъ этого международнаго акта. Наконецъ, само турецкое правительство должно было сознаться, что оно сдѣлало распоряженіе о переводѣ конвенціи на турецкій языкъ только вслѣдствіе представленія нейтральныхъ державъ и по истеченіи значительнаго времени послѣ объявленія войны[1]).

---

[1]) «Observations et voeux délibérés par l'Institut de droit international en séance du 12 septembre 1877». (L'Annuaire de l'Institut 1878, p. 114).

Но это нисколько не останавливало турецкое правительство объявлять во время войны, что только турецкія войска соблюдаютъ «принципы гуманности» и «законы войны, такимъ дерзкимъ образомъ нарушаемые врагомъ Оттоманской имперіи»[1]).

Такимъ обравомъ, мы должны констатировать какъ положительный фактъ, что турецкое правительство не только не дѣлало въ началѣ военныхъ дѣйствій никакихъ распоряженій съ цѣлью ознакомить свои войска съ ихъ обязанностями во время войны, но оно даже само не имѣло точнаго понятія о принятыхъ на себя положительныхъ международныхъ обязательствахъ. Когда же война уже была въ полномъ разгарѣ, турецкіе начальники отдѣльныхъ отрядовъ считали себя обязанными слѣдовать примѣру высшаго правительства. Султанъ, въ прокламаціи отъ 25 апрѣля, приказываетъ главнокомандующимъ турецкими арміями всѣми средствами поддерживать въ войскахъ патріотическій духъ и беззавѣтное самопожертвованіе, но ни единымъ словомъ не упоминается объ обязанности войскъ соблюдать законы и обычаи войны[2]). Въ тѣхъ же прокламаціяхъ турецкихъ главнокомандующихъ, которыя составляютъ исключеніе изъ этого общаго правила, встрѣчаются совершенно особенныя, чисто мусульманскія, понятія о войнѣ и ея правилахъ. Такимъ весьма любопытнымъ актомъ представляется прокламація Измаила-паши отъ 8 августа 1877 г. къ своимъ войскамъ[3]).

Турецкій полководецъ, прежде всего, напоминаетъ своимъ подчиненнымъ, что «нашъ святой законъ стоитъ выше законовъ всего цивилизованнаго міра». Съ

---

[1]) *Staatsarchiv*, Bd. XXXII, № 6472.
[2]) *ibid.* № 6415.
[3]) *ibid.* Bd. XXXIII, 1878, № 6542.

этой точки зрѣнія Измаилъ-паша объясняетъ своимъ войскамъ всѣ законы войны. Такъ онъ имъ преподаетъ, что «добыча законна, если сдѣлана согласно предписаніямъ нашего святаго закона» и если «она не препятствуетъ вашимъ движеніямъ, вы можете ее взять съ собою». Слѣдовательно, увезти съ непріятельской территоріи все, что можно носить на себѣ, провозглашается совершенно законнымъ правиломъ войны, потому что это нисколько не запрещается Кораномъ. Вотъ какимъ образомъ сами турецкіе командиры отрядовъ понимали свои права и обязанности въ отношеніи непріятеля и мирнаго населенія на непріятельской территоріи! При такихъ условіяхъ едва ли можно было ожидать какую нибудь пользу отъ распоряженій высшаго турецкаго военнаго начальства въ отношеніи болѣе гуманнаго порядка веденія войны. Напротивъ, можно думать, что такія прокламаціи, какъ прокламація Измаила-паши, собственно были вызваны желаніемъ показать цивилизованной и туркофильствующей Европѣ, что турки въ самомъ дѣлѣ соблюдаютъ обычаи войны, руководствуясь своимъ собственнымъ «святымъ закономъ», предписывающимъ требовать отъ «гяуровъ» или подчиненія, или жизни.

На основаніи всѣхъ приведенныхъ фактовъ, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что Турція вступила въ войну съ Россіею, не выполнивъ никакихъ обязанностей съ цѣлью обезпечить соблюденіе женевской конвенціи или общепризнанныхъ цивилизованными народами правилъ войны. Къ Турціи, поэтому, вполнѣ примѣнимы слова Монтескье, что каждый народъ имѣетъ *свое* международное право и ирокезы, съѣдавшіе своихъ плѣнныхъ, также его имѣли. Турки, вступили въ борьбу съ нами, руководствуясь своимъ «святымъ закономъ, стоящимъ выше законовъ всего

цивилизованнаго міра», и потому, они также совершенно своеобразно понимали свой права и обязанности въ отношеніи непріятельскаго христіанскаго закона. *Турецкое* международное право, по необходимости, должно было отличаться отъ *европейскаго* международнаго права, признаваемаго цивилизованными христіанскими государствами настолько, насколько отличаются военные обычаи ирокезовъ отъ права современныхъ культурныхъ народовъ. Турція, во время войны не въ состояніи была, да и нельзя было требовать отъ нея, чтобы она вдругъ преобразилась и отреклась отъ всѣхъ самобытныхъ воззрѣній на христіанскій міръ, которыми она проникнута до мозга костей. Она была въ продолженіи войны тѣмъ же самымъ государствомъ, въ которомъ презрѣніе къ цивилизаціи и неограниченный произволъ составляютъ основы общественнаго порядка, какимъ она всегда была во время глубочайшаго мира.

Однако, раньше, чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію распоряженій нашего правительства по поводу послѣдней войны, справедливость требуетъ упомянуть объ одномъ распоряженіи турецкаго правительства относительно русскихъ коммерческихъ судовъ, застигнутыхъ въ моментъ объявленія войны въ турецкихъ гаваняхъ.

Въ вѣнской газетѣ «Presse» (май 1877 г.) былъ напечатанъ приказъ турецкаго правительства отъ 19-го апрѣля (1-го мая), на основаніи котораго всѣмъ русскимъ судамъ дается пятидневный срокъ для отплытія изъ турецкихъ портовъ, причемъ, объявляется о намѣреніи турецкаго правительства добросовѣстно соблюдать постановленія парижской декларації 1856 г. и, наконецъ, Порта оставляетъ за собою право осмотра нейтральныхъ кораблей, подозрѣваемыхъ въ подвозѣ непріятелю предметовъ военной контрабанды.

Это, насколько намъ извѣстно, единственное заявленіе турецкаго правительства, имѣвшее цѣлью опредѣлить образъ дѣйствія подчиненныхъ ему властей во время войны противъ Россіи. Но, нельзя не замѣтить, что этотъ приказъ нисколько не касается собственно военныхъ дѣйствій: онъ гораздо больше представляетъ интереса для нейтральныхъ и ихъ торговли. Наконецъ, относительно перваго постановленія неизлишне замѣтить, что едва ли оно могло имѣть какое нибудь практическое значеніе, такъ какъ трудно себѣ представить, чтобы русскія суда находились 12-го апрѣля въ турецкихъ водахъ. Объявленіе войны Россіею было для всѣхъ совершенно неизбѣжнымъ послѣдствіемъ отверженія Портою лондонскаго протокола. Что же касается самаго постановленія, то оно вызываетъ нѣкоторыя замѣчанія. Въ началѣ всѣхъ новѣйшихъ войнъ, воюющія державы дѣлали подобныя распоряженія относительно судовъ, принадлежащихъ подданнымъ непріятельскаго государства, но при этомъ обыкновенно, льготный срокъ для отплытія былъ не менѣе трехъ недѣль и доходилъ иногда до шести [1]). Турецкое же правительство назначаетъ только пять дней для выхода русскихъ судовъ изъ турецкихъ гаваней. Далѣе, обыкновенно, воюющія державы, согласившись дать такую льготу, нисколько не ограничивали свободы судовъ по отношенію къ ихъ пути: они могли отправиться куда желали. Турецкое же распоряженіе безусловно запрещаетъ русскимъ судамъ воспользоваться предоставленнымъ имъ льготнымъ срокомъ для отплытія черезъ проливы въ Средиземное море, такъ что выходъ изъ Чернаго моря и входъ въ него были за-

[1]) Срав. *Bluntschli.* Modernes Völkerrecht, § 669. *Мое* соч.: «О правѣ частной собственности», стр. 132 и слѣд.

крыты. Такое ограничительное условіе еще болѣе лишаетъ практическаго значенія и безъ того весьма незначительную льготу. Если, наконецъ, турецкое правительство великодушно отказалось нарушить первую статью парижской декларації, и объявила о своемъ рѣшеніи не выдавать каперскихъ свидѣтельствъ (lettres de marque), то нельзя сказать, что оно чрезъ это принесло особенно великую жертву на алтарь гуманности. Турецкіе каперы имѣли бы дѣло скорѣе съ нейтральными, нежели съ русскими купеческими судами, которыя едва ли могли бы быть въ открытомъ морѣ, а неизбѣжныя нарушенія правъ нейтральныхъ со стороны турецкихъ каперовъ, могли быть только выгодны для Россіи.

Такимъ образомъ, даже единственное распоряженіе турецкаго правительства, заключающее въ себѣ провозглашеніе извѣстныхъ принциповъ международнаго права, является актомъ крайне недостаточнымъ при сравненіи съ распоряженіями, дѣлаемыми въ подобныхъ же случаяхъ другими европейскими воюющими державами. Но образъ дѣйствія Турціи, при сопоставленіи съ тѣмъ, что сдѣлало русское правительство съ цѣлью обезпечить исполненіе обычаевъ войны и смягчить ея дѣйствія, по справедливости, долженъ былъ вызвать даже въ Западной Европѣ громкіе протесты противъ несоблюденія турецкимъ правительствомъ своихъ обязанностей, въ качествѣ равноправнаго члена европейскаго международнаго общенія.

III.

Всѣ мѣропріятія русскаго правительства по поводу послѣдней войны, насколько онѣ относятся до образа дѣйствія военныхъ властей и армій въ отношеніи непріятеля и его подданныхъ, могутъ быть раздѣлены на два разряда:

1. законоположенія,

2. приказы войскамъ, инструкціи и отдѣльныя распоряженія.

Въ самомъ началѣ войны былъ обнародованъ сенатскій указъ отъ 12-го (24-го) мая, представляющійся такимъ правительственнымъ актомъ, который навѣрно всегда займетъ выдающееся мѣсто въ исторіи распоряженій воюющихъ державъ, имѣющихъ цѣлью выяснить для войскъ ихъ права и обязанности. Мы видѣли выше, что въ послѣднее время воюющія стороны обыкновенно заявляли о своемъ намѣреніи соблюдать постановленія парижской декларации или женевской конвенціи, но такого органическаго законоположенія, излагающаго основныя начала, обязательныя для войскъ, какимъ представляется майскій указъ, не одно европейское цивилизованное государство до сихъ поръ не обнародывало передъ началомъ войны. Ни Франція, ни Германія, ни Австрія, ни Данія, т. е. всѣ тѣ державы, которыя вели войны въ теченіи послѣднихъ двадцати лѣтъ, не считали нужнымъ соединять въ одинъ законъ правила, которыми онѣ намѣрены руководствоваться въ отношеніи какъ непріятеля, такъ и нейтральныхъ.

Вотъ чѣмъ объясняется, что послѣ обнародованія майскаго указа наши западно-европейскія недоброжелатели не упускали случая уменьшить нравственное и юридическое его значеніе. Между прочимъ, они прибѣгали къ тому, что отрицали за Россіею даже честь почина въ этомъ дѣлѣ, утверждая, что будто извѣстное «воззваніе» Института международнаго права напомнило русскому правительству объ его обязанностяхъ въ отношеніи существующихъ обычаевъ войны, съ которыми русская армія будто бы совершенно была незнакома[1]). Такого рода инсинуаціи нисколько

[1]) Срав. *Augsburger Allgemeine Zeitung* 1877, № 159.

не въ состояніи умалить заслугу Россіи въ этомъ дѣлѣ по слѣдующимъ неопровержимымъ соображеніямъ. Во-первыхъ, «воззваніе» Института международнаго права къ воюющимъ государствамъ было сообщено членамъ его и сдѣлалось извѣстнымъ публикѣ только въ началѣ іюня мѣсяца, т. е. въ то время, когда сенатскій указъ не только былъ готовъ въ проектѣ, но уже давно обнародованъ во всеобщее свѣдѣніе. Во-вторыхъ, стоитъ только сравнить это «воззваніе» съ русскимъ указомъ, чтобы видѣть, насколько они вырабатывались совершенно независимо одно отъ другаго. Содержаніе и форма обоихъ актовъ во многихъ отношеніяхъ различны [1]).

Наконецъ, если даже допустить большое сходство между «воззваніемъ» Института и сенатскимъ указомъ, если утверждать, что они находятся въ органической связи между собою, то все это можетъ служить только новымъ доказательствомъ тому, насколько Россія чутка къ тѣмъ законнымъ требованіямъ, съ которыми обращается къ каждой воюющей державѣ совѣсть образованныхъ народовъ и лучшіе ея представители.

Въ виду такого историческаго и практическаго значенія майскаго указа, намъ кажется небезполезнымъ представить здѣсь краткій обзоръ всѣхъ его постановленій. Это представляется тѣмъ болѣе необходимымъ, что майскій указъ подвергался даже въ русской періодической печати нѣкоторымъ превратнымъ толкованіямъ, между тѣмъ какъ въ западно-европейской прессѣ неоднократно пользовались имъ для того, чтобы уличить русское правительство въ противорѣчіи съ самимъ собою и, въ частности, съ постановленіями указа 12-го мая [2]).

[1]) *Annuaire de l'Institut de droit international*, 1878, p. № 132.

[2]) См. *приложеніе* № 3.

«Въ виду возникшей между Россіею и Турціею войны», начинаетъ указъ, «Государь Императоръ повелѣть соизволилъ всѣмъ военнымъ и гражданскимъ властямъ, присутственнымъ мѣстамъ и лицамъ, до кого сіе касаться можетъ, во время нынѣшнихъ военныхъ дѣйствій руководствоваться нижеслѣдующими правилами, какъ въ отношеніи непріятеля и его подданныхъ, равно и въ отношеніи нейтральныхъ государствъ и ихъ подданныхъ».

Эти вводныя слова наилучшимъ образомъ обрисовываютъ органическій характеръ этого законоположенія и существенное его отличіе отъ отрывистыхъ распоряженій другихъ воюющихъ государствъ. Оно, очевидно, должно было служить руководствомъ не только для военнаго начальства на театрѣ военныхъ дѣйствій, но также и для гражданскихъ властей внутри имперіи. Отсюда само собою слѣдуетъ, что по содержанію своему майскій указъ долженъ былъ дать основныя руководящія начала для всѣхъ вообще вопросовъ, которые могутъ представиться во время войны. Такіе же вопросы могли относиться: во-1-хъ, къ самымъ военнымъ дѣйствіямъ въ отношеніи непріятельскаго государства и вооруженныхъ его силъ; во-2-хъ, до нейтральныхъ державъ и нейтральной торговли и, наконецъ, въ-3-хъ, до подданныхъ непріятельскаго государства, пожелавшихъ остаться, на время войны, въ предѣлахъ имперіи.

Наименѣе сложнымъ представляется послѣдній вопросъ. Русское правительство, уже въ самый день объявленія войны, извѣстило Порту, что ея подданные, поселившіеся или находящіеся въ предѣлахъ имперіи, свободно могутъ продолжать свое пребываніе подъ покровительствомъ мѣстныхъ законовъ. Это разрѣшеніе формальнымъ образомъ подтверждается въ первой статьѣ майскаго указа, допускаю-

щей турецкимъ подданнымъ продолжать, въ предѣлахъ имперіи, свои мирныя занятія «подъ защитою и *надзоромъ* дѣйствующихъ законовъ». Такимъ образомъ, турецкіе подданные получили отъ русскаго правительства признаніе всѣхъ тѣхъ правъ, которыми они пользовались въ мирное время. Въ продолженіе войны они находились подъ покровительствомъ англійскаго посольства и консуловъ въ Россіи; они пользовались защитою русскихъ законовъ до тѣхъ поръ, пока ихъ нельзя было уличить во вмѣшательствѣ въ войну и въ совершеніи дѣйствій, направленныхъ противъ безопасности страны, гостепріимно пріютившей ихъ. Слова: «надзоръ дѣйствующихъ законовъ» должны были выражать то бдительное вниманіе, съ которымъ русскія власти обязаны были слѣдить за поведеніемъ оставшихся въ Россіи турецкихъ подданныхъ.

Изъ этого постановленія сенатскаго указа можно сдѣлать слѣдующіе практическіе выводы. Если турецкимъ подданнымъ разрѣшено было свободно продолжать, во время войны, свое пребываніе въ Россіи, то они, вмѣстѣ съ тѣмъ, не лишились прежняго права на защиту со стороны русскихъ судовъ, подобно тому, какъ они не потеряли права на покровительство русскихъ законовъ. Слѣдовательно, Россія совершенно отказалась отъ средневѣковой точки зрѣнія, еще защищаемой современными англійскими юристами, на основаніи которой подданные непріятельскаго государства не имѣютъ права вчинать иски въ мѣстныхъ судахъ противника [1]). Далѣе, если турецкіе подданные безпрепятственно могли пользо-

[1]) *Phillimore's* Commentaries, t. III, p. 133 etc. *Creasy*, First platform, p. 419 etc.—*Wheaton*'s Elements of International Law (ed Dana), § 298 etc.

ваться, во время войны, прежними своими правами, то можно думать, что всѣ заключенные между Россіею и Турціею трактаты не прекратили своего дѣйствія *только* вслѣдствіе объявленія войны. Права турецкихъ подданныхъ въ предѣлахъ имперіи опредѣляются, въ мирное время, заключенными съ Турціею трактатами. Если эти подданные, во время войны, могли «*продолжать*» свое пребываніе и мирныя занятія, то должно думать, что права ихъ оставались неизмѣнными въ своихъ основаніяхъ до тѣхъ тѣхъ, пока законъ не сдѣлаетъ какой либо особенной оговорки. Стало быть, и въ этомъ случаѣ Россія дала удовлетвореніе тѣмъ современнымъ авторитетамъ международнаго права, которые утверждаютъ, что война, сама по себѣ, не прекращаетъ всѣхъ обязательственныхъ отношеній между воюющими государствами [1]). Впрочемъ, соглашаясь на оказаніе англійскимъ посольствомъ и консулами покровительства турецкимъ подданнымъ, правительство руководилось, на практикѣ, тѣмъ убѣжденіемъ, что англійскіе консулы имѣютъ по отношенію къ своимъ новымъ кліентамъ тѣ же права и обязанности, которыя предоставлены имъ, по отношенію къ своимъ собственнымъ соотечественникамъ, на основаніи трактатовъ съ Англіею.

Но статья первая майскаго указа не разрѣшаетъ другаго вопроса, возникшаго, насколько намъ извѣстно, въ продолженіе послѣдней войны: она говоритъ только о турецкихъ подданныхъ, уже пребывающихъ въ предѣлахъ имперіи, но ничего не упоминаетъ о томъ случаѣ, когда непріятельскіе подданные, не застигнутые войною на русской территоріи, могли пріѣзжать

---

[1]) Срав. *Bluntschli.* Modernes Völkerrecht, § 538. *Pasquale Fiore.* Droit international, t. II, p. 260 cetc. *Calvo.* Droit international, § 729 и др.

въ Россію и просить ея гостепріимства. Должны ли были русскія власти допустить на русскую территорію турецкихъ подданныхъ, или же могли отказать имъ въ правѣ поселиться на ней? Не могло ли быть, въ числѣ вновь прибывшихъ турецкихъ подданныхъ, подосланныхъ шпіоновъ, которые могли бы, чрезъ сообщеніе добытыхъ ими свѣдѣній, нанести Россіи огромный вредъ?

Сенатскій указъ дѣйствительно ничего не говоритъ объ этомъ вопросѣ, хотя мы увѣрены, что при составленіи этого законоположенія онъ долженъ былъ имѣться въ виду. Однако, не представлялась особенная надобность въ спеціальномъ постановленіи, признающемъ за русскими властями право не принимать иностранцевъ въ предѣлы имперіи, могущихъ вызвать явную опасность для общественнаго спокойствія и существующаго порядка. Такое право принадлежитъ нашимъ властямъ во время мира и въ отношеніи подданныхъ дружескихъ государствъ; тѣмъ болѣе оно должно быть за ними признано во время войны и въ отношеніи подданныхъ непріятельскаго государства. Наконецъ, еслибъ турецкіе подданные сдѣлали попытку прибыть въ Россію, во время войны, чрезъ какое нибудь нейтральное государство и съ нейтральнымъ паспортомъ, то можно бы было еще, кромѣ того, потребовать предварительнаго визированія такихъ паспортовъ въ русскихъ посольствахъ или консульствахъ.

Въ тѣсной связи съ судьбою турецкихъ подданныхъ, въ предѣлахъ Россіи пребывающихъ, находится вопросъ о положеніи турецкихъ коммерческихъ судовъ, застигнутыхъ въ моментъ объявленія войны въ русскихъ территоріальныхъ водахъ. Вторая статья сенатскаго указа разрѣшаетъ также этотъ вопросъ въ смыслѣ совершенно согласномъ съ распоряженіями,

сдѣланными другими воевавшими цивилизованными державами. На основаніи этой статьи турецкимъ судамъ дозволяется безпрепятственный выходъ въ море «въ продолженіе времени, достаточнаго для нагрузки товаровъ, не составляющихъ военной контрабанды». Прежде всего нельзя не замѣтить, что это постановленіе отступаетъ отъ соотвѣтствующихъ распоряженій другихъ правительствъ въ томъ, что не опредѣляетъ срока, въ теченіе котораго турецкія суда обязаны оставить русскія гавани. Слѣдовательно, совершенно зависѣло отъ мѣстныхъ властей опредѣлить, смотря по обстоятельствамъ, льготное время для отплытія. Турецкое правительство, какъ мы выше видѣли, назначило не болѣе, какъ пятидневный срокъ для русскихъ судовъ въ турецкихъ водахъ.

Затѣмъ сенатскій указъ отличается еще отъ турецкой декларації тѣмъ, что предоставляетъ турецкимъ судамъ право нагружать товары и съ ними выходить въ море. Въ распоряженіи Порты ничего не говорится о такомъ правѣ русскихъ судовъ; напротивъ, самая краткость предоставляемаго имъ срока дѣлаетъ почти невозможнымъ нагружать товары на суда. Этого мало. Если нашъ законъ постановляетъ, что турецкія суда могутъ оставить наши гавани «въ продолженіе времени, достаточнаго для нагрузки товаровъ», то отсюда слѣдуетъ, что истеченіе льготнаго срока поставлено въ непосредственную зависимость отъ того времени, которое потребуется для нагрузки. Само собою разумѣется, что такое широкое право могло быть предоставлено шкиперамъ турецкихъ судовъ только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы они этимъ правомъ не злоупотребляли, ни въ отношеніи времени, ни въ отношеніи предметовъ нагрузки. Вывозъ на турецкихъ судахъ предметовъ военной контрабанды, понятно, не могъ быть допущенъ.

Отсутствіе же въ самомъ законѣ опредѣленнаго срока явно указываетъ на ту мысль законодателя, что сами мѣстныя власти должны были наблюдать за выходомъ турецкихъ судовъ, съ грузомъ или безъ онаго, и, согласно съ интересами имперіи, въ теченіе необходимаго времени.

Наконецъ, относительно разбираемаго постановленія можетъ возникнуть еще одно недоразумѣніе, требующее разъясненія. Турецкое правительство издало свое распоряженіе 19-го апрѣля «когда въ турецкихъ водахъ еще могли находиться русскія суда», между тѣмъ какъ сенатскій указъ былъ обнародованъ только 12-мая, когда, по всей вѣроятности, въ русскихъ гаваняхъ совсѣмъ не было турецкихъ судовъ. Слѣдовательно, разобранное нами постановленіе указа было совершенно безполезно.

Противъ этого мы можемъ возразить, что, во-первыхъ, какъ намъ положительно извѣстно, въ самый моментъ объявленія войны русскимъ правительствомъ было сдѣлано распоряженіе о свободномъ отпускѣ изъ Россіи турецкихъ судовъ, съ грузомъ или безъ онаго. Слѣдовательно, вторая статья майскаго указа служитъ только *подтвержденіемъ* уже ранѣе изданнаго распоряженія. Съ этой точки зрѣнія, мы имѣемъ полное основаніе думать, что съ 12-го апрѣля по 12-е мая, когда появился сенатскій указъ, никакихъ турецкихъ судовъ, застигнутыхъ въ русскихъ территоріальныхъ водахъ, задержано не было. Такимъ образомъ, на дѣлѣ турецкія суда имѣли для свободнаго отплытія изъ Россіи не пять дней, но цѣлый мѣсяцъ послѣ объявленія войны и еще неограниченное время послѣ обнародованія указа 12-го мая.

Таковы постановленія этого закона въ отношеніи подданныхъ непріятельскаго государства, пребываю-

щихъ въ Россіи, и турецкихъ судовъ въ русскихъ территоріальныхъ водахъ.

Посмотримъ теперь, раньше, чѣмъ перейти къ правиламъ касательно самыхъ военныхъ дѣйствій, какъ съ самаго начала войны опредѣлила Россія, въ качествѣ воюющей державы, свои права и обязанности въ отношеніи нейтральныхъ государствъ и торговли ихъ подданныхъ.

Прежде всего, майскій законъ, въ статьѣ 3-ей, подтверждаетъ право подданныхъ нейтральныхъ государствъ на безпрепятственное продолженіе торговыхъ сношеній съ русскими портами и городами, «подъ условіемъ соблюденія законовъ имперіи и началъ международнаго права». Сверхъ того, военнымъ властямъ вмѣняется въ обязанность принимать всѣ мѣры съ цѣлью обезпечить свободу законной торговли нейтральныхъ, «насколько она допускается условіями военныхъ дѣйствій». (Ст. 4-я).

Эти постановленія до такой степени ясны и настолько согласны съ интересами Россіи и традиціонною ея политикою въ вопросахъ нейтральной торговли, что едва ли они нуждаются въ какихъ нибудь комментаріяхъ. Вотъ почему мы рѣшительно не понимаемъ, какимъ образомъ въ нашей періодической печати могла быть высказана мысль, что разбираемыя постановленія открываютъ для иностранцевъ каботажную торговлю и потому противорѣчатъ законнымъ интересамъ русскаго народа. Извѣстно, что не только въ Россіи, но почти во всѣхъ цивилизованныхъ государствахъ каботажная торговля предоставляется исключительно территоріальнымъ подданнымъ. Если же русскіе законы запрещаютъ иностранцамъ заниматься каботажемъ по русскимъ берегамъ, и нейтральные, согласно майскому указу, только «подъ условіемъ соблюденія законовъ имперіи», мо-

гутъ «продолжать» свои торговыя сношенія, то очевидно, что нейтральной торговлѣ не дано никакихъ новыхъ правъ или преимуществъ.

Интересы же Россіи требовали самымъ настоятельнымъ образомъ, чтобы она относилась съ уваженіемъ къ правамъ нейтральныхъ государствъ и не подавала имъ ни малѣйшаго законнаго повода дать свободу тѣмъ непріязненнымъ по отношенію къ Россіи чувствамъ, которыми они были проникнуты. Наконецъ, никто не станетъ спорить, что въ то время, когда Россія лишилась своихъ черноморскихъ портовъ для торговли съ заграничными рынками, она могла только сочувствовать большему развитію торговли въ открытыхъ своихъ портахъ и городахъ.

Съ этой точки зрѣнія совершенно понятна будетъ цѣль тѣхъ двухъ постановленій (статьи 9-я и 10-я) сенатскаго указа, которыя спеціально относятся до судоходства по Дунаю. Эта рѣка имѣетъ громадное значеніе для торговли всей центральной Европы съ Востокомъ и служитъ жизненною артеріею для всей австро-венгерской торговли, поставившей себѣ цѣлью эксплуатировать, насколько возможно, рынки въ турецкихъ областяхъ и, вообще, на берегахъ Чернаго моря. Этимъ объясняется, почему австро-венгерское правительство немедленно послѣ объявленія войны сдѣлало въ Петербургѣ и въ Константинополѣ представленія касательно судоходства по Дунаю.

Въ депешѣ къ барону Лангенау, австро-венгерскому послу въ Петербургѣ, отъ 6-го мая 1877 г.[1]), графъ Андраши доказываетъ, что принципъ свободы судоходства по рѣкамъ, провозглашенный вѣнскимъ конгрессомъ 1815 года и получившій примѣненіе къ рѣкѣ Дунаю, на основаніи постановленія парижскаго кон-

[1]) *Staatsarchiv*. Bd. XXXII, № 6436.

гресса 1856 года, не можетъ быть отмѣненъ волею обѣихъ воюющихъ державъ; но, при этомъ, совершенно справедливо замѣчаетъ австро-венгерскій министръ, «эти международныя постановленія нисколько не требуютъ абсолютнаго нейтралитета рѣки». На этомъ основаніи онъ нисколько не оспариваетъ, что нижнее теченіе рѣки Дуная, а равно и оба ея берега могутъ быть театромъ военныхъ дѣйствій между Россіею и Оттоманскою имперіею[1]).

Еще болѣе категорически высказался въ этомъ смыслѣ вѣнскій кабинетъ въ нотѣ къ графу Зичи отъ 22-го мая[2]), въ которой онъ прямо объявляетъ, что Турція не имѣетъ права разсматривать Дунай, какъ «свою линію обороны» (ligne de défense). Точно также отрицалъ онъ за Турціею право распоряжаться на Дунаѣ по своему произволу (selon son bon plaisir), на основаніи того, что она прибрежная держава. Австро-Венгрія самымъ энергическимъ образомъ настаивала передъ Портою на томъ, чтобы она отмѣнила противозаконное свое распоряженіе, согласно которому всѣ нейтральныя суда, продолжающія плавать по Дунаю, должны были быть конфискованы вмѣстѣ съ грузомъ. Графъ Андраши протестовалъ противъ «такого нарушенія всѣхъ началъ международнаго права и правъ Австро-Венгріи, какъ нейтральной державы».

---

[1]) Въ засѣданіи «Института международнаго права», бывшемъ 11-го сентября 1877 г. въ Цюрихѣ, почтенный профессоръ вѣнскаго университета Нейманъ доказывалъ, что Дунай вѣчно нейтральная рѣка, на которой, собственно говоря, не могутъ происходить военныя дѣйствія. Но это мнѣніе, которое мы старались тогда же опровергнуть, на основаніи вышеприведенныхъ заявленій самого австро-венгерскаго правительства, не находило себѣ поддержки со стороны остальныхъ присутствующихъ членовъ Института (См. *Annuaire de l'Institut*, 1878, p. 141).

[2]) *Staatsarchiv*. Bd. XXXII, № 6447.

Точно также онъ отрицалъ за Портою право требовать, чтобы европейская дунайская коммисія, учрежденная для поддержанія правильнаго судоходства, подняла оттоманскій флагъ и поставила себя чрезъ это подъ исключительное покровительство и надзоръ турецкаго правительства.

Наконецъ, неизлишне будетъ прибавить, что англійское правительство точно также признало необходимымъ напомнить Россіи обязанности ея относительно судоходства по Дунаю и сохраненія сооруженій европейской коммисіи, въ которой англійское правительство также имѣло своего делегата[1]).

Понятно, что русское правительство могло только признать требованія Австро-Венгріи и Англіи совершенно основательными, потому что обѣ нейтральныя державы нисколько не отрицали за нимъ права ни препятствовать, ни даже совершенно прекратить плаваніе нейтральныхъ судовъ по рѣкѣ, если это требовалось военною необходимостью. Государственный канцлеръ, въ нотѣ отъ 30-го апрѣля къ русскому послу въ Вѣнѣ[2]), поручилъ ему объявить, что «Императорское правительство разсматриваетъ перерывъ въ судоходствѣ по Дунаю, какъ случайность, имѣющую временный характеръ и вызванную необходимостью настоящаго военнаго положенія», и что принципъ свободы судоходства по этой рѣкѣ останется и на будущее время совершенно неприкосновеннымъ. Этого мало. Русское правительство даже обязалось принять всѣ мѣры, имѣющія цѣлью устранить, по возможности скорѣе, тѣ преграды для свободнаго судоходства по Дунаю, сооруженіе которыхъ оказалось неизбѣжнымъ въ силу военной необходи-

[1]) *Staatsarchiv*, Bd. XXXII, №№ 6452, 6454, 6457, 6458 и 6464.
[2]) *ibid.* № 6441.

мости. Австро-венгерское правительство не могло не признать эти заявленія Россіи совершенно удовлетворительными.

Въ виду этихъ обстоятельствъ, статьи 9-я и 10 я сенатскаго указа отъ 12-го мая представляются вполнѣ понятными. На основаніи ихъ, «во время военныхъ дѣйствій, происходящихъ на рѣкѣ Дунаѣ и на ея берегахъ, высшее начальство дѣйствующей арміи обязано принимать всѣ мѣры для того, чтобы не препятствовать, насколько возможно, судоходству и законной торговлѣ нейтральныхъ на этой рѣкѣ, подвергая ихъ только такимъ временнымъ стѣсненіямъ, которыя являются неизбѣжными послѣдствіями войны и должны быть отмѣнены въ возможно-скорѣйшемъ времени».

Кромѣ того, русскому военному начальству вмѣняется въ обязанность оказывать особенное покровительство «сооруженіямъ, работамъ и личному составу европейской дунайской коммисіи», которыя находятся подъ покровительствомъ «особеннаго нейтральнаго флага».

Послѣднія слова указываютъ на то обстоятельство, что, если бы дунайская коммисія заблагоразсудила принять навязываемый ей оттоманскій флагъ, она лишилась бы, въ глазахъ русскаго военнаго начальства, своего нейтральнаго характера и, вмѣстѣ съ тѣмъ, права на свою неприкосновенность. Впрочемъ, въ продолженіе войны, коммисія сохранила какъ свой нейтральный флагъ, такъ и свои права, и личную и имущественную неприкосновенность.

Наконецъ, взглядъ Россіи на всѣ вообще права нейтральной торговли точнымъ образомъ выраженъ въ статьяхъ 5-ой, 6-ой и 7-ой майскаго закона. Изъ всѣхъ этихъ статей наиболѣе важною представляется, безспорно, пятая, содержащая въ себѣ извѣстныя

постановленія парижской декларації 1856 года. Такимъ образомъ, само правительство положило конецъ той ожесточенной полемикѣ, которая велась въ нашей печати по вопросу объ обязательности для Россіи этой декларації и о выгодности ея для нея, въ качествѣ воюющей державы. Майскій законъ 1877 года вновь подтверждаетъ серьозное намѣреніе Россіи добросовѣстнѣйшимъ образомъ исполнять этотъ международный актъ до тѣхъ поръ, пока другія державы, его подписавшія, не заставятъ ее отречься отъ него [1]).

Но этого мало. Исчисливъ всѣ четыре постановленія парижской декларації, майскій законъ прибавляетъ еще слѣдующія слова: «Эти постановленія парижской декларації подлежатъ исполненію даже въ отношеніи Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ и Испаніи, не смотря на то, что обѣ эти державы до сихъ поръ къ нимъ не приступили».

Это маленькое прибавленіе, обыкновенно не встрѣчающееся въ декларацiяхъ другихъ воюющихъ державъ, согласившихся вновь подтвердить обязательность постановленій 1856 года, заслуживаетъ вниманія уже потому, что Россія, по собственной своей иниціативѣ, рѣшилась распространить ихъ силу также въ отношеніи двухъ державъ, по настоящее время не признавшихъ возможнымъ принять ихъ. Такого рода за-

---

[1]) Если достовѣрно то, что сообщаетъ докторъ Бушъ въ своемъ извѣстномъ сочиненіи: «Graf Bismark und seine Leute während des Krieges mit Frankreich» (Bd. I, S. 120), то число противниковъ парижской декларації еще увеличилось такою выдающеюся личностью, какъ князь Бисмаркъ, который назвалъ парижскую декларацію «глупостью» (Unsinn), отъ которой Германіи слѣдуетъ отдѣлаться чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Это было сказано 13-го декабря 1870 г. Но въ нотѣ отъ 23-го іюня 1870 г. къ лорду Лофтусу, бывшему тогда въ Берлинѣ, графъ счелъ полезнымъ признать обязательность парижской декларації.

явленіе настолько же подтвердило существованіе дружескихъ отношеній между Россіею, съ одной стороны, и Соединенными Штатами и Испаніею, съ другой, насколько оно обнаруживало намѣреніе русскаго правительства соблюдать парижскую декларацію въ продолженіе послѣдней войны съ Турціею.

Однако ограничиться указаніемъ только на постановленія парижской декларації было недостаточно, если Россія дѣйствительно желала, по возможности, предупредить столкновенія и устранить недоразумѣнія съ нейтральными государствами. Вторая и третья статьи парижской декларації имѣютъ цѣлью охранять неприкосновенность нейтральной торговли, подъ условіемъ, чтобы она не подвозила непріятелю предметовъ военной контрабанды и не нарушала дѣйствительной блокады. Парижская декларація, въ статьѣ четвертой, сама опредѣляетъ, что должно разумѣть подъ дѣйствительною блокадою, но она совершенно оставляетъ неразъясненнымъ вопросъ: что составляетъ военную контрабанду? Такимъ образомъ, остается только обратиться къ рѣшеніямъ призовыхъ судовъ и сочиненіямъ авторитетныхъ писателей международнаго права, чтобы найти отвѣтъ на этотъ вопросъ. Но ни рѣшенія призовыхъ судовъ, ни писатели не даютъ одинаковаго отвѣта, но, напротивъ, весьма существенно расходятся между собою въ пониманіи военной контрабанды[1]). Слѣдовательно, въ данномъ вопросѣ представляется такая же неопредѣленность понятій, какъ въ отношеніи «общепризнанныхъ обычаевъ и законовъ войны». Пока сами пра-

[1]) Срав. *Bluntschli.* Völkerrecht, § 801 u. flg. *Phillimore's.* Commentaries, t. III, p. 403 etc. *Halleck's* International Law (San Francisco, 1861), p. 569 etc. *Woolsey* Introduction to the study of International Law (New York, 1868), § 178 etc. *Gessner.* Le droit des neutres sur mer (2 éd.), p. 82 etc.

вительства не согласятся между собою относительно объема военной контрабанды и содержанія обычаевъ и законовъ войны, спорамъ и недоразумѣніямъ не будетъ конца.

Вотъ почему Россія, въ виду отсутствія международнаго соглашенія, признала необходимымъ самостоятельно высказать свой взглядъ на вопросъ о военной контрабандѣ. Она могла поступить въ этомъ случаѣ двоякимъ образомъ: или ограничиться общимъ опредѣленіемъ, сказавъ, что все служащее непосредственно для военныхъ цѣлей должно считать военною контрабандою, или же, по возможности подробнѣе и точнѣе обозначить предметы, считаемые военною контрабандою. Изъ сенатскаго указа видно, что русское правительство выбрало послѣдній путь, который нельзя не признать наиболѣе выгоднымъ для нейтральной торговли и, въ то же время, наиболѣе согласнымъ съ современными требованіями международнаго права[1]).

Замѣчено было, что русское правительство не причислило каменный уголь къ предметамъ военной контрабанды. Мы видимъ въ этомъ не опущеніе, потому что увѣрены, что этотъ важный предметъ имѣлся въ виду при составленіи номенклатуры военной контрабанды, но, напротивъ, одну изъ хорошихъ сторонъ статьи VI-ой. Если французское правительство, распоряженіемъ 26-го іюля 1870 г., объявило каменный уголь не военною контрабандою, хотя Франція имѣетъ множество морскихъ станцій, гдѣ французскія военныя суда могутъ получать новые запасы каменнаго

[1]) Вопросъ о военной контрабандѣ обсуждался также на сессіи Института международнаго права въ Цюрихѣ осенью 1877 года. Принятое рѣшеніе напечатано въ «*Annuaire de l'Institut*» 1878, p. 112.

угля, то понятно, что Россіи было еще менѣе основанія провозглашать этотъ товаръ военною контрабандой. Впрочемъ, нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что если бы наши военныя суда могли остановить, напримѣръ, англійское судно съ каменнымъ углемъ, предназначеннымъ для турецкаго военнаго флота, то захватъ и конфискація были бы совершенно законны. Въ этомъ самомъ смыслѣ неоднократно высказывалось само англійское правительство во время франко-германской войны [1]).

Притомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что въ концѣ перечня предметовъ военной контрабанды прибавлены слова: «и вообще всѣ другіе предметы, непосредственно предназначенные для войны какъ сухопутной, такъ и морской», признаются, въ принципѣ, предметами военной контрабанды, «если они предназначены въ непріятельскій портъ, исключая только количества этихъ вещей, потребнаго для самого нейтральнаго судна». Стало быть, не только каменный уголь, но и другіе предметы, смотря по обстоятельствамъ, могутъ быть захватываемы въ качествѣ военной контрабанды.

Наконецъ остается еще указать на то, что согласно статьѣ VII-ой наравнѣ съ торговлею военною контрабандою должны быть разсматриваемы слѣдующія недозволенныя дѣйствія нейтральныхъ: «транспортъ непріятельскихъ войскъ, непріятельскихъ депешъ и переписки, поставка и подвозъ непріятелю военныхъ судовъ». Въ такихъ случаяхъ захваченныя съ поличнымъ нейтральныя суда могутъ быть, смотря по обстоятельствамъ, не только захватываемы, но и конфискуемы.

Что нейтральный посредствомъ транспорта непрія-

[1]) *Archives diplomatiques* 1871—1872, I, 269 и 238.

тельскихъ войскъ, депешъ и т. п. нарушаетъ свои прямыя обязанности—въ этомъ никто не сомнѣвается[1]). Но разногласіе обнаруживается въ особенности при разрѣшеніи вопроса: какая участь должна постигнуть нейтральнаго, обвиняемаго въ такомъ нарушеніи своихъ обязанностей? Долженъ ли онъ только лишиться свободы, или же все судно, служившее транспортомъ непріятельскихъ войскъ, должно быть конфисковано вмѣстѣ со всѣмъ грузомъ?

Майскій законъ совершенно основательно ставитъ окончательное рѣшеніе этихъ вопросовъ въ полную зависимость отъ обстоятельствъ, при которыхъ нейтральный былъ захваченъ вмѣстѣ съ поличнымъ.

IV.

Наконецъ остается намъ перейти къ разсмотрѣнію тѣхъ постановленій сенатскаго указа, которыя въ особенности имѣютъ въ виду напомнить нашимъ арміямъ ихъ права и обязанности, какъ на полѣ сраженія, такъ и въ занятой ими непріятельской странѣ. Само собою разумѣется, что законъ 12-го мая, имѣвшій задачею выставить только общія руководящія начала, никоимъ образомъ не могъ дать подробнаго опредѣленія всѣхъ обычаевъ и законовъ войны. Поэтому онъ ограничился, во-первыхъ, заявленіемъ русскаго правительства добросовѣстнѣйшимъ образомъ исполнять постановленіе петербургской военной декларації 1868 года относительно разрывныхъ пуль (ст. XI). Во-вторыхъ, русское правительство торжественно обязывается соблюдать въ отношеніи Турціи и ея вооруженныхъ сухопутныхъ силъ всѣ постановленія женевской конвенціи 1864 года (ст. X).

---

[1]) Срав. *Gessner*. Le droit des neutres, p. 111 et suiv. *Bluntschli*, § 803. *Oke Manning*. International law (ed. by *Abdy*.), p. 390 etc.

Выше мы имѣли случай высказать ту мысль, что если воюющія державы иногда и объявляли, предъ началомъ военныхъ дѣйствій, о своемъ намѣреніи добросовѣстно исполнять заключенный на случай войны договоръ, то въ этомъ, собственно говоря, нѣтъ никакой особенной надобности. Договоръ останется обязательнымъ, даже помимо такого новаго заявленія, до тѣхъ поръ, пока воюющая держава формально отъ него не отречется.

Иначе представлялось положеніе дѣлъ въ началѣ послѣдней войны. Въ теченіе всей сербско-турецкой войны 1876 года турецкія войска совершали самыя гнусныя преступленія надъ ранеными и больными воинами: они изувѣчивали ихъ самымъ звѣрскимъ образомъ и подвергали ихъ самымъ адскимъ мученіямъ.

Понятно, что Россія, войска которой должны были встрѣтиться съ тѣми же самыми турецкими полчищами на полѣ сраженія, должна была задаться вопросомъ: какимъ образомъ охранять своихъ храбрыхъ воиновъ отъ тѣхъ возмутительныхъ преступленій, которыя дозволяли себѣ турки надъ ранеными сербами и черногорцами? Какими средствами можно бы лучше обезпечить соблюденіе, со стороны турецкихъ армій, постановленій женевской конвенціи?

Къ сожалѣнію, тѣ средства, которыми до сихъ поръ обладаютъ воюющія державы, крайне недѣйствительны. Точное соблюденіе женевской конвенціи почти всецѣло зависитъ оттого, въ какой степени дѣйствующія арміи проникнуты духомъ христіанской религіи и чувствомъ уваженія къ своему ближнему, хотя бы онъ былъ врагомъ отечества. Трудно себѣ представить, чтобы какіе нибудь международные судьи, слѣдующіе по стопамъ армій, были въ состояніи предупредить такія варварства, которыя совершенно

безнаказанно совершались на глазахъ самихъ турецкихъ военныхъ начальниковъ. Если само военное начальство оставляетъ безнаказанными и даже поощряетъ къ совершенію самыхъ возмутительныхъ звѣрствъ, то что тутъ можетъ сдѣлать какой нибудь международный судья или трибуналъ? [1])

При такихъ условіяхъ русскому правительству пришлось только воспользоваться тѣми проблематическими средствами для обезпеченія исполненія женевской конвенціи, которыя оно имѣло въ своемъ распоряженіи. Съ этою цѣлью оно признало, во-первыхъ, полезнымъ еще разъ напомнить Турціи, что существуетъ женевская конвенція, имѣющая обязательную для обоихъ воюющихъ государствъ силу. Объявляя вновь о твердомъ своемъ рѣшеніи добросовѣстно соблюдать постановленія этого международнаго акта и вмѣняя высшему военному начальству дѣйствующими арміями въ обязанность принимать всѣ мѣры для охраненія безопасности учрежденій и лицъ, находящихся подъ покровительствомъ «Краснаго Креста», Россія, очевидно, желала также подвинуть турецкое правительство на подобнаго же рода распоряженіе. Вотъ почему, при данныхъ обстоятельствахъ, новое торжественное подтвержденіе обязательности женевской конвенціи было не только своевременно, но даже необходимо.

Однако этого было недостаточно. Необходимо было, имѣя дѣло съ такою державою, какъ Турція, прибавить, что Россія готова исполнить женевскую конвенцію только подъ *условіемъ взаимности*, т. е. если турецкія войска будутъ уважать неприкосновенность

---

[1]) См. проектъ уважаемаго предсѣдателя женевскаго комитета о раненыхъ и больныхъ воинахъ г. Муанье въ «Revue de droit international» 1872, p. 325 et suiv.

«Краснаго Креста», то русскія арміи будутъ поступать такимъ же образомъ; на оборотъ, если турки не исполнятъ женевской конвенціи, русскіе отплатятъ имъ тѣмъ же самымъ. «Око за око, зубъ за зубъ»— правило, которымъ до сихъ поръ руководствуются какъ въ сферѣ частной жизни, такъ и въ области международныхъ отношеній. Но понятно, что эта угроза, въ дѣйствительности, могла имѣть только «академическое» значеніе. Никогда русское военное начальство не стало бы предписывать своимъ подчиненнымъ, чтобы они точно такъ же умерщвляли турецкихъ раненыхъ и замучивали ихъ до-смерти, какъ это дѣлали, въ продолженіе всей войны, турки. Никогда даже на умъ русскаго солдата не могла придти мысль издѣваться надъ мертвыми, какъ это дѣлали башибузуки и черкесы. Никогда не поднялась бы рука русскаго солдата, чтобы убить безоружнаго, раненаго или больнаго, не могущаго обороняться.

Вотъ почему «условіе взаимности», встрѣчаемое въ разбираемомъ законѣ, не могло имѣть практическаго значенія дѣйствительной угрозы. Это отлично понимало турецкое военное начальство: оно поощряло ко всевозможнымъ безчинствамъ, награждало за самыя ужасныя нарушенія женевской конвенціи и оставляло безнаказанными самыя возмутительныя злодѣянія надъ ранеными и больными воинами. Турецкія власти знали, что взаимности со стороны русскихъ войскъ не будетъ, потому что они не въ состояніи подвизаться на одномъ съ башибузуками и турецкимъ низамомъ поприщѣ. И дѣйствительно, разсчетъ турокъ оказался какъ нельзя болѣе вѣрнымъ: не смотря на всѣ такія нарушенія женевской конвенціи турками, отъ которыхъ кровь стынетъ въ жилахъ, русскіе не въ состояніи были идти по стопамъ своихъ враговъ и совер-

шать такія же преступленія противъ всѣхъ божескихъ и людскихъ законовъ.

Наконецъ, статья 10-я, кромѣ постановленія относительно соблюденія женевской конвенціи, содержитъ въ себѣ еще примѣчаніе, требующее нѣкоторыхъ объясненій. Въ примѣчаніи этомъ сказано: «По принятіи турецкимъ правительствомъ, съ предварительнаго согласія Россіи, вмѣсто женевскаго флага съ «Краснымъ Крестомъ», особеннаго отличительнаго знака для своихъ госпиталей и лазаретовъ, начальство дѣйствующихъ армій приметъ всѣ необходимыя мѣры для охраненія неприкосновенности зданій, помѣщеній и лицъ, находящихся подъ защитою этого особеннаго отличительнаго знака согласно женевской конвенціи, если всѣ постановленія послѣдней будутъ соблюдены турецкими властями».

Это примѣчаніе вызвано слѣдующими обстоятельствами. Не раньше, какъ нотою отъ 16-го ноября 1876 г. Сафветъ-паша объявилъ, чрезъ посредство президента Швейцарскаго Союза, всѣмъ державамъ, подписавшимъ женевскую конвенцію, что Турція не можетъ принять «Красный Крестъ» на бѣломъ фонѣ охранительнымъ знакомъ для своихъ лазаретовъ и врачебнаго персонала, потому что «Красный Крестъ» затрогиваетъ религіозныя чувства мусульманскаго солдата. На этомъ основаніи турецкій министръ иностранныхъ дѣлъ сдѣлалъ распоряженіе о томъ, чтобы вмѣсто «Краснаго Креста» въ оттоманскихъ врачебныхъ учрежденіяхъ на театрѣ войны былъ принятъ «Красный Полумѣсяцъ» (croissant rouge) на бѣломъ полѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ просилъ союзный совѣтъ содѣйствовать признанію этого отличительнаго знака со стороны всѣхъ державъ, подписавшихъ женевскую конвенцію[1]).

[1]) См. *Staatsarchiv*, Bd. XXXII, № 6467 и слѣд.

Многія державы согласились, подъ тѣмъ или другимъ условіемъ, принять турецкое предложеніе; другія же (какъ, напримѣръ, Австро-Венгрія и Германія) не могли не выразить свое удивленіе тому, что Порта только въ 1876 году спохватилась насчетъ невозможности принять «Красный Крестъ» какъ отличительный знакъ, установленный женевскою конвенціею. Что касается Россіи, то она категорически отрицала за Портою право, по собственному произволу, измѣнить установленный знакъ «Краснаго Креста» и замѣнить его «Краснымъ Полумѣсяцемъ». Сверхъ того, русское правительство настаивало на томъ, чтобы Турція, прежде всего, формальнымъ образомъ обязалась уважать у своихъ противниковъ «Красный Крестъ».

Вопросъ этотъ не былъ разрѣшенъ, когда возникла послѣдняя война между Россіею и Турціею. Между тѣмъ, обстоятельства требовали скорѣйшаго, даже немедленнаго, разрѣшенія возникшаго затрудненія. Тогда германское правительство предложило принять новый отличительный знакъ для турецкихъ лазаретовъ и врачебнаго персонала только какъ временную мѣру, какъ modus vivendi на время продолженія войны между Россіею и Турціею. Русское правительство немедленно приняло германское предложеніе, но подъ условіемъ, чтобы Турція предварительно формальнымъ образомъ объявила о своемъ намѣреніи соблюдать всѣ постановленія женевской конвенціи и, чтобы рядомъ съ «Краснымъ Полумѣсяцемъ», она поставила еще другой отличительный знакъ. Послѣднее условіе правительство мотивировало тѣмъ, что «Красный Полумѣсяцъ», какъ санитарный флагъ, трудно будетъ отличить отъ египетскаго національнаго флага.

Но не раньше, какъ 13-го іюня, Порта объявила, что «согласно женевской конвенціи, къ которой она приступила съ самаго начала, «Красный Крестъ» бу-

детъ и на будущее время уважаемъ добросовѣстнымъ образомъ (religieusement) и при всевозможныхъ обстоятельствахъ со стороны оттоманскихъ войскъ, *которыя снабжены точными инструкціями на этотъ счетъ*».

Между тѣмъ, какъ видно изъ приказа по войскамъ дѣйствующей арміи № 122, отъ 23-го іюля 1874 года, не раньше какъ во второй половинѣ іюля мѣсяца, главнокомандующій турецкими войсками Мехеметъ-Али былъ въ состояніи объявить великому князю главнокомандующему, что «турецкое правительство приняло «Красную Луну» за отличительный знакъ для тѣхъ лицъ и учрежденій, которыя въ нашей арміи, по правиламъ женевской конвенціи, снабжены «Краснымъ Крестомъ». Нельзя не согласиться, что слишкомъ много потребовалось времени для окончательнаго разрѣшенія внезапно возбужденнаго турецкимъ правительствомъ вопроса. Впрочемъ, почтенный предсѣдатель женевскаго международнаго комитета для раненыхъ и больныхъ воиновъ нисколько не ошибается, утверждая, что, не смотря на примѣчаніе къ статьѣ 10-ой майскаго закона, турецкій санитарный флагъ, съ самаго начала войны, былъ уважаемъ со стороны русскихъ войскъ[1]). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что, не смотря на то, что окончательное разрѣшеніе вопроса о «Красномъ Полумѣсяцѣ» состоялось не ранѣе конца іюля мѣсяца, все-таки *фактически* и *юридически* онъ уже соблюдался со стороны нашихъ армій съ самаго начала военныхъ дѣйствій. Подтвержденіемъ этого мнѣнія служитъ приказъ главнокомандующаго отъ 20-го іюня, обязывающій русскую армію уважать неприкосновенность «Краснаго Полумѣсяца», не смотря на отсутствіе соглашенія съ турецкимъ военнымъ

[1]) «*Bulletin international des sociétés de secours aux militaires blessés*», juillet 1877, p. 84.

начальствомъ. Но такая снисходительность со стороны Россіи нисколько не оправдываетъ крайне страннаго, чтобы не сказать болѣе, образа дѣйствій турецкаго правительства въ настоящемъ случаѣ.

Прежде всего совершенно ошибается Порта, полагая, что «Красный Крестъ» женевской конвенціи имѣетъ какое нибудь религіозное значеніе и представляется религіозною эмблемою. Этотъ крестъ былъ заимствованъ изъ швейцарскаго національнаго флага. Такое толкованіе «Краснаго Креста» подтверждается авторитетомъ Муанье, который, однако, ошибся въ томъ, что въ 1870 году ссылался въ этомъ вопросѣ именно на Турцію, которая, «будучи болѣе проникнута просвѣщенною совѣстью, чѣмъ религіознымъ чувствомъ, согласилась поднять «Красный Крестъ» на своихъ госпиталяхъ»[1]). Въ дѣйствительности же оказалось, что турецкое правительство только въ 1876 году вспомнило о существованіи женевской конвенціи, подписанной имъ уже въ 1865 году. Даже на брюссельской конференціи, когда два засѣданія были посвящены критическому анализу постановленій женевской конвенціи, присутствовавшіе представители Турціи ни словомъ не заявили о томъ, что «Красный Крестъ» можетъ вызвать фанатизмъ мусульманскаго солдата.

Но допустимъ, что Порта, по этой именно причинѣ, не могла принять «Красный Крестъ» для своихъ санитарныхъ учрежденій и врачебнаго персонала, то какимъ же образомъ она могла думать, что фанатическіе мусульмане съ уваженіемъ будутъ относиться къ этому символическому знаку, встрѣчая его на непріятельскихъ лазаретахъ и докторахъ? Если турецкіе солдаты не въ состояніи равнодушно смо-

[1]) *Moynier.* Etudes sur la convention de Genève, 1870, p. 232.

трѣть на «Красный Крестъ» на рукавѣ своихъ собственныхъ врачей, то какъ же можно было думать, что они будутъ его уважать на непріятельскихъ докторахъ? Вотъ почему совершенно правдоподобны и неизбѣжны были такія явленія во время войны Турціи съ Черногоріею и съ Россіею, что турецкая артиллерія переставала стрѣлять по зданіямъ, въ которыхъ находились больные, не ранѣе, какъ по снятіи флага съ «Краснымъ Крестомъ»[1]). Также совершенно понятно, почему, во время послѣдней войны, многіе русскіе врачи даже не вынимали своихъ повязокъ съ «Краснымъ Крестомъ», зная, что этотъ знакъ, обезпечивающій имъ личную неприкосновенность во всякой войнѣ между цивилизованными народами, послужилъ бы, въ глазахъ фанатическихъ мусульманъ, поводомъ къ лишенію ихъ жизни и собственности.

На основаніи этихъ фактовъ казалось бы, что турецкое правительство, если бы оно серьозно пожелало исполнить женевскую конвенцію, должно было прежде всего просить Россію принять «Красный Полумѣсяцъ», какъ отличительный знакъ для *своихъ* санитарныхъ учрежденій. Но понятно, что русское правительство никогда не могло бы согласиться на такого рода просьбу.

Наконецъ, нельзя еще не прибавить, что если «Красный Крестъ» — нисколько не религіозная эмблема, то, напротивъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что «Красный Полумѣсяцъ», дѣйствительно имѣетъ исключительно религіозное значеніе.

Но, не смотря на всѣ эти обстоятельства, русское правительство все-таки не считало согласнымъ съ нравственнымъ своимъ достоинствомъ отплачивать туркамъ за безпрестанныя и возмутительныя нарушенія

---

[1]) «*Bulletin international*», avril 1877, p. 44.

женевской конвенціи. Нѣтъ, оно считало себя нравственно обязаннымъ все-таки принимать всѣ мѣры для исполненія ея постановленій со стороны русскихъ армій. Вотъ почему статья закона 12-го мая относительно женевской конвенціи, не смотря на условія о взаимности, все-таки не осталась мертвою буквою, но постоянно имѣлась въ виду со стороны русскихъ армій.

Этого мало. Съ цѣлью обезпечить полное знакомство со всѣми постановленіями женевской конвенціи, правительство поручило профессору эрлангенскаго университета *Людеру* [1]), написавшему лучшее сочиненіе объ этомъ актѣ, составить комментарій на конвенцію, «съ краткими поясненіями для руководства императорской русской арміи относительно обхожденія съ ранеными, санитарнымъ персоналомъ и санитарными учрежденіями непріятельскихъ войскъ» [2]).

Въ этомъ комментаріи вполнѣ ясно и понятно излагаются какъ цѣль женевской конвенціи, такъ и ея содержаніе. Авторъ желалъ, насколько возможно, спуститься на умственный уровень простаго солдата, которому онъ объясняетъ, насколько состраданіе къ непріятельскимъ раненымъ не только требуется предписаніями христіанской религіи, но не менѣе чувствомъ самосохраненія и сознаніемъ собственной пользы.

Эти наставленія были не только отпечатаны въ «Вѣстникѣ народной помощи», но также разосланы въ тысячахъ отдѣльныхъ оттисковъ въ армію. Наконецъ, не безполезно замѣтить, что это распоряженіе было сдѣлано русскимъ правительствомъ уже

---

[1]) *Lueder.* Die Genfer Convention. Erlangen 1876. Gekrönte Preisschrift.

[2]) «Вѣстникъ народной помощи», № 23.

послѣ того, какъ горькій опытъ представилъ слишкомъ много доказательствъ тому, что отъ турецкихъ полчищъ рѣшительно нельзя ожидать ни уваженія къ «Красному Кресту», ни соблюденія постановленій женевской конвенціи.

Обратимся, наконецъ, къ послѣдней статьѣ сенатскаго указа 12-го мая, имѣвшей громадное практическое значеніе и подававшей поводъ къ нѣкоторымъ весьма страннымъ недоразумѣніямъ.

Статья XII-я гласитъ: «Въ виду смягченія бѣдствій войны и съ цѣлью согласовать, по мѣрѣ возможности и подъ условіемъ взаимности, военныя дѣйствія съ требованіями человѣколюбія, военное начальство не преминетъ сообразоваться, въ своихъ распоряженіяхъ, съ общимъ духомъ началъ, выставленныхъ брюссельскою конференціею 1874 г., насколько они примѣнимы по отношенію къ Турціи и согласны съ особенною цѣлью настоящей войны».

Это постановленіе вызвало разныя возраженія. Одни утверждали, что было совершенно излишне упоминать о постановленіяхъ брюссельской конференціи, потому что они, не по винѣ Россіи, не получили силы формальнаго обязательства. Къ чему же обязывать Россію соблюдать правила войны, изложенныя въ брюссельской деклараціи, если ни другія цивилизованныя державы, ни даже сама Турція не находили нужнымъ принять ихъ въ руководство? Другіе, напротивъ, доказывали, что вообще въ отношеніи турокъ не можетъ быть рѣчи ни о какихъ обычаяхъ и законахъ войны и совершенно излишне навязывать соблюденіе ихъ русскимъ войскамъ. Наконецъ, было еще высказано мнѣніе, съ перваго взгляда совершенно неопровержимое, заключающееся въ томъ, что статья 12-я сенатскаго указа только могла стѣснять распоряженія нашихъ военныхъ властей въ занятыхъ турецкихъ про-

винціяхъ. Этого мало. Приведенное постановленіе даже можетъ служить, нѣкоторымъ образомъ, основаніемъ для возведенія на русскія войска обвиненій въ нарушеніи обязанностей воюющихъ, такъ, какъ онѣ опредѣлены въ брюссельской декларації.

Первыя два возраженія тѣсно связаны между собою и, насколько намъ кажется, представляются наименѣе сильными.

Въ самомъ дѣлѣ, никто не станетъ спорить, что брюссельская декларація объ обычаяхъ и законахъ войны не имѣетъ обязательной силы для Россіи; никто не будетъ серьозно доказывать, что Россія была *юридически* обязана объявлять о своемъ намѣреніи соблюдать такія постановленія международной конференціи, которыя не заключены въ видѣ формальнаго международнаго акта и не подписаны ея уполномоченными. Но, съ другой стороны, мы позволяемъ себѣ думать, что Россія имѣла *нравственную* обязанность не игнорировать трудовъ конференціи, созванной по ея собственному почину и работавшей подъ ея же руководствомъ. Всѣ другія державы, принимавшія участіе въ трудахъ брюссельской конференціи, были гораздо свободнѣе въ этомъ случаѣ. Если бы онѣ начали между собою войну, отъ нихъ нельзя было бы требовать соблюденія началъ, провозглашенныхъ въ Брюсселѣ въ 1874 году.

Совершенно иное было положеніе Россіи. Она неоднократно, какъ во время засѣданій брюссельской конференціи, такъ и въ извѣстныхъ своихъ отвѣтахъ англійскому правительству, утверждала, что проектъ брюссельской декларації, вообще говоря, никакихъ новыхъ правилъ войны въ себѣ не заключаетъ и что онъ только выясняетъ *или* точнѣе опредѣляетъ установившіеся обычаи и законы войны. Если же въ немъ заключаются нѣкоторыя «нововведенія», то толь-

ко такія, которыя требуются просвѣщенною совѣстью цивилизованныхъ народовъ и чувствомъ человѣколюбія. Что этотъ взглядъ Россіи неопровержимъ,—доказывается тѣмъ сочувствіемъ, съ которымъ инціатива Россіи и труды брюссельской конференціи были приняты наиболѣе безпристрастнымъ и компетентнымъ судьею въ этомъ вопросѣ—Институтомъ международнаго права.

Становясь на эту единственно возможную для него точку зрѣнія, правительство должно было высказаться, передъ началомъ войны съ Турціею, насчетъ брюссельской конференціи: оно не могло предать ея забвенію даже просто изъ чувства самоуваженія. Каково было бы ликованіе враговъ Россіи, если бы она дѣйствительно забыла о томъ, что доказывала и энергично защищала въ продолженіе цѣлыхъ двухъ лѣтъ!

Но если, въ самомъ дѣлѣ, брюссельская конференція только лучше опредѣляла уже существующіе обычаи войны, то Россія, не упомянувъ о своемъ намѣреніи руководствоваться постановленіями этой конференціи, была бы вынуждена все-таки соблюдать, во время войны, какіе нибудь правила или законы. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, серьозно доказывать, что русскія войска должны были брать примѣръ съ башибузуковъ, черкесовъ и курдовъ и убивать, грабить и безчинствовать такъ, какъ эти лютые звѣри!

Нельзя же предполагать, чтобы тѣ самыя войска, которыя съ полнымъ сознаніемъ своей «святой миссіи» перешли турецкія границы и имѣли назначеніемъ возстановить порядокъ и право тамъ, гдѣ неограниченно господствовали анархія и произволъ, будутъ слѣдовать примѣру тѣхъ же башибузуковъ, злодѣйства которыхъ вооружили весь русскій народъ противъ турецкаго деспотизма и безначалія. Такое предположеніе было бы равносильно нанесенію русской арміи

и народу самаго незаслуженнаго и тяжкаго оскорбленія.

Стало быть, нечего было и думать о томъ, что русскія войска въ состояніи не уважать законовъ цивилизованной войны. Но тогда представился вопросъ: да откуда же возможно узнать, какіе собственно существуютъ обычаи войны? Изъ книгъ о правѣ войны? —Авторы весьма значительно между собою расходятся. Изъ военной практики другихъ народовъ?—Эта практика полна самыхъ противоположныхъ фактовъ и прецедентовъ, относительно которыхъ воюющія стороны обыкновенно никакъ не могли согласиться. Слѣдовательно, если русскія арміи должны были получить какія нибудь руководящія начала, то послѣднія могли быть почерпнуты только изъ протоколовъ и деклараціи брюссельской конференціи.

Вотъ почему мы вполнѣ убѣждены, что если даже брюссельская декларація навсегда останется скромнымъ проектомъ,—во всѣхъ будущихъ войнахъ между цивилизованными государствами, послѣднія все-таки постоянно будутъ прибѣгать къ ней для разрѣшенія возникающихъ между ними споровъ. Могла ли Россія, въ виду такихъ обстоятельствъ, оставить въ сторонѣ труды брюссельской конференціи? Само собою разумѣется, что это было невозможно. Мало того: это было бы, со стороны правительства, крайне неполитично.

Дѣйствительно, объявляя о своемъ намѣреніи руководствоваться «общимъ духомъ началъ, выставленныхъ брюссельскою конференціею», Россія, вмѣстѣ съ тѣмъ, нашла ту твердую почву, ставъ на которую, она въ состояніи была доказать ложность обвиненій русскихъ войскъ въ возмутительныхъ звѣрствахъ. Если начальство русскихъ армій обязано было, волею Государя Императора, руководствоваться законами и обы-

чаями войны, провозглашенными на брюссельской конференціи, если эти правила безусловно запрещаютъ злодѣйства, въ совершеніи которыхъ обвинялись наши войска туркофилами Западной Европы, то понятно, что всѣ эти обвиненія только тогда имѣли бы нѣкоторую тѣнь правдоподобія и истины, когда бы въ русскихъ войскахъ не исполнялись ни предписанія положительнаго закона, ни требованія военной дисциплины. Напротивъ, пока для русской арміи воля Государя будетъ имѣть безпрекословную обязательность, пока военная дисциплина не уподобилась полнѣйшей разнузданности, пока, однимъ словомъ, русская армія еще существуетъ какъ *армія*, до тѣхъ поръ можно положительно сказать, что законы еще исполняются въ ея средѣ. Таковыми же безусловно обязательными законами являются не только разбираемый сенатскій указъ, но такъ же воинскій уставъ о наказаніяхъ, запрещающій многія изъ тѣхъ дѣяній, за совершеніе которыхъ брюссельская декларація также угрожаетъ наказаніями.

Вотъ почему, благодаря статьѣ 12-ой майскаго закона, всѣ обвиненія, такъ обильно сыпавшіяся на русскія войска, были съ самаго начала войны лишены всякой юридической почвы. Они могли быть поддерживаемы только державою, поставившею себѣ цѣлью, во что бы то ни стало, оскорблять національныя чувства русскаго народа и восторгаться, во что бы то ни стало, великими подвигами турецкихъ головорѣзовъ и разбойниковъ. Эти обвиненія могли быть приняты на вѣру только тою частью западно-европейской публики, для которой турки—«джентльмэны» Востока и представители европейской цивилизаціи, а русскіе—поклонники кнута и азіятскіе варвары. Но людей, безпристрастныхъ и серьозно относящихся къ дѣлу, такія обвиненія противъ русскихъ армій не могли

ввести въ заблужденіе. Лучшимъ тому доказательствомъ служитъ ниже приводимая декларація Института международнаго права, принятая во время его сессіи въ Цюрихѣ, въ сентябрѣ 1877 года.

Такимъ образомъ, въ пользу статьи 12-ой майскаго закона говорятъ какъ практическія или политическія, такъ и нравственныя и юридическія соображенія.

Если только-что изложенныя мысли достаточно убѣдительны, то приведенное третье возраженіе падаетъ само собою. Ни въ какомъ случаѣ постановленіе сенатскаго указа относительно брюссельской декларацiи не могло служить *разумнымъ* основаніемъ для возведенныхъ на наши войска обвиненій; никогда оно не могло существенно стѣснять свободу дѣйствій нашихъ военныхъ и гражданскихъ властей въ занятыхъ нашими войсками турецкихъ провинціяхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ только внимательно прочесть двѣнадцатую статью майскаго закона, чтобы убѣдиться, насколько приведенное возраженіе падаетъ само собою[1]). Начала брюссельской декларацiи должны были служить руководствомъ нашимъ войскамъ настолько, насколько они «примѣнимы по отношенію къ Турціи и согласны съ особенною цѣлью настоящей войны». Въ чемъ же состояла эта особенная цѣль войны? Очевидно, въ томъ, чтобы устроить на Балканскомъ полуостровѣ порядокъ вещей, обезпечивающій дѣйствительное улучшеніе быта христіанскаго населенія. Отсюда слѣдуетъ, что именно по своей цѣли послѣднюю войну нельзя было поставить на одну доску со всѣми другими войнами, бывшими въ Европѣ въ продолженіе нынѣшняго столѣтія. Если же

[1]) См. враждебную Россіи статью *Valbert*: Le nouveau droit des gens et la mission du prince Tscherkassky». (»Revue des deux mondes», 1 août 1877).

цѣль была особенная, то само собою разумѣется, что средства точно также должны были соотвѣтствовать этой цѣли. На этомъ основаніи совершенно несправедливо было подводить всѣ дѣйствія и распоряженія русской оккупаціонной арміи подъ масштабъ, установленный брюссельскою конференціею. На основаніи рѣшеній этой конференціи, оккупаціонная армія обязана уважать существующій въ занятой странѣ общественный порядокъ, учрежденія и законы. Между тѣмъ, въ Болгаріи не было общественнаго порядка, не было правильно устроенныхъ учрежденій, не было законовъ, обезпечивающихъ за большинствомъ населенія какія нибудь человѣческія права, не было, наконецъ, вообще даже должностныхъ лицъ, существующихъ для блага и пользы мѣстныхъ обывателей. Въ Болгаріи существовала только полнѣйшая анархія и господствовалъ неограниченный произволъ турецкихъ чиновниковъ, войскъ, баши-бузуковъ и черкесовъ. Поэтому, русская оккупаціонная армія не только не могла сохранить существующіе порядки, но, напротивъ, она была обязана *создать* новыя учрежденія, новый общественный и государственный порядокъ въ занимаемой ею странѣ. Этого требовала единственная и законная цѣль самой войны.

Становясь на эту единственно вѣрную точку зрѣнія, каждый пойметъ на сколько особенныя обстоятельства послѣдней войны *фактически* не допускали примѣненія русскими войсками всѣхъ, безъ исключенія, постановленій брюссельской конференціи. Вотъ почему двѣнадцатая статья сенатскаго указа ни въ какомъ случаѣ не могла послужить основаніемъ для обвиненій русскихъ армій. Напротивъ, она послужила только новымъ доказательствомъ стремленія Россіи смягчить, на сколько возможно, бѣдствія войны и примѣнять даже въ отношеніи такого варварскаго го-

сударства, какъ Турція, гуманныя постановленія брюссельской конференціи, на сколько это было фактически возможно. Наконецъ, если Россія рѣшилась на такой гуманный образъ дѣйствія только «подъ условіемъ взаимности» со стороны Турціи, то извѣстно на сколько турецкія войска дѣйствительно въ состояніи были понять предписанія брюссельской декларації. Если, ни турецкія арміи, ни само высшее турецкое правительство не знали постановленій женевской конвенціи, для изученія которыхъ у нихъ было 12 лѣтъ, то какимъ же образомъ можно было требовать отъ нихъ соблюденія необязательной брюссельской декларації, составленной только за три года передъ тѣмъ?

Но русское правительство не удовольствовалось только обнародованіемъ одной двѣнадцатой статьи разбираемаго закона. Нѣтъ, съ разрѣшенія высшаго военнаго начальства въ «Военномъ Сборникѣ» было напечатано краткое руководство, въ которомъ, въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ, излагаются всѣ законы и правила войны[1]). Въ основаніе этой работы легли, почти исключительно, постановленія проекта брюссельской декларації и женевской конвенціи. Такимъ образомъ, наши войска получили возможность исполнить возложенную на нихъ сенатскимъ указомъ обязанность: руководствоваться, по мѣрѣ возможности, постановленіями брюссельской конференціи и соблюдать установленные обычаи и законы войны. Мы увидимъ впослѣдствіи, на основаніи показаній совершенно безпристрастныхъ свидѣтелей военныхъ событій, насколько русскія войска дѣйствительно были проникнуты духомъ, вызвавшимъ въ жизнь брюссельскую конференцію 1877 года.

[1]) *Піуновскій.* «Законы и правила войны по международному праву». (*Военный Сборникъ*, іюнь 1877 г.).

V.

Разсмотрѣнный нами сенатскій указъ отъ 12-го мая представляется такимъ органическимъ закономъ, который обнимаетъ всѣ главнѣйшіе вопроса права войны и выставляетъ основныя начала для руководства русскихъ войскъ. Но это законоположеніе не осталось единственнымъ актомъ, свидѣтельствующимъ о твердомъ рѣшеніи Россіи вести войну цивилизованную противъ варварскихъ полчищъ, высланныхъ въ поле турецкимъ правительствомъ.

Въ самомъ началѣ войны правительству представился вопросъ о судьбѣ турецкихъ военноплѣнныхъ въ предѣлахъ Россіи, и потому, въ началѣ мая мѣсяца была учреждена особенная коммисія для составленія новаго положенія о военноплѣнныхъ.

Въ коммисіи были представители слѣдующихъ вѣдомствъ: министерства военнаго, внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, иностранныхъ дѣлъ и путей сообщенія[1]). Эта коммисія составила проектъ новаго положенія о военноплѣнныхъ, который существенно отличается, какъ отъ прежде существовавшаго положенія отъ 16-го марта 1854 года, такъ и отъ подобнаго рода законоположеній, изданныхъ въ Западной Европѣ. Въ основаніе этого проекта были положены тѣ гуманныя начала, которыя были провозглашены на брюссельской конференціи относительно военноплѣнныхъ. Проектъ точно также призналъ, что военноплѣнные почитаются законными и безоружными непріятелями, которые находятся во власти враждебнаго имъ государства, но не лицъ или отрядовъ, взявшихъ ихъ въ плѣнъ. Военноплѣнные имѣютъ право на чело-

[1]) Мы воспользуемся свѣдѣніями о первомъ проектѣ изъ «*Голоса*», №№ 122, 125 и 126 за 1877 годъ.

вѣколюбивое обращеніе. Всякій поступокъ, обнаруживший неповиновеніе, можетъ вызвать принятіе противъ нихъ необходимыхъ строгихъ мѣръ. Все что имъ принадлежитъ лично, за исключеніемъ оружія, остается ихъ собственностью. Такова основная статья (23-я) брюссельской декларацiи относительно военноплѣнныхъ.

Составители перваго проекта, очевидно, также исходили изъ этого основнаго положенія; они точно также совершенно отказались отъ прежде господствовавшаго взгляда, согласно которому военноплѣнный считался чуть не уголовнымъ преступникомъ. Нѣтъ, русскій проектъ вмѣнилъ мѣстной губернской власти въ обязанность наблюдать за тѣмъ, чтобы плѣннымъ не наносилось никакихъ обидъ и чтобы, вообще, все содержаніе военноплѣнныхъ было, въ принципѣ, не хуже положенія нашихъ собственныхъ войскъ.

Однако, если сравнивать этотъ проектъ съ окончательно изданнымъ «Временнымъ положеніемъ о военноплѣнныхъ восточной войны 1877 года» отъ 2-го іюля того же года, то нельзя не замѣтить, что послѣдній проектъ все-таки существенно измѣнился къ лучшему и болѣе соотвѣтствуетъ требованіямъ современной практикѣ въ этомъ вопросѣ.

Эти измѣненія заключаются, въ особенности, въ томъ, что надзоръ и вѣдѣніе всѣми военноплѣнными въ Россіи предоставляется закономъ 2-го іюля военному начальству, между тѣмъ какъ первоначальный проектъ поручалъ ихъ надзору гражданскаго вѣдомства, т. е. министерства внутреннихъ дѣлъ. Составители первоначальнаго проекта исходили изъ того соображенія, что войска, какъ боевая сила, не должны быть, безъ крайней необходимости, призываемы къ такого рода занятіямъ, которыя съ равнымъ успѣхомъ могутъ быть выполнены и невоенными. Согласно

этой основной идеѣ военноплѣнные должны были перейти три отдѣльные моменты: первый—отъ момента взятія въ плѣнъ до передачи на сборный пунктъ; второй—передвиженіе отъ сборнаго пункта до предназначенной плѣннымъ губерніи и третій – пребываніе плѣнныхъ въ мѣстности, указанной для ихъ водворенія. Во время перваго періода плѣнные должны были находиться въ вѣдѣніи управленія дѣйствующей арміи; во время втораго—въ вѣдѣніи военнаго вѣдомства и во время третьяго—въ вѣдѣніи гражданской власти.

Между тѣмъ «Временное положеніе» 2-го іюля выставляетъ какъ основной принципъ, что «главное завѣдываніе плѣнными, находящимися внутри имперіи, принадлежитъ военному министерству по главному штабу. Гражданскія власти оказываютъ всемѣрное содѣйствіе военному начальству по исполненію настоящаго Положенія» (§ 30). Слѣдовательно, мысль о томъ, чтобы поручить завѣдываніе военноплѣнными въ имперіи мѣстной губернской власти была совершенно оставлена законодателемъ. Такое рѣшеніе мы не можемъ не признать весьма удачнымъ.

Въ самомъ дѣлѣ, военные чины турецкой арміи, привыкшіе къ требованіямъ военной дисциплины и нуждающіеся въ ней для поддержанія между ними должнаго порядка, не могли быть предоставлены завѣдыванію гражданской власти, не знающей военной дисциплины и ея условій. Понятно, чѣмъ значительнѣе число турецкихъ военноплѣнныхъ, чѣмъ большими группами они были бы водворены въ одной и той же мѣстности, тѣмъ большую опасность представляли бы они для общественнаго порядка и спокойствія. Но что могли бы сдѣлать съ военноплѣнными буйнаго нрава наши уѣздныя полицейскія власти, исправники и становые? Вѣдь урядниковъ еще

не было во время составленія іюльскаго закона относительно военноплѣнныхъ.

Притомъ, на основаніи законовъ и регламентовъ главнѣйшихъ европейскихъ государствъ, военноплѣнные исключительно подчиняются военному начальству, какъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, такъ и на мѣстахъ ихъ водворенія. На брюссельской конференціи, предсѣдатель ея резюмировалъ въ слѣдующемъ основномъ положеніи всѣ мнѣнія, высказанныя относительно участи военноплѣнныхъ: «Военноплѣнные подчиняются, сообразно ихъ военному чину, постановленіямъ военнаго свода или наказамъ (réglements disciplinaires) государства, во власти котораго они находятся»[1]). Въ окончательномъ же проектѣ декларація встрѣчается слѣдующая статья: «Военноплѣнные подлежатъ законамъ и наказамъ, обязательнымъ въ арміи, во власти которой они находятся».

Наконецъ, если въ продолженіе междоусобной войны 1861—1865 гг. Сѣверо-Американскіе Штаты признали необходимымъ подчинить своихъ военноплѣнныхъ военной дисциплинѣ; если въ 1864 году прусское и австрійское правительства подчинили военному начальству плѣнныхъ датчанъ; если въ 1866 году плѣнные пруссаки въ Австріи и австрійцы въ Пруссіи были поставлены въ такое же положеніе; если, наконецъ, во время войны 1870—1871 г., германское и французское правительства усматривали въ подчиненіи плѣнныхъ военнымъ властямъ и судамъ необходимую гарантію для охраненія внутренней безопасности страны,—то можно было думать, что для турецкихъ баши-бузуковъ и черкесовъ военная дисциплина и военный судъ еще болѣе необходимы и цѣлесообразны.

---

[1]) «*Les actes de la conférence de Bruxelles*», protocole du 5 août.

Вѣроятно такого же рода соображенія были на виду комитета министровъ, когда онъ постановилъ передѣлать первоначальный проектъ въ томъ смыслѣ, что турецкіе военноплѣнные въ продолженіе всего своего пребыванія подъ русскою властью и въ предѣлахъ имперіи, должны находиться въ вѣдѣніи одного военнаго вѣдомства.

Точно также не выдерживало критики другое постановленіе первоначальнаго проекта, на основаніи котораго отъ всѣхъ военноплѣнныхъ «отбираются, съ выдачею въ томъ квитанціи, принадлежащія имъ деньги и драгоцѣнныя вещи», которыя отправляются партіоннымъ начальникомъ къ коменданту сборнаго пункта и далѣе къ подлежащему губернатору. Правда, въ то же время проектъ (§ 49) постановилъ, что «собственность каждаго изъ военноплѣнныхъ, за исключеніемъ оружія, остается неприкосновенною и при возвращеніи ихъ въ отечество дозволяется имъ вывозить съ собою принадлежащее имъ имущество». Въ виду такого постановленія совершенно непонятна цѣль этого оскорбительнаго отбиранія вещей и драгоцѣнностей отъ военноплѣнныхъ, подобно тому, какъ это дѣлается въ отношеніи арестантовъ или преступниковъ. Отъ военноплѣнныхъ отбираются только тѣ денежныя суммы или имущество, которыя принадлежатъ непріятельскому государству и составляютъ законную военную добычу. Въ этомъ смыслѣ высказывались также члены брюссельской конференціи.

«Временное положеніе» совершенно оставило взглядъ первоначальнаго проекта. Въ примѣчаніи къ ст. 4 говорится, что «плѣннымъ *не возбраняется* отдавать партіоннымъ начальникамъ на *сохраненіе* подъ квитанціи принадлежащія имъ деньги и драгоцѣнныя вещи. Деньги и вещи (кромѣ оружія), въ случаѣ вос-

требованія ихъ владѣльцами, выдаются немедленно по принадлежности».

Наконецъ, іюльскій законъ, въ сравненіи съ первоначальнымъ проектомъ, представляетъ еще нѣсколько другихъ улучшеній, ставящій его на высоту подобныхъ же законоположеній, изданныхъ другими европейскими государствами.

Достаточно будетъ, для общей оцѣнки «Временнаго положенія» указать еще на слѣдующія встрѣчающіяся въ немъ постановленія. Такъ, начальникамъ воинскихъ частей, при которыхъ состоятъ военноплѣнные, вмѣняется въ обязанность «строго смотрѣть за тѣмъ, чтобы плѣннымъ не было причиняемо обидъ и притѣсненій и чтобы положенное имъ довольствіе доходило до нихъ полностью и въ надлежащемъ видѣ» (§ 33). Въ основаніе же всего вещеваго и кормоваго довольствія и вообще всего содержанія военноплѣнныхъ въ предѣлахъ имперіи положено начало равноправности съ русскими войсками. Если же военноплѣнные употребляются на работы, то только на такія, которыя не были бы «унизительны для ихъ воинскаго званія и общественнаго положенія», занимаемаго ими въ своей странѣ, и которыя не имѣютъ прямого отношенія къ военнымъ дѣйствіямъ, предприятымъ противъ ихъ отечества и его союзниковъ (§ 40. Безусловно же запрещается лицамъ, которымъ ввѣренъ надзоръ за военноплѣнными, брать ихъ на собственныя работы, «хотя бы и за плату и по добровольному соглашенію съ плѣнными» (§ 41). Наконецъ, само собою разумѣется, за военноплѣнными обезпечиваются полная свобода богослуженія по своему вѣроисповѣданію, неприкосновенность ихъ частной собственности и право на покровительство русскихъ властей и законовъ (§ 57 и слѣд.). Даже въ случаѣ побѣговъ, они не подлежатъ взысканію по суду, но толь-

ко подвергаются болѣе строгому надзору (§ 61). Въ этомъ же самомъ смыслѣ высказалась также брюссельская конференція.

На основаніи такого содержанія «Временнаго положенія о военноплѣнныхъ» понятно будетъ, почему Институтъ международнаго права, ознакомившись съ этимъ законоположеніемъ, долженъ былъ признать, что оно «утверждаетъ самыя гуманныя правила международнаго права».

VI.

Кромѣ только-что разсмотрѣнныхъ законоположеній, какъ въ началѣ самыхъ военныхъ дѣйствій, такъ и во время войны, главнокомандующіе русскими войсками и начальники отдѣльныхъ отрядовъ, неоднократно обращались къ своимъ подчиненнымъ съ напоминаніемъ объ ихъ обязанностяхъ въ отношеніи непріятеля и въ непріятельской странѣ. Сравнивая эти приказы по дѣйствующимъ арміямъ съ тѣми прокламаціями турецкихъ командировъ, о которыхъ мы выше упомянули, нельзя не вывести заключенія, что между тѣми и другими лежитъ огромная, существенная разница. Если турецкіе полководцы признали цѣлесообразнымъ еще болѣе своими воззваніями разжигать религіозный фанатизмъ своихъ подчиненныхъ, то напротивъ въ русскихъ приказахъ постоянно встрѣчаются напоминанія о томъ, что русскій солдатъ долженъ относиться съ уваженіемъ къ мирнымъ обывателямъ непріятельской земли и къ ихъ вѣрѣ и религіознымъ обрядамъ. Если султанъ въ своемъ воззваніи къ полководцамъ даже не призналъ нужнымъ упомянуть о необходимости соблюдать какіе нибудь обычаи войны, то, напротивъ, въ приказахъ русскихъ главнокомандующихъ исполненіе этихъ обычаевъ ставится вопросомъ военной чести.

Здѣсь не мѣсто приводить цѣликомъ эти приказы по дѣйствующимъ русскимъ арміямъ и въ этомъ нѣтъ также особенной надобности, въ виду того, что тѣ общіе принципы, которые встрѣчаются въ одномъ приказѣ, обыкновенно только повторяются въ другихъ, послѣдующихъ. Идея ихъ, на сколько они касаются образа дѣйствія войскъ въ отношеніи мирныхъ жителей непріятельскаго края и ихъ собственности, одна и та же: уваженіе и пощада лицъ безоружныхъ, не имѣющихъ возможности сопротивляться.

Вотъ почему мы ограничимся указаніемъ только на нѣкоторые приказы, заслуживающіе особеннаго вниманія.

Въ день объявленія войны Турціи, 12-го апрѣля, былъ опубликованъ приказъ главнокомандующаго по войскамъ дѣйствующей арміи, въ которомъ объясняется какъ цѣль предстоящей войны, такъ и правила для поведенія арміи.

«Сотни лѣтъ, начинаетъ приказъ, тяготѣетъ иго «турецкое надъ христіанами — братьями нашими.

«Горька ихъ неволя. Все, что дорого человѣку — «святая вѣра Христова, честное имя, потомъ и кровью «добытое добро — все поругано, осквернено невѣр«ными.

«Не выдержали, несчастные, возстали противу угне«тателей, и вотъ уже два года льется кровь христі«анская; города и села выжжены; имущество разгра«блено; жены и дочери обезчещены; населеніе иныхъ «мѣстъ поголовно вырѣзано...

«Войска ввѣренной мнѣ арміи!

«Намъ выпала доля — исполнить волю царскую и «святой завѣтъ предковъ нашихъ.

«Не для завоеваній идемъ мы, а на защиту пору«ганныхъ и угнетенныхъ братьевъ нашихъ и на за«щиту вѣры Христовой.

«И такъ: впередъ! Дѣло наше свято и съ нами «Богъ.

«Я увѣренъ, что каждый, отъ генерала до рядоваго, «исполнитъ свой долгъ и не посрамитъ имени рус«скаго. Да будетъ оно и нынѣ такъ грозно, какъ въ «былые годы. Да не остановятъ насъ ни преграды, ни труды, ни лишенія, ни стойкость врага.

«*Мирные же жители, въ какой бы вѣрѣ и къ ка«кому народу они ни принадлежали, равно какъ и «ихъ добро, да будутъ для васъ неприкосновенны. Ни«что не должно быть взято безвозмездно; никто не «долженъ дозволить себѣ произвола.*

«Въ этомъ отношеніи, я требую отъ всѣхъ и каждаго самаго строгаго порядка и дисциплины; въ нихъ— «наша сила, залогъ успѣха, честь нашего имени».

Оканчивается этотъ замѣчательный актъ напоминаніемъ войскамъ, что вступая въ Румынію, они должны смотрѣть на румынъ, какъ на братьевъ и союзниковъ, и защищать ихъ дома такъ же, какъ свои собственные.

Въ подчеркнутыхъ нами словахъ содержится цѣлый сводъ правилъ, опредѣляющихъ права и обязанности дѣйствующихъ армій къ населенію занятой ими непріятельской страны. Принципъ неприкосновенности жизни, чести и собственности мирнаго и безоружнаго населенія признается въ приведенныхъ словахъ самымъ категорическимъ образомъ.

«Ничто не должно быть взято безвозмездно!»— вотъ начало, которое постоянно провозглашалось до послѣдняго времени лучшимъ завоеваніемъ духа цивилизаціи и прогресса надъ дикимъ произволомъ и средневѣковыми систематическими разграбленіями непріятельскихъ подданныхъ.

«Никто не долженъ дозволить себѣ произвола!»— вотъ основная идея всего права войны, всѣхъ зако-

новъ и обычаевъ войны, слѣдовательно и брюссельской конференціи 1874 года. Стоитъ только развивать послѣдовательно это основное положеніе, чтобы убѣдиться, на сколько современная война, по понятіямъ цивилизованнаго и христіанскаго народа, не есть возвращеніе въ блаженное состояніе всеобщей рѣзни и неограниченныхъ насилій.

Выше всякаго сомнѣнія и глубоко истинны слова этого приказа, что только при поддержаніи въ войскахъ порядка и дисциплины—возможны окончательный успѣхъ предпринятаго дѣла, побѣда и охраненіе незапятнанными своей воинской чести и добраго имени.

Мы увидимъ впослѣдствіи, что русскій солдатъ дѣйствительно стоялъ на высотѣ возложеннаго на него святаго дѣла и что онъ, съ небывалою добросовѣстностью и рѣдкимъ самопожертвованіемъ, уважалъ жизнь, честь и даже собственность населенія занятаго непріятельскаго края въ то самое время, когда самъ нуждался.

Было бы несправедливо думать, что только въ отношеніи христіанскаго населенія турецкихъ провинцій, русскому солдату было вмѣнено въ обязанность быть героемъ какъ на полѣ сраженія, такъ и во время борьбы съ самимъ собою противъ невольно возбуждающихся страстей и слѣпаго инстинкта.

Нѣтъ, уже въ приведенномъ приказѣ войскамъ главнокомандующимъ категорически вмѣняется имъ въ обязанность не дѣлать никакого различія между христіанами, своими братьями по происхожденію и по вѣрѣ, и мусульманскими жителями турецкихъ провинцій. Всѣ мирные жители, «къ какой бы вѣрѣ и къ какому бы народу они ни принадлежали», должны быть одинаково уважаемы въ неприкосновенности ихъ личности и собственности.

Этою же самою идеею проникнута также прокламація Государя Императора къ жителямъ Болгаріи отъ 10-го іюня 1877 года [1]).

Обращаясь къ мусульманамъ, Государь ручается, что правильному и безпристрастному суду подвергнутся лишь тѣ немногіе злодѣи, имена которыхъ извѣстны были и турецкому правительству.

«А вы—признайте чистосердечно судъ Божій, надъ вами безповоротно совершающійся. Смиренно покоритесь Его священному Предопредѣленію. Подчинитесь безусловно законнымъ требованіямъ тѣхъ властей, которыя, съ появленіемъ войска моего, будутъ установлены. Исполняйте ихъ приказанія безпрекословно. Сдѣлайтесь мирными гражданами общества, готоваго даровать и вамъ всѣ блага правильно устроенной гражданской жизни. Ваша вѣра останется неприкосновенною, ваша жизнь и достояніе, жизнь и честь вашихъ семействъ—будутъ свято охраняемы».

Въ виду такихъ воззваній, трудно понять, какимъ образомъ можно было *добросовѣстно* обвинять Россію въ томъ, что она будто бы возбудила «религіозный фанатизмъ» своихъ войскъ и обратила всю войну въ войну религіозную, въ крестовый походъ противъ ислама и его сторонниковъ. Стоило только внимательнѣе и безъ предвзятой цѣли прочесть тѣ акты, которые ставятся въ вину русскому правительству, чтобы убѣдиться, насколько была далека отъ него мысль видѣть «святую миссію» русскаго оружія на Востокѣ въ истребленіи иновѣрцевъ и въ возобновленіи религіозныхъ войнъ прошедшихъ вѣковъ.

Нѣтъ, во всѣхъ заявленіяхъ нашихъ военныхъ властей проходитъ одна и та же мысль: поддержи-

[1]) «*Летучій Военный Листокъ*», *№ 1.*

вать въ самихъ арміяхъ сознаніе «святости возложеннаго на нихъ порученія, которое они въ состояніи исполнить, надлежащимъ и достойнымъ ихъ отечества образомъ, только при томъ условіи, что въ непріятельской странѣ онѣ будутъ не только представителями политическаго могущества, но также защитниками лучшихъ началъ цивилизаціи и культуры. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что чѣмъ больше русскія войска были проникнуты этимъ сознаніемъ, чѣмъ съ большимъ уваженіемъ относились къ законнымъ правамъ и интересамъ населеній занятыхъ непріятельскихъ земель, тѣмъ прочнѣе были наши завоеванія и тѣмъ глубже засѣли сѣмена, посѣянныя нашими войсками впродолженіи кратковременнаго пребыванія въ турецкихъ провинціяхъ. Хотя эти провинціи и были возвращены подъ турецкое иго, хотя населеніе ихъ вновь вынуждено было покориться турецкому деспотизму, всетаки можно быть увѣреннымъ, что гуманное и безукоризненное поведеніе русскихъ оккупаціонныхъ войскъ оставило такіе неизгладимые слѣды въ сердцахъ возвращенныхъ подъ турецкій ножъ подданныхъ султана, что никогда они не забудутъ послѣдней войны. Никогда не изгладится изъ ихъ памяти сознаніе того, что врагъ ихъ отечества, шедшій войною на главу всѣхъ правовѣрныхъ послѣдователей пророка, выказывалъ къ нимъ больше уваженія и справедливости, чѣмъ отечественныя власти. Такого рода воспоминанія переходятъ изъ поколѣнія въ поколѣніе и на нихъ основывается нравственное завоеваніе народовъ, которое всегда было прочнѣе завоеванія, покоющагося исключительно на физической силѣ и исключительно добываемаго силою оружія.

Нѣтъ сомнѣнія, что этими же самыми мыслями руководилось главное начальство кавказской арміи во

время послѣдней войны. По свидѣтельству, какъ англійскаго консула въ Эрзерумѣ, такъ и корреспондентовъ англійскихъ газетъ въ турецкомъ лагерѣ, распоряженія нашихъ военныхъ властей въ занятыхъ турецкихъ областяхъ были до такой степени гуманны и поведеніе русскихъ войскъ въ отношеніи мирныхъ жителей до такой степени безупречно, что эти забитые подданные султана вздохнули свободно только подъ властью врага ихъ отечества[1]). Такое необычайное для англичанъ человѣколюбіе и такое непонятное для нихъ соблюденіе, даже въ отношеніи турокъ, обычаевъ цивилизованной войны заставило англійскихъ очевидцевъ на театрѣ военныхъ дѣйствій видѣть въ распоряженіяхъ нашихъ военныхъ властей только хитрую политику и «московскую тактику».

Между тѣмъ, въ дѣйствительности всѣ распоряженія нашихъ военныхъ властей въ турецкой Арменіи гораздо проще объясняются искреннѣйшимъ желаніемъ смягчить, насколько возможно, ужасныя бѣдствія войны. Эта верховная цѣль обнаруживается настолько въ вышеприведенныхъ прокламаціяхъ, изданныхъ въ районѣ дѣйствій дунайской дѣйствующей арміи, насколько же въ воззваніяхъ главнокомандующаго кавказскою арміею.

Въ воззваніи главнокомандующаго кавказскою арміею къ жителямъ Аджаріи и Кабулета мы находимъ слѣдующія слова:

«Не для обиды мирныхъ жителей обнажилъ мечъ «свой благодушный и человѣколюбивый монархъ, не «въ угнетеніи безоружныхъ ищетъ онъ славы своего «оружія; онъ направляетъ его въ защиту угнетенныхъ «и въ обузданіе угнетателей. Онъ хочетъ ограждѐ«нія правды и человѣческаго права.

---

[1]) Срав. корреспонденцію «*Daily Telegraph*» изъ Эрзерума отъ 17-го мая 1877 г.

«Поэтому не угрозою вамъ, мирнымъ жителямъ, «являются въ ваши предѣлы войны русскаго Госу- «даря: нѣтъ, всякаго изъ васъ, кто самъ поступками «своими не выкажетъ себя врагомъ нашимъ, будемъ «мы считать другомъ и будемъ ограждать его семью «и достояніе.

«И да послужитъ пребываніе русскихъ войскъ въ «странѣ вашей не ко взаимной враждѣ и озлобленію, *а къ установленію духовной связи и къ сближенію нашему съ вами*».

Совершенно въ этомъ же духѣ было воззваніе къ жителямъ Эрзерумскаго вилайета:

«Русскія войска идутъ не для разоренія мирныхъ «подданныхъ турецкой державы, а для того, чтобы «подать руку помощи безвинно-страждущимъ и угне- «теннымъ.

«Не опасайтесь за вашъ покой и за цѣлость иму- «щества. *Волосъ съ головы вашей не упадетъ отъ на- «силія*, ежели вы, съ довѣріемъ къ нашимъ войскамъ, «останетесь мирно въ своихъ жилищахъ. Начальнику «войскъ, генералъ-адъютанту генералу отъ кавалеріи «Лорисъ-Меликову, мною дано повелѣніе строжайше «преслѣдовать виновныхъ во всякой причиненной вамъ «несправедливости и обидѣ, если бы то, вопреки ожи- «данія, случилось»[1]).

Трудно высказать въ болѣе точныхъ выраженіяхъ то основное положеніе современнаго права войны, въ силу котораго война есть, прежде всего, борьба между вооруженными организованными силами воюющихъ государствъ, чѣмъ это сдѣлано въ только-что приведенныхъ двухъ правительственныхъ актахъ.

Но сравнивая послѣднюю войну Россіи и Турціи съ войною франко-германскою 1870 года, вниманіе

[1]) См. «*Правительственный Вѣстникъ*» отъ 28-го апрѣля 1877 г.

невольно останавливается на слѣдующемъ любопытномъ различіи. Въ началѣ франко-германской войны воюющія стороны точно также издавали прокламаціи къ своимъ войскамъ, въ которыхъ провозглашались также весьма гуманныя начала. Но, по мѣрѣ того, какъ военныя дѣйствія все болѣе и болѣе разжигали страсти обѣихъ сторонъ, по мѣрѣ того какъ взаимное ожесточеніе заставляло военныя власти принимать мѣры жестокія и не всегда согласныя съ установившимися обычаями войны, мы видимъ, что появляются различныя поправки къ изданнымъ уже прежде воззваніямъ. Эти поправки имѣютъ цѣлью лучше опредѣлить точный смыслъ изданныхъ въ началѣ войны весьма человѣколюбивыхъ прокламацій, которыя точно также обезпечивали за мирнымъ населеніемъ въ непріятельской странѣ неприкосновенность жизни и собственности. Притомъ замѣчательно, что эти оффиціальныя исправленія уже обнародованныхъ правительственныхъ актовъ обыкновенно придавали имъ большую суровость и предоставляли военному начальству болѣе широкія права въ отношеніи непріятельской земли и ея обывателей. Такъ, между прочимъ, прокламація прусскаго короля отъ 11-го августа 1870 г. къ французскимъ гражданамъ, подверглась такимъ различнымъ толкованіямъ, что прусское правительство было вынуждено вновь отпечатать ее 20-го декабря того же года, съ цѣлью положить конецъ тому, чтобы этотъ актъ продолжалъ служить, въ рукахъ враговъ Германіи, обвинительнымъ актомъ противъ распоряженій германскихъ военныхъ властей въ предѣлахъ Франціи[1]). Въ особенности много разногласія вызвали извѣстныя слова прокламаціи прус-

[1]) Срав. «*Preussischer Staats-Anzeiger*» vom 20 December 1870. *Busch*. Graf Bismark und seine Leute, II, p. 151.

скаго короля: «Я воюю противъ французскихъ солдатъ, но не противъ французскихъ гражданъ». Изъ этой фразы такіе патріотическіе французскіе писатели, какъ д'Оссонвилль, а равно и нѣкоторые нейтральные публицисты, выводили заключеніе, что безчисленныя реквизиціи и контрибуціи, наложенныя на французскія селенія и города, не имѣютъ законнаго основанія и должны быть осуждены на основаніи приведенныхъ словъ[1]). Наконецъ прокламаціи наслѣднаго принца прусскаго и принца Фридриха Карла не менѣе подавали поводъ къ весьма ожесточеннымъ и часто совершенно несправедливымъ нападкамъ на дѣйствія германскихъ военныхъ властей[2]).

Между тѣмъ, прокламаціи русскихъ военныхъ властей въ такого рода исправленіяхъ и новыхъ изданіяхъ не нуждались. Точно также намъ неизвѣстно, чтобы ими, во время войны кто либо пользовался для обвиненія русскихъ войскъ въ неслыханныхъ звѣрствахъ и нарушеніяхъ обычаевъ и законовъ войны. Только турецкое правительство не уставало возводить на русскія арміи всевозможныя обвиненія и клеветы; но оно не было въ состояніи подтвердить ни однимъ фактомъ дѣйствительное нарушеніе русскими войсками началъ, выставленныхъ вышеприведенными воззваніями для руководства войскъ.

Что же касается нейтральныхъ и менѣе пристрастныхъ судей, то они единогласно утверждаютъ, что частная собственность мирныхъ обывателей турецкихъ провинцій дѣйствительно постоянно была уважаема русскими войсками, и потому населеніе занятыхъ нашими войсками непріятельскихъ областей дѣй-

---

[1]) *Rolin-Jacquemyns*, въ Revue de droit international, t. II, p. 683 et suiv.

[2]) *Sutherland Edwards*. The Germans in France, p. 112 etc.

ствительно относилось съ полнымъ къ нимъ довѣреніемъ, зная что «волосъ не упадетъ съ ихъ головы», если они сами не вызовутъ враждебныхъ противъ себя дѣйствій.

Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что воззванія русскихъ военныхъ властей и провозглашаемыя въ нихъ гуманныя начала не переставали служить неизмѣннымъ руководствомъ для нашихъ армій.

VII.

Мы изложили всѣ законодательные акты и правительственныя распоряженія, принятыя Россіею, въ качествѣ воюющей державы, съ цѣлью поставить военныя дѣйствія въ предѣлы, выработанные обычаями и законами и установленные требованіями современной цивилизаціи. Съ полнымъ безпристрастіемъ мы указали на тѣ весьма немногія заявленія Турціи, изъ которыхъ можно было заключить о взглядѣ ея на свои права и обязанности во время войны. Намъ нѣтъ надобности указывать на то заключеніе, которое неизбѣжно вытекаетъ изъ сравненія дѣйствій обоихъ воюющихъ правительствъ. Только изъ уваженія къ истинѣ мы обязаны сказать, что ни одна изъ европейскихъ державъ, воевавшихъ въ продолженіе нынѣшняго столѣтія, не сдѣлала столько для обезпеченія исполненія войсками постановленій трактатовъ и обычаевъ войны, какъ Россія въ началѣ послѣдней войны съ Турціею. Этотъ неопровержимый фактъ подтверждаетъ Институтъ международнаго права, авторитетъ котораго въ этомъ вопросѣ едва ли можетъ быть оспариваемъ.

На цюрихской сессіи этого общества, осенью 1877 года, былъ также возбужденъ вопросъ о томъ: насколько обѣ воюющія державы исполнили свою обязанность обезпечивать соблюденіе войсками обычаевъ

и постановленій трактатовъ. Институтъ отлично сознавалъ, насколько трудно, въ самомъ разгарѣ борьбы и опасности войны, соблюдать должное хладнокровіе и не давать свободы чувствамъ безпощадной мести и непримиримой ненависти. Онъ не отрицалъ, что изъ чувства самосохраненія, въ пылу жаркой схватки, въ виду постоянныхъ звѣрствъ, совершаемыхъ врагомъ, трудно сохранять въ себѣ уваженіе къ тѣмъ требованіямъ, съ которыми обращается къ войску просвѣщенная совѣсть христіанскихъ народовъ. Но, не смотря на всѣ эти обстоятельства, никогда чувство милосердія не должно уступать своего мѣста дикому произволу; никогда сознаніе своей силы и превосходства не должно заглушать въ насъ голосъ правды и справедливости.

Таковы были мотивы, легшіе въ основаніе вышеупомянутаго воззванія Института международнаго права отъ 28-го (16-го) мая 1877 года къ воюющимъ народамъ; таковы соображенія, которыми были проникнуты его члены, когда, въ сентябрѣ того же года, имъ былъ поставленъ вопросъ: дѣйствительно ли обѣ воюющія державы приняли всѣ зависящія отъ нихъ мѣры для возможнаго смягченія бѣдствій войны?

Послѣ весьма интересныхъ преній, присутствовавшіе на конгрессѣ ученые представители Австро-Венгріи, Англіи, Бельгіи, Германіи, Голландіи, Италіи, Швейцаріи, Франціи и Россіи,—всѣ, безъ исключенія, должны были согласиться, что сообщенныя нами лично вышеразсмотрѣнныя мѣры русскаго правительства дѣйствительно въ состояніи обезпечить соблюденіе русскими войсками международныхъ трактатовъ и общепризнанныхъ цивилизованными народами обычаевъ войны. Въ засѣданіи 12-го сентября всѣ члены Института единогласно приняли проектъ декларації, въ которой отношеніе турецкаго правительства къ

своимъ обязанностямъ, въ качествѣ воюющей державы, подвергается весьма строгому осужденію. Однако, съ цѣлью предупредить всякія обвиненія въ пристрастіи, Институтъ рѣшилъ: до сообщенія принятыхъ резолюцій европейскимъ державамъ, обратиться къ Портѣ съ просьбою сообщить всѣ сдѣланныя ею распоряженія о соблюденіи турецкими войсками женевской конвенціи и законовъ войны.

Но въ продолженіе трехъ недѣль турецкое правительство не нашло что отвѣтить на обращенную къ нему просьбу.

Такимъ образомъ первоначальный проектъ декларації остался безъ всякаго измѣненія и былъ сообщенъ всѣмъ европейскимъ правительствамъ [1]).

Это заявленіе совершенно безпристрастныхъ людей, пользующихся, притомъ, громкою извѣстностью въ Европѣ, драгоцѣнно по своему нравственному значенію [2]).

Въ самомъ началѣ этой декларації Институтъ международнаго права опредѣляетъ ту единственно правильную точку зрѣнія, на которую онъ могъ стать для разрѣшенія послѣдняго вопроса. Онъ не признаетъ себя компетентнымъ для опредѣленія того, насколько взаимныя обвиненія воюющихъ сторонъ въ нарушеніи законовъ войны въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ заслуживаютъ уваженія. Члены Института не имѣли фактической возможности изслѣдовать на *мѣстѣ* основательность такого рода обвиненій. Разсматривая же тѣ мѣры, которыя были приняты русскимъ правительствомъ для ознакомленія своихъ армій съ законами войны, «Институтъ, къ сожалѣнію, обязанъ былъ засвидѣтельствовать, что ни

[1]) См. «*Правительственный Вѣстникъ*», № 216 за 1877 годъ.— *Annuaire de l'Institut de droit international* 1878, p. 138 et 154.

[2]) См. *приложеніе* № 4.

одинъ оффиціальный актъ, исходившій отъ турецкаго правительства, не имѣлъ предметомъ ознакомить точнымъ образомъ турецкія войска съ обычнымъ правомъ, т. е. съ постановленіями этого права, изложенными въ проектѣ брюссельской конференціи».

Но, спрашиваетъ затѣмъ Институтъ, «можно ли, по крайней мѣрѣ, сказать противное относительно положительнаго права, т. е. женевской конвенціи? Къ сожалѣнію, нѣтъ».

Наконецъ Институтъ съ особенною силою высказался противъ употребленія въ дѣло дикихъ ордъ, неспособныхъ къ веденію правильной войны. «Государствамъ, называющимся цивилизованными и принадлежащимъ къ союзу европейскихъ державъ, слѣдуетъ совершенно отказаться отъ подобныхъ союзниковъ. Правительство, которое было бы имъ обязано своими побѣдами, поставило бы себя внѣ международнаго права».

Вотъ почему Институтъ международнаго права «не могъ признать заслуживающимъ уваженія то оправданіе, которое переносило на иррегулярныя войска, баши-бузуковъ, черкесовъ, курдовъ и другихъ, отвѣтственность за совершенныя жестокости».

Такое заявленіе этого общества ученыхъ юристовъ, государственныхъ людей и публицистовъ, нельзя не принять за лучшую оцѣнку дѣйствій обѣихъ воюющихъ державъ. Оно разрѣшило вопросъ принципа въ томъ смыслѣ, что Россія приняла цѣлесообразныя мѣры для соблюденія законовъ войны и постановленій женевской конвенціи. Остается теперь посмотрѣть, какъ въ дѣйствительности вели себя русскія и турецкія войска.

Глава VI.

Русская армія въ непріятельской странѣ.

Чѣмъ лучше всего обезпечивается соблюденіе законовъ и обычаевъ войны? — Взаимныя обвиненія. — Отзывы иностранцевъ о нашей арміи.—Вступленіе на непріятельскую землю. — Военная оккупація. - Прокламація къ жителямъ Болгарскаго края отъ 10-го іюня 1877 года.—Воззрѣнія опыта и теоріи на права и обязанности оккупаціонной арміи. — Постановленія брюссельской конференціи. — Образъ дѣйствія русскихъ властей на непріятельской территоріи въ отношеніи: 1) мѣстнаго общественнаго порядка и законовъ, и 2) частныхъ лицъ и ихъ собственности. — Реквизиціи и контрибуціи по брюссельской декларації и по распоряженіямъ русскихъ властей.

При возникновеніи послѣдней восточной войны, одна изъ воюющихъ сторонъ признала себя обязанною принимать мѣры для ознакомленія своихъ армій съ обычаями войны, между тѣмъ какъ другая считала себя вправѣ ограничиться только возбужденіемъ религіознаго фанатизма своихъ войскъ. На основаніи вышеизложенныхъ фактовъ Россія дѣйствительно является державою, сознающею свой долгъ во время войны и старающеюся смягчить, по мѣрѣ возможности, бѣдствія и ужасы военныхъ дѣйствій.

Но, въ концѣ концовъ, все-таки всѣ мѣры, которыя принимаются воюющими правительствами, не въ состояніи вполнѣ обезпечить соблюденіе законовъ войны. Не только возбужденіе страстей и чувства взаимнаго ожесточенія, но отсутствіе постояннаго контроля надъ дѣйствіями отдѣльныхъ отрядовъ или нижнихъ чиновъ дѣлаютъ фактически невозможнымъ преслѣдованіе каждаго правонарушенія и наказаніе каждаго преступленія. Совершенно законно стремленіе поставить военнымъ дѣйствіямъ извѣстные предѣлы и обезпечить соблюденіе опредѣленныхъ правилъ въ отношеніи непріятеля. Въ сознаніи современыхъ цивилизованныхъ народовъ, что война не есть неограниченное никакими законами взаимное поголовное истребленіе враждующихъ народовъ, мы видѣли одну изъ наиболѣе блестящихъ побѣдъ культуры надъ дикостью нравовъ, права надъ произволомъ, идеи надъ фактомъ. Но предупредить всѣ нарушенія права войны или постановленій какого либо международнаго трактата представляется, очевидно, задачею совершенно неразрѣшимою. Да, притомъ, вѣдь и въ мирное время совершаются преступленія, и они, къ сожалѣнію, до сихъ поръ оказываются неизбѣжными тамъ, гдѣ люди сталкиваются въ своихъ интересахъ и гдѣ животный инстинктъ одерживаетъ верхъ надъ разумомъ, чувствомъ долга и совѣстью. Поэтому нельзя же ожидать, что въ средѣ тѣхъ сотней тысячъ людей, которые съ оружіемъ въ рукахъ вторгаются въ непріятельскую землю, не находились и такіе, которые не въ силахъ совладать съ своею преступною волею и господствовать надъ возбужденными до экстаза страстями.

Напротивъ, именно сама война, ея ужасы и разоренія, въ состояніи притупить въ человѣкѣ такія чувства и то уваженіе къ ближнему и праву, кото-

рыя служатъ лучшимъ залогомъ для поддержанія въ государствѣ порядка и закона. Развѣ война не разрѣшаетъ многого, что безусловно запрещается во время мира? Развѣ удивительно, что при такихъ условіяхъ продолжительная война всегда дѣйствовала развращающимъ образомъ на сами дѣйствующія арміи?

Такимъ образомъ, нѣтъ сомнѣнія, что подобно тому, какъ во время глубокаго мира совершаются преступленія, точно также они совершаются и на театрѣ военныхъ дѣйствій. Но, съ другой стороны, не менѣе вѣрно и то, что если въ мирномъ состояніи народной жизни знаніе закона и своихъ правъ и обязанностей предупреждаетъ совершеніе многихъ преступныхъ дѣйствій, точно также и знакомство войскъ съ ихъ правами и обязанностями во время войны въ значительной степени предупредило бы излишнія жестокости и явныя преступленія. Вотъ почему нравственный долгъ и юридическая обязанность каждаго государства, согласнаго соблюдать во время войны общепризнанные военные обычаи, доводить до свѣдѣнія своихъ армій и требовать отъ нихъ добросовѣстнаго соблюденія этихъ законовъ войны.

Но этого недостаточно. Нѣтъ сомнѣнія, что войска, ознакомленныя съ обычаями войны и подготовленныя къ ихъ соблюденію, скорѣе будутъ ими руководиться и меньше ихъ нарушать, чѣмъ войска, не имѣющія никакихъ понятій о какихъ-то законахъ войны, но которымъ само правительство даетъ только одинъ приказъ: убивать и опустошать. Однако, даже армія, знающая свои обязанности, не избѣгнетъ обвиненій ни въ совершеніи самыхъ возмутительныхъ преступленій, ни въ нарушеніи установленныхъ обычаевъ и законовъ войны. Такія обвиненія всегда распространяли воюющія стороны другъ противъ

друга, обращаясь то къ суду общественнаго мнѣнія, то къ нейтральнымъ правительствамъ съ жалобами и просьбами вмѣшаться и напомнить нарушителю его обязанности.

Между тѣмъ, что въ состояніи сдѣлать общественное мнѣніе въ отношеніи воюющаго государства, поставившаго себѣ цѣлью насмѣхаться надъ всѣми людскими и божескими законами? Какимъ образомъ оно обезпечитъ исполненіе законовъ войны со стороны войскъ, не имѣющихъ о нихъ никакого понятія и повинующихся только голосу своего религіознаго фанатизма? Что такое общественное мнѣніе христіанской Европы для башибузуковъ, черкесовъ и курдовъ—этихъ «исчадій ада», по словамъ англичанина?

Не менѣе проблематическимъ оказывалось на практикѣ вмѣшательство нейтральныхъ державъ съ цѣлью положить конецъ такимъ злодѣйствамъ, которыя должны служить позоромъ для нашего «просвѣщеннаго» вѣка. Если нейтральныя державы не находили возможнымъ предупредить возникновеніе войны, если для этой цѣли требовалось съ ихъ стороны только заступничество за невинно-убиваемыхъ и истязуемыхъ христіанъ, то какимъ же образомъ можно ожидать отъ нихъ энергическаго осужденія неслыханныхъ звѣрствъ и возмутительныхъ нарушеній обычаевъ войны со стороны тѣхъ же самыхъ героевъ-башибузуковъ и турецкихъ полчищъ?

Нѣтъ, ни въ общественномъ мнѣніи, ни въ судѣ нейтральныхъ правительствъ нечего искать гарантіи соблюденія законовъ войны. Единственными гарантіями исполненія войсками трактатовъ и правилъ войны являются только: сознаніе, что этого требуетъ собственная польза, степень образованности воюющаго народа и строгая дисциплина дѣйствующихъ армій. Если нѣтъ у воюющаго государства сознанія,

что его собственная польза и честь требуютъ ограниченія бѣдствій войны, насколько возможно, то можно ручаться, что оно не приметъ надлежащихъ мѣръ для ознакомленія армій съ ихъ обязанностями во время войны. Если воюющій народъ находится на такой низкой степени образованности, что не въ состояніи отрѣшиться отъ взгляда на врага, какъ на безправнаго, лютаго звѣря, то странно было бы требовать отъ такого народа уваженія къ безоружному врагу и пощады мирнымъ жителямъ. Наконецъ, если въ дѣйствующихъ арміяхъ господствуетъ полная разнузданность, если въ нихъ не поддерживается самая строгая военная дисциплина, тогда не можетъ быть и рѣчи о соблюденіи какихъ бы то ни было обычаевъ войны, обыкновенно соблюдаемыхъ цивилизованными войсками.

Для каждаго русскаго не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что всѣ эти три условія, возможныя во время войны, были на лицо въ русскихъ арміяхъ. Наши войска могли знать постановленія женевской конвенціи и общепризнанныя правила войны. Русскій народъ, ни по степени нравственнаго своего развитія, ни по національному своему характеру, не въ состояніи относиться къ врагу своему иначе, какъ съ уваженіемъ, до тѣхъ поръ, пока тотъ даетъ ему возможность считать его противникомъ честнымъ и рыцарскимъ, неприбѣгающимъ ни къ вѣроломству, ни къ наруганіямъ надъ убитыми и ранеными. Наконецъ, хотя на русскія войска были возводимы обвиненія въ самыхъ невѣроятныхъ преступленіяхъ, но никогда даже злѣйшій врагъ нашъ не отрицалъ, что всегда военная дисциплина поддерживалась въ нихъ самымъ строгимъ образомъ.

Но такое мнѣніе о нашихъ войскахъ получаетъ еще большій вѣсъ въ устахъ иностранцевъ, имѣвшихъ

во время послѣдней войны возможность ближе познакомиться съ «сѣверными варварами». Здѣсь мы ограничимся приведеніемъ только двухъ отзывовъ.

Военный корреспондентъ туркофильской «Кельнской газеты» писалъ изъ Трнова 3-го (15-го) іюня 1877 г., между прочимъ, слѣдующее по поводу возводимыхъ на русскую армію жестокостей: «Русскій солдатъ отъ природы добродушенъ и, притомъ, такъ хорошо соблюдаетъ дисциплину, что она одна уже удерживаетъ его отъ всякихъ безчинствъ. Да я ихъ со стороны русскихъ солдатъ нигдѣ и не видалъ».

Но еще болѣе любопытенъ отзывъ англійской еженедѣльной газеты «Northern Echo» отъ 5-го (17-го) ноября 1877 г.: «Нынѣшняя война послужила къ славѣ русскихъ войскъ. Русскій солдатъ доказалъ, что онъ одинаково мужественъ въ нападеніи, какъ и твердъ въ оборонѣ. Но, сверхъ того, онъ добылъ неувядаемую славу для себя и для своего отечества, выказавъ свое человѣколюбіе, сдержанность, умѣренность и добрый нравъ—достоинства, которыми онъ обладаетъ въ равной мѣрѣ съ англичанами (sic!) и нѣмцами, если не превосходитъ ихъ въ этомъ отношеніи. Корреспонденты, враждебные русской арміи, слѣдили за каждымъ шагомъ русскихъ войскъ и были бы очень счастливы, если бы могли указать на какое нибудь нарушеніе законовъ гуманности; но ни на поляхъ битвы, ни въ лагеряхъ они не могли указать ни на одинъ фактъ, ни на одинъ случай, которыхъ должны бы стыдиться русскія войска».

«Мы никогда не принадлежали», продолжаетъ лондонская газета, «къ разряду руссофиловъ, но сознаемся откровенно, что не ожидали отъ русской арміи такой умѣренности и твердости, по истинѣ достойныхъ величія того дѣла, которое она защищаетъ, и той благородной цѣли, которую она преслѣдуетъ—

освобожденія христіанъ. Нѣтъ, Россія никогда не выказывала себя столь великою, какъ въ нынѣшней войнѣ... Русскій солдатъ покрылъ себя не только военною славою, но, сверхъ того, заслужилъ величайшихъ похвалъ за свои гражданскія добродѣтели».

Впослѣдствіи мы будемъ имѣть случай привести еще нѣсколько подобнаго рода отзывовъ иностранныхъ свидѣтелей поведенія нашихъ войскъ. Въ виду такого неотрицаемаго природнаго «добродушія» русскаго солдата, въ виду постояннаго господства въ русскихъ войскахъ самой строгой дисциплины, мы въ правѣ заключить, что образъ дѣйствій русской арміи на непріятельской территоріи былъ согласенъ съ правилами, предначертанными сенатскимъ указомъ 12-го мая.

I.

Славная переправа черезъ Дунай совершилась 15-го іюня, и въ этотъ день часть нашихъ войскъ очутилась на турецкой землѣ. Каждому изъ насъ, памятно съ какою быстротою подвигались впередъ колонны нашей арміи и съ какою рѣдкою предупредительностью турецкія войска очищали предъ ними путь. 25-го іюня древняя столица Болгаріи, Трновъ, уже находилась въ нашихъ рукахъ.

При такихъ обстоятельствахъ нашей арміи предстояло показать на дѣлѣ, какъ она понимаетъ свои права и обязанности. Правительству представилась трудная задача: устроить въ завоеванной Болгаріи новый порядокъ вещей, болѣе согласный съ необходимыми условіями человѣческаго и общественнаго развитія. Необходимо было, съ одной стороны, опредѣлить отношеніе русской оккупаціонной арміи къ турецкимъ законамъ и порядкамъ, найденнымъ въ Болгаріи, съ другой — требовалось точнаго выясненія правъ и обязанностей нашихъ войскъ по отношенію къ мир-

ному населенію, христіанскому и мусульманскому, занятаго края.

Въ прокламаціи Государя Императора отъ 10-го іюня 1877 г. къ жителямъ Болгарскаго края намѣчены въ знаменательныхъ словахъ задачи, которыя должны были разрѣшить учрежденное гражданское управленіе Болгаріею и наши военныя власти.

Указавъ на историческую роль русскаго народа въ отношеніи задунайскихъ христіанъ, прокламація объявляетъ болгарамъ, что на русское войско «возложено оградить на вѣки вашу народность и утвердить «за вами тѣ священныя права, безъ которыхъ немыслимо мирное и правильное развитіе вашей гражданской жизни. Права эти вы пріобрѣли не силою вооруженнаго отпора, а дорогою цѣною вѣковыхъ страданій и мученической крови, въ которой такъ долго «тонули вы и ваши покорные предки».

«Жители Болгарскаго края! Задача Россіи—создавать, а не разрушать. Она Всевышнимъ Промысломъ «призвана согласить и умиротворить всѣ народности «и всѣ исповѣданія въ тѣхъ частяхъ Болгаріи, гдѣ «совмѣстно живутъ люди разнаго происхожденія и «разной вѣры. Отселѣ русское оружіе оградитъ «отъ всякаго насилія каждаго христіанина: ни одинъ «волосъ не спадетъ безнаказанно съ его головы; ни «одна крупица его имущества не будетъ, безъ немедленнаго возмездія, похищена у него мусульманиномъ «или кѣмъ другимъ».

Такая же защита закона обѣщается, вслѣдъ затѣмъ, мусульманамъ Болгарскаго края, за исключеніемъ только тѣхъ изъ нихъ, которые будутъ уличены въ преступленіяхъ, совершенныхъ ими надъ беззащитнымъ христіанскимъ населеніемъ. Вездѣ законъ и порядокъ должны замѣнить господствовавшій прежде вопіющій произволъ.

Наконецъ, вотъ какъ опредѣляетъ этотъ знаменательный актъ права и задачи оккупаціонной арміи и находящихся при ней чиновъ гражданскаго управленія.

«По мѣрѣ того, какъ русскія войска будутъ по«двигаться во внутрь страны, турецкія власти будутъ «замѣняемы правильнымъ управленіемъ. Къ дѣятель«ному участію въ немъ будутъ немедленно призваны «мѣстные жители, подъ высшимъ руководствомъ уста«новленной для сего власти; а новыя болгарскія дру«жины послужатъ ядромъ мѣстной болгарской силы, «предназначенной къ охраненію всеобщаго порядка «и безопасности».

Такимъ образомъ задачи русской оккупаціонной власти были опредѣлены весьма точно: она должна была поставить на мѣсто дикаго произвола опредѣленный порядокъ, замѣнить своимъ авторитетомъ удалившіяся турецкія власти и призвать самихъ мѣстныхъ жителей, безъ всякаго различія по происхожденію и по вѣрѣ, къ новой гражданской жизни и къ участію въ устроеніи и управленіи своими собственными дѣлами.

Имѣя въ виду общепризнанную цѣль войны, нельзя было иначе опредѣлить отношеніе русской оккупаціонной власти къ мѣстнымъ учрежденіямъ и порядкамъ. Цѣль эта дѣйствительно состояла въ томъ, чтобы на развалинахъ турецкихъ порядковъ, сами собою развалившихся по уходѣ турецкихъ властей, устроить новый общественный порядокъ и поставить новые законы. Въ этомъ именно направленіи русскія власти вынуждены были дѣйствовать силою самихъ обстоятельствъ. Онѣ не могли же возстановить порядковъ, осужденныхъ безпристрастною совѣстью всѣхъ цивилизованныхъ народовъ; никто не могъ ожидать отъ Россіи, что она начала войну для лучшаго под-

крѣпленія и развитія учрежденій, подъ гнетомъ которыхъ страдалъ болгарскій народъ въ продолженіе многихъ вѣковъ. На этомъ основаніи странно было ожидать, что русскія войска оставятъ въ Болгаріи тѣ же самые порядки, которые, *въ дѣйствительности*, даже не существовали послѣ ухода турецкихъ войскъ.

Однако, несмотря на всю очевидность этого факта, немедленно послѣ вступленія нашей арміи на болгарскую землю, на нее посыпались со всѣхъ сторонъ обвиненія и упреки. Само турецкое правительство систематически наводняло Западную Европу жалобами на дѣйствія русскихъ военныхъ властей, которыя будто бы насмѣхаются надъ всѣми законами и обычаями войны. По словамъ телеграммъ и дипломатическихъ нотъ, разосланныхъ Портою къ великимъ державамъ лѣтомъ 1877 года, русскія власти не только истребляютъ всѣхъ бывшихъ турецкихъ должностныхъ лицъ, но систематически преслѣдуютъ одну цѣль: посредствомъ «избіенія, грабежа и поджога» истребить все мусульманское населеніе Болгаріи и обратить въ пустыню самую страну. Жестокость русскихъ войскъ дошла будто бы до того, что одному каймакаму они хладнокровно вырвали сперва всѣ зубы, а потомъ выкололи глаза! Наконецъ, наши войска возили это должностное лицо цѣлыхъ *три* дня по городу, въ такомъ видѣ, на показъ [1]).

Но не только турецкое правительство находило возможнымъ распространять подобныя возмутительныя небылицы насчетъ русской арміи. Нашлось «нейтральное» англійское правительство, которое всѣми средствами содѣйствовало распространенію этихъ клеветъ. Правда, сэръ Ляйардъ не могъ не признать нѣ-

[1]) *Staatsarchiv*, Bd. XXXIII, № 6548. Срав. *ibid.* №№ 6478 и слѣд., № 6550 и слѣд.

которыхъ изъ взведенныхъ на русскія войска обвиненій «преувеличенными», но все-таки, въ виду того, что свѣдѣнія о совершенныхъ ими звѣрствахъ и нарушеніяхъ обязанностей оккупаціонной арміи получались изъ различныхъ источниковъ, онъ не могъ считать ихъ вымышленными[1]). Англійскій посолъ даже поручилъ подчиненнымъ ему консуламъ изслѣдовать на мѣстѣ образъ дѣйствій русскихъ войскъ, и само собою разумѣется, что эти безпристрастные изслѣдователи могли только подтвердить справедливость нарушеній русскими войсками общепризнанныхъ обычаевъ войны[2]).

Совершенно понятно, что эти обвиненія, распространяемыя по Европѣ безчисленными сторонниками турецкаго режима, должны были, мало по малу, находить также вѣру у людей, относившихся прежде съ уваженіемъ къ Россіи и къ русскому народу. Турецкое правительство отлично понимало силу французской поговорки: «Calomniez, calomniez, il en reste toujours quelque chose!».

Въ западно-европейской туркофильской печати появилось множество статей, авторы которыхъ съ жаромъ и паѳосомъ доказывали, что Россія нарушаетъ въ Болгаріи всѣ законы войны и неслыханно насмѣхается надъ предложенными ею самою на брюссельской конференціи правилами для непріятельской оккупаціи. Къ оккупаціи Болгаріи Россія будто бы примѣняла совершенно «новое», ею самою изобрѣтенное, международное право. Правду сказать, говоритъ одинъ французскій публицистъ, «мѣры, принятыя или

---

[1]) Депеша Ляйарда отъ 11 іюля 1877 г. (*Staatsarchiv*, № 6481).

[2]) Депеша Ляйарда отъ 18 іюля 1877 г. (*Staatsarchiv*, № 6488) и депеши Ляйарда отъ 21, 22 и 27 августа 1877 г. (*Staatsarchiv*, №№ 6553, 6554, 6562 и слѣд.).

подготовленныя княземъ Черкасскимъ, превышаютъ права, предоставленныя завоевателямъ проектомъ, который обсуждался въ Брюсселѣ». Князь Черкасскій, будто бы, поставилъ единственною цѣлью своей дѣятельности,—посредствомъ терроризма изгнать всѣхъ мусульманъ изъ Болгаріи и, захвативъ всю ихъ собственность, передать ее христіянамъ-болгарамъ[1]). Задача, какъ видно, весьма простая и чрезвычайно благодарная.

Далека отъ насъ мысль принять на себя роль защитника всѣхъ мѣръ и распоряженій князя Черкасскаго въ качествѣ начальника гражданскаго управленія Болгаріею. Эта дѣятельность находила себѣ въ русской литературѣ весьма ожесточенныхъ противниковъ, которые, можетъ быть, не всегда имѣли въ виду тѣ условія, среди которыхъ приходилось дѣйствовать князю. Во всякомъ случаѣ, до сихъ поръ все время управленія Болгаріею княземъ Черкасскимъ еще ждетъ справедливой оцѣнки и всесторонняго, безпристрастнаго изученія.

Наша задача несравненно скромнѣе. Насъ занимаетъ вопросъ о томъ, насколько въ самомъ дѣлѣ основательны тѣ обвиненія въ нарушеніи постановленій брюссельской декларацiи, о которыхъ мы только-что упомянули. Дѣйствительно ли распоряженія нашихъ властей превышали права, обыкновенно признаваемыя за оккупаціонною арміею? Справедливы ли были жалобы турецкаго и англійскаго правительствъ на нарушеніе законовъ войны, общепризнанныхъ цивилизованными народами и провозглашенныхъ также брюссельскою конференціей?

Если подобныя клеветы распространяла Порта, то

---

[1]) *Valbert.* «Le nouveau droit des gens et la mission du prince Tscherkassky». (Revue des deux mondes, août 1877).

удивляться тому нечего: она была воюющею стороною и признавала всякое средство законнымъ для униженія и оскорбленія Россіи. Но крайне непонятнымъ представляется намъ, какимъ образомъ англійское правительство могло содѣйствовать распространенію этихъ обвиненій и даже поддерживать ихъ въ Петербургѣ. Кто же другой, какъ не Англія, противился тому, чтобы брюссельская конференція привела къ болѣе точному опредѣленію правъ и обязанностей оккупаціонной арміи? Вѣдь англійское правительство положительно отказалось опредѣлить, какія собственно права имѣетъ оккупаціонная армія и въ чемъ состоятъ взаимныя обязанности воюющихъ народовъ.

Вотъ почему глубоко истинны слова извѣстнаго публициста Лавелэ, искренно уважающаго Англію, что если она своимъ противодѣйствіемъ брюссельской конференціи приведетъ къ непринятію выработаннаго на ней проекта военнаго свода, она «приметъ на себя тяжкую отвѣтственность предъ исторіею». «Англія, продолжаетъ онъ, должна будетъ упрекать себя во всѣхъ насиліяхъ и варварствахъ, которыя будутъ совершены въ будущихъ войнахъ и которыя были бы предупреждены, если бы правила, предложенныя въ Брюсселѣ, получили обязательную силу»[1]).

И дѣйствительно, только съ этой точки зрѣнія можетъ быть справедливо оцѣнено содѣйствіе англійскаго правительства распространенію всевозможныхъ обвиненій насчетъ русскихъ войскъ во время послѣдней войны. Ни для изслѣдованія дѣйствій русскихъ военныхъ властей своими консулами, ни для распространенія по Европѣ разсказовъ насчетъ жестокостей, будто бы совершаемыхъ нашими войсками, ни для обвиненій ихъ въ нарушеніи обычаевъ и законовъ

[1]) *Laveleye.* Les actes de la Conférence de Bruxelles, p. 25.

войны Англія не имѣла ни юридическаго, ни нравственнаго права. Всякая другая держава, *за исключеніемъ Англіи*, могла поднять голосъ за соблюденіе обязанностей оккупаціонной арміи; но съ точки зрѣнія англійскаго правительства, съ безпримѣрною откровенностью высказанной по поводу брюссельской конференціи, всякая жестокость, всякое звѣрство, всякое насиліе надъ безоружнымъ населеніемъ занятой страны должны быть законны, безупречны и великодушны. По духу и буквальному смыслу депеши лорда Дерби отъ 20-го января 1875 года, наши войска дѣйствительно могли въ Болгаріи заниматься выдергиваніемъ зубовъ и выкалываніемъ глазъ у турокъ, не смотря на всю безсмысленность и безчеловѣчность такой операціи.

II.

Прежде чѣмъ познакомиться съ постановленіями брюссельской декларації относительно правъ оккупаціонной арміи, не излишне изложить здѣсь взглядъ практики и теоріи на этотъ вопросъ.

Пока война была личною борьбою между всѣми безъ исключенія подданными воюющихъ государствъ, знаменитое изрѣченіе: «горе побѣжденнымъ!» исключительно руководило дѣйствіями побѣдителя; за нимъ было признаваемо неограниченное право истреблять всѣхъ и все въ непріятельской землѣ. Но по мѣрѣ того какъ война принимала характеръ борьбы между вооруженными силами государствъ, дѣйствія оккупаціонной арміи стали ограничиваться все болѣе и болѣе путемъ выработки опредѣленныхъ обычаевъ и правилъ.

Когда въ Семилѣтнюю войну русскія войска заняли прусскія владѣнія и часть Помераніи, графы Апраксинъ и Румянцевъ обнародовали нѣсколько прокламацій, въ которыхъ объявляли, что населеніе заня-

той территоріи имѣетъ право на покровительство со стороны русскихъ военныхъ властей, если будетъ подчиняться законнымъ требованіямъ послѣднихъ; но это покровительство признается за жителями въ особенности потому, что въ силу одного только фактическаго занятія страны, они обращены въ русскихъ подданныхъ. Дѣйствительно, прусскіе подданные, судьба которыхъ еще не была рѣшена мирнымъ трактатомъ, должны были присягать императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ. Кромѣ того, мѣстнымъ гражданскимъ властямъ русское военное начальство предписало оставаться на своихъ мѣстахъ и продолжать, на прежнемъ основаніи, свою дѣятельность, и въ прусской провинціи было устроено правильное мѣстное управленіе, на основаніяхъ, сходныхъ съ тогдашнею организаціею русскихъ губерній[1]).

Эту широкую власть, которую приписывала себѣ русская оккупаціонная армія никакъ нельзя признать несогласною съ тѣми военными обычаями, которыхъ вообще придерживались въ половинѣ прошлаго столѣтія.

На основаніи же современнаго права войны, не подлежитъ сомнѣнію, что непріятель, занявшій часть территоріи своего противника, подчиняетъ ее своей власти. Устранивъ законную государственную власть, которая не имѣетъ фактической возможности осуществляться, завоеватель ставитъ на ея мѣсто свой авторитетъ и имѣетъ право требовать отъ народонаселенія повиновенія. За непріятелемъ нельзя не признать въ такомъ случаѣ *фактическаго* права на *временное* владѣніе и управленіе. Утверждать, что занятая непріятельская территорія все-таки продолжа-

[1]) *Moser.* Versuch des neusten Europäischen Völkerrechts, 1779, Bd. I, S. 238.

етъ находиться въ исключительномъ подчиненіи законному правительству, значитъ идти въ разрѣзъ съ неотрицаемою логикою фактовъ. Въ одной и той же мѣстности, очевидно, могутъ господствовать только *одно* правительство и *одна* государственная власть.

Согласно съ этимъ взглядомъ выработалась военная практика нынѣшняго столѣтія. Наполеонъ I обыкновенно оставлялъ неизмѣнными мѣстныя учрежденія завоеванной страны; но весьма часто онъ дозволялъ себѣ измѣнять кореннымъ образомъ существовавшіе въ занятой непріятельской территоріи законы и учрежденія только въ силу своей фактической власти [1]).

Въ этомъ же совершенно духѣ дѣйствовали великія союзныя державы, возставшія противъ ненасытнаго властолюбія императора французовъ. Онѣ учредили центральный правительственный совѣтъ для управленія отнятыми отъ Франціи землями [2]). Надъ занятыми французскими департаментами были поставлены генералъ-губернаторы, на которыхъ было возложено: 1) взиманіе, именемъ союзныхъ державъ, доходовъ съ занятыхъ департаментовъ; 2) снабженіе армій всѣми необходимыми предметами при содѣйствіи интендантскаго начальства; 3) сохраненіе порядка и безопасности армій, вмѣстѣ съ заботою о постоянномъ поддержаніи сообщеній между ними и ихъ резервами. Всякое же неисполненіе приказовъ союзныхъ генералъ-губернаторовъ влекло за собою немедленную кару, и французскіе законы оставались въ силѣ настолько, насколько они не становились въ разрѣзъ съ видами союзниковъ и безопасностью дѣйствующихъ армій. Смѣнять же мѣстныхъ дол-

---

[1]) *Thiers*. Histoire du Consulat et de l'Empire, t. VII, p. 244.

[2]) *Богдановичъ*. Исторія войны 1813 г., т. II, стр. 111.

жностныхъ лицъ и назначать на ихъ мѣсто другихъ, болѣе покорныхъ и вѣрныхъ, вполнѣ было во власти генералъ-губернаторовъ [1]). Наконецъ, во время франко-германской войны, занятые германскими войсками французскіе департаменты также были подчинены германскимъ военнымъ властямъ, которыя также назначали своихъ должностныхъ лицъ, издавали распоряженія, останавливали ими дѣйствіе французскихъ законовъ и иногда дѣлали невозможнымъ продолженіе дѣятельности мѣстныхъ судебныхъ установленій [2]). Такъ, между прочимъ, распоряженіемъ генералъ-губернатора Лотарингіи, были отмѣнены всѣ подати, платимыя на основаніи французскихъ законовъ. Вмѣсто этихъ податей была введена одна прямая подать, равняющаяся суммѣ назначенныхъ на 1870 г. прямыхъ податей и суммѣ косвенныхъ податей, за исключеніемъ пошлинъ съ соли и табаку [3]).

Теорія права войны признаетъ такія же широкія права за начальствомъ оккупаціонной арміи, фактическая власть котораго не можетъ быть отрицаема.

Только писатели различно опредѣляли объемъ этой власти и вытекающія изъ нея права и обязанности. По мнѣнію однихъ, занятая непріятельская территорія—tabula rasa, которая можетъ быть подвергаема всевозможнымъ измѣненіямъ въ области мѣстныхъ учрежденій и законовъ. По убѣжденію же большинства современныхъ юристовъ, фактическая власть оккупаціонной арміи, будучи временною, существенныхъ измѣненій въ существующемъ порядкѣ вещей дѣлать не должна. Иначе представляется эта власть въ тѣхъ случаяхъ, когда воюющій твердо рѣшился

---

[1]) *Martens.* Nouveau Recueil des traités, 1817, t. I, p. 638.

[2]) *Sutherland Edwards.* The Germans in France, chap. XV, XVI.

[3]) *Preussischer Staatsanzeiger* отъ 17-го сентября 1870 года.

отнять отъ своего врага захваченныя у него области: въ этомъ случаѣ существенныя измѣненія въ законахъ и учрежденіяхъ завоеванной области допускаются даже во время войны, когда вопросъ о судьбѣ занимаемыхъ провинцій окончательно еще не рѣшенъ[1]).

Этимъ соображеніемъ объясняется различіе, замѣченное въ образѣ дѣйствій германскихъ властей въ Эльзасѣ и Лотарингіи и въ другихъ занятыхъ французскихъ департаментахъ. Обѣ первыя области Германія, уже во время войны, рѣшила присоединить къ себѣ, и потому, въ нихъ были предприняты весьма существенныя преобразованія еще до заключенія версальскаго прелиминарнаго трактата.

Брюссельская декларація 1874 года не только утверждаетъ эти выработавшіяся жизнію и теоріею начала, но значительно смягчаетъ права оккупаціонной арміи, если этого требуютъ благо мирнаго населенія занятой страны [2]). Въ первыхъ восьми статьяхъ этого акта точно опредѣляется какъ объемъ власти оккупаціонной арміи, такъ и обязанности ея въ отношеніи мѣстнаго населенія, законовъ и учрежденій. На основаніи этихъ постановленій, «съ прекращеніемъ авторитета законнаго правительства и по переходѣ онаго къ начальству занимающей арміи, послѣднее обязано принять всѣ зависящія отъ него мѣры къ

---

[1]) Срав. *Phillimore's*, Commentaries, t. III, p 868 etc.—*Oke Manning's*, Law of Nations (by *Sheldon Amos*), p. 188.—*Halleck*. International Law, p 791.—Manuel de droit international à l'usage des officiers de l'armée de terre, p. 87 et suiv. *Bluntschli*, Modernes Völkerrecht, § 539.—*Landa*. El derecho de la guerra conforme à la moral. Pamplona 1877, 3 ed., p. 67 etc.—*Waxel*, L'armée d'invasion et la population Lpz. 1874. p. 53 et suiv

[2]) См мою статью: «Брюссельская декларація о законахъ и обычаяхъ войны» въ «Военномъ Сборникѣ» за іюнь 1875 г.

тому, чтобы возстановить и обезпечить, насколько возможно, общественный порядокъ и благоустройство въ занятой территоріи» (ст. 2-я).

Согласно съ этою общею обязанностью, оккупаціонная армія должна сохранять обязательную силу существующихъ законовъ настолько, насколько «вслѣдствіе необходимости» нельзя не измѣнять или пріостанавливать ихъ дѣйствіе на время. Этого мало. Завоеватель можетъ даже замѣнять дѣйствующіе въ занятой странѣ законы новыми, если этого требуетъ явная и настоятельная необходимость. Что же касается мѣстныхъ должностныхъ лицъ и учрежденій, то первыя могутъ быть оставлены на своихъ мѣстахъ, а вторыя оставаться неприкосновенными. Но должностныя лица, если они добровольно «согласились бы» продолжать свою службу подъ непріятельскою властью, пользуются его покровительствомъ (ст. 4). Законное же правительство всегда имѣетъ право отозвать своихъ чиновниковъ до нашествія и занятія непріятельскаго. Наконецъ, должностныя лица сами могутъ покидать свои мѣста и отказаться продолжать свою службу во время оккупаціи. Весь же общественный порядокъ и всѣ мѣстныя учрежденія остаются неприкосновенными, если оккупація имѣетъ только временный характеръ и необходимость не требуетъ, ни пріостановки ихъ дѣйствія, ни существеннаго ихъ измѣненія.

Кромѣ того, за оккупаціонною арміею признается право взимать съ населенія налоги, подати, повинности и пошлины, установленныя законнымъ правительствомъ, а въ случаѣ невозможности собрать ихъ, она можетъ потребовать равную имъ сумму. Доходы эти она должна употреблять на покрытіе расходовъ по управленію страною (ст. 5).

Далѣе, начальство оккупаціонной арміи можетъ за-

владѣть капиталами, складами оружія, перевозочными средствами, магазинами, запасами продовольствія и вообще всякимъ движимымъ имуществомъ, которое принадлежитъ непріятельскому правительству и можетъ служить цѣлямъ войны. Что же касается движимыхъ имуществъ и угодій, принадлежащихъ къ занятой непріятелемъ области, то за послѣднимъ признается право пользованія ими (ст. 6 и 7). Наконецъ, собственность общинъ, а также учрежденій религіозныхъ, богоугодныхъ, учебныхъ, художественныхъ и ученыхъ заведеній, хотя бы принадлежащихъ государству, должна быть уважаема непріятелемъ (ст. 8). Захватъ или умышленное разрушеніе и поврежденіе подобныхъ учрежденій, памятниковъ, художественныхъ и научныхъ произведеній признаются противными современнымъ обычаямъ и законамъ войны.

III.

Имѣя въ виду только-что приведенныя постановленія брюссельской конференціи и общеизвѣстную цѣль послѣдней войны между Россіею и Турціею, мы въ правѣ выставить слѣдующія руководящія правила:

1) Съ самаго начала войны не могло быть сомнѣнія въ томъ, что завоеванная русскими войсками Болгарія не можетъ быть возвращена Турціи на прежнихъ условіяхъ;

2) Цѣль войны дала Россіи не право, но наложила на нее *обязанность* воспользоваться временемъ оккупаціи для устройства въ Болгаріи новаго болѣе правильнаго порядка вещей;

3) Въ виду этой цѣли, на развалинахъ турецкихъ порядковъ должны были быть созданы нѣкоторыя новыя учрежденія;

4) Въ новыхъ, созданныхъ русскими властями, общественныхъ учрежденіяхъ христіанскій элементъ дол-

женъ былъ занять подобающее ему по праву первое мѣсто, и, наконецъ,

5) Высшее руководство всѣми мѣстными учрежденіями, присутственными мѣстами и должностными лицами должно было сосредоточиться въ рукахъ русскаго правительства во все время оккупаціи Болгаріи русскими войсками.

Каждое изъ этихъ положеній совершенно согласно съ внутреннимъ смысломъ постановленій брюссельской конференціи 1874 года, и ни одно изъ нихъ не составляетъ какого-то «новаго международнаго права». Напротивъ, всѣ они соотвѣтствуютъ тѣмъ началамъ, которыя военная практика и лучшіе современные изслѣдователи права войны признаютъ установившимися и общепризнанными. Возраженія, которыя приводились противъ самаго *принципа* русскаго гражданскаго управленія Болгаріею, имѣли бы какой нибудь смыслъ въ такомъ только случаѣ, если бы цѣлью войны было завоеваніе какихъ нибудь турецкихъ областей, а не улучшеніе быта христіанскаго населенія на Балканскомъ полуостровѣ. Обвиненія и инсинуаціи имѣли бы какой нибудь смыслъ, если бы русская оккупація была обыкновеннымъ преходящимъ непріятельскимъ занятіемъ областей, которыя, по окончаніи войны, могутъ быть возвращены прежнему правительству. Этого, очевидно, никогда не могло быть съ задунайскою Болгаріею.

Эти соображенія находятъ себѣ еще другое подтвержденіе въ различіи образа дѣйствій русскихъ оккупаціонныхъ армій въ Болгаріи и въ Азіатской Турціи. При кавказской арміи не было должности завѣдывающаго гражданскими дѣлами, не было огромнаго штата чиновниковъ, предназначенныхъ для немедленнаго вступленія въ управленіе занятыми турецкими провинціями, не было въ портфелѣ готовыхъ

проектовъ для полнаго преобразованія всѣхъ мѣстныхъ порядковъ Арменіи. Вотъ почему дѣйствія русскихъ военныхъ властей въ азіатскихъ турецкихъ провинціяхъ, занятыхъ нашими войсками, сохранили до конца войны значеніе временныхъ распоряженій. Только въ ближайшихъ къ русской границѣ мѣстностяхъ и городахъ, какъ Карсъ и Ардаганъ, еще до заключенія мира было импровизировано гражданско-военное управленіе изъ элементовъ мѣстныхъ и русскихъ.

Обратимся теперь къ характеристикѣ тѣхъ новыхъ порядковъ, которые были введены въ Болгаріи во время самой войны. По вступленіи русскихъ войскъ на турецкую территорію, послѣдняя поступила подъ русскую военную власть. На основаніи статей 2-й до 6-й американскихъ полевыхъ инструкцій, въ занятой непріятельской территоріи установляется ipso facto право войны (Martial law), которое основывается «на авторитетѣ военной власти и осуществляется согласно законамъ и обычаямъ войны». Въ силу этого, военное начальство имѣетъ несомнѣнное право ввести дѣйствіе военно-уголовныхъ законовъ и судовъ для такого рода преступленій, которыя ближе всего касаются военныхъ операцій и безопасности дѣйствующей арміи. Германскія военныя власти, во время войны 1870 года, при занятіи каждаго французскаго города немедленно объявляли мѣстнымъ жителямъ, какія угрожаютъ имъ наказанія за совершеніе извѣстныхъ преступленій.

Ту же самую цѣль имѣла прокламація главнокомандующаго дѣйствующею арміею отъ 1-го іюня 1877 года о подсудности преступленій военному суду:

«Жители областей, русскою арміею занимаемыхъ, «и всѣ лица, къ войску не принадлежащія, за совер-

«шенныя ими преступленія и проступки судятся об-«щими уголовными судами края, за исключеніемъ «нижеслѣдующихъ преступленій, за которыя они под-«лежатъ полевому военному суду, съ примѣненіемъ «наказаній, русскими законами для военнаго време-«ни опредѣленныхъ:

1) «За бунтъ, неповиновеніе и заговоръ противъ «главнокомандующаго русскою арміею или властей, «установленныхъ имъ для управленія краемъ.

2) «За шпіонство, т. е. за сообщеніе непріятелю «свѣдѣній, клонящихся ко вреду русской арміи.

3) «За истребленіе или поврежденіе колодцевъ, во-«допроводовъ, телеграфовъ, желѣзныхъ дорогъ, мо-«стовъ, плотинъ, переправъ и другихъ средствъ со-«общенія.

4) «За поджогъ или другое истребленіе военныхъ «снарядовъ, предметовъ и вещей, принадлежащихъ «къ средствамъ защиты или продовольствія войскъ.

5) «За убійство, изнасилованіе, разбой, грабежъ, «зажигательство, потопленіе чужаго имущества и «*другія преступленія*, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда, «по особенной важности обстоятельствъ, сопрово-«ждавшихъ преступленіе, признается за нужное, для «охраненія существенныхъ интересовъ арміи или об-«щественнаго порядка и спокойствія.

«Въ сихъ случаяхъ всякое дѣло можетъ быть изъято «изъ подсудности общимъ уголовнымъ судамъ края «и передано въ полевой военный судъ, по приказу «главнокомандующаго, или лицъ, особо имъ на то упол-«номоченныхъ.

«Сверхъ того, подлежатъ военному суду жители «областей, арміею занимаемыхъ, за всѣ преступленія, «совершаемыя ими совмѣстно съ военно-служащими, «или съ лицами, принадлежащими къ войску, а равно

«женщины, при участіи въ преступленіяхъ съ лицами «мужскаго пола подлежащими военному суду»[1]).

Этотъ актъ заслуживаетъ полнаго вниманія, потому что имъ опредѣляются предѣлы власти военной юрисдикціи въ отношеніи населенія занятаго края. Согласно установленнымъ обычаямъ войны, эта прокламація не отмѣняетъ гуртомъ всѣхъ законовъ и судовъ, существовавшихъ въ занятой непріятельской территоріи. Она точно также совершенно справедливо исходитъ изъ того положенія, что всякое преступное дѣйствіе, направленное противъ интересовъ и правъ дѣйствующей арміи, должно быть обсуждаемо на основаніи русскихъ военно-уголовныхъ законовъ и разбираемо русскими военно-уголовными судами. Въ занятыхъ русскою арміею турецкихъ провинціяхъ ipso facto должно было установиться военное положеніе.

Однако, если вникнуть повнимательнѣе въ содержаніе послѣдней части приведенной прокламаціи, то нельзя не согласиться, что она слишкомъ широко распространила компетенцію военно-уголовнаго суда. На основаніи пункта 6-го всякое вообще преступленіе можетъ быть подвергнуто обсужденію въ полевомъ судѣ, если это будетъ признано полезнымъ по тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ. При такой растяжимости военно-уголовной юрисдикціи, компетенція общихъ судебныхъ установленій занятаго края оказывается совершенно неопредѣленною, и трудно было сказать, насколько въ самомъ дѣлѣ «общіе уголовные суды края», о которыхъ говорится во введеніи приказа, могли существовать рядомъ съ полевыми судами.

Впрочемъ, гражданскіе суды дѣйствительно суще-

---

[1]) «*Летучій Военный Листокъ*», № 2, отъ 12-го іюля 1877 г.

ствовали въ занятой Болгаріи. Не всѣ безъ исключенія проступки и преступленія, совершенные въ предѣлахъ этого края, разбирались исключительно въ полевыхъ судахъ и на основаніи русскихъ военно-уголовныхъ законовъ. Нѣтъ, одна изъ главныхъ заботъ русскаго гражданскаго управленія заключалась въ преобразованіи мѣстныхъ болгарскихъ судовъ и въ болѣе точномъ опредѣленіи порядка разбирательства какъ гражданскихъ, такъ и уголовныхъ дѣлъ. Наконецъ, этимъ судамъ точно также была предоставлена забота «объ охраненіи въ краѣ должнаго правосудія», и на завѣдывающаго гражданскими дѣлами была возложена обязанность устроивать и преобразовывать всю судебную часть гражданскаго вѣдомства.

Такимъ образомъ виновата въ ложныхъ выводахъ только не совсѣмъ удачная редакція приказа отъ 1-го іюня.

Но, во всякомъ случаѣ, приведенная прокламація главнокомандующаго вѣрно поставила основный принципъ объ исключительномъ господствѣ русской военной власти на всемъ пространствѣ занятаго края.

Вслѣдъ затѣмъ уже представилась необходимость опредѣлить тѣ новые порядки, которые должны были быть введены въ Болгаріи на смѣну турецкимъ, и устроить бытъ освобождаемаго болгарскаго народа. Всякій согласится, что это была задача крайне трудная: она требовала не только самаго близкаго знакомства съ народнымъ бытомъ, культурнымъ состояніемъ, стремленіями и желаніями самихъ болгаръ, но, сверхъ того, она могла быть разрѣшена только человѣкомъ замѣчательныхъ административныхъ способностей и проникнутымъ до мозга костей любовью и уваженіемъ къ народу, устроеніе общественнаго быта котораго ему было поручено. Одни диктаторскія на-

клонности, свѣтлый умъ, желѣзная воля и несокрушимая энергія были недостаточны. Требовалось, прежде всего, уваженіе къ законнымъ желаніямъ болгарскаго народа, глубокая вѣра въ лучшую его будущность, любовь къ великому дѣлу освобожденія людей, низведенныхъ вѣками турецкаго ига на степень рабовъ.

Когда, послѣ мобилизаціи части русской арміи, въ ноябрѣ прошлаго 1877 года сдѣлалось извѣстнымъ, что на высокій постъ устроителя Болгаріи назначенъ князь В. А. Черкасскій, вся наша печать, если намъ не измѣняетъ память, отнеслась съ единодушнымъ сочувствіемъ къ этому назначенію. Все русское общество вспомнило о патріотической дѣятельности князя въ Польшѣ, и потому было увѣрено, что онъ въ Болгаріи положитъ прочныя основанія такому порядку вещей, который всегда послужитъ на будущее время залогомъ братской привязанности и признательности болгаръ къ русскому народу. Но весьма скоро такое настроеніе нашего общества по отношенію къ дѣятельности князя Владиміра Александровича радикально измѣнилось: въ ней находили только темныя пятна, только своеволіе и диктаторскія наклонности. Нѣкоторые цѣнители этой дѣятельности дошли дотого, что отрицали въ ней всякое достоинство, объявляя мѣры, принятыя княземъ, явно направленными къ внушенію болгарамъ только чувства ненависти къ Россіи и русскимъ порядкамъ.

Намъ кажется послѣднее мнѣніе если не опрометчивымъ, то, по меньшей мѣрѣ, несовсѣмъ справедливымъ. Для справедливой оцѣнки дѣятельности покойнаго, завѣдывавшаго гражданскими дѣлами Болгарскаго края, недостаточно наѣздомъ побывать въ Болгаріи и поговорить съ тѣмъ или другимъ болгариномъ или русскимъ чиновникомъ. Необходимо при-

помнить, что въ самый моментъ объявленія войны Болгарія была для насъ terra incognita. Мы знали больше объ островѣ Цейлонѣ, чѣмъ объ экономическомъ и общественномъ бытѣ болгаръ, объ ихъ желаніяхъ, стремленіяхъ и надеждахъ. Лучшій трудъ, которымъ мы могли воспользоваться для ознакомленія съ Болгаріей, принадлежитъ перу иностранца[1]). Весь русскій народъ зналъ только одно: систематическое истребленіе турками его братьевъ по вѣрѣ и по происхожденію.

Князь В. А. Черкасскій не находилъ, потому, подготовленными ни источниковъ, изъ которыхъ онъ могъ бы ознакомиться съ общественными нравами, обычаями, желаніями и стремленіями болгаръ, ни матеріаловъ для полнаго изученія порядковъ и учрежденій ввѣреннаго его правленію края. Все это онъ долженъ былъ собрать самъ или поручить другимъ[2]). Не менѣе важнымъ представляется вопросъ: находилъ ли князь Черкасскій дѣйствительно всегда такихъ людей, которые требовались для добросовѣстнаго и надлежащаго исполненія возложенныхъ на нихъ обязанностей? Не обязанъ ли онъ былъ брать къ себѣ людей такихъ, какіе на ту пору случились, а не такихъ, какихъ онъ хотѣлъ имѣть? Наконецъ, не была ли дѣятельность князя Черкасскаго иногда поставлена въ такія условія, противъ которыхъ не въ состояніи были бороться ни желѣзная воля, ни диктаторскія наклонности, ни дипломатическая находчивость?

Вообще мы полагаемъ, что непристойно развитому гражданскому обществу легкомысленно топтать въ грязь такихъ своихъ дѣятелей, которые еще весьма недавно были его кумирами и предъ которыми оно

---

[1]) *Kanitz.* Donau-Bulgarien und der Balkan. Lpz. 1875.

[2]) *Тепловъ* Матеріалы для изученія Болгаріи. Бухарештъ 1877.

съ уваженіемъ преклонялось. Внезапные переходы отъ глубокаго уваженія къ презрѣнію, отъ восторженныхъ похвалъ къ огульнымъ осужденіямъ, отъ самодовольства къ самобичеванію—недостойны общества, взявшагося освѣтить свѣточемъ своей образованности тьму невѣжества и воскресить къ новой гражданской жизни другой народъ.

Наступитъ время, когда всесторонняя и безпристрастная оцѣнка дѣятельности князя В. А. Черкасскаго будетъ возможна и полезна для полной характеристики десятимѣсячнаго управленія его дѣлами освобожденной Болгаріи. Теперь же необходимо ограничиться только изложеніемъ тѣхъ задачъ, которыя были поставлены гражданскому управленію, и указать на тѣ главнѣйшія мѣры, которыя были приняты съ этою цѣлью.

Изъ рескрипта главнокомандующаго дѣйствующею арміею завѣдывающему гражданскими дѣлами Болгаріи, напечатаннаго въ «Летучемъ Военномъ Листкѣ» отъ 3-го сентября 1877 года, видно, что уже 16-го ноября 1876 г. князь Черкасскій получилъ Высочайше утвержденную инструкцію, опредѣлявшую задачи гражданскаго управленія Болгаріею. На основаніи этой инструкціи на князя были возложены два главныя порученія:

1) «постепенное введеніе въ дѣйствіе новаго гражданскаго мѣстнаго управленія въ частяхъ Задунайскаго края, по мѣрѣ очищенія ихъ отъ турецкаго владычества», и

2) «постепенное, по мѣрѣ возможности, введеніе улучшеннаго порядка распредѣленія и взиманія податей и налоговъ, а равно наблюденіе за возможно-успѣшнымъ поступленіемъ оныхъ».

Теперь естественно возникаетъ вопросъ: въ чемъ же состояли основанія этого мѣстнаго гражданскаго

управленія, которое долженъ былъ ввести князь Черкасскій?

Основаніемъ для разрѣшенія этого вопроса могутъ служить отчасти вышеприведенная прокламація Государя къ жителямъ Болгарскаго края и отчасти только-что упомянутый рескриптъ главнокомандующаго.

Въ прокламаціи отъ 10-го іюня выставляются общіе принципы, которыми должны будутъ руководствоваться русскія военныя и гражданскія власти. Въ ней говорится, что въ Болгаріи будетъ устроено «правильное управленіе», въ которомъ мѣстнымъ жителямъ будетъ предоставлено «дѣятельное участіе». Точно также должна быть образована мѣстная болгарская дружина, которая будетъ служить «ядромъ мѣстной болгарской силы, предназначенной къ охраненію всеобщаго порядка и безопасности».

Эти основныя положенія развиваетъ подробно рескриптъ главнокомандующаго къ князю Черкасскому, опредѣляющій права, предоставленныя послѣднему по дѣламъ управленія краемъ. Хотя, къ сожалѣнію, мы не знаемъ, какого числа былъ подписанъ этотъ важный актъ, но нѣтъ сомнѣнія, что онъ долженъ былъ служить инструкціею для завѣдывающаго всѣми гражданскими дѣлами.

Руководящими началами для начальника гражданскаго управленія Болгаріи были выставлены слѣдующія:

1) Въ порядкѣ *административнаго* управленія. Завѣдывающему гражданскими дѣлами поручалось принимать мѣры къ постепенному введенію гражданскаго управленія во всѣхъ санджакахъ и округахъ Болгаріи, прочно занятыхъ русскими войсками. Въ виду этой задачи, онъ могъ назначать лицъ на всѣ должности до вице-губернатора включительно; привлекать на службу въ край «мѣстныхъ уроженцевъ»; прини-

мать всѣ мѣры къ устройству мѣстной полицейской стражи; заботиться объ устройствѣ почтовыхъ сообщеній и разрѣшать всѣ возникающія на мѣстахъ недоразумѣнія и затрудненія.

Особенному же попеченію начальника гражданскаго управленія было поручено христіанское населеніе Болгаріи, для спасенія котораго начата была война. Согласно съ этимъ, начальникъ гражданскаго управленія долженъ былъ принимать всѣ необходимыя мѣры для обезпеченія участи болгаръ, «вынуждаемыхъ свирѣпствомъ турокъ къ оставленію своихъ прежнихъ жилищъ и переходу подъ покровительство нашихъ войскъ». Совершенно справедливо инструкція предоставляетъ пользоваться для временнаго водворенія убѣжавшихъ отъ турецкихъ насилій болгаръ «усадьбами и имуществомъ, оставленными турками при появленіи нашихъ войскъ, и посѣвами, на ихъ земляхъ находящимися».

Наконецъ въ особенности предписывается князю Черкасскому наблюдать за дѣйствіями своихъ подчиненныхъ и требовать отъ всѣхъ гражданскихъ властей «строгаго», безкорыстнаго и сочувственнаго отношенія къ мѣстному христіанскому населенію, чтобы онѣ «пріобрѣли его довѣріе и дали ему возможность оправиться отъ турецкаго ига и начать устройство энергичнаго *мѣстнаго самоуправленія*», подъ руководствомъ русскихъ административныхъ властей.

2) Въ порядкѣ *финансоваго* управленія. Гражданское управленіе должно было позаботиться о постепенномъ введеніи лучшаго порядка распредѣленія и взиманія податей, налоговъ и пошлинъ. Смотря по обстоятельствамъ, оно могло ввести новый налогъ и отмѣнить старый, сложить и разсрочить существующіе сборы. Наконецъ, имѣть высшее наблюденіе за

правильнымъ взиманіемъ установленныхъ податей и сборовъ.

3) Въ порядкѣ „*земско-хозяйственномъ*“. Завѣдывающему гражданскими дѣлами поручалось скорѣйшее устройство административныхъ совѣтовъ, въ которыхъ мѣстные жители должны были осуществить свое право на «дѣятельное участіе» въ мѣстномъ управленіи. Въ отношеніи этихъ совѣтовъ ему предоставляется не только «строгое наблюденіе за ихъ дѣйствіями», но также «право утвержденія ихъ распоряженій по расходамъ изъ мѣстныхъ городскихъ и сельскихъ капиталовъ на всякую сумму, въ случаѣ представленія мѣстныхъ властей». Этого мало. Начальнику гражданскаго управленія предоставляется полная дискреціонная власть относительно «распущенія сихъ совѣтовъ или замѣщенія ихъ новыми членами и удаленія прежнихъ членовъ, сполна или частію, смотря по обстоятельствамъ».

4) По *судебной части* начальнику гражданскаго управленія было предоставлено право «направлять дѣйствія административныхъ властей и мѣстныхъ судебныхъ учрежденій къ охраненію въ краѣ должнаго правосудія». Для мѣстныхъ разслѣдованій или устройства судебной части онъ могъ командировать или отдѣльныхъ лицъ, или коммиссіи.

Наконецъ опредѣляется въ рескриптѣ образъ дѣйствія начальника гражданскаго управленія въ случаяхъ коллизій гражданскихъ и военныхъ дѣлъ.

Таково содержаніе этого чрезвычайно важнаго акта. Разсматривая его съ точки зрѣнія современнаго права войны и постановленій брюссельской конференціи, необходимо согласиться, что рескриптъ не содержитъ въ себѣ ни одного предложенія, которое противорѣчило бы общепризнаннымъ обычаямъ и законамъ войны. Въ этомъ отношеніи всѣ изложенныя

его постановленія не допускаютъ никакой добросовѣстной критики.

Но къ инымъ заключеніямъ можно придти, если смотрѣть на всѣ наставленія этого рескрипта со стороны ихъ практичности и цѣлесообразности. Въ такомъ случаѣ, дѣйствительно возникаютъ нѣкоторыя недоразумѣнія. Такъ, между прочимъ, совершенно справедливо, бѣжавшимъ отъ турецкаго ножа болгарамъ должны были быть предоставлены дома, усадьбы и имущества бѣжавшихъ турокъ, но не предвидѣнъ тотъ случай, когда турки-собственники, по возвращеніи, стали бы требовать обратно своей собственности. Между тѣмъ, новѣйшій опытъ показываетъ, что подобнаго рода случаи бывали и приводили къ кровопролитнымъ побоищамъ между христіанами — этими beati possidentes!—и турками—законными собственниками.

Нѣкоторыя недоразумѣнія вызываютъ также третій пунктъ наказа, опредѣляющій права начальника гражданскаго управленія по отношенію къ управительнымъ совѣтамъ и ихъ членамъ. Эти совѣты, если мы не ошибаемся, должны были служить органами мѣстнаго самоуправленія, о которомъ говорится въ самомъ рескриптѣ. На основаніи же прокламаціи Государя Императора отъ 10-го іюня «дѣятельное участіе» мѣстнаго населенія въ завѣдываніи своими дѣлами было за нимъ обезпечено. Но если гражданское управленіе имѣло полное право распускать, по собственному усмотрѣнію, весь совѣтъ, или удалять и замѣщать его членовъ, то, разумѣется, отъ самоуправленія немного оставалось. Впрочемъ, мы готовы согласиться, что, при незнаніи мѣстныхъ условій и мѣстныхъ обывателей, трудно было бы предоставить такимъ совѣтамъ широкую автономію. Это было, можетъ быть, даже и невозможно при господ-

ствѣ военнаго положенія. Можно также возразить, что эти административные совѣты пользовались во время турецкаго владычества еще меньшею автономіею; тогда членовъ не отставляли отъ должностей по усмотрѣнію, но отсѣкали имъ головы и разстрѣливали смотря по обстоятельствамъ.

Но во всякомъ случаѣ приведенныя предписанія относительно органовъ мѣстнаго самоуправленія могутъ быть разсматриваемы только какъ временныя распоряженія, долженствовавшія уступить свое мѣсто мѣропріятіямъ болѣе согласнымъ съ понятіями, которыя имѣются въ Западной Европѣ о мѣстномъ самоуправленіи.

Такое же временное и переходное значеніе необходимо придать пункту четвертому, на основаніи котораго судебная часть поставлена въ полную зависимость отъ административной власти завѣдывающаго гражданскимъ управленіемъ. Такое господство администраціи надъ судомъ можетъ быть оправдываемо только потребностями военнаго времени.

Въ развитіе этихъ основныхъ и руководящихъ началъ были изданы многія распоряженія по управленію, относящіяся какъ къ «административной», такъ и «земско-хозяйственной» и «судебной» частямъ.

Особеннаго вниманія, въ качествѣ органическаго закона, заслуживаетъ «*проектъ главныхъ основаній гражданскаго управленія въ санджакахъ и округахъ* (*Казахъ*) *Болгарскаго края*», утвержденный главнокомандующимъ дѣйствующей арміей 7-го іюля 1877 года[1]).

На основаніи этого положенія, прежнія границы санджаковъ и округовъ или казъ сохраняются безъ измѣненія, за исключеніемъ Рущукскаго санджака,

[1]) «*Летучій Военный Листокъ*», №№ 6 и 7.

отъ котораго отдѣляются три округа — систовскій, никопольскій и плевскій, подъ названіемъ систовскаго санджака[1]).

Во главѣ санджака поставлены губернаторы, въ помощь которымъ назначены вице-губернаторы. Округа же управляются начальниками округовъ (ст. 2-я).

Главныя обязанности губернаторовъ и начальниковъ округовъ заключаются, между прочимъ, въ «сохраненіи спокойствія и порядка между населеніемъ въ тылу арміи; въ предупрежденіи и пресѣченіи распрей между жителями разныхъ народностей; въ огражденіи свободы вѣры всѣхъ вѣроисповѣданій, не исключая мусульманскаго; въ обезоруженіи мѣстнаго мусульманскаго населенія, а равно въ наблюденіи за точнымъ и быстрымъ выполненіемъ мѣстнымъ населеніемъ тѣхъ военныхъ потребностей, которыя съ нихъ будутъ слѣдовать для удовлетворенія нуждъ войска».

Согласно этому общему положенію, губернаторъ въ Болгаріи гораздо болѣе хозяинъ въ своемъ санджакѣ, чѣмъ губернаторъ какой нибудь губерніи въ имперіи. Отъ болгарскаго губернатора были поставлены въ зависимость всѣ мѣстныя гражданскія и полицейскія власти, и ему же было предоставлено наблюденіе за всѣми судебными и земско-хозяйственными учрежденіями. Права и обязанности губернаторовъ по *финансовому* управленію весьма широкія: главная ихъ забота—собираніе недоимокъ и податей и увеличеніе доходовъ казны. По части *судебной* онъ долженъ былъ наблюдать, «чтобы повсемѣстно прежнія судебныя учрежденія продолжали, или возобно-

---

[1]) Вообще административное дѣленіе Турціи не было отмѣнено послѣ занятія Болгаріи нашими войсками. Объ этомъ дѣленіи см. «Матеріалы для изученія Болгаріи», стр. 1 и слѣд.

вили свои дѣйствія на прежнихъ основаніяхъ», причемъ онъ долженъ озаботиться, «чтобы въ смѣшанныхъ округахъ численный перевѣсъ между членами судовъ былъ на сторонѣ христіанскаго населенія». Особенно важнымъ представляется право губернаторовъ «изнимать изъ производства въ мѣстныхъ судахъ тѣ дѣла, которыя, въ виду нынѣшнихъ исключительныхъ обстоятельствъ и для поддержанія въ краѣ полнаго порядка и спокойствія», они признаютъ нужнымъ передать въ военные суды, которыхъ было устроено въ каждомъ санджакѣ по одному суду. Въ крайнемъ случаѣ одинъ военный судъ могъ вѣдать два санджака. Протесты и кассаціонныя жалобы на приговоры военныхъ судовъ представлялись въ «кассаціонное присутствіе дѣйствующей арміи»[1]).

Насколько дѣйствительно такое положеніе судебнаго вѣдомства было только временнымъ и вызваннымъ обстоятельствами военнаго времени, лучше всего видно изъ того, что прежніе турецкіе порядки судебнаго разбирательства оставались неприкосновенными до тѣхъ поръ, пока не была окончательно выяснена ближайшая судьба завоеванной Болгаріи. Единственно этими соображеніями можно себѣ объяснить сохраненіе порядка судебнаго разбирательства, не выдерживающаго даже самой снисходительной критики.

Весьма подробно опредѣлены въ разсматриваемомъ положеніи отношенія губернатора къ «*мѣстному земско-хозяйственному управленію*». Онъ долженъ пещись объ устройствѣ «гражданскихъ совѣтовъ» въ каждомъ изъ округовъ санджака, но къ устройству граж-

[1]) Большія подробности о военныхъ судахъ въ Болгаріи находятся въ приказѣ главнокомандующаго отъ 9-го августа 1877 г. (Л. В. Л. № 22).

данскаго совѣта санджака онъ приступаетъ только по полученіи особаго на этотъ счетъ распоряженія. Прежніе гражданскіе совѣты санджаковъ вѣдаютъ дѣла, относящіяся только до того округа, въ которомъ находится главный городъ санджака. Для обсужденія же общихъ дѣлъ, касающихся до всего санджака, губернаторъ можетъ временно учреждать «совѣщательныя собранія» изъ извѣстнѣйшихъ мѣстныхъ лицъ, духовныхъ и свѣтскихъ. Само собою разумѣется, что наблюденіе за ходомъ дѣлъ въ гражданскихъ совѣтахъ, утвержденіе въ должности выборныхъ предсѣдателей, распущеніе совѣтовъ и назначеніе новыхъ выборовъ—все это было предоставлено губернатору.

Наконецъ, совершенно естественно, что права, предоставленныя губернатору въ отношеніи санджака и его учрежденій, имѣли, но только въ меньшемъ объемѣ, начальники округовъ въ отношеніи подчиненнаго имъ населенія и учрежденій.

Если въ только-что приведенныхъ постановленіяхъ приказа отъ 7-го іюля можно найти излишнее, быть можетъ, уваженіе къ оставшимся послѣ турокъ порядкамъ, то этотъ же упрекъ можетъ быть сдѣланъ «*проекту временныхъ правилъ объ управительныхъ* (*административныхъ*) *совѣтахъ въ округахъ и городахъ Болгаріи*», утвержденному 8-го августа 1877 г.[1]).

Прежніе «управительные» или «административные» совѣты округовъ и городовъ продолжаютъ или возобновляютъ свою дѣятельность такимъ образомъ, что для каждаго округа учреждается «особый управительный совѣтъ» и, сверхъ того, учреждается управительный совѣтъ городской, для главнаго города каждаго округа. Далѣе опредѣляется личный составъ

[1]) «*Летучій Военный Листокъ*» № 21.

этихъ совѣтовъ, постоянное ихъ присутствіе въ качествѣ исполнительнаго органа и кругъ ихъ дѣлъ.

Къ главнымъ обязанностямъ этихъ «управительныхъ совѣтовъ» отнесены: заботы о правильной раскладкѣ податей и повинностей; наблюденіе за существующими училищами и лечебницами и забота объ ихъ умноженіи; а также «оказаніе губернаторамъ, начальникамъ округовъ и полиціймейстерамъ полнаго содѣйствія къ точному и быстрому исполненію мѣстнымъ населеніемъ »всѣхъ военныхъ потребностей.

Изъ этихъ постановленій видно, что распоряженіе 8-го августа есть, собственно говоря, ничто иное, какъ развитіе постановленій положенія «о главныхъ основаніяхъ гражданскаго управленія» отъ 7-го іюля того же года. Нѣтъ никакого различія между «гражданскими совѣтами», о которыхъ говоритъ приказъ 7-го іюля, и «управительными (административными) совѣтами», упоминаемыми въ проектѣ отъ 8-го августа. По крайней мѣрѣ послѣднее распоряженіе самообъявляетъ, что издано въ «разъясненіе» примѣчанія къ ст. 5 положенія 7-го іюля, въ которомъ упоминается только о «гражданскихъ совѣтахъ». Только неизвѣстно, почему этому послѣднему названію было предпочтено новое названіе «управительный» или «административный совѣтъ».

Болѣе радикально поступило гражданское управленіе Болгарскимъ краемъ въ вопросахъ финансоваго и казеннаго управленія. Здѣсь господствовали такіе невѣроятные безпорядки, злоупотребленія и несообразности, что немедленно по занятіи края необходимо было произвести нѣкоторыя коренныя преобразованія. Еще до перехода русскихъ войскъ чрезъ Дунай, 5-го іюня 1877 г. былъ удостоенъ Высочайшаго утвержденія. «*Проектъ главныхъ основаній казеннаго упра-*

вленія»[1]), на основаніи котораго отмѣняется, во-1-хъ, подать (бедель), взимавшаяся турецкимъ правительствомъ за изъятіе отъ воинской службы. Всѣ вообще жители освобождаются отъ уплаты этой подати съ введеніемъ обязательной военной повинности. Во-2-хъ, отмѣняется съ 1878 года взиманіе десятинной (ошуръ) съ произведеній земли. Въ замѣнъ десятины вводится поземельная подать, устроенная на правильныхъ основаніяхъ.

Однако, въ виду неотложныхъ потребностей войны, десятина еще взималась въ продолженіе 1877 года или деньгами, или натурою[2]). Откупщикамъ же, взявшимъ десятину на откупъ у турецкаго правительства на 1877 годъ, воспрещалось взимать ее съ жителей. Точно также воспрещалось кому бы то ни было покупать или инымъ образомъ пріобрѣтать у откупщиковъ тѣ произведенія земли, которыя они уже успѣли собрать съ мѣстнаго народонаселенія. Всѣ эти произведенія, если они взяты откупщиками, мѣстная полицейская власть должна сдать русскимъ властямъ. Наконецъ, было опредѣлено, что турецкія ассигнаціи (кайме) не принимаются въ уплату податей, которыя должны быть уплачиваемы или металлическими деньгами, или русскими кредитными билетами.

Эти предварительныя распоряженія были впослѣдствіи развиваемы, съ цѣлью внести правильный порядокъ какъ въ взиманіи всѣхъ податей и сборовъ, такъ и въ расходованіи ихъ. Эту цѣль имѣлъ въ виду Высочайше утвержденный законъ о финансовомъ управленіи въ Болгарскомъ краѣ[3]). Съ цѣлью пре-

[1]) «*Летучій Военный Листокъ*», № 2.

[2]) Подробная инструкція о взиманіи десятиннаго налога съ хлѣбныхъ полей и луговъ въ 1877 году утверждена была 11-го іюня того же года (Л. В. Л. № 10).

[3]) «*Летучій Военный Листокъ*» № 3.

дупредить злоупотребленія со стороны военныхъ и гражданскихъ властей при отбываніи мѣстнымъ населеніемъ весьма обременительной для нихъ подводной повинности, были изданы 20-го іюля 1877 года особенныя правила въ руководство должностнымъ лицамъ, имѣющимъ право на подводы [1]). Отправленіе подводной повинности было опредѣлено примѣнительно къ русскому своду военныхъ постановленій. Вознагражденіе же хозяевамъ подводъ было назначено въ франкахъ.

Наконецъ, особенное вниманіе нашихъ властей было обращено на цѣлесообразное устройство полицейской службы. Еще до переправы черезъ Дунай, 8-го іюня, былъ изданъ «*Проектъ инструкціи для учрежденія первоначальнаго военно-полицейскаго управленія*» [2]). Въ основаніе этого мѣропріятія легли тѣ административно-полицейскія учрежденія, которыя въ то время существовали въ Болгаріи, причемъ обращено было особенное вниманіе на законныя права и интересы христіанскаго населенія, которое должно было окончательно освободиться отъ своихъ прежнихъ мухтаровъ-притѣснителей. Такъ, въ христіанскихъ обществахъ оставляются прежніе мухтары; въ мусульманскихъ же общинахъ назначаются тѣ лица, которыя, по отзывамъ сосѣднихъ христіанъ-жителей, не относились къ христіанскому населенію враждебно.

Послѣ введенія положенія о гражданскомъ управленіи Болгаріею отъ 7-го іюля общинная и военная полиція, учрежденная 8-го іюня, должна была подвергнуться существенному преобразованію. На основаніи этого положенія губернаторъ санджака или губерніи является начальникомъ всей мѣстной поли-

---

[1]) «*Летучій Военный Листокъ*» № 11.

[2]) *ibid.* № 4.

ціи. Его власть въ этомъ отношеніи весьма обширна. Онъ имѣлъ право безъ суда подвергать аресту не свыше одного мѣсяца и денежному взысканію не свыше ста рублей (ст. 9 положенія 7-го іюля) всякаго мѣстнаго жителя, за исключеніемъ только лицъ, состоящихъ на государственной службѣ.

Губернаторъ долженъ былъ устроить изъ мѣстныхъ жителей пѣшую и конную полицейскую стражу и, кромѣ того, «вооруженные караулы»[1]; назначеніе этихъ командъ состояло въ охраненіи порядка въ городахъ и селеніяхъ Болгарскаго края, а также въ отраженіи нападеній со стороны вооруженныхъ шаекъ. Команды пѣшей и конной полицейской стражи составлялись изъ вольнонаемныхъ людей; вооруженные караулы—изъ мѣстныхъ жителей-христіанъ, которые содержались на свой счетъ и были предназначены къ дѣйствію въ особенности въ предѣлахъ своего собственнаго города или селенія[2].

Вотъ главныя распоряженія по управленію Болгарскимъ краемъ. Въ нихъ совершенно наглядно высказывается убѣжденіе, что невозможно въ одинъ мигъ пересоздать весь общественный строй и правительственный порядокъ страны. Турецкіе порядки были отчасти явнымъ насиліемъ надъ христіанскимъ населеніемъ, отчасти заключали въ себѣ зародышъ хорошихъ началъ, требовавшихъ только иныхъ условій для успѣшнаго своего развитія. Первая часть турецкихъ порядковъ была нашими властями или отмѣнена, или парализована. Такъ, христіанское населеніе, хотя бы составляло большинство, всегда было,

---

[1]) «*Летучій Военный Листокъ*» № 22.

[2]) Въ № 49 «Л. В. Л.» отъ 11-го ноября 1877 г. отпечатана инструкція начальника гражданскаго управленія мѣстной полицейской стражѣ.

во время турецкаго владычества, въ меньшинствѣ во всѣхъ мѣстныхъ выборныхъ учрежденіяхъ. Эта несправедливость всюду была отмѣняема распоряженіемъ русскаго гражданскаго управленія. Прежде одни только мусульмане имѣли право носить оружіе. Съ водвореніемъ русской оккупаціонной власти они лишились этого права и только посредствомъ зачисленія въ составъ команды полицейской стражи или вступленія въ ряды вооруженныхъ карауловъ мѣстное населеніе, христіанское и мусульманское, могло получить право носить оружіе. Наконецъ, само собою разумѣется, что вновь образованная болгарская дружина точно также имѣла это важное и почетное право.

Тѣ же унаслѣдованныя отъ турокъ учрежденія, въ основаніи которыхъ лежали начала болѣе согласныя съ справедливостью, не были немедленно уничтожаемы русскою властью. Къ таковымъ учрежденіямъ относятся, между прочимъ, упомянутые выше управительные или гражданскіе совѣты. Они по существу были оставлены неприкосновенными, только личный составъ, компетенція и порядокъ веденія дѣлъ въ нихъ были опредѣлены болѣе точнымъ образомъ.

Если бы наше гражданское управленіе Болгарскимъ краемъ болѣе руководствовалось тѣмъ «новымъ» международнымъ правомъ, о которомъ толкуютъ французскіе его обвинители, тогда, можетъ быть, оно было бы еще лучше для освобожденныхъ болгаръ.

IV.

Разсмотрѣвъ отношеніе русской оккупаціонной арміи къ законамъ и учрежденіямъ на турецкой территоріи, мы остановимся теперь на разсмотрѣніи образа дѣйствія ея въ отношеніи къ мирному населенію непріятельской страны.

Въ продолженіе нынѣшняго столѣтія воюющія государства постоянно провозглашали, что мирное населеніе на непріятельской территоріи, пока оно не вмѣшается въ войну и не предпринимаетъ никакихъ непріязненныхъ дѣйствій, должно пользоваться полнѣйшею неприкосновенностью жизни. Поэтому, войскамъ, вступающимъ въ непріятельскій край, обыкновенно вмѣнялось въ обязанность воздерживаться отъ всякихъ насилій надъ жителями; но, къ сожалѣнію, далеко не всегда провозглашаемыя полководцами правила были, надлежащимъ образомъ, соблюдаемы ими самими и ихъ подчиненными. Иногда подъ громкими фразами прокламацій скрывалось твердое намѣреніе смотрѣть сквозь пальцы на безчинства и буйства, совершаемыя войсками надъ безоружными жителями занятаго края или города.

Наполеонъ I неоднократно провозглашалъ неприкосновенность несражающихся несомнѣннымъ принципомъ права войны[1]). Онъ утверждалъ, что религіозныя убѣжденія и патріотическія чувства должны быть уважаемы; между тѣмъ, онъ не только не всегда поддерживалъ надлежащую дисциплину въ своей арміи, но даже умышленно дозволялъ ей совершать самыя гнусныя насилія. Въ этомъ отношеніи исторія войны въ Испаніи съ 1809 года и войны Отечественной 1812 года служитъ лучшимъ доказательствомъ. Французы не только заставляли жителей западныхъ губерній присягать своему императору, но въ Московской губерніи даже производили рекрутскіе наборы. Слѣдовательно, *силою* заставляли безоружныхъ жителей совершать преступленіе государственной измѣны[2]). Далеки были они также отъ ува-

[1]) См. *мое* соч.: «О правѣ частной собственности», стр. 139.

[2]) *Михайловскій-Данилевскій.* Описаніе Отечественной войны, т. I, стр. 285.

женія къ религіознымъ обрядамъ и вѣрованіямъ населенія занятаго края. Въ нѣкоторыя московскія церкви были поставлены лошади кавалерійскихъ полковъ и всякаго рода обозы. Въ церквахъ же незанятыхъ, богослуженіе не могло отправляться подобающимъ образомъ, благодаря безчинствамъ французскихъ солдатъ, которые обыкновенно оставались безнаказанными [1]).

Такова была военная практика въ началѣ XIX вѣка!

Такое противорѣчіе фактовъ съ провозглашенными обычаями войны оправдывалось, въ глазахъ Наполеона I, собственнымъ его изрѣченіемъ: «*Tout est moral à la guerre!*» Понятно, что, избравъ такой принципъ девизомъ своей дѣятельности во время войны, воюющее государство можетъ убивать, увѣчить и разорять все мирное населеніе, не исключая женщинъ и дѣтей.

Обращаясь къ военной практикѣ союзныхъ державъ въ 1814 и 1815 годахъ, нельзя не замѣтить, что онѣ гораздо послѣдовательнѣе Наполеона проводили принципъ неприкосновенности жизни и уваженія личныхъ правъ населенія занятыхъ странъ. Извѣстно, до какой степени императоръ Александръ I всегда являлся великодушнымъ защитникомъ побѣжденныхъ французовъ.

Наконецъ, въ новѣйшихъ войнахъ, вообще говоря, военная практика еще болѣе категорически констатировала этотъ взглядъ на мирныхъ обывателей, подъ условіемъ непринятія ими участія въ военныхъ дѣйствіяхъ. Выше мы имѣли случай указать на знаменитую прокламацію короля прусскаго отъ 11-го августа 1870 года, объявлявшую, что мирные французскіе граждане «будутъ пользоваться полнѣйшею без-

[1]) *Михайловскій-Данилевскій*. Описаніе, т. II, стр. 52.

опасностью своей личности и собственности», пока не примутъ участія въ непріязненныхъ дѣйствіяхъ противъ германскихъ войскъ. Въ этомъ же самомъ смыслѣ высказывался неоднократно и прусскій кронпринцъ. Въ прокламаціи его къ жителямъ города Нанси, отъ 25-го августа 1870 года, вновь подтверждается положеніе, что «Германія ведетъ войну только противъ императора французовъ, но не противъ французовъ». Въ прокламаціи принца Фридриха-Карла отъ 8-го августа 1870 года, обращенной къ солдатамъ его арміи, великодушно напоминается послѣднимъ, что «мирныхъ жителей Франціи» императоръ Наполеонъ III не спросилъ, желаютъ ли они объявить войну Германіи: причинъ для такой вражды и кровопролитной войны между обоими сосѣдними народами не было.

«Помните объ этомъ», продолжаетъ прокламація, «въ отношеніи мирныхъ обывателей Франціи; покажите имъ, что въ нашемъ столѣтіи два образованные народа не забываютъ, даже во время войны, предписаній человѣколюбія. Представляйте себѣ постоянно, чтобы ваши родители на родинѣ чувствовали, если бы, чего Боже сохрани, непріятель вторгнулся въ наши земли!»

Никто не станетъ спорить, что въ этихъ словахъ, по меньшей мѣрѣ, ясно выраженъ обычай войны, требующій уваженія и снисхожденія къ личнымъ и имущественнымъ правамъ мирныхъ обывателей занятаго края.

Справедливость требуетъ сказать, что германскія власти приняли также положительныя мѣры для соблюденія войсками этихъ возвышенныхъ началъ. Преступленіямъ, совершеннымъ противъ личности и чести мѣстныхъ жителей, угрожали тяжкія наказанія. Были учреждены особенные склады найденныхъ и представленныхъ германскими военными чинами ве-

щей, принадлежащихъ, по всей вѣроятности, туземнымъ жителямъ. Собственники вещей вызывались путемъ печати [1]).

Но, не смотря на всѣ человѣколюбивыя намѣренія и великодушныя начала, франко-германская война 1870 года представляетъ не мало фактовъ тому, что не всегда начала эти соблюдались и не всегда за нарушеніе ихъ слѣдовало немедленное взысканіе. Чѣмъ дальше продолжалась война, тѣмъ замѣтнѣе становился переворотъ въ первоначальномъ взглядѣ на вышеустановленный обычай войны. Въ германскихъ газетахъ, даже офиціозныхъ, появлялись разсказы о такихъ вопіющихъ нарушеніяхъ неприкосновенности жизни и собственности мирныхъ французовъ, что невольно рождался тяжелый вопросъ: что будетъ дальше, если эта война продолжится? [2]) Ожe-

[1]) *Busch*. Graf Bismark und seine Leute, Bd. II, S. 186.

[2]) Между прочимъ, въ № 251 «*Deutsche Allgemeine Zeitung*» было напечатано письмо гусара, разсказывающаго, что, вслѣдствіе подозрѣнія жителей французскаго городка *Ablis* въ содѣйствіи отряду подвижной гвардіи напасть на германскій эскадронъ, весь городъ былъ ограбленъ, раззоренъ и, наконецъ, сожженъ гусарами. Женщинамъ, дѣтямъ и старикамъ, за полчаса до поджога, было объявлено объ этомъ рѣшеніи и дано время удалиться; но «мужчинъ, говоритъ гусаръ, мы не щадили, напротивъ, всѣхъ ихъ разстрѣляли и убили безъ пощады». Въ «*Preussische Staatsanzeiger*» отъ 28-го октября 1870 г. было объявлено, что бо́льшая часть этого письма плодъ фантазіи. Но вина жителей городка Ablis осталась невыясненною. Срав. также «*Deutsche Allg. Z.*» отъ 5-го ноября 1870 г.—Любопытенъ также разсказъ саксонскаго унтеръ-офицера о хозяйничаньи германскихъ войскъ во французскихъ домахъ, напечатанный въ оффиціальномъ «*Dresdener Journal*» отъ 30-го октября 1870 г. — Срав. также «*Leipziger Tagblatt*» отъ 9-го ноября 1870 г., гдѣ возвратившійся въ Германію солдатъ разложилъ въ гостинницѣ всевозможныя вещи, начиная отъ дѣтскаго бѣлья и кончая бутылками шампанскаго, привезенными имъ изъ Франціи. «Ja, meine Herren, сказалъ солдатъ, gegen Andere bin ich noch der Dumme gewesen!»

сточеніе воюющихъ развивалось не по днямъ, но по часамъ.

Впрочемъ, судя по новѣйшимъ источникамъ о германо-французской войнѣ, въ самомъ германскомъ военномъ лагерѣ взглядъ и военная практика Наполеона I имѣли весьма вліятельныхъ защитниковъ. Самъ графъ Бисмаркъ неоднократно возставалъ противъ слишкомъ гуманнаго обращенія съ французскимъ населеніемъ и, въ особенности, съ французскими вольными стрѣлками. Великій германскій политикъ постоянно доказывалъ, что необходимо сдѣлать войну насколько возможно болѣе чувствительною для населенія, съ цѣлью заставить его просить о мирѣ. Если, говорилъ онъ при одномъ случаѣ, поставить гарнизоны во всѣ мѣста занимаемаго края, то необходимо отъ времени до времени командировать отряды въ такія мѣстности, которыя оказывались непокорными, съ приказаніемъ: «разстрѣливать, вѣшать и опустошать». Если это повторить нѣсколько разъ, прибавилъ графъ, то они уже образумятся. Когда же другіе позволили себѣ замѣтить, что достаточно будетъ одного только появленія экзекуціоннаго отряда, графъ возразилъ: «Ну, не знаю, умѣренное вѣшаніе все-таки лучше подѣйствуетъ, если при этомъ послано будетъ нѣсколько гранатъ и сожжено нѣсколько домовъ»[1]).

Совершенно одинаковаго съ геніальнымъ руководителемъ германской политики мнѣнія оказался извѣстный американскій генералъ Шериданъ, изложившій предъ графомъ Бисмаркомъ слѣдующую возвышенную теорію: «Современная стратегія заключается, во-первыхъ, въ томъ, чтобы нанести непріятелю, насколько онъ состоитъ изъ солдатъ, наиболѣе чувстви-

[1]) *Busch.* Graf Bismark und seine Leute, Bd. II, S. 242.

тельные удары, во-вторыхъ, въ причиненіи жителямъ страны столько зла, чтобы заставить ихъ томиться по мирѣ и требовать его отъ своего правительства. У этихъ людей ничего не должно оставаться, кромѣ глазъ для оплакиванія войны» [1]).

Къ чести германскихъ войскъ, эта теорія американскаго генерала не получила примѣненія во время франко-германской войны. Даже самъ графъ Бисмаркъ долженъ былъ отказаться отъ надежды видѣть свой взглядъ на мирное населеніе занятой страны принятымъ со стороны высшаго военнаго начальства германскихъ армій. Германское войско, исходившее изъ нѣдръ такого высоко-образованнаго народа, какъ германскій, не могло совершить всѣхъ тѣхъ ужасовъ и насилій, которые приписывались ему со стороны французскихъ властей и англійскихъ корреспондентовъ. Преувеличенія совершенно очевидны [2]). Противъ такихъ обвиненій протестуютъ и степень образованности, и нравы, и обычаи, и военная дисциплина германскихъ войскъ.

Но, съ другой стороны, вышеприведенные факты

---

[1]) *Busch*, ibid., Bd. I, S. 144.

[2]) Вотъ что, между прочимъ, писалъ тогда корреспондентъ «*Times*», полковникъ Гамлей. «Если считать», говоритъ онъ иронически, «согласнымъ съ международнымъ правомъ систему, принятую нѣмцами, то пора перестать называть Тилли, герцога Альбу и Аттилу бичами человѣчества, дабы не оскорбить почтенныхъ современниковъ». («*Times*» отъ 24-го января 1871 г.).—Другой англичанинъ Гаррисонъ писалъ: «На нѣмцахъ, на нихъ самихъ и на ихъ дѣтяхъ, будетъ тяготѣть проклятіе за то, что они возобновили въ современной Европѣ наиболѣе кровожадныя и варварскія преданія прошлаго: полное опустошеніе непріятельской страны и систематическое избіеніе частныхъ лицъ» («*Bismarckism*» въ «*Fortnightly Review*» отъ 1-го декабря 1870 г.). Несравненно болѣе справедливъ и безпристрастенъ *Rolin-Jacquemyns* въ Revue de droit int. 1871, p. 289 etc.

все-таки доказываютъ, что еще въ 1870 году, во время войны между двумя высоко-цивилизованными народами, проявляется сомнѣніе насчетъ обязательности военнаго обычая, обезпечивающаго неприкосновенность, жизни и собственности за мирнымъ и безоружнымъ населеніемъ въ непріятельской странѣ. Совершаются такія дѣйствія и излагаются такія теоріи, которыя гораздо болѣе къ лицу временамъ Тридцатилѣтней войны, нежели второй половинѣ XIX вѣка.

Во всякомъ случаѣ опытъ войны 1870 года явно указалъ на настоятельную необходимость выяснить: какое отношеніе къ безоружному населенію занятой территоріи дѣйствительно закономѣрно и требуется современными обычаями войны?

Брюссельская декларація даетъ точный отвѣтъ на этотъ вопросъ, въ статьяхъ 36 и слѣд. На основаніи этихъ постановленій населеніе занятой территоріи не можетъ быть принуждаемо къ принятію участія въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ своей страны; оно не можетъ быть принуждаемо къ принятію присяги непріятельскому государству. Этого мало. «Честь и семейныя отношенія, жизнь и собственность частныхъ лицъ, равно какъ и ихъ религіозныя убѣжденія и исполненіе обрядовъ своего вѣроисповѣданія, должны быть уважаемы непріятелемъ» (ст. 38). Далѣе: «частная собственность не можетъ подлежать конфискаціи». Наконецъ, «положительно воспрещается разграбленіе частнаго имущества» (ст. 39).

Таковы правила, которыя представители европейскихъ державъ на брюссельской конференціи признали возможнымъ рекомендовать вниманію своихъ правительствъ. Нѣтъ сомнѣнія, что эти постановленія никакъ нельзя согласить ни съ девизомъ Наполеона I, что «tout est moral à la guerre», ни съ мнѣ-

ніемъ американскаго генерала Шеридана о взаимныхъ правахъ современныхъ воюющихъ народовъ.

Спрашивается теперь: какъ же отнеслись Турція и Россія къ мирному населенію на непріятельской территоріи? Какими правилами руководились на дѣлѣ русскія и турецкія военныя власти въ своихъ отношеніяхъ къ безоружнымъ и мирнымъ обывателямъ занятой ими мѣстности?

Понятно, что такъ какъ наступающею стороною была Россія и театромъ военныхъ дѣйствій была, почти исключительно въ продолженіе всей войны, турецкая территорія, то поставленные вопросы въ особенности относятся до поведенія русскихъ войскъ. Они должны были показать сознательное пониманіе правъ и обязанностей цивилизованнаго войска въ отношеніи къ мирному населенію на непріятельской землѣ; но нельзя сказать, чтобы эти вопросы абсолютно не имѣли никакого значенія для турецкихъ армій. Нѣтъ, турки также должны были высказать свой взглядъ на права мирнаго населенія и неприкосновенность его жизни и собственности, только не за границами своей родины, но въ предѣлахъ ея. Отъ турецкихъ войскъ требовалось уваженіе къ жизни и собственности не подданныхъ непріятельскаго государства, а ихъ же соотечественниковъ. Они должны были уважать права мирнаго населенія не на непріятельской территоріи, но права мирныхъ и беззащитныхъ обывателей отечественной земли. Отъ турецкой арміи, слѣдовательно, требовалось только исполненіе своего долга въ отношеніи безоружныхъ лицъ, имѣющихъ *законное* право на ея зищиту и покровительство во время мира, а тѣмъ болѣе во время войны.

Въ этомъ положеніи едва ли когда либо представлялся вопросъ о правахъ военной власти по отно-

шенію къ мирному населенію во время войны. Брюссельская конференція, разумѣется, не могла разсматривать этого вопроса съ этой совершенно новой точки зрѣнія. Она имѣла въ виду только *международныя* отношенія, которыя могутъ быть лишь между иностраннымъ оккупаціоннымъ войскомъ и населеніемъ занятаго непріятельскаго края. Права же и обязанности туземной арміи къ туземнымъ обывателямъ, какъ во время мира, такъ и во время войны, есть вопросъ внутренній, государственный, но не международный. Притомъ, до сихъ поръ въ цивилизованныхъ государствахъ не представлялась особенная надобность принимать какія нибудь особенныя мѣры для защиты, во время войны, мирныхъ обывателей страны противъ отечественнаго же войска, сражающагося за ихъ же честь и славу.

Иначе представлялся вопросъ по отношенію къ турецкимъ войскамъ: они разсматривали мѣстное христіанское населеніе Болгаріи, какъ своего заклятаго врага, и потому дозволяли себѣ противъ мирныхъ жителей собственнаго незанятаго еще непріятелемъ края всевозможныя насилія и звѣрства. Такимъ образомъ случалось неоднократно, что жители турецкаго же населенія должны были просить защиты у русскихъ войскъ противъ своихъ собственныхъ *законныхъ* защитниковъ, т. е. турецкихъ войскъ. Такая необыкновенная постановка вопроса объясняется, прежде всего, тѣмъ обстоятельствомъ, что послѣдняя война была предпринята именно съ цѣлью освобожденія турецкихъ же подданныхъ-христіанъ изъподъ ига ихъ же правительства. Этимъ обстоятельствомъ можно себѣ объяснить, почему, немедленно по приходѣ русской арміи въ Болгарію, изъ мѣстнаго христіанскаго населенія была образована такъ называемая болгарская дружина, имѣвшая цѣлью какъ охра-

неніе общественной безопасности въ самой Болгаріи, такъ и участіе въ войнѣ противъ турецкаго владычества. Эта дружина была совершенно необходима для спасенія остальной части христіанскаго населенія и окончательнаго его освобожденія изъ-подъ власти турокъ. Видѣть, поэтому, въ устройствѣ болгарской дружины нарушеніе вѣрноподданническаго долга христіанскихъ подданныхъ султана очевидно нельзя, потому что подданство не можетъ состоять въ добровольномъ самозакланіи и въ безгласномъ преданіи себя на истязаніе со стороны башибузуковъ и мусульманскихъ фанатиковъ.

Если естественное и законное желаніе христіанскаго населенія освободиться изъ-подъ турецкаго ярма отчасти *объясняетъ* намъ звѣрства, совершенныя турецкими войсками надъ своими соотечественниками-христіанами, то *оправдывать* такой образъ дѣйствій никакія хитроумныя соображенія не могутъ. Еще болѣе виновнымъ во всѣхъ совершенныхъ турецкими войсками звѣрствахъ и насиліяхъ надъ безоружными жителями театра военныхъ дѣйствій является само турецкое правительство, которое не только не приняло никакихъ мѣръ для ознакомленія своихъ армій съ ихъ обязанностями, но, напротивъ, возбуждало всѣми средствами ихъ фанатизмъ и животныя страсти.

Что это мнѣніе не есть голословное обвиненіе, можно видѣть изъ многихъ официальныхъ актовъ самого турецкаго правительства, которое устами Аарифи-паши, бывшаго въ іюлѣ 1877 года оттоманскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, признало возможнымъ прямо объявить о своемъ намѣреніи «принять самыя жестокія мѣры» противъ непріятеля и возбудить противъ него «исповѣдующія исламъ населенія». Такого рода предостереженія Порты возбудить мусульман-

скій фанатизмъ не оставались только пустыми угрозами, но были приведены въ исполненіе.

Стоитъ только прочесть текстъ молитвы, которую шейхъ-уль-исламъ сочинилъ для чтенія въ мечетяхъ въ продолженіе послѣдней войны:

«О Аллахъ милосердый! Сжалься надъ нами и за«щити твой вѣрный народъ. Боже всемогущій! *не «питай никакой жалости къ невѣрнымъ*... О Аллахъ! «укрѣпи слугу твоего, нашего султана, главу люби«маго твоего народа, защити насъ и страну нашу, «*смети съ лица земли всѣхъ невѣрныхъ*, сражающихся «съ нами и съ единственно-истинною твоею вѣрою! «*Изгладь*, о Боже всемогущій, *всѣ слѣды нечести«выхъ русскихъ и столь же нечестивыхъ болгаръ и эл«линовъ*, которые ходятъ ощупью во мракѣ нечестія, «какъ свиньи въ грязи (!!), и осмѣлились поднять «руку на твой вѣрный народъ и пророка твоего, Ма«хомеда. Расторгни союзъ ихъ, разсѣй войска ихъ, «сломай оружіе ихъ, разстрой ряды ихъ, истреби силы «ихъ и ввергни ихъ въ глубину ада... Покарай ихъ «такъ, какъ каралъ до сихъ поръ всѣхъ враговъ тво«ихъ; смѣшай ихъ языки; пусть кровь ихъ течетъ «рѣкою и головы ихъ будутъ попраны ногами пра«вовѣрныхъ. Уничтожь государей ихъ!... О Аллахъ! «не оставь на землѣ никакого слѣда нечестивыхъ «москововъ, эллиновъ, язычниковъ, которые находят«ся съ ними въ союзѣ или пользуются ихъ дружбою.

«Да обрушатся на нихъ безчисленные бичи, да сдѣ«лаются они жертвами твоего страшнаго гнѣва, *да «будутъ они истреблены пожарами, убійствами, ко«раблекрушеніями, висѣлицами, чумою, голодомъ и зем«летрясеніями*! Пусть обезлюдѣютъ города ихъ и бу«дутъ посѣщены ангелами-истребителями! Пусть всѣ «эти нечестивцы, старающіеся вредить намъ, будутъ «поражены болѣзнями глазъ и всѣхъ другихъ чувствъ,

«а также всѣхъ членовъ! *Пусть они страдаютъ въ лицѣ своихъ женъ и дѣтей и лишатся жизни!*»[1]).

Если турецкое правительство считало возможнымъ прибѣгнуть къ такого рода средствамъ, какъ только-что приведенная молитва, для возбужденія фанатизма своихъ войскъ, то нечего удивляться тѣмъ звѣрствамъ, которыя совершались совершенно безнаказанно надъ мирнымъ христіанскимъ населеніемъ. Если турецкая армія должна была истреблять даже женъ и дѣтей русскихъ, болгаръ и вообще всѣхъ невѣрныхъ, то всякое злодѣйство должно было считаться подвигомъ въ глазахъ всѣхъ мусульманъ и самого военнаго начальства.

Такое значеніе приведеннаго акта подтверждается свидѣтельствомъ лицъ, видѣвшихъ вблизи турецкія войска и относившихся къ нимъ съ полнымъ уваженіемъ и даже сочувствіемъ.

Такъ одинъ англійскій корреспондентъ въ турецкомъ лагерѣ пишетъ, что «совершенно неосновательно мнѣніе, господствующее въ Европѣ и приписывающее туркамъ прирожденную свирѣпость (savageness) нрава и характера».

Если, продолжаетъ онъ, турки нападаютъ на христіанъ, то это объясняется, главнымъ образомъ, возбужденною «религіозною ненавистью» и опасеніемъ быть самимъ убитыми. Но «такое чувство искуснымъ образомъ вселяется въ нихъ тщеславными и фанатическими ихъ правителями», которые или заставляютъ ихъ совершать гнусныя преступленія, или смотрятъ снисходительно на подобныя дѣянія [2]).

Другой корреспондентъ, во имя правды, признаетъ

---

[1]) См. корреспонденцію «*Голоса*» изъ Константинополя, отъ 7-го ноября 1877 года.

[2]) The war correspondence of the «*Daily News*» 1877. London. 1878, p. 91.

себя обязаннымъ сказать, что «поведеніе турокъ во время своего отступленія изъ Болгаріи имѣетъ право на удивленіе всего цивилизованнаго міра»: съ такою снисходительностью они относились къ христіанскому населенію этого края. Они оставили совершенно неприкосновеннымъ этотъ край, не подвергали его никакимъ опустошеніямъ и не совершали никакихъ насилій надъ враждебнымъ имъ христіанскимъ населеніемъ [1]).

Эти два свидѣтельскія показанія находятся, повидимому, въ полномъ противорѣчіи между собою, и если справедливо послѣднее, то ложно первое. Но, въ дѣйствительности, нѣтъ здѣсь существеннаго противорѣчія; напротивъ, одно показаніе служитъ только восполненіемъ другаго. Всякій, кто слѣдилъ за ходомъ дѣйствій послѣдней войны, не могъ не отдать должную дань храбрости и самоотверженію турецкихъ войскъ, сражавшихся съ отвагою и энергіею подъ начальствомъ весьма неспособныхъ, за рѣдкими исключеніями, полководцевъ. Точно также было бы крайне несправедливо считать каждаго турка изверѓомъ и людоѣдомъ, живущимъ только истребленіями и опустошеніями. Напротивъ, по отзывамъ совершенно безпристрастныхъ знатоковъ турецкаго народа, въ немъ имѣются многія такія хорошія качества, которыя заставляютъ относиться къ нему съ полнымъ уваженіемъ. Турокъ по природѣ своей равнодушенъ даже къ религіознымъ вѣрованіямъ, осуждаемымъ Кораномъ. Онъ безусловно честенъ и отличается рѣдкою добросовѣстностью въ сферѣ частной, обыденной жизни [2]).

---

[1]) *Ibid.*, p. 238.

[2]) *Zerboni di Sposetti.* Der Orient und seine culturgeschichtliche Bedeutung. Wien 1868, S. 78 u. flg. — *Kremer.* Geschichte der

Но всѣ эти хорошіе задатки исчезаютъ съ момента возбужденія религіознаго фанатизма турка. Подъ такимъ настроеніемъ онъ, дѣйствительно, въ состояніи обратиться въ дикаго звѣря и хладнокровно совершать преступленія, отъ одной мысли о которыхъ кровь застываетъ въ жилахъ. Будучи проникнутъ идеею о святомъ долгѣ стереть съ лица земли всѣхъ невѣрныхъ, истреблять ихъ женъ и дѣтей, опустошать ихъ земли и владѣнія, турокъ совершенно забываетъ всѣ беззаконія, весь произволъ, всю недобросовѣстность, несостоятельность и порочность своего собственнаго правительства. Вотъ почему возбужденіе религіознаго экстаза въ народѣ и вселеніе въ арміи чувства ненависти ко всѣмъ невѣрнымъ всегда были въ рукахъ турецкаго правительства лучшимъ орудіемъ для скрытія своихъ собственныхъ погрѣшностей и для отведенія глазъ своего собственнаго народа отъ безсовѣстной эксплуатаціи, которой онъ подвергается со стороны своихъ собственныхъ правителей. Вышеприведенная молитва шейхъ-уль-ислама—этого высшаго турецкаго сановника—служитъ лучшимъ тому доказательствомъ.

Кромѣ того, необходимо обратить вниманіе еще на одно обстоятельство, объясняющее всѣ насилія, совершенныя въ продолженіе послѣдней войны подъ знаменемъ пророка. Значительную часть турецкихъ армій составляли такіе элементы, которые воспитывались на убійствахъ, грабежахъ и разбойничествѣ Таковыми были всѣ иррегулярныя войска Турціи въ составъ которыхъ входили въ особенности черкесы, башибузуки и курды. Всѣ безъ исключенія

---

herrschenden Ideen des Islams, Lpz. 1868. S. 51, 425. — *Moltke.* Briefe über Zustände und Begebenheiten in der Türkei. Berlin, S 115 u. flg.

очевидцы военныхъ дѣйствій на Балканскомъ полуостровѣ и въ Арменіи отзываются объ этихъ войскахъ съ чувствомъ отвращенія и искреннѣйшаго презрѣнія. «Нѣтъ въ свѣтѣ», говоритъ одинъ англійскій корреспондентъ въ лагерѣ Мухтара-паши, «людей, которые могли бы выдержать сравненіе съ черкесами въ грабежѣ» [1]). Что касается курдовъ, то тотъ же англичанинъ, въ своихъ замѣчательныхъ письмахъ съ театра войны въ Арменіи, постоянно повторяетъ, что едва ли одна армянская деревня осталась невредима и избѣгла горькой участи быть разграбленною курдами, которые «не довольствуются воровствомъ, грабежомъ и избіеніемъ своихъ безсильныхъ и безоружныхъ соотечественниковъ, но оскорбляютъ и обезчещиваютъ каждую дѣвушку, попадающуюся имъ въ руки» [2]). Въ другомъ мѣстѣ своего труда тотъ же корреспондентъ объявляетъ, что если турецкія власти строго наказываютъ за преступленія противъ мусульманъ, потому что они запрещены Кораномъ, то, напротивъ, «преступленія противъ христіанъ остаются незамѣченными, потому что христіане стоятъ внѣ покровительства законовъ». Этимъ объясняется, почему сотни армянскихъ деревень были покинуты ихъ жителями, искавшими спасенія въ лагерѣ русскихъ войскъ и на русской территоріи [3]). Однимъ словомъ, не было звѣрства, не было преступленія, не было злодѣйства, котораго курды не позволили бы себѣ по отношенію къ христіанскимъ подданнымъ султана, не подвергаясь за то рѣшительно никакимъ взысканіямъ. Поведеніе турецкаго военнаго начальства и правительства до такой степени возмутило

---

[1]) *Norman.* Armenia and the campaign of 1877, p. 84.

[2]) *Norman.* Armenia, p. 137.

Ibid., p. 235.

такихъ честныхъ людей, каковымъ является корреспондентъ «Times» въ лагерѣ Мухтара-паши, что они открыто отрекаются отъ всякихъ симпатій къ турецкому правительству и рѣшительно утверждаютъ, что это правительство есть позоръ и оскорбленіе нашего вѣка [1]).

Наконецъ, что касается въ частности подвиговъ башибузуковъ, то они до такой степени извѣстны всей Европѣ, что едва ли предстоитъ надобность говорить о томъ, что невозможно было ожидать какого либо уваженія къ неприкосновенности жизни, чести и собственности христіанъ отъ этихъ исчадій ада. Стоитъ только прочесть извѣстныя корреспонденціи «Daily News» о болгарскихъ звѣрствахъ 1876 года и офиціальныя донесенія члена англійскаго посольства въ Константинополѣ, Бэринга, чтобы убѣдиться, насколько, послѣ объявленія войны, христіанское населеніе Турціи должно было повсемѣстно сдѣлаться жертвою самыхъ неслыханныхъ злодѣйствъ. Наконецъ, если всѣ эти данныя окажутся неубѣдительными, то можно найти въ сочиненіяхъ самого англійскаго посла въ Константинополѣ, сэра Аустина Ляйарда, неопровержимыя доказательства. Когда сэръ Ляйардъ былъ простымъ ученымъ и путешественникомъ, онъ самъ описывалъ въ яркихъ краскахъ всѣ злодѣйства башибузуковъ, называя ихъ «бичемъ населенія, которое они подвергаютъ всевозможнымъ насиліямъ и грабежу». «Начальники этихъ разбойниковъ странствуютъ, по словамъ ученаго изслѣдователя Ниневіи, изъ одной провинціи въ другую, подобно средневѣковымъ кондотьерамъ, и предлагаютъ свои собственныя услуги и службу своихъ шаекъ тому изъ турецкихъ пашей,

---

[1]) *Norman*. Armenia, срав. предисловіе.

который дастъ имъ лучшую плату и предоставитъ большую добычу для грабежа [1]).

Въ качествѣ же англійскаго посла при Портѣ, сэръ Ляйардъ старается извинить всѣ злодѣйства башибузуковъ, черкесовъ и курдовъ ихъ патріотизмомъ и необходимостью воспользоваться «всякимъ средствомъ» для борьбы, къ которой ихъ «вынудили». Но, не смотря на это оправданіе турецкихъ безчинствъ, самъ сэръ Ляйардъ все-таки долженъ былъ сознаться, что если въ мирное время трудно удержать курдовъ, черкесовъ и башибузуковъ въ предѣлахъ повиновенія закону, то тѣмъ меньше можно это сдѣлать во время войны съ врагомъ ислама [2]). Онъ признаетъ, что не только фанатизмъ мусульманъ объясняетъ многія совершенныя звѣрства, но также отсутствіе мѣстныхъ турецкихъ властей, которыя изъ страха предъ русскими войсками бросили свои должности и предали страну полнѣйшей анархіи. Въ этомъ смыслѣ англійскій посолъ не противорѣчитъ своему соотечественнику въ лагерѣ Мухтара-паши, утверждающему, что вмѣстѣ съ турецкими войсками слѣдуютъ толпы (hords) фанатиковъ, предводительствуемыхъ муллами, которые проповѣдываютъ войну истребленія противъ всѣхъ, безъ изъятія, христіанъ [3]).

Всѣ эти данныя, кажется, достаточно точно опредѣляютъ ту участь, которая выпала на долю христіанскихъ подданныхъ Турціи, благодаря самимъ турецкимъ войскамъ. Эти обстоятельства нисколько

---

[1]) *Layard.* Niniveh and its remains, London 1848, t. I, p. 24, 127, 134 etc. (Срав. *Malcolm Mac Col.* Three years of the Eastern Question, p. 15).

[2]) Депеша сэра Ляйарда отъ 25-го іюня 1877 г. (*Staatsarchiv*, № 6499).

[3]) *Norman*, Armenia, p. 234.

не опровергаются вышеприведеннымъ свидѣтельствомъ корреспондента «Daily News» о томъ, что въ Болгаріи русскія войска нашли все въ изобиліи и ничего нераззореннымъ. Такое утвержденіе представляется не совершенно доказаннымъ и противорѣчитъ нѣкоторымъ несомнѣннымъ фактамъ, доказывающимъ противное [1]). Но нѣтъ никакой надобности обвинять корреспондента во лжи. Указанный имъ фактъ объясняется очень просто двумя имъ же самимъ подтвержденными обстоятельствами. Во-первыхъ, русскія войска, въ началѣ войны и послѣ переправы чрезъ Дунай, подвинулись впередъ съ такою быстротою, что турецкія войска бросали все, даже свою аммуницію и нѣкоторыя укрѣпленія, ища спасенія только въ бѣгствѣ. Понятно, что при такихъ обстоятельстввхъ турецкимъ войскамъ не было ни времени, ни разсчета раззорять страну, христіанское населеніе которой принуждено бы было тогда немедленно взяться за оружіе. Въ такомъ случаѣ путь отступленія сдѣлался бы для турокъ еще болѣе опаснымъ. Во-вторыхъ, отступала съ войсками также большая часть мѣстныхъ обывателей-мусульманъ, бросая свои дома и желая только спасти женъ, дѣтей и домашній скарбъ [2]). При такомъ поголовномъ бѣгствѣ почти всѣхъ турокъ предъ наступающими съ неожиданною быстротою русскими войсками понятно будетъ, почему Болгарія не была обращена въ пустыню. Что дѣйствительно только эти причины, но никакъ не уваженіе къ жизни и собственности христіанъ, остановили турокъ, это подтверждаютъ всѣ новѣйшія событія въ Турціи,

---

[1]) Корреспонденція «*Daily News*» отъ 15-го (27-го) іюня 1877 г. изъ Кюстенджи. Срав. также корреспонденцію отъ 29-го іюня (11-го іюля) 1877 г. въ «*Norddeutsche Allg. Zeitung*» изъ Бухареста.

[2]) The war correspondence of the «*Daily News*», p. 237.

въ которыхъ непримиримая ненависть турокъ къ христіанамъ обнаружилась въ самыхъ ужасающихъ размѣрахъ. Если уже въ 1876 году корреспондентъ туркофильской лондонской газеты «The Standard» счелъ возможнымъ утверждать, что турецкія власти поставили себѣ задачею стереть весь болгарскій народъ съ лица земли посредствомъ или убійства, или заточенія, или изгнанія [1]), то едва ли можно сомнѣваться относительно дѣйствительныхъ намѣреній турецкихъ войскъ насчетъ христіанскихъ своихъ соотечественниковъ.

Но съ небывалою яростью обрушились турки на тѣ болгарскіе города и селенія, которые приняли русскія войска равнодушнымъ образомъ или съ распростертыми объятіями. Никогда не изгладятся изъ памяти, по словамъ одного очевидца подвиговъ арміи Сулеймана-паши, тѣ звѣрства и гнусныя преступленія, которыя были совершены этою арміей въ забалканской Болгаріи послѣ отступленія отряда генерала Гурко въ іюлѣ 1877 года [2]). «Перо отказывается», пишетъ другой свидѣтель, «передать всѣ варварства, совершенныя турецкими войсками—какъ регулярными, такъ и иррегулярными—послѣ новаго занятія ими, по отступленіи русскихъ, мѣстностей на югѣ Балкановъ. Всѣ христіанскіе жители цѣлыхъ селеній были умерщвлены самымъ звѣрскимъ образомъ».

Въ Эски-Загрѣ весь христіанскій кварталъ былъ сожженъ и все мужское христіанское населеніе, «включая сюда всѣхъ мальчиковъ старше 10 лѣтъ», было безпощаднымъ образомъ перебито солдатами

---

[1]) *Malcolm Mac Col.* Three years, p. 86.

[2]) The war correspondence of the «*Daily News*», p. 278.

Сулеймана-паши [1]). Не менѣе ужасна была участь несчастныхъ жителей города Ловчи, гдѣ турки устроили, по словамъ корреспондента вѣнской газеты «Presse», рѣзню хуже той, которая увѣковѣчила Варѳоломеевскую ночь. «Рѣзня», говоритъ онъ, «продолжалась весь день и всю ночь, до тѣхъ поръ, пока уже не осталось въ живыхъ ни одного христіанина». По разсчету этого корреспондента, убито было, по меньшей мѣрѣ, около 3,500 христіанъ [2]).

VI.

Посмотримъ теперь, каково было поведеніе русскихъ войскъ въ отношеніи мирнаго и безоружнаго населенія.

Если вѣрить турецкимъ дипломатическимъ циркулярамъ и подкупленнымъ турецкимъ правительствомъ журналистамъ, то даже во времена вандаловъ и гунновъ не совершались такія вопіющія преступленія противъ беззащитныхъ обывателей, какія совершали русскія войска въ продолженіе послѣдней войны. Войска наши жгли, по словамъ турецкаго правительства, жилища мусульманъ и «умерщвляли большую часть мирныхъ обывателей». Многихъ русскіе кавалеристы «задушили». Этого мало. Даже «трупы несчастныхъ жертвъ дѣлались предметомъ возмутительнѣйшихъ насмѣшекъ: имъ выкалывали глаза и глазныя впадины затыкали хлѣбомъ» (!!). Такія же звѣрства совершались будто бы русскими и въ Азіи, гдѣ точно также наши войска все разрушали, опустошали и убивали. Такъ, русскія войска виновны въ томъ, что «тысяча пять

[1]) См. вѣнскую газету «*Politische Correspondenz*» за августъ 1877 г. и нумеръ, въ которомъ отпечатано донесеніе австро-венгерскаго консула изъ Филиппополя отъ 11-го августа 1877 года.

[2]) Корреспонденція «*Presse*» отъ 31-го іюля 1877 года.

сотъ семей, бѣжавшихъ изъ Сухума въ лѣсъ, чтобы избавиться отъ варварства казаковъ, умерли голодною смертью».

Въ этомъ направленіи дѣйствовали русскія войска, по словамъ турецкаго правительства, вездѣ и всегда съ замѣчательною послѣдовательностью. Обычный пріемъ нашихъ войскъ заключался въ слѣдующемъ: «Каждую деревню, лежащую на его пути, непріятель занимаетъ отрядами кавалеріи. Затѣмъ болгары, наиболѣе враждебно настроенные противъ турокъ и представляющіе большею частью никуда негодный сбродъ, принимаются въ русскую службу, и на нихъ возлагается задача—заодно съ казаками истреблять поголовно мусульманское населеніе, безъ различія возраста и пола, превращать въ пепелъ жилища, угонять скотъ и забирать съ собою движимое имущество. Въ виду такихъ обстоятельствъ, правительство султана, привыкшее къ нарушеніямъ Россіей законовъ человѣколюбія, считаетъ себя вынужденнымъ довести объ этихъ фактахъ до свѣдѣнія державъ, но единственно потому, что они могутъ лишить его самого возможности исполнить свой долгъ, предписываемый ему гуманностью». Отсюда слѣдуетъ, что единственная цѣль русскихъ войскъ—«поголовное истребленіе всего мусульманскаго населенія» [1]).

Нельзя не замѣтить, что Порта не остановилась на безстыдномъ выдумываніи тѣхъ возмутительныхъ клеветъ противъ русскихъ войскъ и распространеніи ихъ по Европѣ всѣми средствами: она требовала, чтобы великія европейскія державы вмѣшались въ это дѣло и сдѣлали Россіи энергическія пред-

[1]) Срав. *Staatsarchiv*. Bd. XXXII, №№ 6478, 6482, 6485, 6486, 6489, 6494, 6506 и слѣд.

ставленія по этому поводу «во имя человѣколюбія и всѣхъ попранныхъ русскими войсками законовъ войны». Порта ссылалась на англійскихъ консуловъ, видѣвшихъ слѣды пребыванія русскихъ войскъ, и указывала также на англійскаго и французскаго военныхъ агентовъ, находившихся при турецкой арміи и будто бы лично осматривавшихъ женщинъ и дѣтей, убитыхъ и изувѣченныхъ русскими и болгарами.

Каждаго русскаго могутъ только возмущать до глубины души такія гнусныя клеветы, которыя, вмѣстѣ съ тѣмъ, до такой степени противорѣчатъ духу и характеру русскаго народа, что кажется излишнимъ доказывать всю ихъ несообразность. Вѣдь только дикому турецкому воображенію можетъ придти на мысль надругаться надъ трупами, выкалывать глаза и вымазывать хлѣбомъ глазныя впадины. Только животный инстинктъ курдовъ и башибузуковъ въ состояніи побудить къ совершенію подобныхъ насилій надъ женщинами и дѣтьми, съ рѣдкимъ безстыдствомъ приписываемыхъ нашимъ войскамъ.

Не смотря на свою неправдоподобность, эти обвиненія все-таки нашли въ нѣкоторой части Европы весьма сочувственный откликъ. Многіе повѣрили этимъ клеветамъ, и по сіе время далеко еще не во всей Западной Европѣ установилось убѣжденіе въ безусловной лживости турецкихъ выдумокъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что англійское правительство значительно содѣйствовало какъ распространенію по Европѣ приписываемыхъ русскимъ войскамъ низостей въ отношеніи мирнаго населенія, такъ и вселенію убѣжденія въ томъ, что наша армія вообще въ состояніи совершать такіе возмутительные поступки. Сэръ Аустинъ Ляйардъ, на

основаніи донесеній извѣстныхъ своимъ туркофильствомъ англійскихъ консуловъ Блэнта и Рида, призналъ возможнымъ утверждать, что не только находящіеся при русской арміи болгаре, но даже казаки грабятъ и убиваютъ беззащитныхъ мусульманъ [1]). Англійскій посолъ нисколько не сомнѣвался въ томъ, что русское военное начальство рѣшило устроить общую конфискацію собственности всѣхъ мусульманъ, которую оно уже начало приводить въ исполненіе [2]). Въ другой депешѣ этотъ представитель «нейтральной» Англіи открыто объявляетъ, что «въ настоящее время мало можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что казаки и болгаре-христіане, сопровождающіе первыхъ, сожигаютъ мусульманскія селенія, изгоняютъ ихъ обывателей и во многихъ случаяхъ ихъ убиваютъ». Такіе факты сэръ Аустинъ Ляйардъ призналъ вполнѣ выясненными (perfectly clear) и неподлежащими никакому сомнѣнію [3]).

Если же англійскій посолъ иногда соглашался высказывать сомнѣніе насчетъ достовѣрности нѣкоторыхъ турецкихъ обвиненій, если онъ иногда отзывался съ ироніею о корреспондентахъ-охотникахъ до жестокостей, то, во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что онъ считалъ себя въ правѣ вѣрить большей части турецкихъ сказокъ и приписывать русскимъ войскамъ самые возмутительные и гнусные поступки. «Нейтральность» Англіи въ войнѣ между Россіею и Турціею очевидно понималась англійскимъ посломъ въ томъ смыслѣ, что нейтральный имѣетъ право безнаказанно оскорблять одного изъ воюющихъ и чувствовать любовь и при-

[1]) Депеша сэра Ляйарда отъ 18-го іюля 1877 г. (*Staatsarchiv*, № 6488).

[2]) Депеша сэра Ляйарда отъ 24-го іюля 1877 г. (*ibid.*, № 6495).

[3]) Депеша сэра Ляйарда отъ 1-го августа 1877 г. (*ibid.*, № 6502).

страстіе къ другому. Англійское же правительство, обнародуя эти обвиненія во всеобщее свѣдѣніе и сообщая о совершенныхъ будто бы русскими войсками звѣрствахъ въ С.-Петербургъ, открыто оправдывало образъ дѣйствій своего представителя въ Константинополѣ и явно содѣйствовало распространенію вѣры въ основательность этой клеветы.

При такихъ обстоятельствахъ нельзя отнестись снисходительно и равнодушно къ взведеннымъ на наши войска обвиненіямъ. Одного презрѣнія также недостаточно для обвинителей и услужливыхъ ихъ помощниковъ. Необходимо доказать, что всѣ эти гнусные поступки, приписываемые русскимъ войскамъ, есть не только плодъ возбужденной войною фантазіи, но еще въ большей степени результатъ систематически и сознательно распространяемой лжи. Слѣдуетъ поставить къ позорному столбу не только того, кто сочинялъ всѣ эти пасквили, но также тѣхъ, которые умышленно выдавали ихъ за несомнѣнные факты, не требующіе никакихъ дальнѣйшихъ доказательствъ.

Признаемся, что взятая нами на себя задача опровергнуть всѣ эти выдумки—представляется далеко не легкою по многимъ причинамъ. Съ одной стороны нельзя отрицать, что во время послѣдней войны могли быть совершены *отдѣльными* лицами, входящими въ составъ нашихъ войскъ, дѣйствія противозаконныя и которыя навѣрно навлекли бы на виновныхъ кару, если бы вообще во время военныхъ дѣйствій можно было слѣдить за каждымъ поступкомъ и наказывать каждое нарушеніе закона; но это оказывается фактически невозможнымъ. Никогда ни одно цивилизованное государство не въ состояніи было предупредить во время *мира* каждое нарушеніе закона и немедленно наказывать винов-

наго. Еще менѣе это можетъ имѣть мѣсто во время войны, когда постоянный надзоръ за дѣйствіями всѣхъ подчиненныхъ оказывается дѣломъ невозможнымъ и когда, притомъ, гнусныя нарушенія всѣхъ законовъ Божескихъ и людскихъ со стороны противника даютъ несомнѣнное *право* на репрессаліи и заставляютъ смотрѣть болѣе снисходительно на вызванные самимъ же непріятелемъ поступки. Въ особенности относятся эти соображенія къ болгарамъ, которые дѣйствительно неоднократно позволяли себѣ безчинствовать въ отношеніи турокъ. Подобнаго рода поступки бросали тѣнь на русскую армію, но при этомъ умышленно упускались изъ виду два факта: во-первыхъ, то, что русскія военныя власти не только никогда не одобряли или потворствовали безчинствамъ болгаръ, но, напротивъ, постоянно съ нихъ взыскивали за нарушеніе данныхъ приказаній, которыми вмѣнялась имъ въ обязанность уважать неприкосновенность жизни и собственности мирныхъ турецкихъ обывателей. Во-вторыхъ, строгіе судьи поведенія болгаръ совершенно забывали, что всѣ болгары имѣли старые счеты съ своими сосѣдями-турками и что въ душѣ ихъ накопилось, въ продолженіе многихъ лѣтъ, столько страданій, столько злобы и ненависти къ своимъ вѣковымъ притѣснителямъ, что нечего удивляться тому, что они воспользовались первымъ удобнымъ случаемъ для отплаты равнымъ за равное.

Съ другой стороны, поставленная задача представляется не легко разрѣшимою еще и потому, что по самому характеру военныхъ дѣйствій нельзя всегда на мѣстѣ, немедленно же, разслѣдовать совершенное преступленіе, и нѣтъ при арміяхъ такихъ судей, которыхъ безпристрастіе всегда было

бы признано безспорнымъ со стороны непріятельскаго правительства и нейтральныхъ державъ. Каждый воюющій совершаетъ разслѣдованіе своими собственными органами, въ безпристрастіе которыхъ не хочетъ вѣрить противникъ. Вотъ почему обвиненіямъ со стороны одного воюющаго противопоставляются такія же обвиненія со стороны другаго, и, благодаря отсутствію дѣйствительно нейтральнаго суда, могущаго немедленно, на мѣстѣ, разслѣдовать основательность взаимныхъ обвиненій, воюющій, имѣющій большую долю безсовѣстности и больше друзей, всегда достигнетъ того, что ему больше будутъ вѣрить, чѣмъ противнику, не имѣющему ни достаточной находчивости въ сочиненіи сказокъ о звѣрствахъ, ни надлежащей степени развязности, чтобы, не краснѣя, выдавать ихъ за истину и приписывать своему врагу.

Въ виду этихъ обстоятельствъ, опровергать обвиненія одного воюющаго нельзя только посредствомъ противопоставленія имъ обвиненій другаго. Этимъ путемъ никакъ нельзя провѣрить основательность выставляемыхъ фактовъ. Для такой провѣрки имѣются въ настоящее время только слѣдующія средства:

1) Опредѣленіе положенія, занятаго воюющими государствами по отношенію къ своимъ правамъ и обязанностямъ во время войны.

2) Критическій анализъ обвиненій, выставленныхъ однимъ воюющимъ противъ другаго.

3) Свидѣтельство совершенно безпристрастныхъ и дѣйствительно нейтральныхъ очевидцевъ военныхъ дѣйствій.

Обращаясь къ первому изъ этихъ средствъ провѣрки взаимныхъ обвиненій, мы должны сказать, что тотъ воюющій, который съ самаго начала войны

не только выказалъ сознаніе своихъ обязанностей въ отношеніи другаго, но и принялъ мѣры для соблюденія этихъ обязанностей въ своихъ арміяхъ, имѣетъ на своей сторонѣ *всѣ* предположенія въ пользу неосновательности взводимыхъ на него обвиненій. Вся презумпція на его сторонѣ, и самыя неопровержимыя доказательства требуются для того, чтобы убѣдить безпристрастныхъ судей въ справедливости заявляемыхъ жалобъ.

Примѣняя этотъ масштабъ къ послѣдней войнѣ, намъ остается только указать на тѣ мѣропріятія и распоряженія, которыя были сдѣланы Россіею, въ самомъ началѣ войны, съ цѣлью предупредить всякаго рода звѣрства и безчинства, между тѣмъ какъ турецкое правительство не только не приняло никакихъ подобныхъ мѣръ, но, напротивъ, систематично возбуждало дикій фанатизмъ народныхъ массъ и войскъ къ истребленію женъ и дѣтей «москововъ» и вообще всѣхъ невѣрныхъ. Отсюда слѣдуетъ, что пока турецкое правительство не въ состояніи будетъ доказать неопровержимыми фактами необузданность русской арміи и отсутствіе въ ней всякой военной дисциплины и уваженія къ закону, до тѣхъ поръ всѣ приписываемыя русскимъ войскамъ жестокости и звѣрства будутъ имѣть противъ себя законную презумпцію и должны вызывать основательное сомнѣніе.

Но разнузданности нашей арміи турецкое правительство не могло доказать никакими фактами. Она этого и не доказывала, напротивъ, постоянно утверждала, что всѣ звѣрства противъ безоружнаго турецкаго населенія совершаются по *приказаніямъ* русскаго военнаго начальства. Такимъ образомъ выходитъ, что русскія военныя власти и начальники отдѣльныхъ отрядовъ отдавали своимъ подчинен-

нымъ приказанія, явно противныя Высочайшимъ повелѣніямъ и приказамъ главнокомандующаго. Притомъ, если вѣрить вышеприведеннымъ дипломатическимъ циркулярамъ турецкаго правительства, такія нарушенія данныхъ русскимъ арміямъ приказаній были не единичные факты, но совершались войсками постоянно и систематически. Мало того: наши войска даже *поощрялись*, по словамъ турецкаго правительства, своимъ начальствомъ въ совершеніи поджоговъ, убійствъ и изнасилованій. Другими словами, само военное начальство поощряло и подстрекало своихъ подчиненныхъ нарушать законъ, подкапываться подъ авторитетъ всякаго военнаго начальства и совершать такія дѣйствія, благодаря которымъ никакая военная дисциплина немыслима. Такой абсурдъ выдумывали насчетъ того же самаго войска, которое на вершинахъ Балканъ, во время стужи и мятели, при неимовѣрной борьбѣ съ окружающею дикою природою и варварскимъ врагомъ, ни на одну минуту не забывало своего долга и непреклонно исполняло требованія военной дисциплины! Это войско знало, что въ неусыпномъ поддержаніи дисциплины заключается первое условіе побѣды и окончательнаго торжества.

Такимъ образомъ, результатомъ первой повѣрки турецкихъ обвиненій является, съ одной стороны, крайняя невѣроятность приписываемыхъ русскимъ войскамъ жестокостей, а съ другой—совершенно справедливое предположеніе, что всѣ эти звѣрства и варварства—плодъ воображенія турецкихъ правителей и ихъ сподвижниковъ.

Однако, если приложить второе средство провѣрки, т. е. критически разобрать то, что говорило само турецкое правительство о русскихъ арміяхъ, то окажется, что эти обвиненія—не только плодъ

разгоряченной страстями фантазіи, но результатъ умышленно сочиненной и систематически распространяемой лжи. Высказывая такое суровое сужденіе, мы обязаны его доказать несомнѣнными фактами. Ихъ найдетъ читатель въ послѣдующемъ изложеніи.

Во-первыхъ, нельзя не обратить вниманія на тѣ осязательныя противорѣчія, которыя постоянно встрѣчаются въ офиціальныхъ обвинительныхъ актахъ турецкаго правительства. Такъ, мы выше упомянули о томъ, что русскимъ войскамъ будто бы было приказано истреблять все вообще мусульманское населеніе, не давая пощады никому, ни дѣтямъ, ни женщинамъ. Между тѣмъ, само турецкое правительство, въ другихъ депешахъ, утверждаетъ, что жители мусульманскихъ селеній, не желая подвергнуться грабежу и насиліямъ со стороны русскихъ войскъ вынуждены изъявлять покорность». Къ этому еще прибавлено, что «весьма многіе жители» должны были изъявить покорность[1]). Очевидно, что могло быть только одно изъ двухъ: или всѣ мусульмане были дѣйствительно истребляемы нашими войсками—тогда некому было изъявлять покорность, или же наши войска требовали отъ мусульманъ изъявленія покорности, а слѣдовательно не могли поголовно истреблять ихъ.

Такую же цѣну имѣетъ другой доводъ Порты. что будто бы войска наши убивали женъ и дѣвицъ. предварительно изнасиловавъ ихъ, а мужчинъ отправляли въ Сибирь! Этого мало. Кавказскія власти принуждали будто бы мусульманъ принимать пра-

[1]) Депеша турецкаго правительства отъ 19-го іюня (1-го іюля) 1877 года.

вославную вѣру[1]). Очевидно, и здѣсь мы имѣемъ самое лучшее опроверженіе приписываемаго нашимъ военнымъ властямъ намѣренія стереть съ лица земли всѣхъ, безъ изъятія, мусульманъ. Въ виду этой цѣли требовалось не поселеніе мусульманъ въ Сибири, но принятіе противъ нихъ такихъ же распоряженій, какія принималъ съ рѣдкимъ успѣхомъ начальникъ турецкаго отряда Ахметъ-ага противъ жителей болгарскаго города Батака. Тогда дѣйствительно послѣдовало бы «поголовное истребленіе всего мусульманскаго населенія».

Во-вторыхъ, вся ложь этого обвиненія обнаруживается еще въ томъ обстоятельствѣ, что «турки официально приказывали жителямъ деревень обращаться въ бѣгство», какъ удостовѣряетъ корреспондентъ туркофильской «Кельнской газеты», въ письмѣ изъ Павликана отъ 10-го (22-го) іюля 1877 года. «Если принять въ соображеніе», прибавляетъ корреспондентъ, «*превосходную*» (vorzüglich) дисциплину русскихъ войскъ, туркамъ, разумѣется, нечего было бы опасаться, между тѣмъ какъ теперь они теряютъ все свое имущество», которое не могло быть взято съ собою. Наконецъ этотъ же самый корреспондентъ свидѣтельствуетъ, что, по занятіи русскими войсками города Кюстенджи, сами жители немедленно были созваны генераломъ Циммерманомъ для избранія новыхъ городскихъ властей, на мѣсто убѣжавшихъ турецкихъ». По сознанію самихъ турецкихъ (мѣстныхъ) газетъ, русскіе офицеры и сол-

[1]) Депеша Порты отъ 24-го іюня 1877 г. «Toutes ces horreurs» говоритъ она, «s'accomplissent *par les ordres et sous les yeux* des chefs *de l'armée russe*, et en exécution d'une règle impitoyable qui a pour but l'anéantissement systématique e prémidité de toute la population musulmane». (*Staatsarchiv*, Bd. XXXII, № 6472).

даты вели себя превосходно: «они платятъ за свои покупки золотомъ и чрезъ это снискиваютъ себѣ немалыя симпатіи». То же самое передаютъ корреспонденты англійскихъ газетъ о бѣгствѣ большей части мѣстнаго турецкаго населенія[1]).

На основаніи этихъ данныхъ русское правительство имѣло полное право сказать въ меморандумѣ отъ 30-го іюля 1877 г., что «мѣстныя власти не могли сообщить турецкому правительству о дѣйствіяхъ русскихъ войскъ, такъ какъ при приближеніи послѣднихъ и слѣдъ простылъ оттоманскихъ должностныхъ лицъ вмѣстѣ съ большею частью мусульманскихъ жителей»[2]). Если это такъ, то, само собою разумѣется, не могло быть и рѣчи о какомъ-то поголовномъ истребленіи всѣхъ мусульманъ.

Въ-третьихъ, всѣ тѣ утонченныя звѣрства, которыя приписываются русскимъ войскамъ, до такой степени носятъ на себѣ отпечатокъ *турецкаго* происхожденія, что только турки или подобные имъ дикіе народы въ состояніи совершать ихъ. Одни только турки и азіятцы въ состояніи насиловать каждую женщину, вырывать зубы, выкалывать глаза и душить первую попавшуюся невинную и безоружную жертву. Вотъ почему значительная часть взведенныхъ на наши войска обвиненій носятъ на себѣ турецкій ярлычекъ и печать турецкой фантазіи и потому не заслуживаютъ даже серьознаго опроверженія.

Но мало и этого. Имѣются неопровержимыя доказательства въ пользу того, что турецкое правитель-

---

[1]) The war correspondence of the «*Daily News*», p. 179 etc. Срав. также корреспонденцію изъ Никополя отъ 18-го іюля 1877 г. въ туркофильской «*Augsburger Allgemeine Zeitung*» (№ 206).

[2]) *Staatsarchiv*, Bd. XXXII, № 6051.

ство не гнушалось прибѣгать къ подлогу, подкупу и устрашенію корреспондентовъ западно-европейскихъ газетъ съ цѣлью распространенія по Европѣ клеветы насчетъ нашихъ войскъ.

Турецкое правительство препроводило къ правительствамъ великихъ державъ протоколъ, подписанный въ Шумлѣ 10-го іюля 1877 года корреспондентами нѣсколькихъ органовъ европейской періодической печати. Въ этомъ актѣ представители двадцати газетъ и журналовъ признали своимъ долгомъ подтвердить «разсказы, сообщенные ими поодиночкѣ въ ихъ газеты о безчеловѣчныхъ поступкахъ, совершенныхъ въ Болгаріи надъ беззащитнымъ мусульманскимъ населеніемъ. Они объявляютъ, что видѣли собственными глазами и разспрашивали, какъ въ Разградѣ, такъ и въ Шумлѣ, женщинъ, дѣтей и стариковъ, раненыхъ ударами копій и сабель, не говоря уже о ранахъ, нанесенныхъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, которыя могутъ быть объяснены случайностями войны. Эти жертвы разсказываютъ страшныя вещи объ обращеніи русскихъ войскъ, а также и болгаръ съ мусульманскими бѣглецами. По ихъ словамъ, мусульманское населеніе цѣликомъ было перебито или на дорогахъ, или въ селеніяхъ, преданныхъ на разграбленіе».

Сообщая этотъ «важный» документъ нейтральнымъ державамъ и обнародуя его, Порта сама отъ себя прибавляетъ, что «онъ имѣетъ огромное значеніе и большую цѣну, благодаря качеству и характеру подписавшихъ его, въ любви къ правдѣ которыхъ никто не можетъ сомнѣваться»[1]).

Между тѣмъ, что же оказалось на дѣлѣ? Во-первыхъ, по буквальному тексту этого акта говорится

[1]) *Staatsar chiv*, Bd. XXXII, № 6490.

о ранахъ, нанесенныхъ копьями и саблями; но прямо не утверждается, что онѣ нанесены русскими войсками. Во-вторыхъ, насколько достовѣрны эти извѣстія—видно изъ слѣдующаго факта. Корреспондентъ туркофильской газеты «Neue Freie Presse», бывшій въ числѣ подписавшихся, за нѣсколько дней до обнародованія этого протокола сообщилъ слѣдующее: «Бѣглецы (тѣ самые, свидѣтельства которыхъ упоминаются въ актѣ), въ числѣ которыхъ много семействъ черкесовъ, направляются большею частью въ Нижній Ломъ. Я нѣсколько разъ пытался узнать отъ тѣхъ изъ нихъ, лицо которыхъ казалось мнѣ умнѣе другихъ, каково положеніе дѣлъ на Дунаѣ, но вскорѣ долженъ былъ отказаться отъ намѣренія собрать свѣдѣнія этимъ путемъ, потому что всѣ сообщенія, какія были мнѣ сдѣланы, носили такой *явный характеръ лжи и неправдоподобности*, что не стоило слушать, или принимать за нѣчто серьозное фантазіи, порождаемыя разстроеннымъ воображеніемъ людей, «совершенно лишенныхъ разсудка».

Но, не смотря на то, что свидѣтельство этихъ бѣглецовъ носило на себѣ «явный характеръ лжи и неправдоподобности», не смотря на то, что это были люди съ «разстроеннымъ воображеніемъ и лишенные разсудка», корреспондентъ вѣнской газеты все-таки согласился приложить свою подпись къ вышеприведенному акту. Такой поступокъ можетъ казаться совершенно невѣроятнымъ для человѣка честнаго, уважающаго свое нравственное достоинство, но онъ становится понятнымъ, если обратить вниманіе на тѣ средства, къ которымъ прибѣгало турецкое правительство для «фабрикаціи» сказокъ о русскихъ жестокостяхъ.

Въ этомъ отношеніи крайне любопытны разобла-

ченія въ спеціальной корреспонденціи газеты «*Times*» изъ Перы, отъ 5-го іюля 1877 года. «Фабрикація разсказовъ о жестокостяхъ русскихъ и турецкихъ(?)», пишетъ англійскій публицистъ, «сдѣлалась здѣсь особенною профессіей, и до какихъ размѣровъ доходитъ иногда эта фабрикація, можно заключить изъ того факта, что *телеграмма, начиненная фактами о русскихъ звѣрствахъ, была недавно составлена отъ имени одного корреспондента*, безъ вѣдома его, и хозяинъ его дома частью ласкою, частью угрозами принужденъ былъ подписать его имя подъ нею; но вслѣдствіе нѣкоей стратагемы, совершенно дозволительной въ такого рода войнѣ, телеграмма эта была задержана въ послѣдній моментъ».

Слѣдовательно, турецкія власти не останавливались даже предъ подлогомъ для сочиненія телеграммъ съ разсказами о совершаемыхъ русскими и болгарами звѣрствахъ!

Упомянувъ, затѣмъ, о вышеизложенномъ протоколѣ, подписанномъ корреспондентами, англійскій публицистъ продолжаетъ: «Мнѣ передавали, изъ совершенно достовѣрнаго источника, объ одномъ корреспондентѣ, предложившемъ посылать все, что пожелаютъ турецкія власти; онѣ могли, если имъ было угодно, диктовать ему его корреспонденціи, предоставивъ ему взамѣнъ того «преимущества» (sic!) которыя не даны остальнымъ его собратьямъ по профессіи. Другой корреспондентъ унизился до такой продѣлки, что совершенно передѣлалъ письмо, назначенное для одной лондонской газеты, *безъ вѣдома автора письма*, разумѣется, при соучастіи турецкихъ властей и, вѣроятно, съ тою цѣлью, чтобы снискать ихъ *расположеніе*». Сколько же разъ дѣлались подобнаго рода подлоги и «продѣлки»—го-

воря словами корреспондента «Times» —неизвѣстно, равно какъ нельзя опредѣлить, сколько разъ онѣ удавались. Только одно обстоятельство утверждаетъ самымъ положительнымъ образомъ этотъ корреспондентъ, а именно: «чѣмъ больше, говоритъ онъ, посылаетъ корреспондентъ извѣстій о русскихъ жестокостяхъ, тѣмъ большимъ пользуется онъ благоволеніемъ со стороны турецкихъ властей и тѣмъ большія предоставляются ему льготы для переѣзда съ мѣста на мѣсто и для передачи новостей.»

Стоитъ только припомнить, насколько для корреспондентовъ были выгодны такое благоволеніе турецкихъ властей и льготы при передачѣ телеграммъ, чтобы достаточно оцѣнить образъ дѣйствія корреспондентовъ, сочинявшихъ разсказы о звѣрствахъ нашихъ войскъ подъ диктовку турецкихъ чиновниковъ.

Что разоблаченія корреспондента «Times» нисколько не плодъ его воображенія, видно изъ меморандума самого англійскаго посла при Портѣ отъ 27-го іюля 1877 года, въ которомъ сэръ Аустинъ Ляйардъ ставитъ на видъ турецкому правительству слѣдующее обстоятельство:

«Мнѣ донесли, что офиціальный агентъ Порты въ Шумлѣ, Тевфикъ-бей, не только принудилъ корреспондентовъ иностранныхъ газетъ, посредствомъ угрозъ изгнать ихъ изъ города, *подписать свидѣтельства о такихъ жестокостяхъ, которыя всѣмъ были извѣстны за ложныя (untrue)*, но что онъ даже теперь сочиняетъ отъ ихъ имени подложныя телеграммы» [1]).

[1]) Вотъ эти любопытныя слова: «It has been reported to me, that the official Agent of the Porte at Shumla, Tevfik-Bey, has not only compelled correspondents of foreign newspapers by threats of expelling them from the place to sign statements with respect

О какихъ корреспондентахъ въ Шумлѣ здѣсь говорится и что они вынуждены были подписывать подъ угрозою изгнанія изъ города, кажется, достаточно ясно изъ всего вышеизложеннаго. Этотъ фактъ едва ли нуждается въ какихъ нибудь комментаріяхъ.

Если турецкое правительство могло прибѣгать къ такого рода продѣлкамъ съ цѣлью ввести въ обманъ иностранныя правительства и общественное мнѣніе Европы, то нечего удивляться, что оно постоянно оправдывало всѣ звѣрства своихъ собственныхъ войскъ и всѣ подвиги башибузуковъ и черкесовъ. Вѣдь извѣстно, что когда, въ засѣданіи мертворожденнаго турецкаго парламента отъ 26-го января 1878 года, депутатъ Трапезунда Эминъ-Гильми-эффенди энергическимъ образомъ обвинялъ черкесовъ въ самыхъ возмутительныхъ преступленіяхъ, совершенныхъ надъ бѣглецами, которыхъ они убиваютъ и грабятъ совершенно безнаказанно, продавая награбленныя вещи на улицахъ самой турецкой столицы, турецкое правительство и тогда еще находило извиненіе для этихъ отъявленныхъ разбойниковъ [1]). Самые осязательные факты не были въ состояніи заставить Порту отказаться отъ принятой ею системы *лжи* и фабрикаціи обвиненій противъ русскихъ армій. Слѣдовательно, нечего удивляться тому, что турецкое правительство, даже послѣ разоблаченія, сдѣланнаго сэромъ Ляйардомъ путемъ официальнымъ, и послѣ скандалезной исторіи съ протоколомъ иностранныхъ корреспондентовъ въ Шумлѣ, все-таки продолжало свое прежнее

to these alleged outrages which were known to be untrue, but he has actually forged telegraphic messages in their names. (*Staatsarchiv*, № 6500).

[1]) Journal de St. Pétersbourg du 1 février 1878.

неблаговидное занятіе. Никогда, насколько намъ помнится, ни одно воюющее государство не было такъ публично «ошельмовано», какъ Порта; никогда ни одинъ воюющій не дозволялъ себѣ такихъ продѣлокъ для оклеветанія своего противника, какъ Турція.

Но все это насъ нисколько не удивляетъ. Зато крайне непонятными остаются для насъ два обстоятельства: во-первыхъ, то, что, несмотря на поданный сэромъ Ляйардомъ турецкому правительству меморандумъ, онъ все-таки продолжалъ свою роль помощника въ распространеніи по Европѣ разсказовъ о русскихъ звѣрствахъ, сообщенныхъ ему изъ турецкихъ источниковъ. Правда, послѣ исторіи съ протоколомъ корреспондентовъ, англійскій посолъ, въ своихъ донесеніяхъ, былъ уже склоненъ признавать эти обвиненія «преувеличенными» и даже протестуетъ противъ правдоподобности нѣкоторыхъ изъ нихъ; но все-таки англійское посольство въ Пэрѣ осталось передаточнымъ пунктомъ для сочиненныхъ турецкимъ правительствомъ разсказовъ о русскихъ жестокостяхъ.

Наконецъ, не менѣе любопытнымъ и непонятнымъ представляется то довѣріе, съ которымъ общественное мнѣніе Западной Европы продолжало прислушиваться къ сказкамъ, обвиненіямъ и клеветамъ, которыя составлялись на берегахъ Босфора и распространялись, при посредствѣ корреспондентовъ, удостоенныхъ «благоволенія и льготъ» со стороны турецкаго правительства, по всей Европѣ. Ни разоблаченія англійскихъ корреспондентовъ, ни уличенія въ совершеніи подлоговъ не могли поколебать довѣрія просвѣщенной Западной Европы къ Турціи, ея депешамъ и циркулярамъ.

Такое отношеніе къ Оттоманской имперіи со

стороны Англіи и большей части Западной Европы можно себѣ объяснить и явнымъ пристрастіемъ, и ложнымъ опасеніемъ насчетъ завоевательныхъ замысловъ Россіи; но оправдывать его никакъ нельзя съ точки зрѣнія права и справедливости. Это явное пристрастіе къ туркамъ въ особенности становится возмутительнымъ тогда, когда знаешь, какъ отзывались о поведеніи русскихъ войскъ корреспонденты нейтральныхъ и вполнѣ заслуживающихъ уваженія органовъ западно-европейской періодической печати.

Обращаясь теперь къ третьему и послѣднему способу провѣрки турецкихъ обвиненій, мы остановимся только на показаніяхъ корреспондентовъ-очевидцевъ военныхъ дѣйствій, бывшихъ представителями западно-европейскихъ органовъ печати въ русскомъ или турецкомъ лагеряхъ. Свидѣтельства корреспондентовъ русскихъ газетъ и журналовъ мы оставимъ въ сторонѣ, не смотря на то, что нѣкоторые изъ нихъ обладали безспорнымъ талантомъ при передачѣ ими видѣннаго, и сомнѣваться въ ихъ правдивости нѣтъ ни малѣйшаго основанія. Но понятно, что для полной оцѣнки дѣйствительнаго поведенія русскихъ армій на непріятельской землѣ весьма драгоцѣнны показанія иностранцевъ, которыхъ нельзя обвинять въ пристрастіи къ намъ или въ ненависти къ туркамъ. Разсказамъ же русскихъ корреспондентовъ не можетъ не быть присуще чувство естественной, законной и неотразимой любви къ нашему солдату-герою и къ дѣлу, вынесенному имъ на своихъ богатырскихъ плечахъ. Вслѣдствіе этого всегда можно, когда нужно, заподозрить показанія русскихъ корреспондентовъ въ пристрастіи къ нашимъ арміямъ и въ несправедливости къ туркамъ.

Указавъ на отзывы представителей западно-европейской печати, остается еще упомянуть объ актахъ правительственныхъ, свидѣтельствующихъ объ образѣ дѣйствій оклеветанныхъ русскихъ войскъ.

Разсматривая корреспонденціи очевидцевъ дѣйствій нашихъ войскъ въ Болгаріи, встрѣчаешь между ними столько самыхъ лестныхъ отзывовъ о поведеніи ихъ въ отношеніи мѣстнаго христіанскаго и мусульманскаго населенія, что дѣйствительно затрудняешься сдѣлать между ними выборъ: всѣ они единогласно не могутъ нахвалиться образцовому поведенію нашего солдата. Такъ, Макъ-Гаханъ и Форбзъ («Daily News»), Норманъ, Бреккенбэри («Times»), Ламотъ («Temps») и другіе согласны въ томъ, что русская армія относилась съ удивительною добротою къ мусульманскому населенію. «Говоря, какъ совершенно безпристрастный человѣкъ», пишетъ Форбзъ, «который нисколько не затруднился бы сказать противное, если бы оно было истинно, и который, какъ наблюдатель, пользовался исключительнымъ положеніемъ, я не вѣрю, чтобы въ Болгаріи былъ даже одинъ примѣръ издѣвательства надъ личностью мирнаго турка со стороны русскихъ солдатъ» [1]). Другой корреспондентъ утверждаетъ, что ни одинъ русскій солдатъ не позволитъ себѣ, ни при какомъ обстоятельствѣ, присвоить вещь, ему непринадлежащую, если бы даже онъ нашелъ ее въ открытомъ полѣ, за исключеніемъ, разумѣется, того случая, когда онъ получитъ на то разрѣшеніе со стороны своего начальства» [2]). «Я могу васъ увѣрить», пишетъ нѣмецъ-туркофилъ въ «Augsburger Allg. Zeitung» [3]), «на основаніи

[1]) The war correspondence of the «*Daily News*», p. 248.

[2]) *Ibid.*, p. 341.

[3]) Корреспонденція изъ Никополя отъ 18-го іюля 1877 года.

собственнаго опыта, что русскіе, не смотря на наслѣдственную свою ненависть къ туркамъ, гуманно обращались съ тѣми, которые признали надъ собою ихъ власть».

Сколько имѣется разсказовъ о томъ замѣчательномъ добросердечіи, съ которымъ русскій солдатъ относился къ несчастнымъ жертвамъ войны! Въ корреспонденціи «Daily News», отъ 2-го (14-го) ноября 1877 года, изъ Дольняго Дубняка, разсказывается о встрѣчѣ подводъ съ семействами башибузуковъ, въ числѣ которыхъ было съ десятокъ женщинъ и вдвое больше дѣтей. «Былъ холодный полдень, и въ долинѣ дулъ холодный вѣтеръ», продолжаетъ свой разсказъ англичанинъ. «Какъ полунагія дѣти дрожали и жались другъ къ другу, чтобы согрѣться! Женщины сидѣли неподвижно, закрывъ лица свои чадрами, и, повидимому, покорно повиновались своей судьбѣ... Когда эта жалкая группа остановилась, голоднымъ женщинамъ и дѣтямъ роздали хлѣбъ, и онѣ охотно подѣлились имъ съ бывшими при нихъ мужчинами. Костлявыя руки хватали хлѣбъ и разрывали его на части; дикіе глаза голодныхъ съ умоляющимъ выраженіемъ ожидали новой подачки. Офицеры повели дрожащихъ людей и мою цыганскую красотку въ домъ, напоили ихъ тамъ чаемъ и дали имъ по серебряной монетѣ. И сколько было при этомъ пролито слезъ благодарности и радости! Солдаты отдали часть своихъ раціоновъ, въ повозки набросали зерноваго хлѣба, и поѣздъ двинулся далѣе». Въ сторонѣ отъ прочихъ сидѣла женщина, которая, при занятіи города Враца, на улицѣ выстрѣломъ изъ револьвера убила русскаго унтеръ-офицера. Но, «во всякомъ случаѣ, за ея дьявольскій поступокъ ей ничего не сдѣлали; напротивъ, товарищи убитаго подносили ей пищу и заботились

о ней съ такимъ добросердечіемъ, которое трудно понять и которому почти невозможно вѣрить».

Такое призрѣніе несчастныхъ мусульманскихъ бѣглецовъ, которые по приказанію турецкихъ властей или изъ собственнаго страха бросали свои жилища и обращались въ нищихъ, неоднократно выпадало на долю нашихъ войскъ. Неизлишне здѣсь вспомнить о тѣхъ тысячахъ мусульманъ, которые, по распоряженію Сулеймана-паши, покинули, послѣ перехода нашею арміею Балканъ, свои жилища, подверглись разграбленію со стороны болгаръ и отъ ужаса бросали даже своихъ дѣтей. Генералъ Струковъ, на пути въ Адріанополь, настигъ отъ 10,000 до 15,000 подводъ съ удаляющимся мусульманскимъ населеніемъ, числомъ около 50,000. Въ первомъ случаѣ наши войска призрѣли дѣтей и старались отыскать ихъ родителей; во второмъ—наше военное начальство распорядилось отправить всѣ эти 50,000 мусульманскихъ бѣглецовъ въ Родостъ, для перевоза ихъ на азіатскій берегъ [1].

При занятіи нашими войсками турецкихъ городовъ и селеній, начиная съ Систова и кончая Санъ-Стефано, ни религія, ни жизнь, ни честь, ни собственность мусульманскихъ жителей не подвергались ни малѣйшей опасности. Вездѣ турецкія мечети оставались открытыми, и для охраненія ихъ отъ безчинствъ со стороны расходившихся болгаръ были поставлены русскіе караулы. Въ церквахъ читались изданныя русскимъ военнымъ начальствомъ распоряженія о неприкосновенности частной собственности, о строгомъ наказаніи грабителей, обя-

[1]) Телеграммы главнокомандующаго дѣйствующею арміей отъ 10-го и 15-го января 1878 года.

занныхъ къ немедленному возвращенію взятыхъ вещей[1]).

Присутствовавшій при вступленіи русскихъ войскъ въ городъ Софію корреспондентъ «Daily News» пишетъ въ письмѣ отъ 9-го января 1878 года, что турецкая часть города уже была разграблена болгарами до прибытія русскихъ, которые, однако, немедленно занялись возстановленіемъ порядка и отбираніемъ награбленныхъ вещей. «Мнѣ хотѣлось въ этомъ убѣдиться самому», продолжаетъ онъ, «и потому я отправился по городу въ поиски за грабителями и награбленными вещами, но не встрѣтилъ ни одного солдата, имѣвшаго какую нибудь цѣнную вещь, за исключеніемъ только одного кубанскаго казака, который держалъ въ рукѣ маленькій коврикъ. Предполагая, что онъ продастъ его дешево, я предложилъ ему довольно крупную сумму за коврикъ, но казакъ отвѣтилъ безъ малѣйшей запинки, что онъ только-что отнялъ эту вещь отъ болгарскаго крестьянина и несетъ ее въ складъ вещей невостребованныхъ. Я тайкомъ послѣдовалъ за нимъ и дѣйствительно видѣлъ, какъ онъ положилъ коврикъ на кучу отнятой добычи».

«Не въ первый разъ», заключаетъ корреспондентъ, «мнѣ приходится входить въ городъ въ сопровожденіи побѣдоносныхъ войскъ, но въ первый разъ, насколько мнѣ помнится, порядокъ былъ въ подобномъ случаѣ общимъ правиломъ,а грабежъ — исключеніемъ».

Само собою разумѣется, что, не смотря на строгую военную дисциплину въ русской арміи, не смотря на присущее нашему солдату чувство состра-

---

[1]) Срав. «*The Standard*» отъ 30-го сентября 1878 г. и The war correspondence of the «*Daily News*», p. 179, 212, 229, 271, 337 etc.

данія къ безпомощнымъ и несчастнымъ жертвамъ войны, отдѣльные случаи нарушенія приказаній не могли не имѣть мѣста; но, въ то же время, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что наши офицеры немедленно возстановляли порядокъ и строго взыскивали съ виновныхъ[1]).

Зато многіе болгаре, пользуясь страхомъ, которымъ было объято мусульманское населеніе, бросившее все въ безпорядочномъ бѣгствѣ, не упускали случая поживиться, въ полной надеждѣ на поощреніе со стороны приближающихся русскихъ войскъ. Каково же было ихъ удивленіе, когда русскія власти потребовали отъ нихъ возвращенія туркамъ отнятыхъ вещей, а ихъ самихъ подвергли весьма чувствительнымъ наказаніямъ?

Такіе случаи нарушенія законовъ войны нѣкоторые корреспонденты объясняютъ тѣмъ, что русскія военныя власти не поступали достаточно методически при занятіи непріятельскихъ городовъ[2]). Въ примѣръ былъ поставленъ образъ дѣйствій пруссаковъ во время войны 1870 года, которые, едва вошедши во французское селеніе, тотчасъ же наклеивали на стѣнахъ объявленія съ изложеніемъ своихъ требованій къ мѣстнымъ жителямъ и съ указаніемъ угрожающихъ имъ, въ случаѣ непослушанія, наказаній. Такимъ наказаніемъ была, въ большинствѣ случаевъ, смерть. Dura lex sed lex. Можетъ быть, этотъ упрекъ и основателенъ; но нельзя не замѣтить, что, при строгомъ примѣненіи прусской методы, упомянутая выше женщина, убившая русскаго унтеръ-офицера, навѣрно не была бы предметомъ заботъ со стороны товарищей убитаго. От-

---

[1]) The war correspondence of the «*Daily News*», p. 178, 229.

[2]) *ibid.*, p. 271.

сутствіе такой строгой методы дало большую свободу влеченіямъ добраго сердца русскаго солдата.

Таково было поведеніе русской дѣйствующей арміи на Балканскомъ полуостровѣ въ отношеніи мирныхъ жителей непріятельскаго края. Посмотримъ теперь, каковы были «звѣрства» и «грабежи», совершенные нашею кавказскою арміею въ турецкой Арменіи.

«Генералъ Лорисъ-Меликовъ», пишетъ туркофильскій корреспондентъ «Times» изъ лагеря Мухтара-паши, «отдалъ приказъ, что солдаты, застигнутые въ грабежѣ, подлежатъ повѣшанію, и что поселяне, поставившіе себя подъ покровительство русскихъ, будутъ пользоваться полною безопасностью»[1]). Въ продолженіе войны этотъ англійскій публицистъ, слѣдуя вмѣстѣ съ турецкою арміею по стопамъ отступающихъ русскихъ войскъ, постоянно имѣлъ случай убѣждаться въ томъ, что наши войска исполняли такія приказанія самымъ точнымъ и добросовѣстнымъ образомъ.

При вступленіи нашихъ войскъ въ какое либо селеніе, жителямъ выдавался переводъ прокламаціи на мѣстномъ языкѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ старшинѣ деревни — «охранный листъ», въ которой было прописано, что жители такой-то деревни изъявили покорность русскимъ властямъ, и потому они лично и ихъ достояніе должны пользоваться покровительствомъ закона, и что всякое посягательство на ихъ права будетъ преслѣдоваться по всей строгости законовъ. Въ деревняхъ же, жители которыхъ сопротивлялись, право войны вступало въ свою силу, но такіе случаи бывали крайне рѣдко.

Итакъ, русскія военныя власти старались всѣми

---

[1]) *Norman.* Armenia and the campagn of 1877, p. 58.

средствами защищать населеніе турецкой Арменіи отъ страшныхъ бѣдствій войны. Онѣ не только запрещали всякій насильственный захватъ собственности мирныхъ жителей, но требовали, чтобы за всякую вещь войска платили и ничего не брали даромъ. Этого мало. Жители турецкихъ деревень, разоренныхъ курдами и черкесами, получали отъ нашихъ властей сѣмена на засѣвъ своихъ полей.

Исторія войнъ указываетъ, какъ на несомнѣнный фактъ, что отступающая предъ непріятелемъ армія всегда гораздо меньше щадитъ оставляемую страну и ея населеніе, нежели армія наступающая. Въ послѣднемъ случаѣ, при наступленіи, естественно желаніе непріятельскаго войска не слишкомъ ожесточить противъ себя мѣстное населеніе, могущее прервать его сообщенія и нарушить безопасность его операціонной линіи. Отступающая же армія не имѣетъ такихъ мотивовъ для пощады населенія и непріятельской страны; напротивъ, разсчетъ требуетъ въ такомъ случаѣ раззоренія этой страны, съ цѣлью остановить такимъ образомъ движеніе впередъ противника. Современные обычаи войны такого систематическаго опустошенія не допускаютъ, но оно, однако, часто оправдывалось необходимостью обезпечить собственную безопасность.

Что же видимъ мы въ Арменіи во время отступленія русскихъ войскъ послѣ несчастнаго Зивинскаго сраженія? «Въ провинціи, бывшей недавно занятою русскими», пишетъ англійскій корреспондентъ, «мы нашли повсюду живность: куръ, гусей, овецъ, козъ и скотъ въ изобиліи». Между тѣмъ, продолжаетъ онъ, въ области, не бывшей подъ властью русскихъ, повсюду видны слѣды плохаго управленія и хищническихъ грабежей (piratical violence) и слышны громкія жалобы на насилія, которымъ подвергалось хри-

стіанское населеніе; здѣсь же, въ странѣ, только-что покинутой русскою арміею, господствуютъ повсюду «миръ и изобиліе». «Здѣсь», кончаетъ англійскій публицистъ, «дымящіяся развалины деревень не говорятъ о звѣрствахъ курдовъ; нѣтъ женщинъ, плачущихъ объ убитыхъ своихъ мужьяхъ; нѣтъ здѣсь ограбленныхъ отцовъ семействъ, молящихъ о защитѣ отъ разбойниковъ-черкесовъ»[1]).

Если само турецкое правительство не уставало выдумывать разсказы о звѣрствахъ, совершаемыхъ русскими войсками въ Арменіи; если самъ Мухтаръ-гази-паша и турецкіе офицеры самымъ безцеремоннымъ образомъ лгали насчетъ поведенія нашей арміи,—то, напротивъ, совершенно безпристрастные очевидцы не находятъ словъ для выраженія своего удивленія необыкновенной добротѣ и неумолимой дисциплинѣ русскихъ войскъ. Уваженіе нашихъ войскъ къ несчастнымъ обывателямъ дошло до того, что они, во время своего отступленія съ турецкой территоріи, «тщательно избѣгали» проходить по полямъ, на которыхъ росъ хлѣбъ, оставшійся совершенно неприкосновеннымъ. Всѣ мусульманскія деревни, съ мужчинами, женщинами и дѣтьми, предавались, во время прохода русской арміи, своимъ обычнымъ занятіямъ: обыватели знали, что отъ нихъ ничего даромъ не возьмутъ. Хотя имъ платили, замѣчаетъ корреспондентъ, русскими кредитными бумажками, но все-таки платили и давали цѣны гораздо выше нормальныхъ[2]).

Другой очевидецъ военныхъ дѣйствій въ Арменіи пишетъ, что «если въ Арменіи и бываютъ случаи несправедливости, то ихъ скорѣе слѣдуетъ при-

---

[1]) *Norman.* Armenia, p. 193.

[2]) *Norman.* Armenia, p. 200.

писать забывчивости, нежели умышленному нарушенію со стороны офиціальныхъ лицъ... Многіе изъ турокъ настолько честны, что откровенно сознаются, что никогда они не пользовались большимъ спокойствіемъ и безопасностью, какъ теперь, когда, къ великому ихъ удивленію, они видятъ, какъ на нихъ льется дождь бумажныхъ рублей, разсыпаемыхъ великодушными и любящими пожить русскими офицерами»[1]).

Съ еще большимъ ожесточеніемъ отзывается корреспондентъ «National Zeitung» въ письмѣ отъ 7-го (19-го) іюля 1878 года изъ Александрополя, объ образѣ веденія войны турками, въ сравненіи съ образцовымъ поведеніемъ русской арміи. Разсказавъ, какъ генералъ Тергукасовъ возвратился, послѣ освобожденія геройскаго гарнизона Баязета, въ свою прежнюю позицію близъ Игдыря, корреспондентъ прибавляетъ, что теперь черкесы и башибузуки опять могутъ заняться «отрубаніемъ головъ у армянскихъ крестьянъ». «Беременныя женщины», продолжаетъ онъ, «съ распоротыми животами, грудныя дѣти, посаженныя на колъ, полуизжаренные старики и обезчещенныя дѣвушки и мальчики встрѣчаются сплошь да рядомъ, цѣлыми массами. Близъ мѣстечка Сулейманходжа истреблено пять армянскихъ деревень, и жители ихъ перерѣзаны всѣ, не исключая и дѣтей во чревѣ матери. Такъ поступаютъ турки съ ихъ собственными христіанскими подданными».

«Русскіе, напротивъ того, не только строго наказываютъ за всякое насиліе и за все платятъ наличными деньгами, но возмѣщаютъ даже убытокъ

---

[1]) Срав. корреспонденція «*Daily News*» изъ Эрзерума отъ 3-го, 8-го іюня 1877 года и 27-го января (8 февраля) 1878 года.

отъ потравы полей вслѣдствіе перехода войскъ. Казаки, часто голодающіе, не рискуютъ украсть овцу, козу или хоть даже огурецъ, потому что опасаются быть за такую кражу строго наказанными».

«Въ виду этихъ фактовъ, возмутительно читать нагло распространяемыя изъ Константинополя офиціальныя утвержденія, что русскіе безчеловѣчны, правовѣрная же мусульманская армія отличается благочестіемъ и нравственностью».

Наконецъ, какимъ духомъ была проникнута наша кавказская армія и до какой степени *нравственнаго* геройства она въ состояніи была достигнуть, можно видѣть изъ славнаго спасенія генераломъ Тергукасовымъ цѣлой толпы несчастныхъ христіанъ отъ ножа турокъ. Объ этомъ подвигѣ англійскіе корреспонденты отзываются съ величайшимъ уваженіемъ[1]). Вотъ какъ о немъ повѣствуетъ офиціальная телеграмма изъ Александрополя отъ 27-го іюня 1877 года:

«Отрядъ генерала Тергукасова, слѣдуя отъ Даяра къ Сурпъ-Оганесу, вынужденъ былъ принять на себя охрану до 3000 семействъ христіанскихъ жителей Турціи, бѣжавшихъ изъ селеній Алашкертской долины отъ неистовыхъ башибузуковъ и курдовъ, вырѣзавшихъ цѣлыя селенія; обстоятельство это, замедляя движеніе отряда, дало возможность непріятельской пѣхотѣ и кавалеріи слѣдовать безнаказанно за нашими войсками и тревожить нашъ арріергардъ. Посему, прибывъ въ Сурпъ-Оганесъ, генералъ Тергукасовъ предпочелъ, прежде чѣмъ двинуться къ Баязету, обезпечить участь больныхъ, раненыхъ и переселенцевъ, для чего притянулъ къ себѣ кавалерію и повернулъ черезъ Караперопскій перевалъ на Игдыръ».

---

[1]) *Norman.* Armenia, p. 294.—The war correspondence of the «*Daily News*», p. 337.

Такъ поступать, какъ поступилъ генералъ Тергукасовъ, по словамъ англичанина, «могъ только человѣкъ, проникнутый чувствомъ чести и совѣсти». Мы же прибавимъ отъ себя, что вести себя такъ, какъ вели себѣ вообще всѣ русскія войска, въ продолженіе послѣдней войны, на Балканскомъ полуостровѣ и въ турецкой Арменіи, можетъ только армія, вся проникнутая сознаніемъ своего долга, чувствомъ состраданія и уваженія къ мирнымъ обывателямъ непріятельской страны. Не чувство патріотизма, не безпредѣльное уваженіе къ нашей доблестной арміи, даже не чувство національной гордости, но исключительно любовь къ истинѣ заставляетъ насъ утверждать, что *никогда*, ни въ одной войнѣ, опустошавшей Европу въ продолженіе нынѣшняго столѣтія, обычаи войны, неприкосновенность жизни, чести и собственности мирныхъ обывателей непріятельской страны не были такъ тщательно уважаемы, какъ со стороны русскихъ армій во время минувшей войны. Нѣтъ никакой надобности приводить для сравненія примѣры изъ новѣйшей военной практики: они сами вызываются въ памяти. Факты всѣмъ извѣстны, и не трудно на основаніи ихъ сдѣлать выводы.

Извѣстія, полученныя отъ очевидцевъ объ образѣ веденія войны со стороны русскихъ армій, не могли наконецъ быть игнорируемы нейтральными правительствами, которыя Порта бомбардировала своими сказками о русскихъ звѣрствахъ, и, наконецъ, даже само англійское правительство вынуждено было, вмѣстѣ съ турецкими депешами о русскихъ жестокостяхъ, обнародовать также часть тѣхъ донесеній, которыя оно получало отъ своихъ агентовъ, доказывавшихъ положительными фактами совершенно противное. Правда, англійское правитель-

ство не скоро сдѣлало этотъ шагъ для отрезвленія возбужденнаго имъ самимъ противъ Россіи общественнаго мнѣнія; оно до сихъ поръ еще не обнародовало во всеобщее свѣдѣніе такихъ документовъ, которые могли бы еще лучше показать всю ложь взведенныхъ на русскую армію обвиненій[1]). Эти документы, разумѣется, показали бы также въ надлежащемъ свѣтѣ дѣятельность англійскаго посла въ Константинополѣ на поприщѣ распространенія сказокъ о русскихъ звѣрствахъ.

Но, по требованію общественной совѣсти самого англійскаго народа и настоятельному желанію самой Россіи, англійское правительство предало гласности нѣсколько офиціальныхъ актовъ, вполнѣ подтверждающихъ вышеприведенныя показанія корреспондентовъ.

Въ телеграфической депешѣ отъ 25-го іюля 1877 г., полковникъ Веллеслей, англійскій военный агентъ въ Петербургѣ, находившійся при русской главной квартирѣ, свидѣтельствуетъ о томъ, что англійскіе корреспонденты, бывшіе свидѣтелями различныхъ стычекъ между русскими и турецкими войсками, «съ величайшимъ уваженіемъ отзываются о добродушіи русскихъ солдатъ». Обвиненія же Порты уже потому неосновательны, что турецкія мѣстныя власти, убѣгавшія обыкновенно до прихода рус-

[1]) Что такія донесенія *въ пользу* русскихъ войскъ сэра Арнольда Кэмбалля, англійскаго военнаго агента при арміи Мухтара-паши, существуютъ—видно изъ корреспонденціи Нормана отъ 13-го августа 1877 года, въ которой онъ, съ негодованіемъ отзываясь о турецкихъ обвиненіяхъ, восклицаетъ; «It is high time that the Foreign Office should publish Sir Arnold Kemball'o reports on the subject to the people of England». До сихъ поръ, сколько намъ извѣстно, эти донесенія еще не были обнародованы.

скихъ войскъ, не могли передавать фактовъ, которыхъ онѣ не могли видѣть[1]).

Болѣе подробное опроверженіе представилъ полковникъ Веллеслей 6-го августа 1877 г., по возвращеніи въ Лондонъ[2]). Въ этомъ донесеніи англійскій военный агентъ утверждаетъ, что, по словамъ русскихъ и англичанъ, бывшихъ свидѣтелями военныхъ дѣйствій и заслуживающихъ полнаго довѣрія, «они не видѣли ни одного случая звѣрства или жестокости со стороны русскихъ солдатъ». «Во время моего пребыванія при русской главной квартирѣ», продолжаетъ полковникъ Веллеслей, «я каждый день былъ въ сношеніяхъ съ людьми, приходившими изъ передовыхъ отрядовъ или возвращавшимися туда, и, когда газеты стали обращать вниманіе публики на приписываемыя русскимъ звѣрства, я поставилъ себѣ задачею изслѣдовать это дѣло настолько, чтобы быть въ состояніи сообщить вамъ, милордъ, положительные факты, сюда относящіеся. Въ окончательномъ результатѣ этихъ изслѣдованій, сдѣланныхъ, какъ я выше сказалъ, при помощи не только русскихъ, но и англичанъ, я долженъ былъ придти къ тому твердому и честному убѣжденію, что разсказы о русскихъ жестокостяхъ *не имѣютъ ни малѣйшаго основанія*». Полковникъ Веллеслей совершенно справедливо замѣчаетъ, что если бы дѣйствительно имѣли мѣсто звѣрства, о которыхъ разглагольствуетъ турецкое правительство, то они не могли не сдѣлаться извѣстными англійскимъ корреспондентамъ, изъ которыхъ нѣкоторые участвуютъ въ газетахъ, явно враждебныхъ Россіи, а между тѣмъ «всѣ они единогласно и категорически

---

[1]) *Staatsarchiv*, Bd. XXXI, № 6498.

[2]) *ibid*, № 6507.

заявляютъ, что они не знаютъ ни одного изъ тѣхъ поступковъ, въ которыхъ обвиняются русскіе солдаты». Напротивъ, они разсказывали о многихъ поступкахъ русскихъ солдатъ, обнаруживающихъ замѣчательную доброту послѣднихъ. Наконецъ, самъ полковникъ Веллеслей, зная давно русскаго солдата, признаетъ его «добродушнымъ и добросердечнымъ», положительно неспособнымъ на поступки сему приписываемые. Съ большею еще силою возстаетъ противъ злостныхъ обвиненій русскаго войска англійскій консулъ въ Эрзерумѣ, Зорабъ, изъ донесеній котораго напечатано только одно — отъ 28-го іюня 1877 г. «Съ удивленіемъ читалъ я», начинаетъ онъ свое донесеніе, «протестъ Порты противъ совершенныхъ русскими въ Болгаріи и Азіи звѣрствъ. О томъ, что происходитъ въ Болгаріи, я, разумѣется, ничего сказать не могу; но что касается этой части Турціи, то я обязанъ сказать, что я не былъ въ состояніи собрать никакихъ свѣдѣній, могущихъ служить основаніемъ для такого обвиненія. Напротивъ, начиная съ Баязета до Ардагана, поведеніе русской арміи въ отношеніи обывателей было, какъ мнѣ доносили, человѣколюбиво и справедливо, какъ въ отношеніи мусульманъ, такъ и христіанъ». За то жители Ардагана, мусульмане и христіане, «отзываются только съ похвалою о русскихъ властяхъ.»

О нѣкоторыхъ другихъ официальныхъ актахъ, относящихся до военныхъ дѣйствій и составленныхъ нейтральными свидѣтелями, мы будемъ имѣть случай упомянуть впослѣдствіи. Но приведенныхъ фактовъ совершенно достаточно, чтобы, съ одной стороны, выставить въ надлежащемъ свѣтѣ гнусныя обвиненія турецкаго правительства и, съ другой, положить твердый фундаментъ памятнику въ

честь безпримѣрнаго поведенія русской арміи на непріятельской территоріи.

Во имя человѣколюбія и собственной чести можно только желать, чтобы другія, болѣе цивилизованныя, войска подражали нашей арміи въ обращеніи съ мирнымъ населеніемъ непріятельской страны. Тогда основная мысль брюссельской конференціи вскорѣ перейдетъ изъ области идеала и теоріи въ плоть и кровь войскъ и станетъ руководящею нитью для воюющихъ государствъ.

VI.

Брюссельская декларація 1874 года, признавая принципъ неприкосновенности частной собственности мирнаго населенія непріятельскаго государства, не могла отрицать права воюющаго требовать отъ обывателей извѣстныхъ предметовъ продовольствія, обуви, подводъ и т. п., т. е. права наложенія *реквизиціи*. Точно также брюссельская конференція признала за воюющимъ право наложенія на мѣстное населеніе извѣстныхъ денежныхъ *контрибуцій*.

Имѣя въ виду положительную невозможность продовольствоваться исключительно запасами своихъ собственныхъ магазиновъ или посредствомъ подрядовъ, оккупаціонная армія часто бываетъ вынуждена обращаться къ мѣстному населенію съ требованіемъ снабженія ея извѣстными предметами. Наполеонъ I придерживался правила: «*La guerre doit nourrir la guerre*» и потому, въ продолженіе долгой войны съ испанцами, содержалъ на свой счетъ только армію, ближайшую къ французской территоріи[1]). Великія союзныя державы, низвергнувшія его, слѣ-

[1]) Срав. *Napier.* Histoire de la guerre dans la Péninsule, traduite par Dumas. Paris 1828—38, t. X, p. 70; t. V, p. 126.

довали тому же самому правилу. Во время войны 1870 года германскія военныя власти весьма широко пользовались правомъ реквизицій. Вышеупомянутая прокламація прусскаго короля отъ 11-го августа 1870 года требовала, чтобы жители занятыхъ французскихъ департаментовъ выдавали германскимъ солдатамъ ежедневный ихъ раціонъ или деньгами въ размѣрѣ двухъ франковъ въ день на каждаго солдата [1]). Но особенно сильное развитіе получило, во время франко-германской войны, взысканіе съ французскаго населенія денежныхъ суммъ, частію въ видѣ штрафа, частію просто съ цѣлію пополненія денежныхъ средствъ германской арміи [2]). Наконецъ наука международнаго права и замѣчательные современные публицисты признаютъ за непріятелемъ эти права, хотя не всѣ согласны съ тѣмъ, что непріятель можетъ взыскивать по своему усмотрѣнію денежныя суммы и заставлять, такимъ образомъ, безоружныхъ обывателей непріятельской страны покрывать расходы на войну [3]). Притомъ, англійскіе публицисты, признавая за оккупаціонною арміею право брать силою у населенія необходимыя вещи, въ то же время замѣчаютъ, что чѣмъ строже оккупаціонная армія будетъ придерживаться правила немедленнаго вознагражденія за взятые предметы, тѣмъ справедливѣе будетъ она относиться къ многострадальному населенію и тѣмъ скорѣе будутъ удовлетворяться ея потребности. Наконецъ

---

[1]) *Rolin-Jaequemyns* въ Revue de droit international, t. II, p. 682 et suiv.

[2]) *Sutherland Edwards*. The Germans in France, p. 245. *Quarterly Review*, April 1871, p. 477.

[3]) *Bluntschli*. Das moderne Völkerrecht § 652. — *Vidari*. Del rispetto della proprietà privata, p. 133.—*Morin*. Les lois relatives à la guerre etc. Paris 1872, t. I, p. 405.

всѣ писатели согласны также въ томъ, что праву реквизицій и контрибуцій должны быть поставлены точныя границы, для отличія его отъ грабежа или полнѣйшаго расхищенія частной собственности [1]).

Въ виду такого положенія даннаго вопроса, брюссельская конференція точно также должна была признать право реквизицій и контрибуцій. Въ статьяхъ 40—42 выставляются такія правила, которыя, безъ сомнѣнія, проникнуты желаніемъ ограничить это право воюющаго. Такъ, относительно реквизицій говорится, что онѣ не могутъ быть производимы иначе, «какъ по распоряженію командующаго войсками, расположенными въ занятой мѣстности». Этимъ постановленіемъ желали предупредить злоупотребленія подначальныхъ лицъ, взимающихъ собственною властью всевозможныя реквизиціи, безъ вѣдома высшаго начальства. Далѣе говорится, что «за всякую реквизицію должно быть назначено вознагражденіе или выдана установленная квитанція». Понятно, что въ концѣ концовъ платитъ по этимъ квитанціямъ побѣжденный.

Что касается контрибуцій, то брюссельская декларація различаетъ три рода ихъ: 1) деньги, взимаемыя непріятелемъ взамѣнъ податей, установленныхъ законнымъ правительствомъ. Въ такомъ случаѣ размѣръ контрибуціи ограничивается окладомъ податей. 2) Контрибуція можетъ быть требуема взамѣнъ слѣдующихъ съ населенія натуральныхъ повинностей. Очевидно, что и здѣсь цѣнность этихъ повинностей должна служить мѣриломъ для опредѣленія размѣра контрибуціи. Наконецъ, 3) до-

---

[1]) *Sutherland Edwards*. l. c. p. 182, 122, 293. — *Hamley* въ Quarterly Review, l. c. p. 491.—*Droop*. On the relations between an invading army etc. p. 709.

пускается еще контрибуція, въ видѣ пени или штрафа, за какіе либо проступки отдѣльныхъ лицъ или обществъ.

При наложеніи контрибуціи, непріятель непремѣнно обязанъ соблюдать слѣдующія правила: 1) право наложенія контрибуцій признается только за главнокомандующимъ и за высшимъ гражданскимъ начальствомъ, установленнымъ непріятелемъ, и подъ личною отвѣтственностью этихъ властей; 2) непріятель обязанъ при взиманіи контрибуціи слѣдовать порядку распредѣленія и раскладки податей, существующему въ занятой имъ странѣ.

Эти положенія брюссельской декларацiи относительно военныхъ законовъ и обычаевъ признаны Институтомъ международнаго права и далеко оставили позади практику предшествовавшихъ войнъ [1]). Не смотря на это, они до сихъ поръ никакой обязательной силы не имѣютъ. Между тѣмъ, русскія войска соблюдали ихъ во время послѣдней войны, въ отношеніи даже той части населенія непріятельской территоріи, которая нисколько не сочувствовала ни Россіи, ни цѣлямъ русской политики.

Уже выше мы имѣли неоднократно случай указать на заявленія англійскихъ и германскихъ корреспондентовъ о томъ, что русскія войска за все платили не «установленными квитанціями», какъ постановляетъ брюссельская декларація, но русскими деньгами. Разница же въ уплатѣ этими квитанціями и русскими кредитными деньгами весьма существенна для населенія: кто долженъ платить по квитанціямъ—опредѣляется въ будущемъ, между тѣмъ какъ русскія бумажки во всякое время представляютъ денежную стоимость. Въ Болгаріи же наши войска

---

[1]) *Annuaire de l'Institut de droit international*, 1877, p. 136.

платили не только кредитными бумажками, но и звонкою монетою.

Съ цѣлью предупредить злоупотребленія и охранить, насколько возможно, законные интересы и права обывателей, 10-го сентября 1877 года было издано положеніе объ «установленіи главныхъ основаній поставки населеніемъ Систовскаго и Тырновскаго санджаковъ хлѣбнаго и фуражнаго запаса для арміи *реквизиціонными порядками за деньги*»[1]). Въ этомъ положеніи опредѣляется размѣръ продовольственнаго и фуражнаго запаса, требуемаго съ населенія обоихъ санджаковъ. На основаніи же § 10, «по поставкѣ селеніемъ всего слѣдуемаго съ него количества зерна и сѣна, начальникъ округа дѣлаетъ разсчетъ причитающимся каждому селенію деньгамъ и представляетъ его губернатору, который утверждаетъ ихъ и ассигнуетъ въ распоряженіе начальника округа слѣдуемыя деньги для раздачи ихъ жителямъ».

Стало быть, здѣсь реквизиція является не въ видѣ *безвозмездной* поставки населеніемъ опредѣленнаго количества съѣстныхъ припасовъ или фуража, но въ видѣ преимущественнаго права военнаго начальства покупать эти предметы. Намъ неизвѣстно, чтобы до сихъ поръ какое нибудь воюющее государство такъ понимало право реквизицій и съ такимъ уваженіемъ относилось къ частной собственности, какъ это дѣлаетъ приведенный приказъ русскаго главнокомандующаго, который даже больше чѣмъ брюссельская декларація охраняетъ права мирнаго населенія непріятельскаго государства.

Этого мало. Малѣйшее самоуправство со стороны подчиненныхъ военныхъ лицъ въ наложеніи

---

[1]) «*Летучій Военный Листокъ*», № 34.

на обывателей незаконныхъ реквизицій и самое незначительное нарушеніе неприкосновенности частной собственности подвергались строгимъ наказаніямъ.

Въ этомъ отношеніи весьма замѣчателенъ приказъ главнокомандующаго по войскамъ дѣйствующей арміи отъ 21-го октября 1877 года, который мы приводимъ дословно:

«До свѣдѣнія моего дошло о бывшихъ будто бы случаяхъ захвата войсками у мѣстныхъ жителей фуража и жизненныхъ продуктовъ. Вслѣдствіе сего считаю необходимымъ вновь объявить по войскамъ арміи, что главнымъ залогомъ силы и успѣха войскъ служатъ нравственныя ихъ качества, заключающіяся въ соблюденіи ими порядка и самой строгой дисциплины, и что всякое отступленіе отъ этихъ началъ и въ особенности даже малѣйшее нарушеніе собственности будетъ преслѣдуемо по всей строгости военно-уголовныхъ законовъ. Притомъ, кромѣ наказанія самого преступника, будетъ примѣрно взыскиваемо и съ ближайшихъ его начальниковъ, какъ съ лицъ, отвѣтственныхъ за своихъ подчиненныхъ»[1]).

Этотъ приказъ до такой степени ясенъ, по своей цѣли и содержанію, что едва ли нуждается въ какихъ нибудь комментаріяхъ. Остается только пожелать, что въ случаѣ войны другія цивилизованныя государства слѣдовали этому примѣру и внушали своимъ войскамъ такое же безусловное уваженіе къ частной собственности и правамъ обывателей занятой непріятельской страны, какое мы находимъ въ только-что приведенномъ актѣ.

Имѣя въ виду такіе приказы главнокомандующаго, угрожающіе наказаніемъ не только непосредственно виновнымъ, но и ближайшему ихъ начальству, легко

[1]) «*Летучій Военный Листокъ*», № 52.

понять, почему корреспонденты иностранныхъ газетъ были поражены щепетильностью русскихъ войскъ въ отношеніи собственности мѣстнаго населенія. Одинъ иностранный корреспондентъ говоритъ, что «горе тому, кто украдетъ или насильно отниметъ что нибудь у болгарина: его не медля разстрѣливаютъ. Столь же строго запрещено опустошать поля» [1]). Другой сообщаетъ, между прочимъ, слѣдующій фактъ въ видѣ доказательства, что русская армія не пользуется даже законнымъ правомъ реквизицій. Дѣло происходитъ въ Арменіи. Казаки захватили нѣсколько повозокъ, собственники которыхъ обратились къ командующему войсками, генералъ-адъютанту Лорисъ-Меликову, съ жалобой, объясняя, что они люди бѣдные и совсѣмъ будутъ раззорены, если имъ не будутъ возвращены ихъ арбы». Доблестный генералъ отвѣчалъ имъ, что если конфискованныя повозки окажутся ихъ частною собственностью, то будутъ имъ возвращены, и немедленно послалъ къ Мухтару-пашѣ парламентера узнать правду по этому дѣлу. Когда оказалось, что арбы дѣйствительно принадлежатъ этимъ обывателямъ, онъ немедленно сдѣлалъ распоряженіе о возвращеніи арбъ, а людей отпустилъ назадъ въ Карсъ [2]).

Наконецъ, для полной характеристики того, какъ наша кавказская армія понимала свое право наложенія реквизицій, можно видѣть изъ слѣдующаго описанія образа дѣйствій ея на непріятельской территоріи. «Еще до перехода нашихъ войскъ чрезъ Арпачай», пишетъ русскій корреспондентъ [3]), «собраны были справочныя цѣны о всѣхъ предметахъ

[1]) См. «*Сѣверный Вѣстникъ*» отъ 17-го іюля 1877 года.

[2]) *Norman.* Armenia and the Campaign of 1877, p. 277.

[3]) Изъ «*Сѣвернаго Вѣстника*» отъ 1-го іюня 1877 года.

довольствія войскъ, и установлена такса, по которой войска обязаны платить жителямъ. При заборѣ продуктовъ необходимо долженъ находиться офицеръ, снабженный на то уполномочіемъ отъ своего начальства. Въ противномъ случаѣ всякій заборъ считается мародерствомъ и наказывается чуть ли не смертною казнью. Въ случаѣ, если населеніе не соглашается продать добровольно имѣющіеся запасы, дозволено прибѣгать къ реквизиціи, т. е. обыскивать амбары и склады, и найденное, по приведеніи его въ извѣстность, забирать, съ выдачею хозяевамъ вознагражденія по таксѣ. Но здѣсь (въ Арменіи) еще ни разу не практиковалась реквизиція въ европейскомъ смыслѣ, то-есть ни одно селеніе еще не обязывалось доставлять войскамъ количество запасовъ въ опредѣленный срокъ. Забирается только то, что есть, да и то не все».

«Съ приходомъ нашихъ войскъ въ ту или другую деревню, жители выносятъ для продажи молоко, хлѣбъ, сыръ, куръ, овецъ, гусей и проч. Не успѣютъ войска расположиться лагеремъ, какъ тутъ же, гдѣ нибудь въ сторонѣ, открывается цѣлый базаръ»[1]).

На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ, нашимъ войскамъ можно развѣ сдѣлать упрекъ въ томъ, что они не дѣйствовали на «европейскій манеръ» и не налагали реквизицій на обывателей занятой страны. Странно, что такой образъ дѣйствія русской арміи не былъ поставленъ въ счетъ безчисленныхъ звѣрствъ и жестокостей ея надъ несчастными турецкими подданными.

Что же касается контрибуцій, то ни въ одной изъ корреспонденцій иностранныхъ или русскихъ

[1]) То же самое говоритъ о системѣ реквизицій нашей арміи корреспондентъ туркофильской «*Augsburger Allg. Zeitung*» въ Арменіи. (См. № отъ 29 ноября 1877 года).

газетъ мы не нашли даже намека на то, чтобы русское военное начальство когда либо пользовалось этимъ правомъ. На этомъ основаніи мы въ правѣ заключить, что никакихъ контрибуцій, въ продолженіе послѣдней войны, не было взыскиваемо со стороны русскихъ военныхъ властей, ни въ видѣ пени, ни въ видѣ пополненія полковыхъ кассъ. Было бы совершенно несправедливо думать, что въ продолженіе минувшей войны наши военныя власти не имѣли повода налагать контрибуціи въ видѣ хотя бы денежнаго штрафа. Во время франко-германской войны многія французскія селенія были принуждены платить десятки тысячъ франковъ за то, что въ ихъ районѣ былъ совершенъ какой нибудь проступокъ противъ интересовъ германской арміи. Въ особенности неумолимы были германскія военныя власти въ томъ случаѣ, когда въ селеніи было совершено нападеніе на германскаго солдата. По словамъ германскаго генерала фонъ-Гартмана, «терроризмъ» въ отношеніи населенія непріятельской страны, которое совершаетъ такіе поступки, какъ нападеніе на солдата, «признается положительнымъ военнымъ принципомъ». Въ такихъ случаяхъ «военный реализмъ» не знаетъ никакой пощады, и наложеніе контрибуціи считается за самое легчайшее наказаніе [1]).

Мы увидимъ ниже, что въ минувшей войнѣ точно также бывали многіе случаи такихъ нападеній поселянъ на русскихъ военныхъ людей. На капитана Розена было совершено около десяти злонамѣренныхъ нападеній со стороны жителей деревни, въ

[1]) *Deutsche Rundschau.* 1877, 3 Heft, S. 462.—Срав. *Rolin Jaequemyns* въ Revue de droit international, t. III, p. 312 et suiv. По словамъ «*Frankfurter Zeitung*» отъ 8-го октября 1870 года, за убійство нѣмецкаго жандарма на городъ Flavigny была наложена контрибуція въ 50,000 франковъ въ пользу вдовы убитаго.

которой стоялъ его отрядъ[1]). Другихъ подобнаго же рода нападеній со стороны фанатизированныхъ турокъ и вѣроломныхъ башибузуковъ не перечесть: такъ они были часты, въ особенности при началѣ оккупаціи Балканскаго полуострова и Арменіи.

Между тѣмъ, все-таки ни одинъ корреспондентъ не упоминаетъ о наложеніи русскими военными властями контрибуціи. Даже само турецкое правительство, въ своихъ фабрикованныхъ обвиненіяхъ о звѣрствахъ и нарушеніяхъ общепризнанныхъ обычаевъ войны, забывало ставить въ вину нашей арміи наложеніе какихъ бы то ни было денежныхъ контрибуцій на мѣстныхъ жителей.

Такая небывалая снисходительность русской оккупаціонной арміи къ жителямъ занятаго края тѣмъ болѣе замѣчательна, что *право* на безвозмездныя реквизиціи и контрибуціи несомнѣнно принадлежало ей. По словамъ англійскаго публициста Сотерланда Эдвардса, «цѣль великаго національнаго нашествія заключается въ томъ, чтобы притѣснять и сломить силы (to crush) занятаго края не только посредствомъ пораженія армій, но и путемъ наложенія на безоружное населеніе самыхъ тягостныхъ повинностей»[2]). Нельзя не прибавить, что это мнѣніе имѣетъ до сихъ поръ много сторонниковъ.

Только Россія иначе смотрѣла на цѣль войны и въ другомъ смыслѣ понимала свои права и обязанности. Русскія войска явились на турецкой территоріи дѣйствительными представителями лучшихъ идей современной цивилизаціи и самыми великодушными защитниками правъ и интересовъ населенія непріятельской страны. Они частію окончательно

[1]) См. въ вѣнской газетѣ «*Presse*» корреспонденцію изъ Тырнова отъ 18-го (30-го) іюля 1877 года.

[2]) *Sutherland Edwards*. The Germans in France, p. 245.

освободили его отъ насилій и беззаконій его же правительства, частію дали несчастнымъ жителямъ турецкихъ провинцій возможность вздохнуть свободно хоть во время непріятельской оккупаціи и, подъ защитою презрѣнныхъ москововъ, сознать свои человѣческія права.

Послѣдняя война является, такимъ образомъ, однимъ изъ самыхъ блестящихъ доказательствъ, что война дѣйствительно бываетъ иногда орудіемъ распространенія новыхъ идей, средствомъ сближенія народовъ, познавшихъ другъ друга на театрѣ военныхъ дѣйствій, и залогомъ будущаго освобожденія угнетаемыхъ народностей. Война 1877 года никогда не изгладится изъ памяти населенія возвращенныхъ Турціи провинцій; никогда оно не забудетъ, что русскіе, враги ихъ отечества, относились къ нимъ съ большею справедливостью и больше уважали ихъ законныя права, чѣмъ турецкое правительство, которое не даетъ своимъ подданнымъ ни безопасности, ни порядка, ни суда, ни законной защиты. Напротивъ, сами турецкія власти—худшіе враги подданныхъ султана.

Вотъ почему мы увѣрены, что замѣчательно гуманный образъ дѣйствій русскихъ армій въ непріятельской странѣ будетъ сторицею вознагражденъ въ недалекомъ будущемъ. Оконченная война оставила въ туркахъ, ближе познакомившихся съ русскими, не чувство ненависти или вражды, какъ это обыкновенно бываетъ, но чувство уваженія и даже привязанности. *Этой* побѣды не уменьшатъ никакіе дипломатическіе происки, и *этой* связи съ населеніемъ сосѣднихъ турецкихъ провинцій не разорвутъ никакія постановленія международнаго конгресса.

Однако намъ могутъ возразить, что снисходительность нашихъ военныхъ властей объясняется

скорѣе разсчетомъ, нежели уваженіемъ къ законамъ и обычаямъ войны, и если русскія войска не пользовались правомъ налагать реквизиціи и контрибуціи, то дѣлали это потому, что пришли съ спеціальною цѣлью освобожденія населенія занятыхъ турецкихъ провинцій. Странно было бы «освобождать» населеніе и въ то же время отягощать его повинностями.

Нѣтъ, «сломить силы и притѣснять» жителей Болгаріи дѣйствительно не могло придти на мысль русскому правительству; но заставить самихъ болгаръ платить часть расходовъ предпринятой на ихъ пользу войны — было совершенно позволительно. Съ этою цѣлью русскія военныя власти могли бы налагать и реквизиціи, и контрибуціи. Но онѣ этого не сдѣлали. Въ отношеніи же турецкой Арменіи мы не думаемъ, чтобы то же возраженіе могло имѣть какое нибудь значеніе; слѣдовательно, тамъ можно было бы еще скорѣе руководствоваться взглядами англійскихъ публицистовъ и генерала фонъ-Гартмана. Но этого не было сдѣлано.

Если же объяснять однимъ разсчетомъ дѣйствія нашихъ армій, то этотъ разсчетъ былъ замѣчательно вѣренъ: послѣдняя война послужитъ не только къ сближенію русскаго народа съ турецкимъ, но заставитъ турокъ уважать своихъ недавнихъ враговъ.

Можно только желать, чтобы всѣ воюющіе народы всегда руководствовались тѣмъ же разсчетомъ. Навѣрно они останутся только въ выигрышѣ.

Глава VII.

Русская армія на полѣ сраженія.

Въ какихъ взаимныхъ отношеніяхъ состоятъ сражающіяся войска?—Ограничены ли они въ выборѣ средствъ нанесенія другъ другу вреда?—Постановленіе с.-петербургской декларацiи 1868 годаотносительно разрывныхъ пуль.—Брюссельская конференція. — Противъ кого непосредственно должны быть направлены военныя дѣйствія?—Кого считать воюющею стороною? — О некомбатантахъ вообще и корреспондентахъ газетъ въ особенности.— О волонтерахъ или добровольцахъ.—О поголовномъ возстаніи населенія.—Историческій опытъ и современная теорія.—Осада и бомбардированіе.—Шпіоны.—Парламентеры.—О капитуляціяхъ и перемиріи. — О репрессаліяхъ.

Обзоръ дѣйствій русской арміи на непріятельской территоріи ознакомилъ насъ съ тѣми порядками, которые были введены ею въ мѣстный общественный строй, и съ мѣрами, принятыми въ защиту частныхъ правъ мирнаго населенія. Теперь мы перейдемъ къ разсмотрѣнію тѣхъ правилъ, которыми руководствовалась наша армія на полѣ сраженія, т. е. въ непосредственныхъ дѣйствіяхъ противъ непріятеля и вооруженныхъ его силъ. Намъ надлежитъ разсмотрѣть вопросъ о томъ, употребляла ли она всевозможныя средства для нанесенія вреда

непріятелю, или ограничивалась только тѣми, которыя обыкновенно допускаются въ цивилизованной войнѣ; какъ относились русскія войска къ обывателямъ непріятельской территоріи, враждебно къ нимъ расположеннымъ; каковъ былъ ихъ образъ дѣйствій въ отношеніи шпіоновъ, парламентеровъ и въ случаяхъ бомбардированія и заключенія перемирія или капитуляціи. Словомъ, совокупность взаимныхъ операцій воюющихъ армій, съ точки зрѣнія установленныхъ обычаевъ и законовъ войны, составитъ предметъ послѣдующаго изложенія. Вопросъ о раненыхъ же и больныхъ воинахъ, равно какъ и военноплѣнныхъ, составитъ предметъ особенной, слѣдующей главы. Какъ раненые, такъ и военноплѣнные должны быть разсматриваемы отдѣльно отъ армій, въ составъ которыхъ они входили до того момента, когда лишились возможности принимать дальнѣйшее активное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. Считать ихъ активно дѣйствующими врагами, очевидно, нельзя. На этомъ основаніи намъ кажется болѣе цѣлесообразнымъ разсматривать положеніе раненыхъ и военноплѣнныхъ отдѣльно отъ непосредственныхъ военныхъ дѣйствій и сношеній между воюющими другъ съ другомъ арміями.

I.

Цѣль войны, по опредѣленію знаменитаго фонъ-Клаузевица, состоитъ въ томъ, чтобы въ наикратчайшій срокъ нанести непріятелю наибольшій вредъ и заставить его, вслѣдствіе того, заключить миръ. Согласно этому воззрѣнію, *каждое* средство для нанесенія вреда казалось бы совершенно законнымъ, если имъ достигается только окончательная цѣль. Дѣйствительно, такой выводъ былъ сдѣланъ изъ словъ знаменитаго прусскаго стратега, но совершенно оши-

бочнымъ образомъ. Клаузевицъ, какъ мы видѣли выше, опредѣлилъ войну, какъ «средство или орудіе политики». Отсюда слѣдуетъ, на основаніи уже однихъ политическихъ соображеній, что нельзя одобрить такого средства войны, которое безполезно, неполитично и потому вредно. Къ такого рода средствамъ нельзя не отнести всѣ излишнія опустошенія, разоренія и звѣрства, которыя нисколько не вызываются какою нибудь военною необходимостью. Насколько было бы крайне неполитично обратить въ пустыню край, подлежащій присоединенію, настолько же безразсудно увеличивать бѣдствія войны и страданія людей безъ всякой пользы и необходимости. Такія жестокости могутъ только вызывать репрессаліи со стороны непріятеля и возбудить до высшей степени взаимную ненависть и ожесточеніе воюющихъ народовъ и дѣйствующихъ армій.

Такимъ образомъ война, «какъ орудіе политики», никакъ не можетъ оправдывать всѣхъ средствъ, служащихъ для нанесенія вреда непріятелю. Но политическія соображенія, ограничивающія свободу воюющаго въ выборѣ средствъ, нашли себѣ опору и развитіе, отчасти въ военной практикѣ, отчасти въ тѣхъ обычаяхъ войны, которые, регулируя мало по малу взаимныя отношенія воюющихъ, поставили ихъ на твердую почву и опредѣляли ихъ извѣстными правилами. Самые ярые защитники неограниченной власти воюющаго все-таки должны были согласиться съ тѣмъ, что существуетъ извѣстная военная практика, запрещающая пускать въ ходъ *всѣ* средства для нанесенія ущерба противнику. Даже Рюстовъ вынужденъ допустить, что «извѣстныя ограниченія въ употребленіи средствъ войны были признаваемы во всѣ времена и въ особенности соблюдаются со стороны

цивилизованныхъ народовъ»[1]). Эти ограниченія суть такъ называемые обычаи войны, отъ соблюденія которыхъ не можетъ отказаться ни одна цивилизованная армія.

Дѣйствительно, такія ограниченія военныхъ дѣйствій вырабатывались въ теченіе вѣковъ, но между современными обычаями войны и тѣми, которые господствовали въ прежнія времена, лежитъ цѣлая пропасть. Правда, даже въ настоящее время можно встрѣтиться съ мнѣніемъ, что непріятель имѣетъ «*законное* право опустошать завоеванный край, убивать или обращать въ рабство военноплѣнныхъ и совершать всевозможныя звѣрства»[2]); но едва ли такое мнѣніе можетъ выдерживать критику съ точки зрѣнія современной военной практики и законныхъ требованій современной культуры. Въ настоящее время военноплѣнныхъ не убиваютъ и не продаютъ въ невольничество; опустошать же непріятельскія земли и совершать всевозможныя звѣрства въ завоеванномъ краѣ не можетъ быть оправдываемо никакими политическими соображеніями.

Цѣль войны требуетъ уничтоженія силы сопротивленія противника посредствомъ истребленія его средствъ защиты, завоеванія непріятельскаго края и нанесенія ударовъ источникамъ силы и могущества непріятельскаго государства. Политическія соображенія заставляютъ осмотрительно пользоваться средствами для достиженія этой цѣли. Выработавшіеся при взаимодѣйствіи военной дисциплины, религіи и образованія, обычаи войны стремятся ограничить средства и способы нанесенія вреда непріятелю. Со-

[1]) *Rüstow.* Kriegspolitik und Kriegsgebrauch, S. 172.—Срав. *Halleck's* International law, p. 398.

[2]) Срав. *Mountague Bernard.* The growth of laws and usages of war (Oxford Essays 1856, p. 90 etc.).

временное право войны выставляетъ рядъ законовъ, которыми не всякое средство признается законнымъ, потому что война не есть состояніе полнѣйшаго беззаконія, и воюющія государства связаны, даже на полѣ сраженія, извѣстными взаимными обязанностями.

«Воюющія стороны», писалъ въ 1868 году генералъ-адъютантъ Милютинъ, «*ни въ какомъ случаѣ* не должны допускать болѣе зла, чѣмъ сколько нужно для достиженія цѣли. Всѣ страданія и всякій нанесенный ущербъ, которые не ослабляютъ противника, безполезны и не должны быть допускаемы».

Созванная въ 1868 году въ С.-Петербургѣ международная военная конференція безусловно утвердила это основное положеніе современнаго права войны и воспретила употребленіе разрывныхъ пуль. Брюссельская конференція 1874 года сдѣлала значительный шагъ впередъ и перечислила недозволенныя средства нанесенія вреда непріятелю.

Исходя изъ того положенія, что «законы войны не признаютъ за воюющими сторонами неограниченной власти въ выборѣ средствъ нанесенія другъ другу вреда», брюссельская конференція безусловно запретила: употребленіе яда или отравленнаго оружія; вѣроломное убійство лицъ, принадлежащихъ къ составу непріятельской арміи; убійство непріятеля, положившаго оружіе и сдавшагося безусловно; объявленіе о томъ, что никому не будетъ дано пощады; употребленіе оружія, снарядовъ и веществъ, причиняющихъ напрасныя физическія страданія, а также употребленіе разрывныхъ пуль; злоупотребленіе парламентерскимъ флагомъ, военными знаками или отличительными знаками, установленными женевскою конвенціею; всякое разрушеніе и захватъ собственности, не вызванные военною необходимостью. Но «военныя

хитрости» почитаются позволительными и законными [1]).

Это исчисленіе запрещенныхъ современными военными обычаями средствъ борьбы было признано совершенно основательнымъ со стороны вполнѣ компетентныхъ судей [2]). Но намъ этотъ перечень представляется недостаточно полнымъ. Въ особенности нельзя не пожалѣть, что декларація не запрещаетъ употребленія въ войнѣ съ христіанскимъ и цивилизованнымъ войскомъ *дикихъ ордъ* и *варварскихъ племенъ*.

Въ самомъ дѣлѣ, соблюденія обычаевъ войны можно ожидать только отъ арміи, подчиняющейся строгой дисциплинѣ и сознающей свои обязанности въ отношеніи непріятеля. Слѣдовательно, держава, претендующая на званіе цивилизованнаго государства и признающая обязательность европейскаго международнаго права, имѣетъ право располагать только такими войсками, а не дикими и варварскими ордами, непризнающими необходимости щадить ни жизнь раненаго и безпомощнаго врага, ни собственность и честь мирнаго и беззащитнаго поселянина. Вотъ почему лучшіе современные писатели безусловно запрещаютъ введеніе въ составъ арміи дикихъ племенъ [3]).

Насколько такое запрещеніе важно, доказываютъ звѣрства, совершенныя африканскими тюркосами французской арміи на поляхъ сраженія въ Сѣверной Италіи, въ 1859 году. Не менѣе предосудительно было ихъ поведеніе во время франко-германской вой-

---

[1]) См. статьи 12—14 проекта брюссельской «декларації о законахъ и обычаяхъ войны».

[2]) Revue de droit international, t. VI, p. 489 et suiv.

[3]) Срав. *Mohl.* Staatsrecht. Völkerrecht und Politik (Tübingen 1860). Bd. I, S. 770.—*Bluntschli.* Völkerrecht, 559.—*Dudley Field.* International Code, § 739.

ны, когда, по свидѣтельству германскаго канцлера, они отрѣзывали уши и носы у раненыхъ нѣмцевъ [1]). Князь Бисмаркъ протестовалъ самымъ энергическимъ образомъ противъ употребленія французами этого африканскаго племени, предупреждая, что германская армія вынуждена будетъ прибѣгнуть къ репрессаліямъ. Правда, лично князь Бисмаркъ былъ убѣжденъ, что «если содрать съ француза бѣлую кожу, то получится такой же тюркосъ» [2]), но едва ли это мнѣніе раздѣляется цивилизованною Европою. Отъ француза можно не только требовать, но и ожидать самаго добросовѣстнаго соблюденія обычаевъ цивилизованной войны.

Турецкое же правительство выпустило противъ русскихъ армій такихъ изверговъ, какъ курды, черкесы и башибузуки, о поведеніи которыхъ всѣ корреспонденты съ театра войны отзываются съ явнымъ отвращеніемъ. Эти варвары, возбужденные мусульманскимъ духовенствомъ, совершали невѣроятныя звѣрства надъ ранеными и безнаказанно надругались надъ безоружными мирными жителями, причемъ турецкое военное начальство не только не подвергало ихъ никакимъ взысканіямъ, но, напротивъ, потворствовало имъ изо всѣхъ силъ. Если бы русскія военныя власти послѣдовали примѣру германскихъ, во время войны 1870 года, и прибѣгнули къ репрессаліямъ, то послѣдняя война еще больше стоила бы слезъ и страданій. По всей вѣроятности, наши военныя власти остановились предъ тою мыслью, что репрессаліи не исправятъ курдовъ, черкесовъ или

---

[1]) *Rolin-Jacquemyns* въ Revue de droit international, t. II, p. 659, t. III, p. 322 etc.

[2]) *Busch.* Graf Bismark und seine Leute während des Krieges mit Frankreich, I, 167.

башибузуковъ, но обрушатся на лицъ ни въ чемъ неповинныхъ.

Во всякомъ случаѣ послѣдняя война вновь доказала крайнюю необходимость запретить употребленіе привозимыхъ въ Европу изъ другихъ частей свѣта варварскихъ племенъ во время войны съ цивилизованнымъ войскомъ[1]). Впрочемъ, по мнѣнію многихъ, вся турецкая армія, не исключая регулярнаго войска, состоитъ изъ дикихъ, полу-варварскихъ элементовъ. Слѣдовательно, по отношенію къ Турціи такое запрещеніе равносильно лишенію ея возможности вести войну; но такое заключеніе неосновательно, потому что турецкое регулярное войско или низамъ безусловно нельзя ставить на одну доску съ курдами или башибузуками. Если бы само турецкое военное начальство лучше сознавало свои обязанности, оно легко могло бы подчинить низамъ строгой военной дисциплинѣ.

[1]) Можно предвидѣть возраженіе, что сама Россія пользуется въ европейскихъ своихъ войнахъ племенами, образованность которыхъ весьма низка. Извѣстный германскій писатель *Моль*, въ вышеупомянутомъ трудѣ, говоритъ о Россіи, что еще не рѣшено, насколько она имѣетъ право употреблять такія полу-образованныя племена. Въ Западной Европѣ до сихъ поръ господствуютъ легендарныя сказки о нашихъ казакахъ, которыхъ сравниваютъ съ курдами и черкесами. На сессіи Института международнаго права въ Цюрихѣ, въ 1877 году, когда шла рѣчь о поведеніи Россіи и Турціи во время войны, всѣ присутствовавшіе ученые и публицисты были не мало удивлены, когда мы имъ доказали, что наши казаки настолько же подлежатъ требованіямъ военной дисциплины, какъ всѣ остальныя русскія войска, и что вообще въ составѣ русскихъ армій нѣтъ никакихъ племенъ, не подчиняющихся русскимъ военнымъ законамъ и не удовлетворяющихъ нижеприведеннымъ условіямъ брюссельской декларации относительно сражающихся армій. Эти объясненія до такой степени поразили нѣкоторыхъ членовъ конгресса, что они съ упрекомъ сказали намъ: «Почему же вы не обнародуете этихъ любопытныхъ фактовъ? Въ Европѣ ничего объ этомъ не знаютъ».

Брюссельская конференція не затронула также вопроса о томъ: имѣетъ ли воюющій *право возбуждать подданныхъ непріятельскаго государства къ возстанію противъ своего законнаго правительства?* Вопросъ этотъ весьма спорный. По мнѣнію однихъ писателей, возбужденіе подданныхъ къ совершенію преступленія государственной измѣны не можетъ считаться законнымъ средствомъ войны, потому что само по себѣ оно есть преступное подстрекательство. Въ случаѣ же неудачнаго для подстрекателя исхода войны, на подстрекаемыхъ обрушивается вся тяжесть мщенія[1]). Но Блюнчли и другіе писатели совершенно справедливо говорятъ, что весьма часто войны предпринимаются именно для освобожденія населенія непріятельскаго государства, которое не можетъ не сочувствовать врагу, отъ котораго оно ожидаетъ освобожденія отъ вѣковаго гнета и окончанія нестерпимыхъ насилій[2]). Притомъ, во всѣхъ новѣйшихъ войнахъ въ Италіи и Германіи, воюющія стороны прибѣгали къ возмущенію сочувствующихъ имъ обывателей непріятельской страны.

На этомъ основаніи мы не въ правѣ ставить Турціи въ упрекъ стараніе ея посредствомъ тайныхъ агентовъ возмутить племена Кавказа, подчиненныя русской власти. Но, съ другой стороны, никто не можетъ также ставить въ вину нашимъ властямъ, что онѣ самыми энергическими мѣрами противодѣйствовали попыткамъ къ возстанію, наказывая, на основаніи военныхъ законовъ, тѣхъ, которые поддались наущеніямъ турецкихъ эмиссаровъ.

Съ этой точки зрѣнія любопытна прокламація ге-

---

[1]) Срав. *Mohl*, Staatsrecht, Völkerrecht und Politik, Bd. I, S. 772 etc. *Heffter*, Völkerrecht, § 125.

[2]) *Bluntschli*. Völkerrecht, § 564.—Срав. *Vattel*. Le droit des gens, liv. III, chap. VIII.—*Martens*. Précis du droit des gens, § 273.

нерала Алхазова къ абхазцамъ, поддавшимся подстрекательствамъ турокъ и отказавшимся быть покорными русскимъ властямъ. Вотъ это воззваніе:

«Жители Абхазіи! Прежде чѣмъ наказать васъ за возмущеніе, я обращаюсь къ вашему благоразумію. Силы ваши слишкомъ слабы, чтобы оказать серьозное сопротивленіе; на помощь турокъ вамъ нечего разсчитывать—они много обѣщали, но мало дали, а потому покоритесь, выдайте оружіе и аманатовъ (заложниковъ) и ожидайте спокойно милости и прощенія отъ великодушія Государя Императора. Отказъ вашъ поведетъ за собою полное раззореніе, такъ какъ я прикажу войскамъ предавать огню безпощадно все имущество ваше и раззорять васъ. Еще разъ повторяю: опомнитесь и покоритесь!» [1]).

Вслѣдствіе этой прокламаціи нѣсколько селеній изъявили покорность и представили аманатовъ.

Наконецъ, что касается Болгаріи, то, согласно цѣли войны, русскія военныя власти могли только сочувствовать возставшимъ болгарамъ. Сказки же турецкаго правительства объ образованіи нашими военными властями какого-то «*легіона мести*» (légion de vengeance) изъ болгаръ необходимо отнести къ числу клеветъ, систематически распространяемыхъ имъ въ продолженіе войны [2]).

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію тѣхъ извѣстныхъ намъ немногихъ случаевъ, въ которыхъ можно видѣть нарушеніе приведенныхъ постановленій брюссельской декларації относительно недозволенныхъ средствъ войны.

1) Первымъ недозволеннымъ средствомъ нанесенія непріятелю вреда является, по декларації, *употреб-*

[1]) Срав. «*Голосъ*» № 170 за 1877 годъ.

[2]) *Staatsarchiv*, Bd. XXXIII, № 6563.

леніе яда или отравленнаго оружія. Уже давнымъ давно военная практика цивилизованныхъ государствъ и писатели международнаго права рѣшили, что употребленіе яда не можетъ быть допущено. Между тѣмъ, если вѣрить корреспонденту вѣнской офиціозной «Politische Correspondenz», туркамъ принадлежитъ честь возобновленія въ Европѣ средства войны, практикуемаго въ настоящее время американскими индійцами или африканскими неграми. Въ донесеніи «консула дружественной державы» (Австро-Венгріи), отъ 11-го августа, изъ Филиппополя, сообщенномъ редакціи газеты, говорится, что на третій день послѣ занятія русскимъ отрядомъ города Эски-Загры турки отравили мышьякомъ колодецъ, вслѣдствіе чего заболѣли десять казаковъ, болгаринъ и одна старуха. «Одинъ казакъ», продолжаетъ консулъ, «умеръ, а остальные поправились только чрезъ нѣсколько дней. Русскіе начали строгое слѣдствіе и, не будучи въ состояніи отыскать виновныхъ, составили списокъ турокъ, прежде осужденныхъ за какое нибудь преступленіе. Этихъ лицъ, числомъ около *ста*, судили военнымъ судомъ и приговорили къ смерти. Приговоръ былъ исполненъ въ этотъ же день».

Таковъ разсказъ консула «дружественной державы». Если дѣйствительно фактъ отравленія имѣлъ мѣсто, то онъ не можетъ быть оправданъ никакими соображеніями. Это—самое вопіющее злодѣйство изъ совершенныхъ въ нынѣшнемъ столѣтіи во время международной войны. Что касается казни «около сотни» турокъ, то въ достовѣрности этого факта мы позволяемъ себѣ сомнѣваться уже потому, что такая небывалая строгость нашихъ военныхъ властей ни разу не обнаруживалась въ продолженіе всей войны. Скорѣе можно упрекнуть ихъ въ излишней мягкости, чѣмъ въ неумолимой строгости, и потому казнь сотни

турокъ, совершенно, впрочемъ, оправдываемая съ точки зрѣнія генерала Шеридана и князя Бисмарка, намъ кажется не вполнѣ вѣроятною. Можетъ быть, конецъ донесенія консула объясняется просто политикою—«и нашимъ, и вашимъ». Нельзя же было слишкомъ сильно нападать на турокъ, бывшихъ долгое время друзьями «дружественной державы».

2) Далѣе слѣдуютъ *вѣроломное убійство лицъ и непріятеля, положившаго оружіе и безусловно сдавшагося*. И то и другое, безъ сомнѣнія, запрещается не только брюссельскою декларацією, но безусловно осуждается и теоріею международнаго права, на томъ основаніи, что убійство беззащитнаго непріятеля составляетъ простое преступленіе; если же оно совершено вѣроломнымъ образомъ, то можетъ быть оправдываемо развѣ только военными обычаями сѣверо-американскихъ краснокожихъ. Даже тѣ писатели, для которыхъ война представляется борьбою всѣми средствами за существованіе, все-таки затрудняются признать вѣроломное убійство поступкомъ законнымъ [1]).

Къ сожалѣнію, послѣдняя война представляетъ нѣсколько примѣровъ тому, что для турокъ, въ самомъ дѣлѣ, никакіе законы не писаны. О случаяхъ вѣроломныхъ убійствъ русскихъ солдатъ упоминаетъ не только вышеупомянутый консулъ «дружественной державы», но и другіе корреспонденты, бывшіе на театрѣ военныхъ дѣйствій [2]). До неслыханнаго вѣроломства дошла армія Мухтара-паши, *если* достовѣренъ слѣдующій разсказъ, переданный корреспондентомъ «Times» въ турецкомъ лагерѣ [3]). Этотъ раз-

[1]) *Rüstow*. Kriegspolitik und Kriegsgebrauch, S. 228 etc.—Срав. *Dudley Field*. International Code, § 756.

[2]) Срав., напр., корреспонденцію вѣнской газеты «Presse» изъ Тырнова отъ 18-го (30-го) іюля 1877 года.

[3]) *Norman*. Armenia, p. 220, 273 и 337.

сказъ тѣмъ болѣе заслуживаетъ нашего вниманія, что о сообщенномъ въ немъ событіи ничего не говорилось, если не ошибаемся, въ нашей прессѣ.

13-го іюня 1877 года, разсказываетъ Норманъ, Фаикъ-паша, приближаясь къ Баязету, натолкнулся на русскій отрядъ изъ двухъ батальоновъ и 1,200 казаковъ. Подъ начальствомъ Фаика-паши находились шесть батальоновъ, двѣ батареи и около 8,000 курдовъ. При такомъ неравенствѣ силъ, нельзя было думать начальнику русскаго отряда принять сраженіе въ открытомъ полѣ. Онъ удалился въ цитадель Баязета, оставивъ казаковъ въ городѣ. Послѣдніе, будучи со всѣхъ сторонъ окружены, убѣдились, что всякое сопротивленіе съ ихъ стороны было совершенно безнадежно, и потому рѣшились положить оружіе и сдаться непріятелю (sic!). Парламентеръ былъ посланъ начальникомъ турецкаго отряда къ командиру цитадели съ предложеніемъ также сдаться. Между тѣмъ, курды, подъ начальствомъ своихъ шейховъ, накинулись на безоружныхъ казаковъ и христіанъ, бывшихъ въ городѣ, и истребили ихъ. «Сцена», продолжаетъ англійскій корреспондентъ. «была безпримѣрно ужасна (unparalle! ed horror). Въ городѣ было 165 христіанскихъ семействъ, и всѣ мужчины, женщины и дѣти были безпощадно перебиты. Турецкій офицеръ, посѣтившій, нѣсколько дней спустя, этотъ городъ, сообщилъ, что тамъ не осталось ни одного жителя, и съ русскими военноплѣнными число убитыхъ превышало 2,400. Во всѣхъ домахъ онъ видѣлъ группы убитыхъ, подвергшихся безстыднымъ насиліямъ и поставленныхъ въ самыя возмутительныя и безнравственныя положенія». Англійскій капитанъ Макъ-Кальмонъ, также посѣтившій Баязетъ вскорѣ послѣ описаннаго избіенія, тоже видѣлъ только развалины совершенно опустѣвшаго го-

рода. Наконецъ, Мухтаръ-паша, узнавъ объ этомъ вѣроломномъ убійствѣ русскихъ, отдалъ приказъ распустить отрядъ курдовъ и разстрѣлять ихъ коноводовъ. Но этотъ приказъ, отданный турецкимъ главнокомандующимъ вслѣдствіе настоятельныхъ требованій англійскаго генерала Кэмбалля, не былъ исполненъ: курды оставались въ турецкомъ лагерѣ, и только часть ихъ бросила свое оружіе и дезертировала при приближеніи отряда генерала Тергукасова, спасшаго геройскихъ защитниковъ цитадели Баязета.

Таковъ разсказъ англійскаго корреспондента о вѣроломномъ поступкѣ курдовъ въ Баязетѣ, который, по его мнѣнію, «принесъ вреда туркамъ больше, нежели нѣсколько потерянныхъ сраженій». Но впослѣдствіи оказалось, что подобными варварствами турки нисколько не потеряли ни уваженія цивилизованной Западной Европы, ни любви многочисленныхъ своихъ друзей. Предсказаніе возмущеннаго до нельзя англичанина не сбылось. Впрочемъ, считаемъ неизлишнимъ прибавить, что за достовѣрность сообщеннаго корреспондентомъ факта мы ручаться не можемъ уже потому, что въ русскихъ офиціальныхъ извѣстіяхъ съ театра закавказской войны мы не нашли никакого намека на это крайне крупное событіе. Притомъ, лица, игравшія весьма выдающіяся роли на театрѣ войны въ Арменіи, намъ положительно утверждали, что ничего подобнаго не было и что избіеніе 1,200 казаковъ дѣло совершенно немыслимое уже потому, что никогда казаки не сдались бы живьемъ въ руки турокъ или курдовъ. Странно, что туркофильскій англичанинъ, находившійся въ лагерѣ самого Мухтара-паши и указывающій на самого турецкаго главнокомандующаго и извѣстнаго англійскаго генерала Кэмбалля, какъ на лицъ, знавшихъ объ этомъ событіи, могъ до такой степени впасть въ заблужденіе.

Если же дѣйствительно это происшествіе имѣло мѣсто, то нельзя не видѣть въ поведеніи отряда курдовъ, находившагося подъ турецкимъ начальствомъ, такого возмутительнаго нарушенія безспорнаго обычая войны, которое мало имѣетъ себѣ подобныхъ въ исторіи всѣхъ войнъ и всѣхъ временъ.

3) Современные обычаи войны и брюссельская декларація не допускаютъ, чтобы одинъ изъ воюющихъ объявилъ о своемъ намѣреніи никому *не давать пощады*. Тѣ безчисленныя и возмутительныя звѣрства, которыя совершались турками, давали нашимъ арміямъ безспорное право не соблюдать этого обычая войны и не давать пощады туркамъ, попавшимъ въ плѣнъ. Нельзя требовать соблюденія законовъ войны отъ одного воюющаго, если другой систематически насмѣхается надъ всѣми законами и постановленіями договоровъ. Но такой образъ дѣйствій не былъ принятъ нашими войсками, хотя намъ кажутся весьма возможными случаи, когда наши солдаты, имѣя предъ глазами трупы изувѣченныхъ своихъ товарищей, не давали пощады многимъ туркамъ и башибузукамъ. Впрочемъ, не подлежитъ сомнѣнію, что русскіе офицеры всѣми силами старались остановить своихъ подчиненныхъ въ подобныхъ случаяхъ и положить предѣлъ возбужденнымъ звѣрствами турокъ страстямъ. Огромное число военноплѣнныхъ, взятыхъ нашими войсками, служитъ лучшимъ доказательствомъ тому, что солдаты и офицеры давали пощаду туркамъ, и главнокомандующими русскими арміями не было объявлено о намѣреніи не давать пощады непріятелю.

Что касается поведенія турокъ въ настоящемъ вопросѣ, то трудно себѣ представить, чтобы они, при систематическомъ нарушеніи всѣхъ остальныхъ обычаевъ войны, болѣе добросовѣстно соблюдали тотъ, который запрещаетъ не давать пощады ни въ какомъ

случаѣ. И дѣйствительно, въ самомъ началѣ войны румынское правительство узнало, что Османъ-паша, бывшій начальникомъ турецкихъ войскъ въ Видднѣ, отдалъ приказъ, на основаніи инструкцій своего правительства, что къ румынамъ законы войны непримѣнимы, и что плѣнные румыны должны подвергаться смертной казни, какъ мятежники [1]). Намъ неизвѣстно, насколько дѣйствительно такая варварская мѣра была принята Османомъ-пашею, но во всякомъ случаѣ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что если она была принята, то Османъ-паша объявленіемъ о своемъ намѣреніи не давалъ пощады румынамъ нарушилъ обычай войны, имѣющій за собою санкцію военной практики и голосъ совѣсти просвѣщенныхъ христіанскихъ народовъ.

4) На основаніи с.-петербургской декларації 1868 года, подписанной, между прочимъ, уполномоченнымъ Турціи, запрещается употребленіе *разрывныхъ пуль*, вѣсъ которыхъ меньше 400 граммъ. Брюссельская декларація 1874 года, развивая основную мысль постановленія 1868 года, запретила вообще употребленіе «оружія, снарядовъ и веществъ, причиняющихъ напрасныя физическія страданія». Во время франко-германской войны воюющія стороны, въ особенности Германія, обвиняли другъ друга въ нарушеніи петербургской декларації [2]).

Въ продолженіе послѣдней войны неоднократно появлялись въ газетахъ извѣстія о томъ, что турки употребляютъ разрывныя пули, какъ на европейскомъ, такъ и на закавказскомъ театрахъ военныхъ дѣйствій. Корреспонденты сообщали, что они сами видѣли «во-

[1]) См. корреспонденцію «*Съвернаго Въстника*» изъ Букарешта отъ 16-го іюня 1877 г.

[2]) *Rolin-Jacquemyns* въ Revue de droit int. t. II, p. 658; t. III, p. 325.

ронкообразныя раны отъ разрывныхъ пуль». Кавалерійскіе офицеры разсказывали, что они находили въ трупахъ своихъ лошадей «пули, снаряженныя ядовитымъ веществомъ», отчего трупы начинали быстро разлагаться[1]). Этого мало. Русскіе и румынскіе доктора сообщали о подобныхъ фактахъ, прося корреспондентовъ довести о нихъ до свѣдѣнія публики[2]). Наконецъ само румынское правительство категорически обвиняло турокъ въ употребленіи разрывныхъ пуль.

Не смотря, однако, на всѣ эти положительныя утвержденія, до сихъ поръ еще не обнародовано настолько фактовъ, чтобы придти къ убѣжденію въ дѣйствительномъ употребленіи турецкими войсками разрывныхъ пуль. Напротивъ, можно указать на обстоятельства, заставляющія сомнѣваться въ основательности этихъ обвиненій.

Во-первыхъ, военная аммуниція, разумѣется, не приготовлялась на самомъ полѣ сраженія, но доставлялась туда изъ Константинополя. Трудно же себѣ представить, чтобы турецкое правительство доходило въ своемъ презрѣніи къ международнымъ обязательствамъ до того, чтобы заказывать разрывныя пули для ружей своихъ армій. Большую же часть, если не всѣ ружья и пули, турецкое правительство пріобрѣтало въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. При такихъ условіяхъ, весьма вѣроятно, что слухи о заказахъ турецкимъ правительствомъ раз-

[1]) Корреспонденція «Голоса» отъ 11-го іюля 1877 года изъ Тифлиса.

[2]) Корреспондентъ «*Новаго Времени*» изъ Бухареста (отъ 10-го сентября 1877 года) называетъ главнаго доктора подольскаго полка Рафаловича и докторовъ Каменскаго и Кроценко, какъ удостовѣрившихъ употребленіе разрывныхъ пуль. Срав. «*Journal de St.-Pétersbourg*», № 242, 1877.

рывныхъ пуль стали бы распространяться и перешли бы въ печать. Но этого, сколько намъ извѣстно, не было.

Во-вторыхъ, на наши личные разспросы докторовъ, совершавшихъ съ нашими войсками весь походъ чрезъ Балканы до Санъ-Стефано и бывшихъ на закавказскомъ театрѣ войны, намъ отвѣчали, что имъ не извѣстенъ ни одинъ случай раны отъ разрывной пули. Одинъ изъ этихъ почтенныхъ медиковъ хирурговъ имѣетъ цѣлую коллекцію вынутыхъ турецкихъ пуль, между которыми нѣтъ ни одной, которую можно бы отнести къ разряду разрывныхъ.

Наконецъ, въ-третьихъ, изслѣдованіе пуль, употребленныхъ турецкими войсками и извлеченныхъ изъ ранъ, убѣдило въ томъ, что турки употребляли три рода пули, именно: 1) пули Снайдера, отчасти конической формы, съ двумя или одною полостью и деревянною втулкою. Пули эти производятъ огнестрѣльные многосложные переломы и даже раздробленіе костей. Попадая же въ мягкія части тѣла, онѣ производятъ значительное разрушеніе тканей. 2) Пули Пибоди-Мартини, длинной цилиндрической формы, при одинаковой силѣ полета съ предъидущей, проникая чрезъ кость, часто производили каналообразныя отверстія; поврежденія мягкихъ тканей отъ нихъ менѣе значительны. 3) Пули ружья магазинной системы (Уинчестера), слегка конической формы, небольшой величины, производятъ еще менѣе значительныя разстройства тканей[1]).

Эти указанія спеціалистовъ не даютъ основаній для обвиненія турокъ въ употребленіи разрывныхъ пуль. Пули Снайдера, по внѣшней своей формѣ, наиболѣе, подходятъ къ разрывнымъ, и этимъ обстоятельствомъ

[1]) См. «*Голосъ*» отъ 19-го апрѣля 1878 года.

вѣроятно, въ значительной степени, объясняются взведенныя на турецкія войска обвиненія[1]).

Но брюссельская декларація не ограничилась подтвержденіемъ обязательности петербургской декларації относительно разрывныхъ пуль. Она запретила употребленіе «*веществъ, причиняющихъ напрасныя физическія страданія*».

Само собою разумѣется, что вышеприведенное показаніе русскаго кавалерійскаго офицера объ употребленіи турками пуль съ «ядовитымъ составомъ» не можетъ служить обвинительнымъ противъ нихъ актомъ. Для взведенія такого тяжкаго обвиненія требуются болѣе вѣскія данныя.

Съ другой стороны, довольно наивными представляются жалобы турецкаго правительства на то, что наши моряки употребляютъ «воспламеняющіяся вещества» и торпеды противъ турецкихъ судовъ[2]). Особенно напираетъ турецкое правительство на то, что такимъ нападеніямъ будто бы подвергались коммерческія суда. Извѣстно точно также, что нѣкоторые туркофильскіе органы западно-европейской прессы подняли ужасный гвалтъ, когда наши герои Шестаковъ и Дубасовъ взорвали минами на воздухъ турецкій броненосецъ 16-го мая 1877 года.

Но странность такихъ обвиненій бросается въ глаза. Нѣтъ сомнѣнія, что наши моряки съ большимъ удовольствіемъ захватили бы непріятельскія коммерческія суда и съ тріумфомъ отвели бы ихъ въ русскій портъ, если бы это было фактически возможно. Что же касается употребленія минъ или торпедъ, съ

---

[1]) См. корреспонденцію парижской газеты «*Le Temps*» изъ Игдыря отъ 15-го сентября 1877 года.

[2]) Депеша Порты къ англійскому послу въ Лондонѣ отъ 26-го іюня 1877 года. (*Staatsarchiv*, Bd. XXXII, № 6473).

ихъ воспламяняющимся составомъ, то Россія, по всей вѣроятности, съ удовольствіемъ откажется отъ ихъ употребленія въ тотъ самый день, когда ея враги откажутся отъ своихъ броненосцевъ и другихъ военныхъ судовъ, бомбардировавшихъ неукрѣпленные русскіе города и опустошавшихъ русскіе берега.

5) Злоупотребленія *парламентерскимъ* флагомъ и отличительнымъ *знакомъ*, установленнымъ *женевскою конвенціею*, были весьма часты во время войны съ Турціею; но мы укажемъ впослѣдствіи на случаи, наиболѣе заслуживающіе вниманія. При разсмотрѣніи постановленій брюссельской конференціи относительно парламентеровъ и при обсужденіи судьбы раненыхъ и больныхъ воиновъ, намъ кажется болѣе умѣстнымъ указать на случаи злоупотребленія парламентерскимъ флагомъ и знакомъ женевской конвенціи.

Что же касается, наконецъ, запрещеннаго брюссельскою деклараціею захвата и истребленія частной собственности, то, въ виду вышеизложеннаго о поведеніи войскъ, турецкихъ и русскихъ, по отношенію къ мирнымъ обывателямъ и ихъ собственности, здѣсь не предстоитъ надобности останавливаться на этомъ вопросѣ. Равно вопросъ о «военныхъ хитростяхъ», допускаемыхъ брюссельскою деклараціею, не вызывалъ, насколько намъ извѣстно, въ продолженіе истекшей войны, никакихъ особенныхъ разногласій между воюющими сторонами.

II.

На основаніи современнаго права войны, война есть борьба между организованными и спеціально подготовленными войсками воюющихъ государствъ. Отсюда вытекаетъ различіе между *комбатантами* и *некомбатантами*, т. е. тѣми изъ подданныхъ воюющихъ государствъ, которые обязаны сражаться, и противъ

которыхъ могутъ быть направлены военныя дѣйствія, и тѣми, которые не обязаны сражаться, жизнь и собственность которыхъ должны быть неприкосновенны. Вотъ почему воюющею стороною считаются въ настоящее время не всѣ безъ исключенія подданные враждующихъ государствъ, но только войска, ими вооруженныя, и организованныя ихъ силы. Всякое нападеніе солдата на мирнаго гражданина непріятельскаго государства должно преслѣдоваться уголовнымъ судомъ, какъ насиліе. Съ другой же стороны, говоря словами англійскаго публициста, «невоенные, взятые съ оружіемъ въ рукахъ, не имѣютъ права на пощаду, потому что индивидуумъ, не принадлежащій ни къ какому организованному отряду, не состоящій подъ военнымъ начальствомъ и не носящій другой одежды, кромѣ общей для всѣхъ невоенныхъ, не долженъ считаться солдатомъ, а слѣдовательно не долженъ и пользоваться правами послѣдняго»[1]).

Этотъ обычай войны имѣетъ вполнѣ разумное основаніе. Если мирное населеніе на непріятельской территоріи желаетъ сохранить право на неприкосновенность своей жизни и собственности,—оно должно быть дѣйствительно мирно, безоружно и не должно принимать участія во враждебныхъ дѣйствіяхъ. Нельзя требовать отъ войска, чтобы оно уважало жизнь мирныхъ жителей, которые изъ засады, коварнымъ образомъ, на него нападаютъ. Современная война не есть античная поголовная рѣзня между всѣми лицами мужскаго и женскаго пола воюющихъ государствъ. Во время современной войны для подданныхъ воюющихъ государствъ можетъ существовать только одно изъ двухъ положеній: *или* они входятъ

[1]) *Quarterly Review*. April 1871, p. 473, 482.

въ составъ вооруженныхъ организованныхъ силъ государства и тогда должны пользоваться всѣми правами воюющей стороны, *или же* они представляются мирными жителями, противъ которыхъ непріязненныя дѣйствія *непосредственно* направляемы быть не должны и избіеніе которыхъ должно наказываться, какъ убійство. Но если эти мирные жители, не сопротивлявшіеся непріятельской оккупаціи, затѣмъ берутся за оружіе, то они уже наказываются, и, слѣдовательно, на обращеніе съ ними, какъ съ военноплѣнными, никакого права не имѣютъ.

Совершенно справедливо замѣчаетъ другой англійскій писатель, Сотерландъ Эдвардсъ, что «если будетъ провозглашенъ принципъ, съ перваго взгляда кажущійся возвышеннымъ, но въ дѣйствительности варварскій, что каждый человѣкъ имѣетъ безусловное право защищать свою родину, свое село и домъ, въ которомъ онъ родился, тогда выйдетъ, что наступающій непріятель, для собственной безопасности, долженъ будетъ заковывать въ цѣпи или истреблять всѣхъ жителей, претендующихъ на неограниченное право сопротивленія»[1]).

Сообразно этому взгляду на войну и на права воюющихъ сторонъ, должно быть обсуждаемо юридическое положеніе всякаго рода партизанскихъ отрядовъ, волонтеровъ, добровольцевъ, охотниковъ, вольныхъ стрѣлковъ и, наконецъ, поголовное возстаніе (levée en masse) населенія занятаго непріятелемъ края.

Военная практика, установившаяся въ продолженіе нынѣшняго столѣтія, требуетъ отъ волонтеровъ соблюденія извѣстныхъ условій и извѣстной организаціи. Но этого мало. Можно привести много примѣровъ и фактовъ, не оставляющихъ никакого со-

[1]) *Sutherland Edwards*. The Germans in France, p. 153.

мнѣнія насчетъ того, что люди военные склонялись къ тому взгляду, что волонтеры – простые разбойники, не имѣющіе никакого права на защиту законовъ войны. Съ особенною энергіею проводилъ этотъ взглядъ Наполеонъ I. Онъ не признавалъ за мѣстнымъ населеніемъ никакого права составлять партизанскіе отряды.

Когда его братъ Іосифъ занялъ неаполитанскій престолъ, Наполеонъ I далъ ему въ руководство слѣдующее наставленіе: «Прочность вашего управленія зависитъ отъ того, каково будетъ ваше поведеніе въ завоеванной провинціи. Прикажите сжечь дюжину селеній, не желавшихъ покориться, само собою разумѣется, разрѣшивъ предварительно ихъ ограбить: мои солдаты должны получить свою долю. Прикажите въ каждомъ селѣ, приставшемъ къ возстанію, повѣсить отъ трехъ до шести человѣкъ; не щадите при этомъ духовный санъ! Припомните только, какъ я самъ распорядился въ Піаченцѣ и на Корсикѣ»[1]).

Такимъ взглядомъ постоянно руководился величайшій военный геній настоящаго вѣка. Во время войны на Пиренейскомъ полуостровѣ и въ Германіи Наполеонъ неоднократно объявлялъ, что поселяне, взятые съ оружіемъ въ рукахъ, не могутъ считаться военноплѣнными, но подлежатъ смертной казни. Начальника и членовъ германскаго партизанскаго отряда Люцова онъ приказалъ сковать попарно въ кандалы. Въ 1810 году французскій маршалъ Ожеро издалъ въ Испаніи прокламацію, на основаніи которой всякій *вооруженный* крестьянинъ подлежалъ повѣшенію. Съ этою цѣлью маршалъ приказалъ поставить висѣлицы по всѣмъ главнѣйшимъ дорогамъ[2]). Когда

[1]) См. «*Deutsche Rundschau*». December 1877, S. 464.

[2]) *Napier*. Histoire de la guerre dans la Péninsule t. V, p. 173.

лордъ Веллингтонъ, въ 1814 году, двинулъ свои войска въ южную Францію и узналъ, что нѣкоторыя французскія деревни готовятся къ возстанію въ союзѣ съ вольными стрѣлками, онъ немедленно обнародовалъ прокламацію, въ которой предупреждалъ населеніе, что согласенъ признать правильно воюющими только французскихъ солдатъ; поселяне же, застигнутые съ оружіемъ въ рукахъ, подлежатъ казни и ни въ какомъ случаѣ военноплѣнными считаться не будутъ[1]).

Совершенно въ такомъ же смыслѣ поступали союзныя правительства въ 1814 году во Франціи. Когда французскій генералъ Аликсъ призывалъ французовъ къ поголовному возстанію, князь Шварценбергъ, главнокомандующій союзными арміями, немедленно объявилъ, что мирное населеніе, не входящее въ составъ регулярныхъ французскихъ войскъ, должно оставаться спокойнымъ, иначе подвергнется самымъ строгимъ наказаніямъ[2]). Совершенно такія же прокламаціи были изданы другими союзными генералами: Блюхеромъ, Воронцовымъ и Бубна.

Изъ этихъ историческихъ фактовъ видно, что воюющія государства соглашались признавать права воюющей стороны только за организованными отрядами. Если граждане хотятъ сражаться и пользоваться льготами военноплѣнныхъ,—они обязаны входить въ составъ регулярныхъ войскъ. Но совершенно неразрѣшимыми представлялись тѣ случаи, когда подданные воюющаго государства, съ разрѣшенія правительства или безъ онаго, участвуютъ въ военныхъ дѣйствіяхъ самостоятельно и независимо отъ главнокомандующа-

---

[1]) *Droop*. On the relations between an invading army etc., p. 712.

[2]) *Schoell et Koch*. Histoire abrégée des traités de paix, t. X, p. 403.

го. Обязаны ли подобные волонтеры и партизаны имѣть какую-либо особенную форму? Имѣютъ ли вообще даже правильно организованные партизанскіе отряды право считаться такими же законными защитниками своей родины, какъ регулярныя войска?

Всѣ эти вопросы оставались неразрѣшенными вплоть до созванія брюссельской конференціи. До какой степени было неопредѣленно положеніе партизанскихъ отрядовъ, можно наглядно убѣдиться на фактахъ франко-германской войны. Германское военное начальство не только требовало, чтобы франтиреры были организованы и находились подъ начальствомъ отвѣтственнаго лица, но также, чтобы они входили въ составъ регулярной французской арміи или, по меньшей мѣрѣ, подвижной національной гвардіи[1]). Лицамъ, пойманнымъ съ оружіемъ въ рукахъ и не удовлетворяющимъ этимъ условіямъ, угрожала смерть чрезъ повѣшеніе или разстрѣляніе[2]).

Князь Бисмаркъ признавалъ преступленіемъ противъ германскихъ войскъ, что германскія военныя власти не разстрѣливали *всѣхъ* французскихъ вольныхъ стрѣлковъ, взятыхъ въ плѣнъ. «Наши люди», говаривалъ онъ въ Версали, «ловки при стрѣльбѣ, но не при разстрѣляніи. Слѣдовало бы всѣ деревни, въ которыхъ были совершены измѣнническія нападенія, немедленно поджечь и всѣхъ обывателей муж-

---

[1]) *Sutherland Edwards.* The Germans in France, p. 153, 207, 279.—*Rolin Jaequemyns* въ Revue de droit international 1871, p. 312.

[2]) Ужасныя сцены, происходившія при разстрѣляніи французскихъ вольныхъ стрѣлковъ, описаны въ «*Leipziger Tagblatt*», отъ 26-го октября 1870 г., гдѣ разсказывается, что германскій офицеръ, которому былъ отданъ приказъ разстрѣлять 25 стрѣлковъ, взятыхъ въ плѣнъ, до такой степени самъ былъ тронутъ сценою казни и мольбами о пощадѣ, что, по окончаніи экзекуціи, самъ, на мѣстѣ же, сошелъ съ ума.

скаго пола повѣсить!». Князь неоднократно досадовалъ, что вообще брали въ плѣнъ вольныхъ стрѣлковъ, для которыхъ онъ зналъ только одно наказаніе—пулю въ лобъ [1]). Онъ самъ сказалъ нѣсколькимъ захваченнымъ вольнымъ стрѣлкамъ: «Vous serez tous pendus, vous n'êtes pas soldats, vous êtes des assassins!».

Наконецъ, можно еще указать на прокламацію прусскаго наслѣднаго принца, отъ 17-го сентября 1870 года, въ которой объявляется о слѣдующемъ: въ каждомъ городѣ, въ каждой деревнѣ, въ которую вступаютъ германскія войска, всѣ жители отвѣчаютъ собственностью и жизнью, если хоть съ *однимъ* солдатомъ случится какое нибудь несчастіе вслѣдствіе измѣны или коварства. Командирамъ полковъ давалось широкое полномочіе на принятіе, въ подобныхъ случаяхъ, самыхъ строгихъ репрессивныхъ мѣръ. И дѣйствительно, много захваченныхъ въ плѣнъ французскихъ франтиреровъ было разстрѣляно, и милліоны франковъ были уплачены французскими городами и селеніями въ видѣ пени за подозрѣваемое потворство партизанамъ.

Поведеніе германскихъ военныхъ властей было признано общественнымъ мнѣніемъ нейтральныхъ европейскихъ государствъ крайне жестокимъ; въ особенности въ Англіи было указано на необходимость, немедленно по окончаніи войны заключить международную конвенцію съ цѣлію лучшаго охраненія правъ волонтеровъ и партизановъ [2]). Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что германское военное начальство имѣло слѣдующія основанія къ оправданію своихъ дѣйствій: 1) Военная практика требуетъ отъ

[1]) *Busch.* Graf Bismark und seine Leute, I, 71, 257, 304, 363; II, 170.

[2]) Срав. *Droop.* On the relations, p. 723.—*Quarterly Review*, April 1871, p. 493.

мирныхъ жителей непріятельской страны невмѣшательства въ войну, если они желаютъ пользоваться безопасностью. 2) Необходимо было отличать лицъ, дѣйствительно съ политическою и законною цѣлью принимавшихъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, отъ лицъ, пользовавшихся войною для преслѣдованія своихъ корыстныхъ и преступныхъ цѣлей. Наконецъ, 3) германское начальство могло ссылаться не только на прежніе примѣры изъ исторіи войнъ, но и на авторитетъ сѣверо-американскихъ полевыхъ инструкцій, которыя признаютъ партизанами «*солдатъ*, вооруженныхъ и носящихъ мундиръ своей арміи» (§ 81). Лица же или шайки, которыя «безъ уполномочія, не входя въ составъ организованной непріятельской арміи и безъ постояннаго участія въ войнѣ», совершаютъ непріязненныя дѣйствія и будутъ пойманы, не пользуются правами военноплѣнныхъ, «но должны быть судимы въ порядкѣ сокращеннаго (суммарнаго) судопроизводства, какъ разбойники (highway robbers) или пираты» (§ 82).

Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ война между Франціею и Германіею выдвинула на первый планъ вопросъ о судьбѣ защитниковъ отечества, желающихъ, въ качествѣ партизановъ, сослужить свою службу родинѣ. Вопросъ этотъ былъ предметомъ изученія со стороны такихъ дѣльныхъ юристовъ, какъ англичанинъ Друпъ и бельгіецъ Ролэнъ-Жакмэнъ. Оба они сходились въ томъ, что партизанскіе отряды должны подчиняться извѣстнымъ условіямъ: имѣть разрѣшеніе своего правительства на участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, соблюдать законы войны и отличаться какими нибудь внѣшними знаками отъ мирнаго населенія[1]).

[1]) *Droop.* On the relations between an invading army, p. 72.—*Rolin Jaequemyns* въ Revue de droit international, t. II, p. 308.—Срав.

Въ такомъ положеніи находился настоящій вопросъ до созванія нашимъ правительствомъ брюссельской конференціи, которая въ проектѣ декларації (§§ 9, 10 и 11) разрѣшила его слѣдующимъ образомъ.

На основаніи 9-й статьи «военные законы, права и обязанности присвоиваются не только арміи, но также ополченіямъ и отрядамъ волонтеровъ, если послѣдніе соединяютъ въ себѣ нижеслѣдующія условія:

1) чтобы во главѣ ихъ находилось лицо, отвѣтственное за своихъ подчиненныхъ;

2) чтобы имъ было присвоено извѣстное форменное и, притомъ, легко различаемое отличіе;

3) чтобы они открыто носили оружіе, и

4) чтобы въ своихъ военныхъ дѣйствіяхъ строго подчинялись законамъ и обычаямъ войны».

Наконецъ, еще прибавлена оговорка, что «въ тѣхъ странахъ, гдѣ изъ ополченія образуется армія, или гдѣ оно составляетъ часть оной, ополченію присвоивается названіе арміи».

Эти постановленія брюссельской конференціи, какъ извѣстно, вызвали противъ себя цѣлую бурю, которою замѣчательно ловко воспользовалось англійское правительство. На всѣхъ перекресткахъ слышались крики о томъ, что брюссельская конференція ограничиваетъ права національной обороны; что она посягаетъ на самыя сокровенныя и святыя чувства гражданина; что она узаконяетъ право сильнѣйшаго, лишая слабаго всякой возможности защищать свою жизнь и честь!

Между тѣмъ, въ дѣйствительности, при внимательномъ изученіи только-что приведенной статьи брюссельской декларації, оказывается, что она: 1) пред-

---

Bluntschli. Völkerrecht, § 570.—*Dudley Field.* International Code, § 734—738.

ставляется значительнымъ шагомъ впередъ къ возвышенной цѣли обезпечить за волонтерами преимущества регулярныхъ войскъ, и потому 2) она не только не нарушаетъ и не ограничиваетъ народной обороны, но обезпечиваетъ за нею такія права, которыми она до сихъ поръ на дѣлѣ никогда не пользовалась. Никогда партизанскихъ отрядовъ не приравнивали къ регулярнымъ войскамъ, какъ это дѣлаетъ брюссельская декларація; никогда для волонтеровъ не выставляли болѣе гуманныхъ и удобоисполнимыхъ условій, какъ тѣ, которыя изчислены въ вышеприведенной 9-й статьѣ.

Замѣчательно, что ополченіе, созданное императоромъ Александромъ I, манифестомъ 6-го іюля 1812 года, для борьбы съ великою французскою арміею, какъ нельзя болѣе подходитъ подъ четыре условія, выставляемыя 9-ю статьею брюссельской декларации. Поселяне находились подъ начальствомъ дворянъ или старостъ, а городскіе обыватели—подъ командою городничихъ. Для всѣхъ была установлена опредѣленная форма; всѣ они должны были обучаться военному дѣлу и носить оружіе, и, наконецъ, наши ополченцы точно также обязаны были соблюдать законы войны. Точно также знаменитые партизанскіе отряды 1812 года, «созданные» княземъ Кутузовымъ, вполнѣ подходили подъ тѣ же условія[1]).

Наконецъ, что касается «народной войны» или поголовныхъ возстаній (levée en masse), то на брюссельской конференціи представители Бельгіи, Голландіи и Швейцаріи до такой степени восторгались войною неорганизованными массами и съ такимъ воодуше-

[1]) Ср. *Михайловскій-Данилевскій*. Описаніе Отечественной войны, т. I, стр. 151 и слѣд. Срав. *мою* статью: «Брюссельская декларація о законахъ и обычаяхъ войны» въ «*Военномъ Сборникѣ*», іюнь 1875 года, стр. 269 и слѣд.

вленіемъ возставали противъ всякаго ограниченія поголовщины, что необходимо было отказаться отъ мысли убѣдить ихъ въ томъ, что никогда и ни въ какія времена воюющій не будетъ относиться снисходительно къ возставшимъ, угрожающимъ его собственной безопасности и могущимъ отрѣзать его отъ операціонной базы. Между тѣмъ, одинъ какъ нельзя болѣе компетентный военный писатель доказываетъ неопровержимыми фактами, что ни въ Бельгіи, ни въ Голландіи, ни въ Швейцаріи съ рождества Христова не было поголовнаго возстанія[1]). Напротивъ, равнодушіе населенія Нидерландовъ, даже во время борьбы за освобожденіе, приводило не разъ въ отчаяніе великаго патріота и государственнаго дѣятеля—Вильгельма Оранскаго[2]).

Не менѣе интереснымъ представляется выводъ, который получается отъ изученія, безъ предвзятыхъ мыслей, исторіи другихъ «народныхъ войнъ» или поголовныхъ возстаній. Такъ, до сихъ поръ война испанцевъ противъ Наполеона I превозносится и выставляется какъ лучшее доказательство тому, что поголовщина дѣйствительно можетъ достигнуть великихъ результатовъ, и что нельзя не сочувствовать такого рода возстаніямъ и войнѣ народными, нестройными массами.

Но даже народная война на Пиренейскомъ полуостровѣ въ дѣйствительности наводитъ на совершенно другія мысли. Знаменитый англійскій военный исторіографъ Нэпиръ, участвовавшій въ этой войнѣ и написавшій классическое о ней сочиненіе, пришелъ къ слѣдующему выводу.

«Можетъ быть, и легко», говоритъ онъ, «поднять

---

[1]) *Général T...* (*Brialmont*). L'Angleterre et les petits Etats, p. 27.

[2]) *Motley*. Histoire de la révolution des Pays-Bas, t. II, p. 385.

народъ противъ непріятеля, намѣревающагося занять его территорію; но направить возбужденную энергію—задача чрезвычайно трудная. Если въ выборѣ средствъ будетъ сдѣлана ошибка,—въ итогѣ получится больше вреда, чѣмъ пользы. Мнѣніемъ всѣхъ свѣдущихъ лицъ, въ какой бы партіи они ни принадлежали, признано то, что развитіе и направленіе этой партизанской войны было неправильно: исторія не можетъ о ней иначе отзываться, если она не желаетъ преподавать потомству ошибочныхъ наставленій». Задача хорошаго полководца, по убѣжденію Нэпира, состоитъ не въ томъ, чтобы возбуждать народныя страсти противъ непріятеля, но въ томъ, чтобы организовать правильнымъ образомъ оборону и устроить ее на основаніи одной системы, которая, обнимая собою всѣ классы народа и всѣ физическія и нравственныя его силы, служила бы средствомъ для приведенія въ дѣйствіе плана, задуманнаго главнокомандующимъ.

«Дѣйствовать иначе», утверждаетъ Нэпиръ, «значитъ признаваться въ своемъ безсиліи и сказать, что правительство, чувствуя себя неспособнымъ управлять своими дѣлами, допускаетъ анархію». При партизанской войнѣ «господствуетъ полнѣйшее своеволіе, и ни частныя лица, ни ихъ собственность, ни распоряженія правительства не уважаются нисколько».

«И такой порядокъ вещей,» восклицаетъ англійскій писатель, «превозносится нѣкоторыми политиками, какъ лучшее и наиболѣе надежное средство обороны!»[1]).

Какъ замѣчательно удачно опровергаются этими

[1]) *Napier.* Histoire de la guerre dans la Péninsule, t. I, p. 59, 208, 210, 217; t. IV, p. 53, 81; t. V, p. 13, 16. 286, 295; t. VII. p. 371; t IX p. 393; t. X, p. 116.

остроумными замѣчаніями англійскаго военнаго писателя начала нынѣшняго столѣтія возраженія, приведенныя англійскимъ правительствомъ въ 1875 году противъ постановленій брюссельской конференціи! Какъ вѣрно оцѣнилъ императоръ Александръ I значеніе народной войны въ 1812 году, когда онъ принялъ всѣ мѣры для организаціи народнаго ополченія, исходя изъ того убѣжденія, что «доколѣ оно не было приготовлено, доколѣ войска непріятельскія находились въ полной крѣпости, въ превосходнѣйшемъ числѣ, не изнурились продолжительными маршами, не разстроились въ своемъ составѣ сраженіями, усталостью, болѣзнями, до тѣхъ поръ вѣроятіе успѣховъ было на сторонѣ Наполеона», и до тѣхъ поръ народная война принесла бы «больше зла, чѣмъ добра»[1]).

Другими словами, поголовное возстаніе можетъ принести пользу только при извѣстной военной организаціи и будетъ губительно только для непріятеля пораженнаго, разбитаго и отступающаго. Сильная оккупаціонная армія всегда относилась съ крайнимъ ожесточеніемъ къ попыткамъ возстанія со стороны населенія края, не сопротивлявшагося занятію и покорившагося хотя бы безмолвно и принужденно. Но возможны ли вообще при современныхъ условіяхъ, при небываломъ развитіи путей сообщенія и колоссальныхъ арміяхъ, всеобщія поголовныя возстанія— это вопросъ, разрѣшить который мы считаемъ себя некомпетентными. Бельгійскій генералъ Бріальмонъ убѣжденъ, что они невозможны, и результатъ войны, организованной съ замѣчательною энергіею Гамбеттою послѣ седанскаго погрома, подтверждаетъ это

[1]) *Михайловскій-Данилевскій.* Описаніе Отечественной войны 1812 года, т. I, стр. 152.

мнѣніе. Французскій же маршалъ Сенъ-Сиръ, на основаніи собственнаго опыта во время испанской войны, совѣтуетъ каждому правительству никогда не компрометтировать судьбу мирнаго и безоружнаго населенія на полѣ битвы[1]).

Спрашивается теперь: какъ взглянула брюссельская конференція на поголовныя возстанія?

Отвѣтъ даетъ ст. 10-я брюссельской декларації: «населеніе незанятой территоріи, которое, въ виду приближенія непріятеля, добровольно вооружится для отраженія нападающаго войска, и которое не имѣло еще времени организоваться, согласно ст. 9, должно быть признаваемо воюющею стороною, подъ условіемъ соблюденія законовъ и обычаевъ войны».

Это постановленіе, очевидно, совершенно не касается населенія уже занятаго края, возстающаго съ оружіемъ въ рукахъ. Этотъ пробѣлъ объясняется желаніемъ нѣкоторыхъ членовъ конференціи облегчить участь возставшихъ, не опредѣляя заранѣе этой участи и ожидающихъ ихъ военно-уголовныхъ каръ. Сомнѣваемся, чтобы это умолчаніе дѣйствительно имѣло такое благотворное послѣдствіе и помѣшало бы воюющему воспользоваться обширными правами, предоставленными ему современными законами войны. Казалось бы, что, наоборотъ, гораздо болѣе въ интересахъ возставшаго населенія опредѣлить его положеніе и ограничить, насколько возможно, права оккупаціонной арміи.

Что же касается населенія незанятой территоріи, то статья 10-я предоставляетъ ему такое обширное право самообороны, которымъ оно до настоящаго времени никогда не пользовалось. Если даже организованные партизанскіе отряды не пользовались правами

---

[1]) *Napier.* Histoire de la guerre dans la Péninsule, t. V, p. 18.

воюющей стороны и наказывались какъ шайки разбойниковъ, то тѣмъ меньше войска были склонны оказывать снисхожденіе неорганизованнымъ народнымъ массамъ, сопротивляющимся имъ съ оружіемъ въ рукахъ. Между тѣмъ, брюссельская конференція желала предоставить народной оборонѣ такія преимущества, въ которыхъ ей постоянно отказывали воюющія державы. Стоитъ только народонаселенію возстать и выказать рѣшимость умереть вмѣстѣ съ войсками за отечество, чтобы обезпечить за собою права и преимущества воюющихъ сторонъ. Когда и гдѣ неорганизованныя народныя массы пользовались во время войны одинаковыми съ войсками правами?

Имѣя въ виду вышеизложенныя соображенія, Институтъ международнаго права имѣлъ полное основаніе утверждать, что брюссельская декларація «ни въ чемъ не ограничиваетъ самую энергическую національную оборону со стороны массы вооруженнаго народонаселенія». Напротивъ, она придаетъ болѣе дѣйствительности этой оборонѣ[1]).

О томъ, насколько неорганизованныя народныя массы дѣйствительно въ состояніи принести пользу отечеству, насколько исторія парижской коммуны должна служить вѣчнымъ напоминаніемъ той истины, что легче раздавать оружіе, чѣмъ отбирать его,—легко можно судить въ виду вышеизложенныхъ фактовъ.

Посмотримъ теперь, насколько вышеприведенныя постановленія брюссельской конференціи получили примѣненіе во время послѣдней войны съ Турціею.

Если внимательно разсмотрѣть факты, сюда относящіеся и сдѣлавшіеся извѣстными путемъ печати, то, сколько намъ кажется, русскія военныя власти приняли слѣдующій образъ дѣйствій въ отношеніи населенія занятаго края.

---

[1]) *Annuaire de l'Institut de droit international*, 1877, p. 135.

Если въ составъ мѣстнаго населенія входили христіане, то само собою разумѣется, что русскія войска имѣли полное право разсчитывать на ихъ содѣйствіе и гостепріимство, но никакъ не на сопротивленіе. Такъ оно и было въ дѣйствительности. Христіанская часть населенія занятыхъ русскими войсками турецкихъ провинцій повсюду, вообще говоря, принимала ихъ съ восторгомъ и не только не думала о сопротивленіи, но, по свидѣтельству нѣкоторыхъ корреспондентовъ, даже не упускала случая поживиться насчетъ казны своихъ великодушныхъ освободителей. Русскія войска, какъ извѣстно, платили освобожденнымъ болгарамъ за всѣ взятые отъ нихъ припасы и предметы.

Въ иномъ положеніи находились наши войска къ мусульманскому населенію, которое питало къ нимъ только фанатическую ненависть, неоднократно обнаруживавшуюся въ нападеніяхъ на отдѣльныхъ солдатъ или незначительные отряды.

«Когда русскія колонны», пишетъ изъ Тырнова корреспондентъ вѣнской газеты «*Presse*», отъ 18-го (30-го) іюля 1877 г., «приближаются къ турецкой деревнѣ, еще не обезлюдѣвшей, турки имѣютъ обыкновеніе прятаться въ своихъ домахъ или припрятывать свое оружіе, имѣя въ виду обмануть непріятеля. Какъ скоро солдаты выйдутъ изъ деревни, по нимъ дѣлаютъ залпъ, принуждающій ихъ, конечно, воротиться и расправиться съ вѣроломными убійцами безъ всякаго милосердія. Ничего не можетъ быть ужаснѣе сраженія въ деревнѣ. Каждый домъ обнесенъ заборомъ, ни одна улица не идетъ прямо, и за каждою стѣною и каждымъ угломъ сидитъ непріятель, нападающій на противника съ тыла. Военному начальнику, который не хочетъ отдавать войска свои безжалостно на жертву,

ничего другаго не остается, какъ окружить деревню и перебить ея обывателей. Что за страшная война!»

«Въ русскаго капитана Розена», продолжаетъ корреспондентъ, «разъ десять стрѣляли съ тылу, не солдаты, но *поселяне*. Онъ, однако, не могъ рѣшиться сжечь деревни, за исключеніемъ только одного случая, когда ему пришлось примѣнить къ дѣлу военное право, вслѣдствіе того, что обыватели дали сперва мирныя завѣренія, а потомъ измѣнили своему слову. О башибузукахъ разсказываютъ, что они стрѣляютъ въ непріятеля на разстояніи двадцати шаговъ, а потомъ бросаютъ оружіе и скрещиваютъ руки, крича: «Аллахъ!» Во время одной рекогносцировки генералъ Леоновъ вдругъ услышалъ выстрѣлъ, поразившій сопровождавшаго его казака въ самое сердце. Выстрѣлъ этотъ былъ сдѣланъ по близости, съ дерева, башибузукомъ».

По словамъ вѣнской «Neue freie Presse», такія нападенія на русскихъ солдатъ совершались не только мужчинами, но и мусульманскими женщинами, дошедшими до изступленія[1]). Это обстоятельство, можетъ быть, объясняетъ нанесеніе женщинамъ ранъ, о которыхъ былъ поднятъ такой шумъ туркофильскою западно-европейскою прессою.

Случаи такого активнаго участія невоенной части населенія въ войнѣ приводятся также въ нѣкоторыхъ другихъ корреспонденціяхъ, но всегда сопротивленіе оказывалось со стороны мусульманской части населенія. Такъ, между прочимъ, при занятіи 17-го (29-го) января 1878 года Костендиля отрядомъ, подъ начальствомъ барона Мейендорфа, городскіе обыватели принимали самое дѣятельное участіе въ оборонѣ горо-

[1]) См. телеграмму изъ Вѣны отъ 30-го іюля 1877 г. въ «*Daily News*».

да. Наши солдаты были принуждены брать приступомъ многіе дома, въ которыхъ съ ожесточеніемъ оборонялись обыватели, и даже «женщины, вооруженныя саблями, съ остервененіемъ бросались на нашихъ солдатъ»[1]).

Само собою разумѣется, что въ случаѣ такихъ вѣроломныхъ нападеній на наши войска, мѣстные жители лишались всякаго права на пощаду. Стоитъ только припомнить судьбу французской деревни Базейль, во время франко-германской войны, чтобы знать какъ въ настоящее время воюющій обращается съ жителями, принимающими участіе въ борьбѣ между войсками[2]). Въ такихъ случаяхъ нельзя требовать отъ военныхъ властей и солдатъ уваженія къ личной неприкосновенности населенія. Такое право имѣетъ только *мирное* и *безоружное* населеніе, но не обыватели съ тылу подстрѣливающіе солдатъ или накидывающіеся съ остервененіемъ на вступающія войска. Нѣтъ сомнѣнія, что жители города, подвергнутаго непріятельскому нашествію, имѣютъ право оборонятьсся и принимать съ этою цѣлью участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, но они только на себя могутъ пенять, если при такихъ обстоятельствахъ, ихъ дома и жизнь подвергнутся всѣмъ случайностямъ войны. Выбить нападающихъ обывателей изъ домовъ представляется настолько же необходимымъ, насколько необходимо

---

[1]) См. телеграмму г. Милорадовича изъ Софіи отъ 21-го января 1878 г. въ «*С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*».

[2]) При взятіи баварцами селенія «Bazeilles» они, будто бы, бросали женщинъ и дѣтей въ горѣвшіе дома и безжалостно истребляли всѣхъ обывателей. Это утверждалъ герцогъ Фицъ-Джэмсъ въ письмѣ въ «*Times*» (отъ 15-го сентября 1870 г.). Произведенное прусаками слѣдствіе не подтвердило всѣхъ изложенныхъ въ письмѣ обстоятельствъ. Срав. «*Augsb. Allg. Zeitung*» отъ 21-го сентября 1870 г.

бомбардировать непріятельскую крѣпость до тѣхъ поръ, пока она не сдастся.

Слѣдовательно, на основаніи существующихъ обычаевъ войны и постановленій брюссельской конференціи, войска наши имѣли несомнѣнное право наказывать самымъ строжайшимъ образомъ мусульманъ, съ тылу или изъ засады стрѣлявшихъ по офицерамъ и солдатамъ. Точно также можно думать, что если бы они послѣдовали примѣру германскихъ военныхъ властей въ 1870 году и взыскивали не только съ непосредственно виновныхъ, но также съ обывателей той мѣстности, гдѣ такого рода нападенія совершались, то, можетъ быть, дерзость башибузуковъ не дошла бы до того, чтобы днемъ съ дерева стрѣлять въ начальника близь стоящаго отряда и его свиту. Едва ли въ продолженіи всей германо-французской войны возможенъ былъ такой случай, чтобы въ одного и того же офицера стрѣляли изъ деревни съ тылу «*разъ десять*», и онъ не сжегъ бы при первомъ же выстрѣлѣ этой деревни за такое вѣроломство.

Напротивъ, тѣ немногія свѣдѣнія, которыя имѣются о репрессивныхъ мѣрахъ, принимаемыхъ въ подобныхъ случаяхъ нашими военными властями, указываютъ на слѣдующія два обстоятельства: во-1-хъ, имъ было запрещено, безъ особеннаго разрѣшенія высшаго начальства, прибѣгать къ репрессаліямъ, и во-2-хъ, онѣ убѣдились, что лучшимъ средствомъ для разоруженія фанатическихъ турокъ является милосердное и гуманное съ ними обращеніе. Что дѣйствительно послѣднее соображеніе руководило нашими военными властями и войсками доказываетъ весь ходъ военныхъ дѣйствій и всѣ вышеизложенныя мѣры. Эта гуманность иногда переходила границы того, чего требуютъ современные обычаи и законы войны, но, во всякомъ случаѣ она предупредила еще

большее ожесточеніе воюющихъ сторонъ и вселяла въ населеніи занятаго непріятельскаго края чувство уваженія къ русскимъ, относившимися къ нему съ большею добротою, чѣмъ вѣчно алчное турецкое правительство. Послѣдняя война всегда послужитъ разительнымъ доказательствомъ того, что строго-законный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, человѣколюбивый образъ дѣйствія оккупаціонной арміи лучше обезпечитъ ея безопасность и интересы, нежели драконовская строгость и неумолимое примѣненіе права войны.

Такое же гуманное обращеніе русскихъ войскъ обнаруживается въ отношеніи такъ-называемыхъ турецкихъ волонтеровъ, вызванныхъ турецкимъ правительствомъ изъ Малой Азіи для борьбы противъ цивилизованной христіанской арміи. Къ числу такихъ волонтеровъ само турецкое правительство относило зейбековъ, которые живутъ въ Малой Азіи близь Смирны и Аидины, занимаясь постояннымъ разбойничествомъ. «Будучи спокойны и добродушны», пишетъ одинъ корреспондентъ[1]), «пока получаютъ то, чего хотятъ, зейбеки берутся за оружіе для пріобрѣтенія силою того, чего не даютъ имъ добровольно». Въ самомъ Константинополѣ и въ его окрестностяхъ зейбеки совершали, до отправленія на театръ войны, такія нападенія и насилія, что само турецкое правительство выразило желаніе отобрать у нихъ оружіе.

Но оно не посмѣло этого сдѣлать и само отказалось отъ намѣренія привести въ исполненіе свое рѣшеніе.

Если эти турецкіе «волонтеры» такъ безчинствовали въ самой турецкой столицѣ, то можно себѣ представить каково было ихъ поведеніе на театрѣ воен-

---

[1]) «*Magdeburger Zeitung*», корреспонденція изъ Константинополя отъ 9-го (21-го) іюня 1877 года.

ныхъ дѣйствій. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что не только раненые русскіе, но даже ихъ трупы подвергались самымъ возмутительнымъ надругательствамъ. Зейбеки, башибузуки, черкесы, курды и регулярныя турецкія войска дѣйствовали, въ этомъ отношеніи, за одно. Между тѣмъ, тѣ же зейбеки, башибузуки, черкесы и курды брались также въ плѣнъ на равнѣ съ солдатами регулярной турецкой арміи, и пользовались въ имперіи правами военноплѣнныхъ, вмѣсто того, чтобы быть судимы, какъ разбойники и преступники. Рѣдко заслуженная кара постигала «зейбековъ-волонтеровъ», башибузуковъ, черкесовъ и курдовъ. Ни тѣхъ, ни другихъ, «волонтерами или партизанами» считать нельзя, потому что они были, по отзыву всѣхъ безпристрастныхъ свидѣтелей, закоренѣлыми злодѣями и было бы смѣшно примѣнять къ нимъ постановленія брюссельской декларації относительно партизанскихъ отрядовъ или волонтеровъ.

Въ отношеніи же русской арміи эти постановленія также не получили примѣненія, потому что русскихъ партизанскихъ отрядовъ, въ продолженіе послѣдней войны, не было. Вся русская дѣйствующая армія составляла одно органическое цѣлое, одна половина котораго дѣйствовала на Балканскомъ полуостровѣ; другая—на азіятскомъ театрѣ войны. Что же касается «болгарской дружины», то она находилась подъ начальствомъ русскихъ офицеровъ и входила въ составъ русской дѣйствующей арміи.

Вотъ насколько постановленія брюссельской конференціи объ ополченіяхъ, отрядахъ волонтеровъ и поголовномъ возстаніи народонаселенія, получали примѣненіе въ продолженіе послѣдней войны. Въ отношеніи Турціи, они могли быть примѣняемы только къ турецкой регулярной арміи; да и она не вполнѣ исполняла вышеприведенныя четыре условія о закон-

номъ пользованіи правами воюющей стороны. Турецкія регулярныя войска, не имѣя понятія о четвертомъ условіи, требующаго строгаго подчиненія, въ военныхъ дѣйствіяхъ, законамъ и обычаямъ войны, никогда не соблюдали его. Русское государственное ополченіе, созданное въ примѣненіе въ постановленіямъ брюссельской декларації, не только не было вызвано на театръ войны, для котораго оно собственно и не предназначалось, но даже не было собрано въ самой имперіи для отправленія мѣстной службы; такъ что четыре условія брюссельской декларації въ полномъ объемѣ могли получить примѣненіе къ русской арміи и вполнѣ ею соблюдались.

Наконецъ, остается замѣтить, что въ этомъ отдѣлѣ брюссельской декларації, въ которомъ рѣшается вопросъ: кого должно считать воюющею стороною, говорится, что «вооруженныя силы воюющихъ сторонъ могутъ состоять изъ сражающихся и не сражающихся (combattants et non combattants). Въ случаѣ взятія въ плѣнъ, какъ тѣ, такъ и другіе, должны пользоваться правами, предоставленными военноплѣннымъ». (§ 11).

Это постановленіе объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что при дѣйствующихъ арміяхъ всегда находится значительное число лицъ, которыя не имѣютъ своимъ назначеніемъ активное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. Сюда относится: военно-медицинскій персоналъ, священнослужители, интендантскіе чиновники, чины полеваго суда и всѣ вообще гражданскіе чиновники, слѣдующіе за арміею. Точно также сюда можно отнести поставщиковъ всевозможныхъ предметовъ, маркитантовъ и даже корреспондентовъ газетъ и журналовъ, получившихъ разрѣшеніе слѣдовать при арміи и присутствовать при военныхъ дѣйствіяхъ. Всѣ эти лица сражающимися, разумѣется, считаться не могутъ и не участіе въ войнѣ, цѣль ихъ

пребыванія въ арміи, но слѣдуя, вмѣстѣ съ арміею, они отчасти подвергаются опасностямъ войны и могутъ попадать въ плѣнъ къ непріятелю.

Особенное положеніе въ средѣ этихъ некомбатантовъ занимаютъ врачи и, вообще, весь медицинскій персоналъ, согласно женевской конвенціи, къ разсмотрѣнію которой мы обратимся въ слѣдующей главѣ.

Здѣсьже не излишне будетъ сказать нѣсколько словъ о положеніи *корреспондентовъ* при дѣйствующихъ русскихъ арміяхъ. По мнѣнію многихъ военныхъ, присутствіе корреспондентовъ на театрѣ войны, совершенно излишне и часто даже вредно, потому что погоня за новостями заставляетъ ихъ разглашать такія вещи, которыя сильно могутъ компрометтировать успѣхъ военныхъ операцій. Во время франко-германской войны въ корреспондентахъ газетъ германскія военныя власти видѣли такихъ же «Schlachtenbummler», какими были всѣ праздныя лица, всѣми силами старавшіяся ради сильныхъ ощущеній выхлопотать себѣ повязку съ «Краснымъ Крестомъ» и такимъ образомъ имѣть право слѣдовать за арміею. Германское военное начальство, отлично понимая силу гласности и общественнаго мнѣнія въ настоящее время, не только допускало въ лагерь корреспондентовъ всевозможныхъ газетъ, но всѣми мѣрами старалось направить общественное мнѣніе какъ Германіи, такъ и всей Европы, на путь наиболѣе согласный съ видами германской политики. При графѣ Бисмаркѣ находился особый чиновникъ для составленія статей опровергавшихъ ложные слухи о германскихъ войскахъ и распространявшихъ по Европѣ извѣстія согласныя съ его цѣлями[1]). Сверхъ того, знаменитый

[1]) Докторъ *Буш*, авторъ неоднократно цитированной нами книги «Graf Bismark und seine Leute» былъ такимъ особымъ чиновникомъ. Но не онъ одинъ дѣйствовалъ, подъ руководствомъ графа, въ этомъ направленіи.

германскій политикъ, не питающій, кажется, особенно нѣжной любви къ періодической печати, не брезгалъ поддерживать постоянныя дружескія отношенія съ такими органами европейской прессы, какъ лондонскій «Times».

Въ продолженіи послѣдней войны и, притомъ, съ самаго ея начала, при русскихъ арміяхъ также находились корреспонденты, какъ русскихъ такъ и иностранныхъ газетъ. Условія ихъ допущенія были слѣдующія.

Разрѣшеніе состоять при арміи давалось безразлично корреспондентамъ какъ газетъ дружескихъ и безпристрастныхъ къ Россіи, такъ и завѣдомо-враждебныхъ. «Для управленія арміи», говоря словами «Летучаго Военнаго Листка» (№ 31), «было важно то, чтобы общество знало истину, которую конечно не было и нѣтъ причинъ скрывать». Но если бы были допущены только одни корреспонденты дружественныхъ Россіи газетъ, то извѣстія съ театра войны, сообщенныя ими, весьма скоро лишились бы въ глазахъ общественнаго мнѣнія всякаго кредита, и цѣль оставалась бы совершенно недостигнутою. На этомъ основаніи было рѣшено, что не газета, а личность корреспондента должна быть рекомендована управленію особами, заслуживающими полнаго довѣрія. Отъ корреспондента требовалось соблюденіе слѣдующихъ двухъ условій: во 1-хъ «не сообщать никакихъ свѣдѣній о расположеніи, числительности и передвиженіи войскъ, а также планахъ предстоящихъ дѣйствій; во 2хъ, пріѣзжая въ какой-либо отрядъ, испрашивать предварительное разрѣшеніе старшаго начальника остаться при немъ и немедленно удаляться, если начальникъ, по военнымъ соображеніямъ, признаетъ присутствіе корреспондентовъ при отрядѣ неудобнымъ» [1]).

[1]) «*Летучій Военный Листокъ*», № 31.

Эти условія корреспонденты обязывались своимъ честнымъ словомъ исполнять во все время пребыванія въ арміи. Никакой цензурѣ корреспонденты подчинены не были, и письма ихъ читались только по напечатаніи. Въ знакъ полученнаго отъ военнаго начальства разрѣшенія состоять при арміи корреспонденты получали отъ полковника Глазенкампфа, назначеннаго для завѣдыванія этою частью—повязку на рукавъ и свидѣтельство на право полученія лошадей, экипажа и прислуги. Кромѣ этой повязки, корреспондентъ былъ обязанъ всегда имѣть при себѣ свой фотографическій портретъ, засвидѣтельствованный полковникомъ Глазенкампфомъ.

Исполненіе этихъ условій было обязательно для всѣхъ безъ исключенія корреспондентовъ. Имъ подчинялись какъ корреспонденты враждебныхъ Россіи англійской газеты «The Standard», или вѣнской «Neue freie Presse», такъ и корреспонденты русскихъ газетъ. Только для послѣднихъ было установлено впослѣдствіи правило, не распространявшееся на корреспондентовъ иностранныхъ газетъ.

Приказомъ по войскамъ дѣйствующей арміи отъ 7-го ноября 1877 года было объявлено слѣдующее: «Государь Императоръ, по поводу появляющихся въ русскихъ газетахъ корреспонденцій изъ арміи съ весьма недоброжелательнымъ и вреднымъ направленіемъ, высочайше повелѣть соизволилъ: постановить на время войны правиломъ, чтобы всѣ корреспонденціи и статьи, до войны касающіяся, были всегда подписываемы полнымъ именемъ автора». Вмѣстѣ съ тѣмъ главнокомандующій дѣйствующею арміею призналъ необходимымъ объявить, что если въ мирное время чинамъ военнымъ и гражданскимъ запрещается писать въ какія бы то ни было періодическія изданія, не представивъ своихъ статей на предва-

рительное разсмотрѣніе начальства, то тѣмъ болѣе строго долженъ быть исполненъ этотъ законъ въ военное время. Въ виду же случившихся нарушеній его всѣмъ напоминается приказомъ этотъ законъ, съ предупрежденіемъ, что за нарушеніе его не только непосредственно виновные, но и начальствующія лица, которымъ они подчинены, будутъ подвергаемы отвѣтственности, хотя бы сами статьи или корреспонденціи ничего предосудительнаго въ себѣ не заключали [1]).

Отъ корреспондентовъ иностранныхъ газетъ не требовалось подписанія ихъ имени подъ корреспонденціями, но военному начальству не трудно было, въ случаѣ надобности, немедленно узнать автора корреспонденціи, вызвавшей его неудовольствіе. Подтвержденіемъ служитъ исторія съ г. Бойлемъ, корреспондентомъ газеты «The Standard», изгнаннаго изъ русскаго лагеря, послѣ четырехмѣсячнаго пребыванія при арміи, за письмо отъ 24-го августа, въ которомъ онъ позволилъ себѣ «съ крайнимъ недоброжелательствомъ» говорить о русской арміи [2]). Это былъ, кажется, единственный примѣръ принятія такой крутой мѣры противъ корреспондента, допущеннаго въ нашу армію.

Вообще всѣ корреспонденты пользовались не только защитою русскихъ властей и законовъ, въ случаѣ нарушенія ихъ правъ [3]), но получали также русскіе знаки отличія за оказанныя ими, во время сты-

---

[1]) *«Летучій Военный Листокъ»*, № 55.

[2]) См. любопытный разговоръ полковника Газенкампфа съ мистеромъ Бойлемъ въ № 31 *«Летучаго Военнаго Листка»*.

[3]) См. въ № 32 того же изданія приговоръ военнаго уголовнаго суда, на основаніи котораго ефрейторъ Лазнюкъ приговаривается къ разстрѣлянію за нападеніе на г. Поньона, корреспондента *«Агентства Гаваса»*.

чекъ съ непріятелями, храбрость и неустрашимость. Наконецъ, вообще говоря, всѣ они постоянно отзываются съ признательностью о радушномъ гостепріимствѣ нашихъ войскъ, какъ офицеровъ, такъ и солдатъ. Но это нисколько не помѣшало такимъ дружественнымъ Россіи корреспондентамъ, какъ Форбсъ и Макъ-Гаханъ, высказывать иногда въ своихъ корреспонденціяхъ горькую правду и относиться критически къ управленію военными операціями русской арміи [1]).

Выяснивъ положеніе корреспондентовъ газетъ въ русскомъ лагерѣ, слѣдовало бы опредѣлить положеніе этихъ некомбатантовъ въ средѣ турецкой арміи, но достаточно опредѣленныхъ свѣдѣній по этому предмету мы не имѣемъ. Вышеприведенная корреспонденція «Times» и нота сэра Ляйарда отъ 27-го іюля 1877 года, обвиняющія турецкое правительство въ поддѣлкѣ подписей иностранныхъ корреспондентовъ и въ организованной фабрикаціи ложныхъ извѣстій, распространяемыхъ при посредствѣ подкупленныхъ корреспондентовъ, даютъ намъ возможность знать взглядъ самой Порты на этихъ лицъ. Кажется, что корреспонденты допускались въ турецкій лагерь и могли тамъ держаться только при двухъ условіяхъ: или они должны были имѣть весьма сильныхъ покровителей, или же, согласиться продать свою совѣсть и сообщать только то, что пріятно будетъ турецкому правительству. Такой правдивый корреспондентъ, какъ англичанинъ Норманъ, не былъ изгнанъ Мухтаромъ-пашею изъ лагеря, по всей вѣроятности, только потому, что былъ корреспондентомъ «седьмой великой державы» — «Times», и пользовался покровительствомъ генерала сэра Арнольда Кэмбалля, игравшаго далеко

[1]) Срав., напр., корреспонденцію Макъ-Гахана отъ 19-го августа 1877 года въ «*Daily News*».

не послѣднюю роль въ турецкой кампаніи, въ Арменіи. Наоборотъ, корреспонденты такихъ туркофильскихъ органовъ западно-европейской печати, какъ, напримѣръ, вѣнская «Neue freie Presse», не могли не воспѣвать хвалебныхъ гимновъ турецкому правительству и гуманному образу дѣйствій турецкихъ башибузуковъ.

Noblesse oblige!..

III.

Къ законнымъ средствамъ войны принадлежатъ далѣе, безъ сомнѣнія, *осада* и *бомбардированіе* непріятельскихъ укрѣпленій. Воюющія стороны всегда пользовались этимъ средствомъ, съ цѣлью сломить сопротивленіе противника. Но, не смотря на древность этого средства войны, не смотря на то, что оно узаконено установившимися обычаями войны, все-таки до послѣдняго еще времени возникали весьма серьозныя недоразумѣнія между воюющими сторонами, какъ относительно обязательности этихъ обычаевъ, такъ и существа ихъ.

Въ продолженіе франко-германской войны 1870 г. осада и бомбардированіе возбуждали весьма ожесточенныя препирательства между обоими воюющими. Они обвиняли другъ друга въ бомбардированіи открытыхъ и неукрѣпленныхъ городовъ. Они совершенно расходились въ пониманіи обязанностей осаждающаго войска въ отношеніи жителей осаждаемаго города. По мнѣнію французскаго правительства, начальникъ осаждающаго войска обязанъ: во 1-хъ, до начала бомбардированія извѣстить о томъ коменданта крѣпости; во 2-хъ, пропускать чрезъ свои линіи изъ города женщинъ, дѣтей и старцевъ, желающихъ спастись отъ ужасовъ осады и бомбардированія; въ 3-хъ, обстрѣливать только крѣпостныя сооруженія, но ни-

какъ не внутреннія части города. Наконецъ, французское правительство протестовало самымъ энергическимъ образомъ противъ бомбардированія Парижа, имѣющаго населеніе до двухъ милліоновъ человѣкъ [1]).

Нѣтъ сомнѣнія, что большая часть претензій французскаго правительства не выдерживала ни малѣйшей критики съ точки зрѣнія современныхъ обычаевъ войны. Если французы желали предупредить бомбардированіе Парижа, имъ не слѣдовало окружать свою блестящую столицу страшными укрѣпленіями и защищать ихъ стотысячною арміею. Если французское правительство національной обороны взывало къ общественному мнѣнію Европы, то, съ другой стороны, графъ Бисмаркъ, будучи въ Версали, открыто высказывалъ свое неудовольствіе по поводу «гуманности» германскихъ военныхъ властей, долго не рѣшавшихся бомбардировать осаждаемый, въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, всемірный городъ [2]). Если французы требовали, чтобы обстрѣливанію подвергались только самыя укрѣпленія, то, съ другой стороны, нѣмцы утверждали, что комендантъ осаждаемаго Страсбурга Урихъ, бомбардируя и разрушая беззащитный и открытый городъ Кэль, лежащій на нѣмецкомъ берегу Рейна, нарушилъ всѣ законы войны. Для вознагражденія потерпѣвшихъ отъ бомбардированія жителей Кэля, генералъ Вердеръ, начальникъ осаднаго войска у Страсбурга, наложилъ на жителей Эльзаса военную контрибуцію, соотвѣтствующую понесеннымъ этими жителями убыткамъ. Если французскіе коменданты Страсбурга и Тіонвилля утверждали, что отказъ начальниковъ осад-

[1]) *Rolin-Jaequemyns* въ Revue de droit international, t. III, p. 298 et suiv.

[2]) *Busch.* Graf Bismark und seine Leute, Bd. II, S. 76 u. flg.

ныхъ германскихъ войскъ выпустить изъ осаждаемаго города женщинъ и дѣтей есть варварство, не допускаемое современными обычаями войны, то, напротивъ, германскія военныя власти утверждали, что присутствіе въ городѣ женщинъ и дѣтей скорѣе заставитъ комендантовъ сдаться, такъ какъ не всѣ имѣютъ настолько крѣпкіе нервы, чтобы устоять предъ воплемъ, криками отчаянія и слезами мирныхъ жителей обстрѣливаемаго города. Впрочемъ, благодаря вмѣшательству швейцарскаго правительства, генералъ Вердеръ согласился выпустить изъ Страсбурга больше 4000 женщинъ и дѣтей.

Опытъ франко-германской войны имѣлся въ виду членами брюссельской конференціи при опредѣленіи установленныхъ обычаевъ и законовъ войны относительно бомбардированія и осады. Выставленныя конференціею начала не разрѣшаютъ всѣхъ затрудненій и не предупреждаютъ всѣхъ препирательствъ; но, во всякомъ случаѣ, можно надѣяться, что если эти правила получатъ обязательную силу, то меньше будетъ затрудненій въ опредѣленіи правъ и обязанностей осадныхъ войскъ и рѣже будутъ возникать препирательства, не легко поддающіяся въ настоящее время разрѣшенію, благодаря полному разногласію обѣихъ воюющихъ сторонъ относительно существующихъ въ этомъ вопросѣ обычаевъ и законовъ войны.

Статьи 15—18 проекта брюссельской декларації опредѣляютъ слѣдующимъ образомъ, законы войны относительно осады и бомбардированія.

«Только одни укрѣпленныя мѣста могутъ подлежать осадѣ. Открытые и незащищенные города, поселенія и деревни не подлежатъ ни атакѣ, ни бомбардированію» (ст. 15).

Командующій осаждающими войсками, раньше чѣмъ приступить къ бомбардированію, «обязанъ принять

всѣ отъ него зависящія мѣры къ предупрежденію городскихъ властей о своемъ намѣреніи, исключая случаевъ, когда онъ имѣетъ въ виду сдѣлать нападеніе врасплохъ» (ст. 16).

«Во время бомбардированія должно принимать всѣ зависящія мѣры для пощады, по возможности, церквей, художественныхъ, научныхъ и человѣколюбивыхъ сооруженій, госпиталей и другихъ пунктовъ, назначенныхъ для сбора больныхъ и раненыхъ, *если только послѣдніе не употребляются въ то же время и для достиженія какихъ либо военныхъ цѣлей*». (ст. 17).

Осажденные должны обозначить эти сооруженія особыми видимыми знаками и заблаговременно указывать на нихъ непріятелю.

Наконецъ, «городъ, взятый приступомъ, не можетъ быть отданъ на разграбленіе войскамъ» (ст. 18).

Эти постановленія даже англичане признали весьма гуманными и составляющими шагъ впередъ на пути къ ограниченію бѣдствій войны, но въ то же время высказали сомнѣніе въ ихъ практичности, находя, что исполненіе этихъ условій иногда невозможно и слишкомъ опасно для осаждающихъ войскъ [1]). Такія опасенія лишены всякаго основанія.

Нельзя было не считать и до брюссельской конференціи закономъ войны запрещеніе бомбардировать незащищенныя мѣста и селенія, потому что только варварствомъ и духомъ разрушенія можно объяснить такое обстрѣливаніе и разрушеніе. Точно также, кромѣ германскаго юриста Гефтера, мы не знаемъ никого, защищающаго въ наше время законность разграбленія города взятаго приступомъ.

---

[1]) L'Institut de droit international, session de La Haye. 4-me Commission. Travaux préparatoires, p. 56.

Прежде въ этомъ видѣли лучшее вознагражденіе войскъ, но въ настоящее время, войска, сознающія свое нравственное достоинство, могутъ принять подобное «вознагражденіе» только какъ незаслуженное оскорбленіе.

Далѣе, брюссельская декларація, требуя чтобы командующій осаждающими войсками предупреждалъ о началѣ бомбардированія и щадилъ, насколько возможно, церкви, госпитали и вообще общественныя сооруженія въ осаждаемомъ городѣ, желала только дать удовлетвореніе просвѣщенной совѣсти и законнымъ желаніямъ цивилизованныхъ народовъ. Если принятіе этихъ постановленій предупредитъ хотя одно такое несчастіе, какъ гибель богатѣйшей страсбургской библіотеки, со всѣми ея неоцѣненными сокровищами, во время бомбардированія въ сентябрѣ 1870 года, то можно смѣло сказать, что брюссельская конференція оказала огромную услугу дѣлу цивилизаціи и культуры.

Но конференція не могла согласиться съ мнѣніемъ жителей города Антверпена, требовавшихъ, чтобы непріятельскіе выстрѣлы направлялись исключительно на укрѣпленія осаждаемаго города, но ни въ какомъ случаѣ не на внутреннія его части. Точно также остался недостаточно выясненнымъ вопросъ о правѣ командующаго осаждающимъ отрядомъ не выпускать изъ города женщинъ и дѣтей[1]). Если это право останется неограниченнымъ, то осуществленіе его можетъ привести къ самымъ ужаснымъ сценамъ. Во время народной войны въ Испаніи противъ Наполена I, изъ города Лериды, осаждаемаго маршаломъ Сюшэ, комендантъ выгналъ нѣсколько тысячъ «bouches inu-

[1]) См. «Les actes de la Conférence de Bruxelles, protocoles №№ II et III.

tiles» въ лицѣ женщинъ и дѣтей, встрѣченныхъ, по приказанію Сюшэ, французскими войсками картечью. Маршалъ имѣлъ полное основаніе предполагать, что удаленіе этихъ женщинъ и дѣтей только увеличитъ оборонительную силу города и затянетъ осаду, стоившую французамъ огромныхъ жертвъ. Во время послѣдняго карлистскаго возстанія въ Испаніи подобное избіеніе несчастныхъ жителей осаждаемой карлистами Пампелуны, было предупреждено только приближеніемъ войскъ короля Альфонса XII. Комендантъ Пампелуны желалъ изгнать 8,000 беззащитныхъ обывателей; начальникъ же карлистскихъ осадныхъ войскъ объявилъ, что ихъ не пропуститъ, но прогонитъ обратно[1]).

Совершенно справедливо замѣчаетъ талантливый бельгійскій публицистъ Ролэнъ Жакмэнъ, что удаленіе комендантомъ крѣпости ея обывателей есть скорѣе вопросъ внутренняго, государственнаго права, чѣмъ международнаго[2]), и едва ли можно требовать, чтобы командующій осаждающими войсками всегда соглашался на пропускъ чрезъ осадныя линіи жителей города, отъ скорѣйшаго завладѣнія котораго можетъ зависѣть не только судьба самихъ осадныхъ войскъ, но и исходъ всей войны. Свободный пропускъ «bouches inutiles» можетъ затянуть на неопредѣленное время осаду важнаго города и разстроить военныя соображенія, основанныя на скорѣйшемъ его завладѣніи. На этомъ основаніи едва ли когда либо воюющія державы согласятся принять на себя обязательство безусловно пропускать жителей осаждаемаго города, и, во всякомъ случаѣ, ни современное

[1]) *Landa.* El derecho de la guerra conforme á la moral, 1877, p. 86.

[2]) Срав. «Travaux préparatoires de la 4-me Commission de l'Institut de droit international» (Gand 1875), p. 59.

право войны, ни проектъ брюссельской декларацiи не обязываютъ командующаго осаждающими войсками пропускать обывателей осаждаемаго города и не запрещаютъ ему возвращать обратно тѣхъ изъ нихъ, которымъ удалось выйти изъ города.

Прилагая эти обычаи войны объ осадѣ и бомбардированiи къ событiямъ послѣдней войны между Россiею и Турцiею, мы необходимо приходимъ къ слѣдующимъ заключенiямъ:

Во-первыхъ. Сами турки не могутъ отрицать, что неоднократно и умышленно бомбардировали совершенно открытые русскiе города, которые не могли оказать ни малѣйшаго сопротивленiя. Въ самомъ началѣ войны турецкiй флотъ бомбардировалъ весь кавказскiй берегъ, разрушая не только такiе беззащитные города, какъ Сухумъ-Кале и Поти, но даже несчастныя деревни и селенiя[1]). Въ концѣ войны, въ декабрѣ 1877 года, турецкiе броненосцы, подъ начальствомъ извѣстнаго англичанина Гобарта-паши, безжалостно бомбардировали Ѳеодосiю, Анапу и Евпаторiю, т. е. города, совершенно незащищенные и открытые. Нельзя же считать защитою города какую нибудь батарею, устроенную на морскомъ берегу и снаряженную орудiями, совершенно безопасными для броненосцевъ. Но это нисколько не останавливало храбраго англiйскаго моряка подъ турецкою фескою; въ продолженiе трехъ часовъ онъ бросилъ въ Евпаторiю 150 бомбъ, разрушилъ 22 дома и мѣтко попадалъ въ густую массу бѣгущихъ изъ города женщинъ и дѣтей[2]). Русская батарея, устроенная на берегу, скоро перестала стрѣлять, видя полнѣйшую свою безпомощность. Этотъ подвигъ былъ совершенъ

[1]) The war correspondence of the «*Daily News*», p. 117.

[2]) См. корреспонденцiю въ «*St.-Petersburger Zeitung*» изъ Евпаторiи отъ 1-го января 1878 года.

за нѣсколько дней до того, когда самъ Гобартъ-паша въ письмѣ въ «*Levant Herald*», оправдывалъ свое бездѣйствіе во время войны въ слѣдующихъ словахъ: «Что же касается до того, чтобы нанести вредъ непріятелю посредствомъ раззоренія на его берегахъ селеній и собственности, то я того мнѣнія, что турецкій флотъ, сдѣлавъ это, *скорѣе покрылъ бы себя срамомъ, нежели пріобрѣлъ славу*»[1]). Это лучшее осужденіе бомбардированія Евпаторіи и крымскихъ береговъ.

Съ другой стороны, кажется, несовсѣмъ несправедливо обвиненіе турокъ въ разрушеніи румынской деревни Слободзеи, расположенной какъ разъ позади русскихъ батарей, обстрѣливавшихъ Рущукъ.

Во-вторыхъ. Корреспонденты нѣкоторыхъ русскихъ и англійскихъ газетъ («Times» и «Scotsman») засвидѣтельствовали актомъ, подписаннымъ въ Журжевѣ 12-го (24-го) іюня 1877 года, что турецкія батареи въ Рущукѣ обстрѣливали этотъ открытый городъ и съ особенною мѣткостью поражали зданія, отмѣченныя «Краснымъ Крестомъ» и устроенныя для ухода за ранеными и больными. Что «Красный Крестъ» служилъ главною мишенью турецкихъ выстрѣловъ, весьма естественно, въ виду заявленія самаго турецкаго правительства о ненависти правовѣрныхъ подданныхъ султана къ этому знаку. Корреспондентъ «Times» еще прибавляетъ: «Ни передъ госпиталемъ «Краснаго Креста», ни за нимъ и нигдѣ по близости не было ни одной батареи. Вблизи Журжева нѣтъ батарей, самый городъ совершенно открытъ, и тамъ не производится ни наступательныхъ, ни оборонительныхъ работъ».

Само собою разумѣется, что турецкое правитель-

---

[1]) *Rolin-Jaequemyns*. Les événements d'Orient., p. 175.

ство, съ своей стороны, не упускало случая обвинять русскія войска въ умышленномъ бомбардированіи зданій, находящихся подъ покровительствомъ «Краснаго Полумѣсяца»[1]). Не отрицаемъ, что бывали случаи, когда русскія бомбы попадали въ такого рода сооруженія, но это объясняется или простою случайностью или же необходимостью наказать турокъ за злоупотребленія бѣлымъ флагомъ съ «Краснымъ Полумѣсяцемъ». Умышленнаго же прицѣливанія въ такого рода турецкія зданія со стороны русскихъ батарей не могло быть по той причинѣ, что имъ было приказано «строго воздерживатся отъ выстрѣловъ и враждебныхъ дѣйствій противъ госпитальныхъ зданій и мѣстностей, служащихъ для ухода за больными и ранеными, и прикрытыхъ бѣлымъ флагомъ «съ Красною Луною», а также противъ лицъ, носящихъ подобную повязку»[2]).

Злоупотребленія же турокъ этимъ знакомъ не могли оставаться безнаказанными. Такъ, напримѣръ, когда, 18 декабря 1877 года, наши журжевскія батареи увидѣли, что въ Рущукѣ изъ дома, бывшаго подъ флагомъ съ «Краснымъ Полумѣсяцемъ», выскочило нѣсколько сотъ турецкихъ солдатъ, онѣ направили огонь именно на этотъ домъ и разрушили его[3]).

Въ-третьихъ. На основаніи показаній корреспондентовъ иностранныхъ газетъ, наши власти принимали, при осадѣ и бомбардированіи, всѣ зависящія отъ нихъ мѣры для облегченія участи обывателей города. Такъ, по свидѣтельству корреспондента

---

[1]) Депеша Порты отъ 9-го іюля 1877 г. въ Лондонъ (*Staatsarchiv*». Bd. XXXII, № 6479). См. также «*Staatsarchiv*», Bd. XXXIII, № 6586.

[2]) «*Летучій Военный Листокъ*», № 15.

[3]) Оффиціальная телеграмма отъ 22-го ноября 1877 года.

«Daily News» (письмо отъ 14 (26) іюня 1877 года изъ Турна-Магурелли), русскія батареи, обстрѣливая крѣпость Никополь, «избѣгали стрѣлять въ городъ и сосредоточивали свой огонь на турецкихъ батареяхъ». То же самое утверждаютъ другіе очевидцы [1]). Поэтому нельзя признать основательнымъ заявленіе неудовольствія на наши батареи за то, что при бомбардированіи Рущука отъ ихъ выстрѣловъ пострадали совершенно открытые дома иностранныхъ консуловъ въ томъ городѣ. Если, не смотря на явное желаніе сосредоточить огонь на турецкихъ батареяхъ, отъ русскихъ выстрѣловъ все-таки страдали нѣкоторые частные дома въ Рущукѣ, то этой же участи могли подвергнуться и консульскія зданія. Притомъ въ Рущукѣ, «посреди города, устроено было нѣсколько госпиталей, и надъ ними поднятъ бѣлый флагъ съ «Краснымъ Полумѣсяцемъ», такъ что русскимъ, если-бы они захотѣли щадить всѣ эти запретныя мѣста, ничего другаго не оставалось, какъ совершенно отказаться отъ стрѣльбы». [2]). Кромѣ того, русское военное начальствопо словамъ нѣмецкой газеты «Post» (письмо изъ Константинополя отъ 5 іюня 1877 года), предупредило турецкаго коменданта Рущука за 24 часа о началѣ бомбардированія, чтобы дать не военному населенію возможность удалиться. «Турки», продолжаетъ корреспондентъ, «тоже не отрицали этого. Предостереженіе было сдѣлано жителямъ при звукахъ трубъ; но большинство ихъ предпочло остаться

---

[1]) См. также корреспонденцію въ «*Times*», изъ Журжева отъ 30-го іюня (12-го іюля) 1877 года и бухарештскую газету «*l'Orient*» отъ 24-го іюля 1877 г.

[2]) Корреспонденція изъ Рущука отъ 29-го іюня (11-го іюля) 1877 г., въ вѣнскую «*Politische Correspondenz*».

въ городѣ, такъ какъ всѣ были того мнѣнія, что русскія ядра не могутъ долетать до Рущука».

Въ-четвертыхъ. Во время послѣдней войны, насколько намъ извѣстно, были два примѣра того, что командующіе русскими осаждающими войсками нашлись вынужденными принять рѣшительныя мѣры противъ обывателей осаждаемыхъ городовъ. Оба эти случаи существенно другъ отъ друга отличаются.

Первый имѣлъ мѣсто во время продолжительной осады Плевны. Османъ-паша, желая продержаться какъ можно долѣе въ своей мышеловкѣ, выпроводилъ изъ нея стариковъ и женщинъ—какъ bouches inutiles—и просилъ разрѣшенія имъ пробраться на Софію или Рахово. Генералъ Гурко приказалъ изгнанниковъ направить обратно въ Плевну [1]). Эта мѣра, безъ сомнѣнія жестокая, нисколько не противорѣчитъ, какъ мы видѣли выше, современнымъ обычаямъ войны и не возбраняется брюссельскою декларацією 1874 года.

Другой случай былъ при первой осадѣ Карса и приводится англійскимъ публицистомъ Норманомъ, какъ *единственный* (one only) примѣръ жестокости со стороны русскихъ во время всей кампаніи въ Арменіи [2]). Вотъ какъ его разсказываетъ корреспондентъ «Times». Жителей селенія Чифликъ, находящагося на сѣверѣ отъ Карса, русскія власти предупреждали, что такъ какъ ихъ деревня лежитъ между крѣпостью и осадными батареями, то они должны или уйти въ крѣпость, или же расположиться позади русскихъ войскъ. Жители Чифлика не только не исполнили этого требованія, но подали серьозное

---

[1]) См. «*Голосъ*», № 273 за 1877 годъ.

[2]) *Norman*. Armenia, p. 268.

основаніе думать, что они занимаются шпіонствомъ, и потому всѣхъ ихъ принудили выселиться въ крѣпость. По поводу этого случая, прибавляетъ Норманъ, стали ходить слухи о томъ, что будто нѣсколько женщинъ было обезчещено русскими, а мужчины, не согласившіеся принять христіанство, были отправлены въ Сибирь. Англійскій корреспондентъ признаетъ эти слухи чистою ложью.

Мы передали разсказъ англичанина почти его собственными словами и можемъ прибавить отъ себя, что разсказанный случай дѣйствительно имѣлъ мѣсто, какъ намъ лично сообщилъ о томъ одинъ изъ наиболѣе выдающихся героевъ закавказской войны. Но стоитъ только обратить вниманіе на всѣ изложенныя обстоятельства, чтобы вполнѣ оправдать образъ дѣйствій русскаго военнаго начальства. Жителямъ селенія Чифликъ была дана полная возможность не запираться въ крѣпость, а мирно поселиться позади русской операціонной линіи, но вѣроломнымъ поведеніемъ они сами вызвали такую жестокую, хотя вполнѣ законную, мѣру. И вотъ *единственный* примѣръ жестокости русскихъ войскъ, который удалось открыть туркофильствующему англичанину!

Наконецъ, *въ пятыхъ*. Въ продолженіе послѣдней войны было нѣсколько примѣровъ взятія штурмомъ турецкихъ крѣпостей и городовъ, но ни разу командующимъ русскими осаждающими войсками и въ голову не приходила мысль поощрять храбрость и самоотверженіе своихъ подчиненныхъ обѣщаніемъ отдать на разграбленіе взятый городъ. По отзыву иностранцевъ, поведеніе русскихъ войскъ при взятіи Ардагана, Баязета и Карса было въ полномъ смыслѣ образцовымъ. Жизнь безоружныхъ обы-

вателей, женщинъ и дѣтей оставалась неприкосновенною для русскаго солдата[1]).

То же самое мы видимъ при взятіи штурмомъ Никополя и занятіи другихъ турецкихъ городовъ на Балканскомъ полуостровѣ[2]).

Какая пропасть отдѣляетъ поведеніе русскихъ войскъ въ 1877 году отъ образа дѣйствій французской арміи въ началѣ нынѣшняго столѣтія, можно видѣть изъ сопоставленія слѣдующихъ двухъ любопытныхъ фактовъ.

Наполеонъ I писалъ 31-го іюля 1808 г. своему брату, испанскому королю Іосифу: «Коленкуръ хорошо поступилъ въ Куэнсѣ. Городъ былъ разграбленъ: *таково право войны*, ибо онъ оказалъ вооруженное сопротивленіе»[3]).

При взятіи Казанлыка, въ январѣ нынѣшняго (1878) года, нѣкоторые казаки позволили себѣ «безобразія», за что были немедленно наказаны ихъ офицерами. Безобразія же эти состояли въ томъ, что казаки смазали свои сапоги розовымъ масломъ, такъ что корреспонденту, сообщившему о такомъ «безобразіи», не удалось купить ни одной стклянки этого масла на память о Казанлыкѣ[4]).

Можно пожалѣть корреспондента, но и нельзя не извинить такого рода безобразія казаковъ.

IV.

Во время послѣдней войны, конечно, представлялись также случаи примѣненія обычаевъ войны, по

---

[1]) The war correspondence of the «*Daily News*», p. 626.—*Norman.* Armenia, p. 77.

[2]) Срав. корреспонденцію «*Augsburger Allg. Zeitung*» изъ Никополя отъ 18-го іюля 1877 г.

[3]) *Général T...* L'Angleterre et les petits Etats, p. 22.

[4]) См. «*Голосъ*» отъ 17-го февраля 1878 г. (изъ Казанлыка).

отношенію къ лазутчикамъ или шпіонамъ, а также случаи капитуляцій и высылки парламентеровъ.

Остановимся сперва на вопросѣ о *шпіонахъ*.

Наибольшее затрудненіе въ этомъ вопросѣ представляетъ точное опредѣленіе понятія шпіона. Безъ точнаго опредѣленія легко признать шпіономъ офицера, взятаго въ плѣнъ при обозрѣніи, напримѣръ, непріятельскаго лагеря или, вообще, во время рекогносцировки; но если военноплѣнный имѣетъ право на свою жизнь и честь, то, напротивъ, шпіона обыкновенно ожидаетъ или пуля, или висѣлица.

Статья 19-я брюссельской декларації даетъ слѣдующее опредѣленіе: «Лазутчикомъ можетъ быть признаваемо *только* такое лицо, которое, дѣйствуя тайнымъ образомъ и подъ разными ложными предлогами собираетъ или только еще старается собрать свѣдѣнія въ мѣстности, занятой непріятелемъ, съ намѣреніемъ объ открытомъ донести противной сторонѣ».

Это опредѣленіе, по существу своему, совершенно соотвѣтствуетъ опредѣленію, которое мы находимъ въ сѣверо-американскихъ инструкціяхъ (§ 88) и у вполнѣ компетентныхъ юристовъ[1]). Главное сходство во всѣхъ опредѣленіяхъ заключается, очевидно, въ томъ, что шпіонъ *скрытнымъ и обманнымъ* образомъ вторгается въ мѣстность, подчиненную непріятельской власти, и собираетъ всякаго рода свѣдѣнія. Поэтому, само собою разумѣется, что военныя лица, проникающія въ предѣлы дѣйствій непріятельскихъ войскъ, съ цѣлію собранія свѣдѣній, не могутъ считаться шпіонами, если только въ нихъ можно признать принадлежность къ военному

[1]) *Halleck.* International Law, p. 406.—*Bluntschli.* Das moderne Völkerrecht, § 629.

званію. Точно также военныя, посланныя съ депешами, или невоенныя лица, *открыто* исполняющія подобную же обязанность, шпіонами не считаются (ст. 22). Наконецъ, эта же статья брюссельской декларації разрѣшаетъ любопытный споръ, возникшій во время франко-германской войны о положеніи лицъ, захваченныхъ на воздушномъ шарѣ. Германское правительство выказало намѣреніе наказать ихъ какъ шпіоновъ, но учрежденный въ Кельнѣ военный судъ освободилъ подсудимыхъ. По статьѣ 22-й декларації, подобныя лица не могутъ быть признаны шпіонами и не должны подлежать слѣдующему послѣднимъ наказанію.

Что же касается, наконецъ, до наказаній, которымъ подвергается шпіонъ, застигнутый съ поличнымъ и на мѣстѣ преступленія, то испоконъ вѣка онъ подлежалъ смертной казни и, въ частности, повѣшенію. Въ этомъ смыслѣ разрѣшаетъ этотъ вопросъ статья 88-я сѣверо-американскихъ полевыхъ инструкцій. Такое тяжкое наказаніе угрожаетъ шпіонству, очевидно, не столько по свойству его, сколько по тому громадному вреду и чрезвычайной опасности, которой оно подвергаетъ непріятеля. Весьма легко можетъ случиться, что шпіонъ не изъ за какихъ-либо корыстныхъ цѣлей, но изъза самаго возвышеннаго патріотизма исполняетъ возложенное на него порученіе; но если онъ, скрытнымъ или обманнымъ образомъ или подъ разными ложными предлогами, проходитъ за непріятельскую линію, то, въ случаѣ поимки, ему казни не миновать. Чистота его побужденій можетъ не подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, но чрезвычайная опасность отъ приведенія въ исполненіе его намѣреній также не можетъ быть оспариваема.

Можно указать на историческіе примѣры, когда

военные высшаго чина скрытно пробирались въ предѣлы непріятельской власти для собранія свѣдѣній и, будучи пойманы, подвергались казни на мѣстѣ преступленія, хотя ихъ военный характеръ и возвышенный патріотизмъ были очевидны въ глазахъ непріятеля. Всѣ англійскіе и американскіе юристы приводятъ два весьма характеристическіе случаи. Въ первомъ—знаменитый Вашингтонъ велѣлъ казнить англійскаго маіора Андре; во второмъ—англійскій генералъ Гоу поступилъ точно также съ американскимъ капитаномъ Гэль. Въ обоихъ случаяхъ подсудимымъ ставилось въ вину то, что они скрытно (in disguise) находились въ предѣлахъ непріятельской власти [1]).

Брюссельская декларація, очевидно, не могла отмѣнить установившагося въ этомъ отношеніи военнаго обычая, но она за то предоставила обвиненному шпіону возможныя въ военное время гарантіи правильнаго обсужденія его поступковъ, опредѣливъ, что шпіонъ, *пойманный при совершеніи преступленія*, подлежитъ преданію суду и взысканію на основаніи военныхъ законовъ, дѣйствующихъ въ государствѣ, взявшемъ его въ плѣнъ. Слѣдовательно, брюссельская декларація обезпечиваетъ за шпіономъ: 1) судебное разбирательство, а не расправу суммарнымъ порядкомъ; во 2) не требуетъ, подобно американскимъ полевымъ инструкціямъ, чтобы шпіонъ непремѣнно былъ наказанъ смертію; наконецъ, въ 3) только въ случаѣ поимки шпіона на мѣстѣ преступленія онъ подлежитъ суду и наказанію. На этомъ основаніи, шпіонъ, который успѣлъ исполнить свое дѣло и благополучно вер-

[1]) См. *Phillimore's* Commentaries upon the International Law, t. III, p. 164, 168 etc.—*Halleck's* International Law, p. 407.

нуться въ свою армію, не подлежитъ никакой отвѣтственности, если впослѣдствіи будетъ захваченъ непріятелемъ, и долженъ, въ такомъ случаѣ, считаться военноплѣннымъ. Это начало утверждено статьею 21-ю брюссельской декларації.

На основаніи всѣхъ вышеизложенныхъ фактовъ изъ исторіи минувшей войны, не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, что турецкія войска также въ отношеніи шпіоновъ руководствовались своими собственными азіатскими понятіями, а не обычаями цивилизованной войны. Для характеристики дѣйствій турецкаго военнаго начальства достаточно припомнить вышеупомянутый случай о двухъ каракапахахъ, взятыхъ въ плѣнъ Мухтаромъ-пашею. «Они сознались», говоритъ Норманъ, «что несли письма изъ одной русской дивизіи въ другую и, не дѣлая ни малѣйшей попытки скрыть эти бумаги, показали ихъ, простодушно объявивъ, что имъ обѣщано за исправную доставку 70 піастровъ. Ни тотъ, ни другой не были шпіонами; ни тотъ, ни другой не оказался переодѣтымъ, наконецъ, ни одинъ изъ нихъ не подходилъ на близкое разстояніе къ турецкому лагерю; но черкесы захватили ихъ и привели къ муширу, а тотъ преспокойно велѣлъ сперва запереть этихъ несчастныхъ, а потомъ разстрѣлять и бросить непохороненными гдѣ нибудь на дорогѣ, какъ собакъ». «Трупы ихъ, пронизанные пулями», продолжаетъ корреспондентъ, «видѣли нѣсколько англичанъ, и я надѣюсь, что всѣ, на чью долю выпало это печальное зрѣлище, заявятъ свое полнѣйшее осужденіе гнусному поступку, такъ рѣзко противорѣчащему всякому чувству справедливости и всякимъ военнымъ законамъ (opposed to all military law). Чтобы посланнаго съ письмомъ подвергали такой же собачьей смерти (dog-

like death), какая ожидаетъ всякаго шпіона,—это, сколько мнѣ извѣстно, фактъ, совершенно безпримѣрный въ военной исторіи»[1]).

Дѣйствительно, ни на основаніи соблюдаемыхъ цивилизованными народами обычаевъ войны, ни по точному смыслу брюссельской декларації, нельзя признать шпіонами лицъ, которыя виновны только въ томъ, что взялись передать письма изъ одной русской дивизіи въ другую. Никакихъ свѣдѣній эти каракапахи не собирали съ намѣреніемъ передать ихъ русской арміи, и захвачены они были не въ турецкомъ лагерѣ, но внѣ операціонной линіи турецкой арміи. Мало того. Мухтаръ-паша, безъ всякаго разбирательства и суда, приказалъ разстрѣлять ихъ, какъ собакъ, не позволивъ даже похоронить ихъ трупы, какъ того требуютъ мусульманскій и христіанскій законы.

Этотъ примѣръ наглядно представляетъ намъ взглядъ главнокомандующаго турецкою арміею въ Арменіи на требованія современнаго права войны, насколько они касаются шпіоновъ или лазутчиковъ. Нѣтъ также рѣшительно никакихъ данныхъ, доказывающихъ, что на европейскомъ театрѣ войны турецкія военныя власти руководились большимъ уваженіемъ къ общепризнаннымъ цивилизованными народами обычаямъ войны. Напротивъ, кому неизвѣстно, что онѣ признавали каждаго болгарина русскимъ шпіономъ, подлежащимъ немедленной казни? Трудно опредѣлить число болгаръ, казненныхъ турками безъ всякаго суда и вопреки всѣмъ законамъ человѣческимъ и божескимъ.

Иначе относилась русская армія къ порядкамъ, выработаннымъ военною практикою цивилизован-

[1]) *Norman.* Armenia and the compaign of 1877, p. 195

ныхъ народовъ. Прокламаціею главнокомандующаго войсками дѣйствующей на Балканскомъ полуостровѣ арміи отъ 1-го іюня 1877 года было объявлено, что жители областей, русскою арміею занимаемыхъ, «за шпіонство, т. е. за сообщеніе непріятелю свѣдѣній, клонящихся ко вреду русской арміи», подлежатъ полевому военному суду, который, само собою разумѣется, долженъ былъ руководствоваться русскими военно-уголовными законами и имѣть въ виду дѣйствующіе обычаи войны. На основаніи этого постановленія, каждое лицо, обвиняемое въ шпіонствѣ, должно было судиться правильно-устроеннымъ судомъ, который ни въ какомъ случаѣ не могъ признать письмоносцевъ шпіонами, подлежащими смертной казни. Насколько намъ извѣстно, предписаніе прокламаціи отъ 1-го іюня 1877 года строго соблюдалось въ продолженіе всей войны на Балканскомъ полуостровѣ, и никогда захваченные и дѣйствительные шпіоны не наказывались раньше, чѣмъ судъ опредѣлитъ ихъ виновность, на основаніи русскихъ полевыхъ законовъ.

Относительно же образа дѣйствій нашей закавказской арміи намъ положительно извѣстно, что гуманность славнаго ея командующаго дошла до того, что онъ обыкновенно ограничивался только задержаніемъ шпіоновъ и лишеніемъ ихъ возможности вредить или продолжать свое опасное ремесло. Казнь ихъ признавалась совершенно излишнею жестокостью, не ведущею къ цѣли. Не думаемъ, чтобы человѣколюбіе и снисходительность командующаго кавказскою арміею повредили блестящему ея торжеству надъ Мухтаромъ-пашею, постоянно выказывавшимъ дикую жестокость и возмутительную несправедливость въ управленіи воен-

ными дѣйствіями и въ осуществленіи своихъ обширныхъ правъ.

2) Еще болѣе возмутительными представляются бывшіе въ послѣдней войнѣ случаи нарушенія неприкосновенности *парламентерскаго* флага.

Не смотря на ожесточеніе и ненависть, воюющія стороны бываютъ иногда вынуждены силою обстоятельствъ вступать между собою въ переговоры и даже заключать взаимно-обязательныя соглашенія. Поводы для такихъ сношеній между воюющими войсками бываютъ весьма различны, напримѣръ: обмѣнъ военноплѣнныхъ, соглашеніе о временной пріостановкѣ военныхъ дѣйствій, съ цѣлію погребенія убитыхъ или для заключенія какого нибудь условія относительно образа дѣйствій армій. Тотъ изъ воюющихъ, который беретъ на себя починъ въ подобномъ дѣлѣ, направляетъ къ другому парламентера. Личность парламентера, подъ защитою бѣлаго флага, неприкосновенна, и стрѣлять или нападать на него всегда считалось преступленіемъ. «Даже турки и азіатскіе народы», писалъ въ 1812 году императоръ Александръ I по случаю взятія французами въ плѣнъ генерала Винцингероде, «умѣютъ уважать выѣзжающихъ на переговоры». Къ сожалѣнію, современные турки не считали нужнымъ добросовѣстно соблюдать и этотъ обычай войны, знакомый даже дикимъ племенамъ Средней Африки[1]).

Впрочемъ, во время франко-германской войны также случались нарушенія парламентерскаго флага[2]), но до сихъ поръ не доказано, чтобы эти нарушенія были умышленнными; напротивъ, имѣются

[1]) *Bluntschli.* Das moderne Völkerrecht, § 681—684. *Dudley Field* International code § 783.—*Calvo.* Droit international, t. II, p. 281.

[2]) *Rolin-Jaequemyns* въ Revue de droit int., t. II, p. 681.

основанія думать, что если французскія войска стрѣляли въ нѣмецкихъ парламентеровъ, то просто по недоразумѣнію или ошибкѣ.

На брюссельской конференціи вопросъ о парламентерахъ не возбудилъ никакихъ серьозныхъ разногласій: до такой степени были ясны установившіеся въ этомъ отношеніи обычаи и законы войны. По статьѣ 43-й, «парламентеромъ считается лицо, уполномоченное одною изъ воюющихъ сторонъ на вступленіе въ переговоры съ другою и являющееся съ бѣлымъ знаменемъ, въ сопровожденіи трубача (горниста или барабанщика), а также и знаменосца». Всѣ эти лица должны пользоваться «правомъ личной неприкосновенности». Но не всегда и не во всякое время одинъ воюющій обязанъ принимать парламентеровъ отъ другаго. Онъ можетъ даже объявить, что въ продолженіе извѣстнаго времени никакихъ парламентеровъ принимать не будетъ (ст. 44). Начальникъ войскъ имѣетъ полное право принять мѣры съ цѣлью предупредить со стороны парламентера злоупотребленія своимъ привилегированнымъ положеніемъ. И если будетъ доказано «самымъ несомнѣннымъ и положительнымъ образомъ», что парламентеръ позволилъ себѣ какія либо злоупотребленія, то онъ лишается права на личную неприкосновенность (ст. 45).

Насколько эти постановленія брюссельской конференціи согласны съ дѣйствительно установившимися обычаями войны, можно видѣть изъ разсужденій полковника Рюстова и заключеній Института международнаго права[1]).

Однако, не смотря на твердость правилъ, уста-

[1]) *Rüstow*. Kriegspolitik und Kriegsgebrauch, S. 228 etc.—Travaux préparatoires de la commission. p. 70.

новившихся относительно парламентеровъ, они все-таки подвергались самимъ неслыханнымъ нарушеніямъ въ продолженіе послѣдней войны, и турецкое правительство опять является первымъ въ обвиненіи русскихъ войскъ въ неуваженіи парламентерскаго флага. Но ни одно изъ этихъ обвиненій не основывается на положительныхъ фактахъ и не констатировано безпристрастными свидѣтелями.

Только одинъ разъ обвиненіе турецкаго правительства представляется болѣе, повидимому, основательнымъ. Мухтаръ-паша обвинялъ русскія войска въ томъ, что они, послѣ сраженія близъ Карса, въ іюлѣ мѣсяцѣ, стрѣляли по адъютанту Хами-паши, которому поручено было вытребовать турецкихъ раненыхъ и убитыхъ. «Русскіе стрѣляли по немъ, не смотря на парламентерскій флагъ, и ранили его въ лѣвую руку». «Мы имѣемъ право спросить», пишетъ турецкій министръ иностранныхъ дѣлъ, «имѣютъ ли русскіе въ виду постоянно нарушать законы войны и гуманности?» [1]). Турецкое правительство говоритъ «о законахъ войны и гуманности!» Интересно было бы знать его отвѣтъ на вопросъ: какіе же существуютъ законы войны и гуманности, исполняемые его собственными войсками?

Случай, на который ссылается турецкое правительство въ подтвержденіе своего обвиненія, передаетъ намъ корреспондентъ «Times». При первой осадѣ Карса русскія бомбы, бросаемыя въ фортъ Карадагъ, неоднократно падали на турецкій госпиталь, находившійся позади форта. Хуссейнъ-Хами-паша, комендантъ Карса, распорядился послать къ

[1]) Телеграмма «*Голоса*» изъ Константинополя отъ 20-го іюля 1877 года.

русскимъ парламентера и обратить ихъ вниманіе на нарушеніе неприкосновенности зданія вопреки женевской конвенціи, но русскіе стрѣляли въ турецкаго парламентера и «даже убили его».

Вотъ фактъ, какъ его описываетъ англичанинъ-очевидецъ; но самъ же онъ, обвиняя, въ данномъ случаѣ, нашу армію, сознается, что съ нашихъ батарей, обстрѣливавшихъ фортъ Карадагъ, нельзя было видѣть ни самого госпиталя, ни находившагося надъ нимъ бѣлаго флага. Фортъ находится на горѣ, и изъ-за нея невозможно видѣть зданій, расположенныхъ за фортомъ. На этомъ основаніи самъ Норманъ долженъ былъ согласиться, что русскіе выстрѣлы, попадавшіе въ госпиталь, навѣрно не были умышленно въ него направляемы. Турецкій парламентеръ, приближаясь къ русскимъ линіямъ, нисколько не соблюдалъ обычныхъ формальностей, обязательныхъ для всякаго парламентера. Онъ былъ совершенно одинъ и даже не имѣлъ при себѣ «традиціоннаго горниста», по словамъ Нормана. Одинъ бѣлый флагъ не можетъ придать каждому военному, приближающемуся къ непріятельскимъ аванпостамъ, привилегированное положеніе парламентера. При такихъ обстоятельствахъ рѣшительно нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что посланный Хами-паши не былъ принятъ нашими аванпостами за парламентера.

Наконецъ англійскій публицистъ еще самъ прибавляетъ, что онъ не берется рѣшить, былъ ли въ данномъ случаѣ со стороны русскихъ умыселъ или желаніе отомстить за смерть русскаго доктора, убитаго турками наканунѣ вмѣстѣ со всѣми ранеными,

---

[1]) *Norman.* Armenia, p. 237... «This man proceded alone, unaccompanied even by the traditional bugler».

не смотря на бѣлый флагъ съ «Краснымъ Крестомъ», охранявшій зданіе, отведенное для больныхъ. Если вѣрить этому корреспонденту, то въ данномъ случаѣ имѣло мѣсто нарушеніе со стороны турокъ не только женевской конвенціи и всѣхъ «законовъ войны и гуманности», на которые любило ссылаться турецкое правительство, но также парламентерскаго флага[1]).

Въ иномъ видѣ представляется обвиненіе турецкой арміи въ самомъ дерзкомъ нарушеніи парламентерскаго флага, имѣвшемъ мѣсто въ Шибкинскомъ проходѣ. Это обвиненіе основывается не только на офиціальныхъ актахъ русскаго военнаго начальства[2]), но и на показаніи нейтральнаго свидѣтеля, имѣющаго безспорное право на довѣріе. Прусскій военный агентъ при с.-петербургскомъ дворѣ, маіоръ Лигницъ, находился въ передовомъ отрядѣ генерала Гурко, перешедшаго первымъ Балканы въ іюлѣ 1877 года. При взятіи этимъ отрядомъ турецкаго форта, защищавшаго Шибкинскій проходъ, произошла слѣдующая сцена, разсказанная самимъ прусскимъ маіоромъ въ донесеніи своему правительству изъ Казанлыка, отъ 22-го іюля 1877 года[3]). Когда русская колонна находилась отъ турецкаго укрѣпленія еще на разстояніи 700 футовъ, турки вдругъ прекратили огонь и, на брустверахъ показались густыя массы турецкихъ солдатъ, съ поднятыми вверхъ ружьями, на которыхъ развѣвались бѣлые платки; на встрѣчу вышли изъ форта два офицера,

---

[1]) *Norman.* Armenia, p. 222.

[2]) Оффиціальная телеграмма главнокомандующаго изъ Тырнова отъ 9-го (21-го) іюля 1877 г. и нота г. Нелидова къ статсъ-секретарю Гамбургеру отъ 8-го (20-го) іюля 1877 г. (*Staatsarchiv*, № 6501).

[3]) *Staatsarchiv.* Bd. XXXII, № 6491.

тоже съ бѣлымъ знаменемъ; однимъ словомъ, казалось, не было никакого сомнѣнія, что турки рѣшились сдаться. Къ туркамъ былъ высланъ русскій стрѣлокъ, татаринъ, знающій по-турецки, съ порученіемъ сказать имъ, что одинъ изъ офицеровъ долженъ явиться въ русскій лагерь для переговоровъ о капитуляціи. Русскаго солдата пригласили въ фортъ. Вдругъ послышался одинъ выстрѣлъ, и, какъ-бы по данному сигналу, изъ всѣхъ турецкихъ траншей открылся сильнѣйшій огонь по русскимъ стрѣлкамъ. На другой день турецкій паша, командовавшій укрѣпленіемъ на Шибкѣ, прислалъ въ русскій лагерь парламентера съ предложеніемъ сдаться на условіяхъ, предложенныхъ ему наканунѣ. Генералъ Гурко объявилъ парламентеру, что послѣ такого неслыханнаго злоупотребленія парламентерскимъ флагомъ онъ не можетъ предоставить туркамъ прежнихъ условій. Парламентеръ на это возразилъ, что комендантъ форта не въ состояніи былъ вчера удержать своихъ солдатъ. Наконецъ было рѣшено, что турецкіе офицеры, бывшіе вчера при парламентерскомъ знамени, будутъ выданы русскимъ властямъ, между тѣмъ какъ прочіе отпускаются на честное слово; но когда, послѣ отъѣзда турецкаго парламентера, русскіе санитары подошли къ турецкимъ укрѣпленіямъ, то оказалось, что турки воспользовались переговорами о капитуляціи и безпрепятственно оставили фортъ, въ которомъ не могли долѣе держаться.

О русскомъ стрѣлкѣ, завлеченномъ въ фортъ наканунѣ, и слѣдъ простылъ; въ фортѣ не нашли ни одного раненаго: всѣ трупы были обезглавлены и по нѣкоторымъ несомнѣннымъ признакамъ можно было заключить, что многіе раненые были самымъ звѣрскимъ образомъ замучены. Въ числѣ убитыхъ

былъ санитаръ съ повязкою съ «Краснымъ Крестомъ» на рукавѣ.

Этотъ разсказъ очевидца, засвидѣтельствованный другими нейтральными лицами, даетъ ясное понятіе о томъ, на что способны турки и какъ они понимаютъ «законы войны»[1]). Трудно найти въ исторіи примѣръ такого вѣроломства, коварства и дикаго звѣрства, какой баловни Европы XIX вѣка, турки, представили на Шибкинскомъ перевалѣ 18-го іюля 1877 года. Мы готовы признать переговоры съ генераломъ Гурко, начатые 19-го числа, съ цѣлью дать турецкимъ войскамъ время выйти изъ форта, военною стратагемою или хитростью, допускаемою обычаями войны. При помощи подобной же хитрости Мюратъ занялъ въ 1805 году мостъ черезъ Дунай и нѣсколько дней спустя самъ попалъ въ точно такую же ловушку, разставленную для него княземъ Багратіономъ. Наконецъ, и во время франко-германской войны генералъ Мантейфель воспользовался довѣрчивостью коменданта Меца, французскаго генерала Коффиньера, для того, чтобы дать арміи принца Фридриха Карла оцѣпить армію Базена и самую крѣпость Мецъ[2]).

Стало быть, свою военную хитрость, состоявшую въ отправленіи парламентера для переговоровъ о капитуляціи съ цѣлью выиграть время для отступленія, турки могутъ оправдывать нѣкоторыми историческими примѣрами; но то злоупотребленіе парламентерскимъ флагомъ и тотъ вѣроломный поступокъ, который они себѣ позволили 18-го іюля, рѣшительно никакими фактами и соображеніями оправдывать нельзя. Подобные факты заклеймены въ

[1]) См. также: «The war correspondence of the «*Daily News*», p. 273.

[2]) *Rüstow*. Kriegspolitik und Kriegsgebrauch, S. 240.

исторіи вѣчнымъ позоромъ и покрываютъ стыдомъ войска, ихъ совершившія. Никакія оправданія, выдумки и ложь не смоютъ съ турецкой арміи пятна, наложеннаго на нее событіями, на вѣчно памятномъ русскому народу Шибкинскомъ перевалѣ.

Напрасно турецкія военныя власти приписываютъ все башибузукамъ и черкесамъ. Эти козлища очищенія, не смотря на всю свою дикость, не въ состояніи искупить всей вины турецкой арміи. Когда русскій драгунскій поручикъ Марченко, въ концѣ іюля 1877 года, былъ отправленъ главнокомандующимъ парламентеромъ съ письмомъ на имя турецкаго главнокомандующаго Мехемеда-Али-паши, турецкій генералъ Іонидъ-паша увѣрялъ его въ искреннемъ желаніи своего правительства вести войну по-европейски. Когда же поручикъ упомянулъ о башибузукахъ и черкесахъ, генералъ воскликнулъ: «Башибузуки и черкесы нашей арміи! Даю честное слово, что я самъ разстрѣлялъ ихъ болѣе 15 человѣкъ. За нихъ мы, регулярныя войска, не можемъ отвѣчать. Очень можетъ быть, что попадись вы, по дорогѣ сюда, въ ихъ руки, вы не доѣхали бы до меня, и, конечно, весь стыдъ палъ-бы все-таки на наши головы[1]).

Дѣйствительно, предположеніе турецкаго генерала совершенно основательно. Попадись нашъ парламентеръ башибузукамъ и черкесамъ, онъ, вѣроятно, не доѣхалъ бы до турецкаго лагеря, и неприкосновенность личности парламентера опять была бы поругана; но несомнѣнно и то, что весь стыдъ за поступки башибузуковъ и черкесовъ, по справедливости, долженъ пасть на турецкое правительство

[1]) См. донесеніе поручика Марченко въ №№ 16 и 17 *«Летучаго Военнаго Листка»*.

и на всю турецкую армію. Вѣдь само правительство пользовалось услугами этихъ изверговъ и разжигало ихъ дикій фанатизмъ. Вѣдь сами турецкія регулярныя войска были братьями башибузуковъ и черкесовъ, которыхъ начальники регулярныхъ войскъ нисколько не стыдились, напротивъ всѣми мѣрами поощряли совершеніе варварствъ, возможныхъ развѣ только въ Дантовомъ адѣ, а не на поверхности цивилизованной Европы.

Но этого мало. Напрасны попытки выгородить турецкія регулярныя войска еще и потому, что они сами бывали дѣятелями самыхъ возмутительныхъ безчинствъ. Такъ, на основаніи донесенія маіора фонъ-Лигница, весь маневръ на Шибкинскомъ перевалѣ былъ, очевидно, совершенъ по заранѣе обдуманному плану. Не могли же солдаты, вмѣстѣ съ офицерами, высыпать на брустверы, съ поднятыми вверхъ ружьями и бѣлыми знаменами; стрѣльба же въ русскихъ открылась по данному сигналу. Наконецъ, прусскій военный агентъ свидѣтельствуетъ, что бывшія въ этомъ дѣлѣ войска состояли почти исключительно изъ низама, т. е. регулярнаго войска, въ средѣ котораго находилось нѣсколько арабовъ и гвардейскихъ солдатъ.

Стало быть, въ вѣроломномъ и коварномъ поступкѣ 18-го іюля башибузуки и черкесы никакого участія не приняли, и, еще разъ повторяемъ, попытки турокъ и ихъ западно-европейскихъ доброжелателей взвалить всю вину за совершенныя, во время послѣдней войны, звѣрства на башибузуковъ и черкесовъ не заслуживаютъ никакого вниманія[1]), тѣмъ болѣе, что примѣръ вѣроломнаго

[1]) Ляйардъ въ депешѣ отъ 27-го августа 1877 г. приводитъ, въ качествѣ свидѣтеля за безупречность поведенія турецкаго регулярнаго войска г. Дица, корреспондента «*Post*», который будто

поведенія турецкихъ *регулярныхъ* войскъ въ Шибкинскомъ перевалѣ не единственный.

Во время осады черногорцами Антивари произошелъ другой случай, не менѣе возмутительный. Послѣ взятія черногорцами предмѣстій этого города, турки, укрывшіеся въ цитадель, подняли бѣлый флагъ. Князь Николай немедленно послалъ туда трехъ своихъ тѣлохранителей узнать условія капитуляціи. Едва эти храбрецы приблизились къ воротамъ, какъ на нихъ набросились турки и искрошили ихъ въ куски[1]).

Изъ донесенія г. Нелидова государственному канцлеру отъ 24-го сентября (6-го октября) 1877 г. видно, что 17-го августа турки стрѣляли въ русскаго парламентера, посланнаго въ турецкій лагерь по просьбѣ турецкаго же парламентера Иззетъ-бея, прибывшаго отъ Мехемеда-Али-паши въ русскій лагерь. Русскій парламентеръ долженъ былъ отнести записку отъ Иззета-бея, но турецкіе аванпосты, не смотря на поданные сигналы, открыли усиленный огонь. Самъ Иззетъ-бей былъ свидѣтелемъ этой сцены.

Всѣ эти факты, къ сожалѣнію, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что для турецкихъ регулярныхъ войскъ не были святы ни личность парламентеровъ, ни бѣлый парламентерскій флагъ. Если же поручикъ Марченко могъ успѣшно испол-

---

ему сказалъ, что турецкіе солдаты «the finest soldiers in the world, and he (Dietz) was lost in admiration of them». (*Staatsarchiv*, № 6562). Храбрости турецкихъ солдатъ никто не отрицаетъ, но депеша такъ искусно написана, что остается неизвѣстнымъ, говорилъ ли нѣмецкій корреспондентъ только о военныхъ качествахъ турецкихъ солдатъ или о нравственныхъ.

[1]) Телеграмма «*С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*» отъ 19-го ноября 1877 г.

нить возложенное на него порученіе, то это объясняется отчасти счастливою случайностью, отъ части тѣмъ, что онъ имѣлъ дѣло съ арміею Мехемеда-Али, который, въ качествѣ бывшаго прусскаго подданнаго, лучше понималъ требованія современной цивилизаціи и обычаи войны между европейскими державами.

3) Въ тѣсной связи съ правилами относительно парламентеровъ находится вопросъ о *капитуляціи* и *перемиріи*. При посредствѣ парламентеровъ воюющія стороны, между прочимъ, вступаютъ въ сношенія, или по случаю сдачи крѣпости на капитуляцію, или для заключенія перемирій, которыя могутъ быть также заключаемы собственною властью начальниковъ отдѣльныхъ отрядовъ.

Согласно брюссельской декларации, условія капитуляціи не должны быть противны воинской чести и, разъ заключенныя, должны быть свято соблюдаемы обѣими сторонами (ст. 46). Впрочемъ, не излишне замѣтить, что не только соглашенія о сдачѣ крѣпостей, но также условія о сложеніи оружія цѣлыхъ отрядовъ или армій носятъ названіе капитуляцій.

Въ этомъ отношеніи заслуженною извѣстностью пользуются капитуляціи о сдачѣ германскимъ войскамъ двухъ французскихъ армій, одной при Седанѣ, другой въ Мецѣ.

Въ послѣднюю войну также было заключено нѣсколько капитуляцій, по которымъ турецкія арміи сдавались въ плѣнъ нашимъ войскамъ,—армія Османа-паши при Плевнѣ и Весли-паши при деревнѣ Шибкѣ.

Какъ образецъ подобныхъ капитуляцій, можно привести ту, на основаніи которой 3-го октября 1877 года остатки всей разбитой арміи Мухтара-гази-паши

сдались въ плѣнъ. Съ турецкой стороны капитуляція подписана Омеромъ-пашею, съ русской утверждена Лорисъ-Меликовымъ. Вотъ постановленія этого любопытнаго акта.

1) Всѣ офицеры турецкой арміи, въ уваженіе къ выказанной ими храбрости, сохраняютъ свое оружіе, весь свой багажъ и своихъ лошадей. 2) Всѣ лица, не входящія въ составъ арміи, какъ-то: конвойные, прислуга и деньщики, по отобраніи отъ нихъ оружія, имѣютъ право возвратиться домой. 3) Всѣ лица, непоименованныя выше, считаются военноплѣнными и обязаны выдать весь военный матеріалъ, включая сюда: знамена, оружіе, пушки, артиллерійскіе припасы, патроны и, вообще, всѣ военныя принадлежности. 4) Сдача войскъ и выдача военныхъ вещей должны происходить въ опредѣленномъ заранѣе порядкѣ. 5) Опредѣляется время начала сдачи и, наконецъ, 6) объявляется, что въ числѣ лицъ, имѣющихъ право свободно покинуть лагерь, считаются три доктора, находящіеся при турецкой арміи.

Если сравнить эти условія капитуляціи, предписанной русскими военными властями побѣжденному противнику, съ тѣми, которыя включались въ подобнаго же рода акты, заключенные во время франко-германской войны, то нельзя не придти къ убѣжденію, что турки не могли жаловаться на суровость предложенныхъ имъ условій.

Вопросъ о заключеніи *перемирія* получилъ практическое значеніе только при самомъ окончаніи минувшей войны.

Брюссельская конференція и въ отношеніи условій заключенія перемирій выставила правила, имѣющія за собою военный опытъ и авторитетъ науки международнаго права. На основаніи этихъ правилъ

перемиріе можетъ быть срочное и безсрочное. Въ послѣднемъ случаѣ военныя дѣйствія могутъ быть возобновлены во всякое время; требуется только, чтобы непріятель предварительно былъ объ этомъ извѣщенъ (ст. 47). Перемиріе бываетъ также общее или мѣстное. Первое пріостанавливаетъ военныя дѣйствія на всемъ театрѣ войны: послѣднее только въ предѣлахъ извѣстной мѣстности (ст. 48). Само собою разумѣется, что о заключеніи перемирія немедленно должны быть извѣщены всѣ части войскъ, до коихъ оно относится. Нарушеніе перемирія одною изъ сторонъ даетъ право другой считать перемиріе для себя необязательнымъ. Но если оно нарушено отдѣльными лицами, по собственной ихъ иниціативѣ, то можно только требовать ихъ наказанія и вознагражденія понесенныхъ убытковъ (ст. 52).

Можетъ быть, во время послѣдней войны также заключались мѣстныя перемирія на короткій срокъ, хотя бы для похороненія убитыхъ и подобранія раненыхъ, но мы о нихъ ничего не знаемъ. Такого рода временныя пріостановки военныхъ дѣйствій постоянно бываютъ во время войны между цивилизованными державами. Въ продолженіе минувшей войны съ Турціею перемирія для погребенія убитыхъ на полѣ сраженія рѣдко могли имѣть мѣсто на томъ основаніи, что трупы убитыхъ признавались начальниками турецкихъ войскъ законною добычею башибузуковъ, черкесовъ и курдовъ, а раненыхъ мучили, грабили и убивали во исполненіе женевской конвенціи.

Когда же, послѣ безпримѣрнаго въ исторіи перехода русскихъ войскъ чрезъ Балканы и занятія Адріанополя, Турція была вынуждена подумать о прекращеніи войны, Россія не иначе согласилась

заключить перемиріе и прекратить военныя дѣйствія, какъ только въ томъ случаѣ, если непріятель ея подпишетъ также предварительныя условія мира. Послѣ весьма непродолжительныхъ переговоровъ, актъ общаго перемирія былъ подписанъ 19-го (31-го) января 1878 года въ Адріанополѣ.

Это перемиріе, какъ общее, прекратило военныя дѣйствія и въ Азіи; но, какъ видно изъ офиціальной телеграммы отъ 29-го января 1878 года изъ Тифлиса, курды, даже въ этомъ случаѣ, признали возможнымъ безнаказанно нарушить заключенное между Россіею и Турціею обязательство.

V.

Итакъ мы разсмотрѣли всѣ средства войны, къ которымъ прибѣгали русскія и турецкія войска. Поведеніе обоихъ войскъ на полѣ сраженія выяснилось совершенно отчетливо. Каждое считало себя въ правѣ наносить вредъ своему противнику, ослаблять силу его сопротивленія, но на основаніи не подлежащихъ никакому сомнѣнію фактовъ, мы должны придти къ убѣжденію, что если русская армія всегда старалась въ своихъ дѣйствіяхъ сообразоваться съ требованіями современныхъ обычаевъ войны, то, наоборотъ, турецкія войска постоянно выказывали полнѣйшее презрѣніе ко всѣмъ законамъ войны и къ требованіямъ человѣколюбія. Мы будемъ рады, если намъ докажутъ, что указанные нами факты не имѣли мѣста и потому наши выводы не выдерживаютъ критики. Но пока не опровергнуты факты, засвидѣтельствованные совершенно безпристрастными очевидцами, пока намъ не доказали, что турецкія войска дѣйствительно имѣли хотя малѣйшее понятіе о какихъ нибудь обычаяхъ и законахъ войны, мы вынуждены сказать, что никогда,

ни въ одной международной войнѣ нынѣшняго столѣтія, требованія гуманности и обычаи войны не были въ такой степени попраны, какъ въ послѣдней войнѣ со стороны турокъ. Этого мало. Для оправданія поведенія турецкихъ войскъ недостаточно доказать вымышленность вышеприведенныхъ фактовъ; недостаточно утверждать, что турецкая армія имѣла какія либо понятія о современныхъ обычаяхъ войны, выработанныхъ военною практикою цивилизованныхъ народовъ: нѣтъ, необходимо доказать, что турецкія войска вообще *могли* имѣть подобныя понятія. Но это-то и невозможно доказать. Не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, что само турецкое правительство не принимало рѣшительно никакихъ мѣръ для ознакомленія своихъ войскъ съ ихъ правами и обязанностями во время войны съ христіанскимъ и цивилизованнымъ государствомъ. Напротивъ, оно, какъ мы видѣли выше, всѣми силами старалось возбудить религіозный фанатизмъ, ненависть и необузданныя страсти своихъ подданныхъ и войскъ. Наконецъ, само высшее турецкое правительство вынуждено было сознаться, что только по настояніямъ Германіи и нѣкоторыхъ другихъ великихъ державъ, оно познакомило свои войска съ постановленіями женевской конвенціи. Если турецкая армія ничего не знала объ этомъ положительномъ международномъ обязательствѣ, то какимъ же образомъ можно было отъ нея требовать знакомства съ обычаями войны, до сихъ поръ не изложенными ни въ какомъ торжественномъ актѣ? Если эти обычаи войны основываются на общихъ христіанскимъ и цивилизованнымъ народамъ культурныхъ понятіяхъ, то странно думать, что турки, проникнутые совершенно иными воззрѣніями на право, нравственность и цивилиза-

цію, могли руководствоваться непонятными для нихъ обычаями и законами.

Такимъ образомъ, всѣ звѣрства, преступленія и нарушенія законовъ войны, совершенныя турецкими войсками, необходимо было предвидѣть заранѣе, и никого они не должны были удивлять. Для турокъ не существовало законовъ, и *всѣ* средства нанесенія вреда врагу были позволительны въ ихъ глазахъ, нравственны и законны.

При такихъ обстоятельствахъ самъ собою рождается вопросъ: неужели нѣтъ никакихъ средствъ *заставить* воюющаго, совершающаго самыя неслыханныя преступленія, сообразоваться съ обычаями цивилизованной войны? Неужели нельзя было *принудить* турокъ прекратить насилія надъ мирнымъ, безоружнымъ населеніемъ, не нарушать обычаевъ и законовъ войны, уважать неприкосновенность парламентеровъ и отказаться отъ вѣроломства?

Къ сожалѣнію, необходимо признаться, что до сихъ поръ нѣтъ такого цѣлесообразнаго средства для принужденія воюющихъ относиться съ надлежащимъ уваженіемъ къ законамъ войны. Мы даже позволяемъ себѣ утверждать, что цивилизованное войско меньше всего имѣетъ подобныя гарантіи въ войнѣ съ арміею варварскаго государства.

Дѣйствительно, въ настоящее время единственнымъ средствомъ наказать непріятеля за нарушеніе обычаевъ войны представляются *репрессаліи*, заключающіяся въ примѣненіи моисеевскаго закона: «око за око, зубъ за зубъ». Если непріятель истязуетъ нашихъ раненыхъ, то мы имѣемъ право поступать такъ же съ его ранеными. Если онъ опустошаетъ, то и мы опустошаемъ; если онъ отравляетъ колодцы, то и мы отравляемъ; если онъ му-

читъ, насилуетъ и убиваетъ женщинъ и дѣтей, то и мы можемъ сдѣлать то же самое.

Такова основная идея всѣхъ репрессалій, принимаемыхъ воюющими сторонами другъ противъ друга. Этимъ средствомъ напоминанія непріятелю о существованіи обязательныхъ законовъ войны пользовались такіе высоко-образованные народы, какъ германцы и французы. На основаніи права репрессалій германское военное начальство жгло и разрушало всякое французское селеніе, въ которомъ германскіе солдаты подверглись нападенію со стороны вольныхъ стрѣлковъ. Сами мэры и жители деревень должны были доносить германскимъ войскамъ о появленіи франтиреровъ, своихъ соотечественниковъ, взявшихся за оружіе для спасенія родины. Въ случаѣ неисполненія этой обязанности, какъ мэрамъ, такъ и жителямъ угрожали смерть и раззореніе[1]). Исторія намъ указываетъ на множество случаевъ самыхъ ужасныхъ жестокостей, совершенныхъ на основаніи репрессалій[2]). Совершенно невинныя люди приносились въ жертву, и цѣлыя области систематически подвергались опустошенію, между тѣмъ какъ дѣйствительно виновные были свободны отъ всякаго взысканія.

Когда, въ 1874 году, русское правительство приняло на себя починъ въ выясненіи законовъ и обычаевъ войны, оно сдѣлало попытку поставить извѣстныя границы для репрессалій. Въ русскомъ проектѣ военной конвенціи были три статьи, посвященныя этому предмету. На основаніи первой

[1]) *Rolin-Jaequemyns* въ Revue de droit international, t. II, p. 312 et suiv.

[2]) *Vattel.* Droit des gens, § 347 et suiv — *Wheaton's* Elements of International Law (ed. by *Dana*), § 242 etc.—*Calvo.* Droit international, t. II, § 833.

статьи репрессаліи допускались только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, когда непріятель несомнѣннымъ образомъ нарушилъ законы войны; но никогда репрессаліи не должны упускать изъ виду требованій человѣколюбія (ст. 69). Во-вторыхъ, репрессивныя мѣры должны быть соразмѣрны съ нарушеніями права (ст. 70). Въ третьихъ, только съ разрѣшенія главнокомандующаго репрессаліи могли быть принимаемы и только отъ него зависило опредѣленіе ихъ размѣра и продолжительности (ст. 71).

Но на брюссельской конференціи эти постановленія были оставлены безъ вниманія вслѣдствіе предложенія перваго бельгійскаго делегата, барона Ламбермона, положить статьи русскаго проекта на «алтарь человѣколюбія». Это предложеніе было принято конференціею, и потому, въ проектѣ декларації, составленномъ въ Брюсселѣ, ни единымъ словомъ не упоминается о репрессаліяхъ. Но можно ли вслѣдствіе неупоминанія о репрессаліяхъ думать, что онѣ вышли изъ употребленія? Разумѣется, нѣтъ. Совершенно справедливо возраженіе предсѣдателя конференціи, барона Жомини: «Если можно отмѣнить репрессаліи тѣмъ, чтобы о нихъ не говорить ни слова, я могу только присоединиться къ предложенію; но если онѣ останутся и будутъ вызываться потребностями войны, то я опасаюсь, что наше молчаніе и эта неопредѣленность уничтожатъ всякіе для нихъ предѣлы»[1]).

Въ самомъ дѣлѣ, если воюющія стороны до сихъ поръ считаютъ себя въ правѣ прибѣгать къ репрессаліямъ, то въ интересахъ человѣколюбія—поставить репрессаліямъ возможныя границы и смягчить, насколько возможно, жестокое ихъ примѣненіе.

[1]) Les Actes de la Conférence de Bruxelles, protocole № XVI.

Господствующая до сихъ поръ неопредѣленность насчетъ размѣровъ и законныхъ основаній для принятія репрессалій непремѣнно должна будетъ отозваться крайне чувствительно на невинныхъ жертвахъ гнѣва и ненависти воюющаго.

Въ русскомъ проектѣ выставлялось одно весьма важное условіе, заключающееся въ томъ, что только за главнокомандующимъ было признано право разрѣшать репрессаліи. Если принять въ соображеніе, что даже въ новѣйшихъ войнахъ респрессаліи часто примѣнялись офицерами и даже нижними чинами, непосредственно потерпѣвшими какую нибудь обиду, и что немедленное принятіе репрессалій, въ пылу гнѣва, превосходило всякую мѣру съ совершеннымъ преступленіемъ, — то понятна будетъ важность постановленія, предоставляющаго это право исключительно главнокомандующему.

Основательность точки зрѣнія русскаго проекта была признана Институтомъ международнаго права, члены котораго были того мнѣнія, что если нельзя совершенно отмѣнить репрессаліи, то, по меньшей мѣрѣ, необходимо поставить имъ опредѣленныя границы. Институтъ предложилъ по этому предмету слѣдующія четыре основныя начала: 1) порядокъ примѣненія репрессалій и ихъ объемъ должны соразмѣряться съ совершеннымъ непріятелемъ правонарушеніемъ; 2) онѣ безусловно запрещаются въ томъ случаѣ, когда нарушенное право возстановлено и получено удовлетвореніе; 3) онѣ могутъ быть принимаемы не иначе, какъ съ разрѣшенія главнокомандующаго, и 4) должны, во всякомъ случаѣ, сообразоваться съ законами человѣколюбія и нравственности[1]).

[1]) *Annuaire de l'Institut de droit international*, 1877, p. 136.

Эти «основныя начала», провозглашенныя Институтомъ международнаго права, очевидно только развиваютъ постановленія русскаго проекта 1874 г.

Обращаясь теперь къ *минувшей войнѣ* и, въ частности, къ образу дѣйствій русскихъ войскъ, мы должны сказать, что всѣ безжалостныя звѣрства, совершенныя турками, давали нашимъ военнымъ властямъ неограниченное право репрессалій. Если вспомнить постоянныя нарушенія со стороны турецкихъ войскъ несомнѣнныхъ обычаевъ войны, если принять въ соображеніе, съ какою изысканною безчеловѣчностью они надругались надъ постановленіями женевской конвенціи, то никто не станетъ отрицать, что наши войска, уже на основаніи права репрессалій, могли совершать, *законнымъ образомъ*, всѣ тѣ гнусныя звѣрства, которыя относились въ Константинополѣ на счетъ русскихъ армій. За увѣчья, нанесенныя нашимъ больнымъ, можно было наносить такія же увѣчья попавшимся въ наши руки туркамъ; за мученіе раненыхъ и ограбленіе мертвыхъ можно было казнить турецкихъ военноплѣнныхъ и заковать въ кандалы турецкихъ генераловъ, положившихъ оружіе. За вѣроломныя убійства и злоупотребленія парламентерскимъ флагомъ, можно было *не давать пощады ни одному* турку и ни одному башибузуку.

Когда, лѣтомъ 1877 года, русскій народъ узналъ о всѣхъ звѣрствахъ турецкихъ войскъ, онъ былъ до такой степени возмущенъ, что повсюду слышались, въ печати и обществѣ, требованія, чтобы наши арміи прибѣгали къ репрессаліямъ и наказывали турокъ, попавшихся къ намъ въ плѣнъ, за преступленія ихъ соотечественниковъ. Но это требованіе было заглушено голосомъ разума наиболѣе развитой части нашего общества и не могло устоять

предъ человѣколюбивыми чувствами русскаго народа, одержавшими блестящую побѣду надъ чувствомъ справедливаго гнѣва. Турецкіе военноплѣнные находили въ Россіи только ласки и гостепріимство.

Нельзя не порадоваться такому исходу этого кризиса. Здѣсь снова обнаружились богатыя залежи нравственныхъ идеаловъ и прекрасныхъ задатковъ, кроющихся въ сердцѣ русскаго народа.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что репрессаліи не только унизили бы нравственное достоинство русскихъ войскъ, но, кромѣ того, не привели бы ни къ какимъ благопріятнымъ результатамъ, обрушившись на совершенно невинныхъ лицъ. Весьма справедливо замѣчаетъ Блюнчли, что «варварскій поступокъ непріятеля не оправдываетъ собственнаго варварства». Но въ то же время, этотъ знаменитый писатель допускаетъ, что «если дикіе замучиваютъ до смерти военноплѣнныхъ, то цивилизованныя войска въ крайнемъ случаѣ могутъ, въ видѣ репрессалій, убивать плѣненныхъ дикихъ, но не мучить ихъ» [1]).

Такое положеніе кажется намъ слишкомъ рискованнымъ. Положимъ, наши войска, захвативъ нѣсколько сотъ башибузуковъ, черкесовъ или курдовъ, безпощадно перебили бы ихъ за совершенныя вообще башибузуками, черкесами и курдами звѣрства. Развѣ этимъ можно было остановить другихъ негодяевъ въ турецкомъ лагерѣ? Разумѣется, нѣтъ! Какое дѣло одному башибузуку до того, что другой казненъ непріятелемъ? Онъ даже не узнаетъ объ участи своего собрата, а если и узнаетъ, то по-

[1]) *Bluntschli.* Das moderne Völkerrecht § 567. — Срав. *Rüstow.* Kriegspolitik, S. 189.

старается еще больше свирѣпствовать въ отмщеніе русскимъ и болгарамъ. Подобно тому, какъ истребленіе одного волка не превратитъ другихъ его собратій въ овецъ, точно также казнь захваченныхъ въ плѣнъ башибузуковъ и курдовъ навѣрно не превратила бы, по мановенію волшебнаго жезла, другихъ въ людей и солдатъ, соблюдающихъ правила законной войны. Напротивъ, стоитъ только разрѣшить войскамъ и, въ особенности, солдатамъ своевольно прибѣгать къ репрессаліямъ и всевозможнымъ звѣрствамъ, чтобы скоро убѣдиться, насколько отъ этого страдаютъ военная дисциплина и нравственный характеръ самыхъ войскъ. Если разъ дана полная свобода необузданнымъ, дикимъ страстямъ, то трудно уже будетъ поставить имъ желанныя границы и направить ихъ на надлежащій путь. Между тѣмъ, ничто такъ не колеблетъ основъ дисциплины и не развращаетъ войска, какъ свобода, предоставленная его чувству мести, даже справедливому негодованію и животнымъ его страстямъ.

Можетъ быть, этими соображеніями объясняется правило относительно репрессалій, принятое въ нашихъ арміяхъ въ продолженіе минувшей войны. Правило это заключалось въ томъ, что исключительно съ разрѣшенія главнокомандующихъ начальники отдѣльныхъ отрядовъ имѣли право прибѣгать къ репрессаліямъ. Кромѣ того, о намѣреніи прибѣгнуть къ репрессаліямъ необходимо было предупредить командующихъ непріятельскихъ войскъ[1]). Наконецъ, по словамъ корреспондента вѣнской газеты «Presse», «Императоръ Александръ формально запретилъ всякія репрессаліи, и офицеры должны были соблюдать въ этомъ отношеніи строжайшую

[1]) «*Летучій Военный Листокъ*» № 58.

дисциплину», хотя озлобленіе русскихъ противъ «каннибаловъ», отрѣзывающихъ уши и носы у раненыхъ, достигло высшей степени [1]).

Такимъ образомъ, нельзя не признать репрессаліи весьма нецѣлесообразнымъ средствомъ обезпечить, со стороны такого врага, какъ турецкое войско, соблюденіе обычаевъ войны. Но, имѣя въ виду, что въ настоящее время не выработалось другаго средства, необходимо признать за воюющею стороной право прибѣгать, въ крайнихъ случаяхъ, къ репрессаліямъ; только не совсѣмъ практичнымъ представляется намъ существующій въ настоящее время порядокъ примѣненія ихъ. Кромѣ того, что необходимо соблюдать «основныя начала», провозглашаемыя Институтомъ международнаго права и уже раньше принятыя русскимъ правительствомъ, казалось бы полезнымъ соблюдать еще слѣдующія два правила: 1) Если можно поймать виновнаго въ нарушеніи обычаевъ войны, то онъ долженъ разсматриваться не какъ военноплѣнный, но какъ преступникъ, подлежащій военно-уголовному суду. Такъ, пойманные на мѣстѣ преступленія башибузуки или курды не должны пользоваться правами военноплѣнныхъ, но быть преданы суду и наказаны по всей строгости законовъ. Кажется, такіе примѣры въ отношеніи башибузуковъ бывали въ минувшую войну. 2) Если нельзя призвать къ отвѣтственности дѣйствительно виновныхъ, то прежде всего слѣдуетъ пользоваться правомъ репрессалій въ отношеніи командировъ и офицеровъ непріятельскихъ войскъ, которые прежде всего виновны въ гнусныхъ поступкахъ своихъ подчиненныхъ. Если бы командующіе турецкіе генералы и офицеры знали напе-

---

[1]) См. «*Голосъ*» отъ 22-го іюля 1877 года.

редъ, что съ нихъ будутъ взыскивать въ Россіи, въ случаѣ взятія въ плѣнъ, за звѣрства своихъ войскъ, то навѣрно больше прилагали бы старанія предупредить эти звѣрства. Такъ, не смотря на протесты героя Плевны, Османа-паши, не подлежитъ сомнѣнію, что онъ поступалъ съ своими ранеными солдатами самымъ безстыднымъ образомъ. Стоитъ только прочесть въ туркофильской лондонской газетѣ «Standard» (отъ 14-го ноября 1877 г.) письмо изъ Плевны, чтобы видѣть, какъ Османъ-паша совершенно хладнокровно прогонялъ англійскихъ докторовъ, предлагавшихъ ему безвозмездно ходить за больными и лечить ихъ на собственныя средства. Между тѣмъ, въ Плевнѣ было до 5000 больныхъ и раненыхъ, лишенныхъ почти всякаго ухода! Даже письменный протестъ начальника англійской экспедиціи, прибывшей въ Плевну съ докторами и громаднымъ запасомъ врачебныхъ средствъ, не произвелъ на мушира никакого дѣйствія. Онъ остался при своемъ мнѣніи, что раненые и больные должны умереть и составляютъ лишнее для него бремя. Даже англичанинъ-туркофилъ называетъ поведеніе Османа-паши «безстыднымъ» (shameful)[1]). Но для насъ, русскихъ, невольно рождается вопросъ: если Османъ-паша поступалъ такъ безчеловѣчно со своими собственными ранеными, то неужели онъ церемонился съ нашими ранеными, попавшимися къ нему въ плѣнъ?

При такихъ обстоятельствахъ, безпристрастное и строгое изслѣдованіе поведенія Османа-паши, послѣ взятія его въ плѣнъ, русскимъ военнымъ судомъ было бы совершенно справедливо и имѣло бы самое радикальное вліяніе. Само собою разумѣется, что

---

[1]) *Coope.* Aprisoner of war in Russia. London 1878, p. 135.

подобная мѣра, если бы она была принята въ отношеніи Османа-паши, навѣрно вызвала бы противъ Россіи новыя обвиненія. Но всегда можно было доказать ея основательность и законность, какъ репрессалія. Притомъ, военные агенты нейтральныхъ державъ, состоявшіе при русской арміи, могли бы также получить право присутствовать при разбирательствѣ въ судѣ надъ поведеніемъ военныхъ начальниковъ, поддакивавшихъ или смотрѣвшихъ сквозь пальцы на всѣ безчинства своихъ отрядовъ.

Казнить же, въ видѣ репрессалій, сотни нижнихъ чиновъ намъ кажется мѣрою не только жестокою и варварскою, но и дѣйствіемъ крайне безполезнымъ и нецѣлесообразнымъ.

Глава VIII.

О раненыхъ и больныхъ воинахъ и военноплѣнныхъ.

I. Связь между судьбою раненыхъ и больныхъ воиновъ и положеніемъ военноплѣнныхъ.—Женевская конвенція 1864 года и дополнительныя статьи 1868 года.—Содержаніе конвенціи и культурное ея значеніе.—Опытъ войны франко-германской 1870 года и брюссельская конференція 1874 года.—«Красный Крестъ» и «Красный Полумѣсяцъ» во время минувшей войны.—Почему нельзя было ожидать отъ турокъ исполненія конвенціи?—Факты, доказывающіе необходимость гарантій, обезпечивающихъ уваженіе «Краснаго Креста».—Протестъ Германіи и другихъ державъ противъ нарушенія турецкими войсками женевской конвенціи.

II. Кто считается военноплѣннымъ?—Постановленія брюссельской конференціи. — Положеніе русскихъ военноплѣнныхъ въ Турціи. — Число ихъ. — Судьба турецкихъ военноплѣнныхъ въ Россіи. — Правила «Временнаго положенія о военноплѣнныхъ» 1877 г.— Число и распредѣленіе внутри Россіи. — Отношеніе къ нимъ русскаго общества.—Общій выводъ.

Между судьбою раненыхъ и больныхъ воиновъ и положеніемъ военноплѣнныхъ имѣется весьма тѣсная связь съ точки зрѣнія современнаго права войны. Подобно раненымъ, должны считаться неприкосновенными и военноплѣнные. Если враждебное дѣйствіе противъ раненаго непроститель-

но, то такое же дѣйствіе противъ военноплѣннаго предосудительно. Если раненые, будучи оторваны отъ своихъ отрядовъ, продолжаютъ пользоваться покровительствомъ права войны и женевской конвенціи, то, съ другой стороны, военноплѣнные точно также, силою обстоятельствъ отдѣленные отъ своихъ войскъ или отрядовъ, имѣютъ права и льготы, предоставляемыя имъ современными обычаями и законами войны. Наконецъ, значительное число военноплѣнныхъ были ранены или больны въ тотъ моментъ, когда попали въ плѣнъ, такъ что понятіе о военноплѣнномъ весьма часто совпадаетъ съ понятіемъ о раненомъ.

Но такая близкая связь между положеніемъ обоего рода жертвъ международной войны не всегда сознавалась народами. Въ тѣ времена, когда военноплѣннаго убивали или продавали въ рабство, раненый воинъ все-таки считался подъ нѣкоторымъ покровительствомъ боговъ. Когда, въ средніе вѣка, установился выкупъ военноплѣнныхъ, они стали разсматриваться какъ источникъ дохода и средство наживы. Раненый же воинъ пользовался даже въ это время покровительствомъ церкви и рыцарства. Но чѣмъ ближе мы приближаемся къ новѣйшему времени, тѣмъ ярче выступаетъ сближеніе положенія раненыхъ воиновъ съ военноплѣнными. Въ настоящее время раненые и больные воины поставлены подъ покровительство особеннаго международнаго договора, между тѣмъ какъ воины, взятые въ плѣнъ непріятелемъ, еще не пользуются тѣми же формальными гарантіями; но, вѣроятно, не очень далеко время, когда относительно военноплѣнныхъ будетъ заключенъ такой же международный актъ.

I

Уже выше мы имѣли случай указать на весьма распространенное мнѣніе, что женевская конвенція 1864

года въ первый разъ обезпечила судьбу раненыхъ и больныхъ воиновъ, объявляя ихъ «нейтральными» и признавая за ними право на покровительство со стороны всѣхъ воюющихъ государствъ. Но такое мнѣніе совершенно несправедливо. Уже съ давнихъ временъ между воюющими заключались соглашенія, на основаніи которыхъ раненые объявлялись неприкосновенными и за ними обезпечивался одинаковый уходъ въ врачебныхъ учрежденіяхъ воюющихъ государствъ. Съ конца XVI до начала нынѣшняго вѣка подобнаго рода уговоровъ было заключено около трехъ сотъ между различными европейскими государствами [1]). Заслуга женевской конвенціи заключается, главнымъ образомъ, въ томъ, что она выставила одинъ общій международный законъ, обязательный для всѣхъ европейскихъ государствъ, подписавшихъ ее.

Международныя соглашенія, предшествовавшія женевской конвенціи, ясно указываютъ на тѣ глубокіе корни, которые идея «Краснаго Креста» пустила въ сознаніе цивилизованныхъ народовъ. Если, въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій, высказывается сознаніе о неприкосновенности несчастныхъ изувѣченныхъ на поляхъ битвъ, если европейскіе народы уже давнымъ-давно были согласны насчетъ необходимости принятія общихъ мѣръ для спасенія жизни раненыхъ и больныхъ воиновъ, то это сознаніе и это согласіе, безъ сомнѣнія, коренятся въ нравственныхъ воззрѣніяхъ и правовыхъ понятіяхъ народовъ. И дѣйствительно, не только чувство христіанской любви и голосъ совѣсти, но и сознаніе своихъ правъ и обязанностей подсказывало просвѣщеннымъ народамъ

[1]) Срав. *Gurlt.* Zur Geschichte der internationalen und freiwilligen Krankenpflege, S. 3.—*Lueder.* Die Genfer Convention, S. 10 u. flg.

необходимость провозгласить личность раненаго врага неприкосновенною и считать его имѣющимъ *право* на помощь всякаго, даже того, съ которымъ онъ только-что сражался. Идея личной неприкосновенности раненыхъ служитъ мѣриломъ культурнаго состоянія народа въ данный періодъ. Она могла быть доступна только тѣмъ народамъ, которые стояли на извѣстной высотѣ культурнаго развитія и нравственнаго совершенства. Отсюда ясно, почему въ европейскихъ войнахъ, бывшихъ до 1864 года, на раненыхъ воюющія цивилизованныя государства смотрѣли какъ на лицъ неприкосновенныхъ, даже въ такомъ случаѣ, когда ихъ къ тому не обязывалъ никакой договоръ или данное слово. Существенно одинаковое міровоззрѣніе, общность основныхъ религіозныхъ убѣжденій, одинаковость нравственныхъ идеаловъ и правовыхъ понятій — вотъ чѣмъ объясняется взглядъ, выработавшійся въ военной практикѣ на раненыхъ и больныхъ воиновъ, помимо всякихъ международныхъ договоровъ.

Этого мало: въ приведенныхъ основаніяхъ заключается лучшая гарантія въ соблюденіи неприкосновенности раненыхъ и въ уваженіи ихъ правъ. Для государства, не сознающаго обязанности человѣколюбиво обходиться съ ранеными, заключенный съ этою цѣлью международный договоръ останется мертвою буквою. Для войскъ, не понимающихъ нравственнаго долга оказывать чужимъ раненымъ равную помощь со своими собственными, инструкціи и приказанія начальства останутся почти совсѣмъ безплодными.

Разсматривая съ этой точки зрѣнія женевскую конвенцію, намъ не трудно опредѣлить практическое ея значеніе во время послѣдней войны.

Содержаніе этой конвенціи состоитъ, главнымъ образомъ, въ слѣдующемъ. Походные лазареты, постоян-

ные военные госпитали и лазареты, учреждаемые правительствомъ, обществами или частными лицами, считаются неприкосновенными и пользуются уваженіемъ и покровительствомъ со стороны воюющихъ до тѣхъ поръ, пока въ нихъ находятся раненые и больные. Лица, состоящія при походныхъ лазаретахъ, военныхъ госпиталяхъ и лазаретахъ, какъ-то: доктора, аптекаря, фельдшера, носильщики раненыхъ, больничная прислуга, равно какъ и духовныя лица пользуются неприкосновенностью во все время, когда они находятся при отправленіи своихъ обязанностей и даже въ томъ случаѣ, когда мѣсто ихъ нахожденія перейдетъ въ руки непріятеля. Отъ командующаго непріятельскимъ войскомъ зависитъ опредѣлить время и путь для возвращенія этихъ лицъ въ армію, при которой они состоятъ. Весь наличный матеріалъ военныхъ постоянныхъ госпиталей можетъ быть захватываемъ непріятелемъ. Напротивъ походные лазареты сохраняютъ весь свой матеріалъ неприкосновеннымъ (ст. 1—5).

Далѣе, жители непріятельской страны, оказывающіе помощь раненымъ, должны быть пощажены и пользоваться покровительствомъ. Домъ, въ который принятъ раненый, долженъ пользоваться полною охраною и быть освобожденъ отъ военнаго постоя, а хозяинъ дома отъ уплаты контрибуціи, положенной на мѣстность (ст. 5).

Раненые и больные воины, безъ всякаго различія, должны быть подбираемы и пользоваться одинаковымъ уходомъ въ лазаретахъ и госпиталяхъ всѣхъ народовъ. Непріятельскіе раненые и больные, если позволяютъ обстоятельства, могутъ быть немедленно передаваемы на аванпосты непріятельскаго отряда, командующій которымъ выразилъ на то свое согласіе (ст. 6).

По выздоровленіи раненые и больные, если они окажутся неспособными продолжать службу, должны быть препровождаемы въ свое отечество; если же окажется, что они способны къ дальнѣйшей военной службѣ, то *могутъ* быть возвращаемы на родину подъ условіемъ не принимать участія въ военныхъ дѣйствіяхъ во время продолженія войны (ст. 6).

Всѣ сооруженія, зданія и повозки, посвященныя санитарной службѣ, а равно и состоящія при нихъ лица, имѣютъ особенный отличительный знакъ: для первыхъ бѣлый флагъ съ «Краснымъ Крестомъ» или подобнаго же рода вывѣска; для послѣднихъ повязка на рукавѣ съ «Краснымъ Крестомъ». Какъ тѣ, такъ и другіе считаются нейтральными и пользуются полною неприкосновенностью (ст. 7).

Таковы существенныя постановленія женевской конвенціи 1864 года. Но весьма скоро опытъ показалъ, что этотъ международный актъ, съ одной стороны, весьма неполонъ, съ другой, ему присущи весьма существенные недостатки. Неполнота женевской конвенціи бросается въ глаза уже потому, что въ ней нѣтъ ни одного постановленія касательно раненыхъ во время военныхъ дѣйствій на морѣ. Ошибочность же и недостатки ея редакціи весьма скоро до такой степени обнаружились на практикѣ, что воюющія государства, подписавшія ее и желавшія исполнить добросовѣстнымъ образомъ, не могли того сдѣлать, потому что не могли рѣшиться компрометтировать судьбу своихъ армій на театрѣ военныхъ дѣйствій. Они, между прочимъ, никакъ не могли рѣшиться исполнить постановленіе конвенціи, категорически предписывающее возвращать на родину раненаго непріятеля, если по выздоровленіи онъ окажется неспособнымъ къ активной военной службѣ. Но раненый геніальный стратегъ, возвращенный на родину,

могъ бы своими совѣтами и указаніями наносить вреда болѣе, нежели отпущенная на родину сотня тысячъ нижнихъ чиновъ. Точно также обязанность непремѣнно возвращать непріятелю походные лазареты вмѣстѣ съ матеріалами и состоящимъ при нихъ врачебнымъ персоналомъ, вызывала справедливые протесты со стороны воюющаго, у котораго оказались на рукахъ сотни раненыхъ и больныхъ военноплѣнныхъ.

Всѣ эти пробѣлы, недомолвки и недосмотры заставили собрать въ 1868 году новую международную конференцію для дополненія конвенціи 1864 года. Эта конференція дѣйствительно выработала 15 «дополнительныхъ статей», которыя, однако, по сіе время еще не приняты европейскими державами, и потому обязательной силы не имѣютъ[1]).

Такимъ образомъ женевская конвенція 1864 года, принятая въ настоящее время почти всѣми европейскими государствами, осталась единственно обязательнымъ международнымъ закономъ для опредѣленія судьбы раненыхъ и больныхъ воиновъ во время международныхъ войнъ. Не смотря на всѣ присущіе ей недостатки, женевская конвенція все-таки оказала, въ продолженіи недолговременнаго своего существованія, огромныя, неоцѣненныя услуги дѣлу человѣколюбія. Нѣтъ сомнѣнія, что сотни тысячъ людей обязаны ей своею жизнью и здоровьемъ. Можно найдти какіе угодно недостатки въ этомъ актѣ, можно доказать, что онъ совершенно несостоятеленъ съ точки зрѣнія военной практики, все-таки никто не въ состояніи отрицать, что женевская конвенція была благодѣяніемъ для сражающихся войскъ и существеннѣйшимъ образомъ ограничивала ужасныя бѣдствія войны.

---

[1]) *Moynier.* La Convention de Genève, p. 123.

Но огромное культурное значеніе этой конвенціи состоитъ не только въ одномъ ограниченіи бѣдствій войны. Нѣтъ, женевская конвенція потому имѣетъ такое всемірное, историческое значеніе, что въ ней совершенно рельефно высказывается солидарность интересовъ и общность нравственныхъ и правовыхъ понятій цивилизованныхъ народовъ. На основаніи этого акта, воюющіе, даже въ разгарѣ самыхъ необузданныхъ страстей, признаютъ себя связанными опредѣленнымъ закономъ, требующимъ отъ нихъ уваженія къ раненому непріятелю и покровительства для больнаго воина. Предъ «Краснымъ Крестомъ» должны умолкнуть чувства дикой ненависти и мести; всѣ раненые и больные, къ какой бы національности они не принадлежали, находятся подъ покровительствомъ международнаго права и должны пользоваться защитою со стороны всѣхъ государствъ, какъ воюющихъ, такъ и нейтральныхъ; всѣ лица, посвятившія себя трудному дѣлу ухода за ранеными и больными, имѣютъ право на неприкосновенность и охрану повсюду, куда ихъ зоветъ святой долгъ.

Сознаніе всѣми государствами обязанности содѣйствовать облегченію участи несчастныхъ жертвъ войны и оказывать другъ другу всякую помощь въ этомъ отношеніи—безспорно дѣло женевской конвенціи. Она вызвала къ жизни множество частныхъ обществъ съ цѣлью служенія святому дѣлу; она подвинула подданныхъ даже нейтральныхъ государствъ на матеріальныя и личныя жертвоприношенія на пользу пострадавшихъ отъ войны; она сдѣлала «Красный Крестъ» символомъ христіанской любви къ ближнему, подъ сѣнію котораго должны быть сдѣланы новые шаги на пути къ ограниченію бѣдствій войны.

Если женевская конвенція даже только подтвердила правила, уже принятыя государствами въ прежде

заключенныхъ отдѣльныхъ договорахъ, то все-таки она точно выразила мысль, что *всѣ* цивилизованные народы одинаково смотрятъ на раненыхъ и потому одинаково обязаны пещись объ ихъ участи и спасеніи. Въ выраженіи этой общности ихъ правъ и обязанностей во время войны по отношенію къ раненымъ состоитъ главная заслуга женевской конвенціи. Она бросила сѣмя, которому суждено не погибнуть, но расти и приносить обильные плоды.

Вотъ почему нельзя не дорожить женевскою конвенціею и охранять ее отъ незаслуженныхъ упрековъ и неразумныхъ нападеній. Она, безъ сомнѣнія, должна быть измѣнена и подвергнуться тщательному пересмотру, но основная ея мысль и руководящія начала должны остаться неприкосновенными для каждаго, которому дороги интересы цивилизаціи и близко къ сердцу дѣло человѣколюбія.

Война 1870 года снова обнаружила недостатки женевской конвенціи. Франція и Германія энергически протестовали противъ нарушеній ея и обвиняли другъ друга въ поступкахъ, прямо воспрещаемыхъ этимъ актомъ. Но несправедливо считать всѣ нарушенія женевской конвенціи во время франко-германской войны умышленными. Германскій и французскій народъ до такой степени сознаютъ все благодѣтельное значеніе конвенціи и настолько понимаютъ свои обязанности въ отношеніи раненыхъ и больныхъ, что нельзя приписывать ни тому, ни другому намѣренія стрѣлять въ госпитали или убивать больныхъ и раненыхъ.

Прискорбныя пререканія, происходившія между обоими воюющими, можно объяснить двумя причинами: 1) вышеуказанными недостатками самой конвенціи и 2) незнакомствомъ, въ особенности французскихъ войскъ, со всѣми ея постановленіями. Что

дѣйствительно правительствами не были приняты всѣ необходимыя мѣры для точнаго ознакомленія войскъ съ постановленіями конвенціи—это вопросъ, не подлежащій никакому сомнѣнію [1]). Но нельзя не прибавить, что въ составъ французской арміи входилъ еще такой элементъ, который абсолютно неспособенъ ни понимать, ни добросовѣстно исполнять этотъ международный актъ. Это—тюркосы, дикіе арабы, которыхъ цивилизованное французское правительство не гнушалось выпустить противъ другаго образованнаго и христіанскаго народа. Тюркосы оказались такими же исполнителями женевской конвенціи, какъ въ минувшую войну турецкія войска. Они уродовали раненыхъ и убитыхъ, какъ это дѣлали весьма недавно турецкіе низамы, башибузуки, черкесы и курды. Въ виду такого поведенія тюркосовъ, германскія войска часто не давали имъ пощады, и графъ Бисмаркъ настойчиво доказывалъ, что ихъ незачѣмъ брать въ плѣнъ. Понятно, что присутствіе въ рядахъ французской арміи такихъ африканскихъ башибузуковъ должно было имѣть послѣдствіемъ то, что всѣ злодѣянія и звѣрства, совершенныя тюркосами, падали всецѣло на французскую армію.

Опытъ франко-германской войны снова указалъ на необходимость измѣнить нѣкоторыя постановленія женевской конвенціи. Когда въ 1874 году русское правительство созвало брюссельскую конференцію, оно включило въ свой проектъ военной конвенціи также нѣсколько статей, которыя должны были восполнить пробѣлы и устранить недоразумѣнія, представившіяся на практикѣ. Но эти статьи не были подвергнуты обсужденію со стороны конференціи, въ

[1]) *Rolin-Jaequemyns* въ Revue de droit international, t. II, p. 87 etc.; t. III, p. 327 etc.—*Rüstow*, Kriegspolitik, S. 200.

виду заявленія швейцарскаго союзнаго совѣта, что онъ самъ занимается вопросомъ объ улучшеніи женевской конвенціи и желалъ бы сохранить на время ея неприкосновенною. Поэтому члены брюссельской конференціи посвятили два засѣданія только обмѣну своихъ мыслей насчетъ измѣненій, которыя желательно ввести въ нынѣ существующій текстъ женевской конвенціи[1]).

Между тѣмъ, время шло, и когда въ 1875 году начались смуты на Балканскомъ полуостровѣ, вниманіе руководящихъ европейскихъ державъ не могло быть обращено на обсужденіе женевской конвенціи. Этимъ объясняется, почему война между Россіею и Турціею застала эту конвенцію въ томъ же видѣ, въ какомъ она находилась во время франко-германской войны.

II.

Судьба женевской конвенціи въ продолженіе минувшей войны была до такой степени печальною, что измѣненіе ея является насущнымъ вопросомъ дня. Но этого мало: не только необходимо улучшить редакцію ея статей и дополнить ея новыми постановленіями, но крайне необходимо отъискать какія нибудь гарантіи, могущія обезпечить добросовѣстное исполненіе этого международнаго договора. Такія гарантіи въ особенности нужны въ войнѣ съ народомъ, который не въ состояніи, ни понять высокогуманной цѣли конвенціи, ни проникнуться сознаніемъ своей обязанности уважать личную неприкосновенность раненыхъ и больныхъ, даже помимо всякаго международнаго соглашенія. Для такого народа необходимо изобрѣсти особенныя средства, при-

[1]) Les Actes de la Conférence de Bruxelles, protocoles №№ VIII et IX.

думать спеціальныя мѣры, которыя могли бы побудить его ограничить свои дикія страсти, умѣрить политическую ненависть и не давать волю религіозному фанатизму.

Естественно, что такого рода гарантіи тѣмъ болѣе необходимы при неопредѣленности самаго обязательства. Женевская конвенція можетъ быть, въ нынѣшнемъ ея видѣ, исполняема и принести надлежащую пользу только при двухъ условіяхъ: 1) если обѣ воюющія стороны проникнуты безусловнымъ къ ней уваженіемъ и искренно желаютъ исполнять ее самымъ добросовѣстнымъ образомъ, и 2) женевская конвенція должна быть, прежде всего, хорошо извѣстна войскамъ.

Между тѣмъ этихъ условій именно не было во все время минувшей войны. Мы выше видѣли (глава V) съ какимъ пренебреженіемъ относилась Турція къ своей обязанности обезпечить исполненіе со стороны своихъ войскъ женевской конвенціи. Турецкое правительство выказывало явное нежеланіе исполнить обязательство, заключенное имъ еще въ 1865 году. Не только войска турецкія, но и сами турецкіе министры не имѣли точнаго понятія о женевской конвенціи въ 1877 году. Только уже въ разгарѣ войны турецкое правительство, по настояніямъ Германіи и остальныхъ западно-европейскихъ державъ, вынуждено было принять кое-какія мѣры для ознакомленія своихъ войскъ съ женевскою конвенціею. Самъ великій визирь Эдхемъ-паша, какъ видно изъ депеши сэра Ляйарда отъ 24-го августа 1877 года, сознавался, что турецкія войска, «набранныя въ самыхъ отдаленныхъ частяхъ имперіи, вѣроятно ничего о ней не слыхали». Но, прибавилъ великій визирь, теперь онъ сдѣлалъ распоряженіе объ отпечатаніи экземпляровъ женевской конвенціи, въ турецкомъ пере-

водѣ, которые въ огромномъ количествѣ должны быть распространены въ турецкой арміи. Сверхъ того, онъ приказалъ дать наставленіе офицерамъ, чтобы они были въ состояніи объяснить постановленія этого акта своимъ солдатамъ[1]).

Стало быть, до *конца августа* 1877 года, въ Турціи даже не было турецкаго перевода женевской конвенціи. До этого времени, по сознанію самого главы турецкаго правительства, ни офицеры, ни солдаты не имѣли и *не могли* имѣть понятія о женевской конвенціи. Едва ли требуются еще другія доказательства тому, что турецкое правительство относилось съ неслыханнымъ легкомысліемъ и невѣроятной небрежностью къ подписанному имъ международному обязательству. Едва-ли, теперь можно удивляться тѣмъ звѣрскимъ истязаніямъ, которыя совершались турецкими регулярными и иррегулярными войсками надъ русскими ранеными и больными.

Впочемъ, въ началѣ войны въ Константинополѣ было также учреждено «Общество Краснаго Полумѣсяца» для ухода за больными и ранеными. Можетъ быть, оно приняло какія нибудь мѣры съ цѣлью довести до свѣдѣнія турецкихъ войскъ ихъ обязанности въ отношеніи раненыхъ? Нисколько. Изъ «Bulletin international» женевскаго комитета «Краснаго Креста» видно, что не раньше какъ въ засѣданіи константинопольскаго общества отъ 5-го декабря 1877 года докторъ Мунди представилъ проектъ циркуляра, предназначенный для разсылки во всѣ военно-походные и постоянные лазареты и госпитали на французскомъ и турецкомъ языкахъ, въ которомъ были объяснены постановленія конвенціи[2]).

---

[1]) *Staatsarchiv*. Bd. XXXIII, № 6561.

[2]) «*Bulletin international*» janvier 1878, p. 32.

Таково было отношеніе Турціи къ женевской конвенціи. Имѣя въ виду эти факты, нельзя спокойно относиться къ кляузамъ, которыя были выставлены турецкимъ правительствомъ противъ «Краснаго Креста», какъ отличительнаго знака для госпиталей и лазаретовъ. Съ какою энергіею доказывала Порта, что она не можетъ требовать отъ своихъ армій соблюденія женевской конвенціи, если «Красный Крестъ» останется охранительнымъ знакомъ! Съ какимъ апломбомъ утверждала она въ *началѣ іюня* 1877 года, что ею приняты всѣ мѣры съ цѣлью обезпечить со стороны оттоманскихъ войскъ «самое добросовѣстное» исполненіе женевской конвенціи «во всѣхъ случаяхъ, и что турецкимъ войскамъ даны формальныя инструкціи въ этомъ смыслѣ»[1]).

Сопоставляя это заявленіе турецкаго правительства, отъ 13-го іюня, со словами великаго визиря, сказанными англійскому послу 24-го августа, невольно приходишь въ недоумѣніе. Въ началѣ іюня турецкое правительство объявляетъ, что имъ даны «формальныя инструкціи» войскамъ съ цѣлью объяснить постановленія женевской конвенціи; въ концѣ же августа оно объявляетъ, что такія инструкціи еще *не* даны, но *будутъ* готовы послѣ перевода женевской конвенціи на турецкій языкъ и отпечатанія ея для разсылки въ арміи. Какъ же такъ? Инструк-

[1]) См. депешу турецкаго министра иностранныхъ дѣлъ, отъ 13-го іюня 1877 года, къ президенту швейцарскаго союзнаго совѣта и представителямъ Порты заграницей. Вотъ подлинныя слова: «Afin de prévenir tout malentendu à cet égard, le gouvernement impérial déclare que, conformément à la dite Convention (de Genève), à laquelle il a adhéré dès le principe, la Croix Rouge *continuera à être respectée religieusement par les armées ottomanes en toute circonstance, que des instructions formelles leur sont données dans ce sens*»...

ціи даны и не даны? Впрочемъ, можетъ быть, въ іюнѣ мѣсяцѣ инструкціи турецкимъ войскамъ были даны на французскомъ языкѣ и только въ августѣ въ Константинополѣ убѣдились, что турецкія войска французскаго языка не понимаютъ, и потому необходимо было сперва перевести женевскую конвенцію на турецкій языкъ и только затѣмъ сочинить новыя инструкціи.

Какъ бы то ни было, сравненіе этихъ офиціальныхъ заявленій турецкаго правительства служитъ новымъ доказательствомъ тому, насколько въ Константинополѣ не церемонились съ правдою и не останавливались ни предъ чѣмъ для обмана общественнаго мнѣнія Европы. Это обстоятельство нельзя не имѣть въ виду при оцѣнкѣ всѣхъ безчисленныхъ обвиненій, взведенныхъ турецкимъ правительствомъ на русскую армію. Наконецъ, если въ іюнѣ мѣсяцѣ турецкое правительство могло выдавать за совершившійся фактъ снабженіе турецкихъ войскъ инструкціями, о которыхъ и помину не было въ концѣ августа, то весьма естественно сомнѣніе въ томъ, чтобы и впослѣдствіи, послѣ августа мѣсяца, были даны какія нибудь наставленія турецкимъ арміямъ насчетъ женевскаго акта.

Совершенно иначе дѣйствовала Россія въ настоящемъ вопросѣ. Несмотря на странность отказа турецкаго правительства поднимать на своихъ госпиталяхъ «Красный Крестъ»; несмотря на то, что этотъ отказъ, основанный на томъ, что будто бы «Красный Крестъ» возбуждаетъ религіозный фанатизмъ оттоманскихъ войскъ, долженъ былъ вселить въ русской арміи весьма основательныя опасенія за женевскую конвенцію и неприкосновенность русскихъ раненыхъ и госпиталей, охраняемыхъ ненавистнымъ для непріятеля «Краснымъ Крестомъ», — все-таки русское

правительство, съ самаго начала войны, объявило о своемъ твердомъ намѣреніи добросовѣстно исполнять предписанія женевскаго акта. Этого мало. Правительство и главнокомандующіе дѣйствующими арміями приняли цѣлесообразныя мѣры для ознакомленія войскъ съ ихъ правами и обязанностями въ отношеніи раненыхъ и больныхъ (см. глава V). Когда же наконецъ кончились странные переговоры съ турецкимъ военнымъ начальствомъ и правительствомъ о «Красномъ Полумѣсяцѣ», приказомъ по войскамъ дѣйствующей арміи, отъ 23-го іюля 1877 года, было вновь вмѣнено въ обязанность точнымъ образомъ соблюдать распоряженіе главнокомандующаго отъ 20-го іюня того же года, на основаніи котораго «Красный Полумѣсяцъ» признавался охранительнымъ знакомъ для турецкихъ госпиталей и лазаретовъ. Слѣдовательно, еще раньше окончанія переговоровъ съ турецкимъ главнокомандующимъ, русское военное начальство предписало войскамъ уважать новый турецкій отличительный знакъ.

При этомъ русскимъ войскамъ было объявлено, главнокомандующимъ; что «святость дѣла ухода за «ранеными, пострадавшими на полѣ брани, даетъ заведеніямъ, назначеннымъ для удовлетворенія этой «цѣли, и лицамъ, посвятившимъ себя подобнаго рода «дѣятельности, право на особое покровительствова«ніе ихъ, *независимо отъ внѣшняго знака, принятаго «для указанія ихъ спеціальности*».

На основаніи этого соображенія было предписано: «1) строго воздерживаться отъ выстрѣловъ и дру«гихъ враждебныхъ дѣйствій противъ госпитальныхъ «зданій и мѣстностей, служащихъ для ухода за боль«ными и ранеными, и прикрытыхъ бѣлымъ флагомъ «съ «Красною Луною», а также, противъ лицъ, носящихъ подобную повязку».

«2) Въ случаѣ захвата войсками дѣйствующей ар«міи непріятельскихъ госпиталей или другихъ сани«тарныхъ учрежденій не возбранять находящимся въ «нихъ лицамъ, носящимъ означенную повязку и не «принадлежащимъ къ составу строевыхъ частей, про«долженіе принятой ими на себя человѣколюбивой «дѣятельности».

Наконецъ прибавлено главнокомандующимъ: «Вся«кое нарушеніе настоящихъ правилъ будетъ подверг«нуто мною строгому взысканію. Съ другой стороны, «однако же, само собою разумѣется, что если бы «оказалось, что знакъ, установленный для обозначе«нія санитарныхъ учрежденій и нестроеваго ихъ пер«сонала, послужилъ средствомъ для охраненія чисто «воинскихъ заведеній и чиновъ боеваго состава войскъ, «то всякій подобный случай долженъ быть доведенъ «до свѣдѣнія начальства, для соотвѣтственнаго, по «усмотрѣнію обстоятельствъ, распоряженія»[1]).

Послѣднія слова приказа замѣчательны потому, что ими устанавливается правило, на основаніи котораго, даже въ случаѣ злоупотребленія непріятелемъ охранительнымъ знакомъ, непосредственно отъ этого пострадавшіе не имѣли права собственною властью прибѣгать къ респрессаліямъ. Необходимо было довести до свѣдѣнія начальства. Эта новая гарантія соблюденія женевской конвенціи и новое основаніе, заставляющее относиться чрезвычайно осторожно ко всѣмъ клеветамъ, взведеннымъ на наши войска.

Сопоставляя эти мѣры съ тѣми, которыя были приняты съ цѣлію соблюденія женевской конвенціи другими цивилизованными державами, воевавшими въ послѣднее время, мы обязаны сказать, что ни одна изъ нихъ не отнеслась такъ добросовѣстно къ этому

[1]) «*Летучій Военный Листокъ*» № 15.

дѣлу, какъ Россія, и ни одна не высказала при этомъ столько небрежности, какъ Турція.

Не только не было никакихъ инструкцій со стороны турецкаго правительства, не только истязатели раненыхъ не наказывались, но, судя по многимъ фактамъ, должно придти къ тому невѣроятному заключенію, что сами турецкія власти систематически возбуждали фанатизмъ войскъ противъ «Краснаго Креста» и русскихъ раненыхъ и больныхъ.

По телеграммѣ «Генеральнаго русскаго агенства» изъ Букарешта, отъ 25-го (?) іюня 1877 года, плѣнные турецкіе офицеры объявили въ Тырновѣ русскому главнокомандующему, что «*имъ приказано изъ Константинополя увѣчить непріятеля*, а затѣмъ они не получали никакого другаго приказанія». Когда, послѣ взятія Телиша 12-го (24-го) октября, нашли трупы русскихъ солдатъ изуродованными, турецкій паша Измаилъ-Хакки, командовавшій этимъ укрѣпленіемъ, категорически заявилъ, что «онъ не получилъ отъ своего правительства никакихъ инструкцій относительно обращенія съ военноплѣнными и ранеными». Это было въ концѣ *октября*[1]). Оказывается, съ одной стороны, что великій визирь Эдхемъ-паша былъ болѣе правдивъ, чѣмъ турецкій министръ иностранныхъ дѣлъ, сочинившій телеграмму отъ 13-го іюня 1877 года, съ другой, что самъ великій визирь, и послѣ настоянія Европы, не счелъ нужнымъ дать обѣщанныя имъ въ августѣ мѣсяцѣ инструкціи.

Корреспондентъ вѣнской газеты «Presse» пишетъ изъ Тырнова, отъ 26-го іюня, что когда русскіе офицеры спросили турецкаго имама, попавшагося въ

---

[1]) См. донесеніе князя Церетелева генералъ-адъютанту Гурко, отъ 12-го (24-го) октября 1877 г. (*Bulletin international*, janvier 1878, p. 17).

плѣнъ: почему турки безжалостно уродуютъ раненыхъ, имамъ отвѣчалъ: «Коранъ такъ повелѣваетъ!». «Турки», продолжаетъ корреспондентъ, «не знаютъ никакого международнаго права, потому что Коранъ о немъ не говоритъ. Турки присоединились къ женевской конвенціи, но Коранъ не знаетъ никакой женевской конвенціи. Въ настоящее время, какъ и шесть сотъ лѣтъ тому назадъ, турецкій солдатъ фанатически возбуждается избивать невѣрныхъ и исполняетъ это со всею грубостью дикаго человѣка. Имамъ идетъ съ нимъ въ битву и побуждаетъ его исполнять повелѣнія Корана. Часто случается, что раненый турецкій солдатъ поднимается съ земли и, собравшись съ послѣдними силами, всаживаетъ ножъ въ грудь санитара, который хочетъ приподнять его съ земли, или стрѣляетъ въ него. Такія явленія создаетъ фанатизмъ».

Припомнимъ вышеприведенную молитву шейхъ-уль-ислама, чтобы устранить всякое сомнѣніе въ справедливости словъ этого корреспондента.

Общій выводъ изъ всѣхъ только-что изложенныхъ соображеній тотъ, что женевская конвенція не могла не оставаться во все продолженіе войны мертвою буквою для турецкихъ войскъ. Минувшая война должна была представить цивилизованной Европѣ зрѣлище самыхъ гнусныхъ преступленій и неслыханныхъ звѣрствъ, безнаказанно совершаемыхъ турками. Поведеніе турецкихъ полчищъ должно было затруднять въ значительной степени ходъ военныхъ операцій русскихъ армій и усложнять ея задачи. Если изуродованіе нашихъ раненыхъ преслѣдовало эту именно цѣль, то турки дѣйствительно иногда ея достигали. Стоитъ только припомнить спасеніе генераломъ Тергукасовымъ цѣлой толпы турецкихъ армянъ въ 3000 человѣкъ отъ ножа турокъ. На это затрудненіе ука-

зывалъ также доблестный командующій кавказскою арміею генералъ Лорисъ-Меликовъ въ разговорѣ съ корреспондентомъ лондонской «Times»[1]).

«Вести войну здѣсь», будто-бы сказалъ ему генералъ, «совсѣмъ не то, что въ Европѣ. Безспорно, что между тѣми, съ кѣмъ намъ приходится сражаться, есть много людей вполнѣ цивилизованныхъ, но есть также въ числѣ ихъ башибузуки и курды. Вообще говоря, мы никакъ не можемъ разсчитывать на гуманность нашихъ непріятелей. Вотъ что крайне стѣсняло мои дѣйствія. Дерись мы съ народомъ цивилизованнымъ, я писалъ бы мѣстнымъ властямъ, что въ такой-то и такой-то деревнѣ мною оставлено столько-то и столько-то раненыхъ, и просилъ-бы не дѣлать имъ никакого вреда, но здѣсь поступать такимъ образомъ было бы сущимъ безуміемъ, и вотъ почему я былъ принужденъ все отступать и отступать... Вслѣдствіе такого порядка вещей турки имѣютъ предъ нами большое преимущество, — преимущество, которое остается исключительно на одной сторонѣ, потому что мы, напротивъ того, заботимся о турецкихъ раненыхъ не меньше, чѣмъ о своихъ собственныхъ. Такъ, напримѣръ, въ Ардаганѣ нашли мы госпиталь, въ которомъ лежало 800 турокъ. Они были совершенно лишены медицинской помощи, и хотя мои медицинскіе запасы были несовсѣмъ достаточны для нашего собственнаго потребленія, я все-таки приказалъ распредѣлить ихъ поровну между русскими и турками»[2]).

Такимъ образомъ, турки, убивая русскихъ раненыхъ и больныхъ и покидая на произволъ судьбы своихъ собственныхъ, значительно облегчили себѣ

---

[1]) Срав. «*Сѣверный Вѣстникъ*» № 89 за 1877 годъ.

[2]) Срав. *Norman*. Armenia, p. 77 etc.

свои движенія и самымъ простымъ способомъ освободились отъ тяжкой обузы, такъ затрудняющей современныя арміи.

III.

Послѣ всего вышеприведеннаго можно спросить себя: стоитъ ли останавливаться подробнѣе на безчисленныхъ фактахъ, свидѣтельствующихъ о неслыханныхъ ни въ одной новѣйшей войнѣ нарушеніяхъ женевской конвенціи? Необходимо ли доказывать заимствованіями изъ корреспонденцій и офиціальныхъ актовъ, что участь раненыхъ и больныхъ, попавшихъ въ руки турокъ, была по истинѣ ужасна? Нужно ли теперь, ознакомившись съ фактами, доказывающими, какъ дважды два четыре, что въ турецкихъ войскахъ умышленно возбуждался фанатизмъ и что они никакого понятія не имѣли о неприкосновенности «Краснаго Креста» и санитарныхъ учрежденій,—нужно-ли серьозно опровергать взведенныя на русскую армію обвиненія и приводить несомнѣнные факты невѣроятныхъ звѣрствъ турецкихъ войскъ?

Нѣтъ, намъ кажется это совершенно излишнимъ. Всѣ эти факты до такой степени гнусны и возмутительны, что чрезвычайно тяжело на нихъ останавливаться. Мы ограничимся приведеніемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, обрисовывающихъ отношеніе турецкихъ армій къ «Красному Кресту».

Само собою разумѣется, что Порта не упускала случая взводить на русскія войска обвиненія во всевозможныхъ нарушеніяхъ женевской конвенціи: въ бомбардированіи турецкихъ госпиталей, въ варварскомъ обращеніи съ турецкими ранеными и въ неуваженіи «Краснаго Полумѣсяца»[1]).

[1]) Срав. *Staatsarchiv.* Bd. XXXIII, №№ 6563, 6569, 6586.

При объективномъ разсмотрѣніи этихъ обвиненій турецкаго правительства, прежде всего бросается въ глаза полнѣйшая ихъ голословность: они не подтверждаются никакими офиціальными или формальными актами, подписанными безпристрастными свидѣтелями, хотя бы корреспондентами газетъ, ни офиціальными донесеніями иностранныхъ военныхъ агентовъ и офицеровъ, находившихся при турецкихъ дѣйствующихъ арміяхъ.

Правда, въ Шумлѣ былъ составленъ вышеупомянутый актъ о русскихъ звѣрствахъ, подписанный корреспондентами иностранныхъ газетъ, но намъ хорошо извѣстенъ уже способъ его составленія; извѣстно также и то, что одинъ изъ этихъ же самыхъ корреспондентовъ прямо обвинилъ турецкое правительство въ совершеніи подлога. Послѣ скандальной исторіи съ этимъ протоколомъ турецкое правительство очевидно отказалось отъ мысли вторично предлагать Европѣ подобное же издѣліе.

Что же касается донесеній офицеровъ и военныхъ агентовъ при турецкихъ арміяхъ, то извѣстно, что они были почти исключительно англійскіе офицеры, которыхъ было бы несправедливо обвинять въ дружелюбіи къ Россіи и въ желаніи стушевывать факты, могущіе бросить пятно на наши войска. Порта неоднократно ссылается на такихъ агентовъ, какъ очевидцевъ совершенныхъ нашими войсками звѣрствъ, но сами эти иностранные агенты или офицеры не обнародовали ни одного такого донесенія, какъ вышеприведенное донесеніе полковника Веллеслея отъ 6-го августа 1877 года. Генералъ Арнольдъ Кэмбаллъ, находившійся неотлучно при Мухтарѣ-пашѣ, доносилъ своему правительству о поведеніи русскихъ войскъ въ Азіи, но, насколько намъ извѣстно, эти донесенія еще не обнародованы англійскимъ правительствомъ.

Наконецъ, къ нѣкоторымъ депешамъ сэра Аустина Ляйарда изъ Константинополя приложены донесенія англійскихъ офицеровъ, написанныя съ сильно туркофильскою окраской, но и эти акты далеко не подтверждаютъ обвиненій турецкаго правительства.

Для того, чтобы имѣть понятіе объ основательности турецкихъ обвиненій, остановимся на двухъ-трехъ изъ нихъ, которымъ особенно посчастливилось предъ «справедливымъ» и «безпристрастнымъ» судомъ общественнаго мнѣнія Западной Европы.

Послѣ взятія Карса, русскія военныя власти нашли тамъ большое число раненыхъ турокъ и взяли въ плѣнъ нѣсколько тысячъ турецкихъ солдатъ. Вдругъ Порта объявляетъ всей Европѣ, что русское правительство поступило самымъ безчеловѣчнымъ образомъ съ турецкими ранеными, высылая ихъ цѣлыми тысячами изъ Карса въ Эрзерумъ. Эти раненые, лишенные одежды, обуви и всѣхъ средствъ, гибли на пути отъ ужасныхъ декабрскихъ морозовъ. Это распоряженіе, по мнѣнію Порты, прямо нарушаетъ статью 6 женевской конвенціи[1]).

Но, во-первыхъ, приведенная статья прямо разрѣшаетъ командующимъ войсками возвращать другъ другу, послѣ сраженія, своихъ раненыхъ. Это и было сдѣлано русскимъ военнымъ начальствомъ. Если статья требуетъ, чтобы такое возвращеніе раненыхъ имѣло мѣсто «немедленно послѣ сраженія», то еще не доказано, чтобы русскія власти не сдѣлали этого распоряженія немедленно, или весьма скоро, послѣ взятія Карса.

Во-вторыхъ, корреспондентъ «Daily News», разспросивши самихъ турецкихъ раненыхъ, высланныхъ изъ Карса, разсказываетъ, что они сами отзывались съ

[1]) *Bulletin international*, janvier 1878, p. 30.

большою признательностью о гуманномъ съ ними обращеніи русскихъ властей. Каждому раненому передъ отправленіемъ въ путь давалась теплая одежда, обувь, нѣсколько раціоновъ хлѣба и 30 піастровъ на день. Большая часть этихъ лицъ были легко ранены и принадлежали близь лежащимъ отъ Карса деревнямъ, куда они и возвратились.

«Тѣ, которые прибыли въ Эрзерумъ», продолжаетъ корреспондентъ, «отзываются съ величайшею похвалою о добротѣ, съ которою ихъ принимали русскіе солдаты въ деревняхъ, занятыхъ послѣдними. Раненыхъ турокъ приглашали на ночлегъ и, если было возможно, то для нихъ разводили огонь. Одинъ изъ этихъ турецкихъ солдатъ мнѣ разсказывалъ, что когда его товарищъ, будучи слишкомъ уставшимъ, чтобы добраться до деревни, въ которой былъ назначенъ ночлегъ, упалъ на землю и не могъ подняться, то русскіе солдаты, проходившіе мимо, подняли и снесли его до сосѣдней деревни, находящейся въ разстояніи двухъ часовъ, и тамъ ходили за нимъ, какъ за своимъ товарищемъ». «Солдатъ, разсказавши мнѣ это», оканчиваетъ свое письмо англичанинъ, «прибавилъ, что русскіе обращаются съ ними какъ съ братьями, но не какъ съ врагами»[1]).

Это одно изъ турецкихъ обвиненій à sensation. Возьмемъ другое. Когда турецкое правительство было вынуждено оправдывать поведеніе своихъ войскъ предъ великими державами, напоминавшими ему о существованіи женевской конвенціи, оно немедленно указало на «новое» нарушеніе русскими войсками «Краснаго Полумѣсяца» на азіятскомъ театрѣ войны, гдѣ русскіе стрѣляли въ этотъ охранительный знакъ[2])

[1]) См. «*Daily News*» отъ 16-го января 1878 года.

[2]) См. Депешу Сервера-паши отъ 19-го сентября 1878 года. (*Staatsarchiv*. Bd. XXXIII, № 6576).

во время сраженія 25-го августа. Но если обратимся къ безпристрастнымъ очевидцамъ обстоятельствъ, на которыя ссылается турецкій министръ иностранныхъ дѣлъ, то оказывается, что турки, можетъ быть не безъ умысла, употребляли такой маленькій флагъ съ «Краснымъ Полумѣсяцемъ», представляющій квадратъ ровно въ 18 дюймовъ, что отличить его на пушечный выстрѣлъ отъ военныхъ знаменъ представлялось совершенно невозможнымъ. Къ этому надобно еще прибавить, что всѣ походные, передвижные турецкіе лазареты состояли только изъ мѣстныхъ повозокъ, арбъ, на которыхъ помѣщались раненые и больные, и перевозились военная аммуниція и интендантскія вещи. Между тѣмъ, не смотря на качество перевозимыхъ вещей, всегда надъ ними былъ одинъ и тотъ же маленькій флагъ [1]).

Наконецъ, чтобы доказать насколько несправедливы обвиненія противъ турецкихъ войскъ и насколько послѣднія добросовѣстно соблюдали женевскую конвенцію, Порта, въ циркулярной депешѣ отъ 19-го сентября, утверждаетъ слѣдующее: «Подъ страхомъ самыхъ строгихъ наказаній запрещено командующими турецкихъ армій убивать военноплѣнныхъ непріятельскихъ раненыхъ. Командующіе войсками съ особеннымъ вниманіемъ наблюдаютъ за точнымъ исполненіемъ этого приказанія. Къ тому же лучшимъ доказательствомъ нашего уваженія къ жизни раненыхъ непріятелей служитъ то, что въ нашихъ госпиталяхъ имѣется большое ихъ количество, пользующихся такимъ же попеченіемъ, какъ наши солдаты» [2]).

[1]) *Norman*, Armenia, p. 349.

[2]) Вотъ подлинныя слова: «La meilleure preuve à donner, au surplus, de notre respect pour la vie des ennemis blessés, c'est que nos hôpitaux en contiennent un grand nombre qui y reçoivent les mêmes soins que nos soldats» (*Staatsarchiv*. Bd. XXXIII, S. 157).

*

Отсюда слѣдуетъ, что, по категорическому заявленію турецкаго правительства, въ Турціи было много русскихъ раненыхъ, т. е. русскихъ, попавшихъ въ плѣнъ. Если бы это заявленіе подтвердилось фактами и эти слова согласны съ истиною, то, дѣйствительно, необходимо было значительно смягчить свой приговоръ надъ поведеніемъ русскихъ войскъ.

Къ сожалѣнію, заявленіе турецкаго правительства ничего не имѣетъ общаго съ истиною и совершенно опровергается положительными фактами. Изъ депеши лорда Дерби отъ 13-го октября къ сэру Ляйарду видно, что графъ Андраши выразилъ англійскому правительству свое мнѣніе, что въ Турціи очень немного русскихъ военноплѣнныхъ, потому что турки убиваютъ русскихъ раненыхъ и больныхъ. Англійскій посолъ, которому было поручено разъяснить это дѣло, сообщаетъ, что трудно узнать истинную правду (exact truth), но только въ Константинополѣ находится весьма немного военноплѣнныхъ. При этомъ, въ качествѣ представителя нейтральной Англіи, сэръ Ляйардъ спѣшитъ прибавить, что по свидѣтельству всѣхъ безпристрастныхъ людей, «если когда либо русскіе попадали военноплѣнными въ руки турокъ, послѣдніе всегда обращались съ ними ласково»[1]).

Но черезъ мѣсяцъ сэръ Ляйардъ, при депешѣ отъ 26 октября, сообщилъ своему правительству донесеніе англійскаго офицера, бывшаго на театрѣ войны, изъ котораго видно, что «весьма немного военноплѣнныхъ (very few prisoners) имѣлось какъ съ той, такъ и съ другой стороны»[2]). Изъ этого заявленія, «совершенно компетентнаго», по словамъ англійскаго посла,

---

[1]) См. *Staatsarchiv*. Bd. XXXIII, № 5678.

[2]) *Ibid*, № 6584.

явствуетъ, что у турокъ, съ которыми былъ этотъ англійскій офицеръ, находилось только нѣсколько русскихъ военноплѣнныхъ. Слѣдовательно, обыкновенный образъ дѣйствія турокъ состоялъ въ убійствѣ раненыхъ, но не во взятіи ихъ въ плѣнъ. Только совершенно непонятно, какимъ образомъ авторъ этого донесенія могъ замѣтить, что военноплѣнныхъ мало «у той и у другой стороны»? При русской арміи онъ не состоялъ, въ Россіи, вѣроятно, не былъ и никакихъ свѣдѣній о числѣ военноплѣнныхъ у насъ навѣрно не имѣлъ, ибо въ противномъ случаѣ не могъ бы говорить, что у насъ мало военноплѣнныхъ. Въ концѣ октября, когда составлялось это донесеніе, турецкихъ военноплѣнныхъ было въ Россіи навѣрно нѣсколько тысячъ человѣкъ.

Кромѣ того, насколько были основательны подозрѣнія графа Андраши и голословное утвержденіе Сервера-паши, видно также изъ словъ корреспондента «Times» при арміи Мухтара-паши, на основаніи которыхъ «по пальцамъ можно сосчитать число военноплѣнныхъ», взятыхъ въ различныхъ стычкахъ и сраженіяхъ, а «число раненыхъ плѣнныхъ есть нуль»[1]). Наконецъ, чтобы устранить всякія сомнѣнія, мы можемъ положительно утверждать, на основаніи официальныхъ актовъ, что въ началѣ *декабря* мѣсяца (слѣдовательно, не въ сентябрѣ или октябрѣ) въ Константинополѣ было всего *семнадцать* военноплѣнныхъ. На основаніи же свѣдѣній, собранныхъ чрезъ посредство германскаго посольства въ Константинополѣ, въ турецкихъ областяхъ, въ вышеозначенное время, содержались еще въ качествѣ русскихъ военноплѣнныхъ 253 человѣка, въ числѣ которыхъ было: 37 абхазцевъ, 49 персіянъ и 20 ар-

[1]) *Norman.* Armenia, p. 350.

мянъ. Всѣ эти лица не были въ русской арміи, но были выселены турецкими властями за какіе нибудь проступки или, просто, по произволу этихъ властей.

Приведенныхъ фактовъ достаточно, чтобы оцѣнить основательность обвиненій русскихъ войскъ со стороны турецкаго правительства въ нарушеніяхъ женевской конвенціи. Но для того, чтобы вполнѣ характеризовать отношеніе самой Порты къ этому международному акту, стоитъ только прочесть корреспонденціи иностранныхъ газетъ о состояніи всей вообще санитарной части въ турецкой арміи. Тутъ не было ни лазаретовъ, ни госпиталей, ни докторовъ, ни медикаментовъ настолько, чтобы оказать медицинскую помощь хотя бы сотой части лицъ, въ ней нуждающейся. На всю армію Измаила-паши, дѣйствовавшую въ Арменіи, полагался *одинъ* докторъ. Турецкіе же доктора отличались замѣчательнымъ невѣжествомъ. Для того чтобы совершить какую нибудь ампутацію, требовалось разрѣшеніе не только главнаго турецкаго доктора, но и «окружнаго военнаго совѣта». Главный же докторъ обыкновенно отказывалъ, и англичанинъ, прожившій въ арміи Мухтара-паши нѣсколько мѣсяцевъ, ни разу не слыхалъ о какой нибудь ампутаціи [1]).

При такихъ условіяхъ, нельзя сказать, чтобы особенно была завидна участь тѣхъ весьма и весьма немногихъ русскихъ раненыхъ, которыхъ какое нибудь чудо спасло отъ изуродованія или немедленной смерти и которые были приняты въ турецкіе лазареты. Обращеніе съ ними было, во всѣхъ отношеніяхъ, чисто-турецкое. Бывали случаи, что турецкіе офицеры и солдаты выказывали вниманіе къ на-

[1]) Срав. *Jesser Coope.* A prisoner of war in Russia, p. 139. — *Norman.* Armenia, p. 325 etc.

шимъ раненымъ, попавшимъ въ плѣнъ[1]). Но, къ сожалѣнію, такихъ случаевъ было такъ мало, что если узнали объ одномъ, то на него указывали уже какъ на чрезвычайное явленіе и рѣдкость, заслуживающую занесенія въ скрижали минувшей войны.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію тѣхъ положительныхъ доказательствъ, которыми располагаетъ Россія для уличенія Турціи предъ глазами всей Европы въ совершеніи такихъ возмутительныхъ преступленій, отъ одной мысли о которыхъ кровь стынетъ въ жилахъ.

Такихъ положительныхъ доказательствъ, засвидѣтельствованныхъ, такъ сказать, нотаріальнымъ порядкомъ, имѣется такое множество, что затрудняешься въ выборѣ. Тутъ дѣйствительно embarras de richesses!

Но, имѣя въ виду, что всѣ эти акты и свидѣтельскія показанія подтверждаютъ факты, по существу своему совершенно одинаковые, мы ограничимся приведеніемъ только наиболѣе характеристическихъ фактовъ и указаніемъ на тѣ, которые меньше заслуживаютъ вниманія.

Всѣ доказательства, свидѣтельствующія о систематическомъ изуродованіи раненыхъ и неизмѣнныхъ нарушеніяхъ женевской конвенціи, можно раздѣлить на два главные разряда:

1) офиціальные акты и

2) показанія, коллективныя и индивидуальныя, частныхъ лицъ.

1) Кромѣ вышеприведенныхъ офиціальныхъ донесеній прусскаго военнаго агента маіора фонъ-Лигница и англійскаго военнаго агента полковника Вел-

---

[1]) См. корреспонденцію «*Голоса*» изъ Хущубани отъ 25 января 1878 года.

леслея, свидѣтельствующихъ о звѣрствахъ турецкихъ войскъ, можно указать еще на нѣсколько другихъ офиціальныхъ документовъ, составленныхъ съ тою же цѣлью.

Въ донесеніи г. Нелидова государственному канцлеру отъ 24-го сентября (6-го октября) 1877 года приводится новый фактъ, доказывающій злоупотребленіе турокъ флагомъ съ «Краснымъ Полумѣсяцемъ», поднятымъ ими на вершинѣ горы св. Николая (на Шибкѣ), взятой послѣ бѣшеннаго штурма. Въ виду этого флага наши войска моментально остановились въ нерѣшительности, но, убѣдившись въ новомъ злоупотребленіи ихъ довѣріемъ, они кинулись на турокъ и взяли обратно гору [1]).

При взятіи Телиша 12-го (24-го) октября не было найдено въ этомъ укрѣпленіи ни одного русскаго раненаго или военноплѣннаго. Но зато были найдены трупы русскихъ солдатъ, наскоро закопанные въ землю и, большею частью, изуродованные: безъ носовъ, ушей и даже безъ головъ. Сверхъ того, при взятіи этого укрѣпленія попали въ плѣнъ четыре иностранца: два англійскихъ доктора, бывшій англійскій офицеръ, поступившій въ оттоманскую жандармерію, и французъ изъ Константинополя, типа «Schlachtenbummler», прибывшій на театръ военныхъ дѣйствій только для того, чтобы «видѣть войну».

Всѣ эти иностранцы единогласно утверждали, что на полѣ сраженія при Телишѣ они видѣли всѣхъ русскихъ раненыхъ убитыми. Нѣкоторые изъ нихъ имѣли, очевидно, легкія раны; другіе были изуродованы. Тѣла ихъ лежали голыми на землѣ. Въ турецкихъ госпиталяхъ они не видѣли ни одного русскаго раненаго или военноплѣннаго. Одинъ изъ ан-

---

[1]) *Bulletin international,* janvier, 1878, p. 27.

глійскихъ докторовъ (Макъ-Келларъ), бывши свидѣтелемъ этихъ звѣрствъ, немедленно покинулъ турецкій лагерь и возвратился на родину. Наконецъ эти англичане утверждали, что гнусныя преступленія не могли не совершаться на глазахъ турецкихъ офицеровъ, такъ какъ нѣсколько труповъ лежали на разстояніи 50 ти шаговъ отъ турецкихъ батарей. Даже докторъ Сарель, начальникъ турецкаго походнаго лазарета, сознался, что видѣлъ голые трупы русскихъ.

Всѣ эти показанія подтверждены формальнымъ протоколомъ двухъ захваченныхъ англійскихъ докторовъ Дугласа и Ватчеля, донесеніемъ на имя генералъ-адъютанта Гурко и свидѣтельствомъ взятаго въ плѣнъ полковника оттоманскихъ жандармовъ Купа [1]).

Кромѣ этихъ обвинительныхъ актовъ, русскими офицерами также были составлены формальные протоколы о видѣнныхъ ими ужасахъ. Сюда относится донесеніе генералъ-маіора Струкова отъ 17-го (29-го) октября, вмѣстѣ съ коллективнымъ протоколомъ, подписаннымъ того же числа [2]), и «актъ, составленный 8-го (20-го) ноября 1877 года очевидцами злодѣяній, совершенныхъ турками надъ нашими ранеными въ селеніи Пиргосъ». Послѣ ожесточеннаго боя это селеніе было занято нашими войсками, и въ немъ найденъ 21 трупъ страшно изуродованныхъ и раздѣтыхъ до гола людей; «у всѣхъ были отрѣзаны уши, носы, половые органы, вырѣзаны животы и выпущены кишки; у многихъ отрѣзаны головы и унесены турками съ собою» [3]).

[1]) *Annuaire diplomatique de l'Empire de Russie.* 1878, p. 197. Срав. также *Bulletin international*, janvier 1878, p. 15 et suiv. — *Jesser Coope.* A prisoner of war in Russia, p. 157. — «*The Times*» отъ 7-го ноября 1877 года.

[2]) *Annuaire diplomatique de l'Empire de Russie*, 1878, p. 203 et suiv.

[3]) Прибавленіе къ № 77 «*Летучаго Военнаго Листка*».

Читая о такого рода звѣрствахъ, невольно приходится согласиться съ извѣстнымъ бельгійскимъ публицистомъ Ролэнъ-Жакмэномъ, что часть турецкихъ войскъ состояла не изъ солдатъ, но изъ убійцъ [1]).

2) Обращаясь теперь къ свидѣтельскимъ показаніямъ частныхъ лицъ, мы дѣйствительно затрудняемся сдѣлать выборъ: до такой степени многочисленны факты, о которыхъ заявлено было корреспондентами различныхъ иностранныхъ и русскихъ газетъ.

Зрѣлище, которое описано въ донесеніи маіора фонъ-Лигница, представившееся ему въ проходѣ Шибкѣ, было также видѣно корреспондентами пяти иностранныхъ газетъ, въ числѣ которыхъ были англійскій подполковникъ Бракенбюри, военный корреспондентъ «Times», и Дикъ-де-Лоне, корреспондентъ парижской газеты «Moniteur universel». Въ протоколѣ, подписанномъ 9-го (21-го) іюля 1877 г. въ Казанлыкѣ [2]), эти лица засвидѣтельствовали, что ни одинъ изъ русскихъ раненыхъ, попавшихъ въ руки турокъ, не остался въ живыхъ». Отъ двадцати до тридцати человѣкъ этихъ несчастныхъ были обезглавлены; многимъ изъ нихъ были отрѣзаны носы, уши и другія части, а грудь проколота ятаганами. «Мы видѣли собственными глазами», прибавляютъ корреспонденты, «эти отрѣзанныя головы и изувѣченныя тѣла. У многихъ изъ нихъ судорожно сжатые мускулы и скорченные члены свидѣтельствовали о страшныхъ мукахъ, испытанныхъ ими при увѣчьи, нанесенномъ заживо. Неподалеку лежали два обезглавленные трупа *санитаровъ*, которыхъ можно было узнать по повязкѣ «Краснаго Креста» на рукавѣ».

[1]) *Rolin-Jaequemyns.* Le droit international et la question d'Orient, p. 35.

[2]) *Staatsarchiv.* Bd. XXII, № 6508.

«Я видѣлъ», говоритъ корреспондентъ туркофильской лондонской газеты «Standard», въ письмѣ отъ 1-го августа 1877 года изъ Габрово, «человѣческую бойню (the human slaugther-house) въ Кумасси (въ Африкѣ) и содрогнулся при видѣ африканскихъ звѣрствъ, но и въ Европѣ мы имѣемъ такихъ же дикихъ». Подобные отзывы можно найти во многихъ корреспонденціяхъ «Times», «Daily News», вѣнской «Presse», «National Zeitung» и др. [1]). Что же касается, наконецъ, поведенія турецкихъ войскъ на азіатскомъ театрѣ войны по отношенію къ нашимъ раненымъ и больнымъ, то намъ остается только рекомендовать каждому прочесть книгу Нормана объ этой войнѣ. Тамъ можно найти, почти на каждой страницѣ, такія показанія о турецкихъ звѣрствахъ, которыя, по производимому ими впечатлѣнію, нисколько не уступаютъ только-что приведеннымъ [2]).

Наконецъ, если таковъ былъ образъ дѣйствія турецкихъ войскъ въ отношеніи русскихъ раненыхъ, то, само собою разумѣется, не лучше была участь раненыхъ черногорцевъ, сербовъ и румынъ. Всѣ они подвергались тѣмъ же надругательствамъ и звѣрствамъ и, разумѣется, въ отношеніи этихъ народовъ турки нисколько не больше признавали себя связанными постановленіями женевской конвенціи [3]).

Понятно, что правительства Черногоріи, Сербіи и

---

[1]) Срав., напр., корреспонденцію «*Times*» изъ Татаръ-Базарджика отъ 30-го ноября (11-го декабря) 1877 г.—«The war correspondence of the «*Daily News*», p. 258 etc.

[2]) *Norman*. Armenia and the campaign of 1877, p. 77, 91, 125, 146, 180, 235, 327 etc.

[3]) Срав. *Rolin-Jaequemyns*. Le droit international et la question d'Orient, p. 55 et suiv. — Корреспонденція «*Times*» изъ Даниловграда отъ 15-го (27-го) іюня 1877 г.—«Les destinées de la convention de Genève pendant la guerre de Serbie». Genève, 1876.

Румыніи неоднократно бывали вынуждены протестовать противъ этихъ возмутительныхъ преступленій и обращаться за покровительствомъ къ великимъ европейскимъ державамъ и общественному мнѣнію Европы[1]). Но общественное мнѣніе было, почти исключительно, на сторонѣ «бѣдныхъ турокъ, подвергшихся самому несправедливому нападенію»,—какъ выразился посолъ одной *нейтральной* державы,—и само турецкое правительство категорически отрицало факты, поставленные въ вину его арміямъ.

Когда была взята Плевна, въ ней не нашли ни одного раненаго или военноплѣннаго румына, хотя самъ Османъ-паша заявилъ, въ свое время, на запросъ румынскаго правительства, что у него находится болѣе 300 румынскихъ солдатъ. Бухарештское правительство считало необходимымъ довести объ этомъ обстоятельствѣ до свѣдѣнія Европы[2]).

Извѣстно также, что въ русской печати было заявлено подозрѣніе противъ Османа-паши, что онъ зарылъ въ Плевнѣ живыми 150 русскихъ, взятыхъ въ плѣнъ; но также извѣстно, что Османъ-паша самымъ энергическимъ образомъ протестовалъ противъ этой «клеветы» и «очевидной лжи». «Истина», прибавилъ онъ, «извѣстна многимъ лицамъ»[3]).

Разумѣется, чрезвычайно трудно открыть истину и сказать, кто правъ, кто виноватъ, тѣмъ болѣе, что доблестный турецкій маршалъ не назвалъ ни одного изъ числа тѣхъ «многихъ лицъ», которымъ истина

---

[1]) Циркуляръ Когальничано отъ 10-го (22-го) сентября 1877 г. (*Staatsarchiv*. № 6577).

[2]) Телеграмма Когальничано отъ 26-го декабря 1877 года.

[3]) См. телеграмму «*Голоса*» изъ Харькова отъ 3-го февраля 1878 г. и корреспонденцію отъ 11-го марта (№ отъ 15-го марта 1878 г.). Срав. также корреспонденцію В. Крестовскаго въ «*Правительственный Вѣстникъ*» 3-го (?) января 1878 года.

извѣстна. Но если вспомнить вышеприведенное свидѣтельство англійскихъ докторовъ, изгнанныхъ изъ Плевны только потому, что они пожелали оказать медицинскую помощь раненымъ и больнымъ туркамъ, то невольно зарождается сомнѣніе насчетъ гуманнаго обращенія Османа-паши съ русскими и румынскими ранеными и военноплѣнными.

Вотъ тѣ данныя, которыя доказываютъ, какъ относились турецкое правительство и армія къ женевской конвенціи и насколько основательны взведенныя на русскія войска возмутительныя обвиненія.

Для того, чтобы увѣрить Европу и своихъ друзей въ дѣйствительности этихъ обвиненій, недостаточно было сочинять въ Константинополѣ ложныя извѣстія, совершать подлоги и систематически распространять клевету. Поставленная цѣль была бы достигнута лучше и скорѣе, если бы Портѣ и ея друзьямъ удалось доказать два факта: 1) что въ Россіи также нѣтъ военноплѣнныхъ и 2) что въ русскихъ госпиталяхъ нѣтъ турецкихъ раненыхъ и больныхъ.

Перваго факта они доказать не могли, не смотря на всѣ свои старанія. Что же касается турецкихъ раненыхъ и больныхъ въ русскихъ госпиталяхъ и лазаретахъ, то извѣстно, что не только таковыхъ было весьма значительное количество, но что и уходъ за ними былъ, со стороны нашихъ докторовъ и всего врачебнаго персонала, безупречный и совершенно равный съ уходомъ за русскими.

«Нѣтъ словъ», пишетъ бухарештскій корреспондентъ «Daily News», «для выраженія благодарности и уваженія русскимъ военнымъ властямъ за ту гуманность и великодушіе, съ которыми онѣ относятся ко всѣмъ раненымъ—русскимъ, болгарамъ, туркамъ—безъ различія». «Но что касается ухода за ранеными», говоритъ другой корреспондентъ той же

англійской газеты, то русскіе превзошли всякій другой народъ, съ образомъ дѣйствія которыхъ во время войны мнѣ удалось познакомиться». «Женщины высшаго общества», продолжаетъ онъ, «бросаютъ всѣ удобства жизни и удовольствія общества для того, чтобы съ полною преданностью и замѣчательнымъ самоотверженіемъ посвятить себя трудному дѣлу ухода за больными».

«Русскія сестры милосердія ухаживаютъ днемъ и ночью съ равнымъ рвеніемъ за русскими и турецкими ранеными»[1]).

Ограничимся указаніемъ еще на одно свидѣтельство.

Турецкое общество «Краснаго Полумѣсяца» поручило доктору барону Мунди осмотрѣть больныхъ турокъ, находившихся въ нашихъ госпиталяхъ. По окончаніи этого осмотра, баронъ Мунди, телеграммой отъ 12-го апрѣля 1878 года, изъ Бухарешта, на имя предсѣдателя главнаго управленія общества «Краснаго Креста», сообщилъ слѣдующее:

«Благоволите принять живѣйшую благодарность за милостиво оказанныя мнѣ и возложенному на меня порученію содѣйствіе и покровительство. Счастливымъ себя считаю, что могу засвидѣтельствовать, что ваше правительство и ваше общество «Краснаго Креста» *сдѣлали все возможное для облегченія участи раненыхъ и больныхъ противниковъ*»[2]).

[1]) The war correspondence of the «*Daily News*», p. 383, 420, 506. Корреспонденція «*Times*» изъ Бѣлграда отъ 18-го (30-го) января 1878 года.

[2]) «*Голосъ*» за апрѣль 1878 года. Даже Османъ-паша, передъ выѣздомъ изъ Россіи, сказалъ: «Особенно хорошо заботятся у васъ о больныхъ туркахъ, которыхъ и содержатъ-то вмѣстѣ съ русскими». («*Голосъ*» отъ 15-го марта 1878 г.) Извѣстны также адресы благодарности турецкихъ военноплѣнныхъ, составленные передъ выѣздомъ изъ Россіи.

Не ради похвалы русскому обществу привели мы эти факты и свидѣтельства относительно ухода за турками въ нашихъ госпиталяхъ. Всѣ мы знаемъ, сколь благотворна была дѣятельность нашего общества «Краснаго Креста»; всѣ мы проникнуты чувствомъ безпредѣльнаго уваженія къ сестрамъ милосердія—этимъ героинямъ христіанскаго долга; всѣ мы чувствуемъ искреннѣйшую признательность къ нашимъ докторамъ и ихъ помощникамъ, несшимъ свою тяжелую, подъ часъ превышавшую человѣческія силы, службу.

Нѣтъ, всѣ эти факты должны были неопровержимо доказать, насколько всѣ возведенныя, во время войны, на наши войска обвиненія являются *исключительно* плодомъ вражды къ Россіи или — что несравненно хуже—результатомъ наглой лжи. Вездѣ, на полѣ сраженія, и въ качествѣ госпитальнаго служителя, русскій солдатъ обнаруживалъ столько нравственной доблести, возвышенности характера и невѣроятной доброты, что, во истину, нельзя смотрѣть на него иначе, какъ съ чувствомъ глубочайшаго уваженія и справедливой гордости.

Эти доблестныя качества русскаго солдата знакомы каждому, кто видѣлъ его на полѣ сраженія воодушевленнымъ безпредѣльною отвагою и храбростью. Они извѣстны всѣмъ, кому удалось познакомиться въ мирное время съ его обыденною жизнью. Храбрость и добросердечіе, отвага и самоотверженіе, вражда и любовь къ ближнему — шли рука объ руку въ продолженіе всей войны, сопутствовали русскому солдату и придавали ему силы для геройскихъ подвиговъ на полѣ брани и для подавленія чувства справедливаго ожесточенія противъ турокъ.

Стоитъ имѣть только самое поверхностное понятіе

о русской арміи и о русскомъ народѣ, чтобы справедливо оцѣнить возмутительную клевету, которая съ такою замѣчательною готовностью принималась на вѣру значительною частью западно-европейскаго общества. Но по мѣрѣ того, какъ получали гласность офиціальныя донесенія военныхъ агентовъ, состоявшихъ при русской арміи, по мѣрѣ того, какъ показанія совершенно безпристрастныхъ свидѣтелей разоблачали ложь турецкихъ обвиненій и доказывали постоянныя нарушенія турецкими войсками женевской конвенціи, во мнѣніи самой Западной Европы долженъ былъ, малу по малу, совершится переворотъ. Вышеприведенная декларація Института международнаго права, отъ 12-го сентября 1877 года, безъ всякого сомнѣнія, значительно содѣйствовала этой цѣли, хотя заявленіе частныхъ лицъ, имѣющихъ на своей сторонѣ только почетную извѣстность въ Европѣ и любовь къ истинѣ и интересамъ цивилизаціи, могло оказывать въ этомъ случаѣ только нравственное вліяніе. Но, совмѣстно съ засвидѣтельствованными вышеупомянутыми фактами, оно вынудило цивилизованныя государства сказать свое вѣское слово и сдѣлать попытку положить предѣлъ безчинствамъ, позорящимъ наше время.

Честь почина въ такомъ протестѣ принадлежитъ всецѣло Германіи. Когда, въ началѣ августа, турецкое правительство своими депешами и при содѣйствіи безусловно преданныхъ ему западно-европейскихъ газетъ и журналовъ, успѣло возбудить противъ Россіи общественное мнѣніе Европы и просило великія державы напомнить русскому правительству обязанности цивилизованныхъ войскъ, германскій императоръ выразилъ свое убѣжденіе, что русскій солдатъ, «не будучи отъ природы жестокаго нрава или

кровожаденъ», не можетъ совершать тѣхъ жестокостей, въ которыхъ его обвиняютъ[1]).

Остальныя великія державы также отказались исполнить просьбу Порты. Только одна нейтральная Англія признала себя обязанною постоянно докладывать въ Петербургѣ о звѣрствахъ русскихъ войскъ.

Но, по мѣрѣ полученія съ театра войны достовѣрныхъ извѣстій о крайне своеобразномъ исполненіи турецкими войсками женевской конвенціи, германское правительство сочло необходимымъ напомнить о существованіи извѣстныхъ обычаевъ войны и женевской конвенціи, но не Россіи, а Турціи.

Дѣйствительно, не позже, какъ во второй половинѣ августа мѣсяца, принцъ Рейссъ, германскій посолъ въ Константинополѣ, сдѣлалъ, отъ имени германскаго императора, турецкому правительству весьма серьозныя представленія по поводу безпрерывныхъ нарушеній женевской конвенціи. Когда же Серверъ-паша, бывшій тогда министромъ иностранныхъ дѣлъ, объявилъ, что онъ не можетъ признать основательными эти обвиненія, принцъ Рейссъ указалъ на поведеніе турокъ въ Шибкинскомъ проходѣ и на донесенія офиціальныхъ и частныхъ лицъ. Что же касается до заявленія турецкаго правительства о намѣреніи его изслѣдовать эти обвиненія, германскій посолъ не затруднился объявить англійскому послу, сэру Ляйарду, что «онъ не обратитъ никакого вниманія на результаты этихъ изслѣдованій, такъ какъ они ни въ какомъ случаѣ не въ состояніи измѣнить ни его личнаго мнѣнія, ни мнѣнія его правительства насчетъ того, что случилось»[2]).

[1]) *Staatsarchiv*. Bd. XXXII, № 6540. (Депеша англійскаго посла въ Берлинѣ, отъ 4-го августа 1877 года).

[2]) Депеша сэра Ляйарда отъ 21-го августа 1877 г. и сообщеніе берлинскаго «Reichsanzeiger» отъ 22-го августа. (*Staatsarchiv*. Bd. XXXIII, №№ 6552 и 6555).

По приглашенію Германской имперіи, всѣ остальныя великія державы предписали своимъ представителямъ при Портѣ поддерживать германскаго посла и обратить серьозное вниманіе турецкаго правительства на поведеніе его армій въ отношеніи раненыхъ и больныхъ непріятелей.

Даже Англія присоединилась къ этой мѣрѣ, и сэръ Аустинъ Ляйардъ заявилъ великому визирю о необходимости предупредить на будущее время такого рода представленія европейскихъ державъ[1]).

Но, предписывая сэру Ляйарду присоединиться къ предложенію Германіи, англійское правительство до такой степени боялось нарушить свой «внимательный нейтралитетъ» и стать на сторону Россіи, что оно немедленно рѣшилось принять мѣры къ тому, чтобы выказать полнѣйшее свое безпристрастіе къ обѣимъ воюющимъ державамъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, доказать свое невозмутимое равнодушіе къ судьбѣ женевской конвенціи и положенію раненыхъ и больныхъ воиновъ. Вѣдь напоминаніе турецкому правительству о томъ, что оно подписало женевскій актъ, могло быть истолковываемо какъ услуга, оказываемая Россіи, а представленіе о томъ, что турецкія войска безчинствуютъ, убивая раненыхъ и истязуя ихъ самымъ звѣрскимъ образомъ, могло быть понято какъ защита *русскихъ* раненыхъ и больныхъ.

Поэтому, когда принцъ Рейссъ опечалилъ турецкаго министра иностранныхъ дѣлъ своимъ протестомъ, англійскій посолъ поспѣшилъ успокоить послѣдняго, совершенно согласившись съ нимъ, что минувшую войну никакъ нельзя сравнивать съ обыкновенными международными войнами, въ которыхъ могутъ быть

[1]) Срав. депешу Ляйарда отъ 3-го сентября, (*Staatsarchiv*, № 6569).

соблюдаемы извѣстные обычаи и постановленія женевской конвенціи.

Этого мало. Сэръ Ляйардъ дошелъ, изъ уваженія къ истинѣ и безпристрастію, дотого, что объявилъ, что «нельзя забывать, насколько турки не только побуждаются религіознымъ рвеніемъ и энтузіазмомъ, но также сопротивляются и даютъ отпоръ нашествію, опустошающему ихъ родину и начатому, по ихъ мнѣнію, для истребленія всего мусульманскаго населенія»[1]).

Нельзя не прибавить, въ скобкахъ, что слова: «*по ихъ мнѣнію*», намъ кажутся совершенно излишними въ устахъ досточтимаго англійскаго посла, потому что онъ самъ, какъ это видно изъ многихъ мѣстъ его дипломатической переписки, совершенно былъ одного съ турками мнѣнія насчетъ цѣли русскаго нашествія. Во всякомъ случаѣ, сэръ Аустинъ Ляйардъ неоднократно, ссылаясь на донесенія своихъ усердныхъ консуловъ, въ родѣ гг. Блэнта и Дюпюи, нисколько не затруднялся приписывать русской арміи намѣреніе играть роль палача для всего мусульманскаго населенія на Балканскомъ полуостровѣ.

Но на такомъ платоническомъ выраженіи своего сочувствія опечаленному несправедливымъ обвиненіемъ турецкому правительству англійскій посолъ не остановился. Немедленно послѣ германскаго протеста изъ англійскаго посольства въ Перѣ отправляется одно донесеніе за другимъ, одна телеграмма за другою, въ которыхъ обстоятельно повѣствуется объ ужасныхъ звѣрствахъ, совершенныхъ русскими въ Казанлыкѣ и Эски-Загрѣ надъ евреями и мусульманами. Сэръ Ляйардъ не только препровождаетъ въ

[1]) См. вышеприведенную депешу сэра Ляйарда отъ 21-го августа 1877 года.

Лондонъ донесеніе консула Блэнта объ этихъ звѣрствахъ, но не отказывается препроводить также сво ему правительству заявленіе какого-то неизвѣстнаго ему еврея и донесенія Сулеймана-паши, извѣстнаго своимъ гуманнымъ истребленіемъ болгаръ. Да какъ же можно было не вѣрить Сулейману-пашѣ, если онъ писалъ: «Клянусь небомъ, что я видѣлъ собственными моими глазами тѣла мусульманскихъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, убитыхъ казаками и болгарами?»[1]). Развѣ можно было сомнѣваться въ любви къ правдѣ турецкаго правительства и генераловъ? Развѣ Сулейманъ-паша, во время бѣшеныхъ своихъ нападеній на русскія укрѣпленія на Шибкѣ, говорилъ не всегда сущую правду въ своихъ донесеніяхъ о ходѣ военныхъ операцій, и если онъ иногда оповѣщалъ Европѣ, что Шибка имъ взята, когда на дѣлѣ этого никогда и не было, то вѣдь онъ могъ ошибаться. Errare humanum est!..

Впрочемъ, ошибочно было бы утверждать, что англійскій посолъ при Портѣ дѣйствовалъ такъ «безпристрастно» по отношенію къ Россіи по собственному своему усмотрѣнію. Нисколько. Англійское правительство предписало своему представителю въ С.-Петербургѣ постоянно представлять нашему правительству доказательства такого же безпристрастія и нейтралитета въ войнѣ Россіи съ Турціею.

Изъ депеши лорда Дерби къ лорду Лофтусу отъ 3-го сентября 1877 г. видно, что, по мнѣнію англійскаго правительства, такъ какъ Германія напомнила Портѣ объ ея обязанности соблюдать женевскую конвенцію, то Англія признаетъ себя обязанною довести до свѣдѣнія русскаго правительства о тѣхъ звѣрствахъ и гнусныхъ преступленіяхъ русскихъ

[1]) Срав. *Staatsarchiv*. Bd. XXXIII, №№ 6554, 6559, 6562 и слѣд.

войскъ и болгаръ, о которыхъ свидѣтельствуютъ «мистеръ Блэнтъ и другіе англійскіе консульскіе и военные агенты»[1]). Но само собою разумѣется, прибавлено въ депешѣ, «ни Государь, ни его правительство не будутъ ложно толковать причины, побудившія англійское правительство поручить своему представителю при русскомъ дворѣ сдѣлать этотъ шагъ». Самъ лордъ Дерби еще разъ повторяетъ, что, въ виду напоминанія Портѣ объ исполненіи женевской конвенціи, англійское правительство «считало себя обязаннымъ обратить вниманіе русскаго правительства на подобныя же нарушенія (конвенціи) со стороны русскихъ войскъ»[2]).

Разсмотрѣвъ выше эти обвиненія, собранныя турецкими и англійскими агентами противъ русской арміи и убѣдившись въ полнѣйшей ихъ голословности и вымышленности, здѣсь нѣтъ надобности характеризовать надлежащимъ словомъ поведеніе англійскаго правительства. Достаточно замѣтить, что это поведеніе не могло не возбудить самаго справедливаго неудовольствія русскаго правительства и самаго глубокаго негодованія русскаго общества и народа[3]). Насколько же такое негодованіе было основательно, видно изъ того, что ни одна европейская держава не считала себя въ правѣ слѣдовать примѣру Англіи и ни одна изъ нихъ не находила возможнымъ вѣрить турецкимъ измышленіямъ о русскихъ звѣрствахъ. Напротивъ, всѣ остальныя великія державы до такой степени были убѣждены въ основательности приписываемыхъ турецкимъ войскамъ варварствъ, что даже не обратили вниманія на

[1]) *Staatsarchiv*, Bd. XXXIII, № 6568.

[2]) *Staatsarchiv*, Bd. XXXIII, № 6568.

[3]) См. депешу лорда Лофтуса къ лорду Дерби отъ 30-го сентября 1877 года. (*Staatsarchiv* № 6581).

оправданія турецкаго правительства, которыя опять-таки были несогласны ни съ истиною, ни съ фактами [1]).

Между тѣмъ, никакъ нельзя сказать, чтобы Германія, Франція, Австро-Венгрія и Италія менѣе добросовѣстно, чѣмъ Англія, соблюдали свой нейтралитетъ. Вся разница лишь въ томъ, что эти великія державы не понимали своего нейтралитета въ томъ, чтобы оправдывать всякія злодѣянія турецкихъ войскъ и относиться равнодушно къ истязанію и убійству несчастныхъ раненыхъ и больныхъ.

Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ протестъ великихъ державъ неопровержимо доказываетъ, что всѣ турецкія и англійскія обвиненія русскихъ войскъ въ звѣрскихъ поступкахъ разлетѣлись въ прахъ предъ неопровержимыми фактами.

Однако, если Россія можетъ довольствоваться такимъ результатомъ, то всѣ европейскія державы подписавшія женевскую конвенцію, серьозно должны призадуматься надъ вопросомъ: неужели нѣтъ никакихъ средствъ предупредить, хотя бы отчасти, тѣ гнусныя преступленія, которыя совершались во время русско-турецкой войны надъ русскими ранеными и больными? Неужели нѣтъ никакихъ гарантій для болѣе добросовѣстнаго исполненія правилъ, пользующихся горячимъ сочувствіемъ всѣхъ христіанскихъ народовъ?

Этотъ вопросъ былъ поднятъ послѣ франко-германской войны. Въ самомъ началѣ 1872 года почтенный предсѣдатель «женевскаго международнаго комитета попеченія о раненыхъ воинахъ» представилъ проектъ учрежденія какъ-бы международнаго коми-

---

[1]) Депеша Сервера-паши отъ 19-го сентября 1877 г (*Staatsarchiv*. Bd. XXXIII, № 6576).

тета, съ цѣлію предупредить нарушенія женевской конвенціи и опредѣлить наказанія за эти нарушенія[1]). Но этотъ проектъ, въ настоящемъ своемъ видѣ, едва ли скоро получитъ практическое значеніе и будетъ принятъ державами.

Имѣя въ виду всѣми сознаваемые недостатки и пробѣлы женевской конвенціи 1864 года, предстоитъ, прежде всего, приступить къ основательному пересмотру ея постановленій и серьозно обсудить вопросъ о средствахъ, могущихъ обезпечить ихъ исполненіе. Намъ кажется, что, до разрѣшенія этого вопроса посредствомъ международнаго соглашенія, воюющему государству остаются только два средства для принужденія непріятельскихъ войскъ уважать жизнь и личную неприкосновенность раненыхъ и больныхъ воиновъ, а именно: 1) строжайшее наказаніе непріятельскихъ солдатъ или подданныхъ, уличенныхъ въ совершеніи преступленій противъ женевскаго акта, и 2) въ ограниченіи личной свободы и привлеченіи къ отвѣтственности командировъ и начальниковъ непріятельской арміи, взятыхъ въ плѣнъ[2]).

Репрессаліи же въ отношеніи безгласныхъ нижнихъ чиновъ, ни въ чемъ не уличенныхъ, будутъ не только весьма часто несправедливы, но и совершенно безполезны.

IV.

Въ тѣсной связи съ судьбою раненыхъ и больныхъ воиновъ, находится положеніе *военноплѣнныхъ*.

На исторической судьбѣ военноплѣнныхъ наиболѣе наглядно можно убѣдиться, насколько ошибо-

[1]) Срав. *Calvo*. Droit international théorique et pratique, t. II, § 872.

[2]) Подобныя же мѣры рекомендовалъ турецкій офицеръ, бывшій у насъ въ плѣну. (Срав. «*Journal de St. Pétersbourg*» отъ 17-го декабря 1877 года).

ченъ взглядъ, что на войнѣ нѣтъ никакихъ правилъ или законовъ, которымъ бы подчинялись дѣйствія воюющихъ государствъ. Въ древнія времена и въ началѣ среднихъ вѣковъ военноплѣнныхъ ожидала или смерть, или рабство; со второй половины среднихъ вѣковъ устанавливается обычай выкупа и, наконецъ, мало по малу, обмѣнъ по окончаніи войны. Если прежде смотрѣли на военноплѣнныхъ, какъ на личныхъ враговъ и злодѣевъ, то теперь ихъ признаютъ лицами, заслуживающими уваженія[1]).

Этотъ взглядъ обнаруживается въ 11-ти статьяхъ (23—34) брюссельской деклараціи, которыя трактуютъ о военноплѣнныхъ. На основаніи ихъ, военноплѣнные признаются законными обезоруженными непріятелями, и непріятельское государство, во власти котораго они находятся, обязано обращаться съ ними человѣколюбиво. Все частное ихъ имущество признается неприкосновеннымъ, а не законною добычею, какъ прежде. Для характеристики мнѣній, господствовавшихъ на брюссельской конференціи, довольно любопытенъ слѣдующій маленькій эпизодъ. Въ коммиссіи, учрежденной общимъ собраніемъ конференціи, для изученія русскаго проекта военной конвенціи, было принято постановленіе, объявляющее, что «военноплѣнные не суть уголовные преступники». Это постановленіе основывается на американскихъ полевыхъ инструкціяхъ и провозглашается авторитетами науки международнаго права. Но въ засѣданіи 22-го августа австрійскій генералъ баронъ Шенфельдъ предложилъ исключить эту фразу, признавая ее «унизительною» для военноплѣнныхъ. Съ его предложеніемъ

[1]) Новѣйшая и лучшая монографія о военноплѣнныхъ составлена молодымъ русскимъ ученымъ (нынѣ проф. ярославскаго юрид. лицея), *Eichelmann*: Ueber die Kriegsgefangenschaft. Dorpat, 1878.

немедленно согласились всѣ члены коммисіи и, впослѣдствіи, общаго собранія конференціи.

Всѣ постановленія брюссельской декларацiи относительно военноплѣнныхъ можно раздѣлить на три категоріи: 1) о лицахъ, подлежащихъ плѣну; 2) условія плѣна и, наконецъ, 3) о содержаніи военноплѣнныхъ непріятельскимъ государствомъ.

Военному плѣну, безспорно, подвергаются войска и тѣ воюющіе отряды или лица, которые имѣютъ право воюющей стороны. Сверхъ того, по статьѣ 34, лица, состоящія при войскахъ, какъ-то: корреспонденты газетъ и журналовъ, маркитанты, подрядчики и т. п., также считаются военноплѣнными, если имѣли законное право находиться при непріятельской арміи. Каждый военноплѣнный обязанъ, по требованію, объявить свой чинъ и имя, для того чтобы отнести его въ ту категорію, къ которой онъ принадлежитъ. Это постановленіе имѣетъ особенную важность при обмѣнѣ военноплѣнныхъ, который совершенно предоставляется взаимному соглашенію воюющихъ государствъ. Кромѣ того, знаніе чина, имени и ранга военноплѣннаго необходимо при освобожденіи на честное слово. Право военноплѣннаго согласиться на предложеніе быть освобожденнымъ на честное слово совершенно основательно поставлено въ зависимость отъ законовъ его страны и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть ему навязано. Но если онъ разъ былъ освобожденъ отъ плѣна подъ этимъ условіемъ, то, подъ страхомъ строгаго наказанія, обязанъ добросовѣстно исполнить принятое на себя обязательство,—не принимать непосредственнаго участія въ военныхъ дѣйствіяхъ во все продолженіе войны. Къ нарушенію этого обязательства не должно его принуждать и собственное правительство. Военноплѣнный же, освобожденный на честное слово и снова

взятый съ оружіемъ въ рукахъ, подлежитъ лишенію правъ, предоставленныхъ военноплѣннымъ, и предается военному суду.

Наконецъ, что касается условій содержанія непріятельскимъ государствомъ военноплѣнныхъ, то намъ кажется, что брюссельская декларація можетъ въ этомъ отношеніи считаться выше всякихъ упрековъ. Понятно, что непріятельское государство имѣетъ неотъемлемое право принимать всѣ мѣры предосторожности къ тому, чтобы присутствіе военноплѣнныхъ не представляло для него серьезной опасности. Если вспомнить, что въ новѣйшее время число военноплѣнныхъ доходило до нѣсколькихъ сотъ тысячъ человѣкъ, то естественными и разумными представляются постановленія, въ силу которыхъ военноплѣнные могутъ быть водворяемы въ городахъ, крѣпостяхъ, лагеряхъ или опредѣленныхъ мѣстностяхъ, съ обязанностью для нихъ не отлучаться далѣе извѣстныхъ границъ. Отсюда само собою вытекаетъ, что они подчиняются законамъ и распоряженіямъ, дѣйствующимъ въ той арміи, во власти которой они находятся. Такъ, въ случаѣ поимки военноплѣннаго въ бѣгствѣ, онъ подлежитъ дисциплинарному взысканію, опредѣляемому законами страны. Но если побѣгъ былъ удаченъ, и военноплѣнный, не давшій честнаго слова, вновь будетъ взятъ въ плѣнъ, то онъ за прежній побѣгъ никакому взысканію подлежать не долженъ (ст. 28).

Имѣя въ виду значительное количество военноплѣнныхъ, понятна будетъ та тягость, которую принимаютъ на себя воюющія государства относительно содержанія ихъ. Условія содержанія могутъ быть предварительно опредѣлены по взаимному соглашенію воюющихъ державъ. Въ случаѣ же отсутствія такого соглашенія, декларація выставляетъ, какъ общій прин-

ципъ, что военноплѣнные должны быть довольствуемы въ пищѣ и одѣяніи наравнѣ съ войсками правительства, взявшаго ихъ въ плѣнъ.

Съ цѣлью же облегчить государству повинность содержанія военноплѣнныхъ и дать имъ какія нибудь занятія, предоставляется право употреблять ихъ на общественныя работы, не изнурительныя и не унизительныя для чина. Равнымъ образомъ, они могутъ заниматься разными промыслами и частными работами. Заработанныя деньги должны идти на улучшеніе ихъ содержанія или же уплачиваться при освобожденіи ихъ (ст. 25). Но, во всякомъ случаѣ, декларація неоднократно вмѣняетъ государству въ обязанность не принуждать военноплѣнныхъ никакими способами къ принятію какого либо участія въ продолжающихся военныхъ дѣйствіяхъ (ст. 26).

Таковы постановленія брюссельской декларації относительно военноплѣнныхъ. Насколько эти правила согласны съ современными обычаями войны—можно видѣть изъ того, что не только регламенты западноевропейскихъ государствъ о военноплѣнныхъ, но и военные писатели, поставившіе себѣ долгомъ относиться съ пренебреженіемъ къ трудамъ брюссельской конференціи, выставляютъ совершенно одинаковыя начала. Даже Рюстовъ ничего новаго не придумалъ въ этомъ отношеніи [1]). Насколько же вышеприведенныя постановленія соотвѣтствуютъ справедливымъ и законнымъ требованіямъ совѣсти цивилизованныхъ народовъ и науки международнаго права, можно видѣть изъ того, что Институтъ международнаго права, послѣ самаго внимательнаго изученія брюссельской

---

[1]) *Rüstow.* Kriegspolitik. S. 192 etc. Срав. также «Manuel de droit international à l'usage des officiers de l'armée de terre». titre IV.

декларацiи, ничего не нашелъ сказать противъ ея постановленiй. Наконецъ, даже проектъ парижскаго филантропическаго «общества для улучшенiя быта военноплѣнныхъ». представленный въ 1874 году на усмотрѣнiе европейскихъ державъ, не содержитъ въ себѣ никакихъ правилъ относительно военноплѣнныхъ, которыя можно бы признать болѣе гуманными и практическими[1]).

Посмотримъ теперь, какъ обращались Турцiя и Россiя съ своими военноплѣнными во все продолженiе послѣдней войны.

Что касается Турцiи, то прежде всего нельзя не обратить вниманiя на два существенно-важныя обстоятельства: 1) турецкое правительство не обнародывало никакихъ законовъ или положенiй относительно содержанiя русскихъ военноплѣнныхъ и 2) Турцiя имѣла на своихъ рукахъ весьма незначительное количество военноплѣнныхъ.

Первое обстоятельство не даетъ возможности уяснить себѣ: какъ вообще понимало турецкое правительство свои права и обязанности въ отношенiи военноплѣнныхъ. Отсутствiе всѣхъ законовъ или органическихъ административныхъ мѣръ по этому вопросу заставляетъ думать, что Порта никакими опредѣленными правилами или законами цивилизованной войны не руководствовалась по той простой причинѣ, что ихъ не знала. Если турецкое правительство не имѣло правильнаго понятiя о женевской конвенцiи, то совершенно простительно было ему не знать обычаевъ и законовъ войны относительно военноплѣнныхъ.

---

[1]) См. «Projet pouvant servir de base à un règlement international relatif aux prisonniers de guerre». Срав. также *Dudly Field.* International Code § 800 etc.

Второе же обстоятельство въ высшей степени облегчало заботы турецкаго правительства и давало ему возможность самымъ тщательнымъ образомъ исполнять обязанности европейскаго воюющаго государства въ отношеніи военноплѣнныхъ. Дѣйствительно, чѣмъ меньше у воюющаго государства военноплѣнныхъ, тѣмъ лучше оно можетъ заботиться объ ихъ содержаніи, здоровьѣ и законныхъ интересахъ. До какой степени тяготитъ воюющаго огромное количество военноплѣнныхъ, доказываетъ примѣръ Германіи въ 1870 году. Плѣнныхъ французовъ было въ Германіи болѣе 400,000 человѣкъ, и всѣ они должны были содержаться на счетъ германскихъ правительствъ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Надъ всѣми долженъ былъ также быть установленъ надлежащій надзоръ, и многіе изъ нихъ считали себя въ правѣ предъявлять весьма большія претензіи [1]).

Турецкое правительство до крайности облегчило для себя эту обязанность и, притомъ, способомъ весьма цѣлесообразнымъ: систематическимъ избіеніемъ раненыхъ, больныхъ и военноплѣнныхъ. Въ особенности этимъ обстоятельствомъ объясняется крайне ограниченное число русскихъ военноплѣнныхъ въ Турціи.

Выше мы видѣли, что въ началѣ декабря 1877 года въ Константинополѣ было всего 17 русскихъ военноплѣнныхъ. Въ турецкихъ же областяхъ было 253 человѣка, содержавшихся также въ плѣну, изъ которыхъ однако многіе не должны были считаться военноплѣнными. Но въ это число не вошли плѣнные, доставшіеся туркамъ послѣ неудачнаго дѣла при Еленѣ, когда отрядъ князя Святополкъ-Мирскаго вы-

[1]) Срав. *Rolin-Jaequemyns* въ Revue de droit international, t. II, p. 689 et suiv.

нужденъ былъ покинуть свои позиціи у Марени, ни военноплѣнные, взятые турками за послѣдній періодъ войны. На основаніи довольно достовѣрныхъ источниковъ можно утверждать, что послѣ еленинскаго дѣла туркамъ досталось около 200 человѣкъ, вмѣстѣ съ офицерами (полковникъ Клевезаль, штабсъ-капитаны Сучковъ, Домбровскій, Розовъ и др.) и нижними чинами. Послѣ же перехода нашей арміи черезъ Балканы и при постоянномъ побѣдоносномъ шествіи впередъ нашихъ войскъ и неудержимомъ бѣгствѣ турецкихъ, трудно допустить, чтобы наши солдаты еще попадались въ турецкій плѣнъ. Наконецъ и на азіатскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій съ октября мѣсяца начинается постоянное и безпорядочное отступленіе турецкой арміи.

При такихъ обстоятельствахъ будетъ не слишкомъ смѣлымъ разсчетъ, по которому у турокъ было всего, въ продолженіе всей минувшей войны, не болѣе 600 военноплѣнныхъ, включая въ это число всѣхъ абхазцевъ, армянъ и персіянъ, захваченныхъ турецкими войсками за несочувствіе къ нимъ и неисполненіе ихъ требованій.

Наконецъ, что касается до обращенія турецкаго правительства съ военноплѣнными, то болѣе подробныя извѣстія имѣются только относительно тѣхъ, которые находились въ самомъ Константинополѣ. Наибольшее время провели въ турецкомъ плѣну храбрый лейтенантъ Пушинъ и его сподвижники, совершившіе молодецкое нападеніе на турецкіе броненосцы въ ночь съ 28-го на 29-е мая 1877 года. Вслѣдствіе принятыхъ броненосцами мѣръ предосторожности, неустрашимость нашихъ моряковъ не была на этотъ разъ увѣнчана заслуженнымъ успѣхомъ. Катеръ лейтенанта Пушина былъ опрокинутъ, и онъ, спасенный турками, былъ отправленъ въ Константинополь вмѣстѣ

съ нѣсколькими людьми своей команды. Тамъ ихъ содержали подъ строжайшимъ надзоромъ, какъ узниковъ въ подслѣдственной тюрьмѣ. Правда, ихъ не морили голодомъ, но зато до крайности стѣсняли ихъ свободу. При свиданіи же съ военноплѣнными, которое разрѣшалось только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ и благодаря чрезвычайно сильной протекціи, непремѣнно присутствовали турецкіе офицеры, обязанные даже слѣдить за разговоромъ «гяуровъ» [1]). Въ офиціальной телеграммѣ изъ Плоешти отъ 7-го іюня сказано, что родители лейтенанта Пущина получили отъ сына извѣстіе, что турки съ нимъ обращаются «хорошо». Но если вспомнить ту свободу, которою повсюду въ Россіи пользовались турецкіе офицеры и генералы, то трудно назвать «хорошимъ» такое келейное содержаніе, нисколько не оправдываемое ни военными законами, ни военною необходимостью. Турецкое правительство дѣйствительно смотрѣло на военноплѣнныхъ, какъ на «уголовныхъ преступниковъ», и если бы германскій посолъ князь Рейссъ, не заступился, съ свойственною ему энергіею и настойчивостью, за русскихъ военноплѣнныхъ, то участь ихъ навѣрно была бы еще хуже.

Слѣдовательно, и въ вопросѣ о военноплѣнныхъ Турція показала себя азіатскою державою, которая не въ состояніи понять обычаи и законы войны, принятые цивилизованными и христіанскими народами.

V.

Основываясь на несомнѣнныхъ фактахъ, мы въ правѣ утверждать, что въ Россіи турецкіе военноплѣнные пользовались такимъ гостепріимствомъ и

[1]) См. письмо изъ Константинополя въ парижскую газету «*Le XIX Siècle*». (Journal de St.-Pétersbourg» за іюль 1877 года).

свободою, которая едва ли когда либо была предоставлена плѣненнымъ врагамъ.

Прослѣдимъ весь порядокъ препровожденія военноплѣнныхъ въ предѣлы имперіи и содержанія ихъ на мѣстахъ водворенія. Порядокъ этотъ былъ установленъ «Временнымъ положеніемъ о военноплѣнныхъ» отъ 2-го іюля 1877 года.

На основаніи этого законоположенія плѣнные должны были пройти три отдѣльныя состоянія: *первое*— отъ момента взятія въ плѣнъ до передачи на сборный пунктъ; *второе*—передвиженіе отъ сборнаго пункта до предназначенной плѣнному губерніи и *третье*— пребываніе плѣннаго въ мѣстности, назначенной для его жительства.

Въ продолженіе перваго состоянія военноплѣнные, находясь въ районѣ дѣйствующей арміи, разумѣется, должны были исключительно подчиняться распоряженіямъ главнокомандующаго. Изъ мѣста расположенія дѣйствующихъ войскъ плѣнные доставлялись партіями и подъ конвоемъ въ сборные пункты, расположенные въ тылу армій. Раньше отправленія военноплѣнныхъ въ путь военное начальство обязано было составить имъ именные списки, въ которыхъ, противъ имени и фамиліи каждаго, обозначались: 1) званіе плѣннаго и воинская часть, къ которой онъ принадлежитъ; 2) мѣсто жительства въ его отечествѣ; 3) къ какому принадлежитъ вѣроисповѣданію и 4) когда и въ какомъ мѣстѣ взятъ въ плѣнъ[1]).

Эти списки передавались начальникамъ, назначеннымъ для конвоированія плѣнныхъ до сборнаго пункта, начальнику котораго впередъ по телеграфу давалось знать о числѣ плѣнныхъ и составѣ партіи,

[1]) Срав. также приказъ по войскамъ дѣйствующей арміи отъ 4-го ноября 1877 г. (*«Летучій Военный Листокъ»*, № 55).

съ указаніемъ числа офицеровъ, больныхъ, христіанъ и не христіанъ, для того чтобы всѣ они могли найдти на пунктѣ помѣщеніе и должное содержаніе. Наконецъ начальникамъ партіи военноплѣнныхъ было вмѣнено въ обязанность не только давать слѣдующее содержаніе и поддерживать между ними порядокъ, но и ограждать ихъ отъ обидъ (ст. 5).

Второе состояніе начиналось съ прибытія плѣнныхъ въ сборный пунктъ. Такихъ пунктовъ въ минувшую войну было только два: *Кишиневъ* для плѣнныхъ, доставляемыхъ изъ-за Дуная и *Ростовъ-на-Дону*—изъ-за Кавказа. Положеніе 1854 года назначало нѣсколько сборныхъ пунктовъ, но новый законъ установилъ ихъ только два съ тою цѣлью, чтобы имѣть возможность точно знать число всѣхъ военноплѣнныхъ, водворенныхъ въ предѣлахъ имперіи, предоставить турецкому правительству возможность получать всѣ необходимыя свѣдѣнія о плѣнныхъ, которые почему либо не возвратились бы на родину. Понятно, насколько въ подобныхъ случаяхъ, всѣ эти свѣдѣнія были драгоцѣнны для родственниковъ и друзей плѣнныхъ.

Пріемъ, завѣдываніе и довольствіе плѣнныхъ въ сборныхъ пунктахъ, а равно и дальнѣйшее отправленіе ихъ въ мѣста назначенія внутри имперіи возложено было на уѣздныхъ воинскихъ начальниковъ, подъ руководствомъ губернскихъ. Въ этихъ обоихъ городахъ плѣнные содержались «примѣняясь къ правиламъ, установленнымъ для пересыльныхъ командъ». Уѣздному воинскому начальнику передавались плѣнные вмѣстѣ со списками ихъ и другими документами, «а также и принадлежащими имъ деньгами и вещами, если таковыя были сданы партіонному начальнику». Уѣздный начальникъ обязанъ былъ повѣрить со спискомъ людей и вещи, какъ казенныя,

такъ и собственныя, военноплѣнныхъ. Въ каждомъ же сборномъ пунктѣ велись особыя алфавитныя книги, въ которыя заносились всѣ прибывавшіе туда плѣнные и, вслѣдъ затѣмъ, обозначалось мѣсто водворенія ихъ въ имперіи.

Изъ сборныхъ пунктовъ плѣнные отправлялись на мѣсто ихъ назначенія или по желѣзнымъ дорогамъ, или же обыкновенными путями, примѣняясь опять-таки къ закону 1870 г. относительно движенія русскихъ нештатныхъ военныхъ командъ. Неизлишне замѣтить, что изъ сборныхъ пунктовъ еженедѣльно должны были доставляться въ главный штабъ вѣдомости о числѣ военноплѣнныхъ, отправленныхъ въ каждое мѣсто назначенія.

Наконецъ третье состояніе начиналось съ момента прибытія плѣнныхъ на мѣсто ихъ водворенія.

Уже выше (глава V) мы имѣли случай упомянуть о томъ, что, на основаніи окончательнаго проекта положенія о военноплѣнныхъ, завѣдываніе и надзоръ за ними въ предѣлахъ имперіи были поставлены въ зависимость отъ военнаго министерства, при содѣйствіи гражданскихъ властей. Поэтому внутри имперіи плѣнные содержались при мѣстныхъ войскахъ въ видѣ командъ, состоящихъ подъ начальствомъ русскихъ офицеровъ, унтеръ-офицеровъ и даже рядовыхъ. Команды раздѣлялись на взводы, полуроты, роты и даже болѣе крупныя части. Для завѣдыванія плѣнными могли быть также назначаемы благонадежные турецкіе офицеры, и подраздѣленія взводовъ могли быть предоставлены завѣдыванію начальниковъ изъ числа самихъ плѣнныхъ.

Таковъ внѣшній порядокъ содержанія плѣнныхъ. Условія внутренняго порядка и матеріальнаго содержаній ихъ на мѣстахъ водворенія были, главнымъ образомъ, слѣдующія.

Плѣнные размѣщались въ крѣпостяхъ или въ открытыхъ городахъ, смотря по обстоятельствамъ. Здѣсь они жили или въ мѣстныхъ казармахъ, или въ частныхъ домахъ. Офицерамъ обыкновенно разрѣшалось проживать на частныхъ квартирахъ, какъ въ городахъ, такъ и внѣ оныхъ, если они дали честное слово не удаляться за предѣлы означеннаго района.

Довольствіе военноплѣнныхъ, т. е. полученіе кормовыхъ денегъ или продовольствіе въ натурѣ, было установлено на одинаковомъ основаніи съ нижними чинами русскихъ войскъ. Военноплѣннымъ же пашамъ, штабъ и оберъ-офицерамъ назначалось опредѣленное жалованье, въ размѣрѣ, установленномъ для русскихъ офицерскихъ чиновъ на основаніи закона 1859 года.

Общія правила, которымъ они подчинялись, были слѣдующія:

1) Они подлежали дѣйствію русскихъ военныхъ постановленій и судились военнымъ судомъ. Согласно съ этимъ, 10-го сентября 1877 г. были утверждены Государемъ Императоромъ особенныя правила о примѣненіи военными судами военно-уголовныхъ законовъ къ преступленіямъ, совершаемымъ военноплѣнными. Понятно, что плѣнные турки не могли быть ни исключены изъ службы, ни разжалованы въ рядовые, ни отставлены отъ должности. Поэтому требовалось установленіе новой и исключительно къ военноплѣннымъ примѣнимой лѣстницы наказаній.

2) Оружіе противъ военноплѣнныхъ дозволено было употреблять только при открытомъ съ ихъ стороны возмущеніи и побѣгѣ массами. При побѣгѣ же одного плѣннаго, только послѣ сдѣланнаго предостереженія или оклика, оружіе могло быть пуще-

но въ дѣйствіе. Военноплѣнные же, пойманные въ побѣгѣ, «не подлежали взысканію по суду, но подвергались болѣе строгому надзору».

Интересно сопоставить съ этимъ постановленіемъ нашего закона слѣдующее распоряженіе прусскаго генерала Фогель-фонъ-Фалькенштейна во время войны 1870 года: «Всякій разъ, когда одинъ французскій военноплѣнный сбѣжалъ, изъ числа тѣхъ его товарищей, съ которыми жилъ бѣглецъ, по жребію выбираются десять человѣкъ, которые заключаются подъ стражу въ какую нибудь крѣпость до тѣхъ поръ, пока не возвратится сбѣжавшій. Офицеръ, сбѣжавшій и снова пойманный, лишается всѣхъ правъ и преимуществъ военноплѣннаго»[1]).

3) Плѣнные ни подъ какимъ видомъ не стѣснялись въ исполненіи своихъ обрядовъ богослуженія, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, въ которыхъ это было противно сохраненію въ командахъ плѣнныхъ воинскаго порядка и благоустройства (ст. 57).

4) Собственность каждаго изъ плѣнныхъ, за исключеніемъ оружія, считалась неприкосновенною. При слѣдованіи на пути въ Россію они могли отдавать на сохраненіе, подъ квитанціи, принадлежащія имъ деньги или вещи. При возвращеніи въ отечество они могли вывезти съ собою все принадлежащее имъ имущество, не исключая того, которое они пріобрѣли въ Россіи исполненіемъ государственныхъ, общественныхъ или частныхъ работъ. Вырученныя такимъ образомъ деньги записывались на приходъ, и одна часть ихъ выдавалась плѣннымъ на руки, а другая употреблялась на возмѣщеніе расходовъ казны по ихъ содержанію.

Вотъ порядокъ содержанія турецкихъ военноплѣн-

[1]) *Rüstow*. Kriegspolitik, S. 193.

ныхъ въ продолженіе минувшей войны. Что вышеупомянутыя правила въ высшей степени гуманны и совершенно согласны съ проектированными началами брюссельской деклараціи и современнымъ правомъ войны, это не можетъ подлежать никакому сомнѣнію.

Но для того, чтобы вполнѣ понять какихъ огромныхъ матеріальныхъ жертвъ требовало отъ казны исполненіе всѣхъ постановленій «Временнаго положенія» о военноплѣнныхъ, необходимо имѣть въ виду то огромное число турокъ, которыхъ необходимо было водворить и содержать въ Россіи въ то время, когда государственная казна была и безъ того обременена тяжкими расходами войны [1]).

По донесеніямъ изъ военныхъ округовъ, въ которыхъ были водворены на жительство военноплѣнные, оказывается, что въ періодъ кампаніи доставлено было черезъ Кишиневъ и Ростовъ-на-Дону всего: пашей —27; штабъ и оберъ-офицеровъ—4,087; нижнихъ чиновъ—66,540 человѣкъ. Итого 70,654 человѣка.

Но въ дѣйствительности взято было въ плѣнъ, въ продолженіе всей войны, навѣрно болѣе 100,000 человѣкъ. Къ числу 70,654 плѣнныхъ, находившихся въ разныхъ губерніяхъ Россіи и значащихся по спискамъ главнаго штаба, слѣдуетъ добавить:

1) Болѣе 10,000 плѣнныхъ, изъ числа взятыхъ подъ Плевною и переданныхъ румынскимъ войскамъ.

2) Нѣсколько тысячъ плѣнныхъ, непосредственно взятыхъ румынскими войсками.

3) Нѣсколько тысячъ плѣнныхъ, отпущенныхъ по

[1]) Обнародуя въ первый разъ нижеслѣдующія вполнѣ достовѣрныя свѣдѣнія о турецкихъ военноплѣнныхъ въ Россіи, мы пользуемся случаемъ, чтобы еще разъ выразить здѣсь глубочайшую нашу признательность за доставленіе и разрѣшеніе предать гласности эти свѣдѣнія.

домамъ послѣ разгрома арміи Мухтара-паши подъ Авліаромъ.

4) Громадное число плѣнныхъ, погибшихъ въ пути отъ холода и болѣзней и не перешедшихъ русской границы.

Общій итогъ по всѣмъ четыремъ пунктамъ составитъ навѣрно не менѣе 30,000 человѣкъ.

Этого мало. Не только послѣ битвы подъ Авліаромъ, но и въ другихъ случаяхъ командующіе нашими войсками иногда отпускали плѣнныхъ, съ обязательствомъ не принимать участія въ продолжающейся войнѣ. Такъ поступалъ, между прочимъ, генералъ Гурко послѣ взятія Телиша [1]). Сверхъ того, сербскія и черногорскія войска точно также брали въ плѣнъ турокъ.

Такимъ образомъ, общая цифра турецкихъ военноплѣнныхъ простирается далеко за 100,000 человѣкъ. Одними русскими войсками было взято въ плѣнъ не меньше этого числа, но водворены были въ предѣлахъ Россіи только 70,654 человѣка.

Плѣнные эти были размѣщены слѣдующимъ образомъ:

	паш.	шт. и ниж. об.-оф. чин.	Всего.
Въ 4 губерн. изъ числа входящихъ въ *Петербургскій* военный округъ . .	3	557 6,510	7,070
Въ 8 губ. изъ ч. вход. въ *Виленскій* в. о.	6	986 13,095	14,087
» 3 » » » » » *Одесскій* » »	2	25 2,952	2,979
» 3 » » » » » *Кіевскій* » »	—	98 3,116	3,214
» 6 » » » » » *Харьковскій* »	10	736 11,926	12,676
»12 » » » » » *Московскій* » »	5	1,395 23,388	24,788
» 5 » » » » » *Казанскій* » »	1	290 5,553	5,844
Итого . .	27	4,087 66,540	70,654

[1]) См. «*Летучій Военный Листокъ*», № 47.

VI.

Не смотря на всѣ вышеизложенныя законодательныя мѣры и административныя распоряженія, имѣвшія цѣлью обезпечить, насколько возможно, участь военноплѣнныхъ, все-таки Россія и здѣсь не избѣгла самыхъ недостойныхъ обвиненій со стороны турецкаго правительства и туркофильской печати Западной Европы. Порта, со свойственною ей безцеремонностью, находила возможнымъ утверждать, что въ Россіи точно также исчезаютъ съ лица земли военноплѣнные, какъ это въ дѣйствительности было въ Турціи. Она обвиняла русское правительство въ томъ, что оно ссылаетъ военноплѣнныхъ въ Сибирь [1]). Туркофильская печать не затруднялась клеветать, что въ Россіи поступаютъ «съ военноплѣнными скорѣе какъ съ преступниками, нежели согласно съ принятыми въ XIX ст. порядками относительно плѣнныхъ». Жаловались на то, что не всѣхъ турецкихъ плѣнныхъ отправляли по румынскимъ желѣзнымъ дорогамъ, но что многіе изъ нихъ принуждены были идти пѣшкомъ до внутреннихъ губерній Россіи. Но это не все: «ужасенъ самый порядокъ отправленія плѣнныхъ, — ихъ не только сковываютъ по два между собою, но цѣлая партія, состоящая обыкновенно отъ 40 до 60 человѣкъ, прикована къ длинной цѣпи, которая проходитъ черезъ маленькую цѣпь, соединяющую двоихъ. Въ этомъ видѣ они обязаны совершать весь путь! Бѣда тому несчастному, которому откажутъ силы!» [2]).

Все это разсказываетъ корреспондентъ, видѣвшій такую процессію и утверждающій, что таковъ при-

---

[1]) Срав. *Staatsarchiv*, Bd. XXXII, № 6509.

[2]) «*Augsburger Allgemeine Zeitung*» № 270 за 1877 годъ.

нятый въ русской арміи порядокъ слѣдованія турецкихъ военноплѣнныхъ. Едва ли наглая ложь можетъ идти дальше! Этотъ корреспондентъ до такой степени увлекся своею задачею клеветать и запятнать Россію и русскія войска, что совершенно упустилъ изъ виду два обстоятельства, которыя должны были навести на мысль сочинить какую нибудь другую, болѣе правдоподобную сказку. Во-первыхъ, корреспонденты другихъ газетъ, бывшіе не въ Бухарештѣ, какъ онъ, но при самыхъ нашихъ войскахъ, ничего подобнаго никогда не видѣли. Во-вторыхъ, неужели онъ не сообразилъ, что если около ста тысячъ военноплѣнныхъ должны были быть скованы длинными и короткими цѣпями, то сколько потребовалось бы для русскаго войска желѣзнодорожныхъ поѣздовъ, наполненныхъ только однѣми цѣпями?

Впрочемъ, для башибузуковъ, черкесовъ и курдовъ, дѣйствительно, цѣпи были настолько-же необходимы, какъ и для усмиренія лютыхъ звѣрей. Этихъ изверговъ, на основаніи ст. 7 іюльскаго «Временнаго положенія», дѣйствительно должны были, въ качествѣ осужденныхъ или преданныхъ суду, препровождать отдѣльно отъ военноплѣнныхъ и порядкомъ, установленнымъ для арестантовъ.

Если бы почаще примѣняли эту статью къ этимъ извергамъ, то навѣрно меньше было бы совершено гнусныхъ преступленій надъ нашими ранеными и больными.

Претензія же на то, что турецкихъ плѣнныхъ иногда заставляли идти пѣшкомъ, когда наши солдаты сотни верстъ совершаютъ переходы, и недѣли, даже мѣсяцы, проводятъ ночь на голой, сырой землѣ, слишкомъ смѣшна, чтобы на ней останавливаться.

Затѣмъ вышеприведенныя офиціальныя свѣдѣнія

лучше всего доказываютъ, насколько основательно, что плѣнные были поселены въ Сибири.

Относительно же неизвѣстности о судьбѣ турецкихъ плѣнныхъ въ Россіи можно замѣтить, что: 1) наше правительство нисколько не обязано было сообщать турецкому, во время войны, эти свѣдѣнія, и 2) не слѣдуетъ забывать, что во все продолженіе войны изъ главнаго штаба доставлялись въ министерство иностранныхъ дѣлъ подробнѣйшіе списки о всѣхъ турецкихъ плѣнныхъ, согласно «Временному положенію».

Эти списки аккуратнѣйшимъ образомъ препровождались въ англійское посольство въ С.-Петербургѣ. Слѣдовательно, какъ въ Лондонѣ, такъ и въ Константинополѣ, могли имѣть самыя точныя свѣдѣнія о турецкихъ плѣнныхъ въ Россіи.

Но, благодаря какимъ-то случайнымъ обстоятельствамъ, ни въ Англіи, ни, можетъ быть, даже въ Константинополѣ не знали объ этомъ, и сэръ Ляйардъ призналъ возможнымъ сказать, что на полѣ сраженія, «вѣроятно», обѣ воюющія стороны пощады другъ другу не даютъ[1]). Но въ англійскомъ посольствѣ, на берегахъ Невы, точно могли опредѣлить, *сколькимъ* лицамъ русскія войска дали пощаду и *насколько* основательно предположеніе англійскаго посла на берегахъ Босфора.

Всѣ эти обвиненія и происки были разрушены самими турецкими плѣнными, которые, уѣзжая изъ Россіи, считали себя обязанными выразить русскому правительству и обществу самую искреннюю благодарность за ту доброту и гостепріимство, которыми

[1]) Депеша сэра Ляйарда отъ 25-го сентября 1877 г. (*Staatsarchiv* № 6578).

они пользовались у насъ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ[1]).

Передъ отъѣздомъ своимъ самъ муширъ Османъ-паша, считалъ нужнымъ выразить «глубокую благодарность, которую онъ сохранитъ навсегда въ своемъ сердцѣ къ Россіи за все то, что дѣлаютъ для плѣнныхъ, не только офицеровъ, но и солдатъ, и особенно за уходъ за больными». «Содержаніе плѣнныхъ», сказалъ онъ, «настолько хорошо, что и дома у насъ едва ли имъ было лучше»[2]).

Въ адресѣ владимірскому губернатору говорится между прочимъ: «Въ настоящемъ случаѣ, оставляя въ сторонѣ всякія непріязни минувшихъ военныхъ событій, мы имѣемъ цѣлью симъ засвидѣтельствовать, что какъ жалованье, такъ и одежда и пища, назначенныя для отпуска военноплѣннымъ оттоманскимъ офицерамъ и солдатамъ, выдавались имъ всегда съ полнѣйшею точностью». Это заявленіе подписано двумя бригадными генералами и нѣсколькими офицерами 25-го сентября 1878 года.

Лифляндскому губернатору и жителямъ города Пернова военноплѣнные выразили свою благодарность въ слѣдующихъ словахъ:

«Мы душевно благодаримъ жителей Пернова за оказанное радушіе и гостепріимство; также неизгладимо останется въ нашей памяти ласковое и привѣтливое обращеніе съ нами губернскаго и уѣзднаго воинскихъ начальниковъ. Съ глубочайшимъ чувствомъ превозносимъ Государя Императора за поставленное

---

[1]) Всѣ эти заявленія признательности постоянно печатались въ «*Русскомъ Инвалидѣ*» за 1878 годъ и было бы безполезно приводить ихъ здѣсь.

[2]) См. «*Голосъ*» отъ 15-го марта 1878 г. (корреспонденція изъ Харькова).

надъ нами начальство, которое будемъ восхвалять и на своей родинѣ».

Въ такихъ же прочувствованныхъ выраженіяхъ составлены и остальные адресы турецкихъ военноплѣнныхъ.

Впрочемъ, каждый, кто знаетъ русскій народъ, не могъ ни на минуту сомнѣваться насчетъ пріема, ожидавшаго у насъ турецкихъ плѣнныхъ, хотя наше гостепріимство и радушіе иногда переходили всякую мѣру. Жители нѣкоторыхъ городовъ гордились поселенными у нихъ плѣнными и ухаживали за ними, какъ за дорогими гостями; бывали даже случаи встрѣчи плѣнныхъ съ букетами на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ. Отъ нашего плѣна турки обыкновенно не бѣжали; а если и бѣжали, то не одни. Торговцы и торговки дарили ихъ вещами, а нашъ «сѣрый» народъ находилъ особенное удовольствіе угощать «турку» и попить съ нимъ по-братски чайку. Нельзя также не отдать справедливости турецкимъ плѣннымъ, которые, вообще говоря, вели себя прилично и смирно во все время пребыванія у насъ.

Когда, въ 1870 году, ожидался въ Берлинѣ первый поѣздъ съ французскими военноплѣнными, городскія власти признали необходимымъ обратиться къ жителямъ съ воззваніемъ, въ которомъ напоминали, что въ отношеніи побѣжденнаго врага необходимо высказывать спокойствіе, уваженіе и сознаніе своего собственнаго достоинства[1]).

Такого рода воззваній, кажется, у насъ обнародовано не было; но зато весьма многіе протестовали противъ гуманнаго обращенія съ плѣнными турками, находя его несправедливымъ и незаслуженнымъ. Если одни доходили, въ своемъ увлеченіи фескою, до того,

[1]) *Rolin-Jaequemyns* въ Revue de droit international, t. II, p. 689.

что забыли свое національное достоинство и становились сами побѣжденными, то, наоборотъ, другіе громко требовали лишенія турокъ тѣхъ правъ и льготъ, которыя имъ были предоставлены.

Ни одно изъ этихъ двухъ крайнихъ мнѣній, къ счастію, не одержало верхъ. Плѣнные мало по малу перестали быть героями дня и сдѣлались гостями, имѣющими право на снисхожденіе и уваженіе настолько, насколько они сами окажутся достойными того и другаго. Съ другой стороны, турки, взятые въ плѣнъ и не уличенные въ какихъ нибудь преступленіяхъ, не могли быть лишены правъ, предоставляемыхъ имъ какъ современными обычаями войны, такъ и законоположеніемъ отъ 2-го іюля 1878 года.

Послѣ заключенія мира оказалось, что здоровый инстинктъ нашего народа, признающій плѣнныхъ, прежде всего, несчастными, исполнявшими только долгъ свой въ отношеніи родины, одержалъ блестящую побѣду и оказался наиболѣе чуткимъ къ дѣйствительному достоинству и пользѣ государства. Возвратившіеся въ Турцію военноплѣнные до такой степени были очарованы гостепріимствомъ и гуманностью обращенія съ ними въ Россіи, что не могли нахвалиться на родинѣ о русскомъ народѣ. Сравненіе оказалось не въ пользу родины, гдѣ и помину не было, въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, о жалованьи, которое они такъ исправно получали въ Россіи.

Если вѣрить корреспонденціямъ офиціозной вѣнской газеты «Politische Correspondenz», то эти бывшіе военноплѣнные до такой степени «развращали» тѣ части турецкихъ войскъ, въ которыя они снова были причислены, что Порта была вынуждена большую часть ихъ отправить подальше—въ Сирію и Багдадъ.

Турецкое правительство стало сомнѣваться въ преданности своихъ собственныхъ солдатъ, геройски защищавшихъ его въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, не смотря на всю бездарность и недобросовѣстность своихъ правителей.

Этотъ любопытный и небывалый результатъ военнаго плѣна можетъ имѣть весьма благотворныя послѣдствія въ будущемъ. Во всякомъ случаѣ, онъ неопровержимо доказываетъ, насколько прочнѣе завоеванія, сдѣланныя не столько силою оружія, сколько любовью къ ближнему и уваженіемъ къ праву.

Глава IX.

Объ отношеніяхъ воюющихъ государствъ къ нейтральнымъ державамъ.

Вопросы относительно правъ нейтральныхъ, возбужденные въ продолженіе минувшей войны. — Раздѣленіе. — Распоряженія нейтральныхъ государствъ.—Столкновенія съ подданными нейтральныхъ государствъ во время военныхъ дѣйствій на сушѣ. — Доктора изъ нейтральныхъ странъ. – Англійскіе офицеры на турецкой службѣ.

Распоряженія воюющихъ державъ относительно войны на морѣ. — О минныхъ заграждeніяхъ. — О блокадѣ русскихъ береговъ.—Столкновеніе Турціи съ Италіей. — Подвозъ военной контрабанды. — Столкновеніе Греціи съ Турціей. — Призовое судопроизводство.

Какъ во время всѣхъ международныхъ войнъ, такъ и въ продолженіе минувшей, возникали вопросы о взаимныхъ правахъ и обязанностяхъ воюющихъ и нейтральныхъ державъ. Война не только между воюющими существенно измѣняетъ отношенія, существующія въ мирное время, но въ то же время оказываетъ значительное вліяніе на положеніе и интересы нейтральныхъ государствъ. Чѣмъ болѣе развиваются сношенія между народами, чѣмъ ближе соединяютъ ихъ общіе экономическіе интере-

сы, чѣмъ шире становится кругъ торговыхъ оборотовъ, тѣмъ чувствительнѣе для всѣхъ нарушеніе мира и тѣмъ большимъ бѣдствіемъ является война, хотя бы для ограниченія ея невыгодныхъ послѣдствій для нейтральныхъ державъ были приняты всевозможныя мѣры. Международная война не только имѣетъ вліяніе на сферу интересовъ нейтральныхъ народовъ: она создаетъ для нихъ особенное юридическое положеніе и вмѣняетъ имъ соблюденіе опредѣленныхъ новыхъ обязанностей.

Нейтральное государство должно оставаться безпристрастнымъ зрителемъ военныхъ дѣйствій; оно и его подданные не должны вмѣшиваться въ войну или оказывать одному изъ воюющихъ какую либо помощь или содѣйствіе. Нейтральное государство—не сторона въ спорѣ, происходящемъ между воюющими народами. Эти теоретическія понятія имѣютъ въ настоящее время значеніе «общихъ мѣстъ», противъ которыхъ не станетъ спорить никто, имѣющій какія нибудь понятія объ основныхъ началахъ международнаго права.

Разсмотрѣвъ отношенія между Турціей и Россіей, какъ воюющими державами, намъ остается сказать теперь нѣсколько словъ объ отношеніяхъ этихъ государствъ къ нейтральнымъ державамъ. Мы разсмотримъ, какимъ образомъ понимали воюющіе свои права въ отношеніи нейтральныхъ и какъ, наоборотъ, нейтральные сознавали свои обязанности въ отношеніи обоихъ воюющихъ.

Всѣ вопросы, возникающіе въ этой области, можно раздѣлить на двѣ части: одни относятся до военныхъ дѣйствій на сушѣ; другіе до военныхъ дѣйствій на морѣ. Связь между обоего рода вопросами весьма тѣсная: государство нейтральное, какъ въ отношеніи сухопутной, такъ и морской войны, имѣетъ одну и

ту же обязанность — не вмѣшиваться. Различіе же между этими вопросами вытекаетъ изъ самаго существа морской войны и сухопутной. До настоящаго времени военныя дѣйствія на морѣ далеко не подчиняются законамъ и обычаямъ, управляющимъ войною на сушѣ. Даже благодѣтельныя начала женевской конвенціи до сихъ поръ не получили обязательности для морской войны.

I.

Приступая къ разсмотрѣнію вопроса о нейтралитетѣ въ сухопутной войнѣ, нельзя не указать на распоряженія, принятыя нейтральными европейскими державами съ цѣлью опредѣлить свое собственное юридическое положеніе во время послѣдней войны.

Въ самомъ началѣ этой войны различныя нейтральныя правительства обнародовали прокламаціи, въ которыхъ опредѣляются права и обязанности ихъ подданныхъ во все время продолженія военныхъ дѣйствій. Эти распоряженія основываются или на изданномъ на случай международныхъ войнъ законоположеніи (какъ англійскій и сѣверо-американскій Foreign Enlistment Act), или же издаются ad hoc, каждый разъ, исполнительною властью, помимо всякаго участія законодательныхъ учрежденій (какъ это дѣлается почти во всѣхъ континентальныхъ государствахъ).

Такой порядокъ вещей можетъ считаться въ настоящее время установившимся, такъ какъ нейтральныя державы прибѣгали къ нему въ началѣ всѣхъ международныхъ войнъ бывшихъ въ продолженіе второй половины настоящаго столѣтія[1]). То же самое было послѣ объявленія Россіей, въ апрѣлѣ 1877 года, войны Турціи.

[1]) Срав. *Soetbeer.* Sammlung officieller Actenstücke hinsichtlich der Schiffahrt in Kriegszeiten. Hamburg 1854—71.

Подробнѣе всѣхъ прокламацій была англійская отъ 30-го (18-го) апрѣля 1877 года[1]). Въ этомъ актѣ весьма подробно опредѣляются обязанности англійскихъ должностныхъ лицъ и подданныхъ не вмѣшиваться въ войну и не оказывать ни личнаго, ни матеріальнаго содѣйствія тому или другому изъ воюющихъ. Англійскія гавани не должны служить операціоннымъ базисомъ военныхъ дѣйствій, и англійскіе подданные не имѣютъ права, подъ страхомъ наказанія, поступать на службу въ арміяхъ воюющихъ державъ.

Менѣе подробны распоряженія австро-венгерскаго, французскаго, германскаго, итальянскаго и другихъ правительствъ. Въ своихъ заявленіяхъ эти нейтральныя державы почти исключительно опредѣляютъ права и обязанности нейтральной торговли, запрещая своимъ подданнымъ подвозъ воюющимъ предметовъ военной контрабанды и нарушеніе дѣйствительной блокады[2]). За нарушеніе этихъ правилъ виновные могутъ подвергаться преслѣдованію не только со стороны воюющихъ, но также наказанію со стороны отечественныхъ судовъ.

Но если, такимъ образомъ, распоряженія нейтральныхъ государствъ и современное международное право запрещаютъ нейтральнымъ подданнымъ принимать участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, то отсюда, само собою разумѣется, никакъ не слѣдуетъ, что они не имѣютъ права высказать свои симпатіи къ тому или другому изъ воюющихъ, или содѣйствовать, по мѣрѣ силъ, ограниченію бѣдствій войны. Во время франко-германской войны, нѣмецкая періодическая печать совсѣмъ напрасно требовала отъ бельгійскаго и швей-

[1]) «*The London Gazette*» отъ 30-го апрѣля 1877 года.

[2]) См. «*Staatsarchiv*» Bd. XXXII, №№ 6425, 6439, 6434, 6421 и др.

царскаго правительствъ принятія мѣръ противъ заявленій, со стороны ихъ подданныхъ, сочувствія къ французамъ.

Такъ далеко не простираются права воюющаго. Онъ имѣетъ полное право протестовать противъ службы подданныхъ нейтральнаго государства въ рядахъ непріятельской арміи, но не можетъ требовать, чтобы они не выказывали сочувствія къ непріятелю и не облегчали участи его раненыхъ и больныхъ.

Исторія послѣдней войны вообще бѣдна случаями изъ области права нейтралитета. Несравненно богаче въ этомъ отношеніи война франко-германская 1870 года. Но все-таки въ продолженіе военныхъ операцій на Балканскомъ полуостровѣ и въ Арменіи представлялись случаи, когда необходимо было выяснить права и обязанности подданныхъ нейтральныхъ государствъ.

Эти случаи возникали благодаря двумъ обстоятельствамъ: 1) по поводу захвата въ плѣнъ подданныхъ нейтральныхъ государствъ, вступившихъ, въ качествѣ докторовъ, на службу непріятельской арміи, и во 2) по случаю нахожденія въ турецкой арміи значительнаго числа англійскихъ офицеровъ. Разсмотримъ каждый изъ этихъ случаевъ въ отдѣльности.

Ни одно воюющее государство не можетъ протестовать противъ принятія на свою службу иностранныхъ докторовъ непріятелемъ. Напротивъ, чѣмъ лучше организована медицинская помощь у непріятеля, тѣмъ лучше для нашихъ же собственныхъ раненыхъ и больныхъ, взятыхъ въ плѣнъ. Женевская конвенція, въ этомъ отношеніи, оказала неоцѣнимую услугу. «Нейтрализуя» всѣ санитарныя учрежденія и обезпечивая личную неприкосно-

венность всѣхъ лицъ, посвятившихъ себя уходу за больными и ранеными, эта конвенція предоставила всѣмъ нейтральнымъ народамъ полную свободу участвовать въ мѣрахъ облегченія несчастныхъ жертвъ войны. И дѣйствительно, различныя общества «Краснаго Креста», учрежденныя въ европейскихъ государствахъ, оказывали во время послѣднихъ войнъ весьма существенную пользу раненымъ и больнымъ воюющихъ государствъ. Извѣстно, какую значительную помощь оказывали бельгійское, англійское и русское «общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ» въ продолженіе войны Германіи съ Франціей. Во время минувшей войны англійскій комитетъ (Stafford House Committee) сосредоточилъ въ своихъ рукахъ почти всю санитарную часть турецкой арміи. Само турецкое правительство до такой степени мало интересовалось судьбою своихъ раненыхъ солдатъ, что почти не принимало никакихъ мѣръ для устройства правильнаго за ними ухода. Напротивъ, оно руководилось весьма практическою мыслью, что чѣмъ больше умираетъ раненыхъ и больныхъ, тѣмъ мѣньше будетъ на его попеченіи инвалидовъ[1]).

Съ другой стороны, только съ чувствомъ искренней благодарности русскій народъ можетъ вспоминать о тѣхъ санитарныхъ поѣздахъ, которые снаряжались въ Германіи для нашихъ войскъ.

Если медицинская помощь, со стороны нейтральныхъ не только законна, но и весьма желательна, то нельзя все-таки не пожелать, чтобы при этомъ соблюдались два условія: 1) справедливость требуетъ, чтобы она была оказываема въ одинаковыхъ размѣрахъ обоимъ воюющимъ, и 2) право и законъ

[1]) Срав. *Norman.* Armenia and the compaign of 1877, p. 324.

предписываютъ, чтобы при оказаніи этой помощи соблюдались постановленія женевской конвенціи. Первое условіе едва ли всегда было уважаемо со стороны англичанъ. Никогда, разумѣется, въ продолженіе всей войны, не раздавался въ Россіи ни одинъ голосъ, требовавшій отъ англичанъ какихъ нибудь услугъ въ пользу нашихъ раненыхъ. Дружелюбное къ Турціи большинство англійскаго народа считало себя въ правѣ выражать этимъ путемъ свою симпатію и сердечную привязанность къ туркамъ. При этомъ, однако, совершенно забывалось, что въ нашихъ госпиталяхъ и лазаретахъ находили уходъ и убѣжище десятки тысячъ турецкихъ подданныхъ.

Впрочемъ, благодаря неутомимой дѣятельности г. Фарлея, въ Лондонѣ былъ учрежденъ комитетъ для сбора пожертвованій въ пользу русскихъ раненыхъ. Чѣмъ меньше этотъ комитетъ находилъ сочувствія въ англійскомъ обществѣ, тѣмъ больше чести его учредителямъ и главнымъ дѣятелямъ за выказанныя ими безпристрастіе и энергію.

Безспорно обязательнымъ необходимо признать второе условіе. Доктора или санитары изъ подданныхъ нейтральнаго государства ни на какія особенныя льготы и права претендовать не могутъ. Они сравнены во всемъ съ врачами и санитарами изъ подданныхъ самихъ воюющихъ государствъ. Одна только женевская конвенція должна служить здѣсь руководствомъ, если война происходитъ между государствами, признавшими обязательную ея силу.

Практика послѣдней войны представляетъ намъ нѣсколько примѣровъ, могущихъ служить подтвержденіемъ изложенной точки зрѣнія.

1) Когда, подъ Телишемъ, 12-го октября, наши войска взяли въ плѣнъ двухъ англійскихъ докторовъ: Ватчелля и Дугласа, турецкое военное начальство

требовало немедленной ихъ выдачи. Этого мало. Оно потребовало также освобожденія англійскаго полковника Джессера Купа и константинопольскаго француза Лорандо, какъ лицъ, состоящихъ при турецкихъ войскахъ въ качествѣ санитаровъ. Когда же это требованіе не было исполнено со стороны русскаго военнаго начальства, Порта воспользовалась лишнимъ случаемъ обвинять Россію въ нарушеніи женевской конвенціи и всѣхъ божескихъ и людскихъ законовъ[1]).

Между тѣмъ, поведеніе нашей арміи въ этомъ случаѣ было совершенно безукоризнено. Изъ вышеупомянутаго донесенія г. Нелидова на имя государственнаго канцлера отъ 25-го октября 1877 г. видно, что главнокомандующій проводилъ существенное различіе въ своемъ обращеніи съ гг. Купомъ и Лорандо въ сравненіи съ обращеніемъ, котораго удостоились оба англійскіе врача. Первые были объявлены военноплѣнными и отправлены въ Россію, и мы увидимъ впослѣдствіи, насколько это распоряженіе было законно. Что же касается до врачей, то оба они чрезвычайно милостиво были приняты главнокомандующимъ, который предложилъ имъ заниматься въ лазаретахъ, бывшихъ подъ надзоромъ нашего знаменитаго хирурга Пирогова, до тѣхъ поръ, пока не представится удобнаго случая направитъ ихъ въ С.-Петербургъ, гдѣ они будутъ переданы въ распоряженіе англійскаго посольства.

Это распоряженіе ни въ чемъ не нарушаетъ женевской конвенціи, которая нисколько не обязываетъ, какъ то доказывало турецкое правительство, *немедленно* и *непосредственно* передавать взятыхъ въ плѣнъ докторовъ на непріятельскіе аванпосты.

---

[1]) «*Bulletin international*», janvier 1878, p. 25.

Статья 3-ья конвенціи не возбраняетъ воюющему опредѣлять какъ время, такъ и путь для возвращенія взятыхъ въ плѣнъ лицъ врачебнаго персонала.

Итакъ какъ стратегическія соображенія не допускали непосредственной передачи обоихъ англичанъ въ турецкую армію, то выбранный для нихъ путь представлялся наиболѣе согласнымъ съ ихъ собственными интересами. Къ этому неизлишне прибавить, что гг. Ватчелль и Дугласъ сами заявили о своей готовности остаться въ русской арміи, если позволитъ приславшій ихъ на театръ войны лондонскій комитетъ.

2) На азіатскомъ театрѣ войны также были взяты въ плѣнъ два англійскихъ доктора: Кассонъ и Бокбей (*Висквуе*). Оба они были признаны командующимъ русскою арміею, генералъ-адъютантомъ Лорисъ-Меликовымъ, военноплѣнными. Такое рѣшеніе снова вызвало цѣлую бурю и подало поводъ къ самымъ энергическимъ обвиненіямъ въ нарушеніи женевской конвенціи.

Въ настоящемъ случаѣ эти обвиненія кажутся весьма основательными, такъ какъ женевская конвенція дѣйствительно не признаетъ за воюющимъ права считать докторовъ или санитаровъ военноплѣнными. Напротивъ, они объявлены «нейтральными» и должны быть возвращены, въ скорѣйшемъ, по возможности, времени непріятелю на службѣ котораго они находятся.

Но если имѣть въ виду обстоятельства этого дѣла, то необходимо придти къ тому заключенію, что распоряженіе генералъ-адъютанта Лорисъ-Меликова было совершенно законно. Въ самомъ дѣлѣ, на основаніи словъ спеціальнаго корреспондента лондонской газеты «Times», гг. Кассонъ и Бокбей считались въ турецкой арміи маіорами, носили ту-

рецкій военный мундиръ и получили отъ турецкаго правительства деньги на путевыя издержки отъ Константинополя до арміи Мухтара-паши. «Русскіе», прибавляетъ Норманъ, «которые, безъ сомнѣнія, знали объ этихъ обстоятельствахъ на столько же хорошо, какъ сами эти доктора, считали себя въ правѣ обращаться съ ними какъ съ военноплѣнными» [1]). Сверхъ того, корреспондентъ замѣчаетъ, что эти доктора бросили своихъ больныхъ и раненыхъ въ Карсѣ на произволъ судьбы, и еслибы ихъ не задержали въ русской арміи, то они навѣрно сообщили бы въ Эрзерумѣ о дѣйствительномъ состояніи Карса, осаждаемаго русскими войсками.

Наконецъ, къ этимъ свѣдѣніямъ мы можемъ еще прибавить со словъ лица, авторитетъ котораго въ данномъ случаѣ стоитъ выше всякаго сомнѣнія, что, не смотря на дерзкое поведеніе обоихъ англійскихъ докторовъ, генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ все-таки направилъ ихъ въ Тифлисъ, въ распоряженіе англійскаго консула, при содѣйствіи котораго они, вѣроятно, возвратились въ отечество. Слѣдовательно, не смотря на маіорскій чинъ въ турецкой арміи и на добровольный отказъ отъ нейтральнаго характера, присвоеннаго женевскою конвенціею докторамъ, оба англичанина въ дѣйствительности не были признаны военноплѣнными. Только такое снисхожденіе не было оцѣнено и принято съ благодарностью гг. Кассономъ и Бокбеемъ, продолжавшими настаивать на своемъ *правѣ* (!) свободно отправиться въ Эрзерумъ. Задержаніе этихъ господъ въ Россіи, въ качествѣ турецкихъ военноплѣнныхъ, по всей вѣроятности, значительно умѣрило бы ихъ британскую спѣсь.

3) Не только съ англійскими докторами, но также

[1]) *Norman.* Armenia, *p.* 394.

съ нѣкоторыми австрійскими, находившимися на службѣ въ турецкой арміи, наши войска имѣли случай вступать въ непосредственныя сношенія и познакомиться по ближе. Эти сношенія всегда служили турецкому правительству и туркофильской печати Европы поводомъ къ обвиненію русскихъ войскъ въ совершеніи самыхъ «ужасныхъ» жестокостей и въ нарушеніи неотъемлемыхъ правъ подданныхъ нейтральныхъ государствъ.

Намъ извѣстны только слѣдующіе два случая.

Корреспондентъ лондонской газеты «The Standart», въ телеграммѣ изъ Трапезунда отъ 26-го января 1878 года, сообщаетъ, что онъ видѣлъ доктора Шепса (Schoeps), австрійскаго происхожденія, состоявшаго въ турецкой службѣ. Этотъ докторъ сообщилъ, ему что при взятіи Карса русскіе солдаты ограбили его, а равно и доктора Розенфельда и еще другаго врача, отняли отъ нихъ не только всѣ деньги, но всѣ вообще цѣнныя вещи, и, потомъ, русскія власти выслали ихъ въ Батумъ.

Таковъ разсказъ англичанина, который самъ «видѣлъ» доктора Шепса и слышалъ разсказъ изъ его собственныхъ устъ.

Между тѣмъ Норманъ, бывшій корреспондентъ «Times», получилъ въ Лондонѣ письмо отъ доктора Шепса изъ Трапезунда, отъ 11-го января 1878 года, въ которомъ ему сообщается, что въ то время, когда онъ лежалъ въ тифѣ, на домъ его напали *армяне* и взяли отъ него всѣ его деньги, лошадь и часы. Потомъ г. Шепсъ прибавляетъ: «Если бы русскія власти не дали мнѣ 60 рублей, я не знаю, что бы со мною стало. Непріятель, кромѣ того, разрѣшилъ намъ возвратиться въ Константинополь чрезъ Ардаганъ и Батумъ»[1]).

[1]) См. письмо Нормана въ «*Times*» отъ 29-го января 1878 г.

Едва ли потребуются комментаріи для характеристики поступка корреспондента лондонской консервативной и туркофильской газеты.

Другой случай не менѣе любопытенъ. Въ началѣ прошлаго года въ Австро-Венгріи вдругъ распространился слухъ, что при взятіи нашими войсками города Софіи было захвачено нѣсколько докторовъ австрійскаго подданства, поступившихъ на турецкую службу. Наши власти, узнавъ, что эти доктора поляки, немедленно приказали растрѣлять ихъ. Коротко и ясно.

Въ Австріи и Венгріи это извѣстіе произвело страшное волненіе. Вѣнская и пештская туркофильская печать метала громы и молніи противъ варварской Россіи. Въ палатахъ обѣихъ половинъ габсбургской имперіи дѣлались запросы австрійскимъ министрамъ.

Но что же оказалось на дѣлѣ? Всѣ обвинители и уличители Россіи въ «звѣрствахъ» могли указать только на одного доктора Михаловскаго, какъ на жертву ненависти русскихъ къ полякамъ. Между тѣмъ, въ апрѣлѣ, австрійскія власти узнали, что этотъ докторъ благополучно прибылъ въ Краковъ. Тогда немедленно сняли съ него допросъ. Разстрѣлянный въ Софіи докторъ (бывшій въ прежнее время простымъ цирюльникомъ въ Варшавѣ) объявилъ, что онъ дѣйствительно находился на турецкой службѣ, и, послѣ взятія Софіи русскими войсками, генералъ Арнольди уволилъ его. Тогда мѣстный австро-венгерскій вице-консулъ далъ ему видъ на жительство до тѣхъ поръ, пока онъ не рѣшился совсѣмъ покинуть Софію и возвратиться на родину.

Къ этому г. Михаловскій еще прибавилъ, что всѣ разсказы газетъ о звѣрствахъ русскихъ войскъ и разстрѣляніи докторовъ польскаго происхожденія—

чистѣйшій вздоръ. (Кромѣ него, въ Софіи были вмѣстѣ съ нимъ и не подверглись ни малѣйшему насилію еще три другихъ доктора польскаго происхожденія и всѣ были уволены русскимъ военнымъ начальствомъ). Таково сообщеніе офиціозной вѣнской газеты «Politische Correspondenz», о которомъ, однако, туркофильскія газеты, умышленно распространившія ложь насчетъ поведенія нашей арміи, находили болѣе удобнымъ молчать[1]).

Вообще нельзя не придти, на основаніи исторіи минувшей войны, къ тому прискорбному заключенію, что самыя лучшія намѣренія и безпримѣрная снисходительность русскихъ военныхъ властей въ отношеніи подданныхъ нейтральныхъ государствъ не въ состояніи были обезоружить безчисленныхъ непримиримыхъ враговъ Россіи. Не смотря на все уваженіе, оказанное нашими властями лэди Странгфордъ, застигнутой въ Софіи, претензіямъ ея и ея друзей не было конца. Въ управляемомъ ею госпиталѣ, устроенномъ исключительно на пользу турокъ, она не желала допускать ни малѣйшаго вмѣшательства со стороны русскихъ властей, подъ фактическою властью и покровительствомъ которыхъ находились она сама и призрѣваемые ею больные и раненые турки.

Но особенно обнаруживалась безграничная снисходительность русскихъ военныхъ властей въ отношеніи иностранныхъ офицеровъ, находившихся на дѣйствительной службѣ въ турецкой арміи или состоявшихъ при ней, въ качествѣ будто бы военныхъ агентовъ.

Въ этомъ положеніи находились, почти исключительно, англійскіе офицеры.

---

[1]) См. «*Journal de St. Pétersbourg*» отъ 15-го апрѣля 1878 г.

II.

Разсматривая вопросъ о законности пребыванія *англійскихъ офицеровъ* въ турецкой арміи, необходимо различать офицеровъ, дѣйствительно поступившихъ на турецкую службу, отъ военныхъ агентовъ, назначенныхъ самимъ англійскимъ правительствомъ состоять при турецкихъ дѣйствующихъ арміяхъ. Юридическое положеніе тѣхъ и другихъ весьма существенно разнится между собою.

На основаніи англійскаго Foreign Enlistment Act, ни одинъ англійскій подданный не имѣетъ права, безъ разрѣшенія своего правительства, поступать на службу какого нибудь иностраннаго государства, находящагося въ войнѣ съ дружественною Англіи державою. Это постановленіе цѣликомъ вошло въ прокламацію англійскаго правительства отъ 30-го апрѣля 1877 года о соблюденіи нейтралитета. Отсюда слѣдуетъ, что англійскіе офицеры, находившіеся въ рядахъ турецкихъ войскъ, могли поступать въ турецкую службу только двоякимъ образомъ: съ разрѣшенія своего правительства или безъ онаго. Въ первомъ случаѣ англійское правительство, разрѣшивъ своимъ офицерамъ поступать на турецкую службу, явно нарушило бы свой нейтралитетъ и дало бы Россіи право требовать удовлетворенія; во второмъ же случаѣ англійскіе офицеры должны были разсматриваться какъ лица, входящія въ составъ турецкихъ войскъ, и потому подлежащія всѣмъ законамъ войны наравнѣ съ этими войсками.

На основаніи англійскихъ источниковъ можно считать совершенно достовѣрнымъ, что при турецкихъ арміяхъ, какъ на Балканскомъ полуостровѣ, такъ и на азіатскомъ театрѣ войны, находился не одинъ десятокъ англійскихъ офицеровъ, принимав-

шихъ самое дѣятельное участіе въ военныхъ операціяхъ противъ нашихъ войскъ[1]).

При такихъ обстоятельствахъ необходимо долженъ былъ представиться вопросъ: какъ должны поступать съ этими англійскими офицерами наши войска въ случаѣ взятія ихъ въ плѣнъ?

По этому поводу были высказаны весьма противоположныя мнѣнія: одни доказывали, что Англія, разрѣшая своимъ офицерамъ поступать на турецкую военную службу, нарушаетъ свой нейтралитетъ; и захваченные офицеры должны быть подсудны русскому военному суду, но не считаться военноплѣнными. Другое мнѣніе, напротивъ, исходило изъ того положенія, что пока не доказано неопровержимыми фактами, что эти офицеры получили такое разрѣшеніе и считаются на англійской военной службѣ, необходимо разсматривать ихъ какъ обыкновенныхъ непріятелей, подлежащихъ дѣйствію законовъ войны, а слѣдовательно и военному плѣну.

Въ пользу перваго мнѣнія можно привести авторитетъ князя Бисмарка. Когда, во время войны 1870 года, графу сообщили извѣстіе о плѣненіи корпуса Гарибальди съ 13,000 вольныхъ стрѣлковъ, онъ замѣтилъ: «Это было бы, въ самомъ дѣлѣ, жаль! 13,000 стрѣлковъ, которые даже не французы, взяты въ плѣнъ! Почему же ихъ не разстрѣляютъ?» При этомъ знаменитый германскій политикъ опять выразилъ свою досаду, что военныя власти совсѣмъ не спрашиваютъ его мнѣнія [2]).

Само собою разумѣется, что нельзя серьозно предполагать готовности графа Бисмарка разстрѣливать

---

[1]) См. корреспонденцію въ «*Times*» изъ Комарли (турецкаго лагеря) отъ 10-го ноября 1877 года.

[2]) *Busch.* Graf Bismark und seine Lente, Bd. II, S. 8.

13,000 человѣкъ. Его слова, вѣроятно скорѣе обнаруживаютъ минутное личное раздраженіе, нежели твердое и обдуманное рѣшеніе согласить слово съ дѣломъ. Но, во всякомъ случаѣ, нельзя не видѣть въ этихъ словахъ отголосокъ того воззрѣнія, котораго онъ придерживался въ отношеніи Гарибальди и его итальянскихъ добровольцевъ, объявившихъ войну Германіи въ то время, когда ихъ отечество, Италія, находилась въ мирѣ и дружбѣ съ этою воюющею противъ Франціи державою.

Несравненно болѣе основательнымъ представляется намъ второе мнѣніе. Мы не имѣемъ подъ рукою достаточно достовѣрныхъ доказательствъ, чтобы утверждать, что всѣ англійскіе офицеры имѣли формальное разрѣшеніе поступить въ ряды турецкой арміи. Напротивъ, можно думать, что англійское правительство исключало изъ активной военной службы офицеровъ, заявившихъ о своемъ желаніи отправиться на театръ военныхъ дѣйствій. Послѣ такого исключенія, эти офицеры могли, въ качествѣ частныхъ лицъ, предложить свои услуги турецкому правительству и вступить въ турецкую армію.

Подобно тому, русскіе добровольцы, толпами отправлявшіеся въ 1876 году на помощь сербамъ, должны были считаться частными лицами, которыя безъ разрѣшенія русскаго правительства зачислялись въ ряды сербскихъ войскъ, воевавшихъ съ турками. Точно также русскіе офицеры могли поступать на сербскую службу не иначе, какъ послѣ предварительнаго увольненія изъ русской военной службы. Если бы русскіе добровольцы, съ разрѣшенія нашего правительства или состоя на военной службѣ, дрались противъ турецкихъ войскъ, то

Турція имѣла бы законное основаніе обвинять Россію въ нарушеніи нейтралитета и объявить ей войну.

На основаніи сказаннаго, нельзя было разсматривать англійскихъ офицеровъ, *дѣйствительно* поступившихъ на турецкую военную службу и *дѣйствительно* исключенныхъ изъ списковъ англійской арміи, иначе, какъ непріятелей, подлежащихъ не уголовному закону, но дѣйствію права войны. Вообще говоря, наши военныя власти такъ и поступали съ англійскими офицерами, попадавшимися въ плѣнъ.

Только, къ сожалѣнію, имъ обыкновенно оказывалось такое снисхожденіе, которое не всегда было умѣстно и рѣдко оцѣнивалось по достоинству.

Изъ случаевъ, сюда относящихся, наиболѣе шума произвела исторія англійскаго полковника Джессера Купа, взятаго въ плѣнъ при Телишѣ. Хотя онъ объявилъ себя оттоманскимъ санитаромъ и имѣлъ на рукавѣ повязку съ «Краснымъ Полумѣсяцемъ», его все-таки отправили въ Россію въ качествѣ турецкаго военнаго; но еще въ декабрѣ 1877 года онъ былъ освобожденъ изъ плѣна и могъ отправиться на родину.

По прибытіи въ Англію, Купъ издалъ въ свѣтъ сочиненіе, въ которомъ со злобою и ожесточеніемъ нападаетъ на Россію и оспариваетъ законность распоряженія, на основаніи котораго онъ былъ объявленъ военноплѣннымъ. По его словамъ, онъ былъ санитаръ и находился подъ покровительствомъ женевской конвенціи.

Между тѣмъ, самъ онъ разсказываетъ, что, прибывъ въ Константинополь, онъ поступилъ въ оттоманскую жандармерію съ чиномъ полковника и находился подъ начальствомъ Бэкера-паши. Слѣдовательно, не считать его военноплѣннымъ не было ни малѣйшаго основанія. По дорогѣ въ Россію ему

оказывали такое снисхожденіе, на которое онъ не имѣлъ никакого права. Но за все это и за преждевременное освобожденіе изъ плѣна Купъ призналъ возможнымъ отблагодарить Россію такимъ памфлетомъ [1]).

Замѣтимъ кстати, что захваченный вмѣстѣ съ англичаниномъ Купомъ константинопольскій французъ Лорандо также былъ объявленъ военноплѣннымъ и отправленъ на жительство въ Нижній-Новгородъ, Этотъ господинъ также не имѣлъ никакого права на покровительство женевской конвенціи, но не столько былъ турецкимъ офицеромъ, сколько космополитическимъ «Schlachtenbummler». Въ этомъ качествѣ онъ былъ признанъ военноплѣннымъ. За такое распоряженіе г. Лорандо могъ быть только благодарнымъ, такъ какъ онъ прибылъ, по его словамъ, на театръ военныхъ дѣйствій только для того, чтобы видѣть войну, а плѣнъ въ Россіи далъ ему полную возможность ознакомиться съ однимъ изъ обычныхъ послѣдствій ея. Впрочемъ, кажется этотъ левантскій французъ также былъ освобожденъ изъ плѣна до заключенія мира съ Турціей.

Что касается войны въ Азіи, то положительно извѣстно, что въ арміи Мухтара-паши было нѣсколько англійскихъ офицеровъ. Въ началѣ войны въ турецкомъ лагерѣ распространился слухъ, что генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ назначилъ премію въ 2,000 рублей за голову каждаго англійскаго офицера. Слухъ этотъ дошелъ до Лондона и, само собою разумѣется, подавалъ поводъ къ весьма ожесточеннымъ нападкамъ на Россію. Потомъ

---

[1]) *Jesser Coope.* A prisoner of war in Russia, p. 147, 187, 191, 306. Впрочемъ и въ самой Англіи претензіи автора встрѣчали отпоръ со стороны такихъ людей, какъ полковникъ Хавелокъ.

оказалось, что все это была «шутка», придуманная офицеромъ, находившимся въ свитѣ англійскаго военнаго агента генерала Кэмбалля[1]).

Насколько начальство кавказской арміи въ состояніи было принять подобную мѣру, можно было видѣть изъ всѣхъ его распоряженій во время войны. Въ добавленіе къ вышеизложеннымъ фактамъ можно указать еще на слѣдующій. Послѣ разгрома арміи Мухтара-паши подъ Авліяромъ, наши казаки взяли въ плѣнъ англійскаго капитана Кри (Creagh), освободивъ его первоначально, по словамъ г. Нормана, отъ всѣхъ вещей и денегъ. Генералъ Гейманъ, къ которому былъ приведенъ англичанинъ, узнавъ, что онъ корреспондентъ, выразилъ ему свое сожалѣніе по поводу случившагося и разрѣшилъ слѣдовать за турками въ Эрзерумъ. «Сомнѣваюсь», прибавляетъ Норманъ, «чтобы какой нибудь англійскій генералъ поступилъ такъ съ корреспондентомъ»[2]). Такое сомнѣніе намъ кажется тѣмъ болѣе основательнымъ, что генералъ Гейманъ имѣлъ достаточныя причины не признать этого капитана корреспондентомъ газеты.

Въ совершенно иномъ свѣтѣ представляется положеніе офицеровъ нейтральныхъ державъ или *военныхъ агентовъ*, состоящихъ при арміяхъ воюющихъ государствъ. Эти лица, будучи официальными представителями нейтральныхъ правительствъ, могутъ имѣть какъ военное, такъ и политическое порученіе. Они могутъ быть прикомандированы къ арміи воюющаго государства съ порученіемъ слѣдить за военными операціями исключительно съ научно-военными цѣлями, но на нихъ точно также

---

[1]) *Norman*. Armenia, p. 148, 380.

[2]) *Norman*. Ibid, p. 393.

можетъ быть возложено порученіе слѣдить за военными операціями для того, чтобы нейтральныя державы имѣли точныя свѣдѣнія о ходѣ дѣлъ и во-время могли принять мѣры для охраненія своихъ собственныхъ интересовъ.

Само собою разумѣется, что такого рода иностранные офицеры при дѣйствующихъ арміяхъ не могутъ подлежать военному плѣну, если остаются въ роли нейтральныхъ зрителей. Но, какъ только они начинаютъ принимать активное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, или руководить ими, общіе законы войны и военный плѣнъ становятся примѣнимы къ нимъ вполнѣ. Никакое офиціальное порученіе не должно спасать ихъ отъ общей участи комбатантовъ. Признавать за ними, въ случаѣ ихъ вмѣшательства, какое либо привилегированное положеніе рѣшительно нѣтъ ни малѣйшаго основанія.

Если такого рода офицеры или военные агенты нейтральныхъ державъ по собственному усмотрѣнію отказываются отъ своего нейтральнаго характера, отечественное правительство можетъ, по освобожденіи изъ плѣна и окончаніи войны, призвать ихъ къ отвѣту. Если же они вмѣшивались въ войну дѣйствіемъ или словомъ съ согласія своего правительства, то послѣднее перестаетъ быть нейтральнымъ и должно быть разсматриваемо, какъ воюющая держава.

Въ продолженіе послѣдней войны въ особенности двусмысленно было положеніе англійскаго генерала сэра Арнольда Кэмбалля, находившагося неотлучно при арміи Мухтара-паши. Судя по нѣкоторымъ газетнымъ извѣстіямъ, сэръ Арнольдъ принималъ самое дѣятельное участіе во всѣхъ главнѣйшихъ операціяхъ турецкаго главнокомандующаго, и турки были окончательно разбиты лишь потому, что

Мухтаръ-паша не обращалъ должнаго вниманія на совѣты англійскаго генерала[1]).

Такъ, напр., 3-го ноября 1877 года телеграфировали изъ Лондона въ вѣнскую газету «Presse», что, по свѣдѣніямъ изъ Малой Азіи, генералъ Кэмбалль внимательно осматривалъ укрѣпленія Эрзерума и нашелъ ихъ вполнѣ удовлетворительными. Офиціозная берлинская «Norddeutsche Allg. Zeitung» признала довольно страннымъ такой осмотръ турецкой крѣпости англійскимъ генераломъ и считало выясненіе этого вопроса съ точки зрѣнія международнаго права совершенно необходимымъ; но, къ сожалѣнію, до сихъ поръ вопросъ о дѣятельности сэра Кэмбалля въ Малой Азіи остался неразъясненнымъ, благодаря въ особенности тому обстоятельству, что англійское правительство упорно отказывается обнародовать донесенія этого агента, не смотря на неоднократные запросы, сдѣланные ему въ парламентѣ.

Какъ бы ни было, но если бы командующій нашею закавказскою арміею имѣлъ въ своихъ рукахъ неопровержимые факты, доказывающіе участіе англійскаго генерала въ операціяхъ турецкихъ войскъ,— послѣдній долженъ былъ, въ случаѣ захвата, считаться турецкимъ военноплѣннымъ, но никакъ не англійскимъ генераломъ или военнымъ агентомъ англійскаго правительства. Это, кажется, сознавалъ и самъ сэръ Кэмбалль, потому что въ случаѣ пораженія турецкой арміи и поголовнаго ея бѣгства, онъ никогда не находился въ аррьергардѣ.

III.

Война между Россіей и Турціей сосредоточилась, главнымъ образомъ, въ военныхъ операціяхъ на

[1]) Срав. *Norman.* Armenia, p. 149 etc.

сушѣ. На Балканскомъ полуостровѣ рѣшенъ былъ вопросъ объ окончательномъ исходѣ этой великой борьбы, и здѣсь былъ ея центръ тяжести. Такимъ образомъ, даже блестящія побѣды нашей доблестной закавказской арміи не могли заставить Турцію подписать условія мира, предлагаемыя Россіею.

Война же на морѣ не могла получить надлежащаго развитія, потому что Россія не имѣла флота, который могъ бы состязаться съ турецкимъ. Турція же, хотя и имѣла въ своемъ распоряженіи весьма значительное число броненосцевъ и военныхъ судовъ, но ея военный флотъ не находилъ противника для борьбы съ нимъ. На этомъ основаніи турецкія военныя суда не могли принести надлежащей пользы Турціи въ погонѣ за русскими коммерческими судами, число которыхъ было также весьма ограниченно. Притомъ само турецкое правительство вынуждено было силою обстоятельствъ не разбрасывать своихъ силъ и сосредоточить весь флотъ на Черномъ морѣ, съ цѣлію охранять тылъ армій, поддерживать между ними сношенія, наносить чувствительные удары русскимъ городамъ на берегахъ этого моря, и даже, при нѣкоторой смѣлости, тревожить операціи русскихъ армій.

Въ дѣйствительности турецкій флотъ не исполнилъ этихъ задачъ и не принесъ Турціи никакой существенной пользы даже на Дунаѣ и еще менѣе на Черномъ морѣ, за предѣлы котораго онъ рѣдко когда выходилъ. Русскіе прибрежные города оставались неприкосновенными до самаго конца 1877 года. Во всякомъ случаѣ, во все продолженіе войны, русскіе берега на Балтійскомъ морѣ не видѣли ни одного непріятельскаго судна, и торговыя сношенія продолжались здѣсь безпрепятственно.

Наоборотъ, наши моряки, при отсутствіи воен-

наго флота на Черномъ морѣ, совершили чудеса храбрости и успѣли своими юркими миноносками нанести турецкому флоту весьма чуствительные удары.

Въ виду этихъ обстоятельствъ, во время послѣдней войны не возникали между воюющими державами никакіе особенные споры относительно обязательныхъ во время морской войны правилъ и обычаевъ. Бомбардированіе военными судами непріятельскихъ открытыхъ городовъ должно быть обсуждаемо на основаніи обычаевъ сухопутной войны. Что же касается обвиненія, со стороны Порты, Россіи въ томъ, что русскія военныя суда будто бы сжигали всѣ турецкія коммерческія суда, захватываемыя ими въ открытомъ морѣ[1]), то это обвиненіе остается недоказаннымъ положительными фактами. Притомъ, не трудно доказать на основаніи авторитетовъ науки международнаго права, что сожженіе захваченнаго непріятельскаго судна нисколько не запрещается, если иначе захватитель не можетъ обезпечить своей собственной безопасности и спастись отъ угрожающей гибели[2]). Впрочемъ, само турецкое правительство не считало возможнымъ категорически отрицать такого права за военными судами въ отношеніи призовъ. Наконецъ русское правительство имѣло гораздо болѣе законное основаніе протестовать противъ заключенія въ тюрьму команды захваченнаго 1-го апрѣля 1877 года русскаго паруснаго судна «Св. Николай». Заключать въ тюрьму команду захваченнаго непріятельскаго коммерческаго судна и кормить ее впроголодь хлѣбомъ и

[1]) См. депешу Порты отъ 12-го сентября 1877 г. (*Staatsarchiv*, Bd. XXXIII, № 6574).

[2]) *Phillimore's* Commentaries, III, § 451.—*Creasy*. First platform of International Law, § 525.

водою во всякомъ случаѣ и безусловно запрещается современными обычаями войны[1]).

Но если между обѣими воюющими державами не возникало особенныхъ споровъ по отношенію къ законамъ морской войны, то, напротивъ, между ними и нейтральными государствами происходили иногда весьма оживленныя пререканія по поводу того или другаго правила морскаго международнаго права. Въ этихъ пререканіяхъ первую роль, безъ сомнѣнія, играла Турція, потому что она господствовала, благодаря флоту, на морѣ и считала себя въ правѣ предписывать нейтральнымъ соблюденіе правилъ, наиболѣе согласныхъ съ ея собственными взглядами. Между же Россіею и нейтральными державами, насколько намъ извѣстно, никакихъ особенныхъ переговоровъ не происходило уже потому, что нашимъ правительствомъ, въ самомъ началѣ войны, былъ высказанъ взглядъ на права и обязанности нейтральныхъ и ихъ торговли. Если, въ началѣ войны, русскія суда были обвиняемы въ поднятіи итальянскаго флага при встрѣчѣ съ турецкимъ флотомъ, то эта военная хитрость признается, въ настоящее время, совершенно законнымъ средствомъ войны, подъ условіемъ, однако, чтобы при вступленіи въ бой судно подняло свой національный флагъ и не сражалось подъ чужимъ[2]).

Такимъ образомъ, главный интересъ военныхъ дѣйствій на морѣ сосредоточивался, въ минувшую войну, на отношеніяхъ воюющихъ сторонъ къ нейтральнымъ государствамъ и ихъ торговлѣ; поэтому

---

[1]) См. «*Голосъ*» отъ 23-го іюня 1877 года (выписка изъ «*Биржевыхъ Вѣд.*»).

[2]) *Phillimore's* Commentaries, III, § 450: «Captors may chase under false colours, but the Maritime Law does not permit them to fire under false colours».

необходимо имѣть въ виду мѣры, принятыя воюющими державами къ опредѣленію своихъ правъ и обязанностей въ отношеніи нейтральныхъ.

Выше (см. глава V) мы подробно разсмотрѣли сенатскій указъ отъ 12-го мая 1877 года, въ которомъ выражается взглядъ русскаго правительства на положеніе нейтральной торговли въ продолженіе войны съ Турціей. На основаніи вышесказаннаго нельзя не согласиться, что Россія всѣми силами стремилась къ наивозможно-меньшему ограниченію правъ и интересовъ нейтральныхъ. Она предоставила торговлѣ послѣднихъ полную свободу, подъ условіемъ соблюденія постановленій парижской декларації 1856 года и распоряженій русскихъ военныхъ властей. Къ такого рода распоряженіямъ необходимо отнести, между прочимъ, мѣру, принятую командующимъ войсками одесскаго военнаго округа относительно входа и выхода изъ черноморскихъ русскихъ портовъ коммерческихъ нейтральныхъ судовъ. Немедленно послѣ объявленія войны Одесса и нѣкоторые другіе черноморскіе города были заграждены *минами*, съ цѣлью воспрепятствовать турецкимъ военнымъ судамъ приближаться къ этимъ портамъ. Въ виду этого обстоятельства необходимо было принять особенныя мѣры предосторожности какъ для входа, такъ и для выхода коммерческихъ судовъ.

Съ этою цѣлью, въ половинѣ апрѣля мѣсяца 1877 года, были обнародованы слѣдующія правила въ руководство капитанамъ судовъ, подходящихъ къ порту. Суда должны были останавливаться за линіею минныхъ заграждений, куда имъ навстрѣчу посылались русскіе офицеры, которые, осмотрѣвъ корабельныя бумаги, брали на себя управленіе судномъ. Во время прохода чрезъ минныя заграждения

капитанъ корабля, вмѣстѣ со всѣмъ экипажемъ и пассажирами, должны были находиться въ каютѣ и не имѣли права наблюдать за движеніемъ. Въ точномъ соблюденіи этого условія съ капитана бралась подписка. При входѣ коммерческихъ судовъ, они подлежали той же процедурѣ. Наконецъ наши власти имѣли право предложить каждому непріятельскому судну, стоящему близъ порта, удалиться на время, необходимое для пропуска нейтральныхъ судовъ. Если же командиръ его не приметъ такого предложенія и немедленно приступитъ къ военнымъ дѣйствіямъ, то за весь убытокъ и ущербъ, наносимые нейтральнымъ, русское правительство нисколько не отвѣчаетъ.

Эти правила были, очевидно, вызваны только примѣненіемъ того новаго средства обороны, которыми оказались подводныя мины или торпеды. Кажется, только въ минувшую войну минныя загражденія получили такое широкое примѣненіе. Въ виду новости этого дѣла, можно предвидѣть, что въ будущемъ эти загражденія вызовутъ не мало споровъ между воюющими государствами, съ одной стороны, и нейтральными, съ другой.

Такъ, положимъ, что нейтральное судно, наткнувшись на минное загражденіе, взлетитъ на воздухъ. Весьма вѣроятно, что государство, которому оно принадлежало, пожелаетъ знать причину такого ужаснаго происшествія и не прочь будетъ обвинить воюющую державу въ оплошности или злонамѣренности. Можетъ быть, даже будетъ высказано сомнѣніе насчетъ права употреблять такое средство войны, грозящее нейтральнымъ лицамъ самою страшною смертью.

Намъ кажется, что никто въ настоящее время не можетъ отрицать права воюющаго государства при-

бѣгать къ миннымъ загражденіямъ съ оборонительною цѣлью или къ торпедамъ съ цѣлью наступательною. Воюющее государство только обязано положительными фактами доказать, что съ его стороны были приняты всѣ мѣры предупрежденія нейтральныхъ о заложеніи минъ и только собственная неосторожность послѣднихъ была причиною гибели.

Въ иныхъ случаяхъ представляется основаніе предполагать, что нейтральное судно съ умысломъ направляется на минныя загражденія, зная, что электрическій токъ не приведенъ въ дѣйствіе и никакая опасность ему не грозитъ.

На подобнаго рода подвигъ навѣрно найдутся охотники изъ нейтральныхъ предпріимчивыхъ капитановъ, которые, за деньги или изъ особеннаго сочувствія къ одному изъ воюющихъ, могутъ рѣшиться прорвать цѣпь минныхъ заграждений и тѣмъ нанести ущербъ и временно разрушить оборонительную силу другой воюющей стороны.

Какъ поступать въ такихъ случаяхъ воюющему государству? Во-первыхъ, оно должно принять всѣ мѣры, чтобы даже въ случаѣ нужды имѣть возможность силою остановить во-время нейтральное судно. Если же послѣднее, не обращая никакого вниманія ни на сигнальные знаки, ни на выстрѣлы съ береговыхъ батарей или сторожеваго судна, продолжаетъ идти впередъ, въ такомъ случаѣ злой умыселъ нейтральнаго не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію. Нейтральное судно, взлетѣвшее при такихъ условіяхъ на воздухъ, только потерпѣло заслуженное наказаніе, и его гибель не можетъ служить основаніемъ ни для какихъ претензій или обвиненій.

По вопросу о мѣропріятіяхъ турецкаго правительства относительно торговли, мы выше (глава XI)

указали на декретъ Порты отъ 19-го апрѣля (1-го мая) 1877 года, подтверждающій обязательность парижской декларації 1856 года и назначающій пятидневный срокъ русскимъ купеческимъ судамъ для выхода въ море.

Основываясь на этомъ актѣ, турецкое правительство черезъ два дня, 3-го мая, новымъ распоряженіемъ объявило всѣ русскіе берега Чернаго моря въ *блокадѣ*.

Декретъ турецкій отъ 3-го мая 1877 года постановляетъ: 1) турецкое правительство объявляетъ въ блокадѣ весь русскій берегъ, начиная отъ Чурокъ-Су, на азіатскомъ берегу, и кончая устьемъ Киліи, на европейскомъ берегу Турціи. 2) «Учрежденная такимъ образомъ блокада вступитъ въ дѣйствіе съ 5-го числа сего мѣсяца и будетъ поддерживаться турецкимъ флотомъ достаточныхъ размѣровъ». 3) Три дня предоставляются всѣмъ купеческимъ судамъ, которыя послѣ 5-го числа желали бы войти въ портъ на блокируемомъ берегу, и пять дней для тѣхъ, которыя желали бы выйти оттуда. По истеченіи этихъ сроковъ, всякое судно, желающее войти или выйти изъ блокируемыхъ водъ будетъ считаться непріятельскимъ. 4) Что касается до судовъ, которыя, будучи въ пути, ничего не знаютъ о блокадѣ, то турецкій флотъ предупредитъ ихъ, по прибытіи въ блокированныя мѣста, о существованіи блокады. Если, послѣ этого особеннаго предупрежденія, они все-таки будутъ продолжать свой путь, то съ ними должно быть поступлено какъ съ непріятельскими судами [1]).

Такимъ образомъ турецкое правительство въ самомъ широкомъ размѣрѣ воспользовалось правомъ

[1]) «*Deutscher Reichs-Anzeiger*» отъ 7-го мая 1877 года.

блокады съ цѣлью нанести существенный вредъ какъ Россіи, такъ и нейтральнымъ державамъ. Но, въ дѣйствительности, никакой блокады русскихъ береговъ не было во все продолженіе послѣдней войны. Парижская декларація 1856 года постановляетъ, что блокада должна быть *дѣйствительна*, т. е. фактически должна прекращать доступъ въ блокированную мѣстность. Порта, декретомъ отъ 1-го мая, самымъ формальнымъ образомъ признала для себя обязательность этого постановленія. Черезъ два дня она издаетъ распоряженіе, въ которомъ дерзко насмѣхается надъ этимъ постановленіемъ.

Въ самомъ дѣлѣ, оказалось, что турецкій военный флотъ не въ состояніи былъ поддерживать блокаду на такомъ значительномъ пространствѣ. «Какъ бы ни было», писалъ 11-го января 1878 года знаменитый турецкій адмиралъ, «совершенно ясно было, что мы никогда не имѣли достаточно судовъ, которыя могли бы быть отвлечены отъ другихъ военныхъ обязанностей для того, чтобы доказать, что мы можемъ поддерживать дѣйствительную блокаду»[1]). Эти слова принадлежатъ самому Гобарту-пашѣ, англичанину-турку, бывшему командиромъ всей турецкой эскадры на Черномъ морѣ. Они были высказаны имъ, съ замѣчательною откровенностью, въ отвѣтъ на «незаслуженныя» нареканія, сыпавшіяся на него за бездѣйствіе турецкаго флота. Между тѣмъ, въ статьѣ 2-ой декрета отъ 3-го мая, турецкое правительство категорически объявило, что блокада будетъ поддерживаться «турецкимъ флотомъ въ достаточной силѣ». Какъ же объяснить, что Порта, учреждая блокаду, сама не знала, что она не въ состояніи ее поддерживать?

[1]) «*Le Nord*» отъ 30-го января 1878 года. Срав. *Rolin-Jaequemyns*. Les événements d'Orient, 1878, p. 174.

Отвѣтъ очень простой. Турецкое правительство, очевидно, не имѣло никакого намѣренія поддерживать блокаду и отвлекать свой флотъ отъ занятія перевозкою войскъ и военной аммуниціи. Она нисколько не задумалась насмѣхаться надъ парижскою декларацією и не исполнить даннаго имъ самимъ обѣщанія.

Одно удивляетъ насъ, это — молчаніе нейтральныхъ государствъ. Вѣдь ихъ коммерческіе интересы существенно страдали отъ «бумажной блокады», которую воскресила Оттоманская имперія. Вѣдь они имѣли несомнѣнное право протестовать противъ такой фиктивной блокады русскихъ портовъ, съ которыми ихъ подданные, въ мирное время, поддерживаютъ правильныя коммерческія сношенія. Но ничего подобнаго не случилось. Только въ самомъ концѣ войны Италія была вынуждена безтактнымъ поведеніемъ турецкихъ властей протестовать противъ страннаго пониманія Турціею права блокады и парижской декларації.

Полученное въ ноябрѣ 1877 года въ Италіи извѣстіе о томъ, что два итальянскія судна («Британнія» и «Матильда Беллагамба»), по прибытіи въ Константинополь, подверглись секвестру за нарушеніе ими блокады, переходомъ изъ Азовскаго моря, чрезъ Черное, въ Босфоръ, произвело сильное впечатлѣніе. Итальянскій посланникъ при Портѣ, графъ Корти, протестовалъ самымъ энергическимъ образомъ противъ этой мѣры, доказывая, что блокады русскихъ береговъ не существуетъ, что болѣе 45 судовъ нарушили блокадную линію, опредѣленную турецкимъ правительствомъ, и что на Черномъ морѣ нѣтъ ни одного турецкаго военнаго судна для поддержанія блокады. Наконецъ, если бы блокада существовала въ дѣйствительности, то слѣдовало задер-

жать суда на мѣстѣ преступленія, а не въ Константинополѣ.

Турція не унывала. Она доказывала, что блокада русскихъ береговъ дѣйствительна, не смотря на то, что самъ адмиралъ Гобартъ-паша, командовавшій турецкимъ флотомъ, призналъ поддержаніе ея дѣломъ невозможнымъ. Наконецъ турецкое правительство признало себя въ правѣ претендовать на дѣйствительность блокады русскихъ береговъ въ силу того, что проливы въ Черное море находятся въ его власти! Стало быть, владѣя Босфоромъ и Дарданеллами, Порта считала себя въ правѣ однимъ почеркомъ пера объявить въ дѣйствительной блокадѣ всѣ русскія владѣнія на Черномъ морѣ; но тогда непонятно, для чего объявляла она въ декретѣ отъ 3-го мая, что блокада русскихъ береговъ будетъ поддерживаться «оттоманскимъ флотомъ въ достаточной силѣ?» Итальянское правительство для успокоенія произведеннаго этимъ случаемъ волненія энергически оспаривало законность распоряженія турецкихъ властей и, если мы не ошибаемся, достигло полнаго освобожденія, вмѣстѣ съ грузами, заарестованныхъ судовъ[1]).

Исторія турецкой блокады въ минувшую войну служитъ новымъ доказательствомъ своеобразнаго пониманія Турціею торжественно принятыхъ на себя международныхъ обязательствъ.

IV.

Довольно любопытны также вопросы о *военной контрабандѣ*, возникшіе во время войны Россіи съ Турціей.

---

[1]) См. отчетъ о засѣданіи итальянской палаты депутатовъ отъ 6-го декабря 1877 года.

Обѣ воюющія державы, въ самомъ началѣ военныхъ дѣйствій, объявили о своемъ намѣреніи преслѣдовать торговлю нейтральныхъ предметами военной контрабанды, предназначенными въ непріятельскій портъ; но разница была та, что русское правительство въ майскомъ указѣ точно опредѣлило предметы, считаемые военною контрабандою, Порта же оставила этотъ вопросъ въ туманѣ. Съ другой стороны, нейтральныя державы также не одинаковымъ образомъ относились къ своей обязанности не содѣйствовать ни въ чемъ ни тому, ни другому изъ воюющихъ государствъ.

Англійское правительство откровенно объявило русскому послу, графу Шувалову, что оно нисколько не намѣрено препятствовать вывозу изъ Англіи предметовъ военной контрабанды, даже въ томъ случаѣ, если они явно предназначены для одной изъ воюющихъ сторонъ. Англійскіе подданные занимаются этою запрещенною торговлею на собственный рискъ, и отъ воюющихъ зависитъ задерживать суда, подвозящія военную контрабанду, и представлять рѣшеніе ихъ участи на обсужденіе призоваго суда. «По международному праву», утверждалъ лордъ Дерби, «нейтральный собственникъ вещей, могущихъ быть объявленными военною контрабандою, ничѣмъ не нарушаетъ своихъ обязанностей въ отношеніи своего собственнаго государя»[1]).

Этого взгляда придерживался также кабинетъ Гладстона, во время франко-германской войны, когда Пруссія доказывала, что Англія обратилась въ главный складочный магазинъ всевозможныхъ орудій и средствъ войны для Франціи. Лордъ Грэнвилль так-

[1]) Депеша лорда Дерби къ лорду Лофтусу отъ 11-го іюля 1877 года. (*Staatsarchiv.* Bd. XXXIII, № 6536).

же находилъ невозможнымъ запретить вывозъ изъ Англіи предметовъ военной контрабанды на томъ основаніи, что въ такомъ случаѣ пришлось бы запретить всю торговлю вещами, которыя могли, въ томъ или другомъ видѣ, послужить для военныхъ цѣлей[1]).

До сихъ поръ Англія поддерживала это положеніе. Но въ состояніи ли она будетъ поддерживать его постоянно — это весьма сомнительно. Нейтральное государство не должно ничѣмъ оказывать содѣйствіе той или другой воюющей сторонѣ. Допуская же вывозъ предметовъ военной контрабанды, явно предназначенныхъ одному изъ воюющихъ, нейтральное правительство нарушаетъ свои обязанности и отказывается отъ своего нейтралитета. Въ особенности наглядно обнаруживается этотъ отказъ въ томъ случаѣ, когда только одинъ изъ воюющихъ въ состояніи фактически воспользоваться средствами борьбы, предложенными нейтральнымъ государствомъ.

Если же вѣрить извѣстіямъ нѣкоторыхъ иностранныхъ газетъ, то даже англійскія военныя суда совершенно открыто служили туркамъ, не смотря на нейтралитетъ ихъ правительства. Въ письмѣ изъ Цетинье, отъ 8-го декабря 1877 года, напечатанномъ въ вѣнской офиціозной газетѣ «Politische Correspondenz», сообщается о томъ, что въ Корфу прибыло англійское *военное* судно съ военною аммуниціею, предназначенною для турецкихъ войскъ. Этотъ грузъ былъ переданъ турецкому военному судну. Затѣмъ еще ожидались въ Корфу три англійскихъ фрегата для перевозки турецкихъ войскъ въ Албанію.

[1]) *Rolin-Jaequemyns* въ Revue de droit international, t. II, p. 705.

Это извѣстіе представляетъ собою такое невѣроятное нарушеніе Англіей своихъ обязанностей. въ качествѣ нейтральной державы, что трудно ему повѣрить.

Насколько континентальныя европейскія державы иначе смотрятъ на свои обязанности нейтральныхъ, видно, между прочимъ, изъ поведенія Греціи, по поводу слѣдующаго случая.

Лѣтомъ 1877 года русскій посланникъ въ Аѳинахъ сообщилъ греческому правительству, что на пароходѣ австрійскаго «Ллойда» привезено къ Корфу нѣсколько ящиковъ съ боевыми снарядами, предназначенными для Турціи. И такъ какъ эти ящики выгружены были въ таможнѣ Корфу, то представитель Россіи потребовалъ задержать ихъ. Греческое правительство согласилось, что «нейтральная страна не можетъ служить складомъ военной контрабанды, предназначенной для страны, находящейся на военномъ положеніи». Арестъ былъ наложенъ на ящики, не смотря на протестъ и даже угрозы турецкаго правительства. Австро-венгерское правительство, бывшее также заинтересовано въ этомъ дѣлѣ, признало вполнѣ правильнымъ образъ дѣйствій Греціи, которая разрѣшила вывозъ этихъ ящиковъ съ боевыми снарядами изъ Корфу только тогда, когда получила формальное обѣщаніе, что они будутъ взяты австрійскимъ судномъ для выгрузки въ Тріестѣ, на нейтральной почвѣ[1]).

Еще болѣе любопытнымъ представляется другой случай, возбудившій серьозное разногласіе относительно самаго существа предметовъ, долженствующихъ считаться военною контрабандою.

---

[1]) См. «*Messager d'Athènes*» за іюль мѣсяцъ 1877 г. Срав. «*Сѣверный Вѣстникъ*» отъ 9-го іюля 1877 года.

Въ засѣданіи австрійскаго рейхсрата 6-го ноября 1877 года правительству былъ сдѣланъ запросъ по поводу наложенія ареста въ Орсовѣ на рельсы, предназначенные для отправки въ Румынію. Изъ объясненій, данныхъ австрійскимъ министромъ торговли, Хлумецкимъ, по этому поводу, выяснилось слѣдующее. Венгерское правительство, узнавъ о прибытіи въ Орсову значительнаго количества рельсовъ, полагало, что они предназначены для Россіи и должны служить для военныхъ цѣлей противъ Турціи. Вслѣдствіе этого оно немедленно распорядилось наложить арестъ на эти рельсы, считая ихъ военною контрабандою. Но, благодаря вмѣшательству вѣнскаго правительства, арестъ былъ снятъ, и рельсы отправлены по назначенію, Нельзя не замѣтить, что послѣдняя мѣра была принята только потому, что венгерское правительство убѣдилось въ дѣйствительномъ назначеніи рельсовъ для румынскаго правительства[1]).

Такое разрѣшеніе вопроса едва ли можно считать удовлетворительнымъ. Если пештское правительство признало необходимымъ наложить секвестръ на рельсы на томъ основаніи, что они предназначались будто бы для Россіи, находившейся въ войнѣ съ Турціей, то не было никакого законнаго основанія снять наложенный секвестръ въ ту самую минуту, когда оно убѣдилось, что рельсы были куплены за счетъ румынскаго правительства. Вѣдь Румынія въ ноябрѣ 1877 года, точно также находилась въ войнѣ съ Турціей, и рельсы точно также могли служить румынскому правительству для военныхъ операцій. Слѣдовательно, выставленный мотивъ для освобо-

[1]) Срав. «*Journal de St. Pétersbourg*» отъ 28-го октября 1877 года.

жденія заарестованныхъ рельсовъ никакой критики не выдерживаетъ.

Съ гораздо большимъ основаніемъ австро-венгерское правительство въ этомъ случаѣ могло поставить вопросъ: можно ли вообще считать рельсы предметомъ военной контрабанды?

На основаніи существующей практики и воззрѣній современныхъ писателей по международному праву должно скорѣе признать, что рельсы не могутъ считаться предметомъ военной контрабанды. Если считать рельсы военною контрабандою, то нѣтъ никакого основанія не признавать также всякій другой предметъ запрещеннымъ товаромъ во время войны и конфисковать его. Почему не считать тогда военною контрабандою такія вещи, какъ обувь, полотно, сукна, кожу и хлѣбъ? Вѣдь эти вещи, равнымъ образомъ, могутъ давать войскамъ воюющихъ государствъ возможность продолжать военныя дѣйствія...

Невозможно придавать такое широкое толкованіе понятію военной контрабанды: иначе, мы необходимо должны будемъ принять точку зрѣнія англійскихъ юристовъ и дѣйствительно объявлять всякій предметъ военною контрабандою, если этого требуютъ обстоятельства, или, другими словами, отечественные интересы. Понятіе военной контрабанды должно быть ограничено только предметами, дѣйствительно и непосредственно служащими для военныхъ цѣлей. Разрѣшивъ правильно вопросъ о томъ, можно ли считать рельсы предметомъ военной контрабанды, австро-венгерское правительство не имѣло бы надобности оправдывать снятіе секвестра такими не состоятельными и даже странными мотивами.

Вообще, послѣдняя война между Россіей и Турціей доказала настоятельную необходимость точ-

наго опредѣленія предметовъ, признаваемыхъ во всякомъ случаѣ военною контрабандою. Пока этотъ вопросъ не будетъ разрѣшенъ положительно взаимнымъ соглашеніемъ цивилизованныхъ державъ, могутъ встрѣчаться такія нелѣпости, что даже лѣсъ и матеріалы для постройки лазаретовъ и госпиталей будутъ считаться военною контрабандою. До этой мысли додумалось турецкое правительство, такъ какъ оно не согласилось пропустить лѣсъ, предназначенный для русскихъ бараковъ для раненыхъ и закупленный въ Австріи съ обязательствомъ доставить его по Дунаю, мимо турецкой крѣпости Виддинъ[1]).

V.

Военныя дѣйствія на морѣ имѣютъ ту особенность, что для присужденія военной добычи и опредѣленія случаевъ нарушенія нейтральными своихъ обязанностей учреждаются въ воюющихъ государствахъ особенные *призовые* суды или коммиссіи. Эти суды разбираютъ случаи нарушенія установленной дѣйствительной блокады, опредѣляютъ законность захвата нейтральнаго судна съ грузомъ военной контрабанды и присуждаютъ въ пользу захватывающаго опредѣленную долю груза. Такъ какъ подобнаго рода захватамъ въ особенности подвергаются нейтральные и ихъ собственность, то понятно, насколько призовый судъ представляется судомъ международнымъ, за дѣятельностью котораго со вниманіемъ слѣдятъ нейтральныя державы. Поэтому правильное устройство призоваго суда, представляющее всѣ гарантіи безпристрастія, согласно съ интересами какъ самаго воюющаго государства, такъ и всѣхъ нейтральныхъ народовъ.

---

[1]) Срав. «*Bulletin internatianal*», *janvier* 1878, p. 31.

Въ виду вышеупомянутыхъ обстоятельствъ, русскій призовой судъ не могъ имѣть много дѣлъ во все продолженіе послѣдней войны, и потому въ Россіи не чувствовалось *особенной* надобности въ изданіи новаго призоваго устава. Положенія, изданныя по случаю войны 1854 г. и въ 1869 году могли считаться достаточными.

Турецкое правительство, напротивъ, въ началѣ войны лелѣяло розовыя надежды насчетъ своего военнаго флота. Поэтому оно издало законъ объ учрежденіи «временнаго призоваго совѣта», сообщеннаго на усмотрѣніе всѣхъ нейтральныхъ державъ. Главныя положенія этого закона слѣдующія.

Въ Константинополѣ учреждается на время начатой войны призовой совѣтъ, состоящій изъ президента, шести членовъ, коммиссара и секретаря. Всѣ эти лица назначаются султанскимъ декретомъ. При совѣтѣ состоитъ еще правительственный коммиссаръ, обязанный давать свое заключеніе по каждому дѣлу, поступившему на разсмотрѣніе этого трибунала. Въ случаѣ отсутствія правительственнаго коммиссара, его долженъ замѣстить одинъ изъ членовъ совѣта, который въ такомъ случаѣ уже лишается права принимать участіе въ постановленіи приговора. Засѣданія совѣта гласны.

Этому совѣту подсудны всѣ дѣла касательно законности морскихъ призовъ. Рѣшенія его приводятся въ исполненіе не раньше, какъ по истеченіи восьми дней послѣ того, какъ о нихъ сообщено будетъ официальнымъ порядкомъ министрамъ иностранныхъ дѣлъ и морскому.

Притомъ совѣту предоставлено право постановлять, что исполненіе его рѣшенія можетъ имѣть мѣсто только по представленіи залога. Вообще же всѣ рѣшенія этого трибунала должны считаться

окончательными, и противъ нихъ не допускается ни частныхъ обжалованій, ни аппелляціонныхъ отзывовъ. Допускается только кассаціонное обжалованіе, какъ со стороны правительственнаго коммиссара, такъ и тяжущихся, по слѣдующимъ тремъ основаніямъ: 1) нарушеніе международнаго права, 2) превышеніе власти и 3) существенное нарушеніе порядка судопроизводства. Кассаціонная жалоба должна быть подана коммиссаромъ, или тяжущимися въ теченіи мѣсяца, съ момента объявленія послѣднимъ постановленнаго рѣшенія.

Кассаціонная жалоба останавливаетъ исполненіе рѣшенія совѣта только по отношенію къ окончательному распредѣленію суммы, вырученной отъ продажи приза; но кассаціонный судъ во всякомъ случаѣ имѣетъ право пріостановить исполненіе рѣшенія призоваго совѣта.

Наконецъ тяжущимся сторонамъ турецкій законъ доставляетъ всѣ права защиты.

Сравнивая это законоположеніе, увидѣвшее свѣтъ на берегахъ Босфора, съ французскими законами по этому вопросу, не трудно найти между ними много чертъ близкаго родства.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

№ 1.

ПРОЕКТЪ

международной конвенціи о законахъ и обычаяхъ войны.

Положенія общія.

Статья I.

Международная война есть состояніе открытой борьбы между независимыми государствами (дѣйствующими отдѣльно или въ союзѣ) и ихъ вооруженными и организованными силами.

Статья II.

Военныя дѣйствія должны быть направлены только противъ военныхъ силъ и средствъ государства, а не противъ подданныхъ его, пока послѣдніе сами не принимаютъ активнаго участія въ войнѣ.

Статья III.

Для достиженія цѣли войны допускаются всѣ средства и мѣры, согласныя съ законами и обычаями войны и оправдываемыя военною необходимостью.

Законы и обычаи войны не только не разрѣшаютъ безцѣльныхъ жестокостей и варварства противъ непріятеля, но требуютъ немедленнаго, со стороны подлежащихъ властей, наказанія виновныхъ въ подобныхъ дѣйствіяхъ, не вызванныхъ необходимостью.

Статья IV.

Военною необходимостью не могутъ быть оправдываемы: ни вѣроломство въ отношеніи непріятеля, ни объявленіе его внѣ защиты законовъ, ни разрѣшеніе противъ него насилій и звѣрствъ.

Статья V.

Въ случаѣ несоблюденія непріятелемъ законовъ и обычаевъ войны, опредѣленныхъ настоящею конвенціею, противная сторона можетъ, въ видѣ только неизбѣжнаго зла, прибѣгнуть къ репрессаліямъ, не упуская, однако, изъ виду требованій человѣколюбія.

Отдѣлъ I.

Права воюющихъ сторонъ въ отношеніи другъ друга.

Глава первая.

О военной власти на территоріи непріятельскаго государства.

Статья 1.

Занятіе непріятелемъ части территоріи воюющаго съ нимъ государства тѣмъ самымъ пріостанавливаетъ въ оной авторитетъ законной власти послѣдняго и ставитъ на его мѣсто авторитетъ военной власти занявшаго ее государства.

Статья 2.

Въ занятой территоріи непріятель, смотря по требованіямъ войны и въ видахъ общественныхъ интересовъ, можетъ сохранить обязательную силу существовавшихъ въ мирное время законовъ, отмѣнить ихъ отчасти или даже пріостановить ихъ вовсе.

Статья 3.

На основаніи права войны, начальство оккупаціонной арміи можетъ обязать мѣстныя административныя, полицейскія и судебныя учрежденія и лица продолжать исполненіе своихъ обязанностей подъ его надзоромъ и контролемъ.

Статья 4.

Военная власть можетъ потребовать отъ мѣстныхъ должностныхъ лицъ, чтобы они присягою или словомъ обязались исполнять возлагаемыя на нихъ обязанности на время продолженія непріятельскаго занятія; смѣщать тѣхъ, которые отказались бы исполнять подобное требованіе, и преслѣдовать судомъ тѣхъ, которые не исполнили бы принятаго обязательства.

Статья 5.

Оккупаціонная армія имѣетъ право взимать въ свою пользу съ мѣстнаго населенія всѣ налоги, подати и пошлины, установленныя законнымъ правительствомъ.

Статья 6.

Армія, занявшая непріятельскую страну, имѣетъ право присвоить себѣ всѣ правительственные денежные капиталы, запасы оружія, перевозочныя средства, запасы продовольствія и вообще все имущество непріятельскаго правительства, могущее служить военнымъ цѣлямъ.

Примѣчаніе. Подвижной составъ и имущество желѣзныхъ дорогъ, хотя бы и принадлежащихъ частнымъ компаніямъ, а равно и запасы оружія и вообще всякаго рода боевые запасы, хотя бы также принадлежащіе частнымъ лицамъ, могутъ подлежать захвату оккупаціонной арміи.

Статья 7.

Право пользованія публичными зданіями, недвижимыми имѣніями, лѣсами и угодьями, принадлежащими непріятельскому государству и находящимися въ занятомъ непріятелемъ краѣ, также переходитъ къ оккупаціонной арміи.

Статья 8.

Собственность церквей, богоугодныхъ и учебныхъ заведеній, всѣхъ учрежденій, посвященныхъ научнымъ, художественнымъ и человѣколюбивымъ цѣлямъ, не подлежитъ захвату оккупаціонной арміи. Всякое умышленное разрушеніе или захватъ подобныхъ учрежденій, памятниковъ, художественныхъ произведеній или научныхъ хранилищъ преслѣдуется подлежащею властью.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Кто долженъ быть признаваемъ воюющею стороною (Kriegspartei) комбатанты и некомбатанты.

Статья 9.

Права воюющей стороны принадлежатъ не только войскамъ, но и ополченіямъ (милиціямъ) и отрядамъ волонтеровъ (охотниковъ) въ томъ случаѣ, если они: 1) имѣя во главѣ своей лицо, отвѣтственное за своихъ подчиненныхъ, подчиняются, въ тоже время, общему главнокомандующему; 2) имѣютъ извѣстное внѣшнее отличіе, распознаваемое издали; 3) открыто носятъ оружіе и 4) въ дѣйствіяхъ своихъ соблюдаютъ правила

и обычаи войны (Kriegsmanier). Вооруженныя же шайки, не удовлетворяющія означеннымъ условіямъ, не имѣютъ правъ воюющей стороны, считаются незаконными врагами и, въ случаѣ поимки, преслѣдуются судомъ.

Статья 10.

Въ составъ вооруженныхъ силъ воюющихъ государствъ входятъ: комбатанты и некомбатанты. Первые принимаютъ непосредственное и активное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ; послѣдніе, входя въ составъ войскъ, принадлежатъ къ разнымъ частямъ военной администраціи, какъ-то: духовной, медицинской, интендантской, судной, или же только находятся при войскахъ. Въ случаѣ захвата ихъ непріятелемъ, они, наравнѣ съ первыми, пользуются правами военноплѣнныхъ, а медицинскіе чины и вспомогательный личный составъ военныхъ лазаретовъ, равно и духовныя лица, даже правами нейтралитета (см. ниже ст. 38).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Средства нанесенія вреда непріятелю: дозволенныя и недозволенныя.

Статья 11.

Законы войны не признаютъ за воюющими сторонами неограниченной власти въ выборѣ средствъ къ нанесенію другъ другу вреда.

Статья 12.

На этомъ основаніи запрещается:

а) употребленіе отравленнаго оружія или же распространеніе въ непріятельской странѣ какимъ либо способомъ отравы;

б) вѣроломное убійство индивидуума, принадлежащаго къ составу непріятельской арміи;

в) убійство непріятеля, положившаго оружіе или лишеннаго возможности защищаться. Вообще за воюющими сторонами не признается право объявлять, что они никому не дадутъ пощады (quartier). Подобная крайность можетъ быть допущена только въ видѣ репрессаліи за совершенныя раньше жестокости, или какъ неизбѣжное средство для предотвращенія собственной гибели. Войска, не дающія пощады, не имѣютъ въ свою очередь, права требовать ея для себя;

г) угроженіе смертью гарнизону, упорно защищающему крѣпость;

д) употребленіе оружія, причиняющаго безполезныя страданія, какъ, напр. пуль, начиненныхъ осколками стекла или веществами, причиняющими излишнюю боль,

и е) употребленіе разрывныхъ пуль вѣсомъ менѣе 400 граммъ и начиненныхъ воспламеняющимися веществами.

Статья 13.

Къ дозволеннымъ средствамъ принадлежатъ:

а) всѣ операціи большой и малой войны (партизанскія);

б) уничтоженіе или захватъ всего того, что необходимо непріятелю для веденія войны или что усиливаетъ его;

в) уничтоженіе всего того, что препятствуетъ успѣху военныхъ операцій;

г) всякаго рода военныя хитрости; но войска, употребляющія національный флагъ, военные знаки или форменную одежду непріятеля, съ цѣлью обмануть его, лишаются покровительства законовъ войны,

и д) собираніе свѣдѣній о непріятелѣ и мѣстности всѣми возможными средствами.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Осада и бомбардированіе.

Статья 14.

Осадѣ могутъ подлежать только крѣпости или укрѣпленные города. Городъ же совершенно открытый и населеніе котораго не сопротивляется съ оружіемъ въ рукахъ не долженъ подвергаться обстрѣливанію или бомбардированію.

Статья 15.

При бомбардированіи укрѣпленнаго или обороняющагося города, атакующій предварительно увѣдомляетъ объ этомъ городскія власти.

Статья 16.

Начальство осадныхъ войскъ, бомбардируя какой либо укрѣпленный городъ, должно принимать всѣ зависящія мѣры, насколько возможно, для пощады находящихся въ городѣ человѣколюбивыхъ, художественныхъ и научныхъ сооруженій и церквей.

Статья 17.

Городъ, взятый приступомъ, не можетъ быть отданъ на разграбленіе войскамъ побѣдителя.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

О лазутчикахъ (шпіонахъ).

Статья 18.

Лазутчикомъ признается такое лицо, которое, дѣйствуя внѣ своей военной обязанности, собираетъ тайно свѣдѣнія въ мѣстности, занятой непріятелемъ, съ намѣреніемъ сообщить ихъ противной сторонѣ.

Статья 19.

Шпіонъ, застигнутый во время исполненія задуманнаго имъ намѣренія, хотя бы оно и не было еще окончательно приведено въ исполненіе или не увѣнчалось успѣхомъ, подвергается суду.

Статья 20.

Также подвергаются суду находящіяся въ мѣстности, занятой непріятелемъ, лица, сообщающія извѣстія о немъ другой воюющей сторонѣ.

Статья 21.

Шпіонъ, успѣшно исполнившій свое порученіе и вернувшійся къ своей арміи, если онъ впослѣдствіи будетъ захваченъ непріятелемъ, обращается въ военноплѣннаго и не подлежитъ уже никакой отвѣтственности за свой прежній поступокъ.

Статья 22.

Военныя лица, проникнувшія въ предѣлы дѣйствій непріятельскихъ войскъ съ цѣлью собиранія свѣдѣній, не считаются шпіонами, если ихъ можно было распознавать въ качествѣ военныхъ. Равнымъ образомъ не должны быть признаваемы за шпіоновъ, въ случаѣ если бы они были захвачены непріятелемъ: военныя лица (а также и невоенныя, но открыто исполняющія свою обязанность), посланныя для передачи депешъ, письменныхъ или устныхъ, отъ одной части войскъ къ другой.

Примѣчаніе. Сюда же принадлежатъ и лица, захваченныя на воздушныхъ шарахъ, посылаемыя для передачи депешъ, вообще для поддержанія сообщенія между различными частямъ войскъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

О военноплѣнныхъ.

Статья 23.

Военному плѣну подлежатъ всѣ комбатанты и некомбатанты, входящіе въ составъ признанныхъ закономъ (гл. 11, ст. 9 и 10) вооруженныхъ силъ воюющихъ сторонъ, за исключеніемъ некомбатантовъ, поименованныхъ ниже (гл. VII, ст. 38).

Статья 24.

Могутъ быть взяты въ плѣнъ вмѣстѣ съ войсками и находящіяся при нихъ лица, къ составу самихъ войскъ не принадлежащія, какъ-то: корреспонденты, газетные репортеры, маркитанты, поставщики и проч.

Статья 25.

Военноплѣнные—не преступники, но легальные непріятели. Они находятся во власти непріятельскаго государства, но не лицъ или отрядовъ, взявшихъ ихъ въ плѣнъ, и не могутъ подлежать какимъ либо истязаніямъ или жестокому обращенію.

Статья 26.

Военноплѣнные подлежатъ водворенію въ какомъ либо городѣ, крѣпости или мѣстности съ обязанностью не отлучаться далѣе опредѣленныхъ границъ; но они не могутъ содержаться въ заключеніи, подобно преступникамъ.

Статья 27.

Военноплѣнные могутъ быть употребляемы на нѣкоторыя общественныя работы, неизнурительныя и неунизительныя для ихъ чина и занимаемаго ими въ отечествѣ общественнаго положенія и, въ то же время, не

имѣющія прямаго отношенія къ враждебнымъ дѣйствіямъ противъ ихъ отечества и его союзниковъ.

Статья 28.

Военноплѣнные не могутъ быть принуждаемы къ принятію какого либо участія въ продолжающихся военныхъ дѣйствіяхъ.

Статья 29.

Содержаніе военноплѣнныхъ принимаетъ на себя государство, во власти котораго они находятся. Условія содержанія военноплѣнныхъ устанавливаются по взаимному соглашенію воюющихъ сторонъ.

Статья 30.

Военноплѣнный, совершающій побѣгъ, можетъ быть убитъ во время преслѣдованія его; но пойманный или снова взятый въ плѣнъ, онъ не подлежитъ наказанію за побѣгъ, и только надзоръ за нимъ можетъ быть усиленъ.

Статья 31.

Военноплѣнные, совершившіе во время плѣна ихъ какія либо преступныя дѣянія, могутъ быть подвергнуты суду и наказанію.

Статья 32.

Заговоръ военноплѣнныхъ для общаго побѣга или противъ существующихъ на мѣстѣ ихъ водворенія властей подлежитъ военному суду.

Статья 33.

Каждый военноплѣнный обязанъ честью объявить свой настоящій чинъ и, въ случаѣ нарушенія этого правила, можетъ подлежать ограниченію въ пользованіи правами военноплѣннаго.

Статья 34.

Обмѣнъ военноплѣнныхъ зависитъ вполнѣ отъ усмотрѣнія воюющихъ сторонъ, и всѣ условія его устанавливаются по взаимному ихъ соглашенію.

Статья 35.

Военноплѣнные могутъ быть освобождаемы на честное слово (parole), если по законамъ ихъ государства на то существуетъ разрѣшеніе, и, въ такомъ случаѣ, они обязаны, подъ залогъ своей личной чести, добросовѣстно исполнять, какъ въ отношеніи законнаго своего государства, такъ равно и взявшаго ихъ въ плѣнъ, принятыя ими на себя обязательства.

Статья 36.

Военноплѣнныхъ нельзя принудить дать честное слово, равно какъ и нельзя принудить воюющее государство, чтобы оно освобождало плѣнныхъ на честное слово.

Статья 37.

Военноплѣнный, освобожденный на честное слово и снова взятый въ плѣнъ съ оружіемъ въ рукахъ противъ государства, въ отношеніи котораго имъ принято на себя обязательство, подлежитъ военному суду.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

О некомбатантахъ и раненыхъ.

Статья 38.

Духовныя лица, врачи, аптекаря и фельдшера, оставшіеся при раненыхъ на перевязочныхъ пунктахъ, а также весь вообще личный врачебный и вспомогательный составъ военныхъ госпиталей и походныхъ лазаретовъ, не подлежатъ военному плѣну и пользуются пра-

вомъ нейтральности, если не принимаютъ активнаго участія въ военныхъ дѣйствіяхъ.

Статья 39.

Раненые и больные, доставшіеся въ руки непріятеля, считаются военноплѣнными и третируются на основаніи женевской конвенціи съ нижеслѣдующими къ ней дополнительными статьями.

Статья 40.

Нейтральность госпиталей и лазаретовъ прекращается, если непріятель пользуется ими для военныхъ цѣлей; но охраненіе этихъ мѣстъ военнымъ карауломъ не лишаетъ ихъ нейтральности, и только караулъ, въ случаѣ его захвата, считается военноплѣннымъ.

Статья 41.

Лица, пользующіяся правомъ нейтралитета, поставленныя въ необходимость защищать личную свою неприкосновенность, въ случаѣ сдѣланнаго на нихъ нападенія, не лишаются чрезъ то права нейтралитета.

Статья 42.

Воюющія стороны обязаны оказывать подпавшимъ ихъ власти нейтрализированнымъ лицамъ содѣйствіе къ пользованію слѣдуемымъ имъ отъ своего правительства содержаніемъ и, въ случаѣ необходимости, выдавать имъ пособія въ счетъ сего содержанія.

Статья 43.

Раненые, принадлежащіе непріятельской арміи и, послѣ излеченія, оказавшіеся неспособными къ принятію активнаго участія въ войнѣ, могутъ быть отпущены въ ихъ отечество. Раненые, неподходящіе подъ это условіе, могутъ быть удерживаемы въ качествѣ военноплѣнныхъ.

Статья 44.

Лица—некомбатанты, пользующіяся правомъ нейтралитета, должны имѣть особый знакъ, выданный военною властію и, сверхъ того, удостовѣреніе въ ихъ самоличности.

Отдѣлъ II.

Права воюющихъ сторонъ въ отношеніи частныхъ лицъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

О военной власти по отношенію къ частнымъ лицамъ.

Статья 45.

Населеніе еще не занятой непріятелемъ мѣстности, взявшееся за оружіе для защиты отечества, должно быть признано воюющею стороною, и взятые въ плѣнъ должны считаться военноплѣнными.

Статья 46.

Лица же изъ населенія края, въ которомъ уже водворилась власть непріятеля и возставшія противъ него съ оружіемъ въ рукахъ, могутъ быть преданы суду и не считаются военноплѣнными.

Статья 47.

Лица, то принимающія самовольное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, то возвращающіяся къ мирнымъ своимъ занятіямъ, вообще не удовлетворяющія условіямъ ст. 9 и 10, не пользуются правами воюющей стороны и подлежатъ, въ случаѣ захвата, военному суду.

Статья 48.

Пока занятая непріятелемъ область не присоединена къ нему, на основаніи мирнаго трактата, населеніе ея не можетъ быть принуждаемо къ принятію участія ни въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ законнаго своего правительства, ни въ такихъ, которыя могли бы содѣйствовать достиженію военныхъ цѣлей во вредъ отечеству.

Статья 49.

Населеніе занятой мѣстности не можетъ быть принуждаемо къ принятію присяги въ постоянномъ подданствѣ непріятельскому государству.

Статья 50.

Религіозныя убѣжденія, честь, жизнь и собственность мирнаго населенія должны быть уважаемы непріятельскими войсками.

Статья 51.

Войска должны щадить частную собственность въ занятомъ ими краѣ и не истреблять ее безъ особой на то надобности.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О реквизиціяхъ и контрибуціяхъ.

Статья 52.

Непріятель имѣетъ право требовать отъ мѣстнаго населенія отправленія въ свою пользу всѣхъ повинностей: натуральныхъ и денежныхъ, на которыя имѣютъ право войска законнаго правительства.

Статья 53.

Оккупаціонная армія можетъ требовать отъ мѣстнаго населенія предметовъ продовольствія, одежды, обуви и

другихъ вещей, неотложно необходимыхъ для ея содержанія. Въ подобныхъ случаяхъ воюющій обязанъ, по возможности, или вознаградить лицъ, уступившихъ ему свою собственность, или же выдавать имъ установленныя квитанціи.

Статья 54.

На населеніе въ занятомъ имъ краѣ непріятель можетъ налагать денежныя контрибуціи: или въ случаѣ неизбѣжной необходимости, или въ видѣ пени, въ томъ и другомъ случаѣ не иначе какъ съ разрѣшенія главнокомандующаго и избѣгая, при этомъ, раззоренія населенія.

Взятыя съ населенія денежныя суммы, въ первомъ случаѣ, могутъ подлежать возврату.

Отдѣлъ III.

О сношеніяхъ между воюющими сторонами.

Глава первая.

О способахъ сообщенія и парламентерахъ.

Статья 55.

Всѣ способы сношенія между территоріями, занятыми воюющими сторонами, прекращаются, и не иначе могутъ быть разрѣшаемы, какъ военною властью, въ той мѣрѣ, какъ то окажется необходимымъ.

Статья 56.

Дипломатическіе и консульскіе агенты нейтральныхъ державъ имѣютъ право требовать отъ воюющихъ сторонъ разрѣшенія безпрепятственно покинуть театръ военныхъ дѣйствій. Но, въ случаѣ военной необходимости, удовлетвореніе подобныхъ требованій можетъ быть отло-

жено до наступленія болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ.

Статья 57.

Лица, уполномоченныя одною стороною вступить въ переговоры съ другою и являющіяся съ бѣлымъ флагомъ и въ сопровожденіи трубача (горниста или барабанщика), признаются парламентерами и имѣютъ право на личную неприкосновенность.

Статья 58.

Начальникъ войскъ, къ которому отправленъ парламентеръ, не обязанъ принимать его всегда и при всѣхъ условіяхъ. Кромѣ того ему предоставляется принимать всѣ мѣры, чтобы парламентеръ не воспользовался своимъ пребываніемъ въ раіонѣ расположенія непріятеля во вредъ послѣднему.

Статья 59.

Если парламентеръ, являющійся къ непріятелю во время сраженія, будетъ раненъ или убитъ, то этого нельзя признать за правонарушеніе.

Статья 60.

Если самымъ положительнымъ и несомнѣннымъ образомъ будетъ доказано, что парламентеръ воспользовался своимъ привилегированнымъ положеніемъ, для собиранія свѣдѣній или для подстрекательства къ измѣнѣ, то онъ лишается своей неприкосновенности.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О капитуляціяхъ.

Статья 61.

Условія капитуляціи зависятъ отъ соглашенія между договаривающимися сторонами. Условія разъ состояв-

шагося договора должны быть свято соблюдены обѣими сторонами.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

О перемиріи.

Статья 62.

Перемиріе пріостанавливаетъ военныя дѣйствія на время, опредѣленное по взаимному соглашенію воюющихъ сторонъ. Если же срокъ не опредѣленъ, то воюющимъ сторонамъ предоставляется возобновить военныя дѣйствія во всякое время, съ тѣмъ однакоже, чтобы противникъ былъ о томъ извѣщенъ заблаговременно, согласно условію перемирія.

Статья 63.

При заключеніи перемирія, всякій разъ въ точности опредѣляется что каждая изъ сторонъ можетъ дѣлать и чего не можетъ.

Статья 64.

Перемиріе можетъ быть общимъ или мѣстнымъ. Первое пріостанавливаетъ повсюду военныя дѣйствія воюющихъ государствъ; послѣднее—только между извѣстною частью воюющихъ армій и въ предѣлахъ опредѣленной мѣстности.

Статья 65.

Перемиріе вступаетъ въ дѣйствіе съ момента его заключенія; военныя дѣйствія пріостанавливаются немедленно по объявленіи его подлежащимъ властямъ.

Статья 66.

Отъ договаривающихся сторонъ зависитъ опредѣлить — при какихъ условіяхъ могутъ происходить сношенія между населеніемъ занятыхъ ими областей. Если въ договорѣ нѣтъ постановленій относительно этого предмета, то предполагается, что военное положеніе сохраняется.

Статья 67.

Нарушеніе условій одною стороною освобождаетъ другую отъ обязанности исполненія ихъ и военныя дѣйствія могутъ немедленно возобновиться.

Статья 68.

Нарушеніе условій перемирія отдѣльными лицами, по собственной иниціативѣ, даетъ только право требовать отъ подлежащей власти ихъ наказанія или вознагражденія нанесенныхъ убытковъ.

Отдѣлъ IV.

О репрессаліяхъ.

Статья 69.

Репрессаліи допускаются только въ крайности и притомъ съ возможнымъ соблюденіемъ законовъ человѣколюбія, когда будетъ достовѣрно дознано, что непріятелемъ нарушены законы и обычаи войны и что онъ прибѣгаетъ къ средствамъ, противнымъ международному праву.

Статья 70.

Выборъ способа и объема репрессалій обусловливается мѣрою правонарушенія со стороны непріятеля. Несоразмѣрно строгія репрессаліи противорѣчатъ постановленіямъ международнаго права.

Статья 71.

Репрессаліи могутъ быть допущены только съ разрѣшенія главнокомандующаго. Имъ же опредѣляется какъ степень ихъ строгости, такъ равно и продолжительность ихъ.

№ 2.

ПРОЕКТЪ

международной декларации о законахъ и обычаяхъ войны,

(составленный конференціей въ Брюсселѣ, въ 1874 г. *).

О военной власти по отношенію къ правительству и территоріи непріятельскаго государства.

Статья 1.

Территорія признается занятою непріятельскимъ войскомъ, если въ дѣйствительности подчиняется авторитету его военной власти.

Занятіе непріятелемъ распространяется только на тѣ территоріи, гдѣ этотъ авторитетъ уже утвердился и способенъ проявлять себя на дѣлѣ.

Статья 2.

Съ прекращеніемъ авторитета законнаго правительства и по переходѣ онаго къ начальству занимающей арміи, послѣднее обязано принять всѣ зависящія отъ

---

*) Изъ «*Русскаго Инвалида*», № 10, за 1875 годъ.

него мѣры къ тому, чтобы возстановить и обезпечить насколько это возможно, общественные порядокъ и благоустройство въ занятой территоріи.

Статья 3.

Для достиженія сего оно обязано сохранять обязательную силу существовавшихъ въ странѣ, въ мирное время, законовъ, и только вслѣдствіе необходимости можетъ ихъ измѣнять, пріостанавливать на время и даже замѣнять новыми.

Статья 4.

Всѣ должностныя лица и чиновники, которые, по приглашенію военнаго начальства, согласились бы продолжать исполненіе своихъ обязанностей по службѣ, должны пользоваться его покровительствомъ. Лица эти могутъ быть устраняемы отъ должностей и подвергаемы дисциплинарнымъ взысканіямъ только въ случаѣ дурнаго исполненія принятыхъ ими обязательствъ; преданію же суду они подлежатъ только за вѣроломное нарушеніе оныхъ.

Статья 5.

Оккупаціонная армія можетъ взимать съ населенія налоги, подати, повинности и пошлины, только установленныя уже правительствомъ; а въ случаѣ невозможности собрать ихъ, можетъ истребовать равную имъ сумму, соблюдая при этомъ, на сколько это возможно, существующіе въ странѣ порядокъ и обычаи взиманія сборовъ. Доходы эти она должна употреблять на удовлетвореніе расходовъ по управленію страною, въ размѣрахъ, установленныхъ для сего законнымъ правительствомъ.

Статья 6.

Армія, занявшая территорію, можетъ завладѣть только принадлежащими собственно правительству наличными деньгами, капиталами, податями и прочими цѣн-

ностями, складами оружія, перевозочными средствами, магазинами, запасами продовольствія и вообще всякимъ правительственнымъ движимымъ имуществомъ, могущимъ служить цѣлямъ войны.

Подвижной составъ желѣзныхъ дорогъ, сухопутные телеграфы, пароходы и другія суда, за исключеніемъ случаевъ, указанныхъ въ морскихъ законахъ, равно какъ и склады оружія и вообще всякаго рода боевые запасы, хотя бы и принадлежащіе обществамъ и частнымъ лицамъ, считаются средствами, могущими служить цѣлямъ войны, и оккупаціонная армія можетъ не оставлять ихъ въ распоряженіи непріятеля. При заключеніи мира, подвижной составъ желѣзныхъ дорогъ, телеграфы, пароходы и другія вышеуказанныя суда подлежатъ возвращенію, причемъ должно быть опредѣлено и удовлетвореніе за убытки.

Статья 7.

Государство, коего войска заняли территорію, должно считать себя распорядителемъ и только имѣющимъ право пользоваться публичными зданіями, недвижимыми имуществами, лѣсами и угодьями, принадлежащими непріятельскому государству и находящимися въ занятой странѣ. Оно обязано заботиться о сохраненіи въ цѣлости этихъ имуществъ и можетъ ими распоряжаться и управлять на точномъ основаніи правилъ о пользованіи ими.

Статья 8.

Собственность общинъ, а также учрежденій религіозныхъ, богоугодныхъ, учебныхъ, художественныхъ и ученыхъ заведеній, хотя бы и принадлежащихъ государству, должна быть уважаема наравнѣ съ частною собственностью.

Всякій захватъ, а также умышленное разрушеніе или поврежденіе подобныхъ учрежденій, памятниковъ, художественныхъ и научныхъ произведеній преслѣдуются подлежащею властью.

Кто долженъ быть признаваемъ воюющею стороною. Сражающіеся и несражающіеся (combattants et non-combattants).

Статья 9.

Военные законы, права и обязанности присвоиваются не только арміи, но также ополченіямъ и отрядамъ волонтеровъ, если послѣдніе соединяютъ въ себѣ нижеслѣдующія условія:

1) чтобы во главѣ ихъ находилось лицо, отвѣтственное за своихъ подчиненныхъ;

2) чтобы имъ было присвоено извѣстное форменное и притомъ легко различаемое отличіе;

3) чтобы они открыто носили оружіе, и

4) чтобы въ своихъ военныхъ дѣйствіяхъ строго подчинялись законамъ и обычаямъ войны.

Въ тѣхъ странахъ, гдѣ изъ ополченія образуется армія, или гдѣ оно составляетъ часть оной, ополченію присвоивается названіе арміи.

Статья 10.

Населеніе незанятой территоріи, которое, въ виду приближенія непріятеля, добровольно вооружится для отраженія нападающаго войска и которое не имѣло еще времени организоваться, согласно ст. 9, должно быть признаваемо воюющею стороною, если только оно будетъ соблюдать законы и обычаи войны.

Статья 11.

Вооруженныя силы воюющихъ сторонъ могутъ состоять изъ сражающихся и несражающихся (combattants et non-combattants). Въ случаѣ взятія въ плѣнъ, какъ тѣ, такъ и другіе должны пользоваться правами, предоставленными военноплѣннымъ.

О средствахъ нанесенія вреда непріятелю.

Статья 12.

Законы войны не признаютъ за воюющими сторонами неограниченной власти въ выборѣ средствъ нанесенія другъ другу вреда.

Статья 13.

На этомъ основаніи *запрещается*:

1) Употребленіе яда или отравленнаго оружія.

2) Вѣроломное убійство лицъ, принадлежащихъ къ составу непріятельской арміи.

3) Убійство непріятеля, который, положивъ оружіе или не имѣя болѣе возможности защищаться, безусловно сдается.

4) Объявленіе о томъ, что никому не будетъ дано пощады.

5) Употребленіе оружія, снарядовъ и веществъ, причиняющихъ напрасныя физическія страданія, а также употребленіе разрывныхъ пуль, запрещенныхъ С.-Петербургскою декларацією 1868 года.

6) Злоупотребленіе парламентерскимъ и національнымъ флагами, военными знаками или форменной одеждой непріятеля, а равно отличительными знаками, установленными Женевскою конвенціею.

7) Всякое разрушеніе и захватъ собственности непріятеля, не вызванные крайнею военною необходимостью.

Статья 14.

Военныя хитрости и употребленіе необходимыхъ способовъ къ полученію свѣдѣній о непріятелѣ и о занимаемой имъ мѣстности (кромѣ случаевъ, указанныхъ въ ст. 36) почитаются позволительными и *законными*.

Объ осадѣ и бомбардированіи.

Статья 15.

Только одни укрѣпленныя мѣста могутъ подлежать осадѣ. Открытые и незащищаемые города, поселенія и деревни не подлежатъ ни атакѣ ни бомбардированію.

Статья 16.

Если же городъ, военное укрѣпленіе, поселеніе или деревня защищаются, командующій осаждающими войсками, прежде чѣмъ приступить къ бомбардированію, обязанъ принять всѣ отъ него зависящія мѣры, къ предупрежденію городскихъ властей о своемъ намѣреніи, исключая случаи, когда онъ имѣетъ въ виду сдѣлать нападеніе врасплохъ.

Статья 17.

Во время бомбардированія должно принимать всѣ зависящія мѣры для пощады, сколько возможно, церквей, художественныхъ, научныхъ и человѣколюбивыхъ сооруженій, госпиталей и другихъ пунктовъ, назначаемыхъ для сбора больныхъ и раненыхъ, если только послѣдніе не употребляются въ то же время и для достиженія какихъ либо военныхъ цѣлей.

Осажденные же обязываются обозначить эти сооруженія посредствомъ особыхъ видимыхъ знаковъ, которые должны быть заблаговременно указаны непріятелю.

Статья 18.

Городъ, взятый приступомъ, не можетъ быть отданъ на разграбленіе войскамъ,

О лазутчикахъ (шпіонахъ).

Статья 19.

Лазутчикомъ можетъ быть признаваемо только такое лицо, которое, дѣйствуя тайнымъ образомъ и подъ раз-

ными ложными предлогами, собираетъ или только еще старается собрать свѣдѣнія въ мѣстности, занятой непріятелемъ, съ намѣреніемъ объ открытомъ донести противной сторонѣ.

Статья 20.

Лазутчикъ, пойманный при совершеніи преступленія, подлежитъ преданію суду и взысканію на основаніи военныхъ законовъ, дѣйствующихъ въ арміи, взявшей его.

Статья 21.

Шпіонъ, вернувшійся къ своей арміи и впослѣдствіи захваченный непріятелемъ, обращается въ военноплѣннаго, и не подлежитъ никакой отвѣтственности за свой прежній проступокъ.

Статья 22.

Военныя лица, проникнувшія въ предѣлы дѣйствій непріятельскихъ войскъ, съ цѣлью собиранія свѣдѣній, не считаются шпіонами, если ихъ можно было распознать въ качествѣ военныхъ.

Равнымъ образомъ, не должны быть признаваемы шпіонами: военныя лица (а также и невоенныя, но открыто исполняющія свою обязанность), посланныя для передачи депешъ какъ своей, такъ и непріятельской арміи, въ случаѣ, если бы эти лица были захвачены непріятелемъ.

Къ той же категоріи принадлежатъ и лица, захваченныя на воздушныхъ шарахъ, посылаемыя для передачи депешъ и вообще для поддержанія сношеній между различными частями войскъ или территоріи.

О военноплѣнныхъ.

Статья 23.

Военноплѣнные признаются законными обезоруженными непріятелями.

Они находятся во власти непріятельскаго правительства, но не лицъ или отрядовъ, взявшихъ ихъ въ плѣнъ.

Обращаться съ ними слѣдуетъ человѣколюбиво.

Всякое нарушеніе ими подчиненія можетъ вызвать принятіе относительно ихъ необходимыхъ мѣръ строгости.

Всякое имущество, лично имъ принадлежащее, за исключеніемъ оружія, какъ собственность, не подлежитъ отобранію отъ нихъ.

Статья 24.

Военноплѣнные могутъ быть водворяемы въ какомъ-либо городѣ, крѣпости, лагерѣ или мѣстности, съ обязанностью не отлучаться далѣе опредѣленныхъ границъ; но содержать ихъ въ мѣстахъ заключенія можно не иначе, какъ въ видахъ необходимой безопасности.

Статья 25.

Военноплѣнные могутъ быть употребляемы на нѣкоторыя общественныя работы, не имѣющія прямаго отношенія къ дѣйствіямъ, происходящимъ на театрѣ войны, съ тѣмъ, чтобы работы эти не были изнурительны и унизительны для военнаго ихъ чина, буде они принадлежатъ къ арміи, или для ихъ офиціальнаго и общественнаго положенія, если они не входятъ въ ея составъ.

Равнымъ образомъ, они могутъ заниматься разными промыслами и другими частными работами, подчиняясь правиламъ и распоряженіямъ, могущимъ быть изданными на сей предметъ военною властью.

Заработанныя ими деньги должны служить средствомъ къ улучшенію ихъ содержанія, или же будутъ имъ выплачиваемы при освобожденіи. Въ этомъ случаѣ расходы по содержанію ихъ могутъ быть удержаны изъ причитающейся имъ суммы вознагражденія.

Статья 26.

Военноплѣнные никакими способами не могутъ быть принуждаемы къ принятію какого-либо участія въ продолжающихся военныхъ дѣйствіяхъ.

Статья 27.

Правительство, во власти коего находятся военноплѣнные, принимаетъ на себя ихъ содержаніе.

Условія содержанія военноплѣнныхъ могутъ быть устанавливаемы по взаимному соглашенію воюющихъ сторонъ.

Въ случаѣ несуществованія соглашенія по сему предмету признается общимъ правиломъ, чтобы военноплѣнные относительно пищи и одѣянія были довольствуемы наравнѣ съ войсками правительства, взявшаго ихъ въ плѣнъ.

Статья 28.

Военноплѣнные подчиняются законамъ и постановленіямъ, дѣйствующимъ въ арміи, во власти коей они находятся.

Въ случаѣ бѣгства военноплѣннаго, дозволяется употребленіе противъ него оружія, если только онъ не подчинится требованію о возвращеніи. Въ случаѣ поимки, онъ подлежитъ дисциплинарному взысканію или болѣе строгому надзору.

Въ случаѣ, если, послѣ удачнаго совершенія побѣга, военноплѣнный впослѣдствіи снова будетъ взятъ въ плѣнъ, онъ не подлежитъ никакому взысканію за свой прежній побѣгъ.

Статья 29.

Каждый военноплѣнный обязанъ по требованію объявить свой настоящій чинъ и имя и, въ случаѣ нарушенія этого правила, можетъ подлежать ограниченію преимуществъ, предоставленныхъ военноплѣннымъ той категоріи, къ которой онъ принадлежитъ.

Статья 30.

Обмѣнъ военноплѣнныхъ опредѣляется по взаимному соглашенію воюющихъ сторонъ.

Статья 31.

Военноплѣнные могутъ быть освобождаемы на честное слово, если только это имъ дозволяется законами ихъ страны, и, въ такомъ случаѣ, они обязаны, подъ отвѣтственностью своей личной чести, добросовѣстно выполнять какъ въ отношеніи собственнаго правительства, такъ и въ отношеніи правительства, взявшаго ихъ въ плѣнъ, всѣ принятыя ими на себя обязательства.

При этомъ ихъ собственное правительство не должно ни требовать, ни принимать отъ нихъ услугъ, противныхъ данному ими честному слову.

Статья 32.

Военноплѣннаго нельзя принудить къ принятію освобожденія на честное слово, равно какъ и непріятельское правительство не обязывается непремѣнно соглашаться на просьбу военноплѣннаго о таковомъ освобожденіи.

Статья 33.

Всякій военноплѣнный, освобожденный на честное слово и снова взятый съ оружіемъ въ рукахъ противъ правительства, въ отношеніи коего онъ обязался честію, можетъ подлежать лишенію правъ, предоставляемыхъ военноплѣннымъ, и преданію военному суду.

Статья 34.

Равнымъ образомъ могутъ быть сдѣланы военноплѣнными и тѣ лица, кои, состоя при войскахъ, тѣмъ не менѣе не входятъ въ дѣйствительный составъ ихъ, какъ-то: корреспонденты журналовъ, маркитанты, под-

рядчики и т. п. Но эти лица должны быть снабжены отъ подлежащей власти разрѣшеніемъ состоять при войскахъ и удостовѣреніемъ въ личности.

О больныхъ и раненыхъ.

Статья 35.

Обязанности воюющихъ сторонъ въ отношеніи ухода за больными и ранеными воинами опредѣляются Женевскою конвенціею 22-го августа 1864 года, если только послѣдняя не подвергнется измѣненіямъ.

О военной власти по отношенію къ частнымъ лицамъ.

Статья 36.

Населеніе занятой территоріи не можетъ быть принуждаемо къ принятію участія въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ своей страны.

Статья 37.

Населеніе занятой территоріи не можетъ быть также принуждаемо къ принятію присяги въ постоянномъ подданствѣ непріятельскому государству.

Статья 38.

Честь и семейныя отношенія, жизнь и собственность частныхъ лицъ, равно какъ и ихъ религіозныя убѣжденія и исполненіе обрядовъ своего вѣроисповѣданія должны быть уважаемы непріятелемъ.

Частная собственность не можетъ подлежать конфискаціи.

Статья 39.

Положительно воспрещается разграбленіе частнаго имущества.

О контрибуціяхъ и реквизиціяхъ.

Статья 4

Собственность частныхъ лицъ должна быть уважаема; поэтому непріятель можетъ требовать отъ общинъ, а также и жителей платежа налоговъ и исполненія повинностей, только вполнѣ соотвѣтствующихъ дѣйствительнымъ общепринятымъ нуждамъ войны, соразмѣрныхъ со средствами страны и не вынуждающихъ населеніе къ принятію участія въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ своего отечества.

Статья 41.

При взиманіи контрибуцій, налагаемыхъ — или въ суммѣ, равной окладу податей (смотри ст. 8), или взамѣнъ слѣдующихъ съ населенія натуральныхъ повинностей, или же въ видѣ пени, — непріятель долженъ руководствоваться, насколько возможно, дѣйствующими въ занятой территоріи правилами относительно распредѣленія и раскладки податей.

Гражданское начальство законнаго правительства, если оно осталось при исполненіи своихъ обязанностей, окажетъ этому взиманію свое содѣйствіе.

Контрибуціи могутъ быть налагаемы только по распоряженію и подъ личною отвѣтственностью главнокомандующаго или высшаго гражданскаго начальства, установленнаго непріятелемъ въ занятой территоріи.

При взиманіи контрибуцій должны быть выдаваемы квитанціи лицамъ, имъ подвергшимся.

Статья 42.

Реквизиціи не иначе могутъ быть производимы, какъ по распоряженію командующаго войсками въ запятой мѣстности.

За всякую реквизицію должно быть назначено вознагражденіе или выдана установленная квитанція.

О парламентерахъ.

Статья 43.

Парламентеромъ считается лицо, уполномоченное одною изъ воюющихъ сторонъ на вступленіе въ переговоры съ другою и являющееся съ бѣлымъ знаменемъ, въ сопровожденіи трубача (горниста или барабанщика), а также и знаменосца. Правомъ личной неприкосновенности должны пользоваться какъ самъ парламентеръ, такъ и сопровождающіе его трубачъ (горнистъ или барабанщикъ) и знаменосецъ.

Статья 44.

Начальникъ войскъ, къ которому отправленъ парламентеръ, не обязанъ принимать его всегда и при всѣхъ условіяхъ. Ему предоставляется принимать всѣ нужныя мѣры къ тому, чтобы парламентеръ не воспользовался своимъ пребываніемъ въ лагерѣ непріятеля во вредъ послѣднему, и если парламентеръ окажется виновнымъ въ злоупотребленіи этимъ довѣріемъ къ нему, то начальникъ войскъ пользуется правомъ временно его задержать. Независимо отъ сего ему предоставляется заранѣе объявить о томъ, что въ теченіе извѣстнаго срока онъ не приметъ никакихъ парламентеровъ. Послѣ такого объявленія парламентеры, отправляемые къ непріятелю стороною, поставленною о томъ въ извѣстность, не пользуются уже правомъ на личную неприкосновенность.

Статья 45.

Если самымъ положительнымъ и несомнѣннымъ образомъ будетъ доказано, что парламентеръ воспользовался

своимъ привилегированнымъ положеніемъ для подстрекательства къ измѣнѣ и для совершенія оной, то онъ лишается правъ на личную неприкосновенность.

О капитуляціи.

Статья 46.

Условія капитуляціи опредѣляются договорами воюющихъ сторонъ.

Условія эти не должны быть противны воинской чести.

Если соглашеніе состоялось, то опредѣленныя условія капитуляціи должны быть свято соблюдены обѣими сторонами.

О перемиріи.

Статья 47.

По взаимному соглашенію воюющихъ сторонъ, перемиріемъ пріостанавливаются на-время военныя дѣйствія. Если срокъ перемирія не опредѣленъ, то воюющимъ сторонамъ предоставляется во всякое время возобновить военныя дѣйствія, съ тѣмъ только, чтобы непріятель предварительно былъ объ этомъ извѣщенъ, на точномъ основаніи условія о перемиріи.

Статья 48.

Перемиріе можетъ быть общимъ или мѣстнымъ. Первое пріостанавливаетъ повсюду военныя дѣйствія воюющихъ государствъ; послѣднее только между извѣстною частью воюющихъ армій, въ предѣлахъ извѣстной мѣстности.

Статья 49.

О заключеніи перемирія надлежитъ объявлять офиціально и безъ всякаго замедленія подлежащимъ властямъ и войскамъ. Непріязненныя дѣйствія должны быть прекращены тотчасъ же по таковомъ объявленіи.

Статья 50.

Отъ договаривающихся сторонъ зависитъ опредѣлять, при какихъ условіяхъ могутъ происходить сношенія между населеніемъ занятыхъ ими областей.

Статья 51.

Нарушеніе перемирія одною изъ сторонъ даетъ право другой считать перемиріе и для себя необязательнымъ.

Статья 52.

Нарушеніе условій перемирія отдѣльными лицами, по собственной ихъ иниціативѣ, даетъ только право требовать наказанія виновныхъ въ томъ и вознагражденія понесенныхъ убытковъ, если таковые дѣйствительно произошли.

О водвореніи воюющихъ и о пользованіи раненыхъ въ странѣ нейтральной.

Статья 53.

Нейтральное государство, допуская на свою территорію войска, входящія въ составъ воюющихъ армій, обязывается водворить ихъ какъ можно далѣе отъ театра войны.

Отъ него зависитъ содержать войска въ лагеряхъ или же заключить ихъ въ крѣпостяхъ и другихъ приспособленныхъ къ тому мѣстахъ.

Отъ него же зависитъ разрѣшеніе офицерамъ оставаться на свободѣ, съ отобраніемъ отъ нихъ обязательства не отлучаться, подъ честнымъ словомъ, безъ особаго на то разрѣшенія, изъ предѣловъ нейтральной территоріи.

Статья 54.

Въ случаѣ, если не будетъ особаго о томъ соглашенія, нейтральное государство, принимающее на свою

территорію воюющіе отряды, обязано снабдить водворенныхъ продовольствіемъ, пищею, одеждою и оказывать имъ, согласно съ человѣколюбіемъ, необходимую помощь.

При заключеніи мира, расходы по водворенію войскъ должны быть возмѣщены.

Статья 55.

Нейтральное государство можетъ разрѣшать провозъ чрезъ свою территорію больныхъ и раненыхъ воиновъ, принадлежащихъ къ воюющимъ арміямъ, съ тѣмъ только ограниченіемъ, чтобы въ поѣздахъ этихъ не было перевозимо ни боевыхъ запасовъ, ни людей на пополненіе арміи.

При этомъ отъ него зависитъ принять всѣ необходимыя мѣры для обезпеченія правильности таковой перевозки и для установленія за нею надлежащаго контроля.

Статья 56.

Относительно больныхъ и раненыхъ, водворенныхъ на нейтральной территоріи, дѣйствуютъ правила, установленныя женевскою конвенціею.

Заключительный протоколъ Брюссельской конференціи 1874 года.

Созванная въ Брюсселѣ, по приглашенію правительства Его Императорскаго Величества Государя Императора Всероссійскаго, конференція для обсужденія проекта международнаго положенія о законахъ и обычаяхъ войны, при разсмотрѣніи предложеннаго на ея обсужденіе проекта, руководилась чувствами, вполнѣ соотвѣтствующими тому высокому побужденію, которое внушило созваніе оной и которое съ сочувствіемъ принято всѣми правительствами, пославшими своихъ представителей на конференцію.

Это побужденіе отчасти уже выразилось при обмѣнѣ въ 1868 г. всѣми правительствами деклараціи относительно неупотребленія разрывныхъ пуль.

Тогда единодушно было засвидѣтельствовано то мнѣніе, что развитіе цивилизаціи, насколько это возможно, вліяетъ на уменьшеніе бѣдствій, приносимыхъ войною, и что единственною законною цѣлью государствъ во время войны можетъ быть стремленіе къ ослабленію непріятеля безъ причиненія ему ненужныхъ страданій.

Эти начала встрѣтили тогда всеобщее сочувствіе. Въ настоящее время конференція, держась той же стези, присоединяется къ убѣжденію, выраженному правительствомъ Его Императорскаго Величества Государя Императора Всероссійскаго, въ томъ, что необходимо сдѣлать шагъ еще далѣе въ дѣлѣ пересмотра законовъ и обычаевъ войны, съ цѣлью болѣе точнаго ихъ опредѣленія, или же въ видахъ указанія, съ общаго согласія, извѣстныхъ предѣловъ, ограничивающихъ, насколько это возможно, суровости войны.

Подчиненная такимъ условіямъ, война повлечетъ за собою менѣе бѣдствій и предотвратитъ усиленіе жестокостей, порождаемыхъ отсутствіемъ руководительныхъ правилъ, неожиданностью и страстями, возбуждаемыми борьбой; такимъ образомъ, война успѣшнѣе можетъ привести къ ея конечной цѣли, т. е. къ возобновленію добрыхъ отношеній и къ заключенію между воюющими сторонами болѣе прочнаго и продолжительнаго мира.

Конференція полагала, что на эти человѣколюбивыя стремленія всего успѣшнѣе можно отвѣтить только воодушевившись ими при разсмотрѣніи проекта, переданнаго на ея обсужденіе. Измѣненія, введенныя въ этотъ проектъ, а также примѣчанія, заявленія и отдѣльныя мнѣнія, занесенныя представителями въ протоколы, сообразно съ инструкціями и видами ихъ правительствъ, а также съ ихъ личными убѣжденіями, составляютъ со-

вокупность работъ конференціи. Конференція считаетъ возможнымъ представить на благоусмотрѣніе правительствъ, ее уполномочившихъ, свой трудъ, какъ добросовѣстное изслѣдованіе, могущее послужить основаніемъ къ послѣдующему обмѣну мыслей и къ развитію опредѣленій, постановленныхъ женевскою конференціею 1864 г. и с.-петербургскою декларацією 1868 года.

Затѣмъ, отъ самихъ правительствъ должно зависѣть опредѣленіе всего того, что изъ этого труда можетъ сдѣлаться предметомъ общаго соглашенія, и также и того что потребуетъ болѣе тщательнаго изслѣдованія.

Въ заключеніе конференція считаетъ нужнымъ высказать свое убѣжденіе, что, во всякомъ случаѣ, ея пренія бросили свѣтъ на эти важные вопросы, коихъ разрѣшеніе, если бы оно состоялось посредствомъ всеобщаго соглашенія, составило бы дѣйствительное преуспѣяніе для человѣчества.

Брюссель, 27-го августа 1874 г.

Тайный совѣтникъ баронъ *А. Жомини.*
Генералъ-маіоръ *Г. Лееръ.*
Надворный совѣтникъ *Мартенсъ.*
Генералъ-маіоръ фонъ *Фойгтсъ-Рецъ.*
Генералъ-маіоръ фонъ-*Леонродъ.*
Маіоръ баронъ фонъ-*Велькъ.*
Статскій совѣтникъ баронъ *Содент.*
Д-ръ *Блюнчли.*
Баронъ *Шенфельдъ*, генералъ-маіоръ.
Фанъ *Лансберге.*
Фанъ-деръ *Шрикъ.*
д'Антасъ.
Генералъ *Пальмейримъ.*
Стаафъ.
Баронъ *Ламбермонъ.*
Шарль-Федэръ.
Моккель.
Веделъ.
Полковникъ *Брунъ.*
Герцогъ *Тетуанъ.*
Генералъ *Серверт.*
Контръ-адмиралъ *де-ла-Пеццуэла.*
Баронъ *Бодъ.*
Генералъ *Арнодо.*
Горсфордъ, генералъ-маіоръ.
Манось.
Альбертъ Бланкъ.
Графъ *Ланца.*
Гаммеръ, швейцарскій полковникъ.
Каратеодори.
Эдхемъ.

№ 3.

Указъ Правительствующаго Сената

отъ 12 мая 1877 года.

Въ виду возникшей между Россіею и Турціею войны, Государь Императоръ повелѣть соизволилъ всѣмъ военнымъ и гражданскимъ властямъ, присутственнымъ мѣстамъ и лицамъ, до кого сіе касаться можетъ, во время нынѣшнихъ военныхъ дѣйствій, руководствоваться нижеслѣдующими правилами какъ въ отношеніи непріятеля и его подданныхъ, равно и въ отношеніи нейтральныхъ государствъ и ихъ подданныхъ:

I. Подданнымъ Турціи разрѣшается продолжать во время войны свое пребываніе и свои мирныя занятія въ предѣлахъ Имперіи подъ защитою дѣйствующихъ законовъ.

II. Относительно турецкихъ купеческихъ судовъ, застигнутыхъ объявленіемъ войны въ русскихъ портахъ и гаваняхъ, подтверждается правило, на основаніи котораго имъ было дозволено свободно выходить въ море въ продолженіи времени, достаточнаго для нагрузки товаровъ не составляющихъ военной контрабанды.

III. Подданные нейтральныхъ государствъ безпрепятственно могутъ продолжать торговыя сношенія съ рус-

скими портами и городами, подъ условіемъ соблюденія законовъ Имперіи и началъ международнаго права.

IV. Военныя власти обязаны принимать всѣ мѣры съ цѣлью обезпечить свободу законной торговли нейтральныхъ, насколько она допускается условіями военныхъ дѣйствій.

V. На основаніи Парижской декларації 4-го (16-го) апрѣля 1856 г., каперство считается отмѣненнымъ и выдача каперскихъ свидѣтельствъ (lettres de marque) на имя частныхъ лицъ запрещается. Сверхъ того, согласно этой декларації, въ отношеніи нейтральной торговли должны быть соблюдаемы слѣдующія правила:

1) нейтральный флагъ покрываетъ непріятельскій грузъ, за исключеніемъ военной контрабанды;

2) нейтральные товары, за исключеніемъ военной контрабанды, не подлежатъ захвату подъ непріятельскимъ флагомъ;

3) блокада, для того чтобы считаться обязательною, должна быть дѣйствительна, т. е. она должна быть поддерживаема достаточными военными силами для дѣйствительнаго прекращенія доступа къ непріятельскому берегу. Эти постановленія Парижской декларації подлежатъ исполненію въ отношеніи всѣхъ державъ, не исключая и Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ и Испаніи, хотя обѣ эти державы до сихъ поръ къ нимъ не приступили.

VI. Въ виду приведенныхъ постановленій Парижской декларації и интересовъ нейтральной торговли, военную контрабанду составляютъ слѣдующіе предметы: всякаго рода *оружіе*, ручное и артиллерійское, какъ въ собранномъ видѣ, такъ и въ частяхъ; всякаго рода *огнестрѣльныя принадлежности и припасы*, какъ то: орудійные снаряды, гранатныя трубки, пули, капсюли, патроны, патронныя гильзы, порохъ, селитра, сѣра; *предметы или принадлежности для взрывовъ*, какъ то: мины, тор-

педы, динамитъ, пироксилинъ и другіе взрывчатые составы; *принадлежности артиллерійскихъ, инженерныхъ и войсковыхъ обозовъ*, какъ то: лафеты, станки, патронные и зарядные ящики или вьюки, полевыя кузницы, полевыя кухни, инструментальныя повозки, понтоны, мостовые козлы, обозная упряжь и пр.; *предметы войсковаго снаряженія и обмундированія*, какъ то: сумы, патронташи, ранцы, перевязи, кирасы, шанцевый инструментъ, барабаны, котелки, сѣдла, конскій уборъ, готовая форменная одежда, палатки и пр. и вообще *всѣ другіе предметы*, непосредственно предназначенные для войны, какъ сухопутной, такъ и морской. Всѣ эти вещи, застигнутыя на нейтральныхъ судахъ, могутъ быть захватываемы и конфискуемы, если онѣ предназначены въ непріятельскій портъ, исключая только количества этихъ вещей, потребнаго для самаго нейтральнаго судна.

VII. Наравнѣ съ торговлею военною контрабандою должны считаться слѣдующія недозволенныя дѣйствія нейтральныхъ: перевозка непріятельскихъ войскъ, непріятельскихъ депешъ и переписки, поставка и подвозъ непріятелю военныхъ судовъ. Нейтральныя суда, застигнутыя съ подобнаго рода военною контрабандою, могутъ быть, смотря по обстоятельствамъ, не только захватываемы, но и конфискуемы.

VIII. Во время военныхъ дѣйствій, происходящихъ на рѣкѣ Дунаѣ и на ея берегахъ, высшее начальство дѣйствующей арміи обязано принимать всѣ зависящія отъ него мѣры для того, чтобы не препятствовать, насколько возможно, судоходству и законной торговлѣ нейтральныхъ на этой рѣкѣ, подвергая ихъ только такимъ временнымъ стѣсненіямъ, которыя являются неизбѣжными послѣдствіями войны и должны быть отмѣнены въ возможно скорѣйшемъ времени.

IX. Военное начальство окажетъ, кромѣ того, особенное покровительство сооруженіямъ, работамъ и личному

персоналу Европейской Дунайской Коммисіи, находящимся подъ защитою ея особеннаго нейтральнаго флага.

X. Согласно Женевской конвенціи 10-го (22-го) августа 1864 года относительно раненыхъ и больныхъ воиновъ, начальство дѣйствующихъ армій обязано уважать постановленія ея относительно неприкосновенности непріятельскихъ госпиталей, походныхъ лазаретовъ и врачебнаго персонала, подъ условіемъ соблюденія взаимности со стороны непріятеля.

Примѣчаніе. По принятіи турецкимъ правительствомъ съ предварительнаго соглашенія Россіи, вмѣсто Женевскаго флага съ Краснымъ Крестомъ, особеннаго отличительнаго знака для своихъ госпиталей и лазаретовъ, начальство дѣйствующихъ армій приметъ всѣ необходимыя мѣры для охраненія неприкосновенности зданій, помѣщеній и лицъ, находящихся подъ защитою этого особеннаго отличительнаго знака, согласно Женевской конвенціи, если всѣ постановленія послѣдней будутъ соблюдаемы турецкими властями.

XI. На основаніи Петербургской декларації 29-го ноября (11-го декабря) 1868 года, употребленіе снарядовъ вѣсомъ меньше 400 граммъ, имѣющихъ свойство разрывныхъ и начиненныхъ воспламенительными веществами, безусловно запрещается.

XII. Въ виду смягченія бѣдствій войны и съ цѣлью согласовать, по мѣрѣ возможности и подъ условіемъ взаимности, военныя дѣйствія съ требованіями человѣколюбія, военное начальство не приминетъ сообразоваться въ своихъ распоряженіяхъ съ общимъ духомъ началъ, выставленныхъ Брюссельскою конференціею 1874 г., на сколько они примѣнимы по отношенію къ Турціи и согласны съ особенною цѣлью настоящей войны.

№ 4.

Декларація Института международнаго права

отъ 12-го сентября 1877 года *).

Собранный въ обычное свое засѣданіе въ Цюрихѣ, Институтъ международнаго права объявляетъ, что онъ одобряетъ и вполнѣ подтверждаетъ „Воззваніе къ воюющимъ сторонамъ и къ прессѣ", опубликованное отъ его имени черезъ его бюро 28-го прошлаго мая.

Проникнутый мыслію, послужившею поводомъ къ этому воззванію, Институтъ считаетъ невозможнымъ закрыть нынѣшнее засѣданіе, не поднявъ снова голоса за право и гуманность. Рѣшившись, однако, ограничиться подобающею ему ролью, Институтъ не подаетъ коллективнаго мнѣнія ни о событіяхъ, вызвавшихъ настоящую войну между Россіею и Турціею, ни о мѣрахъ къ удовлетворенію, посредствомъ трактатовъ, законныхъ интересовъ, затронутыхъ нынѣшнею войною. Собраніе Института считаетъ полезнымъ заняться не задачами политики или дипломатіи, а положительнымъ международнымъ правомъ и обязательными для всѣхъ законами

---

*) Изъ «*Прав. Вѣстника*» за 1877 годъ, № 216.

войны, въ особенности точно опредѣленными въ его воззваніи отъ 28-го мая, ихъ признаніемъ и примѣненіемъ. Но и въ этихъ ограниченныхъ предѣлахъ оно воздержится отъ всякой оцѣнки, не основанной на неопровержимыхъ доказательствахъ.

Какъ та, такъ и другая изъ воюющихъ сторонъ упрекаютъ другъ друга въ несоблюденіи законовъ войны. Каждый день приноситъ намъ подробные разсказы о новыхъ ужасахъ. Къ сожалѣнію, если нельзя отрицать дѣйствительности этихъ дѣяній, постыдныхъ для нашего вѣка и заставляющихъ опасаться за будущее, то съ этимъ вмѣстѣ нѣтъ никакой возможности открыть истину о каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Поэтому задачею Института не можетъ быть изслѣдованіе, возрастающихъ съ каждымъ днемъ въ числѣ, пристрастныхъ разсказовъ. Но есть другой вопросъ, которымъ общество юристовъ, основанное для развитія международнаго права, обязано задаться и который оно имѣетъ возможность рѣшить. Вопросъ этотъ заключается въ разсмотрѣніи того, въ какой степени воюющими сторонами приняты были мѣры къ возможному ознакомленію ихъ армій съ законами войны и къ соблюденію ими этихъ законовъ.

Вотъ что было сдѣлано въ этомъ отношеніи:

Почти одновременно съ изданіемъ „Воззванія къ воюющимъ сторонамъ и къ прессѣ“, Императорскимъ русскимъ указомъ отъ 12-го (24-го) мая 1877 года было предписано всѣмъ гражданскимъ и военнымъ властямъ Россійской имперіи соблюденіе не только женевской конвенціи 1864 года и с.-петербургской декларації 1868 года, но также и началъ, провозглашенныхъ брюссельскою конференціею 1874 года.

Съ этими самыми конвенціями и началами были ознакомлены русскія войска посредствомъ нѣкотораго рода военнаго катехизиса, въ видѣ вопросовъ и отвѣтовъ, опубликованнаго 1-го (13-го) іюня 1877 года въ

русскомъ „Военномъ Сборникѣ“, офиціальномъ органѣ военнаго министерства. Эта публикація была выпущена въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ экземпляровъ и распространена въ дѣйствующей арміи.

Наконецъ русское правительство опубликовало 2-го (14-го) іюля 1877 года „Временное положеніе о военноплѣнныхъ“, которое въ видѣ обязательныхъ предписаній для его армій, утверждаетъ самыя гуманныя правила международнаго права.

Въ виду этихъ дѣйствій, свидѣтельствующихъ по крайней мѣрѣ объ усиліяхъ, употребленныхъ Россіею для того, чтобы отнять у своихъ солдатъ всякій предлогъ отзываться невѣдѣніемъ, и предложить имъ соблюденіе законовъ войны, какъ входящее въ кругъ ихъ воинскихъ обязанностей,—Институтъ, къ сожалѣнію, обязанъ засвидѣтельствовать, что ни одинъ офиціальный актъ, исходившій отъ турецкаго правительства, не имѣлъ предметомъ ознакомить точнымъ образомъ турецкія войска съ обычнымъ правомъ, т.-е. съ постановленіями этого права, изложенными въ проектѣ брюссельской декларации.

Можно ли по крайней мѣрѣ сказать противное относительно положительнаго права, т.-е. женевской конвенціи? Къ сожалѣнію нѣтъ.

Самый тектъ этого договора въ первый разъ былъ переведенъ на турецкій языкъ лишь вслѣдствіе представленія нѣкоторыхъ нейтральныхъ державъ, подписавшихъ означенную конвенцію. Можно смѣло утверждать, что турецкія войска не знали своихъ обязанностей въ этомъ отношеніи, ибо мы видимъ, что само турецкое правительство ошибалось въ этомъ случаѣ. Такъ, въ депешѣ министра иностранныхъ дѣлъ Сафвета-паши къ швейцарскому союзному совѣту, отъ 16-го ноября 1876 г., встрѣчается слѣдующая фраза: „подписывая женевскую конвенцію, Турція обязалась уважать военно-походные

лазареты общества Краснаго Креста и оказывать имъ свое покровительство и въ то же время пріобрѣтала право учреждать съ своей стороны общества, преслѣдующія ту же цѣль и руководящіяся тѣми же правилами". Извѣстно, что въ конвенціи 1864 года вовсе нѣтъ рѣчи о подобнаго рода обществахъ. Точно также надо удивляться тому, что Порта, подписавшая женевскую конвенцію еще 5-го іюля 1865 года, и негласно утверждавшая ее молчаніемъ своихъ представителей въ Брюсселѣ въ 1874 г., замѣтила лишь въ исходѣ 1876 г., что Красный Крестъ „заживо задѣваетъ мусульманскихъ солдатъ" (см. означ. депешу 16-го ноября).

Правда, что турецкое правительство, начавъ собственною властью замѣнять въ своихъ военно-походныхъ лазаретахъ Красный Крестъ полумѣсяцемъ, 13-го іюля 1877 г., въ другой депешѣ къ швейцарскому союзному правительству, утверждаетъ, что оттоманскимъ войскамъ предписано формальною инструкціею уважать „Красный Крестъ" русскихъ войскъ.

Институтъ, съ удовольствіемъ усматривая въ этомъ признаніе международнаго обязательства, къ сожалѣнію не знаетъ ни содержанія, ни времени изданія означенной инструкціи. Впрочемъ, Институтъ не можетъ не упомянуть о томъ, что, спустя болѣе двухъ мѣсяцевъ послѣ депеши отъ 13-го іюля, Германія и нѣкоторыя изъ другихъ державъ, участвующихъ въ женевской конвенціи, были поставлены въ необходимость напомнить Турціи насчетъ несоблюденія ею договоренныхъ обязательствъ.

Институту нѣтъ надобности входить въ разбирательство вопроса, имѣетъ ли одна изъ воюющихъ сторонъ въ виду нарушеніе законовъ войны или допущеніе нарушенія оныхъ своимъ войскомъ. Но помимо вопроса о добросовѣстности, существуетъ другой вопросъ объ отвѣтственности, которая можетъ возникнуть или отъ упу-

щенія въ преподаніи войскамъ надлежащихъ указаній, или отъ употребленія въ дѣло дикихъ ордъ, неспособныхъ къ веденію правильной войны. Государствамъ, называющимся цивилизованными и принадлежащимъ къ союзу европейскихъ державъ, слѣдуетъ совершенно отказаться отъ подобныхъ союзниковъ. Правительство, которое было бы имъ обязано своими побѣдами, тѣмъ самымъ поставило бы себя внѣ международнаго права. Оно сдѣлалось бы отвѣтственнымъ за всѣ дурные инстинкты, имъ не сдержанные, и за варварскіе поступки, противъ которыхъ имъ не принято было надлежащихъ мѣръ.

Поэтому Институтъ не могъ бы признать заслуживающимъ уваженія то оправданіе, которое переносило бы на иррегулярныя войска, башибузуковъ, черкесовъ, курдовъ и другихъ, отвѣтственность за доказанныя жестокости.

Если эти войска совершенно неспособны вести войну какъ существа гуманныя и разумныя, то одно ихъ употребленіе, какъ издавна уже единогласно признано писателями, составляетъ явное нарушеніе законовъ войны. Если не существуетъ этой безусловной неспособности, то воюющей сторонѣ, пользующейся ихъ службою, надлежитъ установить порядокъ сей послѣдней.

Указывая на эти злоупотребленія и протестуя противъ ихъ возобновленія, Институтъ вовсе не желаетъ усиливать разногласія и вызывать безполезныя репрессаліи. Одушевляемый пламенною любовью къ миру и правосудію, Институтъ желаетъ единственно воспользоваться тѣмъ вліяніемъ, которымъ онъ обязанъ своею организаціею, своему прошедшему и спеціальнымъ изслѣдованіямъ членовъ для указанія тѣхъ мѣръ, которыя, по его мнѣнію, могли бы не допускать, чтобы нынѣшнія войны представляли, на ряду съ самыми доблестными примѣрами мужества, патріотизма, человѣколюбія, унизительное зрѣлище дикости и звѣрства, доведенныхъ до крайнихъ предѣловъ.

Въ этомъ духѣ Институтъ выражаетъ слѣдующія желанія:

1) Чтобы въ видѣ пополненія дѣла, начатаго въ Брюсселѣ въ 1874 году, и согласно заключеніямъ, принятымъ Институтомъ въ Гаагѣ въ 1875 году, всѣ государства обязались договорами соблюдать извѣстные законы и обычаи войны.

2) Чтобы законы и обычаи войны, которые будутъ формулированы договорами, тѣмъ самымъ были признаваемы состоящими подъ охраною всѣхъ въ совокупности европейскихъ государствъ, и чтобы сіи послѣднія, въ видахъ установленія вѣрныхъ понятій, развивали учрежденія военныхъ агентовъ, обязанныхъ сопровождать воюющія арміи и доносить своимъ правительствамъ объ усмотрѣнныхъ ими важныхъ нарушеніяхъ законовъ войны. Въ этомъ смыслѣ отличный примѣръ представляетъ публикація великобританскимъ правительствомъ донесеній полковника Веллеслея.

3) Чтобы правительства принимали всѣ необходимыя мѣры для ознакомленія всѣхъ, состоящихъ на ихъ службѣ офицеровъ и солдатъ, съ этими законами и обычаями войны.

4) Чтобы въ видѣ практической мѣры, обезпечивающей выполненіе спеціальныхъ инструкцій, получаемыхъ по крайней мѣрѣ корпусными командирами, было принято: дабы каждый офицеръ, до выступленія въ походъ, подписывалъ протоколъ въ удостовѣреніе того, что наказъ касательно законовъ и обычаевъ войны былъ ему прочтенъ и что сверхъ того онъ получилъ экземпляръ этого наказа.

За Институтъ международнаго права:

Подписали: Президентъ *Э. де-Ларіё.*

Вице-президенты: *І. К. Блюнчли.*
Т. М. К. Ассеръ.

Генеральный секретарь: *Г. Ролэнъ Жакмэнъ.*

ЛИТИЧЕСКОЙ
ЛАМЕНТЫ.